

Владислав

КРАПИВИН

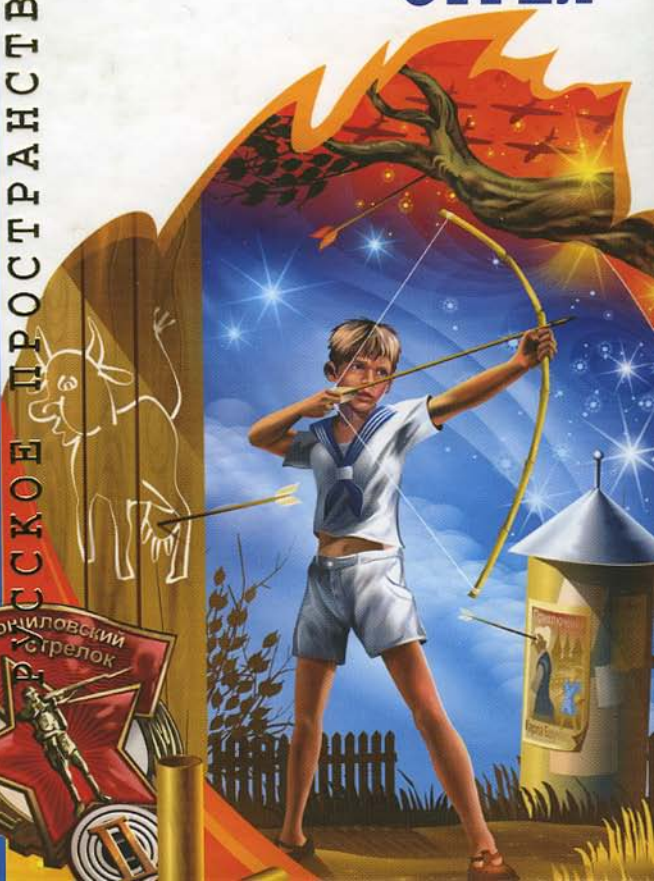
АЛЫЕ ПЕРЬЯ
СТРЕЛ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ :

РОССИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

МММ

Владислав
КРАПІВИН

Владислав

КРАПИВИН

ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОВЫХ ПОРУЧЕНИЙ
ДЫРЧАТАЯ ЛУНА
ЛУЖАЙКИ, ГДЕ ПЛЯШУТ СКВОРЕЧНИКИ
ПОРТФЕЛЬ КАПИТАНА РУМБА
ГОЛУВЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ
В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА
СКАЗКИ О РЫБАКАХ И РЫБКАХ
СИНИЙ ТРЕУГОЛЬНИК
МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ
ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ОСАДА...
ЗВЕЗДЫ ПОД ДОЖДЕМ
МУШКЕТЕР И ФЕЯ
ОРАНЖЕВЫЙ ПОРТРЕТ С КРАПИНКАМИ
СТРАЖА ЛОПУХАСТЫХ ОСТРОВОВ
РЫЖЕЕ ЗНАМЯ УПРЯМСТВА
ОСТРОВА И КАПИТАНЫ
ТОПОТ ШАХМАТНЫХ ПОШАДОК
ТЕНЬ КАРАВЕЛЛЫ
СИНИЙ ГОРОД НА САДОВОЙ
ЗОЛОТОЕ КОЛЕЧКО НА ГРАНИЦЕ ТЬМЫ
ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ОРИОНА
СИНИЙ КРАВ
АЛЫЕ ПЕРЬЯ СТРЕЛ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Владислав

КРАПИВИН

АЛЫЕ ПЕРЬЯ
СТРЕЛ

Москва

2007

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 78

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

АЛЫЕ ПЕРЬЯ СТРЕЛ

Трилогия

К 78 **Крапивин В.П.**
Алые перья стрел: Повести, сценарии, очерки / В.П. Крапивин. — М.: Эксмо, 2007. — 704 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-20177-7

Остросюжетная трилогия «Алые перья стрел», написанная Владиславом Крапивиним в соавторстве со старшим братом Сергеем, рассказывает о приключениях братьев Вершининых — как до войны, так и в непростое послевоенное время.

В сборник также вошла подборка сценариев, пьес и очерков, многие из которых публикуются впервые.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-20177-7

© Крапивин В.П., 2007
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

*Памяти нашего отца —
очень мирного человека,
у которого учились
будущие снайперы*

ПРЕДИСЛОВИЕ МЛАДШЕГО СОАВТОРА

Эту трилогию мы с братом Сережей писали то садясь бок о бок и обсуждая каждую фразу, то разъезжаясь по разным городам и принимая на себя торжественное обязательство «выдать на-гора» самостоятельно столько-то глав. Надо сказать, что стиль наш был похож и потом мы иногда уже не могли вспомнить, что сочиняли порознь, а что вместе.

Писать рядом друг с другом было замечательно. Все строилось на воспоминаниях детства и юности — порой довольно драматичных, но часто озорных и жизнерадостных.

Теперь я смотрю на нашу книгу уже как бы издавека, отстраненно. Время — объективный и строгий судья. Чем больше проходит лет, тем точнее и определеннее оно расставляет акценты. Многие события и убеждения теперь принято рассматривать под иным углом зрения, нежели полвека назад. Возможно, нынешним читателям покажутся странными и наивными верность Красному знамени и стремление к подвигам у мальчишек тридцатых годов XX века (это в те-то страшные годы, когда их отцы то и дело исчезали в черных глубинах ГУЛАГа). Но жизнь — многогранна. Было страшное, а было и хорошее — крепкая дружба, ненависть к угнетателям всех сортов и окрасок, чистая вера в ясное и радостное будущее, которое непременно придет.

С верой в это будущее и шли в атаки на гитлеровцев вчерашние десятиклассники — порой без патронов, с одними штыками, а то и с голыми руками...

Можно сказать сейчас, что у тех людей в белорусской пуше, с которыми воевал Дмитрий Вершинин (и помогал ему в меру сил младший братишка), была своя правда. И было право отстаивать эту правду. Возможно, что так. Жизнь — штука многосложная, и, чтобы написать правдивую картину, черной и белой красок недостаточно. Но при всем при том правда братьев Вершининых не становится меньше, ибо замешана на ненависти к фашизму (который нынче то тут, то там вновь поднимает голову).

Поколение Вершининых было воспитано на фильмах о Граждан-

ской войне, на песнях республиканской Испании, на подвигах Зои Космодемьянской и краснодонцев, чье мужество и ясность души тогда никто не смел подвергать сомнению. Это воспитание диктовало свой образ жизни, свои критерии и непреложные истины. И книга «Алые перья стрел» — книга о детях своего времени. К тому же — написанная ими самими.

Впрочем, ни в коей мере не следует считать этот роман автобиографическим. Как в любом приключенческом произведении, авторы здесь отдали большую дань фантазии. Однако немало там и такого, что было на самом деле. Немало и реальных прототипов тех персонажей, с которыми встретится читатель. В том числе и образ отца братьев Вершининых, которому авторы посвятили свою книгу...

Возможно, сейчас, при подготовке к переизданию, мой брат кое-что пересмотрел бы в тексте, посоветовал бы сделать изменения. Один же я что-то менять не решаюсь. Не имею права. А брата нет.

Сергей умер в Белоруссии, где жил все годы после войны. Умер через полгода после Чернобыльской катастрофы от стремительно развившейся лейкемии, какая бывает после радиационного облучения. Не берусь утверждать, что здесь есть прямая связь. Врач сказал: «Это коснулось очень многих. Люди покрепче могли и перенести, а здоровье Сергея Петровича... Вы же знаете сами...»

Не было к шестидесяти годам никакого здоровья. Были за плечами сорок лет непрерывной журналистской работы. Было яростное послевоенное время в западных белорусских краях, когда приходилось спать с автоматом под подушкой и то и дело рисковать головой. Были годы редакционных будней, утомительных спецкоровских командировок, постоянной войны с дураками и бюрократами (вечный журналистский удел). Были короткие радости от удачных очерков и репортажей и долгие периоды изматывающих душу конфликтов... И какое здоровье, если на всю жизнь остались в теле осколки гранаты — той, что взорвалась совсем рядом, когда брали в лесу вражеский бункер...

Я благодарен судьбе, что у меня был (и есть!) такой брат. И есть у нас общая книга.

Владислав Крапивин

Книга первая

АЛЫЕ ПЕРЬЯ СТРЕЛ

Афишная тумба похожа была на макет крепостной башни: круглая, с остроконечной крышей и коротким шпилем, на конце которого сидел шарик. Чуть покосившись, она стояла на заросшем лопухами перекрестке. С давних времен.

Сделали тумбу, видимо, из фанеры — на каркасе из досок. А потом на фанеру стали клеить афиши. Клеили постоянно, а обдирали редко, и за долгие годы тумба покрылась крепкой броней из бумаги и клейстера. Митька, однако, надеялся, что его стрела пробьет этот панцирь.

На плече Митька нес лук. Длинный легкий лук, сделанный из расщепленной лыжной палки. Палка была бамбуковая, пустая, и в желобок Митька вложил узкую стальную полоску — для пушечной силы и упругости. Лук бил на сто шагов, а легкие тростниковые стрелы забрасывал вообще неизвестно куда. Но сейчас Митька взял только одну тяжелую стрелу с наконечником из пустой винтовочной пули.

На перекрестке было солнечно и пусто. В заросшем газоне за низким деревянным штакетником усердно трещали кузнечики. Штакетник подходил вплотную к тумбе — будто крепостной час-токол к башне. Митька шагнул через него в траву и остановился перед коричневой афишей.

На афише нарисованы были остроконечные дома и маленькие марширующие фашисты. Все — коричневой краской. А на этом фоне выделялись две главные фигуры: крючконосая тетка в длинном черном платье со стеклышком в глазу (стеклышко называлось «монокль») и мальчишка в таком же, как у Митьки, матросском костюме, только не в белом парусиновом, а голубом. Тетка — баронесса — выглядела рассерженной. А мальчишка хитро смотрел в сторону и прятал за спиной смеющуюся куколку с красной звездой на шапке. Это был немецкий пионер Карл Бруннер.

Пьеса так и называлась — «Приключения Карла Бруннера».

Митька два раза ходил на этот спектакль в летний театр сада «Спартак». И не он один, а почти все ребята из его класса. Взрос-

лым спектакль не так сильно нравился. Они говорили, что артисты эти будто бы не настоящие, а из какого-то клуба.

Ну и что? Пьеса все равно была совершенно правильная! Митька мог это полностью доказать, потому что он и книжку про Карла Бруннера читал. А то, что артисты ненастоящие, так это даже лучше. У настоящих артистов мальчишек играют женщины, а на это просто смешно смотреть. В прошлом году Митька был в городском театре на постановке «Приключения Тома Сойера», и этого Тома там изображала толстоногая тетя в штанах, похожих на футбольные трусы, и с длинными волосами, кое-как заправленными под мальчишечий парик.

А Карла Бруннера играл настоящий мальчик, такой же, как Митька! И правильно. Разве какая-нибудь тетенька сумела бы трахнуть штурмовика головой в пузо или свистеть в четыре пальца? А как этот мальчишка пел в конце пьесы знаменитую песню «Бандьера росс»! Два раза Митька был на спектакле, и оба раза весь зал подхватывал песню.

А баронесса — настоящая змея! Ну ладно...

Митька резко повернулся и пошел по высокой шелестящей траве, отмеряя дистанцию. Кузнечики зелеными брызгами кинулись в стороны.

Митька отмерил тридцать шагов. Он не сокращал их. Все по-честному, раз он сам поспорил, что засадит стрелу в башку баронессе о такого расстояния. С Виталькой Логиновым поспорил. Виталька мог бы и проверить, но не стал, потому что Митька поклялся «Алыми перьями», что не сжульничает.

А промазать Митька не боялся. Он оглянулся еще раз (нет ли поблизости прохожих?), наложил на лук стрелу и медленно потянул тетиву к губам.

Только те, кто стрелял из хорошего лука, знают эту упругую радость, когда в руках тугая сила и ты уверен в метком выстреле.

Ш-ших! Тетива больно ударила по запястью (надо бы сделать щиток на руку, да все некогда). Стрела как бы растаяла, и тут же донесся стук наконечника.

Вот это да! На такую удачу Митька и не надеялся: стрела торчала в монокле баронессы.

Митька негромко крикнул «ура!» и бросился к тумбе, пугаясь ногами в зарослях мышиноного гороха.

Все было здорово. Жаль только, что наконечник вошел не очень глубоко. Видно, слишком толстой оказалась бумажная шкура.

Но Митька знал, что делать. Ведь главное — он попал. И теперь он считал себя вправе помочь стреле. Он встал на цыпочки, дотянулся и выдернул оперенное древко из наконечника. Затем на-

гнулся, чтобы поискать обломок кирпича. Кирпичом он хотел забить наконечник поглубже и опять вставить стрелу. Так будет надежнее. Но обломка не нашлось. Митька выскочил из газона, присел перед штакетником и дернул к себе деревянную планку. Заскрипели гвозди. Митька дернул еще раз, планка оторвалась, и он сел на дощатый тротуар. Шепотом сказал:

— Муй бьен, камарадос.

По-испански это приблизительно означало: «Все в порядке, ребята».

— Муй бьен, — согласился с ним насмешливый мужской голос.

По Митьке словно ток прошел. От пяток до затылка. Предчувствуя неприятности, он медленно оглянулся. И увидел серые брезентовые сапоги. Митька начал поднимать глаза. Над сапогами он увидел синие галифе, затем синюю же гимнастерку под красноармейским ремнем, малиновые петлицы и молодое, симпатичное, но довольно безжалостное лицо милиционера.

— Безобразничает... — не то спросил, не то просто сказал милиционер.

Митька молчал. Спорить было бесполезно, соглашаться — глупо. Митька встал, машинально отряхнул штаны и с упавшим сердцем стал разглядывать сапоги милиционера.

— Ну, придется прогуляться, — сказал милиционер и почему-то вздохнул. — До отделения.

Ну отчего так получается? Только что было все хорошо, и вдруг — раз! — валится на человека беда!

Митька чувствовал: если зареветь, сказать что-нибудь вроде «дяденька, больше не буду, простите, я нечаянно», то, наверно, можно еще спастись. Но реветь и унижаться, когда у тебя в руках боевой лук и стрела с алыми перьями на хвосте, было невыносимо. Даже и не получилось бы.

— Идем, — сказал милиционер и подтолкнул Митьку в плечо. — Да не вздумай драпать.

Где уж тут драпать. У Митьки и ноги-то ослабели.

Они пошли по улице Герцена. По той самой, где он, Митька, родился и без особых несчастий прожил почти двенадцать лет. Мимо швейной мастерской, где работала мать Витальки Логинова; мимо забора, где нарисована была мелом старая лошадь, похожая на генерала Франко (Павлик Шагренев рисовал), мимо его, Митькиного, двора с двумя тополями, двухэтажным домом и флигелем.

Хорошо, что хоть знакомые не встретились. Попалась навстречу маленькая девочка с жестяным бидоном — свободная и счаст-

ливая. Протарахтел голубой автобус — в нем тоже ехали счастливые и свободные люди. А по тротуару шагал несчастный арестованный Митька.

Потом они зашагали по Садовой. «Во второе отделение ведет», — обреченно подумал Митька. Чуть повернул голову и взглянул на своего конвоира. Молодой совсем, новичок, наверно. Обрадовался, что поймал «нарушителя». Жулика или шпиона поймать не может, вот и привязался к Митьке.

Странно даже: такой парень, вроде и не злой с виду, на артиста Алейникова похож, а прицепился, как самая вредная зануда.

— Шагай-шагай, — поторопил милиционер, — не крути голову. — Подумал и добавил: — А еще, наверно, пионер...

— Ну и что... — хмуро сказал Митька.

— Ну и то. Вот узнают в школе, тогда увидишь что.

— Сейчас каникулы. Мы уже все экзамены сдали.

— Ничего, разберемся. Как фамилия?

— Сидоров.

Хоть и растерян был Митька, а сообразил: нет никакого смысла называть свою собственную фамилию.

— Имя?

— Валерий.

— Где живешь?

— На Перекопской. Дом три, — сказал Митька и с грустью вспомнил хорошего человека Валерку Сидорова, который жил раньше на Перекопской, а недавно уехал в Пензу.

— Ладно, шагай, — снова сказал милиционер.

Рядом был дощатый забор стадиона. В Митьке вдруг будто пружина сработала! Секунду назад он и не думал о бегстве, а тут вдруг кинулся к забору, подскочил, подтянулся изо всех сил, закинул ногу на кромку...

Крепкие пальцы ухватили Митьку пониже колена.

— Вы куда, гражданин Сидоров? Нам вроде бы не футбол смотреть.

Митька тяжело прыгнул в траву у тротуара.

— Странно даже, — сказал милиционер. — Шли, разговаривали... И вдруг — бац! Ведь договаривались же: не драпать.

— Ну что вам от меня надо?! Что я такого сделал?! — с провавшимися отчаянием воскликнул Митька.

— А тумбу кто дырявил? Может быть, я? Ты.

— «Дырявил!» Одна малюсенькая дырочка! Залепят — вот и все.

— Если все будут по тумбам стрелять, что получится?

— Все не будет, — безнадежно сказал Митька.

— Рейку зачем оторвал от штaketника? Разве не хулиганство?

— Я ее только на минуточку. Я потом бы опять приделал.

— Врешь, — убежденно сказал милиционер.

«Вру», — подумал Митька и сказал:

— Ничутьточки.

— Всю траву, можно сказать, в газоне вытоптал...

— Траву? Да там чертополох один, только ноги ободрал. Во! — Для убедительности Митька ухватил себя за шиколотку и подтянул вверх ногу. Царапины были похожи на след кошачьих когтей. Но милиционер не разжалобился.

— Не скажи. Больше не ускачешь.

Он взял Митьку за локоть.

— Пустите, — хмуро попросил Митька. — Я больше не побегу.

— Знаем мы это дело.

— Ну... честное пионерское, не побегу. Пустите. А то знакомые встретятся, скажут: ведут, как вора.

— Честное пионерское начал давать... А ты пионер? У тебя и галстука-то нет.

— Просто не надел сегодня. Ну вот я за значок берусь, он со звездочкой. Значит, не вру. Ну честное слово!

Митька ухватился за тяжелый значок «Ворошиловского стрелка» второй ступени, которым оттягивал левый край матроски.

— Не считается это, — возразил милиционер. — Значок-то не твой.

— Не мой?!

— А твой, что ли? Был бы хоть еще маленький, а то взрослый «Ворошиловский стрелок!» Ты голову не морочь. Такой значок заработать — это не стрелы пулять, подвергая опасности прохожих.

— Во-первых, — сипловатым от обиды голосом сказал Митька, — никого я не подвергал. Во-вторых, значок все равно мой! Вот!

Ему часто не верили, и он привык, но сейчас обида была сильная: схватил, ведет куда-то, насмехается да еще и не верит! Сам небось и стрелять не умеет как следует, хоть и нацепил кобуру с наганом.

Из нагрудного кармашка выхватил Митька сложенный вчетверо листок, уже порядком измочаленный и потертый на сгибах. С лиловой печатью Осоавиахима и подписью военрука. Это было временное удостоверение (для настоящего не нашлось корочек, обещали дать потом).

Отпечатанные на машинке слова отчетливо свидетельствовали, что «ученик пятого класса «Б» школы-десятилетки № 1 Дмитрий Вершинин выполнил норму...». Дмитрий Вершинин! А не...

Митькина рука остановилась в воздухе. Но милиционер выхватил из пальцев бумажку. И на лице его расцвела улыбка. Радостная, как у мальчишки, который выиграл спор.

— Я же говорил — не твой! Тут же не твоя фамилия!.. Поймай... — Лицо его опять стало спокойным, а потом строгим. — Ты Сидоров или Вершинин?

— Вершинин, — тихо сказал Митька и стал смотреть в сторону. Они помолчали несколько секунд.

— Нехорошо, гражданин Вершинин, — задумчиво заговорил милиционер. — Чужая фамилия. Попытка к бегству...

«Издавается», — понял Митька. Милиционер оторвал глаза от документа и пристально глянул на Митьку.

— А кто у тебя отец?

— Учитель.

— В первой школе?

— В первой...

— Петр Михайлович?

— Ага, — безнадежно сказал Митька. Он не удивился: отца в городе знали многие.

Все еще разглядывая бумажку, милиционер двинулся по тротуару. Видно, случайно он изменил направление и шагал теперь обратно, к улице Герцена. Митька побрел следом: теперь все равно не убежишь. Найдут.

— Я ведь тоже в первой школе учился, — сказал милиционер. — У твоего отца, между прочим. Хороший учитель.

Надежда на спасение ярким огоньком засветилась перед Митькой.

— Да? — вроде бы удивился он. — Я вас не помню.

— Ну, а как ты можешь помнить? Я к вам домой не ходил. Да ты тогда совсем пацаненок был. Я в тридцать первом седьмой класс закончил. Потом работать пошел.

— Я по фотографиям почти всех помню, — бессовестно соврал Митька. — У папы есть фотоснимки всех классов, которые он учил. Может, вы непохожи тогда были? Ваша как фамилия?

— Жарников моя фамилия.

— А зовут вас... Матвей?

— Точно! Вспомнил?

— Угу... — сдержанно откликнулся Митька. Взгляд его стал веселым, а шаг — пружинистым. Все-таки ему везет!

— Вот видишь, — наставительно заговорил Матвей Жарников, — мы с тобой, выходит, знакомые. Как-то неловко получается. Вот пришел бы я сейчас с тобой к твоему отцу, рассказал бы про все... Что он сказал бы?

— Ну, что... — начал Митька, стараясь точнее рассчитать удар. — Он сказал бы: «Здравствуйте, Жарников, рад вас видеть». Сказал бы: «Как поживаете? Не делаете больше механизмов, чтобы школьные скелеты махали руками, пускали дым из глаз и кукарекали? Не доводите больше учителей до обморока? Это похвально».

— Ч-черт возьми... — произнес Матвей и свернутым Митькиным удостоверением почесал кончик носа. — Все еще помнит?

— Он мне про это раз десять рассказывал.

— Да-а... Ну, я тогда маленький был.

— В шестом классе, — беспощадно уточнил Митька.

— Пить что-то хочется, — сказал Жарников. — Вон там вроде клюквенный морс продают, киоск открыт. Пойдем?

— Можно... Хотя нет, у меня ни копейки.

— Ладно уж. Возьми-ка свой документ.

Потом, когда они у голубой будки глотали теплый и довольно противный морс, Матвей спросил:

— А все-таки чего тебе приспичило в тумбу стрелять? Ну нарисовал бы на заборе мишень, где-нибудь подальше от глаз, да пулял бы.

— Дак это целая история, — сказал Митька. — Долго рассказывать. Если все по порядку говорить, то даже не знаю, с чего начать... Есть у нас в школе немка Адель Францевна. Ты ее... То есть вы ее, наверно, знаете...

Ух и шумная была история!

Она случилась в середине мая. Полкласса, в основном мальчишки, не выучили урок по немецкому. Ну, сами понимаете, на дворе уже полное лето, а тут сиди и зубри, как два балбеса — Петер унд Отто — шпацирен в лесу унд баден в речке. Мальчишки из пятого «Б» предпочитали сами шпацирен и баден, хотя вода была еще зверски холодная.

Но Адель Францевну это не интересовало. На каждом уроке она грозила «неудами» и переэкзаменовками. Она требовала прилежания и порядка.

Надо было оттянуть беду. И в самом начале урока маленький, симпатичный и очень вежливый редактор отрядной стенгазеты Павлик Шагренев спросил у Адели Францевны, понравилась ли ей пьеса «Приключения Карла Бруннера».

— М-м? — удивилась Адель Францевна. — Ах, ты имеешь в виду эту постановку... Ну конечно, вам она должна нравиться. Но

когда вы повзрослеете и станете смотреть на вещи более взыскательно, то поймете, что это совсем не блестяще.

— А почему? — задиристо спросил с места Митька.

— Слишком много пафоса и весьма недостаточно мастерства. Я говорю об игре исполнителей. Вы меня понимаете?

— Вполне, — сказал Павлик. — Только... Вот всем нам кажется, что игра не такая уж плохая. Наоборот. Вот помните баронессу? Как она...

— Да-да, — снисходительно согласилась немка. — Эта дама играет действительно несколько лучше остальных.

— А Карл? — воскликнул Митька. Он по правде обиделся и разозлился. Будто его самого задели.

Адель Францевна устремила на Митьку свое пенсне.

— Ты говоришь о мальчике, исполнявшем роль Бруннера? Ну что же, он достаточно мил... Но это просто мальчик, а не актер. Он ведет себя так, словно все это происходит у нас в городе, а не в Германии. А там иной уклад жизни, иные обычаи и мальчики тоже другие.

— Какие это они другие? — недовольно спросил с задней парты похожий на сердитого скворца Игорь Цыпин (по прозвищу Цыпа). — Что, там у ихних пацанов уши на затылке растут, что ли?

— Цы-пин... — возмущенно выдохнула Адель Францевна.

— Извините, это он нечаянно, — торопливо заговорил Павлик Шагренов, а бестолковому Цыпе показал за спиной кулак. — Но нам всем непонятно... Конечно, у капиталистов дети не такие, как мы. А у рабочих?

— Они такие же пионеры, — агрессивно сказал Митька.

— Ну безусловно. Я имею в виду не классовые различия, а некоторые особенности... Впрочем, это сложно для вас. Я только хочу сказать, что для этого мальчика полезнее было бы не играть на сцене, а без пропусков занятий учиться в школе. Театр отвлекает его от учебного процесса.

— А может, он отличник, — опять не выдержал Митька.

— Возможно. По крайней мере, я уверена, что с немецким языком у него все в порядке. К сожалению, про вас этого не скажешь. И потому пусть Цыпин выйдет к доске и переведет первые пять строчек текста, который был задан.

Цыпа шумно вздохнул и пошел навстречу неизбежности.

Вторым она вызвала Вершинина.

— Можно, я лучше стихотворение Гете по-немецки прочитаю? — безнадежно спросил Митька.

— Конечно, можно, мы все послушаем с удовольствием. Только после того, как сделаешь заданный перевод.

После Митьки схлопотали «неуды» еще шесть человек.

У Адель Францевны от возмущения тряслись на висках рыжеватые букли прически.

— Ёлки зеленые, — шепотом сказал Митьке Виталька Логинов и от переживания вцепился в свой белобрысый чуб. — Как по заказу: почти все из нашего звена.

— Потому что самые лодыри, — тут же влезла в разговор Эмма Каранкевич, председательница совета отряда. Она сидела впереди Митьки.

— Насчет лодырей на перемене поговорим, — пообещал Вершинин.

— Очень испугалась!

Всю оставшуюся часть урока Адель Францевна говорила о том, как пагубны лень и легкомыслие. Наконец она велела всем, кто получил «неуды», остаться после занятий и удалилась, держа указку как рапиру.

Они остались. Но в их душах кипело негодование.

— Теперь три часа будет мучить, — сказал Цыпа и пнул парту. Старая парта крякнула.

— Это она нарочно «неудов» навтыкала, — мрачно сообщил Митька. — Из-за пьесы разлилась. Потому что мы Карла стали защищать.

— Она, между прочим, сама на ту баронессу похожа, — вдруг заявил Сергей Иванов, человек молчаливый и сосредоточенный. Он говорил всегда немного, но умно и безошибочно. К его словам следовало прислушаться.

— А правда! — подхватил Виталька. — Такая же худая и старая. И вредная. Только не со стеклом в глазу, а с очками.

— Пенсне, — сказал Павлик.

— Какая разница!

— По-моему, она шпионка, — сказал Цыпа. Он был сердит больше всех: папаша его часто лупил за «неуды».

— Ну-у, Цыпа! — Виталька от удивления замотал чубом. — Ну, ты сказал! Она на шпионку похожа, как ты на отличника.

Цыпа молча подпернул длинные, сморщенные на коленях штаны и влез на учительский табурет.

— Дурак ты, а не звеньева, — сказал он Витальке с высоты. И как с трибуны обратился к остальным: — Шпионы разве бывают похожи на шпионов? Их бы тогда сразу всех переловили. Шпионов как узнают? Потому что они вредят. А она разве не вредит? Вот она оставила нас после уроков, а Пашка в авиамодельный

кружок опаздывает. Он, может, хочет истребителем стать, а как он станет, если ему не дают в кружок ходить?

Павлик Шагренев, который до сих пор не помышлял о профессии истребителя, подтянулся и стал поправлять под ремнем рубашку.

— А я?! — завопил Митька. — У меня в два часа стрелковая тренировка! Завтра соревнования! Мне на «Ворошиловского стрелка» сдавать!

Он стукнул кулаком по левому карману матроски, на который собирался привинтить значок.

— Во! Я же говорю! — воскликнул Цыпа и возмущенно завертел тонкой коричневой шеей.

Трах! В класс влетела Валька Голдина. Захлопнула дверь и вцепилась в ручку. Обернулась и свистящим шепотом сообщила:

— Гоняться!

Дверь задергали.

— Отпусти, — велел Сергей Иванов. — А сама иди сюда.

Дверь распахнулась. На пороге возник похожий на третьеклассника-отличника Талька Репин, председатель совета отряда пятого «А». По определению Серёги Иванова — «маленький, а вредный».

— Ага! Вся компания! — ехидно сказал Репин. — Знает, куда бежать...

— Чего надо? — сухо вато спросил звеньевой Логинов.

— Вот ее надо. — Талька подбородком указал на Валентину. У него за спиной сопели два здоровых телохранителя.

— У нас сбор звена, — сказал Виталька.

— А у нас сбор отряда. Чего она со сбора отряда бегаёт?

— Сбор на тему «Об итогах четвертой четверти и о подготовке к успешной сдаче годовых экзаменов»... — нудным голосом продекламировал Павлик.

— Не твое дело, — сказал Репин.

— Не его, не его, — согласился Митька. — И не Валькино. Она в нашем звене. Значит, в нашем отряде! Пора бы понять!

— Как это в вашем? Она в нашем классе учится!

— Одно дело — класс, а другое — отряд! Она с нами в одном дворе живет! С малых лет, с самых детсадовских! Мы проголосовали, чтоб в нашем звене!

— А мы у Сэ Пэ Вэ спрашивали! Она говорит, что так нельзя!

— Сэ Пэ Вэ говорит?! — взревел Виталька. — А она у нас спрашивала? Она сама ничего не знает и даже не разбиралась!

«СПВ» — старшая пионервожатая — не была для Витальки ав-

торитетом. Она пришла в школу месяц назад и, судя по всему, не собиралась задерживаться в своей должности.

А спор о Валентине был далеко не первый. Она еще осенью объявила, что хочет быть в звене с теми, с кем у нее «разные полезные дела, а не всякие проработки про успеваемость». «Полезные дела» у нее были с Митькой, Виталькой, Серёгой и прочей компанией. Пятый «А» запротестовал. Из принципа. А Виталькино звено дружно проголосовало «за».

— Она им нужна, чтоб процент успеваемости поднимать, — пустил шпильку Павлик Шагренев.

— Нам такой процент тоже не лишний, — сказал с табурета Цыпа.

— Завтра приди только в класс! — пообещал председатель пятого «А». — Поговорим...

— Я с тобой и сегодня могу поговорить. На улице, — сказала Валентина. Худая, длинная, темноволосая, сердитая, она выглядела сейчас грозно.

Противник удалился.

— Ух... — сказала Валька. — Ну хорошо, что вы тут. А то не знала, куда бежать... А почему не сказали, что сбор? — Она неласково взглянула на Витальку.

— Да какой сбор... Так сидим.

— Разговариваем, — объяснил Серёга Иванов. — Про баронессу Адель фон Неуд.

— А-а, после уроков оставила! И вы сидите? Ну и олухи!

— Вообще-то мне некогда. У меня тренировка, — сказал Митька...

Спать Митька лег пораньше. На всякий случай. И правильно. Отец, вернувшись из школы, спросил:

— Где этот пар-ршивец?

— Что случилось? — захопотала мама. — Только, пожалуйста, не нервничай, иначе я ничего не пойму. Опять «неуд»?

— Мало того! Их, голубчиков, оставили заниматься после уроков. Адель Францевна тратит время, чтобы вытянуть этим балбесам приличные оценки, а эти... эти... Она идет в класс, а дверь закрыта! Изнутри! Как потом выясняется, ножкой от табуретки. В классе — никого, окно открыто. Но мало и этого! На двери мелом написано: «Но пасаран!» Эти лодыри решили лень свою и безобразия прикрыть республиканскими лозунгами!

Митька в своей постели начал дышать глубоко и ровно. В этом было единственное спасение.

— Не шуми, он спит, — осторожно сказала мама.
 — Плевать! — сказал отец, известный в городе преподаватель русского языка и литературы. — Да-да! Плевать! Где мой ремень?
 — Ты с ума сошел!
 — Нет! Я не сошел с ума! Пусть! Пусть это будет крушением всех моих педагогических принципов, но я этого паршивца... Где ремень?
 — Какой ремень? Ты всю жизнь ходишь в подтяжках.
 — Не-ет. У меня был. Я в нем ездил на рыбалку.
 Митька ровно дышал. Крушения педагогических принципов можно было не бояться: отцовский ремень он давно пустил на обмотку лука. Но что будет завтра?

Назавтра отменили урок арифметики и устроили классное собрание. Сначала выступала классная руководительница Вера Георгиевна. Сообщила, что за такие дела исключают из школы. Да-да, нечего удивляться! То, что натворили эти семь человек, не простое хулиганство, а... Даже слов нет! Ведь не маленькие! Вон многие уже в длинных брюках ходят, взрослые прически устраивают, а в голове что?

Митька напряженно смотрел в окно и думал о своем. Из школы, он знал, не выгонят, высказывание о брюках и прическах его не касалось, а в голове у него было вот что: «Не вспомнили бы только, что сегодня соревнования!» А то придет он в тир и услышит от военрука: «Ничего не могу поделывать. Приказ директора — не допускать». Конечно, он тоже будет огорчен: Митька у него в кружке самый маленький, но самый способный. А что делать? Приказ есть приказ. Военрук — человек военный.

Вообще-то он славный дядька. Недавно принес в кружок новую «малопульку» ТОЗ-8. Не «семерку», а «восьмерку». У нее прицел совсем другой: поставлен намушник. Черное яблоко мишени легче просматривается, словно само садится на мушку. И спуск мягче. Митьке военрук первому дал ее попробовать. Три патрона. Митька сразу выколотил двадцать девять очков.

Жаль только, что мало военрук дает стрелять. Да еще, прежде чем допустить к винтовкам, целый час рассказывает об иприте и фосгене, потом в противогазе гоняет. А в тир — напоследок.

Кроме того, еще полчаса лазают ребята по тире на коленях и собирают гильзы, потому что каждый патрон у военрука на учете и, если гильза не нашлась, он ругается. Говорит, что не сможет отчитаться.

Военрука старшеклассники прозвали «генерал Скобелев». Ни-

какой он не генерал, конечно, и даже не Скобелев, а младший политрук Кобелев Степан Васильевич. На свою беду, он однажды в школьной стенгазете поместил заметку: «Почему в кружках ПВХО и ВС мало девочек?» И подписался: «С. Кобелев». Один десятиклассник ядовито заметил:

— Тоже мне, Скобелев. Генерал на белом коне.
 Десятиклассника потом чистили на комсомольском собрании, но прозвище к военруку прилипло намертво.
 Младшие ребята любили «генерала». Он вместе с ними самозабвенно ползал по школьному подвалу, где расположен был тир. Выискивал затерявшиеся стреляные гильзы, протирая на коленях свои шикарные диагональные галифе, и уговаривал:

— Товарищи, найдите еще четыре штуки. Мне же их сдавать...
 В тире после недавних выстрелов попахивало порохом, и этот вдохновляющий запах заставлял ребят тоже ползать. В надежде, что Степан Васильевич даст пальнуть еще по разику. И такое случалось: облегченно вздохнув, военрук засовывал найденные гильзы в пустую коробочку, а из другой доставал патроны.

— В порядке поощрения, — официально произносил «генерал Скобелев», отряхивая свои диагональные колени...

От мыслей о военруке Митьку отвлек голос директора:
 — Речь идет не о наказании. Вернее, не только о наказании. Я хочу, чтобы вы поняли, очень хочу...

Директор Андрей Алексеевич был добрый человек. Сразу было видно, что он добрый: невысокий, полный, с очень круглым, улыбчивым лицом. Как мистер Пикквик. Иногда он сердился и пытался быть строгим, но получалось это у него плохо. Учителя знали, что пугать директором бесполезно даже первоклассников. И пугали завучем, Сергеем Осиповичем. Но завуча сегодня, к счастью, не было.

— Вы обидели, — продолжал директор, — Адель Францевну. Очень обидели. Она работает в нашей школе восемнадцать лет, а вы... Да, она строга. Но когда вы станете старше, вы поймете, что строгость — это тоже доброта... Кроме того, вы обидели тех, кто сражается в Испании. Да, не спорьте. Вы ради озорства написали лозунг бойцов, которые сражаются с фашистами. Что скажут испанские ребята, когда узнают об этом случае?

— Они не узнают, — успокоил Павлик Шагренов.
 — Почему ты уверен? Шесть испанских мальчиков приедут на днях в наш город. Они будут жить у нас, пока там война. А учиться будут в нашей школе, потому что...

Добрый Андрей Алексеевич никак не ожидал того, что случилось. Ведь он просто хотел доказать Шагренову его неправоту.

И оглушительно взорвавшееся «ура» буквально отбросило директора от стола к доске.

— Что такое? — сопротивлялся он. — Я не... В самом деле... При чем здесь «ура»?! Я не понимаю... Когда в горно узнают про этот случай, их отправят в другую школу.

— А вы не говорите! — вопил Цыпа, вытягивая из свитера птичью шею. — Мы больше не будем!

— Мы перед Адель Францевной сто раз извинимся!

— Это у нас случайно!

— Потому что она за баронессу заступалась! А не потому, что «неуды»!

— Мы извинимся!

— Они извинятся, Андрей Алексеевич! Мы им еще сами напишем!

— Я тебе напишу!

— А ты молчи!..

Директор махал руками, словно отбиваясь от пчел. Наконец Вера Георгиевна вытянула указкой по столу так, что из щелей взвилась пыль. Стало тихо.

— Я не понимаю... — начал Андрей Алексеевич. — То есть я все понимаю, но почему такой шум? И при чем здесь какая-то баронесса?

Эмка Каранкевич ехидно оглянулась на Митьку.

— Это они, Андрей Алексеевич, из-за пьесы спорили. Вершинин воображает, что он на Карла Бруннера похож. А Адель Францевна правильно говорит, что...

— Я воображаю?! — взвился Митька. — Ты лучше помалкивай! Сейчас не пионерский сбор, а классное собрание. Верно ведь, Андрей Алексеевич?

— Ну почему же, почему же... Можно и сбор в то же время. Я не вижу, почему бы пионерскому начальству не высказаться.

— А если сбор, пусть Вальку Голдину позовут, она в нашем звене, — вмешался Виталька Логинов, почуявший, что гроза слегка развеялась.

— Что еще за новости! — возмутилась Вера Георгиевна. — Опять вы об этом? Андрей Алексеевич, они вбили себе в голову, что Валья Голдина из пятого «А» должна быть в их звене. Объясните им, что это абсурд.

Она замолчала, чтобы передохнуть, а вежливый Павлик Шагренев поднял руку и встал.

— Вовсе не абсурд, Андрей Алексеевич. Голдина всегда с нами. Мы даже в один детский сад ходили. У нас все дела вместе и зимой и летом.

— Вроде вчерашнего, — вставила Вера Георгиевна.

— Нет, не вроде, — бесстрашно отрубил Павлик. — У нас хорошие всякие дела. Голдина помогала Иванову по арифметике исправляться. И вообще.

— Ну... я не знаю. — Директор развел руками. — Это какие-то тонкости пионерской работы. По-моему... А впрочем. Вера Георгиевна, есть простой выход. Раз уж они так хотят быть вместе, давайте в будущем году переведем Голдину в «Б». Это не сложно.

Нельзя сказать, что Вера Георгиевна засияла от восторга. Но класс опять гаркнул «ура», кричало главным образом Виталькино звено.

— Ну-ну, голубчики, — сказал директор. — «Ура» — это хорошо, но по выговору вы получите. Учтите.

— Правильно, Андрей Алексеевич! — в припадке самокритики воскликнул Виталька. — Даже по строгому!

— Это уж, дорогой мой, без вас решат... Идемте, Вера Георгиевна, сейчас перемена.

Едва они скрылись за дверью, Цыпа вскочил на парту и сделал страшное лицо:

— Ти-хо, вы...

Класс замер. И слышно стало, как директор за дверью оправдывается:

— Ну что вы, любезнейшая Вера Георгиевна, ничуть я не потворствую... То есть я потворствую, но только в хорошем смысле. А что касается вчерашнего, то я уверен: они поняли и вполне...

В общем, все кончилось «вполне». Для всех, кроме Митьки. Митьку же дома поставили в угол. Как напроказившего дошкольника. Даже хуже, чем дошкольника. Младшего сына Лешку, например, отец никогда в угол не ставил.

Митька стоял, прислонившись затылком к штукатурке, и разглядывал спину отца. Спина была в полосатой рубашке и перекрестье подтяжек. Отец сидел у стола и проверял тетради. В Митькиной голове крутилась неизвестно откуда взявшаяся фраза: «Целься в скрещение подтяжек на спине противника». Но отец не был в полном смысле противником, и ковбойские методы здесь не годились. Нужна была дипломатия.

— В конце концов, — сказал Митька, — это непедагогично.

— Тоже мне Песталотци, — откликнулся отец. — Выдеру, тогда узнаешь.

— Что я, маленький — в углу стоять?

— Нет, — сказал отец, черкая пером с красными чернилами. —

Не маленький. Маленькие стоят час или два. А ты будешь до самого вечера.

— Не могу я до вечера, — осторожно объяснил Митька. — Что ты, папа. У меня же в четыре часа соревнования.

— Вот как? — иронично спросил отец.

— Ну я же команду подведу, — шепотом сказал Митька.

— Не ври. У вас личные соревнования. Сдача норм. Степан Васильевич мне говорил... Кстати, я очень жалею, что упросил его взять тебя в кружок. На пользу тебе это не пошло.

Отец действительно просил за Митьку «генерала Скобелева», потому что пятиклассников в кружок ВС не брали. И это был единственный случай, когда Митька извлек выгоду из служебного положения отца. Но ведь он не подвел ни отца, ни военрука! Он же ничуть не хуже старшеклассников!

— Почему ты говоришь, что не пошло на пользу? — обиженно спросил Митька.

— Потому что у тебя все мысли только о стрельбе. Кто много думает об удовольствиях, забывает о делах.

— Стрельба, по-твоему, удовольствие? — спросил Митька. — Стрельба — необходимость!

Он, словно опытный фехтовальщик, воспользовался промахом противника. И наносил удары отточенными фразами:

— Если мы не будем уметь стрелять, что делать, когда нападут фашисты? Будем говорить им по-немецки: «Простите, господа, мы не умеем, мы в углу простояли и не научились!»

— Ты демагог, — сказал отец.

— И — ни капельки! Нам генерал... то есть военрук, говорит, что мы укрепляем обороноспособность!

Отец закрыл очередную тетрадь и заметил, что если обороноспособность будет возложена на таких шалопаев, то на будущее он не надеется.

— А почему тогда у нас в тире написано: «Каждый новый ворошиловский стрелок — удар по фашизму?»

— А там не написано: «Каждый хулиган и неуч — удар по нам?»

— А... — начал Митька и заплакал.

Обида прорвалась слезами в одну секунду, и остановить их не было никакой возможности. Митька начал вытирать слезы концами галстука, но это было неудобно. Тогда он сдернул серебряный значок — зажим, скреплявший галстук на узле, и широким красным углом стал размазывать слезы по щекам.

Отец удивленно обернулся. Сын его был совсем не похож на сурового снайпера, ворошиловского стрелка и грозу фашистов всех мастей. Это был просто маленький Митька, с зареванным

лицом, лохматый, в мятом матросском костюме и пыльных, стоптанных уже сандалиях. Отцу стало жаль его, и он поступил непедagogично — сказал:

— Убирайся.

Норму Митька выбил. Но значок дали не сразу, а только через три недели, когда пятиклассники сдали экзамены и на торжественном собрании получали табели.

Вечером того же дня Митька созвал в штабе друзей.

О штабе надо рассказать по порядку.

Он располагался в сарае. Сарай был полуторазэтажный. Внизу — дровяники, курятник скандальной соседки Василисы Тимофеевны и коза семейства Голдиных. Наверху — сеновал. В центральной отсеке сеновала уже оборудован был штаб «БП». За кучами сеновой трухи и мусора пряталась фанерная будка. Называлась она «шатер». На стенах «шатра» висели луки и колчаны, портреты Вильгельма Телля и Робин Гуда, а также бумажные мишени, в центре которых торчали белооперенные стрелы. Вот поэтому и «БП» — белые перья. Год назад Митька прочитал роман Конан-Дойля «Сэр Найгел».

В «Сэре Найгеле» из луков стреляли научно. Вымеряли направление и силу ветра. Для оперений брали перья не степных, а только горных орлов. Преимущественно светлые. Прославленных лучников герцог награждал белокрылыми стрелами. Например, за то, что они с расстояния в сто ярдов могли перебить трос флага на вражеской крепости. Знамя падало, рыцари бросались на приступ. Крепость сдавалась.

В отряд «БП» вошли сначала четверо: Митька, Сергей Иванов, Виталька Логинов и Цыпа. Затем поведали тайну Павлику Шагреневу, который бесподобно рисовал зверей и фашистов, необходимых для мишеней.

В скором времени Митька обнаружил у своего соседа по квартале третьеклассника Вовки Шадрина удивительную книгу «Русские лучники. Из истории вооружения российской армии от Владимира Светлаго до Ивана IV Грозного. Санкт-Петербург. 1898. Дозволено Цензурою». Книга была до отказа набита картинками, а устройство луков и стрел описывалось так подробно, что Митька тут же изыал находку у Вовки.

Вовка заревел. Он ссылался на то, что взял древнюю книгу из шкафа у деда. Дед был отставной преподаватель истории, довольно вредный старик, это Митька знал. Пришлось принять в отряд и Вовку Шадрину.

Но в общем-то и Санкт-Петербургская инструкция не давала практических советов, как самому сделать настоящий лук и стрелы. Приходилось туго. Не было, например, бука. Ветки с могучих тополей, росших во дворе, не годились. Пришлось добывать черемуху и бамбук. А для тетив явно не хватало бараньих кишок и воловьих жил. Правда, внизу, под сеновалом, жила голдинская коза, но еще неизвестно, когда ее зарежут. Спросили об этом у Вальки. Она ответила, что не обязана думать о нуждах «Белых перьев», поскольку в отряде не состоит.

Приняли и Валентину.

Сразу стало легче делать стрелы. До сих пор не хватало перьев, особенно белых, а сейчас вопрос решился. Валентина на правах девочки была вхожа в курятник Василисы Тимофеевны: «Можно, я курочек покормлю? Можно мне цыпляток посмотреть?» — «Сходи, милая, возьми ключ. Аккуратно только».

В курятнике жил белоснежный петух. Бывал, конечно, он и на дворе, но при первом приближении Митьки, Сережки или Цыпы он мчался к дыре под дверью курятника.

— Называется рефлекс, — мрачно говорил Митька.

Вальке дали задание добыть оснастку для стрел. И в тот же день она доставила в штаб шесть дивных перьев: два хвостовых и четыре из крыльев.

— Маховые — они лучше, — поблагодарил Митька. — Орал?

— А ты слышал? — озлилась Валентина.

— Не...

— Я его башкой в мешочек с пшеном. Он лопает, а я дергаю. Только лапами царапался.

Митька уважительно покосился на Валькины запястья...

Петух возненавидел Валентину больше, чем ребят. И за зиму эта ненависть не прошла. От Вальки он не прятался в курятник, а мчался к дому, взлетал на уровень второго этажа и усаживался на карниз одного из окон Василисы Тимофеевны. Оттуда он даже не орал, а как-то непонятно хрипел на Вальку.

Василиса распахивала окно и принималась оглаживать поредевший мундир любимца.

— Кто тебя, Петенька, обидел? Кто?

Петенька пытался показать оранжевым глазом на Вальку, но та уже сидела на заборе, вне Василисиной видимости.

В последний рейд за перьями выпало отправляться Серёге. Митька сказал, что ради операции придется разобрать чердачное перекрытие. Серёга сказал:

— Сделаем.

Работать он любил. Саперной лопаткой он вскрыл верхний

слой. Сенная труха, песок, опилки, снова песок. Бревно. Толстое, но трухлявое. Поддалось обыкновенной ножовке. Выпиленный кусок бревна Серёга отнес в шатер: сидеть на нем будет удобно.

Сразу под бревном обнаружилась фанера: это уже была потолочная обшивка курятника. Серёга раздолбал ее пяткой и поглядел вниз. Куры, на которых свалились обломки фанеры, кудахтали почти стихотворно: «Куд-куда? Вы откуда, вы куда?»

А петуха не было. Наверно, гулял во дворе. Серёга решил подождать. И дождался. Петух был доставлен в курятник на руках Василисы Тимофеевны. Он томно склонял гребень на рукав хозяйки, а она потерянно лопотала:

— Прости меня, Петенька, дуру старую, что обкормила. Сиди тут и выздоравливай. Сиди, милый...

Сверху Серёге был виден только волосяной кукиш на затылке Василисы Тимофеевны. Кукиш скорбно покачивался. Потом он исчез за дверью курятника.

«Черта с два выживет, — решил Серёга, увидев, как петух после ухода хозяйки опрокинулся на спину и замахал лапами на приблизившихся кур. — Не иначе гречневой крупы обожрался. А в ней железо».

Серёга еще два раза ударил пятками, и дыра в фанере превратилась в люк. Серёга нырнул в курятник.

Курицы разбежались, и петух остался один на один с Серёгой. Вредные Петькины глаза задернулись пленкой. Когтистые лапы чуть подергивались. Агония. Серёге стало очень жаль петуха. В конце концов, он был храбрый и хороший: умел постоять за себя. А сейчас его выбросят. В лучшем случае Василиса закопает его за помойкой.

Перьям-то не пропадать!

Серёга взялся за хвост. Петух заорал почти человеческим голосом и так внезапно, что Серёга кинулся не к люку, а к двери курятника. И столкнулся с Василисой Тимофеевной. Оказывается, она далеко не уходила.

Услышав петуший вопль, она рванулась к двери, и Серёга угодил ей головой в «поддых». Василиса Тимофеевна сама закудахтала. Серёга без памяти взлетел на сеновал.

Вечером Василиса Тимофеевна донесла на Серёгу отцу. Старший Иванов — механик судоремонтных мастерских, человек молчаливый и решительный — за ухо отвел Серёгу к Василисе и велел извиняться.

А за что? Если бы перед петухом, тогда еще понятно. А почему перед Василисой? Не из нее же он перья дергал. Напрасно Серёга

уверял, что вины его нет, что нервная встряска пошла петуху только на пользу: он ожил.

Пришлось просить прощения. Эта унижительная процедура доконала Серёгу, и он заявил:

— Чтоб они сгорели, эти стрелы! Одни неприятности. Хватит.

Его неожиданно поддержал Вовка Шадрин. Он заявил, что лучше взять на вооружение рогатки: они удобнее и незаметнее.

Тогда Митька не принял разговор всерьез, хватало других забот: конец учебного года, экзамены. Но вот экзамены кончились, а никто не вспоминал, что надо возобновлять деятельность отряда.

Была, по правде говоря, еще одна причина, по которой Митька собрал ребят: хотелось похвастаться перед ними значком.

Значок был что надо! Со стрелком и маленькой черно-белой мишенью. С большой звездой и флагом. Тяжелый, второй ступени. Немного похожий на орден Красного Знамени. Мальчишки шупали значок и вздыхали. Нетактичный Цыпа сказал:

— Хорошо, когда папаша в школе работает. Если б у меня работал, я бы тоже...

— Папаша мне, что ли, норму выбивал? — разозлился Митька.

— А записал кто?

— Ладно вам, — сказал Виталька. — Ругаться собрались?

Настоящего командира в отряде «БП» не было. Командовали, как получится. Иногда — Виталька, потому что звеньевой, а в «БП» все из одного звена (кроме Вовки, которого приняли условно). Иногда — Серёга, потому что самый серьезный. Иногда — Митька, потому что в оружии разбирался лучше других. Случалось, что и Валька командовала, потому что девчонка, а с девчонками спорить бесполезно.

— Давайте о делах говорить, — сердито предложил Митька.

— Не все еще пришли. Вовки нет, — сказал Виталька.

— Да ну его! Всегда опаздывает... А, вот он!

На лесенке застучали подошвы, зашатался пол, и в дверном проеме «шатра» возник Вовка.

— Хорош, — сказала Валентина.

— Каррамба! — сказал Цыпа (он считал себя похожим на испанца, хотя в самом деле походил на черную курицу).

Вовка был достоин таких возгласов. Запыленный он был и встрепанный, рубашка выбилась из штанов, которые держались на одной ляжке (вторая, оторванная, была запихана в карман), в курчавой голове торчала солома.

— Мировецкий вид, — сказал Серёга. — Волки за тобой гнались?

— Корова... — выдохнул Вовка.

— Корова гналась?

— Корова здесь будет жить, — отчаянным шепотом сообщил Вовка. — Ясно вам? Сидите тут, заседаете... Жада корову купил. Будет жить внизу, рядом с Василисиным курятником. А здесь, наверху, — сеновал.

— Врешь, — машинально сказала Валька.

— Ты, Голдина, глупая, как рыба, — сказал Вовка и поддернул штаны. — С тех пор как меня в пионеры приняли, я еще ни разу не врал, это все знают... Корова рыжая с пятнами. И теленок. Василиса и Феодосия разговаривали в огороде. Я их выслеживал, просто так, будто шпионов... Феодосия жаловалась, что ей работы прибавится.

— Это не Жадин двор, — заявил Цыпа. — Пусть он катится... Не его сарай.

— Ему домоуправша разрешила. Он его в эту самую взял... Ну, в эту... когда деньги платят.

— В аренду?

— Ага.

Вовка втиснулся на скамейку между Митькой и Серёгой. В штабе, над которым нависла угроза вражеского вторжения, стало тихо. Приунывшие стрелки сидели тесной кучкой, и вечернее солнце, пробившись в щели, перепоясывало их оранжевыми шнурами. Пахло пылью, курятником и старой соломой. Не очень-то приятный запах, но он был привычным. Привычными и очень милыми были фанерные стены «шатра» с мишенями и портретами рыцарей. Подумать только, пять минут назад еще казалось, что все это надоело!

— Вытряхнут нас отсюда, — вздохнул Виталька.

— Не имеет права он, буржуй несчастный! — вскипел Цыпа.

— Будет он тебя спрашивать, — сказал Митька.

— Что делать? — спросила Валька.

— Подумаем, — сказал Серёга. — Мало нам было Василисы! Еще один появился такой же...

— Я знаю, — сказал Вовка Шадрин и локтем энергично вытер нос. — Знаю, что делать.

— Я тоже, — сказал Павлик. — Мстить!

Василия Терентьевича Гжатова не любили все, кроме Василисы Тимофеевны. Взрослые поговаривали, что, работая завхозом, он главным образом заботится об одном хозяйстве — о своем. Мальчишки, от которых он усердно оберегал свои яблони, прозвали его Жадой. Серёгин отец с усмешкой говорил:

— Д-домохозяин...

Жил Василий Терентьевич в соседнем дворе. Дом у него был большой, с верандой, и сад приличный. Сад охраняла собака Джулька, но ребята приручили ее, чтоб не лаяла, и Жада ее повесил. Митьку потом долго грызла совесть.

Хозяйство вела двоюродная Жадина сестра со странным именем Феодосия — очень худая, высокая тетка, всегда до самых глаз закутанная в платок или косынку. Говорила Феодосия медовым голосом, но по натуре своей была довольно вредная особа.

А еще был у Жады патефон. Красный, новый и громкоголосый. Жада добыл его этой весной. Майскими вечерами патефон ставили на веранде, и он бодро орал популярные песенки: «У меня такой характер», «Все хорошо, прекрасная маркиза», «Я — ку-карача». Молодежи в доме не было, танцевать было некому, но патефон усердно выгалкивал из жестяной утробы: «Танцуй танго! Мне так легко!» Василий Терентьевич пил на веранде чай с прошлогодним вареньем из мелких яблочек и культурно отдыхал.

Соседям эта музыка порядком надоедала, но связываться с Жадой они почему-то опасались...

В тот вечер, когда состоялось заседание штаба, Василий Терентьевич пришел в соседний двор, чтобы осмотреть будущую коровью резиденцию. Маленький, круглолицый, налитый здоровьем и хорошим настроением, он ласково поглядывал по сторонам и мелко ступал по траве тугими хромовыми полусапожками. Он ни с кем не хотел ссориться. И поэтому его очень огорчил рисунок, сделанный мелом на двери сарая.

Нарисовано было странное существо. Если бы Василий Терентьевич помнил древнегреческие мифы, он тут же решил бы, что зверь этот напоминает кентавра. Но не совсем. Кентавр, как известно, получеловек-полулошадь. А у этого существа туловище было коровье: худое, ребристое, с острым задом, поднятым хвостом и большим выменем.

А челювечья часть — плечи и голова — весьма напоминала самого Василия Терентьевича. (Недаром Павлик два часа делал наброски, прежде чем украсил дверь портретом.)

Василий Терентьевич сокрушенно покачал головой в плоской полувоенной фуражке и шагнул в сарай. Тут же раздался громкий шелест, и в полуоткрытую дверь с крепким стуком воткнулась белооперённая стрела. Она засела между ребрами «кентавра».

Жада высунул голову и увидел стрелу. Потом увидел намотанную на стрелу записку. Записку он развернул и прочитал. Там было одно слово: «Берегись». Жада аккуратно сложил бумажку и убрал в карман гимнастерки. Затем торжественно переломил стре-

лу. После этого он обвел взглядом все чердачные окна, заборы и кроны тополей. Погрозил пальцем в пространство и опять скрылся в сарае. Дверь за собой прикрыл полностью.

Вторая стрела пробила «кентавру» вымя.

— Дмитрий? — сказал отец за ужином. — Есть сведения, что ваша компания опять пиратничает в округе.

— Нет, папа, — честно сказал Митька. — Мы только «шпацирен унд баден», как говорит бар... то есть Адель Францевна. Гуляем и купаемся. Да еще Цыпин велосипед чиним. Вовка три раза камеру проколол, растяпа.

— И не стреляете?

— Ну стреляем немножко. По мишеням. А кому это мешает? Василисе?

Отец дотянулся до лежавшего на подоконнике портфеля и, поглядывая на Митьку, извлек сложенный пополам лист. Развернул и с выражением сказал:

— Заявление...

— Еще не легче, — сказала мама.

С тем же выражением отец стал читать:

— «В городское НКВД... Действия хулиганствующих подростков угрожают даже самой моей жизни... При растущем народном благосостоянии мне не дается возможности внести свой вклад в дело расцвета благосостояния методом расширения розничной торговли путем продажи населению молочных продуктов рыночным методом...»

— Чего-чего? — сказал Митька.

— Откуда это? — испуганно спросила мама.

— В школу передали... Мало мне забот с экзаменами в десятых классах? Я еще, понимаете ли, должен превращаться в следователя! Андрей Алексеевич говорит: «Проконсультируйтесь у сына, он в стрелковых делах разбирается». Еще бы! Боюсь, что слишком хорошо разбирается!

— Да что случилось-то? — спросил Митька и подумал: «Неужели из-за «кентавра» такой шум?»

— А ты не знаешь, что случилось? Не знаешь, кто из вас расстрелял у Феодосии бутылку с молоком? — недоверчиво спросил отец.

— Честное пионерское... — Митька даже привстал. — Ну что ты, папа! Из лука бутылку и не расшибешь, она скользкая, рикошетит. Да кто же такую глупость сделает? Ведь по стрелам сразу догадаются.

— Про стрелы здесь ничего не сказано, — слегка растерянно произнес отец.

— Ну вот видишь!

...А через полчаса Митька вышел во двор и крикнул:

— Вовка! А ну иди сюда!

Мысли работали безошибочно. Три дня назад чинили Цыпин велосипед: задняя камера из оранжевой резины была вся в дырах. Цыпа сказал: «Утиль» — и пошел за другой. Старую камеру Вовка Шадрин намотал на себя. Он изображал «борьбу с удавом», как в цирке. Потом вместе с «удавом» исчез. Оранжевая резина — самая лучшая для рогатки. Вовка — один во всей компании, кто за пятнадцать шагов навскидку расшибает из рогатки аптечный пузырек...

На втором этаже открылось окно, и курчавая Вовкина голова свесилась во двор.

— Чего?

— Иди, иди. Узнаешь чего.

Вовка не отпирался. Он и сам не прочь был рассказать о своем подвиге. А молчал до сих пор потому, что интуиция подсказывала ему: «Осторожность прежде всего. Похвастаться успеешь».

А подвиг был вот какой.

Ранним утром Вовка проник в сквер, который одной стороной примыкал к стадиону, а другой — к рынку. Все, кто жил на улице Герцена, ходили на рынок через этот сквер.

В сквере густо разрослась желтая акация. Она уже отцвела, и гроздьями висели молодые стручки. Попробовать бы: годятся ли на свистки? Но нельзя. Надо было скрываться и ждать.

А скрыться лучше всего было под нижними ветками кустов. Плохо только, что нижние — самые колючие. Ползти надо лицом вверх, на спине, тогда колючки все видны, их можно отодвинуть заранее. Но смотреть надо осторожно, вприщур: на лицо, на ресницы валится всякая тля и божьи коровки...

Вовка вполз под основание куста и перевернулся на живот. Стало хуже. Майки на спине уже не было: дыра на дыре. И туда стали садиться разбуженные утренние комары. Но Вовка лежал. Вытянул из кармана рогатку, почесал ею спину. Комары не улетали, однако стало легче.

И тут он увидел Феодосию...

Феодосии было тяжело. Она тащила четыре четверти молока — четыре трехлитровые бутылки. Две в мешке через плечо и две в руках. А под боком, прижав локтем, несла она завернутую в полотенце телячью лопатку (Жада заколол купленного вместе с коровой теленка).

Телятину надо было продать до жары: она уже нехорошо попахивала. Это Феодосия чувствовала и заранее полезла за пазуху, ощупывая рубль, который она даст фельдшеру санветнадзора при входе на рынок.

Но чтобы найти рубль, ей пришлось опустить одну четверть на землю.

Вовка, разумеется, не знал, почему Феодосия вдруг затопталась на песчаной дорожке. Он просто обрадовался, увидев стоявшую бутылку. Неподвижная мишень — это удача.

И выстрелил по четверти маленькой граненой гайкой. Трехлитровая посуда расселась без звона и выпустила содержимое в песок.

Феодосия тихонько ойкнула. Осторожно поставила другую бутылку и для чего-то принялась изучать горлышко разбитой посуды.

Вовка ударил по второй четверти. Звон был, но не сильный. Феодосия села. В молоко. Потом, тихонько подвывая, принялась снимать с плеч мешок с двумя уцелевшими бутылками. Мимо шли люди, снисходительно сочувствовали, а кто-то обозвал Феодосию раззявой.

Вовка выжидал. Феодосия вдруг встала на четвереньки и завопила в полный голос:

— Люди добрые, грабют!..

За собственным воплем она не слышала, как лопнули в мешке последние две четверти. Вовка расстрелял их молниеносно.

Еще через полминуты Вовка проскочил в щель забора, отделиющего сквер от стадиона, и сразу стал подавать советы каким-то футболистам.

Митька выслушал эту историю с интересом, но без одобрения. Потом выслушали остальные. Валька грустным голосом сказала:

— Дурак... Надрать бы уши, тогда бы узнал.

Всего ожидал Вовка: могли восхищаться им как героем, могли устроить нахлобучку за то, что действовал без разрешения. Но такого пренебрежительного осуждения он не ждал.

— А ты... А ты... — поднялся он на Валентину.

Но Митька дернул его за штаны.

— Сиди, не дрыгайся.

Они были в штабе. Внизу уже прочно обосновалась Жадина корова, но сеновал еще пустовал и мальчишек пока не трогали. Но все знали: недолго им тут жить.

Может быть, эта неуверенность, может быть, усталость (набе-

гались днем), а может быть, какое-то предчувствие делали ребят грустными и серьезными. Потому и не дождался Вовка ни восторгов, ни скандала, ни крепкого нагоняя от ребят. Не та была обстановка. Они сидели в полумраке «шатра» и даже лиц почти не видели, только касались друг друга голыми локтями.

— Вот выгоним из звена, будешь знать, — сказал Виталька. — Ты у нас и так незаконно. Да еще неприятности из-за тебя.

Вовка вздохнул. Он знал, что не выгонят. Да и говорил Виталька не сердито, а так, будто между прочим. Но все же Вовка огрызнулся:

— А сами... Тоже рисовали его по-всякому на заборах и стреляли.

— Дурак ты, Вова, — сказал Митька. — На голове густо, а внутри... Одно дело рисовать... Когда рисовали, мы это показывали, какой он буржуй и кулак. Рисовать и в заборы стрелять никто не запретит. А сейчас вышло, что мы сами бандиты. А он, выходит, прав. Заявления пишет. Думаешь, не обидно?

— А почему в НКВД? — подал голос Цыпа. — Ну, царапал бы свои каракули для милиции. А то получается, будто мы шпионы или вредители. Враги народа.

— А Жада думает, что он как раз и есть народ, — сказала Валентина. — А мы его враги. Так и получается.

— Он — народ?! — подскокил Цыпа. — Помру от смеха! Народ — это кто на заводах работает и в колхозах кто трудится. И с фашистами дерется. В Испании.

Все деликатно помолчали, потому что знали недавнюю историю, как Цыпа собирался в Испанию.

— Ха! Вот бы Жаду послать драться с фашистами! — заговорил Вовка, стараясь загладить вину. — Вот драпал бы! А?

— Скорей всего, к ним бы сбежал, к фашистам, — сказал Цыпа.

— Не... — заспорил Вовка. — Не сбежал бы. Они бы его с нашими заставили воевать, а он ведь трус. Только собак вешать может.

И опять замолчали в сумраке. Сидели, привалившись друг к другу, и тихо дышали, как один человек. Только Павлика не было. Потом послышались шаги, и Виталька угадал:

— Павлик.

Белая рубашка Павлика замаячила в двери.

— Где был? — спросил Виталька.

— С папой приемник доделывали.

— Работает?

— Работает...

— Хорошо слышать?

— Хорошо... — тихо сказал Павлик. — Только... лучше бы уж плохо было слышно. А то включили, и сразу — бах — новость: фашистские диверсанты взорвали республиканский линкор... «Хайме Первый»...

— Во гады! — сказал Цыпа.

— И под Бильбао положение ухудшилось...

— Врешь, — по привычке сказала Валентина, но больше никто ничего не сказал, потому что понимали: Павлик не врет.

Митька подвинулся на скамейке и тихо позвал Павлика:

— Садись.

Внизу, за забором, на Жадиной веранде весело заорал патефон:

Все хорошо, прекрасная маркиза!

Вовка Шадрин пошевелился и медленно сказал:

— Хлопну я из рогатки этот ящик с маркизой. С крыши его хорошо видать!

— Я тебе хлопну! — пригрозил Митька. — Молочный снайпер... Люди с фашистами воюют, а ему только бутылки да пластинки бить.

— Воюют... — сказал Вовка тихо и обиженно. — Я же не могу там воевать. Если бы пустили да винтовку дали...

Никто не засмеялся. Потому что каждый знал: если бы пустили и дали винтовку... Ну, а что, в самом деле, разве не вышли бы из них снайперы?

— Пусят тебя... — заметил Серёга. — Они своих-то пацанов отсылают подальше от беды.

И сразу вспомнился им вокзал, люди, цветы, плакаты, деловитое буханье барабана, и голоса труб, и шестеро темноволосых мальчишек, растерянно вышедших из тамбура на дощатый перрон. Обыкновенные пацаны, худенькие, тонконогие, некоторых можно одной рукой на лопатки уложить. Только загар потемнее, чем у здешних, вот и все. Даже не верилось, что эти ребята строили баррикады, а может быть, и стреляли по врагам. Потом автобус увез испанских мальчишек в дом отдыха Рыбкоопа, а наши ребята пошли бродить по улицам.

Надо было готовиться к экзамену по арифметике, но они ходили по рассохшимся деревянным тротуарам, растревоженные и недовольные тем, как устроен мир. Там, на вокзале, их на секунду задела грозная жизнь Испании, а сейчас в заросших лебедой газонах мирно стрекотали кузнечики и тишина висела над городком. Зной раннего лета жарил мальчишкам плечи.

Они ходили, позабыв, что надо учить правила действий с дро-

бями, спорили о боях под Мадридом, и только смуглый сердитый Цыпа был молчалив и спокоен...

— Не дадут нам винтовки, — сказал в темноте Павлик. — Чего ж говорить...

— А что делать? — спросил Вовка.

Это был серьезный вопрос.

Это был очень серьезный вопрос, потому что в самом деле нельзя же сидеть просто так, когда «юнкеры» бомбят Университетский городок Мадрида, когда войска Франко осадили Бильбао — столицу басков, когда взорвали республиканский линкор... Но что делать?

— Учиться стрелять, — твердо сказал Митька. — Это нам еще пригодится. Не в заборы пулять, а как следует. Чтоб отряд у нас был настоящий, а не то, что сейчас. Чтобы, когда надо, мы сразу... Ну все равно сейчас мы больше ничего не можем.

— Хорошо тебе, ты в кружке, — откликнулся Цыпа. — А мы что? Из луков да из луков.

— Я Скобелева упрошу. Пусть всех запишет. Я за ним по пятам буду ходить, когда из отпуска вернется.

— Мы тоже будем, — сказала Валентина.

— А луки тоже нельзя бросать, — продолжал Митька. — Думаете, я на значок сдал бы, если бы из лука не стрелял? Он глазомер развивает и руки.

— Название какое-то у нас неподходящее, — сказал Серёга. — Непонятно как-то: «Белые перья». Какие перья, откуда, для чего?

— Лучше «красные», — предложил Вовка. — Мы же красный отряд.

— Лучше... Но все равно непонятно.

— Лучше полностью: «Красные перья стрел», — сказал Митька.

— Пускай будет «Алые перья стрел», — заговорила Валька. — Красиво.

— Тебе бы только чтоб красиво было, — заворчал Цыпа.

А Павлик медленно сказал:

— Ну что ты, Цыпа! Разве плохо, если красиво? Послушайте, ребята: а-лы-е перь-я стр-рел-л...

Серёга напомнил:

— Значит, и в самом деле на стрелы красные перья надо. Где брать?

— У отца, думаешь, мало красных чернил? — сказал Митька.

Яркий огонек свечи вздрагивал и качался от дыхания ребят. Валька Голдина писала красными чернилами на тонкой бумажной полоске:

«Мы, пионеры второго звена... Митя Вершинин...»

— Дмитрий, — сурово сказал Митька. Он макал в пузырек с чернилами бумажный жгутик и мазал хвостовые перья на стрелах.

«Дмитрий Вершинин, Игорь Цыпин, Виталий Логинов, Валентина Голдина, Владимир Шадрин...»

— Владимир пишется через «и». Учти, — сунулся Вовка.

— Знаю... «Владимир Шадрин, Павел Шагренев, Сергей Иванов... вступаем в отряд «Алые перья стрел». В скобках «АПС». «И обещаем друг другу и всем на свете, что... всегда будем бороться с фашистами и всякими врагами...»

Она оглянулась на Митьку.

— Всегда будем учиться, чтоб бить без промаха.

— «...без промаха».

— И мстить за всех, кого они убили и замучили, — сказал Цыпин.

— А если они полезут на нас... — вмешался Павлик.

— «А если они...»

Июньские вечера очень светлые. Небо серебристое, и звезды едва проступают на нем. А крыши и заборы — почти черные. И уж совсем черными кажутся на небе листья и ветви тополей.

Громадный сук большого тополя протянулся над серединой двора, как рука великана. Высоко — выше всех проводов и крыш, выше труб кирпичной пекарни, которая стоит позади двора.

С шелестом ушла с земли и вонзилась в сук тяжелая стрела. Утром все увидят ее — высоко над головами. Увидят, что у нее алые перья. Но никто никогда не сможет достать ее. Только ветер.

Потом шквалистые ветры истреплют перья, обломают древко. Но крепкий наконечник навсегда останется в дереве. Наконечник, в который вложена туго свернутая бумажная полоска, где имена стрелков и обещание.

Этот наконечник, сделанный из пустой пули, будет там всегда, пока живет тополь. А такие могучие деревья живут долго.

В детстве кажется, что они стоят вечно.

Мысль продырявить баронессу на афише пришла Витальке. Раз уж в городе нет настоящих фашистов, то надо всадить стрелу хотя бы в нарисованного. Пусть все прохожие видят большую стрелу с алыми перьями — символ меткости и беспощадности к врагам.

— А кроме того, — добавил Виталька, — это будет месть Адель Францевне за то, что она плохо отзывалась о Карле Бруннере

(вернее, не о Карле, а о том пацане, который играл эту роль, но это ведь все равно).

— И за то, что чуть не оставила тебя на осень, — въедливо заметила Валентина.

— Чушь какая! — обиделся Виталька. — Я могу и не стрелять. У тебя, Голдина, между прочим, не язык, а швабра. Если так, то пусть Митька стреляет в баронессу.

— Конечно. Сам-то промазать боишься, — поддела Валька, которая обиделась за свой язык.

— Если издалека, хоть кто может промахнуться, — спокойно сказал Виталька. Он не хотел ссориться. — Надо ведь шагов с тридцати, не меньше. Верно, Мить?

Читателям, не стрелявшим из лука, наверно, непонятен этот разговор. А дело в том, что афиша висит довольно высоко, и если выпустить стрелу с двух-трех шагов, она воткнется некрасиво — хвост с перьями будет наклонен вниз. Сразу все увидят, что стреляли в упор. Чтобы стрела воткнулась как надо — перьями слегка вверх, она должна описать в воздухе дугу. Значит, пускать ее надо с приличного расстояния.

— С тридцати я не промажу, — сказал Митька. Он и не думал хвастаться, просто был уверен.

— А вдруг? — сказал Виталька и хитровато глянул из-под белого чуба.

Митька пожал плечами.

— Да не промажу я.

— А если?

— Ну спорим?!

Вот так и оказался Митька в тот день у афишной тумбы. Вот так и познакомился с Матвеем Жарниковым, сотрудником второго отделения милиции, неплохим парнем и понимающим человеком.

Конечно, всю историю Митька рассказывать не стал, но кое-что объяснил: что такое «АПС» и зачем нужно было устраивать стрельбу на перекрестке.

Он и Матвей шагали сначала по улице, а потом сели на скамейку в сквере, где случилась беда с Феодосией. Матвей только через два часа должен был идти на пост, а пока гулял. Митьке же вообще некуда было спешить.

Митька потрогал ногу.

— Как ты меня ухватил... Аж пальцы отпечатались. Все еще больно.

— А не надо было прыгать. От меня, брат Митька, не сбежишь.

— Я бы сбежал, да лук зацепился.

— А я бы догнал. Думаешь, я не умею через заборы скакать?

— Матвей... — осторожно сказал Митька и покосился на тугую кобуру. Из-под крышки вызывающе торчал металлический затылок револьверной рукоятки. — Матвей... А если б не догнал? Ты бы стал стрелять?

— Ты спятил! Зачем стрелять-то? Ты что — бандит? Я тебя и в отделение вести не хотел, а просто так, для порядка. Попугать.

— Матвей... Ну попугать, это понятно. Я ведь не говорю, чтоб в меня стрелять, а если в воздух? Чтоб попугать, это как раз годится.

— Да что ты! Потом объяснение начальнику писать. Зачем стрелял да в кого. Ведь у нас каждый патрон на учете.

— Это я знаю. У нас тоже на учете. А иногда охота пострелять, ага?

— Конечно. У нас вообще-то бывают занятия, но не часто.

Митька мечтательно продолжал:

— А вот если бы патронов сколько хочешь? Хорошо было бы, ага? Стреляй хоть каждый день... В овраге один уголок есть хороший: заросли и обрыв. От домов далеко. Прямо настоящий тир... Хотя, конечно, случайные прохожие, если выстрелы услышат, могут придраться.

— Как они придерутся? Я же в форме. Раз милиция стреляет, значит, надо. А если бы кто из наших подвернулся, я бы сказал, что оружие пробовал.

Увы, даже милиционеры не прочь иногда прихвастнуть. А хитроумный Митька, словно в шахматах, сделал еще один ход. Он с рассеянным видом сказал:

— Да... понятно... Значит, все дело в патронах?

— Конечно.

— Матвей... Видишь ли... Если по правде говорить, два патрона у меня есть.

Даже спустя много лет Дмитрий Вершинин вспоминал об этом случае как о чуде. Матвей согласился! Почему? Может быть, увидел умоляющие Митькины глаза и не устоял. А может быть, он сам оставался в душе мальчишкой... В общем, он встал и сказал:

— Ну ладно... Встретил я тебя, брат Митька, на свою голову.

Конечно, случилось это не сразу. Сначала Матвей довольно сурово спросил, откуда патроны, и Митьке пришлось рассказать про Цыпу. Про то, как Цыпа надумал уехать в Испанию, приготовил сухой паек, карту, оружие — кинжал из обломка пилы и самодельный пистолет (еще недоделанный). Цыпин-отец обнару-

жил запасы и устроил сыну «разговор». После такого разговора Цыпа, который всегда очень неохотно давал кататься на своем велосипеде, отдал его ребятам на целую неделю. А сам лежал дома на животе и читал роман «Королева Марго». Этот роман ему уступил на несколько дней Виталька Логинов. За два боевых револьверных патрона. Поскольку путешествие сорвалось, боезапас Цыпе был не нужен, и держать его дома он опасался.

Откуда у Цыпы взялись патроны, Митька не знал.

Он увидел их уже у Витальки. Именно на них Митька и посперил, что попадет в баронессу, а в случае промаха обещал отдать Витальке свой лук.

— Раз попал, значит, они мои, — объяснил он Матвею. — Виталька сразу отдаст, у нас по-честному. Я сейчас сбегаю, это рядышком. Ладно, Матвей? Ну, Матвей.

Потом они шагали к оврагу, и Митьке все еще не верилось. Матвей вздыхал и ворчал, что патроны старые — наверно, еще с Гражданской войны остались — и добром все это не кончится. Митька осторожно уверял, что все будет прекрасно.

В конце Садовой улицы на краю оврага паслась костлявая коза. Она взглянула на Митьку и Матвея, как Адель Францевна.

— Я тебе... — шепотом сказал Митька и погрозил козе кулаком с зажатыми патронами.

Закоулок, похожий на тир, Матвею не понравился:

— Близо от улицы. Какая-нибудь бабка придет за козой и напугается до смерти. Отвечай потом...

Наверно, Матвей все-таки побаивался начальства. Они пробирались все дальше, под укрытие зарослей и глинистых обрывов, пока Митька не взвыл, напоровшись на крапивную чашу. Матвей взял его в охапку и понес. Стебли шелестели вокруг брезентовых сапог.

Они выбрали тупичок у глухого откоса за ручьем.

Матвей приспособил среди глиняных комьев ржавую консервную банку. У Митьки от волнения почти останавливалось сердце, когда он смотрел, как Матвей открывает кобуру и достает наган. Матвей вынул из барабана два желтых блестящих патрона и вставил Митькины — потемневшие, с пятнышками зелени.

Потом они отошли на десять шагов. И Матвей сказал:

— Держи.

Митька взял в ладонь шероховатую рукоятку. Это было оружие! Не малокалиберка и, уж конечно, не лук. Тяжелый боевой наган, с каким воевали Чапаев, Щорс и Котовский. Он прочно лежал в руке, только мушка слегка прыгала.

— Оттяни курок, — сказал Матвей, и Митька с удовольствием оттянул.

И опять стал целиться. Банка казалась крошечной, а мушка никак не могла остановиться. Не то что у винтовки. Винтовочные мушки слушались Митьку беспрекословно, а эта...

Выстрел грянул неожиданно для Митьки: спуск был очень легкий. Наган прыгнул в руке. Уши словно пробками забило. Глиняный комок под банкой разлетелся в пыль, но сама банка не шелохнулась.

Митька растерянно взглянул на Матвея. Значит, все? Выстрел, промах — и больше ничего не будет? Но как же так? Почему промах? Ведь Митька привык всегда-всегда попадать в мишень!

Сквозь плотный звон в ушах Митька услышал голос Матвея:

— Старый патрон. Наверно, поэтому пуля вниз ушла.

Митька закусил губу. Надо было достойно перенести поражение. Он протянул наган Матвею:

— Твоя очередь. Стреляй.

И стал смотреть на банку. Сейчас она вовсе не казалась маленькой. Целая кастрюля. Как он мог промахнуться? С десяти шагов...

Матвей легонько хлопнул его по матросскому воротнику:

— Ладно уж, Митька. Пали еще раз. У меня все равно через неделю стрельбы.

Второй раз Митька попал. Банка подскочила, завертелась волчком. И Митька тоже чуть не завертелся и не завопил «ура». Но он сдержался и молча протянул револьвер Матвею...

В свой двор Митька вернулся только вечером. Потому что сначала они пошли к Матвею домой и чистили револьвер. После этого Митька проводил Матвея на пост — в сад «Спартак». В саду было малоллюдно и спокойно. Они долго бродили по аллеям и говорили о важных вещах: об оружии, о боях на Северном фронте в Испании, об учителях, которых знали, о Марке Твене и фильме «Дети капитана Гранта».

А потом пришел Митька опять в овраг. Шипя и охая от крапивных ожогов, он пробрался сквозь заросли на прежнее место. Поднял банку. В ней, с краю, чернела пробоина.

Митька поставил банку среди глиняных комков. Отошел на десять шагов.

Поднял согнутую в локте руку, будто с наганом. Прищурил левый глаз и отчетливо сказал:

— Т-тах!

Он переживал все заново: надежную тяжесть боевого оружия, грохот и толчок выстрела и пронзительную радость меткого попадания.

— Т-тах!.. Т-тах!..

Выбравшись на улицу, Митька зашагал домой, и радость не оставляла его. Он шел вприпрыжку, подбрасывал на ладони две пустые, звонкие, порохом пахнувшие гильзы и думал, как еще от калитки крикнет: «Ребята! Знаете что?..»

Он и крикнул.

Но веселье Митькино разбилось о хмурые взгляды ребят.

Вся компания сидела на крыльце двухэтажного дома и сердито молчала. Только Вовка Шадрин коротко объяснил:

— Жада сено привез.

И тогда Митька увидел «шатер». Он стоял под наружной чердачной лестницей — большой кособокий ящик из ободранной фанеры. Голый какой-то, маленький и совсем непохожий на штаб грозного стрелкового отряда. Дверца косо висела на одной петле.

Митька легонько хлопнул по стенке «шатра», и ящик тихо загудел. Словно жаловался.

— Жада выкинул? — спросил Митька.

— Не мы, конечно, — сказал Павлик.

— Хотел сперва к себе утащить, — объяснил Вовка Шадрин. — Чтоб курятник сделать. Мы как вцепились...

— Молчи уж. «Вцепились!» — хмыкнула Валентина. — Хорошо, что Серёгин отец мимо шел. Он Жаде сказал... Тот чуть не упал.

— Мы бы все равно не отдали, — угрюмо сказал Цыпа.

— Ну и зря. Зря, что не отдали, — пожалел Митька.

— Рехнулся? — спросил Сергей.

— Ни капельки. Просто ему еще хуже было бы. Сам бы обратно тащил, на своем горбу. Под конвоем. Потому что я бы милиционера попросил помочь, у меня знакомый есть. Сегодня познакомились на улице. Знаете какой человек! Два раза дал из нагана стрельнуть.

Все молчали, потому что стало неловко: такое вранье даже в детском саду считалось неумелым.

Митька небрежно сказал:

— Не верите? Смотрите. Узнаете?

Он протянул Витальке и Цыпе две гильзы.

Виталька и Цыпа одинаково приоткрыли рты. Гильзы были те самые: одна с косой царапиной, другая с круглым зеленым пятнышком. От гильз пахло порохом, а в капсулях виднелись ямки.

— Чё такое? Чё такое? — забеспокоился Вовка Шадрин и сунул курчавую голову между Виталькой и Цыпой.

Митька усмехнулся, захлопнул ладонь и полез по чердачной лестнице, чтобы устроиться там на высоте, на удобной широкой ступеньке. Отряд молча двинулся за ним.

— А ну рассказывай, — велел Виталька.

И Митька стал рассказывать. Про тумбу, про овраг, про выстрелы. Про то, что Матвей обещал зайти в гости, и, может быть, он даже покажет ребятам наган...

Пока он говорил, пришли сумерки. Василиса Тимофеевна, косясь на мальчишек, загнала в сарай кур и драного Петю. Мать крикнула из окна Павлика Шагренева, и он крикнул в ответ:

— Не пойду!

И никто не пошел бы. Им хорошо было вместе. Им просто позарез надо было сейчас быть вместе.

От земли теплыми слоями поднимался нагретый за день воздух. Длинное пунцовое облако, похожее на громадное перо, горело над забором. Вдалеке дробно, как пулеметы, стучали на рельсовых стыках составы.

— Алёха, мой брат двоюродный, сегодня на планере летал, — сказал Серёга. — Вот бы полетать, ага?

Все промолчали, потому что и так было ясно, что «вот бы полетать».

В сарае тихо замычала Жадина корова.

— Мается, бедная, — сказала Валька. — Зарезал Жада ее теленочка.

— Он за деньги хоть кого зарежет, — сказал Вовка и плюнул. — Сквалыга! Даже ящик хотел забрать, не мог удержаться от жадности.

— Откуда такие люди берутся? — удивленно спросил Павлик. — Правда, ребята, даже непонятно.

— Потому что буржуйская нагура, — отрезал Цыпа.

И словно в ответ, на Жадиной веранде обрадованно взревел патефон:

Я — кукарача!

Я — кукарача!

Вовка обеспокоенно завозился. Он сидел выше всех, а сейчас еще поднялся на ноги. И смотрел через забор во двор Василия Терентьевича.

— Не дали тогда мне расстрелять эту бандуру, — с упреком произнес он.

— Сядь, — велел Митька. — Ты мне ногой по затылку стукнул.

Павлик Шагренов задумчиво сказал:

— Если бы достать такой репродуктор, как на стадионе... Мы бы с папой все остальное сделали, чтобы пластинки играть. Жада завел бы свою «кукарачу», а мы бы свою хорошую песню. Жадин патефон и не услышал бы никто.

— Он охрип бы и лопнул от натуги вместе с хозяином, — заметил Митька.

— Зачем репродуктор? — сказала Валька. — Вон у Вовки голос громче всякого радио. Ты, Вовка, запел бы что-нибудь. Это лучше всякой пули. Никакой патефон тебя не переорет.

— А что! Я могу! — неожиданно сказал Вовка и крикнул: — «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер!»

Голос был в самом деле отчаянно громкий. Ясный и отчетливый. Даже в ушах зазвенело. Но, кроме голоса, был у Вовки еще хороший слух. И может быть, сам того не желая, Вовка с протестующего крика перешел на мелодию:

...Веселый ветер,
Веселый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете...

Сейчас эта песня старая и привычная. А тогда была она совсем новой. Она прилетела к ребятам с экранов, из нового фильма, где их ровесник Роберт Грант неустрашимо рвался на помощь отцу-капитану. Были в песне синие ветры, зов морей и яростная уверенность, что «кто ищет, тот всегда найдет».

Не прерывая песни, Вовка вскочил и начал подниматься по лестнице. Так же, как поднимался по вантам к верхушке мачты Роберт Грант. И ребята ринулись за ним.

Они любили хорошие песни, только раньше как-то стеснялись петь вместе. Но сейчас в песне была их борьба, их протест и гордость. И они подхватили слова о веселом ветре, разнесли их с высоты на весь квартал — звонкие слова о смелости и мальчишечьей правоте.

Жестяная глотка патефона заскрипела и умолкла. Жадин голос на веранде нерешительно сказал:

— Хулиганство...

Это случилось в промежутке между куплетами, и ребята услышали. Они засмеялись. Безбоязненно и торжествующе, потому что слишком явным было Жадино бессилие. А потом они закончили песню, и Вовка тут же завел новую:

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц!

И они подхватили опять, удивляясь, как здорово, как слаженно звучит их неожиданный хор.

Митькин отец вышел на крыльцо и слушал, подняв голову. Рядом с ним возник Лешка.

— Идите к нам, Петр Михайлович, песни петь! — крикнула Валька.

— Голос теперь не тот, Валя, — сказал он. — А то бы я спел, честное слово. Вот Алеша пусть идет.

Лешка, деловито сопя, стал карабкаться к ребятам.

Патефон порывался выплюнуть лихой фокстрот, но умолк, не доиграв. А ребята пели:

Кра-сно-флотцы!
Недаром песня летится!
Недаром в ней поется,
Как мы на море сильны!

А потом пришло время для песни, которая была главной. Главной — в ту пору.

Ее пели по-русски и по-итальянски. По-испански и по-немецки, у нее было много переводов, а кто не знал слов, находил их тут же.

И, быть может, перевирая незнакомые слова, но зато со звонкой силой выводил Вовка в высоту:

Аванти, пополо, а ля рискосса!
Бандьера росса,
Бандьера росса!

И с той же силой повторяли Валька и мальчишки:

Вперед, товарищи! Гори над нами
Победы знамя,
Свободы знамя!

Потом Митька вспомнил немецкий припев:

Ди ротэ фанэ,
Ди ротэ фанэ...

И совсем притихла улица, слушая боевую песню Испании:

Ты, знамя алое,
Красней зари,
Ты, знамя красное,
Гори, гори...

Они стояли и пели у самой крыши, среди тополиной листвы, под бледными июньскими звездами, веселые, абсолютно бесстрашные, готовые лететь навстречу всем пулям и штыкам, на-

встречу всем врагам. Вместе с песней, яростной, как горячий ветер.

Они не знали, что будут впереди годы, не очень спокойные, тревожные, но не опаленные еще самой большой грозой.

Еще восторженно маршировал по гамбургским мостовым Пауль фон Шифенберг, будущий командир дивизии СС, не ведая, что зимой сорок четвертого года пуля снайпера Вершинина просверлит ему переносицу. Еще не была сделана противотанковая граната, которую в белорусском лесу швырнет себе под ноги окруженный немцами партизанский разведчик Шадрин. Еще не построен был бомбардировщик, на котором погибнет стрелок-радист Шагренев. Никто не знал, что будет такой орден Отечественной войны, с которым вернется домой танкист Цыпин, а морской пехотинец Логинов не вернется, орденом его наградят посмертно. И, наверно, росла еще где-нибудь в Сибири та береза, из которой сделают приклад для снайперской винтовки Сергея Иванова. Их, эти приклады, будут делать на комбинате, куда пойдет работать Валька...

А сейчас они пели.

И в тысячах других дворов тоже пели, гоняли мяч, клеили воздушных змеев и стреляли из луков тысячи мальчишек, которых, видимо, не принимал в расчет и о которых разбил свою стальную мощь фюрер третьей империи рейхсканцлер Адольф Гитлер.

Они пели. Вечер был теплый, и песня славная, и друзья надежные.

Давайте простимся с ними сейчас, в этот хороший вечер. Впереди у них еще целых четыре лета — солнечных и почти мирных.

Книга вторая

КАНИКУЛЫ

ВЕРШНИНА — МЛАДШЕГО

1

В закопченные стекла огромных вокзальных окон пробился утренний свет. Пассажиры на скамейках и на полу лениво заворочались. В ухо Лешке гулко кашлянул лежавший рядом бородастый дядька. Лешка повернул голову в другую сторону, но прямо в нос ему чихнула замурзанная девчонка. И даже не открыла глаз.

Лешка обтерся рукавом, сел, раскрыл рот, чтобы зевнуть. Но от желудка к горлу потянулась противная ноющая боль. Наверное, от голода. Последний раз Лешка ел ровно сутки назад, на московском вокзале. Да и как ел... Пайку хлеба, которую получил по рейсовой карточке, он сжевал в очереди у кассы: отщипывал и вытаскивал мякиш прямо из кармана. И уж потом, когда закопостировал билет, записал Лешка свой завтрак теплой желтой водой из туалетного стакана.

Сейчас хлеба не было. И вообще не было еды, если не считать полкилограмма твердокаменной фасоли, полученной по талону «мука — крупа». На черта ему эта фасоль? Ее в дороге нигде не сварить. А обменивать один продукт на другой Лешка еще не научился.

Лешка стал выбираться из мешанины тел. Он вышел в скверик и оглянулся на здание вокзала. Над входом чернели крупные буквы «Бологое». Ниже висели большие часы. Было десять минут шестого. А поезд на Гродно — в пять вечера. А хлебный ларек, где можно будет отоварить последний талон рейсовой карточки, откроется только в девять. Зато Лешка очень ясно представил себе минуту, когда он возьмет с весов солидный брусок серого хлеба с коричневой корочкой, пойдет в скверик, сядет на симпатичную зеленую травку, откроет свой чемоданчик, достанет соль...

То, что он слопает суточный паек за пять минут, Лешка знал заранее. Как он проживет следующие сутки, пока поезд будет тащиться до Гродно, об этом он не задумывался. Все сомнения заслоняло восхитительное видение — полкило хлеба на весах в продуктовой ларьке.

От этого ларька брели в сторону Лешки два ремесленника.

Он услышал обрывок унылого разговора.

— Да еще пока подвезут хлеб, да примут, да начнут давать...

— Во-о! Пуп к спине присохнет. Дымнуть, что ли? Говорят, отвлекает.

— Давай. Папиросы?

— Откуда! Махры натряс из чинариков.

Парни сели на скамейку и закурили. А Лешке стало совсем тошно. Он бы тоже закурил, потому что немножко умел, но у него и махорки не было.

Вдруг он вспомнил. Папироса! Самая настоящая «беломорина», и совсем целая. Она лежала в зале ожидания, где он спал. Каким-то чудом она попала между секциями отопления и, наверное, уже давно лежит там никем не замеченная, потому что стала серой от пыли. Лешка увидел ее вчера, когда устраивался на ночь, но тогда она была ему ни к чему.

В зале на полу уже никто не лежал, но и на скамейках свободных мест не было. Лешка сел на пол, привалившись спиной к батарее, и аккуратно выудил папиросу. Потом он хотел встать, но колени вдруг задрожали, и он снова хлопнулся задом об пол. «Это от голода, — вяло подумал Лешка. — Сейчас закурю, и сразу станет легче. Отвлекает...»

Спички нашлись в кармане куртки. После первой же затяжки потолок из квадратного стал овальным и, медленно вращаясь, стал опускаться. «Посплю», — решил Лешка.

Но поспать не дали. Кто-то вынул у него из руки папиросу, и Лешка услышал очень серьезный голос:

— Документы, гражданин!

Он открыл глаза и, конечно же, увидел железнодорожного милиционера в тускло-малиновой фуражке, с казацкой шашкой на боку. Лешка не удивился и несколько не испугался, потому что за длинную дорогу у него уже проверяли документы не меньше пяти раз.

Он привычно сунул руку за борт своей вельветовой куртки, отстегнул на ощупь булавку и достал документы. Здесь был железнодорожный билет, украшенный двумя компостерами на пересадках, пропуск отделения НКВД на право въезда в пограничный город Гродно и официальный вызов от брата, на основании которого и был выдан пропуск с красной полосой. Еще здесь лежала рейсовая продуктовая карточка, свидетельство о рождении и справка, сообщающая о том, что «Вершинин Алексей, 1932 г. рожд., действительно окончил в 1944/1945 уч. году 6-й класс средней школы № 1 с оценкой знаний и поведения согласно прилагаемо-

му табелю». И наконец, была в этой пачке документов десятирублевая бумажка. Самая последняя десятка из тех тридцати, что прислал брат на дорогу.

Эту десятку и хлебную карточку милиционер протянул обратно Лешке, а документы принялся тщательно изучать. «Старайся-старайся, — лениво подумал Лешка. — Не такие проверяли. В Свердловске, Казани, Москве ни к чему не придирались, а тут какое-то задрипанное Бологое».

Но вместо того чтобы вернуть документы, милиционер аккуратно положил их в карман кителя и сказал:

— Ваши бумаги получите, гражданин, после того, как уплатите штраф. В кассу номер три. Десять рублей. Квитанцию принесете мне в дежурную комнату. Все.

Милиционер ловко вышвырнул в разбитое окно Лешкин окурок и удалился по узкому проходу между скамейками с резными вензелями на спинках — «НКПС».

Ошеломленный Лешка остался сидеть на полу.

— Вот так, мил человек. Не дыми, значит, в помещении, не нарушай атмосферу, — назидательно произнес рядом стариковский голос, и Лешка узнал дядьку, оглушившего его на рассвете своим кашлем. — Это он уже шестого или седьмого оштрафовал нынче за курев. Не иначе ему план доведен. А скажи на милость, какой тут смысл за чистоту воздуха воевать, когда в вокзале тыща человек ночует и каждый выдыхает, что имеет. Папироса твоя — это ж чистый деколон, ежели сравнить ее со всем прочим.

Лешка молчал. Сейчас он понимал только одно: вместе с документами от него уплывало по проходу дальнейшее путешествие в Гродно и неизвестно на когда отодвигалась встреча с братом.

Конечно, можно уплатить штраф и тем самым выручить документы. Но десятка-то последняя. На какие шиши он тогда хлеб по карточке выкупит? Пускай там и нужны копейки, но даром-то все равно не дадут. И потом — за десятку можно купить у теток на привокзальном базарчике две картофельные лепешки. Мягкие и рыхлые от подгоревшей корочки.

Где выход? Догнать милиционера и пустить слезу? Объяснить ему, как и что?

Но даже пустой Лешкин желудок возмутился оттого, что придется стоять и хныкать, кланчить и унижаться. И еще неизвестно, выпросит ли он назад документы. Не все же милиционеры, наверно, такие понятливые, какой однажды встретился его брату Дмитрию. Брат рассказывал, что году в тридцать седьмом, когда ему было примерно столько, сколько сейчас Лешке, взял его однажды за шиворот милиционер. Обоснованно взял: нельзя рас-

стреливать из лука городские афиши, если даже на них и нарисованы представители класса буржуазии. А Митька расстреливал. И попался. И шел уже под милицейским конвоем в отделение, но... они как-то разговорились, подружились, и дело кончилось совсем уже фантастично: милиционер дал Митьке два раза выстрелить в загородном овраге из своего нагана.

Этот легендарный эпизод был одной из самых ярких страниц в семейной хронике братьев Вершининых. Среди мальчишек их двора он передавался из поколения в поколение. Естественно, что Лешка приучился смотреть на милицию без опаски. Конечно, как всякий мальчишка, он понимал, что незачем под носом у постового милиционера махать рогаткой, а лучше пронести ее за пазухой. И необязательно выяснять отношения с недругами из соседнего двора посреди тротуара, поскольку для этого существует пустырь за стадионом. Но недоверия и вражды к людям в милицейских фуражках Лешка до сих пор не испытывал. Может быть, и этот... разговорится и подружится с ним, а потом безвозвратно вернет ему документы?

Не выйдет. Брат Митя подружился с милиционером благодаря счастливому случаю. Выяснилось, что молоденький блюстителю порядка учился с шестого по седьмой класс как раз у Петра Михайловича Вершинина и очень уважал своего преподавателя русского языка.

А тут какие могут быть общие знакомые, за две тысячи километров от дома?

Разве что... рассказать милиционеру о брате Дмитрие, к которому он едет. Что это знаменитый снайпер Второго Белорусского фронта, что у него три ордена и восемь медалей, а сейчас он — комсомольский работник. У милиционера на кителе тоже позванивали медали. Фронтовик проникается симпатией к другому фронтовику и...

От отвращения к самому себе за такую шкурную расчетливость Лешка плюнул на пол. «Орденами брата вздумал спекулировать. Хвастун драный! Узнал бы Митя!»

Штраф Лешка в кассу уплатил и, зажав в кулаке квитанцию, пошел искать милиционера.

Тот стоял у выхода и наблюдал за ремесленниками, которые полчаса назад подкинули Лешке бредовую идею, будто курево утоляет голод. Парнишки занимались делом явно сомнительным с точки зрения законности и порядка. Они развели посреди скверика небольшой костер и жарили на прутиках ломтики картошки. В невидном на солнце пламени тихо и уютно потрескивали обломки крашеного штакетника.

«Сейчас он им выдаст!» — подумал Лешка. Подумал безо всякого злорадства, а скорее с сожалением, что у мальчишек пропадет такая замечательная еда.

Однако милиционер стоял и спокойно смотрел на костер. Это был пожилой и, наверное, не очень здоровый человек с серым отечным лицом, изъеденным оспинками. Ремесленники совсем расхрабрились и насадили на ивовый прут еще одну партию желтых картофельных кружочков. И только тогда милиционер шагнул с вокзального крыльца к ним.

— Проголодались, фабзайцы? А хлеб у вас к картошке есть? — услышал Лешка грубоватый голос милиционера.

Ремесленники отрицательно закрутили головами.

— Никак нет, товарищ сержант. Был бы хлеб — бульбой не занимались бы.

— Понятно... Угостил бы вас, пацаны, да сам еще не отоварился. Вы вот что: жарьте-ка побыстрее, а потом огонек все-таки притушите. Не положено.

Видимо, Лешка слишком громко у него за спиной проглотил слюну. Сержант обернулся.

— Вот! — сказал Лешка, протягивая квитанцию.

— Так. Уплатил, значит. Ну и порядок. Документы я в стол спрятал. Пройдем в дежурку.

В унылой дежурной комнате сержант с трудом втиснулся за маленький канцелярский стол. Достал Лешкины бумаги и поднял глаза на их владельца.

У стола, нахохлившись, стоял шуплый двенадцатилетний мальчишка стандартного городского типа. Аккуратная короткая стрижка под полубокс. Очень приличная вельветовая курточка с поясом. Темно-синие суконные брюки. По бокам они изрядно помялись, но спереди заутюженная складка отчетливо видна. На ногах почти новые желтые полуботинки. Правда, несколько не вяжется с добротной одеждой чумакая физиономия, но дорога есть дорога.

— Что же ты так, а? — вздохнул за столом сержант. — Из хорошей, видать, семьи, а куришь в такие годы. Да еще в неподобающем месте. А?

Лешка ничего не ответил, но подумал, что это несправедливо: в дополнение к штрафу читать нотацию.

— Не хочешь разговаривать? Как знаешь. Только непонятно мне все-таки твое поведение. Ну, те фабзайцы махру тянут, так они и постарше и самостоятельные. Может, даже слишком. Мне вот интересно, где они сырую картошку организовали. Ну да голод не тетка, он научит...

Милиционер задумался, словно и забыл о Лешке. А ему стало

нестерпимо досадно. Что же такое получается? Тем парням ни за костер, ни за картошку не попало, а он, Лешка, из-за дохлой папироски последнего хлеба лишился. Есть справедливость на свете? В самый бы раз зареветь сейчас от жалости к себе. И от обиды. Но тут Лешка представил, как Дмитрий начнет расспрашивать его о дороге, надо будет признаваться, что пускал слезу перед рябым милиционером на последней пересадке перед Гродно. Он словно наяву увидел, как у Мити в улыбке изгибаются книзу губы и сочувственно морщится нос. Такой жалости старшего брата Лешка боялся пуще всего.

— Пусть ваши любимчики фабзайцы подавятся своей краденой картошкой, — сипло сказал он сержанту. — Они с голоду не помрут. А у меня можете и карточку забрать. Все равно ей пропадать без денег. Только... только всё это неправильно!

Лешка рванул из кармана коричневый обрезок рейсовой карточки и швырнул на стол. Схватив документы, он выскочил за дверь. На полу дежурки остался лежать желтый обшарпанный чемоданчик...

Что было потом в дежурке, Лешка не видел. А было вот что.

— Сейчас вернется, — пробормотал сержант. — Ох и дам я сопляку за грубость. С чего он так на меня остервенился?

Но вместо досады на мальчишку ощутил непонятное беспокойство. Он поднял с пола легонький чемоданчик и откинул язычки замков. Внутри лежали две пары маек и трусов, тапки в газете, белая рубашка, а на ней отглаженный пионерский галстук. Пара книжек: «Человек-амфибия» и «Древние города нашей Родины». В углу скомканная промасленная бумага и в ней крошки. Наверное, от домашнего пирога. Все!

Он еще раз перетряхнул чемодан — кроме крошек, ничего съестного не было. Сержант осторожно опустился на стул, чувствуя, как заныло, потом гулко застучало в левом боку. Взгляд упал на левую карточку. На ней сиротливо торчал один-единственный невыстриженный талон...

Через некоторое время Лешка сидел на квартире сержанта железнодорожной милиции и хлебал борщ. Хозяин орудовал ложкой за столом напротив.

— Понимаешь, парень, меня жакетка твоя подвела. Вижу, сидит в уголке нарядный хлопчик и балуется папироской. Сам я, между прочим, за всю жизнь не курящий. Ну, думаю, спрятался маменькин сынок от своих культурных родителей и покуривает тайком. Думаю дальше: штрафану, а потом с папой-мамой объяснюсь. Не пришло мне в голову, что ты в одиночестве путешествуешь. Между прочим, как это понимать? Может, расскажешь?

Лешке не очень хотелось рассказывать. Он еще не до конца остыл после происшедшего. Но вопрос «может, расскажешь?» прозвучал в критический момент, когда перед Лешкой была поставлена вторая миска дивного варева.

Вежливость — долг королей и гостей. Лешка начал рассказывать.

Письмо Дмитрия мать прочитала Лешке вслух.

«Милая мама и возлюбленный мой братец Алексей! Похоже, что в Гродно я осел фундаментально. Как уже сообщал, после основательной штотки в госпитале меня уверили, что сумеют взять рейхстаг без помощи старшего лейтенанта Дмитрия Вершинина, и быстренько демобилизовали. А поскольку я кандидат партии, то столь же оперативно предложили и штатскую работу — в обкоме комсомола. Кадры в этом западном городке нарахват. День Победы я встретил не верхом на Бранденбургских воротах, как мечтал всю войну, а в командировке, в окружении симпатичных сельских хлопчиков и девчат, которым растолковывал Устав ВЛКСМ. Публика понятливая, и в свою работу я влюбился. А больше ни в кого — смею тебя в этом, мамочка, уверить. Поэтому частенько испытываю потребность ощутить около себя кого-нибудь из близких.

Вот и пришла мне в голову идея вызвать к себе Алешку на его каникулярный срок. Ты, мам, подожди ойкать: все это вполне реально. Во-первых, братья три года не виделись и самая пора им встретиться. Во-вторых, подвертывается удачная оказия, и разлюбезный братик мой двинет сюда с полным комфортом и в абсолютной безопасности, потому что поедет с майором Харламовым, весьма близко знакомым мне по трехлетнему совместному проживанию в землянках, окопах и прочих комфортабельных местах. Он двигается в наши края за женой и карапузом и на обратном пути заберет Лешку. Уговор такой: в день выезда он сообщает тебе телеграммой номер вагона, и ты попросту воткнешь туда Лешку. И все. Остальное — на майорской совети, а она железно проверена. Так что в первых числах июня пусть братик (если, конечно, экзамены сдаст) будет подготовлен к старту «нах вест». А в августе я его собственноручно верну в твои объятия, потому что подойдет мой первый гражданский отпуск, и мы наконец-то увидимся. В общем, собирай братишку в дорогу — пусть поглядит на белый свет. Да и ты от него отдохнешь. А с голоду мы с ним

не пропадем: зарплата у меня приличная и к тому же ли-терный паек. Квартирка хоть пока и частная, но ничего. Мой адрес — улица Подольная...»

Адреса Лешка уже не слышал. Он сделал стойку на руках, по-том рандат, прошелся колесом и сбил пятками чайник со стола. Мать хлопнула его ниже спины и сказала:

— Сядь. То есть встань. То есть сядь... леший тебя разберет с твоей акробатикой. Ты что, уже успел всерьез вообразить, что в самом деле куда-то поедешь?

— Мам, а почему нет? — ошалело спросил Лешка.

— Потому что твой старший братец сумасшедший фантазер. За три тысячи верст...

— Две с половиной, — быстро уточнил Лешка.

— ...отправлять ребенка — это могло прийти в голову толь-ко... — И мама заплакала.

Потом Лешка дочитал письмо Дмитрия:

«Р. С. Мам, я очень виноват перед тобой за папу, что не сумел пока побывать на его могиле. Но кто знал, что меня вышибут из седла на польской границе. Придет время, и я поеду в Венгрию. У меня две карточки стоят на столе — па-пина и твоя. Пойми это и поверь мне...»

Отца Лешка помнил и любил. Он только что кончил второй класс, когда тот в последний раз подошел к Лешкиной кушетке, откинул одеяло, дернул сына за голую ногу, и вдруг на эту ногу капнуло что-то теплое. Лешка вытаращился на отца, который был похож и не похож на себя в тугих командирских ремнях на колю-чей суконной гимнастерке, а потом глупо сказал:

— На войну, пап?

И уснул. Потому что до смерти намаялся в прошлый вечер с клейкой футбольной камеры.

Больше Лешка отца не видел. В январе пришло в семью Вер-шинных два скорбных известия: гвардии майор Вершинин Петр Михайлович пал смертью героя при освобождении Венгрии в районе озера Балатон, а старший лейтенант Вершинин Дмитрий Петрович ранен на Сандомирском плацдарме при освобождении Польши и эвакуирован в госпиталь в город Гродно.

Мать слегла. У нее хватило сил только на то, чтобы упраши-вать своего младшенького: «Мите об отце не пиши ни слова. Мо-жет, хоть он выживет». И только когда Митя прислал карточку, где был изображен невредимым при выходе из госпиталей, мать переслала ему похоронку на отца с коротенькой припиской: «Ты остался старшим в семье».

В общем, мать поплакала, но Лешку начала собирать в дорогу. И чем ближе подходил июнь, тем сборы шли интенсивнее. Отку-да-то из комода был извлечен довоенный отрез коричневого вель-вета. Из него мать сконструировала замечательную куртку, кото-рую называла толстовкой. Примеряя ее, Лешка млел от восторга и думал, что если Лев Толстой и носил подобные изумительные ве-щи, то уж, конечно, не за плугом, как изображено на известной картине. Там Репин явно преувеличил: даже граф и классик рис-кует беспутно разориться, если позволит себе подобную роскошь.

Потом на сцену выступил трехлитровый эмалированный би-дон, в который мама начала складывать пайковые брусочки сли-вочного масла.

— В дороге тебе масло ох как пригодится, — сказала она одна-жды. Между прочим, скоро Лешка в этом убедился.

Первого июня Лешка сдал последний экзамен, по географии, вечером мама выгладила белье, испекла пирог с капустой, но упаковывать чемодан не стала, а с тонкой улыбкой сказала сыну:

— Похоже, что завтра мы с тобой этот пирог съедем.

— Н-ну? Это почему, мам?

— Телеграммы-то нет от этого майора.

Телеграмма была доставлена в одиннадцать вечера:

«Второго поезд семьдесят два вагон семь майор Харламов».

Лешка опять делал фляки и рандаты, а мама завертывала в пергаментную бумагу пирог и мочила ее непонятными слезами.

Купить билет на проходящий поезд было практически невоз-можно. Но они купили, потому что начальником вокзала работал бывший папин ученик, а сейчас одноногий инвалид. Вот только с номером вагона вышла заминка.

— В седьмой не могу — это офицерский. Не имею права.

— Так Леша и поедет в офицерском. Вместе с Митиным одно-полчанином. Вот телеграмма.

— Вполне возможно. Но в седьмой могу дать посадочный та-лон только через военного коменданта. Пусть этот майор к нему и сбегает во время остановки. Поезд стоит четырнадцать минут. А пока — только в общий.

Поезд пришел почти вовремя. Лешка с матерью пробилась сквозь перронную толпу к седьмому вагону и стали ждать.

Но оттуда никто не выходил. Пожилая толстая проводница впустила двух саперных капитанов, солидно предъявивших про-ездные документы. Вслед за ними впрыгнула на подножку шуст-рая девица в пилотке, плащ-накидке и с вещмешком на одном плече. Она не предъявила никакого документа, и проводница мол-

ча загородила вход в тамбур своей мощной фигурой. Девушка ловко скользнула ей под руку, плащ-накидка с одного плеча свалилась, блеснул узкий серебряный погон с зеленым кантом, и проводница так же молча убрала с прохода руку-шлагбаум. Только досадливо пожевала губами вслед резвой медичке.

Вокзальное радио угрожающе прохрипело, что до отправления пассажирского поезда Новосибирск — Москва остается пять минут, а никакой майор не показывался. Откуда Лешке было знать, что три часа тому назад, перед самым отправлением семейства Харламовых на вокзал в своем городке, их двухгодовалый отпрыск слотнул пуговицу от папиного кителя, приняв ее за леденец. Об этом Лешка узнал значительно позже, а пока он ощутил теплую ладошку мамы.

— Пойдем, сынок, домой, — сказала она. — Не вышло с твоей поездкой. Пойдем в кассу, сдадим билет. Еще пять минут, кто-нибудь купит. Вон сколько народу...

Жизнь рушилась. Все летело в тартарары. И встреча с братом. И путешествие на Крайний Запад, как давно окрестил свою поездку Лешка. И последующие рассказы в классе о далеком пограничном городе на реке с удивительным названием Неман.

Пять минут — и совершится жуткая жизненная катастрофа. Из-за чепухи. Из-за того, видите ли, что какой-то майор не вышел из вагона. Можно такое допустить?

— Мам, я поеду, — тихо и серьезно сказал Лешка.

— Ну-ну, не дури, — только и ответила мать.

Ответила ласково и даже весело.

— Мама, я поеду! — громко и в отчаянии повторил он. — Митя же ждет.

Рывкнул локомотив. Могучая проводница седьмого вагона вытащила из-за пазухи желтый флажок. Лешка глянул на мать, на медленно повернувшиеся колеса вагона и швырнул в тамбур, прямо под толстые ноги проводницы в брезентовых сапогах, свой чемоданчик. Он наспех ткнулся носом в мамин подбородок и одним прыжком взлетел на площадку. При этом он здорово трахнулся головой в живот железнодорожной сетки.

Вагон двинулся быстрее.

— Ле-шень-ка! — закричала мама.

— Мам! Я доеду! Я тебе... телеграмму!..

Проводница глянула на Лешку, посмотрела на бегущую за вагоном мать и вдруг гулко захохотала:

— Этот — доедет! Этаким куды хошь доедет. Как он меня под пуп двинул! Мадам, не волнуйтесь, он доедет.

— Лешенька-а, бидончик забыл! — кричала мать.

Проводница спустилась на ступеньку ниже, подхватила из рук матери посудину и так и стояла на подножке — с флажком в одной и бидоном в другой руке, пока вагон не скрылся на повороте за длинным пакгаузом.

Лешка поехал.

— Ну, а где же тот бидон? С маслом то есть, — усмехнулся сержант, выслушав Лешкин рассказ.

— У тетки он и остался, — вздохнул Лешка.

— Это как?

— Она меня в седьмом вагоне до Москвы везла, в своем купе. Говорила, от контролеров прячет.

— У тебя же билет, чего тебя было прятать?

— Ну... не знаю. Попросила в благодарность какую-то оставить масло.

— Та-ак. Непорядочная она баба. Какой, говоришь, номер поезда? Ну-ну! Значит, так ты и прохарчился в дороге. А деньги? Ты же сказал, что триста рублей имелось.

— Так телеграммы же! — Лешка выдернул из штанов комок квитанций. — Я их маме из Свердловска, Казани, Москвы посылал. Еще Канаш какой-то, Вятские Поляны.

Лешка помолчал и вздохнул.

— Здорово дорого стоят телеграммы.

— А чего сообщал-то матери?

— Ну — чего! «Еду хорошо. Уральские горы маленькие, Волга широкая, но не очень, в Москве видел двух дважды Героев, наверное, приехали на парад Победы, сам здоров, только потерял носовые платки».

— И все это телеграфом отстукивал? — Сержант долго смеялся, и его пухлые щеки тряслись, как холодец.

Из Бологого Лешка уезжал с комфортом. Он был посажен, а вернее, положен в плацкартный вагон на среднюю полку, снабжен буханкой хлеба, десятком яиц и парой здоровенных соленых огурцов. Уже прощаясь с Лешкой, сержант сунул ему в кармашек куртки бумажный пакетик.

— Это тут... адрес мой. На всякий случай. Мало ли что... Брату передавай привет. А будешь матери писать, так уж... того: не шибко поминай меня лихом. Бывай здоров, парень.

Укладываясь спать, Лешка развернул пакетик. Химическим карандашом и не очень ровными буквами там действительно был

записан адрес: «Отд. милиции ст. Бологое Окт. ж. д. С-нт Кононов Никанор Никанорович».

И еще там лежала красная тридцатирублевая бумажка. Лешка улыбнулся и крепко уснул на полке. Проспать он не боялся: поезд шел до конечной станции — заманчивого и уже близкого города Гродно.

2

Брата Лешка увидел еще из тамбура вагона. Посредине перрона стоял высокий блондин в безупречном офицерском кителе без погон, отутюженных галифе и начищенных до сияния тонких хромовых сапогах. В руке он держал армейскую защитную фуражку.

Прохожие уважительно косились на три ряда орденских планок на груди молодого человека, а какой-то стриженный солдатик на всякий случай козырнул ему. Это и был Дмитрий Вершинин. Быстрым шагом он догнал Лешкин вагон и подхватил брата на руки вместе с чемоданчиком. Через минуту они сидели в привокзальном скверике, и Лешка уплетал бутерброд со свиной тушенкой. Дмитрий извлек его из заднего кармана галифе.

— Дожеывай, и пойдем на телеграф, — сказал старший брат. — Мать бомбардирует телеграммами с того самого момента, когда ты лихо стартовал в свой межконтинентальный вояж. Диву даюсь, как она разрыв сердца не получила за эти дни. Нашелся на ее голову новоявленный Миклухо-Маклай.

Лешка поперхнулся тушенкой.

— Я же слал телеграммы с каждой станции, что еду нормально.

— Разумеется. Всемирно известный путешественник Вершинин снисходительно извещает родных и близких об этапах своего блистательного передвижения из Азии в Европу. Они полны признательности за его чуткость и пунктуальность. А также просят фундаментально выпороть путешественника по прибытии его в назначенную точку земного шара.

— Ненужные церемонии, — сказал Лешка.

Глаза брата смеялись, а его длинные сильные пальцы ласково теребили стриженую Лешкину макушку. Наконец Дмитрий сунул его голову себе под мышку и слегка хлопнул по тому самому месту. Тогда Лешка окончательно развеселился. Этот жест брата он помнил с младенческих времен и знал, что он свидетельствует об отличном настроении Мити.

Город Лешку обрадовал и удивил. Он был очень чистый и очень зеленый. На мостовой из квадратных, отполированных временем камней не было ни соринки. Паркетно блестел и плиточный тротуар. Сплошной аллеей уходили вдаль шеренги уже от-

цветающих каштанов. Такие деревья Лешка видел впервые и залюбовался их желто-белыми свечами.

Почти незаметно было разрушенных зданий, на которые он насмотрелся начиная от самой Москвы. Но вскоре Лешка понял почему: за пышной зеленью не видно было и самих домов. Только в конце улицы высоко в небо врезались несколько башен.

— А чего церкви... такие острые? — удивился Лешка.

— Гм... Такова уж архитектура католических храмов. Это костелы. Справа — называется Фарный, а вон тот — Бернардинский. Там сейчас женский монастырь.

— Чего?! — усомнился Лешка. — И монашки есть?

— Есть немного, — улыбнулся Дмитрий. — Надеюсь, скоро исчезнут.

— А куда они денутся?

— Наверно, в Ватикан отправятся, к папе римскому. Чего им здесь делать? А пока мой тебе совет — не закрывай рот, раз уж открыл. Потому что изумляться придется еще и еще. Во всяком случае, в первый день. Это тебе не наш сибирский городок.

Лешка был вконец заинтригован. Они неторопливо шагали по плиточному тротуару, и Дмитрий понемногу продолжал рассказывать.

— Тут, милый братик, пока население что слоеный пирог у пьяного кондитера. Какой только начинки и примесей не встретишь. Само собой, что больше всего рабочих, поскольку фабрик в городе хватает, да плюс железнодорожники. Однако и хлама разного немало. Монашки — это так, мелкие песчинки. А есть нежелательные добавки и посерьезнее: недавние чиновники, коммерсанты, просто бездельники. Если угодно, даже помещики попадают.

— Настоящие? — Рот у Лешки действительно не закрывался от удивления.

— Бывшие настоящие. Кто не успел с немцами удрать. Но ты не думай, что эта публика шеголяет в соломенных канотье и пикейных жилетах. Из Ильфа и Петрова они усвоили лишь финальный завет Остапа и пытаются срочно перекалцифицироваться в управдомы. Вакансий только не хватает. Хотя и в смысле туалетов тоже встречаются... человекоподобные. Полюбуйся, например, на того пестрого фрукта.

Лешка полюбовался. По другой стороне улицы медленно вышагивал долговязый мужчина в расстегнутом длинном плаще канареечного цвета, из-под которого виднелись ярко-клетчатые брюки. Внезапно он остановился перед девицей с шикарной трехъярусной прической.левой рукой он ловко сдернул с головы оранжевую шляпу, а правой подхватил женскую руку и громко чмокнул ее куда-то выше кисти, затянутой в перчатку.

— Я в восторге, что пани вышла на шпацир! — донеслась ворующая речь.

И снова поцелуй ручки. Пораженный Лешка пошел боком. Такое он видел только в кино.

— Образец фланера-тунеядца, — хмыкнул Дмитрий. — Идти рабочим на завод ему шляхетский гонор не позволяет, гешефты на черном рынке кончились, а больше он ни к чему не приспособлен. Вероятно, ждет, когда его пригласят бездельничать в Польшу. И фатально заблуждается, потому что там сейчас тоже трудовая дисциплина.

Лешка стал внимательно присматриваться к прохожим. Да нет: за исключением «фрукта», никого особенного больше не встречалось. Никаких купцов и помещиков. Навстречу шли самые обычные люди в обычных будничных костюмах. Женщины ташили с базара кошелки с редиской и салатом. Много попадалось гимнастерок без погон, а если с погонами, то чаще всего зелеными.

Но вот снова мелькнуло перед глазами что-то непривычное. Прямо по проезжей части улицы степенно двигался плотный бритый дядя в странной белой накидке. Сзади и спереди ее были нашиты рогатые черные кресты. Рядом с ним чинно вышагивали в таких же накидках, только без крестов, двое мальчишек Лешкиного возраста.

Он вопросительно уставился на брата.

— Такое вот дело, раб божий Алексей, — сказал Митя. — Скендз с херувимами идет сопровождать в лучший мир какого-то правоверного католика.

А потом навстречу попалась гурьба пионеров. Они шли очень знакомо для Лешки: пытались двигаться строем, но разве его удержишь на тротуаре, где толкаются прохожие и приходится их обходить. И только горнист и барабанщик маршировали строго по прямой, и все перед ними расступались.

Лешка приосанился и хотел салютнуть, но вспомнил, что без галстука.

Дмитрий надел фуражку и взял под козырек.

А еще через десяток шагов Лешка увидел в полукруглом подъезде четырех оборванных пацанов, которые вдохновенно резались в карты, кидая их на кучку бумажных денег.

Действительно, слоеный пирог...

— Мы зайдем ко мне в обком, пообедаем в буфете, а потом уже на квартиру, — сказал Дмитрий. — Не исключено, что вечером выкупаемся в Немане. Угадал твою светлую мечту?

— Угу, — счастливо выдохнул Лешка. — А Неман — река пограничная? Там уже сопредельная территория, да?

— Ух ты, до чего же тебе экзотики хочется, — фыркнул старший брат. — Между прочим, мать пишет, что от этой экзотики и всяческих приключенческих ситуаций я обязан тебя оберегать пуще своего глаза. Она упоминает, что у тебя талант влипать в разные истории. Это как понимать?

— Преувеличивает, — сердито буркнул Лешка.

...Подумаешь, талант. Всего и было-то, что их пионерский патруль застукал весной на реке четырех браконьеров, а в милиции выяснилось, что один из них является прямым маминым начальником из треста. Сейчас мама подумывает об увольнении по собственному желанию. Но Лешка же не нарочно...

Правда, в другой раз мама тоже немножко понервничала. Это когда он со своим приятелем утащил домой чужую пилу и топор. А что — неправильно? Пришли два дядьки и собрались пилить березу, которая росла под их окнами, говорят, со времен Ермака. Проводам, видите ли, береза мешает. Ну и тяните провода выше или с другой стороны! Дядьки сели покурить перед работой, а их инструмент исчез тем временем. Потом нашли его под крыльцом Лешкиного дома. И долго потрясали перед маминым носом кулаками, требуя какого-то протокола. Мама рассердилась и позвала соседа, который был эвакуирован из Ленинграда и работал в горсовете. Сосед тоже рассердился и увел куда-то дядек. Они больше не приходили, а мама треснула Лешку между лопаток и объявила, что это — за «донкихотство».

Вот и все. А они сразу — «талант»!

Обком комсомола помещался в двух этажах серого особняка. Здесь была знакомая Лешке атмосфера делового учреждения. Из комнаты в комнату проходили парни в обычных пиджаках или кителях без погон, как на брате, пробегали девчата в блузках с комсомольскими значками, а одна даже в пионерском галстуке. Она скрылась за дверью с надписью «Отдел школ и пионеров».

Митя подошел к двери с табличкой «Отдел крестьянской молодежи».

— Моя резиденция! — объявил он Лешке. — Ты отдышись тут на стуле, а я освобожусь ровно через пять минут.

Лешка присел на стул у двери. Из-за нее доносился разговор.

— ...Двенадцать комсомольцев и не могут создать в родной деревне колхоз? Ох, что-то ты, Иван, клеветешь на сельскую гвардию. Пусть своих папаш вовлекут для начала.

Это голос брата. Спокойный и, как всегда, немного насмешливый.

— Папаши им вовлекут... сыромятными вожжами. Один парень отвез соседке-вдове телегу навоза, так и то пришлось судить отца за избиение.

Это произносит сердитый бас с хрипотцой.

Лешка вдруг затосковал. «Навоз, колхоз...» Неужели это его брат Митя рассуждает там за дверями о столь обыкновенных вещах? Тот Дмитрий Вершинин, который срезал из засады командира дивизии СС и получил «Красное Знамя» из рук самого маршала Рокоссовского! Что, ему работы поинтересней не нашлось?

Из школьного отдела вышла в коридор очень высокая, полная, красивая тетя с комсомольским значком на тугом голубом свитере. Она была такая большая, что Лешка невольно поджал под стул ноги, освобождая проход. Но высокая девушка остановилась. Она возвышалась над Лешкой, как башня. Так же монументально и безгласно.

Лешке стало не по себе.

— Здравствуйте, — на всякий случай сказал он и привстал со стула.

Девушка взяла его могучей рукой за плечо и подтянула вплотную к себе. Еще секунда молчания.

— Ты — приехавший на каникулы младший вершининский брат, — сообщила она Лешке звучным, красивым голосом. — Ты похож на Диму. Очень похож. Как... жеребенок-сосунок на взрослого скакуна.

Пока Лешка медленно багровел от возмущения и сочинял в уме достойный ответ, монументальная девушка нагнулась и крепко поцеловала его в губы. А пока он обалдело вытирался, величественно удалилась по коридору.

Вскоре вышел Митя и с ним невысокий прихрамывающий парень с густой копной черных-пречерных волос и такими же бровями.

— Приезжай, Вершинин, в район, не тяни, — сказал он Дмитрию.

— Скажи сестренке, пусть готовит блины. Вот только братика приучу к местной жизни и приеду. Знакомься с ним, кстати.

Черноволосый рассеянно сунул Лешке жесткую ладонь и захромал к лестничной площадке.

— Ты чего губы трешь? — спросил Дмитрий брата, когда они сели в буфете за столик.

— Да... меня тут какая-то сумасшедшая тетка обмусолила.

Выслушав Лешкин рассказ, Митя схватился от смеха за живот. Потом хитро подмигнул.

— Не будь самонадеянным и не слишком принимай это на свой счет. Боюсь, что ты выступил в роли промежуточной инстанции. А вообще-то девушку эту зовут Соня Курцевич. Отличнейший человек и превосходный инструктор отдела школ, а в недалеком прошлом — уникальный партизанский подрывник. Говорят, таскала на плечах по полцентнера взрывчатки.

— А сейчас она что делает?

— Э, братик, есть что делать. Это только называется — отдел школ. А сколько всякой босяцкой публики еще предстоит загнать в школы. Сколько ребятишек из-за войны отбились от рук. Вернее, отбили. Отцов с матерями поубивали оккупанты. Вот тем и занимается бывшая лихая партизанка. Софья — инструктор по детдомам.

Лешка самым невинным тоном спросил:

— А ты — по колхозам? И по навозу?

Старший брат поперхнулся рисовой кашей и угрожающе положил вилку. Лешка тоже перестал есть, ожидая заслуженной нахлобучки за дерзость.

— Значит, подслушивал? — свирепо спросил Дмитрий.

— Не подслушивал. Вы там басили на весь коридор.

— Ешь компот и запоминай, что я тебе скажу. Относительно моей персоны ты, разумеется, мыслишь феерически: толпы народа ликуют при виде твоего прославленного в боях братца. В этом роде мерещились миражи?

Лешка сердито промолчал. Он с пеленок помнил вредное умение брата влезть в самые сокровенные мысли и высмеять их. Правда, делалось это обычно один на один и потому было не очень обидно.

Они быстро помирились и на этот раз.

— Мить, а почему называется отдел крестьянской молодежи? — спросил Лешка.

— А какой надо?

— Почему не колхозной...

— Н-да, парень ты наблюдательный. Только дело-то в том, что колхозов у нас в области еще нет. Почти. Только начинаем создавать. Тут же Советская власть меньше двух лет была, с тридцать девятого до начала войны, а потом — немцы три года. Фашисты здесь нагадили за оккупацию еще хуже, чем белополяки за девятнадцать лет. Впрочем, для политграмоты у нас с тобой время еще будет. Рассказывай о доме.

Вторую неделю Алексей Вершинин живет в гостях у Дмитрия Вершинина. А если точнее, то живет сам по себе. Потому что Дмитрий как уйдет с утра в обком, так и приходит в девять вечера. Правда, в полдень Лешка бегаёт к брату, и они вместе обедают в обкомовской столовой.

А ужинают дома. Из яичного порошка, сгущенки и консервированных заморских абрикосов, которые Митя получает по своим карточкам «ответственного работника», квартирная хозяйка Фелиция Францевна готовит разные вкусные блюда. За это ей Дмитрий приплачивает какую-то сумму.

Лешке хозяйка нравится, хотя она худая, длинная, плохо говорит по-русски и без конца тянет из белой фаянсовой кружки горячую «каву», то есть кофе. Нравится за то, что каждое утро гладит брату его офицерские брюки, а самого Лешку без всяких наставлений отпускает на реку, как только Дмитрий уходит на работу.

Их домик стоит на тихой прибрежной улице с красивым названием Подольная. От дома до песчаного берега Немана шагов триста. Никакая это не пограничная река, как сначала думал Лешка. За ней тоже город, там заводы и фабрики. А граница от города самое близкое километров за восемь. Но все равно это очень интересная река. Она широкая и быстрая, а посередине мелкая. На солнце ясно просвечивает желтая отмель. А у берегов — глубина. Переплывешь ее, и на середине можно спокойно ходить по щиколотку в теплой воде. Дальше снова глубоко, но после отдыха на отмели совсем нетрудно добраться до другого берега.

Это Лешка сегодня и сделал.

Вообще-то Дмитрий предостерегал его от такого шага.

— Понимаешь, Алексей, коварный этот Неман. Мин, конечно, уже нет, раз пароходы пошли. Зато воронки. Тут, говорят, каждый год кто-нибудь отправляется к Нептуну. У тебя как с плаванием?

— Ну как... Нашу Туру переплываю, а она же без острова посередине.

— Глади. Все-таки надо поосторожнее.

Сегодня Лешка махнул на другой берег ввиду необходимости. Еще вчера трое мальчишек с той стороны обидно захохотали, когда он доплыл до отмели, передохнул и тут же повернул обратно. Один из них отчетливо прокричал что-то насчет толщины кишков и заждавшейся мамочки. Ночью Лешка спал плохо.

И вот сейчас он подходил четким кролем к бревенчатому пло-

ту, на котором сидели мальчишки. Подплыл, подтянулся на руках и выметнулся на плот.

— А ничего шлепает! — одобрил один из троих, обращаясь не то к Лешке, не то к приятелям.

Он полулежал на сосновых бревнах, худой и черный от загара. Лобастая голова коротко острижена. Глаза круглые, глядят в упор.

Лешка встал на ноги. Он открыл рот, чтобы сказать парням деликатное «здравствуйте», но язык сам собой произнес более подходящее к обстановке:

— Здорово!

— О! Восточник! — захохотал вдруг плотный белокурый мальчишка и дурашливо задрал ноги. — Еще один на нашу голову. Ты из какого колхоза, лапотник?

Смысл вопроса Лешка не совсем уловил, но его интонация сомнений не оставляла. Она была откровенно издевательской.

Лешка нащупал пяткой углубление между бревнами, уперся в него ногой и выбросил руку по направлению к белокурой кудрявой шевелюре. Но дотянуться не успел, потому что блондинчик вдруг заскользил по мокрым бревнам в сторону, получив основательный пинок в зад. Это угостил его широколобый.

Проследив медленно-поступательное движение кудрявого к воде и убедившись, что тот не свалился, паренек повернулся к Лешке и коротко улыбнулся. Вверху у него не оказалось двух зубов.

— Плюнь. Садись. Меня зовут Михась. Тот, что под хвост получил, — Казик. А это Стась.

Тут Лешка разглядел и третьего мальчишку, который сидел в сторонке. Как и все, он был в одних трусах и такой же загорелый. Но и не такой, как все. Лешка наблюдал за ним всего лишь пару секунд и испуганно отвернулся.

У парнишки непрерывно дергалась куда-то в сторону и кверху голова, судорожно поднимались и опускались плечи, ходуном ходили или вдруг начинали трястись мелкой дрожью сложенные на коленях руки.

И еще были у него карие мохнатые глаза. Получалось как-то так, что глаза не дергались вместе с головой, а все время прямо и будто укоризненно смотрели на Лешку.

— Чего он так? — шепотом спросил Лешка.

— Контуженый, — коротко объяснил Михась. — Немец в погреб гранату кинул, а Стаська ее обратно. Чуть-чуть не успел: близко разорвалась. Мать жива осталась, а все шишки — ему.

— Он хоть разговаривает?

— Заикается здорово. Стесняется. Но слышит все. Ты с ним поговори. Стаська! Он с тобой познакомиться хочет.

И Михась прыгнул в воду, а Лешка остался на плоту с контуженым Стасем. Но из головы у него словно ветром выдуло все подходящие слова. С девчонками и то легче было бы знакомиться. Выручил сам Стась.

— От... от... отк... — мучительными толчками вырывалось из его гора.

Лешка испуганно и вместе с тем облегченно замахал на него руками:

— Да ладно, ладно, я понял. Откуда я приехал?

Стась утвердительно махнул ресницами.

...Западная Сибирь. Самая опушка тайги. Знаешь ты, парнишка с Немана, что такое тайга? Про это Лешка может рассказывать долго. Тайга — как океан. Город будто на берегу. Хороший город. В войну там мины, снаряды, автоматы делали для фронта. Лешкин класс ходил на воскресники разгружать баржи. Встанут цепочкой и передают из рук в руки чурбаки листовничные. Из них приклады точили на заводах. А еще ребята теплые вещи собирали фронтовикам, у кого были лишние. Валенки, шапки, рукавицы. Верховный Главнокомандующий прислал благодарность школе. Не одной, конечно, Лешкиной, но и ей тоже...

Лешка говорил, говорил, говорил. Чтобы только снова не наступило молчание, чтобы еще раз не услышать жуткого, натужного заикания. Он говорил обо всем на свете: рассказывал, как его отряд собрал железного лома на целый танк, как мальчишки сделали в кабинете географии огромную карту фронта и отмечали флажками освобожденные города, как он многие эти города сам увидел, пока ехал сюда от Москвы. Он немножко приврал, рассказывая о целых вагонах трофейных знамен: будто бы видел, как их везут в столицу воины-победители. Зато он говорил сущую правду об оркестрах и толпах народа на каждом вокзале, где народ встречал воинские эшелоны из только что поверженной фашистской Германии.

Он не заметил, когда вылез из воды на плот Михась и стал внимательно слушать, как тихонько подобрался и сел сзади розовошекий Казик. Именно он-то и прервал затянувшийся монолог.

— Здорово ты брешешь, — услышал вдруг за спиной Лешка. — Послушаешь, так у вас в России точь-в-точь как в ксендзовском раю. А чего же вы тогда к нам сюда, на Запад, претесь? Небось сытнее тут, пока не успели колхозов наделать. А если вы такие непобедимые, то зачем немца пустили до самой Москвы?

Лешка так был огорошен нелепыми вопросами, что посмотрел на розовошекого Казика даже с интересом. Как смотрят обычно на полоумных. Потом молча пожал плечами.

— Что — заело говорилку? — не унимался кудрявый блондинчик. Его круглый подбородок с бороздкой посредине затрясся в недобром смехе.

Ответил Михась. Коротко и внушительно.

— Стихи, зануда! Человек от души разговаривает, а ты в свару лезешь. Не нравится, дуй отсюда. Верно, Стась?

Карие глаза согласно моргнули...

На следующий день они снова встретились. Утром Лешка сказал брату, что обедать к нему сегодня не придет, потому что дела. А возьмет что-нибудь пожевать с собой на берег. Дмитрий хмыкнул:

— Привыкаешь? Ну валяй.

Что ни говори, а такой брат заслуживал всяческого почитания.

Привязав на голову завернутые в майку бутерброды с неизменной тушенкой, Лешка переплыл реку и вскарабкался на плот. Михась и Стасик сидели на прежнем месте, а Казика не было.

— Наверно, ждет, пока батя отлучится по надобности, — улыбку нудился шербатым ртом Михась. И тут же объяснил: — Обещал добыть часы. У Казимира отец — часовой мастер, и всяких ходиков в хате до черта.

Часы им сегодня действительно были необходимы. Они затевали контрольный заплыв на двести шагов, и нужен был хронометр. Вчера Михась смотрел-смотрел на Лешкин кроль и вдруг объявил, что перегонит его без всякого стиля. Казик сказал, что за ночь выучит по книжке какой-то особый стиль и тоже утрет нос «восточнику». Стась участия в споре не принимал и даже отвернулся в другую сторону.

А сейчас мальчишки сидели на теплых, пахнущих смолой бревнах и в ожидании «хронометра» болтали.

Ласково шлепала о плот маленькая волна. Падал в воду пух тополей. Добродушно басил за поворотом реки буксир. Начиналось первое мирное лето.

Но война все еще была главным в мыслях и разговорах людей. И больших и маленьких. Две голубые стрекозы, сцепившись крыльями, сели на колено Михася. Он осторожно взял хрупких насекомых в ладони.

— «Рама», — сказал он.

— Точно, — подтвердил Лешка. — «Фокке-Вульф-190». Двухфузеляжный разведчик среднего радиуса.

— Чего-о? — недоверчиво уставился на него Михась своими

круглыми глазами. — Откуда ты знаешь? Ты же их в своей Сибири не видел.

— Знаю. В кино видел. В журналах. Военрук в школе рассказывал. Мы про войну много чего учили.

Михась пренебрежительно сплюнул в воду.

— А меня сама война учила. И не журналы читать, а всему... чтобы не подохнуть. Это тебе не кино... И не школа. Я в школу три года не ходил. А сейчас и идти будет стыдно. Усы вон растут, а мне в пятый класс. Да ладно, я сопли не распускаю. Зато кое-чему научился за войну. Например, фрицам карманы щупать... Так что руль не шибко задирай. Лучше расскажи, как это ты плаваешь, что руки поверху ходят, а ноги в воде винтом? Хоть и обставляю тебя, а все-таки интересно.

Лешка слегка обиделся, но рассказал, что плавать кролем он научился в прошлом году в пионерском лагере. Учил сам начальник лагеря, демобилизованный по ранению морской главстаршина с Северного флота. Подводник.

— Их лодка потопила два транспорта, а потом сама получила повреждение.

— Американская! — сказал за спиной мальчишек Казик. Он держал в руке большие серебряные часы на длинной блестящей цепочке. — Вот достал. С секундной стрелкой.

— Почему американская? — сердито перебил его Лешка. — Наша советская подлодка.

— Бреешь, — хладнокровно возразил Казик. — У Советов подводных лодок не было. И кораблей не было. Все американское. Об этом немецкое радио каждый день кричало, а сейчас сами американцы сообщают.

— Может, и танков, и самолетов не было? — возмутился Лешка.

— Танки были, да и то их строили по американским чертежам.

— Это наши-то «тридцатьчетверки!» — Лешка вскочил и вплотную придвинулся к розовой физиономии Казимира.

— Это ваши-то! — продолжал изыматься Казик. — И вообще татусь говорит, что если бы не американцы, Советам капут.

И вдруг он упал. Свалился на бревна, как сноп. Это большой Стась, сбравшись с силами, делал ему подсечку и сейчас торопился схватить за горло своими трясушимися руками.

— Г-га-д, — хрипел он.

— Это же не я, это батя говорит! — отбивался от него Казик.

Порядок восстановил Михась. Он легко оторвал руки Стася, треснул два раза Казика по шее, а подскочившего Лешку оттолкнул в сторону.

— Не тронь ты его, засмердит. У него же ума, как у той утки подсадной, с чужого голоса крикает.

— Это как сказать! — бормотнул Казик.

— Еще получишь! — пообещал Михась.

— По отдельности, — добавил Лешка. — Надаю и за корабли, и за самолеты, и за танки.

Казимир захныкал:

— Это вы потому все вместе на меня, что я поляк, а вы кацапы. Ты белорус — значит, тоже москаль.

— Дурак ты толстый, — снова рассердился Михась. — При чем тут поляк? Стась тоже поляк, а влепил тебе пенделя. Потому что правильно соображает. Между прочим, его отца-поляка кто сгноил в тюрьме? Польские жандармы, а не москаль. У нас в городе половина рабочих — поляки, а кто скажет против Советов? Сколько их фрицы показнили за подполье! А вот твоего татуся небось не тронули, потому что и он их не трогал, а делал с ними шахер-махер. Сам ты об этом рассказывал. И заткнись.

— А ты шахер-махер не делаешь? — быстро спросил Казик.

Михась кинул испуганный взгляд на Лешку. Но тот не реагировал на ехидную реплику. Он думал о том, что вот и еще что-то непонятное встретилось в этом городе. Поляк, русский, белорус... Раньше Лешка о таких вещах не думал. Лучшим другом в шестом классе у него был татарин Гафур. И еще эвакуированный из Молдавии Иона. Была в классе латышка Аустра. И если бы классная руководительница не рассказала, откуда эти ребята, никто бы и не интересовался их национальностями. Лично Лешке это было абсолютно все равно, лишь бы Гафур не мазал по воротам в матче с шестым «Б», а рыжая Аустра не делала в диктанте больше четырех ошибок, потому что каждая двойка ложилась чугунным балластом на отряд, а его, Лешку-председателя, мылили на совете дружины...

Спор на плоту утих, и можно было приступать к заплыву. Договорились плыть по течению на двести шагов, отмеренных по берегу. Финишем сделали куст ивняка, нависший над водой. Надо было схватиться за ветки. Для точности решили плыть по одному.

Засекать время они доверили Стасю. Отвели его к лозняку и положили перед ним на песок часы, потом вернулись на плот. Когда Стасик поднял руку, первым бросился в воду Казимир. Лешка понял, что он пытался изучить по книжке брасс. Но разве одной теорией чего-нибудь добьешься? Правда, плыл Казик довольно быстро, но больно уж некрасиво. Выскочил на берег и сразу ткнулся носом в часы.

— Минута сорок! — завопил он, как будто уже стал чемпионом.

Потом прыгнул Михась. И вынырнул только метрах в десяти от плота. Здорово! Лешка признался себе, что он под водой столько не продержится. Михась резкими сильными взмахами рук начал набирать скорость, а под конец снова нырнул и выскочил уже у самого куста.

На этот раз Казик ничего не закричал. Михась тоже молчал и равнодушно прилег на песок.

— Сколько? — не выдержал Лешка.

Стась высоко поднял один палец, а потом еще два. Минута двадцать. «И плыл вроде не быстрее Казика, — удивился Лешка. — Ну, держись теперь, Алексей Вершинин, твоя очередь...»

...Давным-давно, в последнюю зиму перед войной, Митя учил Лешку ставить перед собой цель. Они ходили тогда на лыжную прогулку за город. Было Лешке восемь лет.

— Ну вот как быстрее всего добежать до того кедра? — спросил Митя у братишки.

— Как! Торопиться — и все.

— Нет. Ты должен что-нибудь вообразить. Ну, например, кого ты больше всех любишь? Маму любишь? Так вот: представь, что она заболела, а ты несешь ей драгоценное лекарство. На счету каждая секунда. От одного мгновения зависит все. Понимаешь — все! Жизнь мамы.

Тренерский прием был жестоким, но действенным. Лешка жалобно посмотрел на брата и рванулся вперед. Как он бежал! Даже когда слетела с валенка лыжа, он все равно бежал. Прыгал и падал, падал и тянулся к заветному кедру. Наконец он схватил коричневый ствол руками и прошептал: «Мама, я принес!» И стал есть снег.

Давно это было, а запомнилось.

— Чего дрейфишь, восточник! — закричал от куста Казимир.

«Это не куст, а фашистский снайпер, — внушал, напрягаясь изо всех сил, Лешка. — Он целится в Митю, который на том берегу. Если я не успею вышибить у него винтовку, он Митю убьет. Он уже прищурил глаз!»

...Лешка выбил винтовку из рук фашиста через минуту и пять секунд. Он с такой силой хватил кулаком по кусту, что одна ветка обломилась.

Шумнее всех радовался Лешкиной победе Стасик. Он суетливо размахивал непослушными руками, что-то лепетал и все совал Лешке под нос часы.

Позднее Лешка узнал, что еще год назад Стась был на Немане абсолютным мальчишеским чемпионом по плаванию.

Прошла еще неделя. Спокойно и нескучно текли друг за другом безмятежные летние дни. По вечерам братья засыпали поздно, потому что тем для разговоров у них хватало. Но сегодня Митя распорядился:

— Давай, брат, спать. Завтра у меня бюро. Весьма насыщенный день. Кстати, снова придется тебе питаться бутербродами.

Лешка еще повертелся на своем тюфяке, а потом объявил:

— У меня, наверное, тоже будет... насыщенный. И между прочим, я завтра приду в обком.

— Так я же говорю: бюро.

— А я не к тебе приду. Нам эта... Соня нужна. Которая по детдомам.

На этот раз постель заскрипела под старшим братом.

— Даже так? — удивился он. — Влазишь в местную жизнь?

— Влажу, — вздохнул Лешка.

...Сегодня на берегу Стась сказал Лешке:

— В д-д-ере-вню уе-з-з-жаем з-завтра.

— Зачем?

— Ж-ж-ж-ж, — мучительно задергался Стасик.

— Жрать нечего? — догадался Лешка.

Он хорошо помнил, как в сорок втором мама тоже ходила в спасительную деревню менять вещи на продукты.

— Жить им негде, — мрачно пояснил Михась. — Ты помолчи, Стаська, я сам расскажу.

И рассказал.

Когда старенькую деревянную хатку разнесло снарядом, Стасик с матерью сидели в погребе и уцелели. А когда немец от нечего делать швырнул туда при отступлении гранату, мать вытащила бесчувственное тело сына на воздух и стала искать какую-нибудь крышу над головой.

Лил теплый июльский дождь. Бой откатился за город, и по наплавному мосту на их рабочую окраину вступали советские части. С бронетранспортера спрыгнула девчонка в пилотке и плащпалатке. Волоча за собой сумку с красным крестом, она подбежала к матери.

— Живой?

— Н-не знаю, — заплакала мать.

Девчонка быстро ощупала скрюченное тело мальчишки.

— Живой. Это контузия. Быстро в помещение. Ему нужен укол, массаж, тепло и покой. Где живете?

— Нигде.

Девчонка-военфельдшер была до краев налита той решительностью, какую дает солдатам наступление.

— Федор! — пронзительно заорала она в сторону бронетранспортера.

Через борт махнул здоровенный автоматчик.

— А ну, выдай гражданке ордер на этот особняк. — Она ткнула рукой в сторону соседского кирпичного дома.

— Есть, товарищ младший лейтенант!

Двумя ударами приклада солдат сшиб замок с парадной двери, стволом автомата отодрал прибитые крест-накрест доски. Через полчаса Стась ожил, а потом уснул на теплом и сухом широком диване.

Мать со Стасем так и остались в этом доме. В нем было на первом этаже четыре комнаты и еще одна в мезонине. Стоял он на их же родной улице, и хозяйина дома мать хорошо знала. Это был владелец часового магазина и мастерской Август Сигизмундович Шпилевский. Вернее, являлся владельцем до сентября тридцать девятого года, а потом стал часовым мастером. Но при немцах магазин ему вернули, и торговля вновь закипела. С утра до вечера в магазине толпились офицеры гарнизона, и больше всего ээсовцы. Они не столько покупали, сколько продавали по дешевке часы, причем сразу большими партиями. Шепотом люди передавали друг другу, что в магазине сбывался «товар», реквизируемый у тысяч узников еврейского гетто.

Через год у пана Августа появился собственный автомобиль — маленький юркий «Опель-Кадет». На нем и удрал куда-то в деревню преуспевающий часовщик со своим семейством за месяц до отступления немцев. В доме он оставил все как было, но товар из магазина взял с собой. Видимо, отлично понимал пан Шпилевский, что, убегая, немцы начисто забудут свое доброе знакомство с ним и хладнокровно реквизируют до последней нитки все его достояние. А то и ухлопают потихоньку, дабы поменьше оставалось свидетелей черных дел.

Полгода назад Шпилевские вернулись. Как ни в чем не бывало они явились в горсовет и предъявили законные документы на свой дом.

— Все равно вас придется пока уплотнить, — сказали в горсовете Шпилевским. — Пять комнат, а вас трое.

— Господи, а кто против этого! — лояльно улыбнулся Август Сигизмундович. — Живет же у нас в силу военного несчастья семья Мигурских и пусть на здоровье живет. Мы и квартирной платы с них не спросим. Тем более что мы почти соседи и лично знали самого пана Мигурского. Превосходный был слесарь.

На том и порешили. Мигурские остались жить в доме Шпилевских. Правда, не в прежней комнате, а в смежной с верандой. Там здорово дуло зимой сквозь стеклянную дверь, и Стасю снова стало плохо.

А месяц назад пани Шпилевская сказала Мигурской:

— Не бывает для матери ужасней горя, чем больной ребенок. И сердце мое скорбит за вас. Но поймите и меня: припадки Стася пугают нашего Казика. Он боится проходить мимо... гм... вашей комнаты. Не подумайте ли вам о переезде? Мне кажется, вы не должны быть в претензии на нас: все эти месяцы мы не спрашивали с вас ни гроша.

Они действительно не требовали денег, только Данута Иосифовна два раза в неделю мыла полы во всем доме, включая мезонин. А насчет Казика пани Шпилевская откровенно врала. Вовсе он не боялся большого Стася, а наоборот, при первой возможности, когда не видели родители, заявлялся к нему в комнату и начинал разговоры:

— Страшно было, когда ты гранату схватил?

— Н-не...

— Не ври. По-моему, тут любой испугается.

— Н-не успел ис-ис-пугаться.

— Тогда правда. Ты и до контузии не шибко соображал. Скажи, вас к нам большевики поселили из-за того, что твой отец был коммунистом? Татусь говорит, что большевиков скоро американцы отсюда попрут... Но-но-но, не очень. Ты пока один раз выругаешься, я сто успею. Пошли лучше на Неман.

Он подхватывал под мышки Стася, и тот повисал на своем учителе, упитанном и благополучном сыне часовых дел мастера. Еле двигая полутонявшимися ногами, Стась брел с его помощью к родной реке. Он понимал, что ему уже никогда не плавать в Немане, но все равно жить без реки не мог.

На берегу их обычно встречал Михась Дубовик.

В свои пятнадцать лет Михась был человеком многоопытным. Людей он делил на три категории: вредных, бесполезных и нужных. Вредными были, конечно, фрицы, полиция и прочие фашистские гады, которые угнали мать и старшую сестру в Германию. Сам он по приказу матери спрятался тогда под лодкой на берегу и в эшелон не попал. Но зато потом пришлось скрываться по подвалам, потому что дом Дубовиков полицейские спалили.

Мать и сестра из Германии так и не вернулись. Не вернулся из партизанского отряда и отец-железнодорожник. Сейчас Михась жил у глухой старухи-побирушки, которая была существом абсолютно бесполезным. Кроме крыши над головой, от нее ничего урвать было нельзя. Да Михась ничего от нее и не хотел. Он считал себя обеспеченным человеком. Скоро год, как он работал сортировщиком на табачной фабрике и получал там паек и зарплату. Правда, пятисот рублей хватало по рыночным ценам, чтобы купить пару потрепанных башмаков, но у Михася был дополнительный источник доходов...

Нужными для себя он считал франтоватого экспедитора фабрики и сумрачного долговязого вахтера в проходной будке. Когда дежурил длинный, экспедитор засовывал Михасю под рубаху и в штаны десятка полтора сотенных пачек «Казбека», и Михась бесстрашно выносил их с фабрики. Если бы ему сказали, что он вор, он бы очень удивился. Украсть можно у человека, и это подло, да и то смотря у кого украсть. При немцах Михась проникал в вестибюли офицерских столовых, очищал карманы шинелей от рейхсмарок и ничуть не чувствовал себя вором.

К советскому офицеру он, разумеется, в карман не полезет. Но фабрика — это не человек. И потом, у нее нет хозяина. По радио говорят, что она народная. А он что — разве не народ? Да и делают там сотни миллионов папирос. Десяток пачек разве потеря для фабрики?

Сам Михась папиросы не продавал. По указанию экспедитора он относил их пану Шпилевскому. Раз или два в месяц тот давал Михасю по сторублевой бумажке. Потому Шпилевский был тоже человеком нужным. «Па-трэбным», — как говорил Михась на родной белорусской мове.

В доме часового мастера он и познакомился с Казиком и со Стасем.

Отношения с сыном часовщика у Михася сложились странные.

— Спекулируешь! — уверенно сказал Казик Михасю, когда тот в первый раз вышел из комнаты его отца.

Разговор происходил на крыльце. Михась оглянулся на окна, смазал пухлого Казимира по носу и только потом осведомился:

— Тебе кто накапал?

Как ни странно, Казик не заревел.

— А я сам догадался, — невозмутимо ответил он. — Раз от таты вышел, значит — коммерция. Ты меня не бойся. И не дерись. А то скажу отцу, и весь твой бизнес — ф-фук!

Михась снова замахнулся, но не так решительно. Он почувствовал, что в словах Казика есть правда.

Такое чувство было нестерпимо унижительным, и Михась постоянно искал случая поставить Казика на место. Поводом послужил больной Стась.

— Ты чего же, зараза, хворого человека заставил зимовать в холодной комнате? Забыл, что теперь не панские времена? — сказал он однажды Казимиру. — Заявить вот в горсовет, оттуда вам быстро напомнят, какая сейчас власть.

— А я комнатами не распоряжаюсь, — возразил Казик. — И в горсовет ты не заявишь. Если власть сейчас не панская, то и не воровская.

— Сволочь ты буржуйская, — бессильно выругался Михась.

Свой сегодняшний невеселый рассказ Лешке о печальных делах семьи Мигурских Михась закончил странным словом «альтиматум».

— Чего? — не понял Лешка.

— Ну, велела им вчера эта пани Шпилевская немедля выматываться из дому. Поставила этот самый...

— Ультиматум, — рассеянно поправил Лешка.

— Нехай так. И они в веску собрались к какой-то дальней родне. А чего им делать в деревне? Они же городские. Там и докторов хороших нет. Помрет Стась. Давай будем думать, что делать. У тебя брат, кажись, большой начальник в городе.

— Ну... не знаю, — неуверенно сказал Лешка. — В обкоме комсомола работает. В армии старшим лейтенантом был.

— Армия уже не в счет, — отмахнулся Михась. — А вот обком — это да. Ты, может, втянул бы брата в это дело? А то, ей-богу, загнется пацан.

У Лешки защипало в носу.

— Я купнусь, — невнятно сказал он и нырнул с плота.

Он плыл к отмели и думал о том, что был круглый дурак, когда с пятое на десятое читал книжки о прежней жизни. Ну, о той, до революции, когда еще везде существовала несправедливость, всякие купцы, банкиры и прочие домовладельцы. Считал, что все это давно кончилось, а значит, незачем и голову забивать грустными историями. Куда веселее читать о пиратах и сыщиках. И вот, оказывается, не везде это прошлое стало прошлым. А он понятия не имеет, как надо действовать в таких случаях. И ничего подходящего не может вспомнить из тех книжек, где герои бо-

ролись с несправедливостью. Выходит, что он законченная балда, хотя и перешел в седьмой класс.

Усталый от плавания и самокритики, Лешка выбрался на плот. Он не успел еще ничего придумать и потому спросил:

— А чего этой пани вдруг приспичило? Жили-жили, и вдруг немедленно выметайтесь.

И тут выяснились интересные подробности. Рассказал о них уже сам сын часового мастера. То ли по глупости, то ли из-за обиды на папашу.

— Не надо было Стаськиной матери совать нос в чужие бумаги, — сказал Казик.

— Она не соо-о-вала. Она не... не-грамотная, — возразил Стасик.

— Все равно наделала такой суматохи, что батя стал весь белый, а плешь синяя. Я под дверями сам слышал, как он орал: «Донесет, погибли, к белым медведям загонят!» А мать сказала: «Уедут, так и не донесут. Я им денег дам».

Мать Стася мыла в мансарде окно и случайно нашла завалившуюся за налечник бумажку. Она сразу же отнесла ее пану Августу. Лысина Шпилевского приобрела аквамаринный оттенок.

— Вы... вы умеете читать по-немецки? — почему-то шепотом спросил он квартирантку.

— Я и по-польски-то один класс кончила, — усмехнулась бледными губами мать Стася.

— Врете! — хрипло сказал Шпилевский.

Женщина удивленно и обиженно раскрыла глаза.

— Я, я умею по-немецки, — сунулся изнывавший от любопытства Казик и подскочил к бумаге, которую отец положил на стол.

От полновесной затрешины он галопом пересек всю комнату, ткнулся лбом в подоконник и расквасил нос. Такой оплеухи он не получал за все свои тринадцать лет.

— Будильник пузатый, — непочтительно отозвался Казимир о родном отце, заканчивая рассказ. — До сих пор сморкаться больно.

— А что за бумага, успел разглядеть? — спросил Лешка.

— Ни холеры я не успел. Заметил только немецкую печать с орлом и на ней буквы: GKLJ. Вот в тот день моя матуля и прижала Стаськино семейство. Тыщу рублей им дает на переезд.

У Лешки даже в носу зачесалось от волнения. Значит, пан Шпилевский хочет избавиться от Мигурских из-за какой-то бумаги! Боится, что Стасикова мать прочитала документ! Почему боится? Что это за документ? И что означают четыре буквы на печати?

Пообещав Михасю что-нибудь до утра придумать, Лешка поспешил на свой берег. Но Дмитрию еще не вернулся. Хозяйка си-

дела под окном на скамеечке и, по обыкновению, тянула из чашки кофе.

— Фелиция Францевна, вы немецкий язык хорошо понимаете? — спросил Лешка и присел на край крыльечка.

— Так. Розумем. Тши годы была кельнером в кафе. То есть официанткой.

— В каком кафе?

— На Костельном плаце. Кафе «Адрия», для панов офицеров.

— Для немецких офицеров? — уточнил Лешка.

— Так. Для германских. Кельнерам тшэба было ведать мову.

Лешка почти с испугом посмотрел на Фефе, как он успел мысленно прозвать хозяйку. Выходит, эта белобрысая тетка три года подряд изо дня в день подносила фашистам еду, улыбалась им, как улыбаются все официантки, а сейчас так же улыбается старшему лейтенанту Советской Армии Дмитрию Вершинину и гладит ему брюки. Чудеса! Такие вещи не укладывались в Лешкиной голове.

— А вы не знаете, что означают по-немецки буквы — гэ, ка, эль и ёт?

Лешка щепочкой написал буквы на песке.

Хозяйка с минуту всматривалась в них и вдруг удовлетворенно хмыкнула.

— То я добже вем. Знаю хорошо. Скорочено... сокращенно то есть, будет: управление еврейских концентрационных лагерей.

— А... откуда вы знаете? — недоверчиво спросил Лешка.

— Хо! Такие литеры у нас в кафе стояли на всем: на салфетках, на полотенцах, даже на видэльцах... на вилках то есть. То значило, что их у жидов отобрали... у евреев то есть, — быстро поправились она и сбоку глянула на Лешку.

Он опустил глаза в землю. Похоже, что дело тут серьезнее, чем квартира Стася. А вообще-то почему они все уперлись в этот проклятый особняк Шпилевских? Будто по-другому нельзя помочь парню. Есть же в городе люди, которые специально занимаются такими делами. В памяти Лешки вдруг всплыла фигура большой девушки в голубом свитере, и вспомнился рассказ брата о ней... Он уговорил Михася идти завтра к Соне Курцевич.

5

Лешка и Михась встретились на Советской площади — бывшей Костельной. Ее с четырех сторон обрамляли острые башни старых католических храмов. В одном из костелов шла служба. Из высоких резных дверей доносились мощные аккорды органа,

и в промежутках между ними гудел баритон ксендза, читавшего по-латыни молитвы.

Орган Лешку заинтересовал. Он осторожно поднялся по истертым гранитным ступеням на паперть и попытался между спинами молящихся рассмотреть внутренность храма. Тотчас он получил здоровый подзатыльник, а с головы его сдернули кепку.

— Куда лезешь в капелюше, хамово отродье!

Лешка вырвал кепку из потной руки усатого дядьки и кубарем скатился на мостовую.

— Уже схлопотал по уху? — услышал он голос Михася. — А чего лезешь, если порядок не знаешь? Ты бы еще в красном галстуке в костел сунулся.

Лешка растерянно оглядел площадь. Ну и город! Вот вывеска на доме: «Областная библиотека имени А. М. Горького». Вот киоск «Союзпечать». В нем продают «Комсомольскую правду» и любимый Лешкин журнал «Пионер». Все как полагается. И тут же рядом какое-то средневековье. Бредут две монашки в черных балахонах и белых платках. Не хватает только великого инквизитора и аутодафе. Вон опять хлюст в блестящих сапогах прикладывает к ручке размалеванной мамзели.

— Ну их к черту, — мрачно сказал Лешка. — Идем в обком.

— А меня не того... не завернут оттуда? Сам-то вырядился как на пасху, а от меня люди и на улице шарахаются, не то что в хорошем доме.

Лешка вгляделся в своего спутника. На плоту все они были одинаковыми хлопцами в выгоревших сатиновых трусах. А сейчас бросалось в глаза убожество обмундировки Михася. Какие-то брезентовые штаны, серая ситцевая рубашка без пуговиц, полотняные туфли на босую ногу. Ну да ведь не от веселой жизни ходит парень в растерзанном виде.

— Ничего, как-нибудь обойдется, — уверенно сказал Лешка. — Там ведь тоже не в лакированных сапогах ходят. Там — свои.

— Тогда ладно, — вздохнул Михась. — Только говорить будешь ты. А если что пропустишь, я добавлю.

Но в вестибюле серого здания Михась снова круто затормозил. Он посмотрел на стеклянную табличку «Обком ЛКСМБ» и буркнул Лешке, что он «все-таки сюда не сунется, а то будет себе дороже».

Лешка обозлился. Если он один пойдет, то чего добьется? Он в городе без году неделя. Кого он может убедить без живых свидетелей? Он даже имена-то не может запомнить толком. Всякие там Августы да еще Сигизмундовичи.

— Большой, а трусишь! Чего трусишь? Я же говорю, что на

твои штаны никто и внимания не обратит. Мы такие факты выдадим, что не до штанов будет.

— И о четырех буквах рассказывать?

Лешка подумал:

— Нет, это не здесь. Это надо чекистам.

Михась поддернул свой жесткий брезент на бедрах и шмыгнул носом.

— Н-не. Все равно не пойду. Я же на работу опоздаю. Вторая смена.

Это был довод. К тому, что Михась являлся рабочим человеком, Лешка относился с великим почтением. Это тебе не председатель совета отряда в шестом классе. На два года всего старше, а уже на фабрике.

— А ты в самом деле работаешь? — загудел над мальчишками грудной алыт. — Сколько же тебе лет? И где произошло нарушение трудового законодательства о подростках, если ты во второй смене?

Во всех случаях, когда вмешивались в его личную жизнь, Михась стремился отступить в тень. В данном случае это было бессмысленно, потому что тень говорящего простиралась по всему вестибюлю. Лешка узнал Соню Курцевич.

И она узнала его.

— О, здесь младший Вершинин. Но если ты к брату, то он на бюро.

— Мы к вам, товарищ инструктор. По важному делу! — очень громко доложил Лешка.

Сонина голова возвышалась над ним где-то очень далеко, и он был убежден, что к таким крупным людям следует обращаться в полный голос.

Мальчишки сидели на стульях у Сониного стола, а она разговаривала по телефону:

— Горздрав? Мне инспектора по детским больницам. Здравствуйте, звонят из обкома комсомола. Стоит у вас на учете больной Мигурский Станислав, тринадцати лет? Стоит? Очень хорошо. А позвольте спросить, почему он не определен в больницу на стационар? Не было сигналов? Вот, значит, как. А патронажный персонал имеется? Так чем же он, разрешите знать, занимается, если не проверяет состояние детей, пострадавших в боях за город, а ждет каких-то сигналов? Примете меры? Самое лучшее, если вы сообщите содержание этого разговора секретарю вашей комсомольской организации. Завтра мы проверим.

Лешка и Михась заерзали на стульях.

— Завтра? Они сегодня собираются уезжать, — сказал Лешка, когда Соня повесила трубку.

Она снова взялась за телефон.

— Горотдел милиции? Мне капитана Голуба. Здравствуй, Антон. Это Соня. Слушай, скажи, кто у вас участковый по улице Пограничной за Неманом? Зачем? А затем, что там один частник выбрасывает на улицу семью с больным ребенком. Вот и скажи своему оперу, пусть он поставит на место этого домовладельца. Пусть хоть штрафанет его для начала. Как это не имеет права? Что значит — разобраться? А я, по-твоему, не разобралась? Ты как со мной разговариваешь? Или я уже для тебя не командир взвода? Нечего смеяться, я вполне серьезно. Вот именно — приезжай. И немедленно.

Соня Курцевич хлопнула на рычаг трубку и подмигнула ребятам.

— Разводит формалистику: я уголовный розыск, а не наружная служба, надо разобраться... О тебе, Дубовик, тоже нелишне подумать. Куда это годится, что ты... Ты чего вертишься, будто на mine сидишь?

Михась действительно ужом закрутился на стуле, когда услышал, что сюда явится капитан милиции. И не какой-нибудь, а начальник уголовного розыска. Только этого и не хватало! Вот влип... Этот капитан отправится, чего доброго, лично к Шпилевскому, и пан Август сразу же накапает на Михася, чтобы отвести удар от себя. Скажет: кому вы верите? Этому ворюге, который сбывал мне краденые папиросы?

Михась ясно представлял, что из всего этого выйдет. Милиция возьмет его за шиворот. К чертям собачьим полетит дружба с Лешкой-сибиряком. Презрительно отвернется от него эта большая тетка. Худо будет Стаське, потому что кто захочет сочувствовать человеку, у которого приятель вор?

Михась впервые употребил это слово применительно к себе.

— Куда? — прикрикнула на него Соня. — Я еще не кончила звонить. Сейчас займусь твоей фабрикой. Подросткам до шестнадцати не положено работать в ночную смену. Так что лучше ты сегодня отправишься с нами к этому Мигурскому. Раз начали, сразу и кончать будем с этим делом.

Михась молниеносно сориентировался.

— Да... я как раз туда и хотел рвануть. Застать Стаську... чтобы, значит, не уезжали.

— Это дельная мысль, — одобрила Соня. — Рвани.

Михась вылетел из обкома и перевел дыхание только в крытом

подъезде дома напротив. В ту же минуту к обкому подкатил «Виллис», и из него ловко выпрыгнул офицер милиции. Он был маленького роста, но такой мускулистый, что походил на тугой канатный узел.

Капитан уже входил в вестибюль, но вдруг круто обернулся. Михась не успел спрятать голову за угол, и глаза их встретились. Случайно? Вряд ли. Потому что капитан поднял руку и недвусмысленно погрозил Михасю пальцем. Потом скрылся за дверью. Растерявшийся Михась еще пару минут столбом торчал в подъезде. Ничего не придумав, он все-таки отправился к Шпилевским.

В их доме он прежде всего заглянул в угловую комнату к Стаське. Тот лежал на тощей железной койке и глядел в потолок. Михась нагнулся к уху больного и шепнул:

— Скажи матери, чтобы не вздумала уезжать. К вам сегодня начальство придет. Лешка кое-что провернул.

Стась махнул ресницами, и Михась отправился в кабинет хозяина дома. С паном Августом он говорил коротко и по-деловому.

— Мигурских не отпускайте, а сами сматывайтесь подальше.

— Нелогично! — возразил Шпилевский. — Если квартиранты будут у нас жить, то чего же мне опасаться властей и зачем сматываться?

— Есть зачем! Сами знаете.

— Папиросы твои, что ли? Кто о них кроме тебя знает? Не думаю, чтобы ты пошел доносить сам на себя, — ухмыльнулся пан Август.

Но Михась решил избавиться от него любым путем. Если исчезнет Шпилевский, ему, Михасю, жить легче. Меньше свидетелей, которые знают о папиросах.

— А может, и пойду доносить, — вызывающе сказал он. — Меня не расстреляют. Зато потом буду по-людски жить. А вот насчет вас — не знаю. Потому что тут не только папиросы, а и документик замешан.

— Какой документик? — Лицо пана Августа пошло пятнами.

— Будто не знаете. Немецкий, из гетто, — брякнул Михась. — Вы чего-о-о?!

Шпилевский попытался схватить мальчишку за горло, но Михась боднул его головой в живот и вскочил на подоконник. В руке у него оказались увесистые настольные часы в мраморном футляре.

— Не подходи, панская рожа, а то тресну по плечи.

Пан Август глянул в бешеные глаза мальчишки и понял, что он действительно треснет.

— Откуда узнал? — прохрипел часовщик.

— Не твоё собачье дело. Последний раз говорю: не чеши лысину, а мотай из города, если жить хочешь. К тебе уже едут. Понял, пан?

И Михась выпрыгнул в окно.

Он уже не видел, как пан Шпилевский ворвался на кухню и рывкнул жене:

— Рюкзак! Сапоги! Одеяло! Консервы!

Еще через десять минут он давал указания пани Шпилевской:

— С этим хамьем... с Мигурскими... как с родными. Терпи. Они тебе вся защита. Про меня говори, что уехал по районам искать детали к часам. Жди вестей.

На следующий вечер у Лешки был с братом разговор. Дмитрий всерьез заинтересовался его делами с Соней Курцевич. Она похвалилась Вершинину, что с помощью его младшего брата разыскала погибавшего от эпилепсии парнишку и определила его в больницу. А семье больного по всем правилам выдали ордер на комнату в доме Шпилевских. Кроме того, она всерьез занялась судьбой Лешкиного друга Михася Дубовика и уже установила контакты со спецдетдомом для партизанских сирот.

Но... ее смущает одно обстоятельство. По ее мнению, младший Вершинин остался чем-то недоволен, а чем — упорно молчит. В ответ на ее расспросы он деликатно ответил в том смысле, что тут не женского ума дело. Вот об этом обиженная Соня и доложила Дмитрию.

— Ну, так что там у тебя завелось не для скудного женского ума? Излагай.

Лешка изложил. Он вдохновенно рассказал историю документа с фашистской печатью, из-за которого и загорелся сыр-бор с выселением Мигурских.

Дмитрий присвистнул.

— Вы когда в доме Шпилевских были, бумажку эту, конечно, не видели?

— Да ее никто из нас, кроме Казика, не видел. А он говорит, что за полчаса до нашего приезда отец сжег много бумаг в камине, а потом уехал в командировку.

Дмитрий посвистел второй раз.

— В долгую же, видимо, командировку подался пан Август. Ну, а почему ты ничего не сказал о бумаге капитану Голубу? Он-то не девица.

— Так он же милиция, а не госбезопасность.

И в третий раз присвистнул старший брат, но уже с иным выражением.

— Демонстрируешь излишнюю образованность. Запомни: все

мы здесь пока на одном посту — санитарном. Приходится очищать область от всякой мерзости. И тут уже не всегда есть время разбираться, кто на какой должности. Все мы — люди партийные, и дело у нас общее. И всем нужно помнить... о чем?

— О бдительности, — понятно сказал Лешка.

— Именно. Умница. Хотя и запоздалая. Ну ладно. Насчет фигуры Шпилевского я сегодня же проинформирую кого надо. А пока у меня к тебе просьба. И основательная.

Дмитрий сообщил, что завтра вечером уезжает в командировку. На неделю. И просит Лешку в эти дни посидеть по возможности дома и, главное, не ввязываться ни в какие истории. А то, кажется, мама была права, когда писала о его таланте на этот счет. Пусть он лучше почаще пишет матери. С месяц, как уехал из дому, а отправил всего два письма.

Авансом за будущее примерное поведение Дмитрий пообещал Лешке дать сегодня почистить пистолет.

Пистолет чистили после ужина. Лешка с почтением принял в свои руки черное матовое тело «вальтера». Дмитрий достал из-под кровати пузырек с машинным маслом и суконку. На ковровой кушетке, принадлежавшей Фелиции Францевне, они разостлали две газеты.

— Он у тебя с фронта, да? — уважительно спросил Лешка.

— Нет, фронтной я сдал, как положено. Эти машинки нам выдают в обкоме, когда едешь в командировку.

— Зачем?

— Ну как зачем? А если соскучишься в деревне? Выйдешь за околицу, в лесок, а там в консервные банки постреляешь. Ладно, смотри лучше, как он разбирается...

Они протерли и смазали каждую деталь, и Дмитрий дал Лешке пощелкать курком-самовзводом пустого пистолета.

— А в какую сторону он гильзы выбрасывает?

Дмитрий вздохнул от настырности брата, загнал в рукоятку обойму и, резко оттягивая каретку назад, показал, как вышелкивает пистолет патроны. Потом он стал собирать их с газеты и загонять обратно в узкую щель магазина. Пистолет лежал рядом, и Лешка взял его в руки.

— Брось! В стволе пат... — крикнул вдруг Митя.

Грохнул выстрел. Кисло запахло сторевшим порохом...

Вообще-то ничего страшного не произошло, если не считать, что оба брата побледнели: старший от испуга за младшего, а тот от неожиданности. Убедившись, что Лешка невредим, Дмитрий сунул его голову под мышку, но хлопать не стал, а сказал:

— Растяпа!

— Я же нечаянно...

— Не ты, а я растяпа. Не мог патроны сосчитать. Ну ничего, дурачок. Дыши глубже — отойдешь.

В эту минуту дверь их комнаты во всю ширь распахнулась, и на пороге возникла сухопарая фигура квартирной хозяйки.

— Цо пенкнуло? Что разбили?!

Взор хозяйки блуждал по комнате — от трюмо до кушетки и от кушетки до буфета.

— Да вроде бы ничего, пани Фелиция, — галантно улыбнулся Дмитрий. — Просто случайный выстрел. Знаете, это иногда бывает.

— Так. Бывает, говорите. И говорите, ничего...

Фелиция Францевна вошла в комнату, еще раз осмотрелась, заметила на кушетке замасленную порванную газету и брезгливо приподняла ее с ковра.

...Боже, как она закричала!

Она вопила, что этот ковер чисто персидской работы, хотя, конечно, ее квартирант пан Вершинин, пусть он и числится в офицерах, понятия не имеет о Персии, тем более, что та находится в Африке, а туда, слава деве Марии, большевики еще не дошли, а вот менж пан Болеслав, хотя он и всего лишь «сержант героичного генерала Андерса», до Персии дошел и сейчас пишет из Лондона, чтобы она пуше всего берегла ковры, потому что это надежное вложение капитала, а она не уберегла, и пан Вершинин ковер погубил, а он стоит большие тысячи, которых, конечно, у него нет, и что она сейчас пойдет подавать в суд.

Лешка стоял за спиной брата и тоскливо ждал, когда кончатся вопли хозяйки. Дмитрий тоже молчал, и только правый глаз его все прищуривался и прищуривался, а левая бровь ползла вверх.

Наконец, Дмитрий выбрал секундную паузу в словоизвержениях Фефе и вежливо произнес:

— Мадам, боюсь, что сегодня в суд идти поздновато — там закрыто. И потом — ради упомянутой вами пречистой девы Марии — поясните, что же трагического произошло с вашим ковром, если вы вдруг призвали в свидетели далекого супруга, а также вспомнили цены ковров по курсу международной валюты?

Фелиция Францевна обомлела от негодования.

— Как что произошло с ковром! Пан издевается? Пан не видит, что на нем дыра?

Дмитрий и Лешка одновременно глянули на то место, где раньше лежала газета.

Дыра — это было сказано хозяйкой слишком мягко. Возможно, от незнания ею тонкостей русского языка. Пуля пропорол

ковре великолепную дорожку длиной сантиметров в сорок и шириной в два. Потом она ушла куда-то в пружинные недра кушетки.

— Нет-нет, пан Вершинин, — продолжала клокотать горлом хозяйка. — Я не могу терпеть у себя квартирантов, которые стреляют в ковры. За этот шедевр вы еще, конечно, уплатите, но житье ваше у меня, конечно же, в дальнейшем невозможно. Сначала вы мне брата привезли, а потом какая-нибудь комсомолка появится. Нет и нет! Я вас пускала как одинокого мужчину, но вижу, что проку от вас...

— Мадам, закройте плевательницу! — сказал Дмитрий.

Сказал так, что Фелиция Францевна некрасиво икнула и смолкла.

— Цо то есть — плевательница? — изумленно прошептала она.

Дмитрий шагнул к ней и подставил кренделем согнутую руку. Хозяйка машинально оперлась на нее. Дмитрий довел свою даму до выхода из комнаты, рывком высвободил локоть и плотно закрыл за хозяйкой дверь.

— Н-да-с! — сказал он и сконфуженно поглядел на Лешку. — Ругаешь меня, что я поселился у такой крокодилицы? А сатана ее знал... — Он виновато покосился на брата: — С кем теперь я тебя оставлю? Не с этой же ведьмой.

Лешка пожал плечами.

— Ты как насчет Сонюшки? — осторожно спросил Дмитрий. — Может, продержишься у нее неделю? Комната у нее большая и, слава богу, государственная. Ковров там нет.

Лешка в упор глянул на брата. Дмитрий шмыгнул носом, как маленький, и устал в глаза в потолок.

Они пошли к Соне.

Инструктор школьного отдела ужасно обрадовалась приходу нежданных гостей и до того разволновалась, что заговорила без точек и запятых. Братья услышали, что пусть генеральная стирка летит ко всем чертям и что она немедленно начинает жарить оладьи, и это во-первых, а во-вторых, с Лешкой у нее будет разговор насчет его друга Михася, которого она целые сутки разыскивает, но на фабрике его не оказалось, а оказалось, что он находится в милиции, о чем ей сообщил Антон Голуб, который сказал, что будто бы Михась был вчера ночью задержан при попытке проникнуть в квартиру Шпилевских, но лично она подозревает здесь какую-то путаницу, потому что Дубовик как раз и способствовал обнаружению больного мальчика Мигурского, а поэтому она считает задержание Михася очередной ошибкой Антона, который и в партизанах-то, случалось, пугал взрыватель с капсюлем, за что был неоднократно бит ею, Соней, по рукам, а сейчас будет

бит по другому месту, если вздумает и дальше путать хорошего парня с уголовником, но что пока она никак не может мальчишку из милиции выцарапать.

— И не выцарапаешь, — холодно заметил Дмитрий. — Для этого существуют прокуроры, а не анархистствующие бывшие партизаны. Хотя бы и доблестные. Кстати, Лешка, как это вышло, что твоего верного друга заточили? Он что, не сообщал тебе о своей подпольной профессии квартирного налетчика?

Лешка укоризненно посмотрел на брата и промолчал. Конечно же, тут происходит дикая нелепица. Но все-таки за каким лешим Михася понесло ночью в дом Шпилевских? Не иначе как хотел добыть ту бумагу с печатью. Но тогда почему он не объяснил все в милиции?

Надо обязательно Михася увидеть. Чего бы это ни стоило.

— Я погуляю полчаса, — сказал Лешка. — Еще только девять.

Дмитрий подозрительно взглянул на него. Зато Соня тут же поддержала Лешку.

— Конечно, погуляй перед сном. Вечер чудный.

Лешка мчался к дому маленького капитана. Он запомнил, где тот вышел из машины, когда они возвращались от Шпилевских. Сейчас Антон Голуб сидел у окна в одной майке и пришивал к синему кителю подворотничок.

— Значит, устроить тебе свидание с босяком Дубовиком? — задумчиво спросил он.

— Он не босяк! — горячо заверил Лешка.

— Вылитый, — упрямо мотнул головой Антон. — Ты еще не знаешь. А я знаю. Давно он у меня на примете. Говоришь, хороший? И это знаю. Но с трещинкой. И упрям. Скоро сутки, как сидит, а молчит. Даже на двор не просится, паршивец. Но тебя, между прочим, вспоминал. Что ж, если ты думаешь, что он перед тобой раскроется, могу рискнуть. Кстати, где твой брат Димка?

— Митя? Он у тети Сони.

— Хм... Снайпер-то он, конечно, известный, а вот не зависил ли прицел на этот раз, — непонятно сказал Антон, и они пошли.

Лешка ожидал увидеть Михася в мрачной, темной камере с решеткой, а оказалось, что тот сидел на деревянном диване в дежурной комнате и пил чай с каким-то небритым старшиной. При виде капитана старшина вскочил и начал докладывать, но Антон приказал ему выйти. И сам ушел в соседний кабинет. Михась и Лешка остались вдвоем.

— ...Да не за бумагой я полез, — сердито объяснил Михась. — Чего ее искать, если она сгорела. Говорил же Казька...

— Так чего тебя понесло?

— А то и понесло, что хотел узнать, как лучше в бункере застучать пана Августа с друзьями.

Лешка широко раскрыл глаза, рот и уши.

6

Когда Михась после стычки с паном Шпилевским выпрыгнул из окна, он не сразу выскочил на улицу, потому что поранил ногу. Валявшаяся в песке ржавая часовая пружина впиалась стальным концом выше лодыжки, так что сразу обильно пошла кровь. Проклятая часовщика и его ремесло, Михась захромал в угол двора, выскрывая листок подорожника. Он нашел его, сдул пыль и присел на пороге аккуратного сарайчика, чтобы унять кровь.

Носков Михась не носил, платков у него не водилось, а поэтому надо было найти тряпочку, чтобы плотно привязать подорожник к ноге. Дверь в сарайчик была полуоткрыта, и там на полу валялось разное тряпье. Михась на всякий случай оглянулся на окна дома. В них — никого. Он шагнул внутрь сарайчика.

В этот момент в доме заскрипела входная дверь и в ней показался Август Сигизмундович. Плечи его оттягивал назад пузатый рюкзак, отчего походка стала замедленной и горделивой. Часовщик прошагал по бетонной дорожке от крыльца к калитке.

— Сматываешься? Валяй-валяй, — прошептал Михась.

Но оказалось, что радовался он рано. Не успела за хозяином дома закрыться калитка, как тут же снова с треском распахнулась, и пан Август влетел обратно во двор. Он обалдело глянул влево, вправо, суматошно махнул рукой выскочившей на крыльцо жене и галопом помчался прямо к сарайчику. Рюкзак колотил его по спине и прибавлял скорости. Михасю ничего не оставалось, как вскарабкаться на пыльную полку под потолком. Там он укрылся за кучей тряпья, недоумевая, зачем вдруг понесло сюда хозяина.

Но вскоре все разъяснилось. За оградой прошумел и смолк мотор автомобиля, а через секунду Михась услышал голоса капитана милиции, большой Сони из обкома и Лешки.

Пан Шпилевский в это время развивал в сарае бурную деятельность. Он подскочил к огромной пустой бочке, от которой несло кислой капустой, и уперся в нее плечом. Бочка покачнулась и накренилась. Когда днище ее приподнялось, пан Август ловко подставил под него березовое полено. Бочка осталась стоять набекрень, а под ней зачернел круглый кусок пола. Часовщик вынул из нагрудного кармана большой фигурный ключ и вставил его в центр круга. Тотчас же деревянный диск провалился.

С непостижимой быстротой Шпилевский швырнул в люк рюкзак и скрылся в нем сам. Звякнула какая-то пружина, люк с силой захлопнулся, березовый кругляш от сотрясения выскочил из-под днища, а бочка аккуратно шлепнулась на прежнее место.

— Здорово! — чуть ли не вслух сказал изумленный Михась. — Вот это механика!

Он остался лежать на полке, раздумывая над всем увиденным. Выходит, порядком нечиста совесть пана Августа перед Советской властью, если он такой бункер соорудил для себя. Пойти вот сейчас в дом и привести сюда капитана Голуба.

Но что-то удерживало Михася от спешки. Нет, не страх, что Шпилевский все-таки сболтнет о папиросах. Придет время — Михась сам расскажет, раз уж хотел «завязать» с прежней жизнью. Он чувствовал, что сейчас можно просто спугнуть часовщика. Надо подождать.

На дворе опять раздались голоса. Михась выглянул в маленькое оконце над дверью и увидел, что капитана Голуба, Соню и Лешку провожают две женщины — хозяйка дома и мать Стася. Пани Шпилевская любовно держала под руку свою квартирантку и горячо уверяла в чем-то гостей. Лешка задумчиво шел сзади.

Послышался звучный голос Сони:

— Больничная машина придет за мальчиком завтра утром. Приготовьте его.

— Так, так, пани. Все сделаем, — вперед матери Стася ответила хозяйка.

— Спасибо вам, пани Софья, — сказала мать.

— Я не пани! — гневно зазвенел Сонин голос. — Если вы не привыкли еще к слову «товарищ», зовите просто Софьей Борисовной.

Слышно было, как «Виллис» отъехал. Михась выждал минут пять и слез со своих полатей. В носу было полно пыли, но он удержался и не чихнул. Как магнитом его потянуло к капустной бочке. Он нажал на нее по примеру пана Шпилевского. Где там — даже не шелохнулась. Тогда он лег на пол и прижался ухом к доскам около бочки.

Сначала ничего не было слышно. Видимо, пан Август сидел тихо, как мышь. Но Михась был терпеливый парень, да и спешить было некуда. Завтра он скажет на фабрике, что ему не полагается работать в ночную смену, и сошлется на инструктора Соно. Удивительная все-таки она. И Лешка мировой пацан. Вообще везет Михасю в последнее время на хороших людей. Может, и переменится жизнь. Только вот почему капитан погрозил пальцем?

Терпение победило. Минут через сорок под полом отчетливо раздался голоса. Мужской и женский. Михась вдавился ухом в пыльную половицу.

— ...А где была гарантия, что они не знают меня в лицо? Не могу же я спокойно двигаться навстречу, прямо им в лапы.

— Они могли заметить, что ты побежал сюда.

— Ни дьявола они не заметили. Машина еще на углу была, когда я во двор повернул. А теперь слушай меня внимательно. Я сейчас уйду и вернусь не скоро. Тебя не тронут, а мне здесь крышка. Про разрешение на скупку жидовского добра уже знают все. Черт его дернул завалиться в щель. Даже этот шербатый голлодранец пронюхал. Первый визит нанес легавый. Вот-вот жди и чекисты появятся. Это как закон. В общем, дня через три вызывай сюда Когута и Хорунжего и делите валюту. Сегодня — пятница. Значит, в понедельник. Будет возможность, и я появлюсь. И пусть они тоже сматываются с фабрики: чую, что этот сопливец скоро всех завалит. Идей набрался... Свернуть бы ему башку, да некогда. А Казимира лупцуй нещадно, если он еще будет пугаться с этой рванью.

«Щербатый сопливец» перевел наверху дыхание и медленно поднялся на ноги. Он бесшумно вышел из сарайчика и тенью вдоль забора добрался до калитки.

И только на улице его будто стукнуло по голове.

Шпилевский разговаривал в подвале с женой. Но она-то в сарайчик не приходила и в люк не прыгала.

Как она туда попала?

— Ну а как ты сюда попал? — спросил Лешка, когда Михась изложил ему свои похождения.

— Так же назад вернулся во двор. С другой стороны дома окно в кухню. Вот я через него и хотел заглянуть, чтобы проверить, есть ли там лаз в подполье. В комнатах его нет — я бы раньше заметил. Надо же было узнать, откуда начинается ход в бункер. Ну, я только влез на подоконник...

— ...Тут его и защучили, — сказал Антон Голуб, входя в дежурку. — Ты, друг Михась, извини меня: я весь твой рассказ слышал. Будем считать, что нечаянно: стенка очень тонкая. А среб тебя за воротник наш постовой, которому я велел на всякий случай приглядывать за домом, — усомнился в командировке пана Шпилевского. Однако получилась форменная чепуха, потому что, пока постовой тебя доставлял сюда, хозяин дома как раз и утек. Вот такие пироги! Лично у меня никаких сомнений нет, что пан Ав-

густ «пошед до лясу»¹. Но разговор об этом будет не здесь. А пока у меня к тебе есть несколько вопросов. Первый: зачем ты и раньше частенько забредал на усадьбу Шпилевских?

Михась ощерился.

— Давай-давай, не стесняйся. Видишь, я даже протокола не веду. Мои люди пару раз видели, как ты выплывал из фабричной проходной с большим животом. Но пока тебя не трогали. Затем мы установили, что пан Шпилевский сбывает крупные партии папирос сельским спекулянтам. Есть связь между этими фактами? Так кто доставлял ему краденые папиросы?

Михась набрал полную грудь воздуха, прощальным взглядом поглядел на Лешку и выдохнул:

— Я доставлял.

— Так. С мертвой точки сдвинулись. Сколько от него денег получил?

— Шесть сотенных получил. Проел.

— Догадываюсь, что не пропил. А Шпилевский, наверное, шесть тысяч отхватил, хотя по суду он может получить срок меньше твоего. Он просто перекупщик, а ты... этот самый. Ладно, не сверкай очами. Зачем выносил папиросы? Сам придумал?

— Жратвы не хватало. Не сам.

Антон раздраженно побегал по комнате.

— Ну, допустим. Паек, конечно, маловат для твоего роста. Но почему не пришло тебе в стриженую башку, что не ту дорожку для пропитания указали твои дружки с фабрики? Мог сам-то сообразить?

— А я уже начинал соображать, — замогильным голосом сказал Михась.

— Ну, милый, этого мы не знаем. Зато факты нам известны. И все они за то, чтобы идти к прокурору за санкцией. Ну, да черт с тобой. Постановление следователь оформит завтра. Постараюсь, чтобы в нем было кое-что сказано об откровенном признании и прочих смягчающих обстоятельствах. Например, о сопливом возрасте воришки. Я кому говорю, не ощеривайся! Напаскудил, а еще в пузырь лезешь. Сейчас я тебя отвезу в управление госбезопасности, и там ты слово в слово повторишь свой рассказ. Не о папиросах, а о бункере. А ты, Вершинин, двигай до хаты.

Лешка обиделся.

Почему он должен оставаться в стороне? Такая интересная история заворачивается, а его побоку? А кто раскрыл загадку четы-

¹Подался в лес (польск. — Прим. авт.).

рех букв? Кто вчера первый надоумил Соню поехать к Шпилевским?

Лешку поддержал Михась:

— Я не больно помню эти... немецкие буквы.

В «Виллис» они сели вместе.

Поздно ночью капитан Голуб привез мальчишек к квартире Сони, развернулся и укатил в темноту. Лешка и Михась глянули на окна, убедились, что они еще светятся, и, не стовариваясь, сели на скамейку у подъезда. Надо было поговорить о серьезных делах.

Итак, в понедельник будут «брать» бункер Шпилевских. Хотя в управлении госбезопасности об этом не было сказано ни слова, но они не маленькие. Недаром майор заставил Михася несколько раз рисовать план двора, дома и сарая. Потом он спросил:

— Любопытно, кто такие Хорунжий и Когут. Ты не догадываешься?

Михась мотнул головой:

— Сроду не слышал.

На прощанье майор сказал:

— Главная опасность сейчас в вас, ребята. Болтнете кому-нибудь одно слово — все сорвется. Я, Вершинин, знаю еще с фронта твоего брата. Значит, в какой-то мере могу доверять и тебе. Под честное пионерское. Между прочим, была у меня возможность раньше познакомиться, да обстоятельства помешали. Не догадываешься? Это же я должен был захватить тебя в поезд по дороге сюда... В общем, за тебя я спокоен. А вот Дубовика я не знаю. Вернее... знаю не совсем с той стороны. Так что за ценные сведения ему спасибо, но для пользы дела пусть он пару суток погостит в милиции.

Мальчишки повесили носы. Михась подумал: «Хана. Сажают. А ты на что надеялся?» Но тут заговорил капитан Голуб:

— Товарищ майор, я полагаю, что Дубовик будет молчать. Между прочим, это он умеет. Сколько понимаю, он именно к вам и рвался со своими данными, а милиции их не доверил. А раз дорвался, чего ему трепаться? Так, что ли, Дубовик?

Михась не ответил, только глянул своими круглыми глазами прямо в глаза капитану, и тот понял, что именно «так» и без всяких «что ли».

— Кроме того, — добавил Антон, — у него крестная мать выискалась — инструктор обкома Курцевич. В лобовую атаку идет на меня. Вот пусть он у нее и отбывает двухдневный карантин.

А то в дежурке весь чай выпьет со старшиной. Или еще хуже: эта Соня вдрызг разнесет милицию.

Майор засмеялся. Ребята тоже улыбнулись.

А сейчас мальчишкам было не очень весело. Они сидели и молча смотрели на подрагивающие в бархатном небе июльские звезды. Оба думали об одном и том же.

В понедельник развернутся главные события на улице Пограничной. Властная рука взрослых отстраняет мальчишек от участия в решающих действиях. Где справедливость?

Так мыслил Лешка.

Часовщика, может, и застукают. Вместе с дружками. А вдруг что-нибудь сорвется? Одно дело картинку на бумаге нарисовать в блокноте майора, а другое дело, когда сам показываешь. Случись у них какая осечка, скажут, сбрыхал. Тогда уж точно посадят. Чо-чому за все. И законно будет.

Таков был ход мыслей Михася.

Мерцающим звездам было наплевать на людские заботы. Они подмигивали кстати и некстати, правому и виноватому.

Лешка тихонько вздохнул и сказал:

— Близнецы.

— Кто? — сердито спросил Михась.

— Звезды. Созвездие такое. Вон в самом верху мигают.

— Там их тыщи. И все близнецы.

— Не все. Ниже — Единорог. Во-о-он, над костельным крестом.

— Не трепись. Это бабка моя об единороге рассказывает. Только он на иконе в церкви нарисован, а не на небе.

— Ну на иконе — не знаю. А созвездие Единорога точно есть. И вообще звериных созвездий много. Козерога, Дракона, Льва... потом еще Змеи, Скорпиона, Гидры.

— Это попы напридумывали страшных названий, чтобы людей небом пугать.

Лешка помолчал. Такая мысль ему не приходила раньше в голову. Он усомнился:

— Ну почему же только пугать? Есть и другие названия. Например, Лисичка, Ящерица, Дельфин. Ими не напугаешь.

— Ну, а почему — ящерица? Что, хвост, что ли, у звезды длинный?

— При чем тут хвост... Просто все вместе они, если прищуриться, похожи на ящерицу. Наверное, кто первый это заметил, тот и назвал.

Михась поерзал на скамеечке.

— Все-то ты знаешь... А откуда знаешь? Ты ж на два года поз-

же меня родился. Почему я ничего не знаю? Жизнь у меня такая проклятая!..

Лешке стало не по себе от тоски в голосе друга, даже в носу защекотало. Конечно, он сумел бы сказать ему, что не жизнь — проклятая, а пусть будет проклята война, которая исковеркала детство Михася. Что жизнь только начинается. И все такое. Но как-то неловко.

Лешка сказал:

— А вот еще есть такое созвездие — Волосы Вероники. Лучше всего в сентябре его видно. Я читал, что в этом созвездии один школьник из Швейцарии открыл новую звезду. Был у него самодельный телескоп. У них там, в Швейцарии, горы, воздух чистый, и звезды хорошо видны. Он вечером глядел и увидел.

— Швейцария — это где? Она за кого воевала?

— Она ни за кого. Нейтральное государство.

— А! Не воевала! — зло расхохотался Михась. — Тогда у пацана было время звезды считать. На сытое брюхо. И бомбы на него с неба не сыпались.

Лешка не стал объяснять, что свое открытие швейцарский лицеист сделал двадцать пять лет назад. Он только добавил, что новая звезда с тех пор носит имя этого школьника. Такой порядок в ученом мире.

— Ну да? — не поверил Михась.

— Точно. Я читал.

— А сам мальчишка? Наверное, разбогател.

— Ну... не знаю. Он молодой умер от какой-то болезни.

Ребята долго молчали. Потом Михась встал и с хрустом подернул свои жестяные штаны.

— Да-а-а! Это — ничего. Он, значит, помер, а звезда... все равно называется. Ну, так жить можно! — неожиданно заключил он.

(Через двадцать пять лет Алексей Петрович Вершинин прочитает в центральной газете статью астрофизика профессора М. Д. Дубовика «Сверхскопления галактик — крупнейшие структурные единицы Вселенной».)

Дмитрий уехал в командировку в воскресенье вечером, а утром в понедельник, уходя на работу, Соня сказала мальчишкам:

— Я не знаю почему, но мне дана установка не выпускать вас сегодня из квартиры. Запирать вас на ключ дело бесполезное, по-

скольку существуют окна. Поэтому мне просто нужно ваше честное слово. Даешь, Леша, честное пионерское?

Лешка отрицательно замотал головой.

— Вы не совсем в курсе, Софья Борисовна. Установку я знаю: не допускать нашего общения с кем бы то ни было. Но чтобы держать взаперти — об этом вам не говорили.

Соня несколько растерялась. Вообще-то именно так майор и говорил: не допускать контактов.

— Так вот, — уверенно продолжал Лешка, — я даю честное пионерское за нас обоих, что в течение дня мы не будем ни с кем разговаривать, а только друг с другом. Но взаперти мы не высидим. Сбежим. Отпустите нас в музей.

Соня задумалась. Музей — это звучало солидно. Не купаться и не мяч гонять. И сам Лешка выглядел представительно, делая свое заявление. Он очень серьезно смотрел снизу вверх на Соню абсолютно правдивыми и ясными глазами. Потом добавил:

— Митя бы отпустил.

В конце концов, воспитывать надо доверием. Соня сдалась.

— Ловко ты ее, — хмыкнул Михась. — На Неман дернем?

— Нет, в музей, — непреклонно сказал Лешка. — Я слово дал.

— Да иди ты... Был я в том музее. Кости да черепки.

— Это — в нижнем зале. А верхний только на днях открыли. Митя говорил, там рыцари. В настоящих доспехах. Латы и кольчуги, мечи и палаши. В нашем городе такого музея нет. Я хочу фотографии сделать для отряда. Вот — взял у Мити «Лейку». — Лешка помахал кожаным футляром.

Михась еще сроду не держал в руках фотоаппарат.

— Меня... научишь?

Они пожевали вчерашних котлет и пошли. По дороге к музею случился небольшой казус: какая-то девушка с чемоданом спросила, где Замковая улица. Они были как раз около Старого замка, и спрашивать об этом было глупо. Михась открыл рот, чтобы так и ответить, но Лешка сильно дернул его за штаны и бегом увел за собой.

— Нельзя же разговаривать, — шепнул он.

— Больно уж ты... того! Какая разница, если бы я и сказал ей пару слов. Не бойся, не услышит твоя Соня.

Экскурсантов в музее в этот утренний час было немного. Лешка и Михась неторопливо переходили от стенда к стенду. Потом дело пошло веселее. Из узкой боковой дверцы появился ветхий, но аккуратный старичок в очках и наглаженном парусиновом костюме. Он отрекомендовался ученым секретарем музея и сказал, что готов быть экскурсоводом. Лешка быстро присоединился.

Старичок говорил без умолку.

— ...Здесь собраны и более древние экспонаты — начиная с десятого — одиннадцатого веков. Легко заметить, что у тогдашних восточных славян особенно было развито кузнечное ремесло, а также обработка драгоценных металлов. Эта коллекция древнего оружия свидетельствует...

И тут у Лешки разыгралось воображение.

— ...Этим самым копьём, которое держит в стальной рукавице фигура рыцаря, был сражен на княжеской охоте могучий зубр. На древках копий его притащили сюда, на гору, целиком зажарили, а потом отрезали себе куски жаркого вон теми зазубренными кинжалами. Потом затрубил этот зеленый, с красивой насечкой медный рог, и дружина князя умчалась отражать нападение соседей-феодалов, на полном скаку стреляя из этих громадных луков. В качестве трофеев они привезли двуручный меч с извилистым лезвием и непонятной латинской надписью на клинке...

Немного ошалевший от дремучей старины, Лешка метался между стендами и витринами и успевал схватывать только отдельные реплики музейного старичка. Оставалось читать куцые надписи на экспонатах, шелкать «Лейкой» и фантазировать. Спрашивать и разговаривать Лешка сегодня не имел права. Ни с кем, кроме Михася. А Михась затерялся в обширных гулких залах.

Наконец узкая дверь с надписью «Выход» вывела Лешку снова на гранитный мост замка. Лешка почти с облегчением вздохнул и прищуренным взглядом фотографа стал обозревать панораму города с высоты Замковой горы. Внизу сверкал на солнце Неман. За ним дымились трубы фабрик. Где-то там табачная Михася. А куда он сам провалился?

Михась подошел своей обычной неспешной походкой, встал рядом на парапет и сплюнул вниз. Лешка неодобрительно покоился на него, потому что под мостом проходила лестница к набережной и по ней двигались люди.

Михась сказал тонким от обиды голосом:

— Научил меня карточки снимать, да? Сам шелк-шелк, и будь здоров. Трепло.

— Кто трепло? — возмутился Лешка. — Ты сам где-то потерялся.

— «Потеря-ялся»? — передразнил Михась. — Я не терялся, пока не увидел, что ты с этими железьяками... с глузду зъехал. Стоишь у ящика и губами шевелишь. Я чуть не заснул. Ну и пошел гулять...

Лешка понял, что Михась всерьез обижается. И торопливо сказал:

— Ты не думай, что я всю пленку израсходовал. Еще шесть кадров. Пошли, научу.

Один из склонов огромной Замковой горы сплошь зарос кустами сирени, акации и жасмина. Изредка в зарослях попадались живописные лужайки. К ним были протоптаны уютные стежки. На одной из полянок Лешка и предложил Михасю попользоваться «Лейкой». Он, как мог, растолковал ему, что такое дальномер, выдержка и диафрагма, и отошел к кромке кустов. Встал в позу и командовал:

— Жми на кнопку.

Михась долго прилаживался к аппарату, застенчиво улыбался, рассматривая в видоискатель лужайку, кусты и Лешку. И вдруг он увидел в этом мутноватом стеклянном кружке силуэт еще одного человека. За спиной Лешки стоял мужчина и призывно помахивал рукой. Даже в неверных радужных разводах видоискателя лицо его показалось Михасю очень знакомым. От неожиданности он нажал кнопку и вздрогнул от громкого щелчка затвора.

Ну конечно! Из-за спины Лешки выдвигалась хорошо известная ему клетчатая фигура фабричного экспедитора. Он был здорово пьян. Он отпихнул Лешку, зигзагом приблизился к Михасю и фамильярно обнял его за плечи.

Лешка одним прыжком встал плечом к плечу с другом. Но пьяный безобидно чмокнул Михася в щеку и всхлипнул.

— Ну вот... а говорили, ты сидишь. А я подумал — это не для него. Это — для меня. А тебе чего делать в милиции? Правда? Ты же толковый муж-ик...

Михась легко вывернулся из его объятий, и пьяный, потеряв точку опоры, сел на траву.

— И-з-з-вини. Я вижу, ты занялся фотокоммерцией. И это твой клиент? Дуй. Снимай. Ты прав. Папиросы — это пошло. Тем более что я тебе больше не компаньон. Я... иду садиться. Да. Сам. В милицию. И пусть меня поскорее спрячут в уютную беседочку с симпатичной сеточкой. Там не дует. И там нет комаров. Если пан Август в них влюблен, он может их кормить. В камере, конечно, не курорт, но зато нет пана Августа и его приятелей. И слава Иисусу Христу, что нет. Чем дальше от них, тем спокойнее. Лучше сидеть за папиросы, чем за еврейское добро...

Умиротворенно смежив веки, экспедитор улегся на траву и приготовился захрапеть. Михась вопросительно глянул на Лешку. Лешка кивнул. Нельзя давать ему спать!

Михась довольно беззастенчиво пнул пьяного в бок.

Экспедитор поднял голову и как ни в чем не бывало продолжил свою мысль.

— ...Потому что идейных разногласий у меня с Советской властью нет. Я всего лишь хронический нарушитель Уголовного кодекса. Да. Тадеуш Петуховский — жулик, но не бандит. Поэтому я отклоняю предложение пана Шпилевского о прогулке в пуши и кущи и иду садиться. Лучше получить три года, чем пулю из кустов. Еще раз привет дебютирующему фотоателе. Все!

Это было действительно все. Экспедитор надежно уместил свою физиономию между ладонями и мгновенно уснул на изумрудной траве лужайки.

— Ты слышал? — шепотом спросил Лешка. — Выходит, что это он должен был идти сегодня в бункер. — Он схватил Михася за руку. — Бежим к капитану!

Они выбрались из зарослей на тротуар и бешеным аллюром помчались по тихой Замковой улице к центру города.

Через двадцать минут вплотную к бордюру тротуара, от которого уходили вниз зеленые джунгли, подлетела крытая машина. Мальчишки сидели в кабине рядом с водителем. Из кузова выскочили трое мужчин. Лешка рукой показал им направление, и они скрылись в кустах. Долго никто не появлялся.

— Разбудить не могут, — догадался Лешка.

Наконец пестрый костюм экспедитора замаячил среди зелени. Его обладателя несли на руках.

— Так и не проснулся? — удивился Лешка из окна кабины.

— А ну отвернись! — вдруг заорал на него Антон Голуб, который поддерживал экспедитора за ноги.

Тадеуш Петуховский был мертв.

Через полчаса с мальчиками разговаривал майор. Сначала ребята не могли понять, почему его больше всего интересовало, каким голосом говорил на лужайке экспедитор.

— Пьяным голосом, — повторял Михась.

— Я спрашиваю, громко или тихо?

— А пьяные тихо не разговаривают.

— Это, пожалуй, верно. Сколько шагов было от места, где он лежал, до ближних кустов?

Лешка прикинул в уме и сказал, что шагов пятнадцать. Тогда майор вывел ребят в коридор, отмерил на линолеумной дорожке расстояние и велел Михасю лечь на пол и сказать несколько фраз таким тоном, как говорил экспедитор. Михась конфузливо хмыкнул, повалился на бок, подумал и хрипло произнес:

— Я жулик, а не бандит!..

Майор улыбнулся в конце коридора. Фразу он услышал отчетливо.

Картина вырисовывалась четко: кто-то следил за Петухов-

ским, заподозрив, что тот решил податься в милицию. Преследователь дождался ухода мальчишек и задушил спящего. Но был он совсем близко, не дальше пятнадцати шагов, потому что слышал весь разговор Петуховского с ребятами.

Неужели ребята совсем его не заметили?

Мальчишки растерянно пожимали плечами. Лешка добавил, что он не видел появления даже самого экспедитора. Тот вышел из-за Лешкиной спины, когда Михась щелкал «лейкой».

— Щелкал, говоришь? — задумался майор. — Дай-ка мне аппарат. Хороший прибор. «Цейсс». Просветленный объектив. Светосила один к двум. Вот что, хлопцы, я достану из него пленку и отправлю в лабораторию. Ты, Вершинин, не волнуйся: музейные кадры будут целы. И проявим мы их тебе на высшем уровне.

В кабинет без стука влетел разгоряченный капитан Голуб.

— Докладываю: собака след не берет — чихает. Там на два пальца махры насыпано. Несколько пачек не пожалел, мерзавец. Вот обертки от пачек.

Он положил на стол порванные желто-серые клочки бумаги.

Майор покрутил их в пальцах и разочарованно положил обратно: самая обыкновенная упаковка местной фабрики. Таких пачек полно в каждом киоске.

— Можно, товарищ майор? — спросил вдруг Михась и придвинулся к столу. Он разгладил и внимательно осмотрел каждый клочок.

— Нету, товарищ майор, — испуганно сказал он.

— Чего нету?

— Штампа ОТК нету. Значит, они не из магазина, а прямо с фабрики. Еще и контроль не прошли, а их уже свистнули.

Майор поднес клочки бумаги к своим глазам.

— Верно, парень. Соображаешь. Это уже ниточка. Выходит, пачки были в кармане у человека, который работает на фабрике. Или связан с кем-то из тамошних леваков. А, Дубовик?

Он глянул на Михася. Мальчишка побагровел. Антон Голуб шагнул к столу и твердо сказал:

— Исключается, товарищ майор. Кто старое помянет...

Смутился и майор.

— Ладно. Я не то имел в виду. Вообще-то вы молодцы, ребята. С головой. Но...

Домой, то есть на квартиру Сони Курцевич, их не отпустили. В той же закрытой машине капитан Голуб отвез мальчишек в отдел милиции и с рук на руки сдал дежурному сержанту. Приказание было коротким: кормить, поить и никуда не выпускать. До отбоя.

О каком отбое идет речь, ребята не поняли. Антон ехидно хмыкнул:

— Перехвалил вас майор насчет голов. Убийца вас видел? Видел. Известно ему, что вы болтовню Петуховского слышали? Известно. Экспедитора он придушил, а вы-то остались. Радостно ему вас живыми наблюдать? То-то.

У друзей забегали под рубашками полчища мурашек.

Письмо

«Здравствуй, мама. Я здоров и пишу из милиции. Но я здесь не по-чему-то, а так надо. Нас не пускают отсюда, пока не поймут того, кто убил, а то и нас могут убить, но у них не выйдет, потому что нас караулит дядя Костя — сержант, который кормит нас перловкой, которую здесь дают разным жуликам, но, кроме нас, здесь никого нет, и я уже наелся, а Михась все еще ест, потому что мы с утра не ели и вечером, может, тоже есть не придется, потому что мы отсюда убежим и пойдем на одно интересное дело, о котором я Мите говорил, но он уехал в командировку, и я остался у его тети Сони, а она на работе, но мы слово сдержали и ни с кем не разговаривали, и майор нас похвалил и велел нас спрятать в милицию.

Твой сын Алексей».

Они уснули на широком топчане в двенадцатом часу, измотанные впечатлениями суматошного дня и так и не дождавшись обещанного отбоя.

8

Проснулись они от возмущенных интонаций в голосе старшины:

— Гражданка-а! Не положен-н-о!

В ответ гремел колоколом громкого боя хорошо знакомый ребятам грудной альт:

— А спать детям не раздевшись, не разувшись — это положено?! Стихни. Это мои ребята, и я их заберу. Кому говорю, стихни! Лешка, Михась, вставайте, пошли домой. Быстро. Лешка, завяжи шнурок. Михась, штаны падают. Идем.

— Гражданка-а! — вновь заголосил дежурный. — Я вынужден буду оружие применить!

— Чего-о! — на две октавы возвысился альт. — Чего применить? Да ты его в глаза видывал? А ну убери руку с кобуры — там у тебя ложка немытая. Ах ты...

Затиснутый в угол дежурный в последний раз подал голос:

— Гражданка, вы хоть в журнале распишитесь, что забрали вверенных мне пацанов...

— Это я могу. Давай свой талмуд.

Соня размашисто начертала что-то в затрепанном журнале милицейских дежурств и вытолкала мальчишек на улицу.

По дороге она их ни о чем не расспрашивала, зато сама залпом выложила новости. Главной из них было то, что судьба Михася решена: он определен в спецдетдом для партизанских сирот. Завтра за ним приедет директор, и все будет оформлено, включая обмундирование, и осенью Михась пойдет в школу.

— До свидания, — сказал Михась и шагнул в сторону. В темноту переулка. Он моментально растворился в ней, но Соня и Лешка услышали: «Ни в какой детдом я не поеду».

— Глупо! — сказала Соня, ставя перед Лешкой тарелку с пирожками. — Он что — псих?

— Он не псих. Но в детский дом он не поедет.

— Да почему, черти вы полосатые? — чуть не заплакала Соня.

— Ну... не знаю. Он уже большой. Он работать будет.

— Ему учиться надо, это ты понимаешь? Он что — действительно ненадежный? Я в нем ошиблась?

Соня сидела, грустно подпершись кулаком, и походила на большую печальную матрешку.

— Кто ненадежный? Михась? — ахнул Лешка. — Да вы что?!

...У них в этом году появилась в классе новая учительница географии Евгения Евгеньевна. Она сразу сказала: «Меня вообще-то зовут Женей, и мне девятнадцать лет. А вам сколько?»

Это так всем понравилось, что через два дня ребята назубок знали столицы государств Европы, Азии и даже Латинской Америки. А когда один дурак попробовал назвать учительницу действительно Женей, то получил пощечину. Это сделал Лешкин сосед по парте. Он учился в их классе всего лишь неделю, как многие ребята, которые возвращались нынешней зимой на Запад и транзитом останавливались в их городе. Сейчас Лешка не помнил даже имени того парня. Но самого его запомнил. Он тогда спокойно поднялся, обогнул два ряда парт, подошел к нахалу и съездил ему по физиономии. И не получил сдачи. Всего забавнее было то, что класс никак не отреагировал на происшедшее. Будто ничего и не случилось. Евгения Евгеньевна с некоторым изумлением понаблюдала за ребятами, а потом продолжила рассказ о том,

что столицу Норвегии не обязательно называть Осло, а можно и Христианией...

С тех пор как Лешка познакомился с Михасем, ему все время казалось, что тогдашним соседом по парте был именно он.

В эту хлопотливую ночь Лешка долго еще не мог добраться до раскладушки. После разговора о Михасе Соня сообщила, что звонил Митя и велел завтра привезти Лешку к нему в район.

— Это еще зачем? — удивился Лешка.

— Затем, что я тоже еду в командировку, а он тебя не велел оставлять одного.

«Здрасьте, — подумал Лешка. — Мне-то что в деревне делать? Обрывают события на самом интересном месте».

— А это обязательно? — спросил он.

— Да! — твердо ответила Соня. — Раз Митя сказал... Он сказал что-то насчет твоих способностей куда-то попадать.

— Я спать хочу, — рассердился Лешка. — Это вы ему накапали насчет сегодня?

— Что за жаргон! — в свою очередь, рассердилась Соня. — Я не капала, а коротко доложила, что ребята помогли раскрыть преступление.

— Его еще не раскрыли, — уточнил Лешка и подумал, что такого сообщения Мите было вполне достаточно, чтобы издать строгий приказ.

Лешка думал о всех этих вещах и долго не спал.

Уже наступало утро. За окнами голубел рассвет, и в эту утреннюю тишину влился звук далекого автомобильного мотора. Соня прислушалась и поежилась:

— Антон едет, его дилижанс. Ну, Лешенька, держись!

— А чего? — удивился Лешка.

Капитан Голуб вошел сердитый и долго молчал. Соня сначала тоже помалкивала, но вскоре не выдержала:

— Чего примчался? Из-за парней ругаться? Так теперь уже поздно. Забрала и забрала. Они там у тебя блох нахватываются. Садись лучше ужинать.

Медленным движением Антон расстегнул полевую сумку и извлек оттуда журнал дежурств.

— Что это за хулиганская надпись, а? — тонким голосом спросил он, и ресницы его обиженно затрепетали. — Как это прикажете понимать: «Каков поп, таков и приход». Ведь это оскорбление, так?

— А чего ты там понасажал всяких формалистов, — сконфуженно сказала Соня.

Антон прошелся по комнате и остановился за ее спиной.

— Я вас очень уважаю, Софья Борисовна, но и меня прошу понять. Какой ни на есть, а я сейчас начальник. И должен у меня быть авторитет. А вы его на каждом шагу дисекр... дрески... в общем, это самое. Мне обидно.

— Не буду больше, Антоша, — покаянно сказала Соня.

— Теперь старшина... Он — на службе. Я ваш нетерпеливый характер знаю и понимаю, но в ответ на насилие он бы по инструкции обязан был вызвать в помощь дежурный наряд. Что бы тогда произошло?

— Свалка! — убежденно сказала Соня.

— Именно. Как бы это отразилось на авторитете ответственного комсомольского работника?

— О нем ты не беспокойся. Раз уж знаешь мой характер, не испытывай его больше нотациями. А то...

— А то что?..

— А то!.. Чарку к ужину не получишь!

— Ого! А есть, что ли? Димка еще не все вытянул?

За ужином, а вернее завтраком, капитан перестал хмуриться и стал все чаще поглядывать на Лешку.

— Томишься? — спросил он его. — Невтерпеж?

— Угу, — чистосердечно признался Лешка, изнывавший от желания узнать, прозвучал ли сигнал «отбоя».

А еще он очень удивился, почему Антон Голуб не интересуется, куда пропал Михась.

...Фотопленку из «Лейки» подвергли в лаборатории специальной обработке. При крупном увеличении на позитиве позади фигуры экспедитора с поднятой рукой отчетливо стал виден силуэт еще одного человека. Раз Михась его не заметил в видеискателе, значит, на нем был костюм в тон зеленым зарослям. Скорее всего, защитного цвета. Тем не менее одна светлая деталь костюма на фотографии отчетливо выделялась: белая полоса подворотничка. По форме и ширине полосы установили, что подшит воротничок не к стоячему вороту, а к отложному. Значит, на том человеке была или гимнастерка старого армейского образца, или френч от польской военной формы. Не исключается и трофейный немецкий, но маловероятно: их давно все повыбрасывали.

Круг поисков сразу сузился. На табачной фабрике указали только на пятерых человек, которые могли быть приблизительно

так одеты и не были на работе в период с четырнадцати до пятнадцати часов. Отпечатки пальцев на горле убитого были отчетливы, как в учебнике криминалистики. Деликатно проверили отпечатки четырех подозреваемых: на больших тисках у двух слесарей в механической мастерской, на ложке в столовой у франтоватого делопроизводителя и на белоснежной фаянсовой ручке смывного рычага в туалете, который посетил после обеда главбух фабрики.

Ничего не совпало. Наука дактилоскопия безнадежно теряла авторитет в глазах весьма решительных, но пока не очень эрудированных вчерашних партизанских разведчиков, а ныне оперативных помощников майора Харламова, а также капитана Голуба.

Однако оставался еще пятый, кто носил на фабрике френч с отложным воротничком и отсутствовал с четырнадцати до пятнадцати. Вахтер Винцуковский. Он и должен был отсутствовать: его дежурство начиналось только в полночь.

Направились по его домашнему адресу, взятому в отделе кадров. Майор сказал при этом членам оперативной группы:

— Проверьте оружие. Если он убийца, то или его не будет дома, или он будет дома, но тогда он, значит, большой нахал, поскольку не верит в свое разоблачение вашими умными головами. А когда увидит, что его накрыли, начнет палить. Улавливаете?

Майор оказался и прав и не прав. Алоизий Винцуковский был дома, но очень спокойно встретил троих гостей. Хладнокровно выслушал сообщение о том, что является в данный момент подозреваемым, но отнюдь не обвиняемым и ему придется посидеть в квартире до тех пор, пока следствие не проверит отпечатки его пальцев.

Узнав об этом, вахтер табачной фабрики взглянул на свои длинные тонкие пальцы, хрустнул ими и бестрепетно позволил сделать с них оттиски. Потом взглянул на часы и сказал:

— Панове, я к вашим услугам. Я подожду.

Он остался в обществе капитана Голуба и еще одного оперативника, а эксперт уехал куда следовало. В течение часа в убогой комнатке вахтера не прозвучало ни слова.

У окна шумнул на последней форсировке перед выключением мотор машины. Винцуковский не пошевелился. Вошел эксперт и протянул Голубу два листка бумаги. Капитан их проглядел и один передал вахтеру.

— Это касается вас, гражданин Винцуковский.

— Не трудитесь, — почти брезгливо отстранил его руку Винцуковский. — Убежден, что это прокурорский ордер на арест. Но вы зря потеряли время, господа. Именно этот час мне и был нужен. Вы ставили перед собой цель добраться до бункера пана Шпи-

левского, не так ли? Хотя и сами не знали, что там имеется. Вы опоздали. Там уже ничего не имеется. Пятнадцать минут тому назад валюта уехала. Мерси, панове. Мы собрали достаточно средств, чтобы обеспечить наше доблестное лесное братство всем необходимым на будущие времена. И мы долго еще будем пускать вам кровь, господа коммунисты. Пока здесь не рухнет хамская власть хлопков. Это говорю вам я — офицер славных польских легионов двадцатого года. Нам не сумели помочь немцы избавиться от вас — помогут другие. И я сегодня удовлетворен: вы проворонили нашу валюту, которая пойдет на оснащение новых боевых групп. Вы ее не возьмете. Как, впрочем, не возьмете и меня. Вы еще не видели, как умирают истинные дворяне...

— Ну, мы после этих слов подумали, что он стреляться будет, — рассказывал Антон. — Мы к нему кинулись, а он захохотал, зубами скрипнул и выплюнул на стол стекло. Маленькие такие осколки. Глаза вытарачил и упал. Помер.

— Цианистый калий, факт, — сказал Лешка, — миндалем запахло, да?

Антон без особого дружелюбия покосился на Лешку.

— Лезешь ты, Вершинин, поперек старших. Залишне грамотный. Насчет калия эксперт раньше тебя сказал. А в смысле миндаля меня и майор спрашивал, но я такой взрывчатки сроду не нюхал. Динамит на язык пробовал и даже этот тринитро... солидол... или как там, Сонюшка, учила ты нас в отряде?

— Толуол, — тихо сказала Соня.

— Вот. А миндаля... При чем тут миндаля, Вершинин, когда этот гад действительно чуть нас всех не обвел вокруг пальца. Хлопцы двое суток сидят в засаде и, выходит, пустое место караулят.

— Куда же вы глядели? — вздохнула Соня.

— Туда. Нам этот Дубовик когда рассказал о бункере? В субботу ночью. А пани Шпилевская еще накануне побывала у этого Хорунжего и передала ему совет своего супруга прятать валюту. Тот никакого понедельника дожидаться не стал, а сразу же очистил тайные закрома, упаковал сокровища в обычную базарную сумку и немедленно снарядил Шпилевскую в путь-дорогу. В Вильнюс, будто бы к родственникам. А там предполагалось передать золото и все прочее бандитскому руководству.

— Смыслась? — запаниковал Лешка.

— Почти. Наши хлопцы в дом-то не входили, чтобы подозрений не вызывать, и женщин выпускали из него свободно. Пошла и пошла пани с сумочкой на базар.

На наше счастье, оказалась она не очень расторопной бабой. Михась и узрел ее. На перроне.

— Михась?! — в один голос сказали Соня и Лешка.

— Ну да. А чего вы удивились? Он же где-то за путями там живет. Фактически он и сгреб ее. Сейчас он в больнице. Кастетом ему попало...

Соня охнула. У Лешки, по обыкновению, открылся рот.

9

Когда Михась отделился от Лешки и заботливой Сони, готовившей ему судьбу воспитанника детдома, он машинально направился к своему старому жилью. Надо было пройти через вокзальную площадь, пересечь пути, подлезая под товарные вагоны, а там близко хибарка старухи нишенки. Нет, в детдом он не поедет. Свобода дороже. Он будет работать. И уже без фокусов. Или попросится в ремесленное. Это все-таки почти самостоятельность.

Стукаясь затылком о буфера, Михась нырнул под третий состав товарняка, когда справа заметил под соседним вагоном две человеческие фигуры. Они или что-то ели из корзины, или что-то делили. И шептались.

Беспризорники? Да нет, вроде взрослые. Причем одна явно тетка. Они не заметили Михася, потому что довольно громко переругивались. Женский голос показался Михасю знакомым. Михась прилег между рельсами.

— Четверо часов, не меньше. И чтобы желтенькие. Иначе не повезу. Самому риск, потому что в мое купе тоже заглядывают, когда проверяют документы. И браслетик в довесок. У меня... хе-хе... тоже дамочка есть знакомая.

Пани Шпилевскую Михась узнал по ругани. Ругалась она всегда вдохновенно, это он не раз слышал в их доме. Сейчас она старалась понижать голос, но жадность была сильнее осторожности. Наконец парочка договорилась.

— Вот ключ от вагона, им же откроете купе. Как увидите, что цепляют маневровый к составу, сразу забирайтесь и запирайтесь изнутри. Предупреждаю: если сцапает милиционер или кондуктор, я вас в вагон не сажал и вообще впервые вижу. Выкручивайтесь сами. Попробуете на меня капнуть — супругу вашему в лесу не поздоровится. Ну... приятно оставаться!

Михась понял — гадов надо ловить. Своими силами? Немыслимо. Нужна помощь, а ближе, чем на перроне, ее не найдешь. Перрон с дежурным милиционером — в десяти шагах, но добраться туда непросто. Надо делать это бесшумно и быстро.

Михась начал выбираться из-под вагона и зацепился карманом брезентовых штанов за какой-то кран. Раздался громкий треск. Михась рванулся и, уже не думая о тишине, выскочил на междупутье. От здания вокзала Михася теперь отделял только эшелон закрытых наглухо теплушек. Михась прикинул издали, под какой вагон удобнее нырнуть, и тут же услышал за собой тяжелый топот и прерывистое дыхание.

— Э-эй, — закричал Михась, подбегая к эшелону. — Ловите бандитов! Под вагонами!

Он упал в ту же секунду, сбитый тяжким ударом.

С визгом отскочила роликовая дверь ближайшей теплушки, в белых нательных рубахах из вагона выскочили солдаты и ринулись на бандита.

Ничего этого Михась уже не видел и не слышал...

10

— Почему — «Мосты»? — хмуро спросил Лешка, увидев за окном вагона станционную вывеску.

Соня прикрыла глаза. «Слава богу, заговорил! Два часа молчал...»

— Наверное, потому, что здесь два моста через Неман. Излучина. Есть хочешь?

Есть Лешка не мог. Он думал о том, что где-то в больнице в эти минуты проснулся Михась Дубовик, слабый, беспомощный и одинокий. А Лешку увезли. И никто к Михасю в больницу не придет. Легко так жить, а?

— Сейчас, наверное, Антон уже у Михася в больнице, — сказала Соня.

Лешка воззрился на нее. Что она — умеет мысли читать? И потом — почему Антон? На кой нужен сейчас Михасю капитан милиции?

Эту фразу Лешка произнес вслух.

Соня вздохнула.

— Ты же, Лешенька, ничего не знаешь. Голуб усыновил Михася. Разумеется, у Лешки открылся рот.

— Чего сделал?

— Откровенно говоря, даже я не ждала от Антона такой... прыти. Ну, мы подъезжаем. Через час будем в райцентре. Соскучился по брату?

Они сошли на разъезде, где стоял один-единственный домик.

Сразу же за ним белая от пересохшего песка проселочная дорога упиралась в стену векового соснового бора.

— Это — пуца? — спросил Лешка.

— Она самая. Партизанская колыбель и — «Смерть оккупантам!».

— А где же этот... райцентр?

— За лесом, две версты.

Лешка нес Сонину полевую сумку, а она легко помахивала объемистым портфелем. В нем лежала пара Лешкиного белья, Мишина тенниска и какие-то вещи женского обихода. Предполагалось пробыть в районе не меньше недели.

Откуда у Сони взялись его майки и трусы, а также рубашка брата, Лешка как-то не подумал. Между тем Соня могла кое-что рассказать о своем визите на квартиру Вершининых. Фелиция Францевна наотрез отказалась выдать белье квартирантов: «Пани меня принимает за дуру? Они мне кругом должны, сами сбежали, а вас подослали за вещами. Пусть пани даже не надеется. Только через суд. Я ему покажу, как в ковры стрелять».

У Сони не было ни минуты свободного времени. Она попросту отодвинула хозяйку в сторону, вытащила из-под кровати чемодан и стала отбирать белье.

— Это грабеж! — завопила Фефе. — Вы... вы какая-то партизанка.

— Именно, — спокойно ответила Соня, укладывая вещи в портфель.

— Вы такая же нахалка, как и сам пан Вершинин! — продолжала верещать Фелиция Францевна.

Соня застегнула портфель, обняла хозяйку за талию и перегнула ее через колено.

— Это тебе за нахалку! Это — за Диму Вершинина! Это — за все остальное!

Она трижды хлопнула ее портфелем ниже поясницы и ушла. Фелиция Францевна была настолько потрясена совершенным над ней насилием, что не издала ни звука. Она так и осталась сидеть на полу с открытым ртом, ошеломленно потряхивая белесыми кудряшками.

Сейчас Соня громко смеялась, вспомнив вытаращенные глаза квартирной хозяйки.

Соне весело становилось в лесу. Она входила в него, как входят в хорошо знакомый и любимый дом. Пусть в нем бывали не только радости, но и горе — он все равно любимый. Она запела их партизанскую:

Ой, березы да сосны,
Партизанские сестры...

— Окопы! — заорал Лешка и помчался с дороги к небольшим холмикам среди рыжих сосен.

Да, это были остатки окопов неглубокого профиля. За год они потеряли четкость и на дне их выросла крапива.

Осыпавшиеся песчаные брустверы были направлены в сторону железной дороги.

Лешка самозабвенно лазил по ячейкам для стрельбы лежа и с колена, обжигал до волдырей руки крапивой, копаясь в хвое и песке на дне окопов. Меньше чем через пять минут он был обладателем пригоршни зеленых гильз, заплесневелого махорочного кисета и ржавого автоматного затвора. Забыв о Соне, он уселся на сосновые шишки и стал сочинять...

Кисет принадлежал, конечно, молодому бойцу-сибиряку. У него кончались патроны. Чтобы сосредоточиться и стрелять наверняка, он закурил, но тут фрицевская пуля раздробила его автомат и ранила бойца. Кисет выпал, товарищи оттащили раненого в тыл...

— Здесь вел бой партизанский заслон, — сказала Соня Курцевич. — Каратели высадили из эшелона целый батальон эсэсовцев. Хотели прорваться в село на помощь окруженным полицаям. Им нельзя было дать соединиться.

— Не дали? — спросил Лешка.

— Не дали, — выдохнула Соня.

Она подержала в руках полуистлевший холщовый кисет с остатками вышивки и осторожно положила его на дно окопа.

— Только никто из хлопцев живой из леса не вышел. Ну, пора идти дальше. Если ты у каждого окопа будешь останавливаться, мы и к вечеру до Димы не доберемся.

Лешка встал и пошел, но все оглядывался на дальнюю опушку леса. Ему не надо было даже закрывать глаза, чтобы представить, как от станции двигались цепи черных эсэсовцев с автоматами у животов и как они падали, сбитые меткими партизанскими пулями. Падали на дно окопов и партизаны, срезанные густыми автоматными очередями. Они знали, что не уйдут отсюда живыми. О чем они думали в эти минуты? Это, наверно, страшно — знать, что живешь последний день на земле.

Лешка помотал головой. Одно дело смотреть войну в кино, и совсем другое — шагать по тем самым местам, где недавно шло настоящее сражение и где бурая сосновая хвоя, кажется, еще пахнет порохом и кровью.

Соня вышла уже на дорогу. Догоняя ее, Лешка торопливо запихивал в нагрудный карман вельветовой куртки тряпичный кисет, который он все-таки поднял со дна окопа.

В тесном ряду деревянных домиков райцентра стояла хата чуть побольше других. Здесь находился райком комсомола. Внутри было тихо. Соня и Лешка прошли по визжащим половицам сеной к двери с табличкой «1-й секретарь РК ЛКСМБ» и отчетливо услышали мужской храп. Соня послушала мажорные звуки и открыла дверь. На составленных вместе стульях, подтянув к животу ноги в сапогах, спал Дмитрий Вершинин. На письменном столе, уткнув кудлатую голову в подшивку «Комсомольской правды», лежал другой человек. Лешка узнал его: это был цыгановатый Иван, по фамилии Мойсенович, с которым он познакомился в обкоме комсомола в день своего приезда.

— Радужные хозяйева встретили гостей хлебом-солью, — громко прокомментировала Соня свои впечатления.

— Соль есть, хлеба нет, — подняв голову с бумажной подушки, сообщил Мойсенович. — Не привезли хлеба. Зато сало есть. А мы всю ночь заседали и сейчас отсыпаясь. Имеем право, потому что вечером опять ехать на собрание.

Дмитрий уже сидел на своей постели из стульев. Он притянул к себе Лешку и похлопал его по макушке.

— Явился, борец за человеческие права! Очень хорошо. Будешь дышать здесь незамутненным сельским воздухом и пить парное молоко. В отдалении от всяких Стасиков, Михасей и прочих любителей приключений. Мать мне за тебя голову отвернет. У Ивана имеется сестрица твоего возраста, а также братец молочных лет. Будешь с ними пасти буренку и восхищаться деревенским пейзажем.

«Миленькая перспектива, — подумал Лешка. — Я так и знал, что от этой дыры добра не жди».

— Матери писал? — внушительно спросил Митя.

— Писал, — без энтузиазма ответил Лешка. — Еще в милиции.

— Г-где?! — запнулся старший брат.

— Это когда нас туда привезли, чтобы не убили, а тетя Соня потом выпустила.

— Было такое, — подтвердила Соня.

— Батюшки светы! — взялся за виски Дмитрий. — Надеюсь, ты не упомянул матери о своих похождениях?

— Н-не помню, — сказал Лешка. Он хорошо помнил, что именно упомянул. Растяпа болтливая!

Он вышел в райкомовский дворик и сел на крыльцо. Мирная предвечерняя тишина висела над приземистым поселком. Напротив темнел дверной проем сеного сарая, и оттуда доносились какое-то хрустение. Лешка побрел к сараю. Там стояли две расседланные лошади и звучно жевали сено. На земляном полу валялись седла. Пахло пылью, увядшей травой и конским потом.

Одна из лошадей повернула к Лешке голову и прижала уши. Он воспринял это как приветствие и протянул к ней руку. Лошадь резко вздернула башку и сварливо оскалила зубы. Лешка выкатился наружу.

Черт их разберет, этих сельскохозяйственных животных. Мотоцикл завести Лешка умеет, а обращаться с животным транспортом не доводилось. Неужели Митя ездит верхом на этой зверюге? Ладно, на то он и старший брат, чтобы все уметь. Только зачем он затащил его сюда? Похоже, что для личного спокойствия. И самое скверное, что опять куда-то собирается уезжать, а он — Лешка — здесь застрянет. Молоко пить... Диктатура старших.

В открытое окно до Лешки доносились обрывки горячего спора. Многого Лешка не понял, но кое-что уловил. Речь шла все о том же колхозе.

Уполномоченный райкома партии, он же секретарь райкома комсомола Иван Мойсенович, и представитель обкома партии, он же заведомо обкома комсомола Дмитрий Вершинин, сцепились в жаркой дискуссии насчет кратчайших путей, дабы убедить колеблющихся мужиков быстрее организовать в артель. Слышно было, как Иван раздраженно хромает по своему куце му кабинетику.

— Может, ты знаешь эти пути? Я — нет! — зло говорил он Дмитрию. — Ты сам вчера убедился.

— Я знаю, — сказала Соня. — В какой-то мере затем и приехала.

— О! — поднял руку Митя. — Внимание. Изложи.

— Через баб! — коротко изрекла Соня... — Вы тут мудрите, а в соображение не взяли одну простую деталь в этой развеселой деревеньке Красовщина. Кому там хуже живется при единоличном хозяйстве — хозяину или хозяйке?

— Без тебя знаю, что бабе, — буркнул Иван Мойсенович. — Только они тебе колхозной погоды не сделают.

— Ух ты! — возмутилась Соня. — А вы, мудрецы, с ними разговаривали? То-то. А я поговорю. Мужик в хозяйстве с рассветом встает, а баба за два часа до рассвета. Ей надо корову доить, воду носить, поросенка кормить, снестать готовить. А потом вместе с

мужиком на поле идти. Вечером он уже храпит на своей дерюге, а она ему портки стирает. И он еще после всего этого имеет право указывать жене, вступать ей в колхоз или не вступать! Да я сегодня как расскажу бабам, что видела в подмосковном колхозе насчет женского счастья, так они своим колеблющимся диктаторам глаза повыцарапывают.

— Ох-ох, как это у тебя все просто получается, — сказал Иван.

— Дискуссию закрываю! — объявил Дмитрий. — Сиди-ка ты, Иван, сегодня в райкоме, а в Красовщину отправимся я и комсомольский представитель лучшей половины человечества Софья Борисовна Курцевич.

Через полчаса легкая пролетка запылила по улице, а Лешка с Иваном отправились домой к Мойсеновичам.

Иван хромал впереди, а Лешка плелся за ним, как будто его тянули на веревочке.

В конце улицы стояла хлипкая серая хатка. Сидя на досках шаткого крыльца, девочка лет тринадцати чистила черные, пожухлые картофелины и кидала их в чугунок с водой. Она была очень похожа на Ивана. Лешку она встретила не совсем дружеским взглядом. В уголке двора маленький пацан раздувал костерик под таганком. Он тоже без особой радости взглянул на вошедших и сердито спросил Ивана:

— Кого привел?

Лешку покорило. Гостеприимство — нулевое. Но Лешка ошибся. Пацан тут же подошел к нему, протянул руку и сказал:

— Меня зовут Варфоломей Жахарович Мойсенович. Ты меня жови полностью, а не Варька, как она обжывает, — он мотнул нечесаной головой в сторону сестры. — Варька — это девчоночье имя. Иди, радуй мне щепки, а то они шырые, а Пашка не дает больше шпичек. Я тебе дам жа это бляшку фрицевшкую. Твое как фамилие?

Лешка назвал, а сам подумал, что Пашка — это мальчишеское имя. Все-то здесь наоборот получается.

Девочка спокойно, как будто они давно знакомы, сказала:

— Ты пиджачок-то сними, а то извозишь. Варька врет о спичках — я не от жадности, а потому что он ими бухает. Еще пальцы себе оторвет. Раздуй там ему, а мне ножик наточи. Вон жерновок лежит.

Когда девочка подала ему ножик и подняла глаза, Лешка увидел, что они совсем не угрюмые, а просто очень черные. Он взял ножик, пошел и еще раз обернулся. Нет, они были не просто черные. Там все было черное и темное. И ресницы, и веки, и даже

внизу под веками. Лешка споткнулся о кусок шершавого камня, понял, что это жерновок, и сел точить ножик.

— Ужин скоро, Прасковья? — спросил Иван, умываясь под жестяным рукомойником, прибитым прямо к стене хаты. — А то мне надо бы посидеть у телефона в райкоме. Там никто не остался.

— Варька придет за тобой, — обещала Паша. — Ты бы хлеба принес.

— Нет хлеба, хозяйка, — сердито сказал Иван. — Не привезли сегодня в магазин. Завтра получим муку по карточкам, сама испечешь.

— Завтра так завтра, — очень по-взрослому вздохнула Паша и оглянулась на Лешку. — Только вот гость-то как?

Лешка рассматривал железный немецкий крест, который благодарно выволок ему откуда-то из сарая чумазый Варька. Эмаль на орденском знаке потрескалась, краска слиняла, но орел со свастикой был виден отчетливо. Трофей — что надо!

В этот момент краем уха он услышал разговор о хлебе, и ему стало не по себе.

Он как сюда явился? С высокомерной рожей, изнывая от деревенской скуки. А они? Они попросту: костер раздуй, ножик наточи, фрицевский орден пацан сунул. А девчонка даже и не ломается, будто взрослая. Таких он еще не видел. Тут Лешка вспомнил, что они говорили о хлебе, и обозлился на себя всерьез. Они стесняются, что хлеба нет. Он что — аристократ какой? Он, может, побольше их ел картошки без хлеба. А то и лепешки из картофельной шелухи. Нашли кого конфузиться! Тем более что хлеб есть. Лежит в райкоме, в портфеле тети Сони. Две буханки. Он не знает точно, чей это хлеб, но раз там была Митина рубашка, то считается тут особенно нечего. Лешка подошел к Ивану и изложил ему свои соображения насчет хлеба. Тот сказал «само собой» и отправился додежуривать в райком, а они остались во дворе доваривать картошку.

Вечерело. С утробным мычанием вплывали в улицу коровы. Их гнал парнишка чуть больше Варьки, в меховом полушубке и босиком. К забору подошло черно-белое рогатое животное и мордой открыло калитку. Лешка вежливо посторонился. Ни на кого не обращая внимания, пестрая корова чинно прошествовала через двор, мордой же ткнулась в дверь хлева и скрылась в его темноте.

— Как бульба сварится, ташите чугуны в хату, — сказала Паша. — Я пойду доить Трижды.

— Доить... чего? — удивился Лешка.

— Корову нашу. Ее Трижды зовут. Смешно? Это у нее еще лагерное прозвище.

Лешке было смешно, но непонятно. Они с Варькой оттащили закопченный дымящийся чугунок в дом, поставили его на дощатый стол без клеенки, и Лешка пошел в хлев. Здесь из-под рук Паши чиркала в ведро белая жидкость. «Значит, так добывают молоко», — сообразил Лешка. Он умел спустить из радиатора полуторки воду, но процесс доения коровы наблюдал впервые в жизни. Присмотрелся и пришел к выводу, что доить ничуть не проще, чем управляться с радиатором. Хотя бы потому, что машина не двигается, а этот нестрый зверь без остановки мотает хвостом да и рогатую башку все время сует в сторону Паши.

Но девочка спокойно сидела на деревянном ящике, и только ее руки до локтей двигались в строгом и четком ритме — вверх — вниз. Светлые росинки пота выступили на тонкой шоколадной шее Паши. Потом она немножко отдыхала. Сидела на ящике и помахиwała узкими ладошками. И рассказывала.

...Ночью пришли два парня из отряда и сказали, что им приказано немедленно эвакуировать семью Мойсеновичей в партизанский лагерь. За Неман. Есть сведения, что полицаям известно, где находится их Иван. Расстрелять семью могут в любой час.

Никакого скарба не собирали, только надели на себя все теплое, что было, и взяли годовалую телушку. Ее ровесника — годовалого Варфоломея — мать несла на руках. Шесть верст до реки прошли спокойно. Погрузились в две лодки. Телушка послушно легла на дно.

Но у того берега телка перестала быть покорной. Она взбрыкнула, накренив лодку, и кинулась грудью на свет фонаря, внезапно блеснувший из прибрежных кустов. Она так всегда поступала, если к ней в хлев приходили с фонарем: не терпела света, бьющего в глаза.

Она сшибла сидящего на носу лодки парня-партизана и шумно плюхнулась в камыш, где свет сразу потух и раздалась крепкая ругань, перешедшая в оханье. Потом телка равнодушно стояла на сухих кочках и ждала, пока выгрузятся ее хозяева.

Когда пришли в лагерь, командиру отряда было доложено, что семья Мойсеновичей благополучно эвакуирована, а также доставлен в плен полицай, который пытался сорвать переправу путем подачи противнику световых сигналов, но был вовремя контужен коровой.

— Не понял, — мотнул головой командир. — Кем контужен? Внятно скажи.

— Внятно — телкой.

После того как в землянке стих хохот, командир распорядился: наградить телушку немецким орденом...

— А через год она и второй фрицевский крест заработала, — сказала Паша и погладила корову по шелковому брюху. Корова повернула к хозяйке морду и лениво издала утробный звук.

— Все понимает... Я ее тогда искала-искала, кричала-кричала, а она не идет. Слышу, что где-то отзывается в лесу, а не идет. Ногу, думаю, может, поломала. Чуть нашла — в овраге, в малиннике. В самые кусты забралась, так что и не видать. И мычит жалостно. Пробралась я к ней, вся об крапиву обстрекалась, а она стоит над нашим Ваней. Тот — без памяти, в крови. Его уже и потеряли, пятые сутки не приходил из разведки, а он раненый полз. Помер бы в кустах, если бы не Трижды.

— Так это пока дважды, — возразил Лешка.

Но рассказ о третьем коровьем подвиге ему не довелось услышать. На басовых тонах заревел во дворе Варька. Схватив ведро с молоком, Паша кинулась из хлева. Лешка за ней. Корова разочарованно мыкнула им вслед. Возможно, ей тоже хотелось до конца услышать повесть о собственной доблести.

Варфоломей ревел задумчиво и монотонно. При этом он глядел на дорогу, где кудлатой спиралью завивалась пыль. Там, за ней, стихала тупая дробь конских копыт.

— Ты чего?

— Ваня пошakaл, а мне шумкой по колену попало...

У ног Варьки валялся Сонин портфель с хлебом. Его на полном аллюре кинул братишке Иван, умчавшийся куда-то в теплые летние сумерки.

Здорово же, видать, спешил он, если и на мгновение не остановился у порога родного дома.

Паша и Лешка молча переглянулись.

Но за ужином тревога улеглась, и они хорошо провели этот вечер.

12

Утром Лешка поднялся с широкой деревянной кровати, на которой спал обычно Иван, и увидел в хате одного Варьку. Мальчуган деятельно мастерил из лучинок сложное сооружение в виде креста.

— Шамолет, — объяснил он. — Скоро полетит, раненых повежет в Мошкву.

Мальчонка и в детских играх все еще жил войной, горькими буднями партизанского лагеря, где прошли почти три года его маленькой жизни.

— Этот не полетит, — безжалостно сказал Лешка. — Нужен плотный лист бумаги...

Он умел делать отличные планеры из листа ватмана. При легком ветре они могли целую минуту держаться в воздухе и улетать шагов за двести.

В убогой хатке с земляным полом ватмана, конечно, не было. На подоконнике Лешка нашел стопку старых ученических тетрадей. Тетрадная обложка тоже годилась для планера. Собираясь выдрать ее, Лешка прочел надпись: «Сшытак па беларускай мове вучанцы IV класса школы партызанскага лагера атрада імя Сувова Праскоуі Майсяноўіч».

Прочел, оглянулся и осторожно положил на место. У него почему-то не поднялась рука драть такую тетрадь.

Но и Варьку нельзя было оставлять без обещанного самолета. Тогда Лешка полез в Сонин портфель и извлек оттуда какую-то толстую общую тетрадь. Она была уже почти вся исписана и, по мнению Лешки, значит, не нужна.

Он аккуратно раскрыл стальные скрепки, вынул два листа и упрятал тетрадь на место. С помощью ножниц за одну минуту был изготовлен шикарный «иштребитель», как немедленно аттестовал его Варька. Второй лист в качестве запасного Лешка спрятал на животе под майкой, и они отправились во двор испытывать планер.

Пущенный с крыльца, он описал в воздухе лихую дугу, заложил правый вираж и круто пошел на снижение прямо под ноги Варьке. Пацан заверещал от восторга. Тогда Лешка чуть подогнул элероны крыльев и забрался по лесенке на крышу хлева. Вспорхнув оттуда, бумажная птица долго не хотела садиться на землю. Планер то выписывал почти замкнутые круги на трехметровой высоте, то уносился в угол двора, а потом, попав в теплую струю воздуха от свежей навозной кучи, снова взмывал на уровень крыши. Совершенно ошалевший от счастья, Варька с диким визгом носился за ним по двору. Кончилось тем, что планер ткнулся носом в шею входившей в калитку Паши.

Девочка чуть улыбнулась, поставила на землю увесистый мешочек, покрытый мучной пылью, и тихонько сняла с ляпочки ситцевого сарафана белую птичку.

— Спасибо, Леша, за Варьку, — ласково сказала она. — Ма-

ленький он. А игрушек нет. Вон как радуется. Сейчас я вам лепешек напеку, а завтра уж настоящий хлеб. Муку получила.

Она все это сказала так, что Лешке стало жарко на ветхой соломенной крыше коровьего хлева. Очень хорошо сказала.

Правда, еще вчера он пришел к выводу, что влюбляться в Праксью ему нет никакого смысла. Слишком безнадежное дело. Конечно, с великой радостью он бы сейчас сам вместо бумажного планера ткнул лицом в эту тоненькую шею. Вот так бы прямо с крыши и ринулся.

Но, здраво оценивая свои шансы, Лешка понял их полную ничтожность. Кто он такой? Тыловой городской пижон, не нюхавший пороха. А она знает и свист бомб, и визг мин, и сама смазывала партизанам автоматы. Никаких надежд на взаимность тут быть не может. Даже его прошлогодняя влюбленность в маленькую цирковую акробатку имела более светлые перспективы. Правда, Лешка с циркачкой не познакомился, а любил ее на почтительной дистанции, которая пролегла между галеркой и манежем. Но мог познакомиться в любой час, потому что во время гастролей акробатка училась в их школе и имела по двум предметам чахлые «тройки». Лешка шел почти отличником, и это здорово повышало его шансы. Но к зиме цирк уехал, и уже целых полгода Лешка ни в кого не влюблялся.

Когда вошли в хату, Лешка сказал, что лепешек он не хочет, а пусть она лучше расскажет о школе в партизанском отряде. Он видел ее тетради. Как же они могли там учиться — в лесу?

Паша пожала худенькими плечами.

— Вот так и могли. Отвели нам самую большую землянку, а так-то больше писали на фрицевских листовках. Они с одного бока чистые. Знаешь, были такие листовки... сдавайтесь, партизаны... и всякое такое. Противно, а писали на них. А то на газетах. Третий и четвертый класс кончила в лагере. Зато сейчас у нас школа хорошая.

Лешка слушал ее рассказ, как будто читал приключенческую книжку.

— Так партизаны же воевали!

— Воевали. А ребята учились. К лагерю наши фашистов не допускали. Только иногда бомбили фрицы.

— А кто учил вас?

— Так ты ее знаешь. Софья Борисовна. Она ведь до войны здесь учительницей была, а потом в партизаны ушла.

Рассказывала Паша скупно и как-то неохотно. Потом совсем замолчала, несколько раз взглянула из-под ресниц на Лешку и тихо сказала:

— Знаешь, что-то случилось в Красовщине. Недоброе. Я сейчас проходила мимо райкома, там Галина Павловна сидит у окна. Второй ихний секретарь... Она говорит, что Ваню по телефону вчера вызвали. Только и сказали два слова, а он бросил трубку прямо на стол — и в конюшню. Даже не стал седлать жеребца, так полетел.

У Лешки заныло где-то возле желудка. Но не показывать же виду перед девчонкой.

— А почему обязательно — неладное, — бодро сказал он. — У них там хватает дел. Колхоз создают. Комсомольцы против кулаков. Вот и вызвали Ивана на помощь, раз он у них главный.

Паша тихонько вздохнула и принялась разводить тесто для лепешек. За обедом она согласилась кончить рассказ о своей заслуженной корове.

...Их отряд вместе со всеми обитателями лагеря вырывался из блокадного кольца. Было это прошлым летом, перед самым освобождением района. Эсэсовцы прижали отряд к Неману, правильно рассчитывая, что глубокая река никуда дальше не пустит огромный табор с десятками подвод, сотнями женщин и детей и даже со скотом.

Командир отряда оставил в тылу и на флангах небольшие группы прикryтия, а всем остальным бойцам приказал делать плоты. Единственным выходом оставалась переправа. Там, за рекой, — спасительная пуца, и недалеко, на востоке, — свои. Лишь бы за ночь успеть переправиться.

Люди делали плоты и понимали, что не успеют. Слишком коротки июньские ночи. А вековые сосны толсты и неподатливы. Но плоты все равно вязали, потому что бездеятельное ожидание смерти страшнее ее самой.

Еще жива была мать Мойсеновичей. Ее встревожило, что отвязалась от телеги и куда-то пропала корова. Хоть и не до коровы тут, а все-таки... Паша отправилась ее искать и сама не заметила, как вышла на песчаный берег Немана. Глянула в ту сторону и глазам не поверила. Их пегая корова преспокойно паслась на другом берегу.

От неожиданности Паша во весь голос заорала на корову. Потом позвала еще раз! Еще!

Пегая животина всегда уважительно относилась к маленькой хозяйке. Она махнула хвостом, послушно двинулась к реке, осторожным балетным шагом вошла в воду и... преспокойно побрела пешком сквозь струи Немана навстречу девочке. При этом она нигде не погружалась глубже белого пятна на своем боку.

Корова нашла брод. Как она обнаружила его, осталось тайной ее коровьего чутья. Позже партизаны из местных жителей клятвенно уверяли взбешенного командира, что сроду не бывало в этих местах мелкоты на реке. Один из них высказал предположение, что фрицев здесь «залишне» перетопили, вот и нанесло на них песку.

За час до рассвета переправа была окончена. Последний партизан выбрался вслед за обозом на берег и сложил выразительную фигу в сторону оставшихся с носом карателей. А корове повесили на шею еще один фрицевский крест и присвоили кличку Трижды.

— Так это Варька мне коровий орден подарил? — спросил Лешка.

— Нет, — улыбнулась Паша. — Те висят в хлеву, на ошейнике. Его в шутку Иван смастерил. Господи, да где же он? Нет и нет!..

Такой тоской прозвучал Пашин голос, что Лешка поежился.

— Ну... Мити с Соней тоже нет, — привел он хрупкий довод. — А что, позвонить туда нельзя?

— Правда! — вскинулась Паша. — Там телефон есть, в сельсовете. Лешенька, дойди до райкома, а? Сама я как-то... не умею толком звонить. А ты — городской. Все знаешь...

Дважды «Лешеньку» не надо было упрашивать. Через пять минут он входил в знакомый домик райкома комсомола.

Но телефон был занят. Белобрысая девушка со злыми зареванными глазами отчаянно крутила ручку аппарата и дула в трубку.

— Нет связи с Красовщиной, — сказала она, глядя в стенку. — Сдохла линия. Даже не шуршит. Ты кто?

Лешка назвал и без спросу уселся на жесткий деревянный диванчик. Затылком он прижал к стене габардиновый китель, висевший на гвозде. Это был Митин китель, и Лешке вдруг захотелось хоть благодаря этому прикосновению ощутить около себя брата.

— Господи, еще и детей сюда понавели, — раздраженно фыркнула белобрысая. — Ты иди отсюда. И ничего не спрашивай. Ничего я не знаю!

— Я позвонить хотел... в эту... Красовщину.

— Позвонить! Больно быстрый. Линия — тью-тью. Там вчера бой был. Господи!.. — вдруг взвыла она и выскочила во двор.

Лешке стало жутко. Он сообразил, что ни с того ни с сего секретари райкома, пусть даже вторые, в голос не ревут. Бой был? Митю... убили?

С пустой головой он походил по комнате. Послушал онемевшую телефонную трубку. Увидел карту на стене. Пригляделся к ней и удивился, что надписи на ней нерусские. Потом подумал,

что удивляться особенно нечему: не успели за год новых карт отпечатать. Он еще раз всмотрелся в карту. Латинские буквы кое-где начали складываться в уже знакомые названия: Neman, Grodno, Mosti, Krasowschina.

В картах Лешка разбирался неплохо. Он посмотрел на масштаб. Трехкилометровка. До Красовщины от районного центра протянулась совсем коротенькая желтая линия, обозначающая проселочную дорогу. Сантиметра три. Значит, всего-то девять километров. До Мити. До Сони и Ивана. Подумаешь, расстояние. Но половина желтой линии стиснута с обеих сторон зеленым пятном. Выходит, лес кругом. Да и сами кубики деревни чуть не сплошь заляпаны зеленой краской. А совсем рядом с ними голубеет полоска Немана.

Лешка глянул через окно во двор. Белоголовая девушка стояла у колодца, черпала из ведра ладошкой воду и плескала себе на лицо.

Он не стал дожидаться ее возвращения. Вышел на улицу...

— Што? — почему-то шепотом спросил Варька Лешку. — Жвонил?

Тот туповато глянул на него.

— А?

— Жвонил?

— Не работает телефон. Ты... иди домой.

...Ну, конечно. Эта белобрысая глядела на Лешку такими глазами, как смотрят на сироту. А может... не Митю, а Ивана? Или Сою?

Лешка шел по улице и чувствовал, что сейчас заплачет. Он шел и шел, чувствуя, как звенит в голове от тоски и одиночества. Он не видел, что улица поселка давно кончилась, а он взбивает ногами белую пыль пересохшей проселочной дороги.

Наверное, километре на пятом, перед самым лесом, его нагнал веселый дядька на подводе. Вернее, он его сначала перегнал, а уж потом тпрукнул на свою кругленькую низкорослую лошадку и повернулся к Лешке.

— Сядай, кали ласка. Не звярай уваги, что я дюбнувши. Порося продал ксендзу в районе. Ён хитрый, а я захитрейший. Ён дае шессот, а я кажу тышшу двести. Я ему кажу на ухо: можа, пан ксендж запамятовал, як самогон дул с паном полицаем-фельдфебелем? Ксендз тут и выложил мне две тышши за поросю. Ну, дык сядай, хлопчик. Кажи, куды тебе ехатъ. Сённяя я добрый, могу тебя подкинуть, куды пожадаеш...

Лешка неожиданно для самого себя сказал:

— А в Красовщину... можете?

— Чаму не! Мне в Дворищи. Зусим рядом. Сядай, парень.

Лешка немного подумал и полез на повозку. Действительно, почему бы и нет? До сих пор он шел по дороге почти без мыслей и без цели. Ну а что, если действительно добраться до самой Красовщины? Не найдет Митю, так хоть узнает, что там произошло.

Они уже и в лес въехали, а дядька продолжал вспоминать, как он перепугал ксендза на рынке. Потом он блаженно повалился на спину и положил вожжи себе на пузо. Лешка уткнулся лицом в копну свежего сена в задке телеги. Ни на что на свете ему не хотелось смотреть, и слушать тоже не хотелось. Все-таки он подумал о дядьке: «Жадюга ты, а не добрый... Не пугать милицией надо было того ксендза, а вести его куда следует, если знался с полициями. На «тышши» свои позарился...»

— Конечно, кабанчик, может, и не стоил больше одной тышши, — снова забормотал пьяненький мужичок, — але ксендзу выкинуть две косых — что сморкнуться. Ну а мне они патрэбны во як!

— Нам они тоже нелишние будут! — произнес над самым Лешкиным ухом мрачный голос, и подвода остановилась.

Лешка поднял голову.

По обеим сторонам телеги стояли люди. Их было четверо. Пятый держал за морду лошадь. У всех, стволами книзу, автоматы за спиной. У ближнего к Лешке — пышная светлая борода и светлые, какие-то прозрачные глаза. Остальные без бород, но с порядочной щетиной на худых, недобрых лицах. Одеты кто во что: мышинные немецкие френчи с белыми пуговицами, затасканные пиджаки домотканого сукна, на одном ветхая красноармейская гимнастерка с оторванным воротом...

— Вбок! — скомандовал бородатый, и подвода круто свернула с дороги в сторону. Ломая кусты ольшаника, она въехала в густую поросль елового подлеска.

— На варту! — сказал бородатый, и один из его людей стал прорываться сквозь колючие ветки обратно к дороге.

Лешка оцепенело наблюдал за происходящим, зато с хозяина повозки хмель соскочил.

— Лю-ю-ди! — завопил он, вскидываясь на повозке.

Хрусткий удар кулака в лицо опрокинул его снова на спину. Лешка на ногу брызнула кровь, и он в ужасе втиснулся в сено.

— Сам достанешь деньги, или тебя щупать надо? — спросил бородатый и шевельнул автоматом.

Сплеывая розовую слюну на рубаху, дядька вытянул из-за пояса штанов кисет. Подчиняясь движению бровей бородатого,

к мужику придвинулся человек в домотканом пиджаке, взял кисет, вынул из него деньги и пересчитал. Потом, не размахиваясь, треснул дядьку в ухо.

— Здесь полторы косых, — сказал он.

— Неужели целых пятьсот пропил? — весело удивился бородатый.

Дядька застонал. Ничего он не пропивал. Кабанчика помянул собственным самогоном, захваченным из дому... Получалось, что ксендз его бессовестно обсчитал.

— Брешешь, быдло, — раздумчиво произнес бандит в пиджаке. — Надо его шенка потрогать. Не иначе, хозяин заначку от жинки зроби́л и сынку передал. Когда-то и я так хитрил...

Он протянул к Лешке руку, чтобы взять его за ворот. Лешка рванулся в угол телеги, и чужая грязная рука успела схватить только пояс брюк.

— Ну так и есть — хрумкает! — захохотал бандит и ловко выдернул из брюк подол Лешкиной рубашки.

На сено выпал листок тетрадной бумаги. Тот, который Лешка оставил на запасной «иштребитель».

— То не гроши, — разочарованно хмыкнул человек в пиджаке. — То какая-то грамотка. Чего с ними дальше робить будем? Отпустим или как? Полторы тысячи все ж таки взяли...

Поставив ногу на ступицу колеса, бородатый разглаживал на колене исписанную фиолетовыми чернилами тетрадную страницу.

— Отпустить, говоришь? — рассеянно спросил он. — Можно и отпустить... Можно. Да...

Он вдруг резко выпрямился и в упор глянул на Лешку. Смотрел долго, обшаривая прозрачными угрюмыми глазами его лицо, рубашку, брюки, желтые запыленные полуботинки.

Потом повернулся к хозяину повозки.

— Твой хлопец?

— Не мой, — всхлипнул дядька. — Попутный...

— Так. Вижу, что не твой, пьянчуга.

И снова светлые глаза вцепились в мальчишку на возу.

Лешка успел устать от чувства ужаса. Единственно, чего он сейчас еще боялся, — это прикосновения страшных чужих рук, которые могут вот так хладнокровно бить по лицу, хватать за воротник, шарить по телу. Но бородатый к нему не прикасался. Поэтому взгляд его Лешка выдержал сравнительно стойко.

И бородатый вдруг отвел глаза. Он стоял с листком бумаги в руке и смотрел куда-то в сторону леса.

— Слазь с воза, Вершинин, — вдруг сказал он Лешке. — Слазь и... не бойся. Пойдешь с нами. А ты! — заорал он на ограбленного

мужика. — Луи кобылу и дуй до своего вшивого хутора, пока я не передумал. Твое счастье, что мы сегодня уже по уши настрелялись. Если кому гавкнешь на дороге о нашей встрече, завтра спалим хату вместе с блохами. А вздумаешь в колхоз записываться — на воротах вздернем.

Ошеломленный Лешка продолжал сидеть на возу, но бородатый силой снял его с телеги, и подвода запрыгала по кочкам к дороге.

13

Они двигались в глубь леса по еле заметной тропинке. Бородатый и тот, что был в заплатах пиджаке, шли впереди. Двое сопровождали по бокам Лешку. Пятый, вернувшийся с дозора, замыкал шествие. Передние вели разговор в полный голос, нисколько не беспокоясь, что Лешка их слышит.

— ...Это тот самый пацан, с которым девка шла с чугушки. Я еще тогда его запомнил по желтым башмакам. Как девка свою песню затянула, я сразу под куст залег. Ну, думаю, партизанская пташка идет, сейчас я ей перешибу горлышко. Только там дорога людная, нельзя стрелять. В общем, получается, что мальчишка — братан Вершинина... И не полторы косых мы сейчас взяли, а, выходит, кое-что подороже. Считай, что повезло.

— Какого Вершинина братан?

— Экая ты дубина... Того самого, что в Красовщине заварил колхозную кашу. Из областных начальников. А вчера и девку приволок к себе в помощь. Это она взбаламутила всех баб в деревне.

— Стоп! Неужто — тот длинный, в белой рубахе? Который двух наших срезал?

— Не двоих, а троих. Бронюсь тоже загнулся...

— Вот сатана! А чего же вы его самого на мушку не взяли?

— Не трепись! Ты-то небось в кооператив за шнапсом побег, драки не нюхал, так сейчас помалкивай. Поглядел бы, что около ихней читалки делалось... На мушку! Мы только и успели по окнам пустить пару очередей. А потом они и близко подойти не дали.

— Кто они?

— Балда ты похмельная. Они — которые за столом в президиуме сидели. Вершинин, председатель сельский, комса ихняя... Девка тоже, кажись, стреляла.

— Ну дак што! Вас же целых восемь душ было.

— Было... А через пару минут пять осталось. Этот Вершинин, как кошка, — из окна и за колодец. Видать, вояка! Цемент пулей

не прошибешь, а обзор из-за колодца круговой. Он пару раз из пистолета пальнул, а потом ему из окна карабин подбросили. Ну и пошло! Фельдфебель двоих наших послал в обход с гранатами — они и метра не прошли. Тюк — и нету. Тюк — и второй лежит. Ажно завидно стало от такой стрельбы. Я Бронюсю приказал пулемет выдвинуть. Он чуть башку приподнял, диск вставить, — хлоп, и в шею навьлет. Я сам за машинку взялся — бац, приклад пулей разворотило. Отходить пришлось. Тогда и потеряли Фельдфебеля.

— Как потеряли-то?

— Не капай на душу... Если б я видел как. Мы же врассыпную отходили, ночевали по одному на хуторах. Собрались утром, где было договорено, а его нет. Ты явился небось, а он пропал.

— Хм... Ну, ежели по правде, дык я в стогу проспал. Две шклянки долбанул — и ничего не помню. А вам все равно надо было за начальником вернуться к хате-читальне.

— Заткнись, герой! Мы только отходить начали, я оглянулся — вижу, летит на жеребце по дороге Ванька-хромой. Значит, пронюхали уже о нас в селе, следом за партизаном и краснопогонники пожалуют. Куда ж возвращаться?

— Все равно начальство в любом случае полагается выручать.

— Пошел ты!..

Бородатый через плечо оглянулся на Лешку.

...А Лешка не слушал конца разговора. Ему было наплевать на остальную их болтовню.

Он услышал главное: Митя — жив!

Лешка шел между бандитами и пел. Пел беззвучно для бандитов и громко для себя: «Митя — жив! Они и пальцем тронуть меня не посмеют, раз Митя жив. Брат — живой, и чихать я хотел на вас, грязных дураков! Митя все сделает...»

Он так уверовал в свою неуязвимость, что ему стало смешно, когда Бородатый приказал завязать мальчишке глаза и вести его за руку. Остолопы безмозглые! В сыщики-разбойники захотели поиграть? Ну, поиграйте. Митя вам и за это всыплет. Мало вам от него досталось? Еще получите. И за эту вонючую тряпку, что стянули глаза и виски, тоже будет добавление от Мити.

Лешка шел и беззвучно пел.

Но шли они так долго и столько раз Лешка валился на колени, спотыкаясь о корни и кочки, что ликующее настроение его стало увядать. Нет, первоначального ужаса не было и в помине. Зато начали заползть в голову трезвые, а потому и тревожные мысли.

Куда они его ведут? И все-таки что с ним собираются делать? Бородатый сказал — не бойся. Он и в самом деле сейчас не боится, но... как Митя узнает, что его братишка попал в этот переплет?

В довершение всего очень захотелось есть. Наверное, сейчас вечер, а он съел за весь день только две лепешки. Их испекла печальная и ласковая девочка. Очень далеким показалось ему сегодняшнее утро с его тихими событиями: планер для Варьки, соломенная крыша, негромкий Пашин рассказ о партизанской школе.

Потом они переплывали в лодке реку. Лешка держался за скользкие борта и думал: не в этом ли месте была партизанская переправа, где молочное животное по кличке Трижды удостоилось фрицевского креста?

Наконец они куда-то пришли. Лешка почувствовал под ногами ступеньки. Спускаясь, он их сосчитал — одиннадцать. Считал потому, что сопровождающий его человек перед каждой ступенькой подталкивал Лешку в затылок. Толчков было десять, а потом благодатный лесной воздух вдруг сразу сменился нестерпимой вонью. Пахло кислыми овчинами, махоркой, портянками, керосином, горелым салом. И было сыро, как в погребе.

Они и пришли в погреб. В огромную, глубоко спрятанную под лесом землянку. С Лешкиных глаз стащили повязку, больно оцарапав ухо, потом кто-то надавил ему на плечо и посадил на круглый обрезок бревна.

Первое, что разглядел Лешка, — это свечку. Нелепо толстая и кособокая, она стояла на большом фанерном ящике и трещала языком пламени шириной в ладонь. От свечи несло жареным салом. Вокруг нее валялись на ящике куски хлеба, огурцы, стояла алюминиевая кружка и рядом на полу — большая канистра.

До углов землянки свет не доставал, и в этих темных углах слышалось дыхание людей.

— Живые? — коротко бросил в темноту Бородатый. — Встать! Почему вчера не вышли по ракете?

В углах — тишина. Потом Лешка услышал кряхтенье и ругань сквозь зубы. Так обычно ругается человек, натягивая тесные сапоги. Действительно, через полминуты на свет свечи вышел длинный, под самый потолок землянки, человек в высоких и твердых сапогах, в распахнутом кителе с немецким железным крестом на нагрудном кармане. Волосы его падали на воротник кителя густыми сальными прядями. Он сказал Бородатому низким голосом:

— С какой такой благодати ты на басы перешел? Чего орешь на резерв? Мы одному Фельдфебелю подчиняемся, а на бороду твою... это самое.

От короткого удара в живот длинная лохматая фигура снова

скрылась в темном углу. Вторым движением Бородатый сорвал с плеча автомат. Внятно клацнул язычок предохранителя.

— Всем сидеть! — рявкнул он. — Сейчас подчиняться будете мне! Пока... не вернется Фельдфебель.

За спиной Бородатого плотной кучкой встали четверо пришедших. У всех навскидку «шмайссеры». Заговорил человек в заплатанном пиджаке.

— Фельдфебель, братки, попал, похоже, к чекистам. Команду принял Борода. Законно принял, по чину. Он старший полицай.

— Кто ему давал повязку старшего! — закричал в углу Лохматый. — Фрицы давали? Так их давно черви едят. Ихние указы нам сегодня не закон. Сами себе начальники.

Бородатый внушительно сказал:

— Тебя самого черви быстренько обгложут, если оставить без командира хоть на день. Ну, нет немцев, а что изменилось? Мы как при них воевали против большевиков, так и теперь воюем. Продержимся — американцы с англичанами помогут. Заднего хода нам все равно нет. Вдолби это себе в лохматую башку.

Он подошел к ящику, налил в кружку из канистры мутную жидкость.

— Помянуть надо наших парней. Трое вчера переселились на небеса.

Из углов потянулись фигуры. Лешка насчитал их пять. С пришедшими — десять... Значит, еще вчера банда Фельдфебеля насчитывала четырнадцать человек. Лешка отметил все это про себя не машинально, а вполне сознательно. Хотя от тревожного напряжения у него все внутри околело, он уже понял, что расправы над ним пока не будет и надо думать... думать о жизни, о своем спасении, постараться помочь Мите, который, конечно же, где-то уже идет на выручку.

Лешка даже начал соображать, зачем он понадобился бандитам. «Не иначе, взяли заложником, — подумал он. — Будут и дальше играть в сыщики-разбойники...»

Сидя на обрубке бревна, он постарался вспомнить книжки, где приходилось читать о заложниках, о том как их благополучно выпускали или обменивали. Впрочем, иногда и убивали... Хм!

Но это были книжки. Если становилось очень страшно, можно было перелистнуть две-три страницы или совсем закрыть жуткую повесть и убежать играть во двор.

А эту вонючую землянку не закроешь... И от ее обитателей, чужих злобных людей, не убежишь. Все это — настоящее. Слишком настоящее.

Почему именно с ним, с Лешкой Вершининым, произошла такая нелепая и страшная история? Может, все это — сон?

Лешка зажмурил глаза, чтобы потом открыть их и увидеть свою комнату в родном доме тихого сибирского городка, коврик на полу у кушетки, портрет отца над ней, мамин халат на гвоздике...

— Хлопчик, не спи! — услышал над ухом Лешка голос Бородатого. — Иди поешь. Чтобы не говорил потом в НКВД, будто мы тебя морили голодом. Жуй, что на столе видишь, а после ложись храпануть. Твое дело телячье: ждять. Попался бы братан твой — разговор другой.

— Мне выйти надо, — сказал Лешка.

Бородатый подумал и понял.

— Эй, выведи мальчишку по надобности, — сказал он молодому парню с толстым носом и унылыми глазами.

Тот послушно поднялся с нар, вытащил из-под них автомат и повел Лешку к выходу.

Лешка так глубоко вдохнул теплый лесной воздух, что закашлялся. Его конвоир постоял рядом, а потом присел на траву.

— Ты не дуже спеши, трошки подыши, — милостиво разрешил он. — И скажи мне такую штуку... Сам-то с города?

Лешка промолчал. Станет он еще разговаривать со всяким толстоносым бандитом. Все равно тот не имеет права ничего ему сделать.

Но парень не обиделся. Он вздохнул и продолжал миролюбиво:

— Ишь, гордый... А только все ж таки скажи: про амнистию ничего не чул?

Лешка кое-что слышал об амнистии. Еще в вагоне о ней упоминала Соня, а потом в райкоме он видел листовку, в которой говорилось, что до 1 августа действует закон о прощении лиц, сотрудничавших с фашистскими оккупантами, если они явятся к советским властям с повинной и с оружием.

Лешка подумал и коротко сказал обо всем этом своему конвоиру. Потом еще подумал и добавил, что сам видел, как в районное НКВД вошли вчера двое мужиков с винтовками и гранатами и через пять минут вышли обратно пустые и отправились в разные стороны.

— Ну, с винтовками-то наши не ходят, — усомнился парень. — Карабины разве... Сам, говоришь, видел? И грамотку сам читал?

Лешка подтвердил. Коротко. Так звучало, по его мнению, убедительнее.

Конвоир посопел носом и вдруг заорал:

— А ну, валяй в бункер, пионер сопливый. Разбрехался на мою голову.

Он орал, но Лешка не услышал особой свирепости в его голосе.

Поев немножко соленого сала с луком и черствым хлебом, Лешка прилег на краешек дощатых нар с твердым намерением не спать ни минуты. Но измученный до предела всем пережитым, он молниеносно провалился в омут блаженного бесчувствия.

14

Лешка не слышал, как совещались бандиты, определяя его дальнейшую судьбу.

— «...Боюсь, что скоро опротивею ему своей назойливостью. Даже рада, что он уехал в командировку: пусть отдохнет от меня. Зато рядом со мной остался маленький Вершинин. Он до смешного похож на брата, особенно во сне, когда двигает бровями. Кажется, я люблю его не меньше Димы.

20 июля.

Не удастся старшему Вершинину долго от меня отдыхать. Сегодня звонил и просил секретаря прислать кого-нибудь ему в помощь. Что-то не получается у него с колхозом. Дима взял на себя самую трудную деревню: голая беднота, а кругом на хуторах кулачье. Районные полицаи наполовину состояли при немцах из тамошних хуторян. Добрый десяток сволочей все еще бандитствует в округе и запугивает народ.

В командировку посылают меня. С удовлетворением признаюсь себе, что еду не ради встречи с Димой. Я знаю там обстановку и людей. Лешку повезу с собой — таков наказ старшего брата. Следующую запись в дневнике придется делать уже в райцентре...»

— Вот такую бумаженцию мы нащупали на пузе у парнишки, — сказал Бородатый, вслух прочитав своим людям страницу из Соинного дневника. — Как она к нему попала и почему он сам оказался на возу у мужика — дело второе, а вот что хлопец — брат того самого стрелка из карабина, чтоб его разорвало, — это факт. Чуете, чем пахнет? Попробуем обменять пацана на Фельдфебеля. Пошлем письмо с нарочным. Прямо в районное НКВД. Немедленно.

От наступившей тишины выпрямилось пламя свечи.

— Может, лучше почтой? — нарушил молчание толстоносый парень.

— Тебя, дурака, не спросили, — отрезал Бородатый. — Почта от Красовщины до райцентра два дня ходит, а Фельдфебеля могут каждую минуту в Гродно, а то и в Минск отправить. За ним

чекисты второй год охотятся, да партизаны три года грозились повесить.

— Вот потому и не обменяют, — сказал бандит в пиджаке. — Такую шишку да на этого сопляка... Больно разный товар.

Бородатый подумал и замотал головой:

— Мелко вы соображаете. Обменяют. Во-первых, этот Вершинин сам немалая шишка в области. И вояка заслуженный, по повадке видно. Такой любое начальство подымет на ноги из-за брата. Во-вторых, вы народ темный и не понимаете, что у Советов к пацанам особое отношение. Кого они спасали в первую очередь, когда Гитлер поднапер? Ребят. Они вагон золота отдадут, чтобы выручить какого-нибудь мокроносого. А на черта им наш Фельдфебель, если коммунисты уверены, что все равно прихлопнут нас не сегодня-завтра! Хоть с ним, хоть без него...

— Еще почешутся! — мрачно раздалось из угла.

— Это само собой, — согласился Бородатый. — Но сейчас разговор про другое. Кто пойдет с письмом?

Снова тишина повисла в землянке. Никому не хотелось добровольно отправляться прямо в руки НКВД. Для каждого из них само появление в районном центре уже грозило опасностью: местные жители отлично знали в лицо большинство полицейских, укрывавшихся сейчас в лесах. И это знакомство не сулило бандитам ничего хорошего. Да и вообще большая разница: или вдесятером ограбить ночью сельский магазинчик, пристрелить безоружного финагента, разогнать сельский сход — или оказаться среди бела дня одному перед десятками бдительных глаз, внимательно осматривающих каждого свежего человека.

Бородатый шарил взглядом по лицам собеседников и размышлял. Заплатанный сразу отпадает: в него с ходу вцепится первая же продавщица из галантерейного ларька, потому что нет такой торговой точки, где бы тот не наследил... Этими тремя пока рисковать нельзя — основной ударный костяк остался, лучшие стрелки. Набили руку в карательных экспедициях. Дальше посыпывает толстым носом призывник-дезертир. Уговорили папашу-кулака не отпускать сына в армию, а спровадить к ним в лес. Взамен подбросили рулон сукна из разгромленного кооператива. Парень особенной ценности не представляет, но уж больно туп: отдаст письмо в какую-нибудь контору вместо НКВД, а пока разберутся — время уйдет.

Ювелир... Человек в группе новый, всего неделя, как явился из города. Ушел от ареста за какие-то красивые дела с оккупационной властью. Грамотный. Вполне мог бы доставить пакет. Только — трус. Когда вели его через лес к бункеру, змею увидел — шта-

ны замочил. Продать не продаст, но и письмо не отдаст. Выбросит по дороге и вернется, попробуй докажи.

Больше всего подходит Лохматый. Имеет опыт маскировки: прежде служил тайным агентом в СД. Кем угодно может прикинуться, так что родной батька не узнает. Длинная грива у него оттого, что в последнюю разведку ходил в роли дьякона и собирал подаяние на починку сельского храма.

Но согласится ли Лохматый пойти?

Ему известно: если попадется, высшей меры не миновать. По пояс в крови подпольщиков. Потому и избегает напрасного риска: хочет дожидаться американцев.

С другой стороны, сплавить его из бункера — дело полезное, больно строптив. Сейчас тоже упрямо лежит на нарах, не желая участвовать в разговоре.

— А ну, двигай ближе, — грозно повысил голос Бородатый.

— Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых, — раздалось с нар.

— Слушай, кончай в дьякона играть, разговор у нас серьезный. Может, о жизни и смерти твоего же дружка Фельдфебеля.

Лохматый неторопливо поднялся, присел к свечке, истово перекрестился, в одиночку вытянул кружку самогона и едко сказал:

— Это ты правильно насчет дружка. Нас с Фельдфебелем не то что водой, а и сивухой не разольешь. И я не из тех, кто бросает товарища в бою, а потом заместо него сам выскакивает в командире.

— Значит... пойдешь с письмом? — недоверчиво спросил Бородатый.

— Сказано в писании: положи живот за други своя... Понял, Борода? А еще для того пойду, чтобы поскорей сбить с тебя командирский гонор. Выручу Фельдфебеля — быть тебе поротому. Бери бумагу, твори свою молитву чекистам.

Лешка просыпался медленно и мучительно. От спертого воздуха землянки страшно болела голова. Ужасно хотелось пить. Он с трудом разлепил веки, увидел уродливую свечку на ящике и сразу все вспомнил. Сколько же он проспал? День сейчас или ночь? Кажется, он спросил об этом вслух, потому что у самого его уха кто-то шепотом сказал:

— Ночь сейчас, два часа. Ты как — совсем проснулся?

Лешка очень удивился. Голос был не то чтобы ласковый, а какой-то вроде виноватый. Откуда взялся такой голос в волчьей берлоге? Он попытался рассмотреть говорившего. Да, это один

из обитателей землянки. Лешка с самого начала заметил его пухлое бледное лицо с тупым раздвоенным подбородком. Оно резко выделялось среди других небритых, загорелых и грязных физиономий. И еще Лешке показалось, что он уже где-то видел такое лицо.

— Ты, мальчик, лежи себе и будто спи, а сам слушай тихонько, что я буду говорить. Я уже давно караулю, когда ты проснешься. Сейчас мы с тобой в бункере совсем одни. Все ушли провожать Дьякона. Только один часовой снаружи.

Говоривший приподнял с нар толстый зад и, не выпрямляясь, на полусогнутых ногах скользнул к двери. Постоял, послушал и вернулся к Лешке.

— Далеко ходит. А знаешь, куда пошел Дьякон? Понес письмо в райцентр, чтобы тебя обменяли на их начальника Фельдфебеля. Думают, что он в плен попал. А я так считаю, что он в плен не попал, а его убили. Поэтому тебя не обменяют, а тоже убьют, когда узнают.

Он выговорил все это спокойно и даже дружелюбно, так что было ясно: правду говорит.

Мгновенный дикий страх стиснул Лешкино сердце. Не успеет Митя его выручить!

Лешка бы, наверно, крикнул, но человек с раздвоенным подбородком сжал ему потной ладонью губы. И снова заговорил. И Лешка уже не пытался кричать. Он слушал с недоверием и надеждой. Если человек помирает от жажды, он готов пить из самой грязной лужи.

А пухлолицый говорил уже взхлеб, орошая Лешкино ухо мелкими брызгами слюны.

...Обитатели бункера прозвали его Ювелиром. Это неправильно. Просто он однажды с первого взгляда определил, что украденный где-то бандитами толстый браслет никакого отношения к золоту не имеет. Но он не ювелир, а часовой мастер, причем не просто мастер, а первоклассный специалист со склонностью к коммерции. В землянке среди этих хамов он оказался по недоразумению. Он сторонник частной инициативы, и на этой почве у него были контакты с немцами, а затем, естественно, конфликты с Советами. А кто хочет смотреть на мир через окошко в клеточку? По совету знакомых людей он подался «до ясу», где якобы живут идейные борцы против неуютной для коммерсантов Советской власти. Только его обманули. Это оборванное быдло — никакие не борцы. Они даже не знают слова «бизнес», а признают только одно — грабеж. У него они тоже успели украсть бумажник, в котором было спрятано сорок дюжин рубинов для часов.

А ему дали автомат. На холеру ему автомат, если нет коммерции. И потом: если его поймут с рубиновыми камешками — это один срок, а если с немецким «шмайссером» — совсем другой. А то и вовсе не срок, а «вышку», как они неуважительно отзываются о насильственном переселении в лучший мир. Дева Мария! Это не для него. Он уже по горло сыт «идейной борьбой» и хочет мира. Пленного мальчика ему послал сам пан Иезус. С его помощью он спасет невинного ребенка от рук бандитов, приведет его в НКВД и не станет требовать никакой благодарности, а только попросится домой. И его, конечно, отпустят к жене и сынишке, которых он не видел целую неделю.

— Короче говоря, мы сейчас убежим! — закончил монолог Лешкин собеседник.

То, что перед ним гродненский пан Август, Лешка догадался еще в начале рассказа. И вспомнил, у кого видел такой же тупой раздвоенный подбородок: у Казика Шпилевского. Оказывается, тот здорово похож на папашу.

Лешка чуть было не брякнул часовщику, что хорошо знает его сына, но, к счастью, не успел: пан Август сунул ему в зубы кусок хлеба с салом и велел подкрепиться на дорогу. Лешке хотелось пить, а не есть. Он взял с ящика алюминиевую кружку и поискал глазами воду. В одном углу землянки шалашиком были составлены карабины, в другом — ребристой кучкой свалены гранаты. А бачка не видно.

— Канистра с водой под нарами, — шепнул Шпилевский, лихорадочно упаковывая рюкзак.

Лешка опустил на четвереньки, нащупал под досками прохладный жестяной бок посуды и стал вытягивать канистру. Она звякнула днищем о что-то металлическое и выскребла за собой угловатую, матово блеснувшую штуковину. Пистолет! «Вальтер»!

Лешка из-под руки оглянулся на Шпилевского. Тот все танцевал вокруг рюкзака. Молниеносно «вальтер» был отправлен за пазуху. Царапая и леденя кожу, он скользнул к поясу брюк и аккуратно там улегся. Только рубашка на животе оттопырилась. Заметит? Ну и пусть. Какое пану Августу дело до чужого пистолета, если он сам собирается отсюда удирать.

Лешка напился воды и стал наблюдать за возней пана Августа. Какой-то он все-таки несерьезный. Сам сказал, что снаружи часовой, а уже рюкзак укладывает. А вдруг бандиты сейчас вернуться? Или по дороге встретятся. Да и знает ли вообще он откуда дорогу?

Нет, недооценивал Лешка пана Августа. Затолкав ногой рюк-

зак под нары, Шпилевский приоткрыл дверь землянки и негромко крикнул каким-то птичьим голосом.

Через минуту в бункер просунулась голова в измятой пилотке.

— Чего шумишь?

— Выпить хочу. А не с кем. Может, примешь чарку за компанию?

— П-шел ты... Борода не велел. Я — на варте.

— А что, разве он скоро вернется? — невинно спросил Шпилевский.

— Хм... Вернется-то, конечно, не скоро. Наверное, и сам сейчас где-то глушит на хуторе... Ну давай, только по-быстрому.

Пан Август сначала плеснул самогону себе и выпил. Потом стал наполнять кружку часовому. Наливая, он на мгновение повернулся всем корпусом к Лешке и крикнул на него:

— А ну ложись спать, чего уставился!

И тут же снова отвернулся к собутыльнику.

— Пей на доброе здоровье.

А Лешка действительно «уставился». Он отчетливо видел, как из-под большого пальца пухлой руки, державшей кружку, скользнула в самогон крупная светлая капля. Взялась она из толстого кольца, надетого на безымянный палец.

Часовой еще не допил до конца зелье, а Шпилевский уже стал нахально вѣтаскивать из-под нар рюкзак.

Он знал, что делает. Часовой вдруг всхрапнул, выпрямился во весь рост и медленно стал оседать на пол. Лешка в панике первым вылетел из землянки. «Нет, он не несерьезный, он... страшный», — подумал он о пане Августе.

Хотя у Лешки и были накануне завязаны глаза, он ясно помнил, что они подошли тогда к входу в землянку с левой стороны. Бородатый еще больно дернул его за правую руку, поворачивая к ступенькам.

А сейчас часовщик повел Лешку в другую сторону. Однако подумалось об этом как-то вскользь. В глазах все еще стояла сцена хладнокровного убийства. Но когда ветки деревьев начали хлестать Лешку по глазам, а ноги стали спотыкаться о сосновые корневища, поневоле пришлось расстаться с жутким воспоминанием. Приходилось и прикрывать, и одновременно напрягать глаза, чтобы различать в темноте спину своего неожиданного проводника. Несмотря на мрак и собственную полноту, Шпилевский шел быстро и уверенно, ни разу не оглянувшись на Лешку. Видно, понимал, что мальчишка не осмелится отстать от него в страшном ночном лесу. Словно уже уверовав в свою безопасность, часовщик почти в полный голос болтал на ходу...

...Нет, они еще не знают пана Августа. Они крупно ошиблись, приняв его за труса и растяпу. Пан Август за неделю изучил все их ходы и выходы. Он ведет сейчас мальчика по самой тайной бандитской тропе. Он проследил, как по ней ходил на прибрежный хутор Фельдфебель. Но они на хутор не пойдут, а свернут вправо, к реке. Там всегда стоят две лодки. Правда, они на замке, но он все предусмотрел. У него в рюкзаке набор любых ключей, их там не меньше, чем было рубинов в бумажнике. О, бандиты дорого заплатят за его камушки. Один уже заплатил и валяется в их грязном бункере. Познакомятся и остальные с НКВД. А сам он властей не боится. Во всяком случае, не очень. Тем более мальчик подтвердит, что пан Август спасал его с риском для жизни, вообще был добрый.

— Мальчик, ты ведь расскажешь все как надо, правда?

Если бы Лешка и хотел, он все равно не смог бы отвечать, потому что запыхался от быстрой ходьбы. Густой лес кончился, и они бежали через поляну, утыканную низенькими сосенками, а под ногами сплошной проволочной сеткой расстилался жесткий вереск. Его железные стебли путались в ногах и больно впивались в ноги между полуботинками и брюками. В довершение всего пистолет под рубашкой непрерывно ворочался и до крови царапал живот не то курком, не то предохранителем. В отчаянии Лешка всерьез уже подумывал выбросить пистолет, но тут вереск кончился, и они вышли к обрыву, к реке.

Черно-серебристый под ночными звездами Неман беззвучно катился на север. Но звезд было мало. И луна не светила, а только угадывалась за бархатным массивом туч, закрывавших половину неба. Тучи двигались с того берега реки в сторону беглецов, и через минуту пошел редкий дождь. Лешка подставил каплям потное, исхлестанное ветками лицо. Потом сел прямо на мокрую траву на краю обрыва и стал ждать Шпилевского. Тот спустился к воде и там брякал у лодок цепями и замками.

Вскоре его кургузая фигура выросла рядом.

— Понимаешь, мальчик, замок открыл, а весел нет. Этого я не учел. Наверное, хозяева уносят их на хутор.

Лешка подумал. У него на далекой сибирской реке Туре тоже была своя лодка. Ну, не совсем своя, а общая. Целую зиму всем отрядом латали случайно найденную плоскодонку. А река от школы — с километр. Не таскать же всякий раз весла с собой. Они их прятали на берегу. И даже соревновались, кто хитрее спрячет.

— Далеко хутор отсюда? — спросил Лешка. Это был первый вопрос, который он за все время задал своему спутнику.

— Не то что далеко, а высоко. За бугром. Но идти нам туда ни в коем случае нельзя.

«Дураки они таскать в гору весла», — подумал Лешка и сполз с обрыва.

Песчаное подножие откоса заросло чахлым ивняком. Среди него чернильными пятнами выделялись густые кусты ольшаника. Во втором кусте Лешка нащупал шершавую лопасть весла. Рядом — другое. Он потянул на себя весла. Они не поддавались. Он дернул. Раздалось бормотанье, и из куста на Лешку полезло что-то живое. Лешка кинулся бежать. Но вслед ему ударил сноп света карманного фонаря, выхватил из мрака кусок песчаного берега, и Лешка от неожиданности упал. Закричать он не успел, потому что сзади раздался возбужденный и обрадованный возглас:

— Царица небесная! Так это ж наш хлопчик. А я уже сполохался, что Борода. Трохи не стрелил в тебя. Откуль ты взялся? Утек? Дык и я утек! Хай они огнем горят — тые «лесные братья». Як ты мне растолковал про амнистию, дак я сразу займел думку... Ну вставай, разом поплывем. Я ждал, коли трошки развиднее, бо в потемках страшно. А покуль ждал — заснул. Ну, молодец ты, что прибежал, с тобой мне еще выгодней являться до начальства...

Лешка узнал парня-дезертира. Тот бестолково топтался на песке и даже пытался приподнять Лешку, но у него были заняты руки: в одной фонарь, в другой автомат.

В это время сверху посыпалась земля, скатился пан Шпилевский и визгливо заорал:

— Ренцы до гуры!¹

— Што-о?! — очень удивился парень. Однако руки поднял. Вместе с автоматом и фонарем.

— Брось стрельбу! — продолжал командовать пан Август.

— Навошто? — снова удивился парень.

— Ты что примазываешься к мальчишке? Он — мой! Это я его освободил. Один я. А ты иди своей дорогой, дезертир несчастный. С нами тебе делать нечего.

— Вона што! — в третий раз удивился толстоносый. — А я думал, хлопчик сам утек. Выходит, ты, Ювелир, заместо Фельдфебеля себя хочешь за парнишку выпустить? Га?

— Еще и рассуждает, быдло тупое! — пуше прежнего забушевал часовщик.

После таких обидных слов парень опустил руки и, опуская, хряснул Шпилевского стволом автомата по голове. Стукнул слег-

¹Руки вверх! (польск.)

ка, будто мимоходом, однако пан Август смолк на полуслове и мягко сел на землю. Выпустив автомат, он схватился руками за темя и протяжно завыл.

На этот раз Лешка не испугался и даже не удивился происшедшему. Он как-то начал привыкать к жутким сценам в бандитской семейке. Он никогда не видел скорпионов, но читал, что, если их посадить в одну банку, они поубивают друг друга. И мысль об этих скорпионах уже не в первый раз пришла ему сегодня в голову.

Кроме того, Лешка понял, что сам он сейчас для бандитов — фигура неприкосновенная.

От дерзкого сознания своей неуязвимости Лешка расхрабрился и прикрикнул на толстоносого:

— Чего дерешься? Сам сейчас и потащишь его в лодку!

По напряженному сопению парня в темноте можно было догадаться, как оторопело он уставился на Лешку.

— А навошта нам его в лодку? Нехай тут и пропадает. Хотя... Хе-хе, а ты, хлопчик, с головой, недаром с городу. Выходит, я не только тебя привезу, а еще и бандита приволоку в полон. То добре!

И он послушно потянул пана Августа за шиворот к воде. От такой сговорчивости бандита Лешка еще больше воспрянул духом.

Вообще-то он уже начинал жалеть кое о чем. Надо было, например, прихватить из бункера не только пистолет, а и гранаты. Заставить их тащить пана Шпилевского. Все-таки меньше будет взрывов, когда нашим бойцам придется брать бункер. А еще хорошо было бы подробно запомнить дорогу к землянке. Только как это сделать ночью? Хотя бы ориентиры какие-нибудь были. Разве узнать название хутора за горой... Землянка от него в двух-трех километрах на северо-запад.

В лодке было порядочно воды. Она явно протекала. Дезертир погрузил пана Августа на дно и с сожалением глядел, как глубоко оседает лодка.

— Может, сходить и другую попросить отомкнуть на том хуторе... как его? — сказал Лешка.

— В Косачах? Не, не с руки показываться. Как-нибудь доплывем. А сядем глубоко, выкину толстого, и только. Мне, главное, тебя соблюсти по всей форме.

«Ишь какой почет, — усмехнулся про себя Лешка. — Значит, хутор называется Косачи. Ну, давай, давай, «соблюдай» меня... Телохранитель нашелся».

Он еще многого не знал. А если бы узнал, то, наверное, зло засмеялся бы. Ему, например, в голову не могло прийти, что в эти минуты Бородатый ищет его с той же самой целью, ради которой волок Лешку через лес пан Август, а сейчас угодливо поддакивал кулацкий сын-дезертир.

Дело в том, что мысль спасти свою шкуру за счет Лешки пришла Бородатому в голову раньше всех — еще когда уговаривали и собирали в дорогу Дьякона. Бородатый не очень-то верил в авантюру с обменом Фельдфебеля на мальчишку и подумал: а почему надо спасать кого-то другого, а не самого себя?

Но для успеха необходимо было изобразить перед властями дело так, что захватил мальчишку кто-то другой, а он, Бородатый, выручил его из беды. А для этого требовалось избавиться от свидетелей. Иначе кого-нибудь из них рано или поздно чекисты обязательно выловят живым, и на допросе все раскроется...

Вот почему Бородатый придумал, чтобы Дьякона провожали на задание все, кроме часового и Ювелира, которого считал безвредным тюфяком.

Когда они потайными стежками бесшумно вышли на проселок и Дьякон зашагал в сторону переправы, Бородатый повел оставшихся пятерых ужинать на глухой лесной хутор.

После первого жбана самогона трое пожелали пойти в ближайшую деревню «до музыки». Захотелось потанцевать. Бородатый не перечил. Он дал им отойти метров триста в лес и неслышно догнал. Когда они круто обернулись на его оклик, он короткой очередью срезал всех троих. Снял с них автоматы и зарыл оружие в бурелом под заметной корявой сосной. Убедительное доказательство, что именно он, а не кто другой ухлопал бандитов в схватке лицом к лицу.

Через пять минут Бородатый снова сидел за столом и чокался со своим старинным дружкой в заплатанном пиджаке. Его немного беспокоило, что за время его отсутствия куда-то исчез парень-дезертир. А впрочем, черт с ним! Наверное, подался до бабки с маткой на хутор за салом. Если и влезет чекистам в руки, ничего на Бородатого доказать не сумеет: он не был на дороге, когда брали мальчишку...

Из опасных свидетелей оставался один Заплатанный. Они вдвоем вышли во двор перекурить и подышать, и Заплатанный доверительно сообщил, что приглядел у хозяев овечку, которую надо бы заранее оттащить на тропинку, а по дороге к бункеру забрать.

Это была последняя кража в темной жизни Заплатанного. Он пер овцу на плечах, а Бородатый зажимал ей морду, чтобы не бляела. В чаше ельника Заплатанный сбросил добычу и нагнулся, чтобы перерезать ей горло. Два ножа ударили одновременно. На колючей хвое остались лежать дергающаяся в агонии овца и скорченный труп с финкой под левой лопаткой.

Бородатый почти бегом бросился к бункеру. Июльская ночь коротка, а сделать надо еще многое. Убедить Ювелира и часового, что он забирает мальчишку для обмена на Фельдфебеля. Убивать он их не будет, потому что и без того мутит от сегодняшней крови. Он им просто покажет одну стежку, по которой лучше всего выбраться из пуши в соседний, безопасный район. Пусть идут. Дорожка заминирована. И наконец, надо переправиться с мальчишкой через реку, догнать Дьякона и... Кстати, он пошел без оружия.

А запугать пацана, чтобы говорил как надо, легче легкого. Пригрозит добраться и до брата, и до него самого в городе. Главное — время протянуть, уйти из этих мест, где живешь, как в капкане. А потом он выкрутится, найдет дорогу на Запад. Коммунисты еще вспомнят Бородатого.

Только бы захватить до рассвета мальчишку...

Легко себе представить ярость Бородатого, когда он нашел в землянке лишь труп часового. Бандит понял, что его опередили, и бросился в погоню.

Наверное, шел четвертый час утра, когда они отплыли от берега. Небо незаметно очистилось от туч. Лешка сидел на носу, лицом к корме, и наблюдал, как быстро светлеет восточная кромка неба. Там зажигались узкие облака, похожие на длинные алые перья... Митя рассказывал, что, когда был мальчишкой, они с друзьями делали стрелы с такими перьями. Учились стрелять. Пригодилось...

Алые перья стрел...

Лешка тоже умеет стрелять из лука. Но сейчас у него не лук и стрелы, а черный боевой пистолет. И не игра сейчас.

На удалявшемся берегу стал ясно виден обрыв, а под ним кусты, из которых он вытащил весла вместе с толстоносым парнем. Сейчас дезертир работал этими веслами, а в ногах у него поставивал скорчившийся пан Август. Над бортом лодки торчал горб его раздутого рюкзака.

Они уже прошли стрежень, когда с того берега ударила длинная автоматная очередь. Пули легли за кормой правильной пунк-

тирной линией, подняв красивые фонтанчики брызг. Еще рокотало над утренней рекой эхо выстрелов, как с обрыва донесся крик Бородатого:

— Мальчик! Вались на дно! Сейчас я этим сволочам врежу!

Лешка не повалился на дно. Он не успел толком сообразить, что происходит.

И тотчас же длинно прогремела вторая очередь. Слышно было, как пули откалывают щепки от кормы. Дезертир застонал и выпустил весла. Неуправляемая лодка зыбко поплясала на слабых волнах и повернулась бортом к берегу.

И тогда Бородатый кинулся в воду. Он греб одной рукой, держа в другой автомат, но быстро приближался к середине реки.

Он поставил на карту все, и терять ему было нечего. В лодке находился его последний шанс, чтобы выжить, и он не мог допустить, чтобы этот шанс достался другим. Тем более что этих других он не боялся. Они были хилые сопляки по сравнению с ним. Они даже не осмеливались стрелять...

— Ювелир, да пальни ты по нему, — замычал парень. — Или ты, хлопчик, вдарь с моего автомата, у меня же руки поранены!.. Пропадем зараз все!

Но пана Августа жутко рвало на дне лодки. Не то от страха, не то от сотрясения мозга. А Лешка из автомата стрелять не умел.

Бородатый приближался. Он был уверен в своей безнаказанности.

...Он все рассчитал и учел в своих действиях. Кроме одного — способности самого мальчишки мыслить и действовать. Почему-то ни Бородатый, ни Шпилевский, ни дезертир, имеющие одинаковые виды на Лешку, не принимали его всерьез как живого человека. В их глазах он был просто предметом, выкупом для их спасения. И только.

Они ошиблись.

Чуть приподняв голову над бортом, Лешка наблюдал за приближением своего врага. Он лихорадочно размышлял. Раз Бородатый велел ему укрыться от пуль, значит, убивать не собирается. Это пока. Просто он еще не знает, что обмен на Фельдфебеля не состоится. А потом все равно прикончит. И будет бандитствовать дальше, жить и убивать людей, стрелять в Митю и Соню, в Ивана и Пашу. Да-да... в Пашу тоже, потому что она партизанка. Он будет бродить по земле коварным и безжалостным зверем. Но еще раньше, ровно через полминуты, здесь в лодке загремят выстрелы, раздадутся хрипы и стоны, и за борт полетят мертвые тела...

Был уже виден волосатый рот Бородатого, выплевывающий воду.

Лешка с тоской поглядел на огненные облака за спиной плившего бандита, на розовые клубы тумана, встающие над ласковой утренней рекой, и достал из-под рубашки «вальтер». Как учил Митя, он передернул затвор и поднял флажок предохранителя.

Когда Бородатый схватился рукой за борт, Лешка до боли в висках зажмурил глаза и выстрелил ему в лоб.

Они не дошли до райцентра. Когда начал редеть лес и впереди замелькали сквозь деревья желтые пятна спелой ржи на ближнем поле, они услышали лай собак и увидели цепь солдат, двигавшихся навстречу. Солдаты были в зеленых фуражках. Трое вели на поводках овчарок.

Лешка закричал! Он кричал обо всем. О переполнявшей его маленькое сердце тоске по людям. О мрачной и вонючей землянке. Об ее страшных обитателях. О пережитых им приступах ужаса. О том, что его заставили убить человека. Он кричал...

Он кричал только одно слово:

— Товарищи!..

Высочивший им навстречу из цепи капитан прыжками домчался до Лешки и быстро подхватил его на руки.

— Ты Вершинин? Целый?

В пяти шагах от них переминались с ноги на ногу две фигуры. Шпилевский с огромным рюкзаком на спине еще при первых взлаиваниях овчарок бросил на землю автомат и задрал пухлые лапы. Долговязый дезертир не мог поднять раненые и кое-как перевязанные Лешкой ладони. Он просто вытянул их вперед, словно выпрашивал милостыню. Его «шмайссер» давно уже волочил на своей спине Лешка.

— Это я мальчика доставил, пан офицер! — вдруг нахально брякнул пан Август.

— И я... трошки доставил, — нерешительно добавил дезертир.

Капитан посмотрел на бандитов, потом на автомат за Лешкиными плечами, на пистолет за поясом его брюк и зло хмыкнул:

— Вижу я — кто кого доставил. Марш к дороге, вояки...

Еще через пять минут Лешка сидел в коляске мотоцикла и они мчались по пыльной проселочной дороге. Наклоняясь от руля к своему пассажиру, капитан перекрикивал рев двигателя:

— Переполох ты наделал немало! Видишь, пограничников вызвали для прочеса пуши. Сейчас найдем твоего братца. Он где-то на левом фланге поиска со своими комсомольцами.

У одного сарая, где стоял автофургон с антенной на крыше, мотоцикл остановился. Из машины выскочил сержант с наушниками на затылке.

— Пока, товарищ капитан, никаких...

И осекся, увидев в коляске Лешку.

— Он, что ли, товарищ капитан?

— Точно. Можешь сматывать рацию. Давай сигнал отбоя и сбора.

Дважды негромко хлопнула ракетница. Под белыми перистыми облаками утреннего неба повисли, а потом стали медленно валиться на землю зеленая и желтая звезды.

Прошло полчаса, и среди людей, выходящих из леса к сараю, Лешка узнал брата.

Они сидели на пыльной бровке придорожной канавы среди репейника и крапивы. Лешка плакал навзрыд и терся замурзанным мокрым лицом о белую рубашку Мити. Впрочем, она давно уже не была белой. Над ними монументально возвышалась Соня Курцевич, но смотрела не на них, а совсем в другую сторону, потому что тихонько смахивала с ресниц крупные слезы. У нее всё было крупное.

Потом ровно сутки проспал Лешка на широкой деревянной кровати Ивана Мойсеновича. Три раза приходила строгая молоденькая врачиха из районной больницы. Шупала Лешкин лоб и пульс, разводила в баночках микстуры и подробно наставляла Пашу, в каком порядке полагается давать лекарства, если больной проснется. И хотя у кровати целый день сидел Дмитрий, врачиха разговаривала почему-то лишь с девочкой. Старший Вершинин попытался объяснить ей, что он брат мальчика и адресоваться следует в первую очередь к нему. Врачиха уколола его откровенно недружелюбным взглядом и повела Пашу за дверь.

— Большой много пьет. Это закономерно. На почве общего истощения и нервного потрясения у него обезвожен организм. Пусть пьет. Но ему нельзя вставать. Ночная ваза у тебя найдется?

— Чего, тетенька доктор?

Врачиха объяснила. Паша слегка покраснела и сказала, что найдется.

— Но, тетя, этот дядя на самом деле его родной брат, — добавила Паша. — Леша к нему в гости приехал.

— Невозможно поверить, — отрезала врачиха. — Старшие братья не позволяют, чтобы младшие попадали в бандитские лапы. Весь райцентр возмущен. Вазу поставишь мальчику под кровать.

Окна были открыты, и Дмитрий слышал разговор.

Он легонько вздохнул, поглядев вслед удаляющейся белоха-

латной фигурке. Без нее тошно. Интересно, что бы она запела, если узнала бы, что через час он снова уедет в Красовицину. Потому что не поехать он не может. Потому что колхоз все-таки там создали и надо ехать выбирать правление. Лешка проснется и поймет его. Не может не понять, потому что при всех своих прочих качествах он еще и пионер. Он знает, что любое дело надо доводить до конца.

Дмитрий оглянулся на дверь и тихонько поцеловал Лешку в щеку около уха, где курчавились светлые завитки волос.

Лешка слегка всхлипнул.

«И в кого ты, милый мой братец, уродился со своей уникальной способностью застревать в каждой узкой щели? Пошел, видите ли, искать своего ненаглядного Митю... Взял и пошел — как прогуляться по городскому бульвару!»

Счастье, что дядька с возом попался не из совсем трусливых и все-таки заскочил в сельсовет сообщить, что его ограбили, а мальчонку увели. Все механизмы заработали на полные обороты. Через час к райцентру мчались на машинах пограничники. К рассвету они были на месте. Шутка ли: бандиты захватили пионера...

Лешка перевернулся во сне на другой бок и сбросил на пол узорчатое домотканое покрывало.

Дмитрий поднял его и укрыл исцарапанные в кровь ноги брата.

«Ладно, братик, за каждую минуту твоего страха они заплатили сполна. И за все прежние свои темные дела — тоже. Жутко, конечно, малыш, что пришлось тебе самому стрелять в человека, но... это лучше, чем трусливо сдаться. А интересно, понимаешь ли ты, какую вообще сыграл роль в окончании страшной летописи банды? Нет, наверное, не догадываешься... Ты же разложил ее самим своим появлением в бункере. У предателей одна лишь тактика — предавать. Кого угодно, было бы за что. Вот они и перегрызлись из-за тебя. Ты ведь для них ценный залог. Омерзительно было слушать Дьякона, как он выторговывал себе жизнь, давая в сельсовете показания. Ни в какой райцентр он не пошел, а явился к участковому милиционеру и все выложил до ниточки. Он, видите ли, страшно беспокоится за жизнь мальчика. Он не только начертил дорогу к бункеру, а подробно описал, сколько в нем людей, оружия, патронов, назвал все пароли на неделю вперед, рассказал о характере каждого из бандитов. Он даже вызвался первым проникнуть в землянку и под каким-нибудь предлогом вывести пленника в лес, чтобы тот случайно не пострадал в перестрелке, когда будут брать бункер. Любой ценой хотелось ему выпятить свою роль в спасении мальчонки, чтобы зачлось ему это на суде! Вот мразь!..»

Внезапно Лешка, не открывая глаза, попросил пить, Дмитрий привстал, но из-за перегородки моментально появилась Паша с кружкой молока. Похоже, что она так и держала ее в руках все время. Лешка глотнул несколько раз и разлепил веки. Он оглядел Пашу, Митю, потом всю комнату, улыбнулся — и снова уснул.

Дмитрий потрогал его лоб. Ничего, обойдется... Крепкий у него братик. А ехать в деревню пора... Интересное дело получилось с этим колхозом. Когда бандиты напали на женское собрание, расчет у них был простой: запугать народ, чтобы не подавали заявления в колхоз. Вышло все наоборот. После того, как Дмитрий уложил из карабина троих, а Иван скрутил Фельдфебеля, бабы их быстренько опознали и поднялся несусветный крик: «Так это же тот самый, что мою дочку вешал! А этот соседского сына арестовывал! Бабы, гляньте на рыжего, — это он наших коров угонял к коменданту!» И в этот разноголосый вой легко и очень вовремя ворвался звучный и насмешливый голос Сони Курцевич: «Ну, увидели, кто взялся вас от колхоза защищать? Может, и дальше их будете слушать и от артели шарахаться? Валяйте-валяйте, верьте им, они для вас люди надежные, ласковые, добрые! А я, выходит, плохая, и мне доверять нельзя...»

Стыдливая тишина продолжалась недолго. Женщины снова заголосили и повалили в избу-читальню. Они резонно потребовали у Сони Курцевич продолжения собрания и того увлекательного женского разговора, который нахально прервали автоматные очереди.

А наавтра состоялся общий деревенский сход, и в колхоз вступили все хозяйства. Но правление и председателя колхоза избрать не успели. Под окнами избы-читальни истошно заорала не лошадиным голосом кобыла, по-дурному вздернутая в оглоблях на дыбы, а потом уже все звуки перекрыл голос ее хозяина, который кричал о взятом в плен мальчишке.

Дмитрий поднялся с табуретки, и на скрип ее моментально вышла из-за перегородки Паша. Взметнула веники-ресницы и прошептала:

— Вы... кали вернетесь?

— Паша, ты ведь не об этом хотела меня спросить...

Мохнатые ресницы полукружьями опустились на щеки.

— Ты хочешь узнать, когда вернется ваш Ваня, так?

— Ну... так, — ресницы медленно приподнялись.

— Боюсь, что сегодня не вернется. Батюшки, спрячь ты свои сверхъестественные глазища. Я хочу сказать, что придет завтра. Похоже, что его в Красовщине изберут председателем колхоза. Ну и... если откровенно, то ему надо полежать пару часиков.

— Ранен?! — ахнула девочка.

— Поцарапан — и только.

Паша молча открыла Дмитрию дверь. Во дворе вокруг расседланной и привязанной к забору лошади суматошно топтался Варька. Он испробовал все способы вскарабкаться на ее спину и сейчас громоздил сложное сооружение из корыта, чурбана и ржавого чугуна. Лошадь насмешливым глазом поглядывала на эту баррикаду.

— Ты с забора попробуй, — посоветовал Дмитрий.

— Шам попробуй, — ответил мокрый от пота Варька. — Жабор шатаетшя. А ваш Лешка шчащ герой, да?

Дмитрий подсадил мальчонку на лошадиный хребет, дал ему проехать два круга по двору и опустил на землю. Варфоломей вернул его к мыслям о Лешке.

— Ну какой он герой! — сказал Дмитрий, затягивая подпругу. — Самый обыкновенный оболтус. Да еще с мозгами, жестко нацеленными в одном направлении — на поиск приключений. Черт его знает!.. Другие мальчишки, бывает, ищут-ищут себе всякие интересные случаи и никогда не находят. А на моего братца они сами по себе сыплются, без скидки на возраст.

Рассуждая так, Дмитрий понимал, что врет и Варьке и себе. Судьба тут ни при чем. Всех сегодняшних мальчишек тянул на поиск подвигов пример старших братьев, лишь недавно вернувшихся с войны. А в здешней обстановке любой из них мог попасть в самую неожиданную переделку. Вот Лешка и попал. И нечего, значит, все валить на его характер, а надо поскорее спровадить брата домой. Если и есть тут какая-то судьба, так это счастливые исходы его приключений. Пока счастливые. А где гарантия...

— Все равно он герой, — упрямо забасил Варька. — Так Паша шкажала.

Сидя в седле, Дмитрий захохотал:

— Ну, если так сама Паша говорит, то я со спокойной совестью могу оставить нашего героя на ее попечение.

Он велел Варьке открыть калитку. Потом подумал и написал на листке из блокнота несколько слов.

— Варфоломей! Отдай Лешке, когда проснется.

Варька проводил всадника и пошел в хату ругаться с сестрой. Она его с утра не пускала домой. Дальше порога не пустила и теперь.

— Я же сказала, играй на дворе, пока Леша не проснется. Если проголодался, возьми хлеба и иди.

— Не хочу я ешть. Мне шкучно. Школько шпать можно... Лешка, вштавай, у меня иштребитель поломалшя!

И Лешка проснулся. Впрочем, он давно уже беспокойно покашлявал от некоего природного желания, а призыв Варьки окончательно прогнал дремоту. Он сел в постели и огляделся. Паша выскользнула за дверь.

- Варька, где мои штаны?
 - Жачем тебе штаны? Ты хворый.
 - Мне на двор надо.
 - Нельзя хворому на двор. Пашка чугунок поштавила.
 - Какой чугунок?
 - Под кроватью. — Варька услужливо вытянул посудину.
- Лешка понял и побагровел.
- Никакой я не хворый. Я голодный. Где Митя?
 - Поехал, а тебе пишмо оштавил.

«Проснулся? Значит, все обстоит отлично и жизнь продолжается. Выше нос, пионерская гвардия! Скоро вернусь».

Лешка прочитал и почувствовал, как в него начинает входить хорошее настроение, а руки и ноги наливаются веселой упругостью. Раз Митя пишет, что все на свете обстоит отлично, значит, так оно и есть.

Не касаясь низенького подоконника, Лешка выпрыгнул во двор. Тотчас же рядом в траву плюхнулся Варька. Сидевшая на ступеньках крыльца Паша удивленно, но молча проводила глазами мальчишек, удиравших за угол сарая.

Когда они вернулись, девочки на дворе не было. Лешка услышал песню в хате:

...Эх, дороги,
пыль да туман!
Холода-тревоги
да степной бурьян.

Варька оторопело уставился на дверь.

— Шпеваает... — задумчиво прокомментировал он это явление. — А вчера ревели. И шегодня утром...

Паша пела и месила тесто для хлеба. Жизнь продолжалась.

Перед заходом солнца они втроем пошли на луг встречать Трижды. Варька возражал против общей прогулки:

— Мы шами с Лешкой пригоним корову. Ты шиди дома, нечего ражгуливать. А у наш — ражговор.

Паша спокойно посоветовала именно Варьке посидеть дома, а то кошка сало съест. Это предложение, а также клеветнические домыслы насчет любимой кошки были с негодованием отвергнуты, и сейчас мальчишка шариком катился впереди по мягкой луговой тропинке.

— Ты только в траву не ступай, Леша, — ласково сказала Паша и даже попыталась поддержать его за локоть, чтобы он не сошел с тропинки в высокое некошеное разнотравье.

— А чего?

— Видишь, какая роса выпала на ночь. Промочишь ноги.

И через минуту снова:

— Ты, Леша, застегни френчик. Туман поднимается. — Это становилось невыносимым. В конце концов Лешка не выдержал:

— Слушай, ты что так... как с маленьким со мной?

— Ну не с маленьким, а... У тебя в самом деле ничего нигде не болит?

Да что они — сговорились? Ему казалось, что после вчерашнего он, наоборот, будет выглядеть в глазах всех сильным и взрослым, а его на каждом шагу унижают. Чтобы доказать, что он заслуживает другого обращения, Лешка отрубил:

— Единственное, что у меня болит, — это голова от твоей дурацкой и никому не нужной заботы. Отстань!

И он добился своего. Паша в самом деле сразу отстала на два шага и накрепко замолкла. А потом путавшийся в ногах Варька заорал на весь луг:

— Лешка! Она снова ревет. Ты что, дура, он уже шовшем ждоровый!

Судя по звуку, мальчонка получил от сестры подзатыльник. Наверное, такое случилось в первый раз, потому что изумленный Варька сел на траву и разинул рот.

Лешка даже не улыбнулся. Ему было тошно. Он чувствовал себя сейчас последним мерзавцем на свете...

Мирились они долго и трудно. Обратный путь прошел в глухом молчании, которое нарушало только жизнерадостное взмыкивание коровы, спешившей на дойку. Но в хлеву, когда раздались цвиньканье струек молока о ведро и снова заблестели на шее девочки светлые влажные бисеринки, Лешка не выдержал:

— Знаешь... я тебя вспоминал!

...Вверх — вниз, вверх — вниз летают смуглые тонкие пальцы. Цзвинь-цзвик, цзвинь-цзвик — с разным звуком ударяются об алюминий косые белые струйки.

Девочка легонько вздохнула, но молчит.

— Честное слово! Три или даже четыре раза.

Стихло в полутемном, душноватом, но удивительно уютном хлеву.

Лешка смело встретил взгляд блестящих Пашиных глаз, потому что сказал правду.

— Где... вспоминал? — прошелестело с низенькой скамейки.

— Ну — там... Когда меня через лес вели, через реку везли. И в землянке тоже.

— Как вспоминал?

Вот этого Лешка сказать не мог, не умел. По его мнению, таких слов вообще не существовало. И он промолчал. Паша отвернулась, опять запело ведро. Но Лешка заметил, как дрогнули уголки ее губ. Он снова глянул на тонкую шею девочки и, протянув внезапно онемевшую руку, с великой осторожностью коснулся пальцами хрустальных бусинок.

17

В Гродно старинный городской парк. Маленький, но густой и тенистый, как вековой лес. Столетние липы и кто его знает скольколетние дубы, грабы, ясени сжали мощными объятиями узенькие аллеи и превратили их в лесные тропинки. Одна из них вдруг расширяется и упирается в танцевальную площадку с маленькой эстрадой.

По вечерам здесь взрослые парни и девушки вертятся в вальсе, толкают друг друга в танго и наступают на ноги в фокстроте.

А в сегодняшний воскресный день на эстраде будет выступать пионерский оркестр струнных инструментов. Концерт посвящается первой годовщине освобождения города от фашистов.

Лешка идет на концерт ради свидания со своим другом Михаем Дубовиком.

Вчера они вернулись с Митей из района, и Лешка в нерешительности затоптался уже на пороге Сониной квартиры.

— Смысл таких вращательных движений мне понятен, — отметил Дмитрий, выгребая из-под двери почву. — Но выяснение обстановки насчет благоприобретенного капитаном Голубом сына я беру на себя. Сиди дома и читай газеты! Гм! Оказывается, тут и телеграмма. От мамы!

Дмитрий быстро пробежал глазами телеграфный бланк и ткнул его прямо в нос Лешке.

— Читай. Вразумляйся. И жди меня.

Лешка остался ждать и читать телеграмму.

«Гродно обком комсомола Вершинину. Немедленно сообщите что Лешей. Получила дикое письмо. Если несчастье немедленно выеду. Мама».

Митя вернулся через полчаса. Мрачный Лешка все еще крутил в пальцах телеграмму.

— Ми-ить! — заявил он. — Надо же ответить маме, что...

— Н-ну? Какое гибкое мышление! Особенно полно оно было проявлено тобой в момент сочинения рапорта из милиции. Ладно, не хнычь. Телеграмму маме отправил. Интересуешься содержанием? Вникай: «Оба идеально здоровы и благополучны через два дня выезжаем в отпуск. Твои недостойные сыновья Алексей Дмитрий». Вопросы ко мне?

— Нет вопросов, — заулыбался Лешка.

— Грешно врать старшему брату. По сведениям, полученным от счастливого отца Антона Голуба, его приемный сын, а твой сомнительно достойный друг Михаил Дубовик процветает. В данный момент он на какой-то репетиции в Доме пионеров, а завтра выступает с пионерами в парке. Оказывается, он в оркестре — первая скрипка. Если, конечно, можно скрипкой назвать цимбалы... Он что, действительно музыкант?

— В первый раз слышу, — задумчиво сказал Лешка.

В раковине эстрады сидели и стояли по меньшей мере полсотни мальчишек и девчонок. Среди одинаковых белых рубашек и красных галстуков за частоколом бренчащих и пиликающих инструментов всех мастей Лешка долго не мог разглядеть Михася. Потом вспомнил, что Митя говорил о каких-то цимбалах. А что это за штука? Спросить у кого-нибудь? Совестно. Лешка стал плечом пробивать дорогу сквозь тесную толпу, заполнившую танцевальную площадку. Все шло хорошо, но в первом ряду он наступил на новую сандалету длинного парня лет шестнадцати, за что получил увесистый щелбан по макушке. Оркестр завершал в этот момент браваурный финал «Марша энтузиастов» и смолк в то самое мгновение, когда Лешка в полный голос задал парню стереотипный вопрос: «Ты чего дерешься?!»

В наступившей тишине фраза прозвучала нелепо и комично. К ним обернулись. Наверное, от конфуза долговязый отвесил Лешке еще один щелчок. Звук его был отчетлив. Лешка звонко сказал: «Сейчас сам получишь!» Кто-то рядом уже произнес традиционное: «Хулиганы!» А на эстраде чернявый музыкант, услышав возгласы Лешки, вдруг поднял голову и, опрокидывая хрупкие попитры, ринулся вниз на площадку. В руках у него были зажаты аккуратные, утолщенные на концах палочки. Парень в сандалетах еще держал над Лешкиным лбом свою распростертую ладонь, когда по его собственному лбу лхой дробью прогулялись цимбальные колотушки.

Никакой драки не было, потому что нельзя драться под общий хохот. Парень резво мотанул с площадки, а Михась схватил Леш-

ку за руку и потащил в дощатый чуланчик сзади эстрады. Здесь пахло вазелином и пудрой и стояли два больших зеркала.

— Сиди тут. У нас еще один номер. Потом сразу на Неман.

Но усидеть в гримировочном чулане Лешке было трудно.

Из эстрадной раковины рванулась мелодия песни, от которой у него всегда пересыхало в горле:

Меряй землю решительным шагом.
Твердо помни заветы отцов!
Знай один лишь ответ —
Боевой наш привет:
будь готов,
будь готов,
будь готов!

Лешка выглянул из чулана и близко увидел спины оркестрантов. Стремительно-слаженно взлетали и опускались смычки скрипок, невидимыми от скорости стали движения рук балалаечников, и уж совсем со сверхъестественной быстротой плясали над деревянной трапезией, обтянутой струнами, руки его друга Михася. Вот, значит, какие они — цимбалы...

Мелодии песни было тесно на этом крохотном пятачке, сжатом с боков и сверху древними стволами и кронами.

Песня рвалась со скрипичных смычков, мандолиновых медиаторов, цимбальных колотушек — и прорвалась. Ее запели где-то в поднебесье. Конечно же, когда взрослые собираются послушать детский концерт, для детей места не остается. Главные слушатели сидели на ветках и заборах... Оттуда и зазвенело не очень стройное, но убежденное:

Перед нами все двери открыты,
Двери вузов, дворцов, городов...

Оркестр неистовствовал. Лешка глядел на Михася и боялся, что у него отвалится голова — так отчаянно он тряс ею над своими цимбалами.

Последний аккорд — и все стихло. Только у Лешки в груди стучало сердце. Под эту песню его когда-то принимали в пионеры.

Давно это было. Три года назад.

Из парка они пошли через весь город к Неману. И не куда-нибудь, а к плотам, хотя и не сговаривались об этом. Они пересекли площадь Ленина, тенистую улицу Ожешко, вышли на шумную Советскую, подмигнули друг другу, минуя подъезд серого трехэтажного дома, и спустились к понтонному мосту через реку.

Влево от него тянулась вдоль берега улица Подольная, где еще недавно жили братья Вершинины. Лешка подумал, что лучше всего бы отсюда и доплыть до плотов, как он всегда делал.

— А? — покосился он на Михася.

— Можно. Только вот шмутки...

— Какие? — не понял Лешка.

— Ну, это... — Михась ткнул пальцем в свои шевиотовые отужоженные брюки и повертел шеей в воротнике белой шелковой рубашки.

Да! Выглядел Михась Дубовик несравнимо с тем, что было неделю назад. Вот только почему он пионерский галстук сразу снял, как вышел из парка?

Михась объяснил:

— Он ведь... ну, для формы только. Какой я пионер! Меня и не принимали. Антон говорит, надо в комсомольцы вступать.

— Ты его Антоном зовешь?

— А как еще надо?

— Смешно немножко: он же тебя... как это... усыновил. Папаша он твой.

Михась хмыкнул куда-то в сторону.

— «Убратовил» — так оно будет правильнее. Вся-то разница в десять лет. Я ему сейчас папиросы по штукам выдаю, а то привык дымить ажно ночью. Скоро совсем отучу.

— И слушается? — удивился Лешка.

— А куда он денется, — спокойно ответил Михась, и Лешка поверил. Этого — послушаешься.

Раньше Лешка спускался к реке по узкой тропинке среди картофельных зарослей чьего-то огорода. Он и сейчас нашел эту стежку. Отсюда рукой подать до их прежней квартиры. Интересно, смирилась хозяйка с дырой в ковре или все еще злится?

— Никто тут не тронет твои шевиоты, — сказал Лешка. — Пожароим на плотях — и обратно.

Он разделся первый, сложил по складкам брюки, аккуратно расправил на траве вельветовую куртку. Пусть Михась учится... Но тот и без него священнодействовал над своими обновками. Лешка только головой крутил от удивления...

Животами кверху они лежали на теплых шершавых бревнах и глядели в небо. Там таяли и бесследно растворялись в синеве ватные клочки редких облаков.

— Ну, трепись, — коротко сказал Михась.

— О чем? — схитрил Лешка.

— Сам знаешь.

— А тебе кто сказал?

— Антон. Да я что-то не поверил.

Да, это было посложнее, чем рассказывать Мите, Соне, Паше и даже начальнику районного НКВД о своем приключении. Перед Митей он мог без зазрения совести вырветься, что и сделал. Перед остальными он напускал на себя сдержанность, чтобы все выглядело внушительнее. А перед Михасем и нюнить нельзя, и хвастать дело безнадежное — засмеет.

А если по правде, то и рассказывать особенно нечего. Подумаешь, событие: по-бестолковому попал в лапы к бандитам. Подумаешь, с закрытыми глазами из пистолета пальнул. Здесь в Белоруссии пионеры шли с гранатами на фашистские танки и глаза при этом не жмурили.

Лешка так и сказал Михасю.

— Ничего там и не было особенного. Все по случайности вышло.

Тот с интересом глянул на Лешку.

— Ну? Ишь ты... не трепло.

Он поерзал на бревнах, пачкая смолой новенькие сатиновые трусы. Лешка тоже поерзал, переворачиваясь на живот. Комплимент друга был приятен, но кое-что все-таки хотелось рассказать. Поймет ли Михась?

— Когда мы плыли, там были облака, будто перья из красного огня. От них все кругом стало розовое. Все розовое, а он плывет — черный. Противно...

Плюхала вода о бревна, поскрипывали узлы канатов, доносились с моста выканы автомашин. Звуков много, но все равно — тишина.

Через минуту Михась сказал:

— Таракан.

— Где? — не понял Лешка.

— Нигде... Зашел я на этих днях к старухе. Антон велел забрать цимбалы. Больше у меня никакого барахла не имелось. Что оставалось отцовское — все проел при немцах. Покопался в углу, вытащил свой инструмент, сказал бабке спасибо за угол и выполз из подвала. А был я уже в новой одежде... в этой самой белой рубаше. Огляделся на свету — ажно дрожь прошибла. Сидит у меня на животе таракан. Большой. Черный. Мохнатый. И лапками шевелит. А кругом солнце светит. Муторно стало.

— Ну? — поежился Лешка.

— Чего — ну? — досадливо сказал Михась. — Раздавил...

Все так же ласково покачивала река стоящие на якорях плоты. Милосердно поджаривало мальчишеские спины и животы после-полуденное солнце. Блаженное спокойствие наполнило Лешку

после короткого рассказа друга. «Раздавил» — и точка. Все-то он понял, Михась.

— Ну а пистолет ты куда дел? — спросил Михась через минуту.

— Как куда! Отдал. Даже написать пришлось, где нашел... и все такое.

— Зря отдал! — вдруг жестко сказал Михась и встал на ноги. — Зараз бы он мне пригодился. Ты погляди, что там делается!..

Лешка вскочил и увидел, что делается на том берегу явно нехорошее. Какая-то тетка в пестром сарафане держала на весу и спокойно рассматривала одну за другой принадлежности мальчишеского одеяния. Потом она принялась аккуратно свертывать их и запихивать в полосатую хозяйственную сумку.

— Э-э-эй! — затанцевал на плоту Михась.

Никакого внимания.

— Положь на место! — снова заорал Михась и солдатиком си-ганул в воду.

Лешка — ласточкой — следом. Второй вопль грабительница, вероятно, услышала, потому что оглянулась на плоты.

Но ребята уже плыли. Никого не увидев, тетка хладнокровно повесила сумку на руку и направилась по огородной тропинке к улице.

— Уйдет, ворюга! — захлебывался от злости Михась. — Следи, куда она повернет.

Но Лешка плыл кролем, а попробуй что-нибудь уследить, если все время вертишь башкой.

Однако на середине реки они еще раз увидели нахальную тетку. Она поставила на тротуар сумку и как ни в чем не бывало принялась поправлять высокую белобрысую прическу.

Лешка узнал Фелицию Францевну.

Выскочив на берег, Михась с ходу рванулся в погоню, но Лешка успел схватить его за щиколотку, и тот сунулся носом в картофельную ботву.

— Ну, чего держишь?!

Лешка перевел дыхание.

— Стой. Это хозяйка наша... бывшая. Тут тактика нужна.

— На холеру мне твоя тактика, когда штаны украли! — расสวิрепел Михась и вырвал ногу.

Лешке ничего другого не оставалось как тоже преследовать похитительницу. Через минуту они ворвались в знакомую калитку.

Но время уже было упущено: полосатая сумка исчезла, а сама хозяйка преспокойно сидела на скамеечке под окном и наливала из кофейника в свою любимую фаянсовую чашку дымящуюся «каву».

— Отдай шмутки! — без предисловий заорал Михась.

Фефе положила ногу на ногу.

— Цо пан муви?¹ — издевательски спокойно спросила она и бережно поставила кружку на скамейку.

— Фелиция Францевна, это недоразумение, — вздрагивающим от одышки, но по возможности вежливым голосом заговорил Лешка. — Если Митя... еще... не уплатил вам за ковер, то потому, что... уезжал. Он уплатит. А этот — мой товарищ, и он со всем ни при чем. Верните брюки.

И тогда Фелиция Францевна взвилась и закуковала... Хо, ковер! Нет, дело уже не в нем; ковер она, слава деве Марии, заштопала и продала, хотя, видит пан Иезус, потрудиться ей пришлось больше чем на тысячу рублей, которые ей выбросил по почте пан Вершинин, потому что нынешняя тысяча — это блеф, а хуже всего то, что пан Вершинин выехал, не расторгнув договор на съем квартиры, и не заходит, и она поэтому не может пустить новых квартирантов, и уже прозевала двух очень выгодных жильцов, которые дали бы ей доход не менее трех с половиной тысяч в год, и эту сумму, по всей справедливости, ей сейчас пан Вершинин обязан компенсировать или хотя бы явиться для переговоров, а костюм его брата, который она сразу узнала по бархатному «камзелю», пусть у нее пока останется как бы в залог...

Мальчики отупело стояли перед ней. Вода с трусов капала на утоптанную дорожку, образовав порядочную лужицу. К ней зачем-то подбирались воробьи. Михась первым страхнул с себя оцепенение, наваянное гулким кукованием, и сказал нехорошим голосом:

— Я в последний раз говорю: отдай, тетка, штаны!

При этом он лягнул босой ногой воробья, отчего взлетел небольшой каскадик грязных брызг, и воробей шмыгнул в сторону, а брызги попали на шикарный сарафан Фефе.

«Будет скандал», — подумал Лешка и запоздало вспомнил страшнейший Митин наказ утром: не влезать ни в какие истории.

Он не ошибся насчет скандала... Пани Фелиция с визгом взметнулась со скамеечки и вцепилась Михасю в волосы. Совершенно нелогично она при этом завопила:

— Лю-ю-ди! Гвалту-ют!

Конечно, Лешка кинулся другу на помощь. Но... не бить же взрослую тетку кулаками. Женщины для кулаков — табу! А голова Михася между тем тряслась под цепкими лапами Фефе, и лицо

¹Что вы говорите?(польск.)

его наливалось кровью. Дальше размышлять о гуманности приемов борьбы было некогда. Лешка схватил со скамеечки кружку и капнул ее содержимым на тощую шею Фефе.

Пани Фелиция странно зашипела. Освобожденный Михась кинулся бежать не на улицу, а в дом. Продолжая шипеть, Фефе злое еще повернулась к Лешке. Увидев ее белые от бешенства глаза, Лешка тоже побежал. За калитку. А дальше события развивались вовсе уж дико. Из дома сразу же вылетел Михась с полосатой сумкой. Он на ходу опорожнял ее. Пани Фелиция кинулась ему наперерез и вцепилась в брюки, майки, рубашки, сандалии. Михась рванул барахло к себе, она — к себе. Все-таки парнишка оказался сильнее. С растрепанным свертком в руках Михась в несколько прыжков догнал за калиткой Лешку. Налаживая резвый старт, друзья в последний раз оглянулись на скандальную домовладелицу, и... Лешка замер. Фефе кричала вслед что-то неприличное и при этом размахивала красным шелковым треугольником.

— Михась, галстук!!! — отчаянно крикнул Лешка.

Михась приостановился только на мгновение и рванул Лешку за руку.

Но Лешка стоял как вкопанный.

Михась глянул ему в лицо и понял, что Лешка дальше не победит. Наоборот, похоже, что он собирался вернуться в гости к пани Фелиции, потому что решительно поддерживал трусы.

— Вот холера белобрысая, — ругнулся Михась. — Ладно уж, я сам...

Он сунул Лешке одежду и снова ринулся во двор. Одновременно из соседнего двора через забор перескочил какой-то усатый дядька и с ходу навалился на Михася, выкручивая ему руки.

Что было делать Лешке? Оставалось одно: звать на помощь. Но кого? Милицию? На этой окраинной улице сроду не появлялись милиционеры. И прохожих не было в тихий воскресный день. Только за целый квартал впереди маячили какие-то две фигуры. Не раздумывая больше, Лешка метнулся им навстречу.

Это были два молоденьких лейтенанта-пограничника. Начищенные от макушек до пяток, они неторопливо шли по каким-то своим, наверное, неслужебным делам.

— То...ва...рищи офицеры! Пионера... бьют! — вот и все, что выдохнул им прямо в румяные лица полуобморочный Лешка.

Что ни говори, пограничники — народ особенный. Реакция у них молниеносная. Лешка еще не успел опустить руку, показывая направление, как лейтенанты в хорошем спринтерском темпе устремились к месту действия.

Когда измученный Лешка притрусил во двор пани Фелиции,

все было кончено. Усатый дядька смиренно сидел на корточках возле забора, а над ним стоял один из лейтенантов и рассудительно ему что-то втолковывал. Усатый охотно соглашался и потирал шею. Второй пограничник вел беседу с Фефе. Пани Фелиция приседала в частых реверансах и конвульсивно улыбалась. Михась стоял посередине двора и мрачно растягивал в руках вырванный из беды пионерский галстук. На лбу у него росла и наливалась густой синева шишка.

— А протокол все-таки надо бы составить, — резюмировал события лейтенант, взявший шефство над усатым. — По поводу побоев, неспровоцированно нанесенных этим гражданином мальчику.

— А также по поводу похищения этой гражданкой пионерского галстука, — объявил второй лейтенант. — Кто ходит за участковым?

При слове «протокол» пани Фелиция распостерлась в паническом книксене.

— Но так не можно, пан офицер! Пан офицер преувеличивает. Зачем мне было похищать эту... онучку!

Лейтенанты хмуро переглянулись.

— Как вы сказали?

— Сама ты онучка! — бешено крикнул Михась и шагнул к Фефе.

— Ладно, хлопцы, пошли отсюда, — решительно сказал пограничник и подтолкнул ребят к калитке. — Тут дышать нечем. Проветривать надо.

На тротуаре лейтенанты вежливо подождали, пока мальчишки натянут порядком измочаленные брюки и рубашки. Лешка немало удивился, увидев, что Михась завязывает галстук. Но тот очень серьезно расправил его лепестки и так же серьезно вскинул руку в салюте:

— Спасибо, пограничники... за помощь!

Лейтенанты взяли под козырек.

— На здоровье. Хорошие вы хлопцы...

— Ну и вы... ничего. Настоящие...

Четыре хороших человека дружелюбно рассмеялись и разошлись в разные стороны.

В больничной палате, где лежит Стасик Мигурский, — свирепая чистота и невыносимая тишина. Он лежит здесь десятый день в полном одиночестве. Ему прописан абсолютный покой. Три раза в день Стася колуют, четыре раза дают таблетки и микстуры, два

раза растирают поясницу, колени и шею. Называется — локальный массаж. Делают его парни-практиканты из медучилища. Сначала Стась ничего не чувствовал, и ему было смешно глядеть, как они потеют. Но на четвертый день в местах, где растирают, калеными углями вспыхнула боль, и Стасик не выдержал, крикнул. Веснушчатый медик-практикант цыкнул на него:

— Жить хочешь? Бегать хочешь? Терпи!

И Стась терпел, но всякий раз с ужасом ждал массажистов. А на шестой день добавили душ. Сначала вроде приятно: сидишь на стуле, а на тебя льется. Когда вода попадает в нос и немножко захлебнешься, вспоминается река. Чутьочку похоже. Но раз за разом водяные струи становились все сильнее и холодней, от них долго болела кожа. Очередного приглашения в душ Стась тоже стал ждать с содроганием. Ничего себе «абсолютный покой», от которого и помереть недолго.

Только главный врач почему-то был доволен. Вчера он басом захохотал, увидев, как Стась шустро поджал коленки при первых же струях воды.

— А ну расскажи, что сейчас чувствуешь! — потребовал он.

— Шиплет. И колется.

— Выключить душ! — скомандовал врач. — Быстро считай до десяти.

— Один, два, три, четыре, п-ять... девять, десять.

— В двенадцати словах ты заикнулся один раз. Умница. И ногами начал дрыгать не вразброс, а по-человечески. Процедуры продолжать...

Кормят не то чтобы плохо, а бестолково. Кашу дают с сахаром вместо сала, а мясо и вовсе портят, потому что забывают посолить.

Сегодня — воскресенье. Слышно, как в соседние палаты приходят посетители. А у него совсем пустой день. Свидания запрещены. Не придут даже массажисты — у практикантов тоже бывают выходные дни. Тоска зеленая. Конечно, можно почитать, если аккуратно пристроить книжку на животе. Руки уже дергаются меньше, и после нескольких попыток удается перевернуть страницу. Но что за книжки ему дали! Просил про войну или про море, а сестра принесла сказки про зверей. Хотят для него спокойствия, а сами издеваются. Сказки! Он уже читал про капитана Немо и его «Наутилус», и Лешка обещал принести продолжение о каком-то таинственном острове. Лешка — восточник с Подольной — здорово рассказывал про остров. Да не всё. Дошел до пиратского корабля и с Казиком подрался. Нашел момент. Сами-то небось сейчас читают. Или купаются. А его в больницу запихали.

Еще вопрос, что хуже: или больному на плоту, или выздоравливающему в этой белой конуре.

А пока лучше всего смотреть в окно. Верхняя половина его полуоткрыта. Дежурная сестра каждое утро тянет за шнурок, и наверху откидывается внутрь часть рамы. Когда на улице шумит ветер, ветки густой липы залазят в окно и потом долго выпутываются из переплета рамы, обрывая листья. Бывает, что маленькие листочки падают Стасю на кровать. Он их ждет и старается не зареветь от тоски по воле.

...Сейчас на одеяло опустился не зеленый липовый листок, а белая бумажная птичка. Стась долго и недоверчиво глядел на нее, но не тронул. Потом прикинул в уме линию полета и стал медленно поворачивать голову к окну. Глаза уперлись в ветки липы. Между ними маячили физиономии Лешки и Михася.

И сразу же в палату вошла старенькая няня-санитарка. Она прошлепала разболтанными тапками к Стасю и подняла с одеяла бумажную птичку.

— Ишь ты, что смастерил. Выходит, ожили пальчики-то. Чудотворец наш доктор. А там к тебе двое бесенят приходили, дак их, само собой, не пустили. Ох, тяжелый к тебе доступ, строже, чем к святым мощам. Однако передачу приняли. Я ее тебе на плитке варю.

Чего варю? Раков они тебе принесли, полную миску. Еще вочаются. Потерпи маленько, подам. А самих не пустили — нельзя. Хоть парнишки вроде ничего. Один из них больно уж культурненький мальчик. «Нам, говорит, сведению ему надо интересную передать, он враз от нее поправится, и вы, говорит, этому научному опыту помогать должны, а не препятствовать». Все равно не пустили. А другой — тот все молчком к тебе пробивался. Дежурная с культурненьким этим разговаривает, а тот в проход теснится. Она его хват за локоть, а он из кармана рака выдернул да показал ей. Живого-то рака! Она, конечно, обмерла, а он — по коридору. Вот они, которые молчком-то! Ну тут уж я его переняла, усовестила по загровку.

— Так он тебе и дался! — насмешливо донеслось из-под потолка. — Грех врать, бабка!

Старушка села на койку и обморочно зашевелила вялыми губами.

— Признайся, что не била, а только обозвала!

— Каюсь, — прошептала ошеломленная нянька. — Не поднялась у меня на тебя рука, ирод ты окаянный. Ты где спрятался, сатана лукавый?! А! На дереве! Оба голубчики. Ну, сейчас я доктору скажу, он вас оттедова сметет. Ужо будет вам за мой перепуг.

— Бабушка, у нас халва есть! — звонко сказал Лешка из липовых ветвей.

— Какая такая халва? — насторожилась старушка. В беседу снова вступил Михась:

— Ореховая. Та самая, за которой ты, бабуля, в киоск бегаешь. В рабочее время. И в халате. Попадет тебе от доктора.

Няньчка задумалась.

— Чего хотите-то, дьяволята, не пойму я вас?

Лешка растолковал:

— Вы, бабушка, нам окно чуть побольше откройте и выйдите на пять... ну, на десять минут. Покарауйте. Честное пионерское, мы будем тихо. Халву положим Стаське в тумбочку.

...Десять минут старушка честно просидела в коридорчике около дверей, сокрушаясь о своих обильных прегрешениях.

А в палате шел странный, шепотный, отрывочный, но всем троим понятный разговор.

— ...Напротив лесозавода вышку для ныряния ставят, во!

— «Человека-амфибию» не читал? Держи.

— На батьку твоего Антон документы нашел, пенсию будете получать как за погибшего подпольщика.

— То д-добре.

— У вас сейчас две комнаты будут. Шпилевских выперли. А в подвале у них золотых часов было с тонну и каких-то каратов на миллион. Митя говорил, можно целый стадион построить.

— Лу-лучше бы лодок наделать, с парусом.

— О лодке Лешке не поминай, он с лодки бандюгу пришел.

— К-как?

— Да ерунда все это... Слушай, Стась, я ведь уеду послезавтра. Тебе куда написать — в больницу или домой?

— Домой. Я скоро вы-выберусь. А мы еще... сустремемся?

— Ну... не знаю. Наверное.

— Сустренетесь. Он тут влюбился в одну... доярку. Жениться придет.

Не сдержал Лешка честного слова насчет тишины. На грохот опрокинутой тумбочки в палату вкатилась перепуганная нянька и увидела свалку. «Культурненький» сидел верхом на своем приятеле и аккуратно клал тумачки на его шею, причем тот не сопротивлялся, а только дурашливо верещал, что больше не будет.

Старушка знала верное средство разнимать дерущихся котов. Их надо облить. Чем? В страхе, что шум услышит врач и ее боличная карьера будет погублена, она схватила первое попавшееся под руку. Мальчишки вовремя заметили в ее руке диковинный плоский сосуд с длинным горлом. Еще не догадываясь о его со-

держимом, они утрастились невиданной формы посуды и кинулись к спасительному окну.

А на узкой больничной койке остался лежать больной Стась. Если только есть смысл называть больным человека, который не удержимо хохочет, задирая при этом ноги.

19

Лешка сидел на подоконнике, наблюдал, как Соня упаковывает Митин чемодан, и тихонько насвистывал. Одновременно он размышлял о многих вещах. Например, о том, обязательно ли надо спешить стать взрослым? Некоторые события убеждают, что торопиться с этим не надо. Взрослые явно перестают видеть то, что совершенно очевидно для тринадцатилетних людей. Зачем же мчаться навстречу глупости?

Вот, скажем, Софья Борисовна. Одной рукой она заталкивает в карман чемодана Митину бритву, а другой вытирает слезы. Чего ревет? Боится, что Митя сюда не вернется? Ну и зря. Лешке абсолютно ясно, что они поженятся. Достаточно было увидеть, как Дмитрий вчера по-хозяйски выбирал место для полки со своими книжками. Или как помогал Соне мыть посуду. Лешка вспомнил, что точно такое важно сосредоточенное выражение лица бывало у его отца, когда он помогал маме в домашних делах.

Конечно, Митя вернется из отпуска только сюда. А Соня ничего не видит, хоть и глядит на Митю во все глаза. Наверное, ждет обещания на словах. Глупо! Зачем слова, когда и так все понятно.

Вот у них с Пашей все по-другому. Они ни слова не сказали другу другу. Когда Лешка дотронулся до Пашиного плеча, она даже головы не повернула, а только склонила ее вбок и чуть прижала его руку маленьким розовым ухом. И снова занялась своим делом. А чего еще надо? Лешке — ничего не надо.

Соня перестала хлюпать носом, мощно уперлась коленом в крышку чемодана и застегнула его.

— А ты свой уложил? И не свисти, пожалуйста, на дорогу — плохая примета.

— Вот еще, — фыркнул Лешка. — Комсомольский руководитель, а в приметы веришь.

— Как ты сказал? — вдруг радостно спросила Соня.

— Чего — как? Я говорю, неприлично тебе верить в бабушкины сказки.

Соня бурно стиснула Лешку в объятиях и запечатлела звучный поцелуй на его щеке.

— Спасибо, малыш! — снова хлюпнула она носом. — За то, что сказал мне «ты». Вроде как своей...

Лешка вытер щеку. Безнадежны эти взрослые. Что он — «выкать» ей должен, если она ему без пяти минут сестра?

— Ну, так я и тебе скажу кое-что хорошее, — вспомнила Соня. — Я тебе письмо из района привезла от Паши Мойсенович. Она говорила, что ты забыл какие-то тетради.

Лешка удрал на кухню с тугим бумажным свертком. В нем под газетной оберткой лежала записка.

«Добрый день, Леша, извини, если с ошибками. Посылаю свои тетради с лагерной школы, ты их спрашивал, а потом забыл. Варька говорит спасибо за самолеты, что научил его делать, и посылает два креста, только зачем они тебе, если фашистские. Ну тебе лучше знать, ты умный. Ваня уже работает в колхозе, скоро мы к нему переедем, и, если захочешь написать, адрес: колхоз «Партизанская слава». Ну и все пока. Оставайся здоровый. Твоя знакомая пионерка Прасковья Мойсенович».

— ...Все правильно, — бормотал Лешка, запикивая тетради в свой обшарпанный чемоданчик. — Зачем разные там слова? «Оставайся здоровый», и все... Хотя, конечно, не лопнула бы, если бы написала, что будет немножко ждать... или что-нибудь такое.

Он тихонько вздохнул и по примеру Сони нажал на крышку коленом. Чемодан не закрывался. Слишком много собралось имущества: тетради, гильзы, партизанский кисет, ржавый рубчатый чехол от гранаты...

— И еще место понадобится. Сложная у тебя проблема! — сочувственно произнес за его спиной знакомый голос.

В дверях комнаты стоял майор Харламов. Лешка не сразу узнал его, потому что майор был в сером гражданском костюме и соломенной шляпе. В левой руке он держал длинную и узкую картонную коробку.

— А где Дмитрий Петрович?

— На вокзале билеты добывает, — не очень весело ответила Соня. — Попрошаться зашли?

— Это само собой. А еще — по делу. Алексей Вершинин, подойдите сюда!

Зардевшись от предчувствия чего-то приятного, Лешка подошел. Майор вытянулся и отчеканил:

— От имени товарищей по работе и себя лично вручаю вам скромный памятный подарок.

Лешка машинально взметнул руку в салют и схватился за ко-

робку. Она оказалась увесистой. Пришлось положить на стол. Узел шпагата долго не поддавался пальцам, и Лешка завертелся на месте, высматривая ножницы. Понимающе улыбаясь, майор раскрыл и протянул ему перочинный ножик.

В коробке на мягкой постельке из папиросной бумаги лежала пневматическая винтовка.

Лешка почему-то спрятал за спину руки и глуповато открыл рот.

— Мне?

— Тебе... Надпись, правда, не успели сделать, некогда было. Очень уж поспешно ты свои героические дела устраивал...

Лешка почти не обратил внимания на чуть заметную усмешку.

Винтовка!

Бывают в жизни человека бесконечно счастливые мгновения!

Впрочем, через минуту Лешка уже насел на майора:

— А Михасю... ничего не подарили? Шпилевских-то он накрыл, не кто-нибудь. Раненый был... А?

— Имеется в виду Дубовик? Ну, у него подарок фундаментальнее твоего. Выхлопотали путевку в железнодорожное училище. На этот раз он, кажется, остался доволен.

Поезд на Москву уходил в час ночи, и ровно в двенадцать они двинулись на вокзал. Шли втроем — братья и Соня. Михася не было. Город спал. Когда вышли на Советскую площадь, Лешка поглядел на шпили костелов, покосился в сторону Замковой улицы и вздохнул. Удивительно! Прожил здесь меньше двух месяцев, а уезжать не больно хочется, хотя ничего особо выдающегося здесь нет. Разве что музей.

Он еще не знал, что люди любят города не за улицы и площади, а за то, что им пришлось на них пережить.

Прямой вагон «Гродно — Москва» был прицеплен к хвосту поезда. Подсвечивая себе фонарем, шупленький пожилой проводник разглядывал билеты:

— Через Москву, Казань, Свердловск. Далековатый у вас путь, граждане пассажиры. Милости прошу — шестое купе, нижние места. Вы, гражданка, провожающая? Отправление через пятнадцать минут.

— Сама знаю! — мрачно сказала Соня и через голову проводника поставила чемоданы в тамбур.

В купе было душновато и темно. Только перронные фонари отражались в полированных поверхностях спальных полок и откидного столика у окна. Дмитрий поднял сиденье, сунул в темную яму под ним чемоданы и сказал Лешке:

— Сиди. Мы выйдем.

Лешка сел. Соня чмокнула его в щеку, и они вышли. Не успел Лешка вытереться, как противоположное сиденье медленно поднялось, словно крышка гроба в страшной сказке, и оттуда вылез Михась.

— Тесак держи, — как ни в чем не бывало сказал он и протянул Лешке широкий штык в металлических ножнах.

— Это еще зачем?

— Ну... ты всякое трофейное барахло собираешь, а он у меня давно валялся. Прячь. На память, что ли...

Лешка затоптался на месте, как всегда с ним бывало в затруднительные минуты. Это что же получается? У него же ничего нет, чтобы на прощанье «отдарить» друга. Свинство сплошное.

— Да не крутись ты, — насмешливо сказал Михась. — Ничего не надо. Сам не знаешь, сколько ты мне... В общем всё. Ежели соберешься — на училище пиши.

— Так и будешь торчать у окна всю ночь? — спросил Дмитрий.

— Не всю, — сказал Лешка. — Еще немножко.

— Ага! Кажется, понял. Но, братик... у нас же скорый поезд, он на разъездах не останавливается.

— Я знаю. Все равно. Я посижу.

...Через полчаса после этого разговора паровозный гудок и тяжелый слитный гул далекого поезда услышала в маленькой хате на краю районного поселка худенькая девочка с печальными темными глазами.

Она приоткрыла дверь, чтобы стало слышней. От скрипа петель проснулся пятилетний мальчуган.

— На Мошкву пошел? — спросил он и снова сладко засопел в подушку.

Паша не ответила. Она стояла и стояла у открытой двери, пока не стих за лесом последний звук ночного поезда.

Книга третья

ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Часть первая

Гул ночного поезда рассек тишину необъятного бора. Поезд шел на запад, а за ним начинало предрассветно сереть небо.

В борозде между вековыми соснами и ельником заворочался молодой медведь. Он недавно вернулся из похода на овсяное поле, где славно полакомился сладкими сережками, и склонен был с рассветом забраться подремать в этот самый ельник. Но его избранное место оказалось занято. Есть люди, которым не спится по ночам. Кто-то пахнувший рекой и еще многим непонятным разжег рядом с лежкой огонь, долго стоял около него, потом бродил по ельнику, наконец исчез. Но убрался, видимо, недалеко, потому что густой человеческий запах не пропал в зарослях.

Долго лежать в борозде тоже нельзя. С первыми лучами придут за лесной малиной шумливые бабы и ребятишки с отвратительно гремящими ведрами. А спать очень хочется. Может быть, тот человек все-таки удалился из его владений?

Медведь бесшумно выбрался наверх и заковылял в ельник, изредка пофыркивая от бьющих по нежному носу колючек.

МИР ТЕСЕН

В вагонах спали. Спал и студент второго курса факультета журналистики Уральского университета Алексей Вершинин. Он ехал из Москвы после месячной практики в «Комсомолке», но двигался не на восток, как бы ему полагалось, а как раз наоборот — в Белоруссию, да еще в самую западную, прямо к границе. Шесть лет назад он уже побывал здесь — зеленым шестиклассником. Гостил у старшего брата Дмитрия, осевшего после войны в Гродно на комсомольской работе. Сейчас-то Митя уже на партийной, секретарствует в одном из лесных районов. Взял клятву со сту-

дента, что остаток каникул Лешка проведет у него. Обещал прелести ночной рыбалки на Немане и грибных походов по непролазной пуше.

Правда, с некоторыми из «прелестей» пуши и Немана Алексей был знаком по первому своему визиту к брату. Мать полностью так и не узнала о приключениях своего младшенького в окрестностях белорусского села Красовщина. Иначе не разрешила бы ему сейчас сюда ехать. Девятнадцатилетний верзила с вполне реальной растительностью на физиономии для матери по-прежнему «Леша, надень калоши». А калоши-то надо надевать на башмаки сорок третьего размера.

С мыслью о своих великолепных желтых туфлях с пряжками Алексей и проснулся на верхней полке. Стремительно сунул руку под подушку. Туфель нет. А ведь прятал их именно под голову. Для гарантии. Все-таки первое приобретение на первый гонорар.

Снизу раздался дискант:

— Вы, дядя, как повернетесь, а он как упадет мне по шее!

Снизу смотрела на Алексея рожица четырехлетнего карапуза.

— Кто упадет?

— Ваш ботинок... Он — тя-а-желый!

Туфли теперь аккуратно стояли на вагонном столике рядом с кольцом колбасы и куском батона. К счастью, мать парнишки еще спала, отвернувшись к стенке. Алексей поспешил водворить свою обувь на полку.

— А вторая туфля? Тоже упала?

— Н-не! Я сам залез и достал, а то и вторая стукнет.

— Ловко. Молодец. Спасибо. А не можешь объяснить, почему у меня рука в яичном желтке и скорлупе? — Алексей с недоумением рассматривал липкую ладонь.

— Могу... потихоньку. Только вы не ругайтесь.

— Ладно, лезь ко мне, конспиратор. — Алексей одной рукой поднял карапуза на полку и сунул под простыню.

— Ну?

— Я, когда полез за вторым ботинком, на столике два яйца раздавил. Всмятку. Они под газетой лежали. Я забоялся, что мама ругаться будет, к вам их под подушку сунул, вместе с газетой. Никому не скажете?

— Не... не скажу. — Алексей со страхом подумал, что постельное белье скоро надо будет сдавать проводнице. Интересно, сколько стоит железнодорожная наволочка?

— Надо бы познакомиться, — сказал он. — Как зовут моего юного друга, обменявшего туфлю на гоголь-моголь?

Под простыней раздалось обидчивое сопение, а с нижней полки прозвучало чуть хрипловатое после сна сопрано:

— Его зовут Мирослав. Но это родительская ошибка. Истинное имя ему — Стрекозел. Славка, сейчас же слезай оттуда. Молодой человек, спустите его за шиворот.

Позавтракали они вместе, причем таинственное исчезновение яиц прошло, кажется, незамеченным. Впрочем, когда Алексей сообщил, что скоро ему сходить, женщина вызвалась сложить его постельное белье. Во время этой процедуры она издала несколько скорбных междометий, а Мирослав был удостоен испеляющего материнского взора, но сделал невинное лицо.

Два других пассажира купе — пожилые командировочные — мирно спали, не мешая завтраку и беседе.

Девушка-проводница заглянула в купе и осветила его белозубой улыбкой:

— Молодой человек, следующая остановка — ваша! О, вы уже и постельные принадлежности сложили. Спасибо. А может быть, пожелаете что-нибудь написать в адрес нашей бригады в книге отзывов?

Алексей бурно пожелал. А когда вернулся в купе, они с женщиной взглянули друг на друга и расхохотались. Невольное маленькое сообщничество сблизило их, и мать Славика сказала:

— Между прочим, в райцентре, куда вы едете, живет моя давняя подруга Соня Курцевич. Работает директором школы. Хотя фамилия ее сейчас другая — по мужу она Вершинина.

— Между прочим, — в тон ей ответил Алексей, — моя фамилия тоже Вершинин, и я прихожусь родным братом мужа вашей подруги.

— О! — только и смогла произнести женщина. — Поистине, мир тесен. Выходит, я тоже вынуждена отрекомендоваться. Живем мы в Гродно, зовут меня Татьяна Григорьевна. Фамилия моя Голуб, муж...

— Стоп! — чуть не в панике замахал руками Алексей. — Мир еще теснее, чем вы думаете. Если муж ваш Голуб, то зовут его Антон... э-э-э?

— Сергеевич.

— Он капитан милиции...

— Подполковник.

— Очень вероятно, шесть лет прошло. Тогда у вас должен быть приемный сын Михась.

— Михась — парашютист! — восторженно заорал Мирослав.

— Он сейчас служит в армии, — пояснила Татьяна Григорьевна Голуб. — Погодите: а вы... неужели вы тот Лешка, о котором

мне Соня и Михась рассказывали? Значит, это вы умудрились заварить тогда детективную кашу?

— Почему — заварить, почему — кашу? — обиделся Алексей.

Но уже визжали тормозные колодки, стучались вагонные буфера, и пора было выходить.

КЕРОГАЗ КАК ПРОДУКТ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Варфоломей тосковал. Стрелки ходиков неумолимо приближали время к девяти. Именно на этот час — в ноль-ноль — назначен сбор звена. Время выбрано с умыслом: женщины и девчонки поселка уже уйдут со своими кошелками с опушки, и никто не помешает развернуть операцию.

Вчера конопатый Юзик Бородич увидел над ельником белесый дымок и показал деду, вместе с которым выгнал корову перед восходом солнца. Дед отреагировал флегматично:

— Самогонку робят. Дело обычное — скоро Спас...

Назавтра Юзик нервно говорил Варфоломею:

— Им Спас, а колхозу пас: семена не засыпаны. Батька зубами скрипит, думает, где взять зерно на озимый сев, а пьянчуги его на сивуху переводят.

Батька его Феликс Устинович был бригадир в здешнем колхозе и очень переживал за свое «подразделение», как он называл бригаду. Но ему Юзик ничего не сказал о подозрительном дыме над ельником. Так и видел, как бывший партизанский взводный хватает топор и бежит крушить самогонные аппараты. Никакой милиции дожидаться не будет. А если рядом с аппаратом его хозяин окажется? Отцу же потом и отвечать...

— Нам бы самим засесть этих винокуров, — развивал идею Юзик. — Ну, нашему звену...

— Они тебе засекут. Дорогу в лес забудешь!

— Ты, Варька, дрейфун досрочный, хоть и звеньевой. Мы же тайно, по-пластунски. А потом уж участковому доложим по форме эти... кардиналы.

— Координаты, балда... Матери ночью хлопцев в лес не отпустят.

— Мы и днем всё раскопаем.

— Днем-то дыма не бывает.

— Не бывает, а самогонщики остаются. Я у деда расспросил: им надо первач остудить, новую брагу к вечеру развести. При сплошном прочесе и накроем. Эх, был бы еще фотоаппарат!..

Такой роскоши в звене Варьки Мойсеновича не водилось, но он уже загорелся: через месяц являются они в школу, а их встре-

чает духовой оркестр, и директор Софья Борисовна провозглашает: «Пионеры из второго звена пятого класса «А» во время летних каникул отличились при разоблачении злостных нарушителей закона, и им объявляется...»

Решение о походе было принято и одобрено всем звеном. Название операции тоже придумали — «Голубой дым».

Но что толку в названии, если сейчас Варька вынужден торчать около распроклятого керогаза. Эту адскую машинку он люто ненавидел: стоит себе тихо и смирно, безобидно попискивает синим огоньком под колпаком с дырочками, но вдруг взрывается косматым костром. Тогда пожара не миновать, если не накрыть пламя мокрым рядном, которое всегда лежит рядом.

Взрывы — от некачественного сельповского керосина. Или от сильного порыва ветра. Поэтому нельзя выгащить ненавистный прибор на двор, где бы он мог взрываться себе на здоровье сколько влезет. А ведь были, были светлые времена в Варькиной жизни, когда обед готовился именно на дворе, на такой удобной и неприхотливой кирпичной печурке. Но то происходило в войну и в первый послевоенный год. А сейчас пришла пора мирной цивилизации, как выражается брат Иван. Варьке от этой цивилизации один ущерб.

Выключить керогаз и попросту смотаться из хаты Варька не имеет права: в кастрюле варятся говяжьи кости и копыта — основной компонент будущего холодца. Срок его приготовления сестра Прасковья определила весьма расплывчато: «Пока не загустеет. Ты, Варенька, изредка помешивай, но главное, чтобы огонь не погас — процесс приготовления должен быть непрерывным».

«Процесс приготовления»... Выучились в своем педтехникуме! А процесс опаздывания на звеньевой сбор — это как?

И все-таки бывает удача на белом свете. В дверях кухни неожиданно возник высоченный парень в голубой тенниске. Вытер желтые туфли о половик и произнес вежливым баском:

— Добрый день этому дому. Так, кажется, принято здороваться в данной местности? Ну, здравствуй, Варфоломей. Меня ты, конечно, не узнал, а вспомнить, может быть, сумеешь. Поднатужься.

Варфоломей молчал. На кого похож этот долговязый и красивый парень? Кажется, на их секретаря райкома Дмитрия Петровича. Только тот постарше и покрупнее. Но похож.

— Старайся, старайся, — подталкивал гость, усевшись на табуретку. — Могу помочь: бумажные «иштребители» помнишь? Во дворе здесь пускали. Кто их тебе делал?

Из самых сокровенных глубин Варькиной памяти выплыло: такой же солнечный летний день, на крыше их сарайчика стоит

мальчишка в коричневой городской курточке и отправляет в воздух беленький самолетик из листа тетрадной бумаги. Тот крутится в теплых струях легкого ветерка, а потом бесшумно опускается на плечо очарованного Варьки...

Варфоломей забыл про керогаз. Он несколько раз обошел вокруг табуретки, но никак не мог раскрыть рот. Имя гостя он легко вспомнил, но как обратиться к этому совсем взрослому парню? И снова гость помог:

— Тогда ты называл меня просто Лешкой, а я тебя — Варькой. Что верно, то верно: выросли мы, поселились. Давай так: я Алексей, а ты Варфоломей. Только без «выканья».

Варька счастливо хмыкнул:

— Нехай так... Вот только угостить пока нечем... тебя. Скоро Паша придет, тогда...

— Скоро?! — Алексей круто поднялся, поправил воротник тенниски, извлек расческу.

Но раньше Прасковья заявился конопатый Юзик. Сунул в окно свои вихры и заорал, не обращая никакого внимания на постороннего:

— Ты кто — звеньевой или шеф-повар, чтоб тебе подавиться своими щами-борщами! У тебя что — часов нет? Переизберут тебя хлопцы, раз операцию срываешь!

— Не тебя ли выберут? — огрызнулся Варька.

— Минутку, братцы. Почему суета? — вмешался Алексей. — И что за операция, если не тайна?

— Как раз и тайна. Тем более что мы вас не знаем, — нахально парировал Юзик.

— Варфоломей меня знает. Но дело в другом. Почему ты, звеньевой, не идешь к своему заждавшемуся коллективу?

Варька коротко обрисовал ситуацию с проклятым керогазом.

— Иди, я послежу, — великодушно сказал Алексей.

— Прасковья заругается, — не очень уверенно возразил Варька.

— Хм! Уверяю, что и не вспомнит о тебе, — несколько самонадеянно заверил гость.

— Ладно. Только ты не забудь... Здесь процесс непрерывный. Ты помешивай...

Алексей остался один. Он прошелся по кухне, заглянул в две небольшие комнаты. Ничего похожего на ту убогую хатку шестилетней давности. Перестроен домик полностью. Любопытно, сохранился ли хлеб, где они тогда с Пашей доили корову с забавной кличкой Трижды?

Он приоткрыл дверь, чтобы выйти во двор, и отпрянул: от калитки шла беловолосая девушка с черными глазами.

СКОЛЬКО БЫЛО МЕДВЕДЕЙ

С часовым опозданием, но операция началась. Еще раз обсудили обстановку. Дымок, по мнению Юзика, был виден километрах в трех, недалеко от реки. Ребят собралось восемь человек. Если держать между собой интервал в двадцать метров — так, чтобы при переключке в полптичьего голоса слышать друг друга, площадь прочеса получалась немаленькая.

Сложнее было Варьке распределить среди хлопцев позывные.

— Микола, будешь петь дроздом.

— Не могу. Лучше я кукушкой...

— Может, еще петухом пожелаешь закукарекать? Кукушки внизу не кукуют. Василь, синицу знаешь? Молодец, действуй. Петро, тебе быть витютенем. Покажи, как лесной голубь трубит. Ну чего ты горло раздул, словно блином подавился. У тебя угод получается, а не витютень. Ладно, нехай будет угод...

Договорились: на поданный сигнал всем не кидаться, иначе треска в ельнике не оберешься. Подползают только Варька и Юзик. Для общего сбора — крик совы.

— Днем-то? — усомнился кто-то.

— Если сову неожиданно спугнуть, она и днем кричит, — авторитетно пояснил звеньевой.

— Ну, а если медведь встретится? — хихикнул в рукав не очень храбрый Микола. — Говорят, бабы опять следы видели...

— Тогда, ясное дело, реви своим голосом. И мы все подхватываем. Ни один косолапый не выдержит.

Посмеялись и нырнули в чащобу ельника. Двигались где в рост, где на коленках, а то и вовсе ползком. Иначе и нельзя: под нижними засохшими ветвями елок легче проползти на животе, чем продрасть сквозь них напрямую. Того и гляди, без глаза останешься.

Из восьми разведчиков только двое догадались надеть плотные куртки с длинными рукавами и штаны. Шестеро пришли в майках и трусах. Через полчаса майки превратились в немыслимое рвань. Пот заливал глаза, но вытереть его было нечем — хвоя для этого не годилась, а лопухи под ногами не росли. Рос жесткий вереск, в котором прыгали маленькие кузнечики. Они были безобидны, а вот разбуженные комары освирепели. Пришлось пустить в ход обломанные еловые ветки. Их буйное вращение над головами явно демаскировало разведчиков. Варфоломей от возмущения чуть было не заорал во весь голос: «Потерпеть не можете, неженки?» Но тут в двух интервалах от него раздался

нежный посвист синички. И раз, и два. Звеньевой кинулся на сигнал.

...Василь с ободранными в кровь коленями и локтями, с перемазанным смолой и раздавленными комарами лицом лежал на крошечной лужайке и тыкал пальцем в свежий след костра. Ветерок еще не сдул белесый налет пепла на обгоревших скелетиках веток. А больше здесь ничего не было. Ни самогонного аппарата, ни каких-либо его признаков. Не было даже ямок от кольев, которые чаще всего вбивают у костров. Ни спички, ни окурка. Ничего.

— Дурацкий какой-то костер, — прошептал Юзик. — Будто пришел человек, разжег огонь, постоял над ним и ушел.

— То-то что постоял, — согласился Варька. — Если бы он сидел, так на вереске осталась бы вмятина.

Согласились, что найденное кострище отношения к самогонщикам не имеет, и двинулись дальше.

Следующий сигнал поступил от Петра, коротко ухнул угод: «Худо тут!» На зеленом мху лежал кусочек яичной скорлупы.

— Тоже мне — след! — хмыкнул Юзик. — Тебе сказано, человечьи следы искать, а не птичьи. Ну выпало яйцо из гнезда, разбилось...

— В-во-на как! — насмешливо протянул Петро. — В августе-то яйца в гнездах бывают? Эх ты, юннат... И где видано, чтобы птицы свои яйца в городе клеймили?

Ребята присмотрелись. На осколочке скорлупы отчетливо проступали красноватые знаки. Ясно можно было разобрать две цифры, разделенные точкой: 9.7.

— И опять, значит, не самогонщик яйцом закусывал, — подытожил Варфоломей. — Что у них, своих курей нет, чтобы клейменные яйца покупать в магазине? И потом, в нашем райцентре синей краской их метят, а не красной.

Сошлись на том, что приезжали, видимо, на выходной день отдыхающие из Гродно, от них и осталась городская скорлупа. Только Петро с сомнением качал головой и про себя хмыкал: «Видал я тех отдыхающих. Они после себя не кусочек с ноготок оставляли, а полберега выбеливали скорлупой на Немане».

Свою находку он не выбросил, а завернул в березовый листок и спрятал на животе под майку.

По Варькиной прикидке, поиск продолжался уже больше двух часов, и прошли они километра два. Так они скоро и на берег Немана выйдут. Тогда придется признать полный провал операции. Конечно, брехло Юзик получит по шее, но от этого не легче.

Не крик, а истошный вопль разнес в клочья сумрачную тиши-

ну ельника. Где-то на левом фланге цепи панически орал Микола. Тотчас же к нему присоединились семь других мальчишеских глоток. Взвилась над лесом стая перепуганных голубей. Смолкли и попрятались дятлы. И наоборот, оголтело застрекотали невесты откуда взявшиеся сороки. Продолжая орать, мальчишки ломались по направлению Миколы, а навстречу им ломился... медведь. Самый настоящий. Он улепетывал от дикого визга Миколы и, повстречав других пацанов, совсем ошалел. Роняя на хвою жидкий помет, он полез на тоненькую елку. Та, конечно, согнулась, косолапый снова очутился на земле. Уныло, почти по-собачьи тявкнув, он задним ходом сунулся в кусты колючего можжевельника и там исчез.

А трясущийся от страха Микола продолжал вопить и показывал рукой в сторону, как раз противоположную той, где скрылся косолапый.

— Там, та-аам! — всхлипывал он.

— Да не там, а наоборот! — озлился Варька. — Хватит глотку драть, медведь больше тебя передрейдил.

— Не-е, там! Вон же елки шевелятся!

Действительно, и в той стороне было заметно движение кого-то крупного и ясно слышался удаляющийся треск.

Неужели они повстречали сразу двух медведей?

ДАЛЕКИ ТЕ ГОДА...

Злополучный керогаз был выключен, дом заперт, ключ спрятан под половичок на крыльце, и они шли по луговой упругой тропинке, как и шесть лет назад. Но тогда они как-то умещались на тропинке рядом, а сейчас оставалось одно из двух: идти гуськом или тесно касаться плечами. Попробовали то и другое. Не получалось.

— Сядем лучше, — сказала Паша около ольхового куста.

— Сядем, — согласился Алексей. — Тем более что именно на этом месте мы с тобой тогда поссорились.

— Не помню.

— Ну как же! Ты меня все жалела как хворого, а я видел себя таким мужественным героем и ляпнул тебе какую-то чушь. Ты обиделась... А потом мы помирились. Помнишь?

Ей хотелось опять сказать «не помню». Но она не умела врать. Она все помнила, и, уж конечно, больше, чем этот сегодняшний Алексей Вершинин — шикарный студент какого-то далекого университета да еще загадочного факультета журналистики. Да еще

после московской практики в газете «Комсомольская правда». Что у него могло остаться в памяти об их тогдашнем детском знакомстве? Кто знает, сколько раз с тех пор он ссорился и мирился с другими девчонками и девушками, которые не чета ей, деревенской простушке? Недаром за шесть лет — всего шесть писем. В основном к праздникам.

Она не обижалась на него за то, что не писал. Сама виновата. Ясно, что ее редкие и сдержанные ответы не могли вдохновить Лешку на теплую переписку. Она и подписывалась как-то по-глупому официально: «Знакомая тебе пионерка Прасковья Мойсенович». Потом — «знакомая комсомолка».

От одного она не могла удержаться: наступая на горло собственной гордости, не стеснялась при каждой встрече с Софьей Борисовной дотошно расспрашивать, что пишет «Лешенька» в семью Вершининых. И потому почти в деталях знала его жизнь за шесть лет.

А что ему известно об ее жизни? И интересно ли ему знать? Правда, в первое же утро он разыскал ее, но, кажется, мимоходом, ради прогулки после завтрака. Сидит вот в своей фасонистой тенниске, пряжками на туфлях поблескивает, брюки подтянул на коленях, чтобы пузырьки не вздулись. Такой уж не покраснеет, если случайно коснется девчоночьей шейки, как однажды случилось у них — в душном сарайчике, когда она доила корову Трижды...

— Паш, а как живет Иван? Я знаю — он все в председателях ходит, — сказал Алексей.

— Ну как... Хозяйствует. Соответственно своему характеру. Два выговора получил за партизанские замашки.

— То есть? — заулыбался Алексей, вспомнив цыгановатого, хромого и стремительного старшего Пашиного брата.

— По шее надавал хапуге-кладовщику. А в другой раз тракториста из МТС напоил, чтобы тот остался на лишней денек. Он и остался... на неделю запил. Сейчас-то выговора сняли. Говорят, к ордену представили за нынешний урожай.

Помолчали. Алексей потаенно, из-под руки разглядывал девушку. Ситцевый сарафанчик в горошек, клеенчатые босоножки. Но спит же господь бог в глухой деревне такую точеную фигурку, такие хрупкие кисти рук с длинными тонкими пальцами, такие словно полированные смуглые ноги с крохотной узкой ступней. А этот ошеломляющий контраст светлых волос с черными глазами и мохнатыми ресницами! Черт возьми, у них на курсе немало девчат из семей артистов и разных потомственных интеллигентов, есть даже одна дочка академика — но ничего похожего. Он чуть ли не сокрушенно вздохнул.

— Соскучился? Может, пойдём, — обеспокоилась девушка.

— Да не то, — отмахнулся Алексей. — Ты вот что мне скажи... У тебя каких-нибудь дворян в роду не было?

Изумленно взметнулись черные дуги бровей на продолговатом лице, заплывали ямочки смеха на загорелых щеках.

— Кого не было, того не было. Цыгане были. Отец-то мой наполовину цыган. Говорят, что все черное у меня — от него, а светлое — от мамы. А вот характер уж весь мамин.

— Это какой же?

— Ладно, пойдём, Леша: Наверное, Варька уже прибежал. Конечно, голодный. Какой, спрашиваешь, характер? Люди говорят, что слишком тихий и покладистый. Не умею я ни на обиду ответить, ни постоять за себя...

...Варфоломей сидел на крыльце в глубокой задумчивости. Он не услышал вопроса сестры насчет аппетита, а отрешенным взором поглядел на ее спутника.

— Скажи, Алексей, если спугнуть в лесу сразу двух медведей, они вместе будут удирать или в разные стороны?

БРАТЬЯ

Когда конопатый Юзик получил от матери кое-что заслуженное в связи с погубленной майкой, в события включился отец.

— Где тебя холера носила?

— Тебе же хотели помочь! Накрыть самогонщиков, чтобы хлеб не переводили... А накрыли медведя...

— Какого медведя? — ахнула мать.

— Живого. С поносом.

Женские причитания по медвежьему поводу отец пресек коротким «цыц!» и стал вразумлять Юзика:

— Мозги у тебя и твоих дружков не варят. Подумали бы, какой самогонщик будет пускать дым на виду у райцентра, где милиция и все другое начальство. Если ему приспичит, он или на хутора закатится к родственникам, или в погребе дело так оборудует, что вся гарь будет выходить в печную трубу. Приснился вам с дедом этот дым.

— Ага, приснился... А след от костра? Не медведь же его разводил.

— Кто там чего разводил, не знаю. Чем рубахи драть в лесу, помогли бы завтра доставить на поле горячий обед людям. Третий день на жниве народ харчуетса всухомятку... А то шумите: звено, пионеры...

Юзик подумал, что работенка предстоит скучноватая, но в отцовских словах был резон. Надо было согласовать этот вопрос со звеньевым. Юзик отправился к Мойсеновичам и сошелся по дороге с Петром. Тот рысцой бежал туда же. Зачем? А затем, чтобы позвать Варьку к участковому милиционеру. Вернее, к себе во двор, где в данный момент находился участковый. Он зачем-то пришел к отцу и вдруг страшно заинтересовался кусочком яичной скорлупы, который среди разговора подсунул ему Петро. Велел:

— А ну, зови ребят.

У Мойсеновичей пили послеобеденный чай с черной смородиной. Варфоломей глотал терпкие ягоды, посыпанные сахаром, и обдумывал ответ Алексея насчет медвежьих повадок: «Я не знаком с обычаями здешних топтыгиных, но, насколько знаю, в нашей тайге нормальные медведи не бродят парами. Мамаша с детенышем — другое дело, а взрослые мишки — индивидуалисты. У меня родной дядюшка охотовед, он рассказывал... Не думаю, чтобы ваши медведи слишком отличались от сибирских собратьев. Тут какой-то зоологический нонсенс. Увы, я не зоолог...»

Варфоломей не знал, что такое нонсенс, но понял, что второго медведя в ельнике не было. Выходит, был человек. Чего же он удирал от мальчишек?

Когда Юзик сообщил Варьке о приглашении участкового, Алексей вдруг почувствовал зуд в подошвах: ему захотелось тоже отправиться к местному блюстителю порядка. Там явно пахло чем-то необычным... Тут же он круто одернул себя: «Опять суешься? Забыл, что утром говорил Митя?»

...А Дмитрий Петрович действительно говорил. Встретив младшего брата на лесном полустанке, он усадил его в «Победу» и все три километра до райцентра тыкал Лешку носом то в одно, то в другое:

— Вон там были окопы, помнишь? Заровняли, гляди, какой лен вымахал. Отсюда начинается новая дорога на Красовщину, где тебя зашучили бандиты, не забыл? Уложили дорогу булыжником до самой переправы через Неман, а на переправе мотопаром. В том бору, где бункер Бородатого стоял, сейчас смолокурный завод...

— Сейчас-то, надеюсь, тихо в смысле этих «лесных братьев»? — поинтересовался Алексей.

— Надейся, — усмехнулся Дмитрий. — Отставных полицаев со «шмайссером» под полой, конечно, теперь не встретишь... Но... граница как была рядом, так и осталась.

— За ней дружественная Польша!

— Гм! Ты с международным положением слегка знаком? Ах да, вы только что прибыли из центральной газеты! Тем более. Вам известно, что идет война в Корее, и обстановочка так себе. Между прочим, американским самолетам что до Польши, что до нас одинаково близко от какого-нибудь готического городка в Западной Германии, наштапигованного разными шпионскими школами. И учатся в тех заведениях разные «недобитки», как их называет здешнее население. Ну те, которые удрали на запад, поскольку ты их не успел перестрелять... Ладно, не свирепей, больше не буду.

Уже за завтраком, когда раздумывавшаяся от плиты и радости встречи Соня Курцевич-Вершинина пичкала братьев гречневыми блинами с жареным салом, Дмитрий Петрович закрутил свои дорожные мысли несколько неожиданным выводом:

— Конечно, ты сейчас парень взрослый и гулять можешь где вздумается. Однако боюсь, что твой дивный талант попадать в истории не иссяк. Посему ограничься здесь ради мамы скромными визитами к знакомым, загляни к коллегам в районной редакции и вообще живи мирно. Ну и все, я пошел в райком.

Но со двора крикнул в открытое окно:

— Лешка, выйди на минутку!

И вполголоса сказал на прощание:

— Ты о спокойствии спрашивал... Так вот для сведения, звонил из Гродно небезызвестный тебе полковник Харламов. Вчера прошел с запада в нашем направлении самолет без опознавательных знаков. Туда и обратно. Черт его знает какой и где он оставил груз. Чекисты, конечно, начали поиск, но партийно-комсомольский актив мы тоже поставили в известность. Тебя я почему-то склонен отнести к его числу...

— Спасибо, оправдаю...

— Убери ухмылку, дубина стоеросовая! Я тебе это на всякий случай сказал. А вот мое категорическое требование: занимайся отдыхом, местной прессой и... лирикой. Но-но, не смей поднимать руку на старшего брата!

КОЕ-ЧТО О ПЕДАГОГИКЕ

Вот почему Алексей не пошел к участковому, а остался с Пашей мыть посуду. Она-то нисколько не обеспокоилась уходом братца. По всему было видно, что Варфоломей растет не на вожжах, а на свободе. И не потому, что без отца-матери, а просто парнишка не по годам основателен и раздумчив. По словам Па-

ши, «босое детство научило». У него и забавы-то мальчишечьи всегда сочетаются с делом и пользой. В школе записался не в какой-нибудь развлекательный кружок, а в столярный: «Ты, Лешенька, на его табуретке сидишь...» Подарил ему Иван в первом классе педальный автомобиль, так он его приспособил под тягач для доставки картошки с «соток»: прицепит сзади тачку на двух колесиках, насыплет в нее три ведра бульбы и крутит педали по пыльной дороге целую версту. Потеет, но крутит. Если с синяком придет, то, значит, вступился за справедливость. Недавно соседка прибежала жаловаться, что раскровенил нос ее сыну. А тому уже пятнадцатый год, почти на четыре старше Варьки, и был уличен в некрасивом деле — плевал в колодез. За что и поплатился.

А вот учится Варька неровно, особенно с русским языком не ладит. Как-то в третьем классе дважды написал в диктанте «яй-цо» без «и» краткого.

— Да не я-и-цо, а яйцо, — вскипела учительница. Варфоломей ответил хладнокровно, с присущей ему степенностью:

— Нехай, лишь бы не тухлое.

Учительница Леокадия Болеславовна посчитала эту реплику хулиганской выходкой и сообщила Прасковье, что она «не терпит». А в прошлом, четвертом классе Варька снова довел ее до каления, написал на доске слово «лучше» так: «лутче». Последовало наказание:

— Уйдешь из класса, когда всю доску правильно испишешь этим словом.

Варька терпеливо исписал половину доски, но так как торопился натаскать сестре воды для стирки, то сделал внизу приписку: «Мне треба до дому. Лутче я утром допишу». Назавтра Леокадия Болеславовна прибыла к Мойсеновичам и объявила, что тут пахнет прямым издевательством в ее адрес. В связи с этим она намерена поставить вопрос перед советом отряда об отстранении «закоснелого и невоспитанного мальчика» с поста звеньевского.

Оказавшийся при беседе брат Иван молча слушал разговор. Но при последних словах гостя резко дрыгнул под столом хромой ногой, что повлекло падение кувшина с квасом, который щедро окропил подол светлого крепдешинового платья.

— Вы уж извините! — сказал он, вставая.

— Пожалуйста, бывает... — снисходительно поморщилась Леокадия, отряхивая крепдешин.

— Нет, вы извините за то, что я вам хочу сейчас сказать. Конечно, у парнишки не было родителей с высшим образованием, чтобы тонко его воспитывать. В ранние свои годочки он не в кружевной коляске спал, а на соломе в партизанском блиндаже. На

пианино его тоже не учили играть, а вот минную музыку он слышал. Если ему грамматика трудно дается, так на то вы и поставлены, чтобы он ее одолел. А чтобы он задумывал какую-нибудь грубость или зло имел против вас — в это я ни за что не поверю. Он ко всем взрослым уважительный, а к учителям вдвойне. На вашу директоршу Софью Борисовну только что не молится!

Именно этого не следовало Ивану говорить. Леокадия нервно встала:

— Ну, а я не удостоилась. Где уж там — я не партизанская героиня. Впрочем, я и не ожидала встретить понимания в вашей семье.

Она удалилась, а разозленный Иван бросил сестре:

— Не знаю, чья она сама героиня, но что несет от нее шляхетским гонором, это я чую.

Вот такие эпизоды из жизни Варфоломея передала Паша своему гостю. Слушал он с увлечением. Может, потому, что вспоминалось многое похожее из собственного детства. Конечно, в блиндажах он не жил и свиста мин не слышал. И родители у него как раз были с высшим образованием да и к тому же учителя, так что почтение к данному сословию он испытывал, что называется, по нескольким каналам. Но попадались и ему малосимпатичные педагоги. Например, Лешка замечал еще с шестого класса, что его друг Платон Ложкин находится в явной опале у преподавателя физкультуры Викентия Антоновича. Платон был парень сильный и ловкий и на зависть всем умел сделать опорный прыжок через коня с сальто-мортальным соскоком. Но больше четверки он на уроках гимнастики сроду не получал по маловразумительному мотиву, что «так не положено». А на лыжных соревнованиях учитель однажды снял Платона с дистанции под тем предлогом, что тот будто бы срезал поворот, хотя Лешка шел за другом лыжа в лыжу, и они вместе миновали контрольный пост. Никакие заверения не помогли, и Платон лишился призового места.

— Слушай, Платон, где ты дорогу перебежал Викентию? — напрямик спросил Лешка.

— Да не я, а батя, — угрюмо пояснил друг. Оказалось, что его отец — грузчик судовой — и «физкультурник» вместе по субботам встречаются в бане, а там обязательно борются перед парилкой. Мальчики уговорили добродушного грузчика хоть раз поддаться сопернику. На следующем уроке Платон получил пятерку за упражнение в вольных движениях, которые он, кстати, терпеть не мог, да еще услышал панегирик в свой адрес на тему, что сын достойно развивает атлетические традиции семьи. Одна-

ко вскоре грузчику надоело разыгрывать слабака, и на парня опять посыпались в спортзале придирки. В результате в аттестат была проставлена «четверка» по физкультуре.

— Память ему слегка пиджак? В силу семейных атлетических традиций... — задумчиво спросил Платон на выпускном вечере, разглядывая олимпийскую фигуру Викентия Антоновича.

Алексей отсоветовал:

— Да гнетет его собственная педагогическая совесть.

— Сомневаюсь, что гнетет, — вздохнул Платон. Вчерашние десятиклассники рассмеялись и предали забвению полуанекдотическую фигуру горе-учителя.

Но были конфликты и посерьезнее, когда очень глубоко проникла горечь в мальчишечью душу.

Литература — любимый предмет Алексея, и вела ее в старших классах беззаветно чтимая всеми ребятами Серафима Серафимовна. До нее Лешка знал Виктора Гюго по «Отверженным» и «Девяносто третьему году», «Собору Парижской Богоматери» и «Человеку, который смеется». Она открыла мальчикам Гюго — поэта. Она иногда пол-урока читала его стихи из циклов «Осенние листья», «Лучи и тени», его «Оды» и приглашала юных слушателей оценить тончайший лиризм, музыкальность, а также душевную нежность и чистоту человека — создателя этих шедевров. Алексей помнил, как Серафима Серафимовна, пожилая и суховатая вне урока женщина, прослезилась, читая стихи, посвященные поэтом трагически погибшей дочери. «Только человек с кристальным сердцем мог создать такие строки», — сказала тогда учительница.

Было это в восьмом классе. Но одновременно в десятом она факультативно вела литературный кружок для любителей западной литературы XIX века. Это могло им пригодиться при поступлении в вузы. Алексей однажды проник на занятия кружка. И что же он услышал из уст почитательницы Виктора Гюго? Она и здесь не отрицала его литературных заслуг, но клеймила как человека и гражданина чуть ли не последними словами, обвиняя в распутстве и скопидомстве, многократном политическом ренегатстве и нечистоплотности.

Алексей был ошеломлен: как может педагог искренне плакать над действительно великолепными стихами, а потом «поливать» их автора?

Горькое недоумение не исчезало, и он под разными предлогами перестал ходить на ее уроки...

Паша слушала Алексея и потихоньку вздыхала: она уже сама сейчас учительница, через месяц придется вести первый урок. Не

дай господи, если ей попадутся такие вьедливые ученики, как собеседник. Лучше бы он рассказал ей, как понимает настоящих педагогов.

— А сейчас я тебе поведаю об учителях — кумирах немеркнущих, — многообещающе сказал Алексей Паше.

— Лешенька... — конфузливо шепнула девушка. — А тебя не потеряют дома?

Он глянул на часы и ахнул: полпятого. Свинство беспардонное!..

ХОРУНЖИЕ ИСЧЕЗЛИ

Леокадия Болеславовна Могилевская не была ни бывшим, ни настоящим кумиром своих младшеклассников. Она сама это знала и не очень печалилась, что гурьба школьников не провожает ее до дому, а на учительском столе отсутствуют свежие цветы. Даже рада была, потому что искала одиночества в этой глухомани.

Что касается цветов, то она верила, что будут еще в ее жизни не чахлые ромашки и унылые астры из деревянных палисадников, а розы и магнолии, орхидеи и тюльпаны в изящных корзинах с атласными лентами.

Они уже были — эти роскошные подношения. Сначала в Вильне — от влюбленных хорунжих с блестящими саблями и мелодичными шпорами. Они скопом ходили за пышнокудрой гимназисткой панной Лёдей. В тридцать девятом она окончила гимназию и уже готова была подарить свое сердце одному из хорунжих. Но все они куда-то внезапно подевались вместе со своими шикарными конфедератками. Скоро на бульварах появились рослые парни в отутюженных гимнастерках с малиновыми петлицами. Они при встрече с задорными гимназистками вежливо прикладывали ладони к околышам круглых фуражек со звездочками, но цветов не дарили. Тем не менее Леокадия, отлично владевшая русским языком, попыталась очаровать одного светло-русого крепыша-танкиста с двумя кубиками в петлицах. Изредка он посещал Леокадию на частной квартире, где она жила с подругой в ожидании счастливого поворота своей девичьей судьбы. Такую компанию и застал однажды ее отец, приехавший из села проведать дочь. Он молчаливо дождался ухода лейтенанта и крепко потянул Леокадию между лопаток.

— С большевиками нюхаетесь?!

— Та-а-ту! — изумилась Лёдя. — А чем он плохой?

— Ты, дармоедка кудрявая, выгляни во двор, посмотри, на

чьих я приехал лошадях. На чужих! А наши все восемь штук голодранцы поотобрали, одного жеребчика оставили. Из полсотни моргенов пахоты сорок отрезали. И все с благословения большевиков.

...Леокадия любила свой богатый хутор, где росла до гимназии. Отец — белорус по национальности, но принявший при Пилсудском католическую веру — вошел в доверие к польским властям. Ему дали на откуп сплав леса по Неману, и за три года оборотистый мужик нажил на мозолях поденных сплавщиков немалый капитал. Приобрел после смерти осадника¹ его хутор, раскорчевал руками батраков лесную пустошь и пустил ее под лен. Но не ограничился землепашеством. Прибрежные воды Немана буквально кишели тогда раками. Деревенские хлопчики за час налавливали в подолы рубах по полсотни штук и тащили улов матерям в приварок к убогому обеду из надоевшей бульбы и ржаного хлеба с овсяными хлопьями.

Могилевский купил у гмины² за сто злотых монопольное право на вылов раков в течение трех лет. С той поры два километра берега принадлежали ему. Зачем ему понадобились раки? Вот за чем. Однажды приехал он в Варшаву, чтобы прощупать цену молотильного локомотива. Сделка с немцем — управляющим заводом — удалась, и пан Болеслав пригласил пана Транзе в «ресторацию».

Там метрдотель зычно воскликнул:

— Панове, имеем свежие раки с Вислы!

Немец плотоядно зажмурился. Болеслав Могилевский тоже с удовольствием рвал крепкими мужицкими зубами раковые клешни, а сам думал: «Почему с Вислы, а не с Немана? Только что далековато, но если отправлять по чугунке...»

Когда подали счет, он ахнул: десяток раков стоил целый злотый, поскольку они шли как изысканный деликатес. А злотый — это полпуда хлеба.

И вот полезли в студеную воду Немана десятки мальчишек. Полезли наперебой, даже очередь устанавливали между собой. Еще бы: Болеслав Иосифович платил хлопцам ползлотога за сотню раков. Выходит, четыре сотни — это пуд зерна в гминовской кра-

¹Осадник — отставной военнослужащий в буржуазной Польше, получивший от правительства за «особые заслуги» богатый земельный надел. Осадники являлись на селе опорной силой реакционного режима (прим. авт.).

²Гмина — сельская административно-территориальная единица в Польше.

ме! Ради такого заработка родители избавляли ребят от нудной пастьбы коров.

И никто не знал, что в Варшаве за каждую сотню раков на счет Могилевского столичные рестораны перечисляют восемь злотых. Правда, приходилось платить немалые деньги железной дороге за отправку живого груза в специальных бочках с водой. Но чистая прибыль все равно была один к четырем.

За три года владения раковыми берегами Могилевский отгрохал белокаменный дом под стать помещицкому. Из этого поместья и уехала в Виленскую гимназию «панна Лёдя». Именно панна — так круто оторвало ее отцовское богатство от обычных сельских девчат и хлопцев. Лёдя с головой окунулась в тщеславные интересы своих гимназических подружек: блеснуть на балу в городском магистрате, понравиться родовитому шляхтичу, найти, наконец, себе суженого среди блестящих офицеров доблестных польских легионов.

Но она и училась неплохо. Понимала, что ей надо сравняться в знаниях и манерах с дочерьми адвокатов и чиновников, коммерсантов и помещиков. Жила она на квартире у старой петербургской эмигрантки и от нее научилась говорить и писать по-русски. Читала в оригиналах Бальмонта и Гиппиус, Надсона и Северянина. Гимназические преподаватели научили ее правильно польскому языку и в достаточной степени немецкому, а ксендз — основам латыни. Один лишь язык не хотела знать Леокадия — родной белорусский, потому что это был язык «хлопов» и напоминал ей запахи бедных крестьянских дворов.

Сообщение отца о разорении семейной усадьбы она восприняла трагически: ведь только что пригласила двух подруг и трех симпатичных выпускников лица прокатиться в свое «имение».

— Но тату! — ахнула она. — Дом-то уцелел, свободные комнаты есть!

— Фигу с маслом не хочешь! Дом отбирают под школу для деревенских оборванцев, а нам с матерью сельсовет отдает в деревне ту самую заколоченную хатенку, где ты родилась. Вот что наделали твои большевики!

— Почему — мои?! — вскипела Леокадия. — Гимназисты, что ли, пустили их в Гродно и Вильно? А где хваленые легионы, где твой приятель пан полковник с толстым пузом, которому ты на рождество и на пасху по кабану дарил? Почему он не защитил твоё богатство?

¹ Крама — магазин, лавка (польск.).

— В Лондон драпанул ясновельможный пан, — огрызнулся отец. — Перевел туда капиталы и спокоен. А землю не переведешь. Слушай, дочка, что я тебе присоветую...

... Так Леокадия Могилевская вернулась в родное село и стала учительницей русского языка в семилетней школе, открытой как раз в их бывшем доме. «Хоть за ним присмотришь, — настаивал отец. — Авось ненадолго обосновалась эта батрацкая власть».

Приняли ее на работу без особых придиорок: кадров пока не хватало, а у нее солидное образование. Что из того, что отец был матерый кулак? Дочь за него не ответчица. Тем более что папаша по решению сельского схода был выслан Советской властью из здешних мест. От самой же Леокадии крестьяне плохого слова не слышали. Пусть учит детишек да кормит старенькую мать на свою наставницкую зарплату.

И она учила. А в ушах стояли отцовские слова. «Авось ненадолго эта батрацкая власть».

Меньше чем через два года пришли немцы.

АЙВЕНГО

Варька, Юзик и Петро правильным треугольником расположились на корточках вокруг младшего лейтенанта милиции Айвенго. Нет, не они нарекли добродушного сорокалетнего участкового именем славного рыцаря. Произошло это еще в партизанском отряде, куда приполз из лагеря военнопленных в кровь изодраный колючей проволокой младший сержант РККА Айсидор Венедиктович Горакоза.

— Кто же ты будешь по национальности с таким чудным именем? — спросил Иван Мойсенович.

— Украинец я. Закарпатский. Слыхал про такие горы — Карпаты?

— Я слыхала, — отозвалась Соня Курцевич. — Только зовут тебя больно сложно и длинно. Хочешь быть просто Айвенго — по первым слогам?

— Я фрицев хочу стрелять, а под каким названием, мне все едино...

Девять лет прошло с тех пор, а так и не отклеилось от закарпатского плотогона звонкое прозвище. До курьезов доходило дело: в собственном райотделе милиции, где он работал седьмой год, машинистка однажды так и отстучала ему справку: «Предъявитель сего мл. л-т Айвенго А. В. ...»

Жил он холостяком, потому что не захотел разменивать память о жене, погибшей в конце войны от бандеровской пули на родных полонинах. Побывал вчерашний партизан на ее могиле и вернулся в белорусский край — служить в милицию. Он и после войны сводил с фашистами счёты за жену и собственные лагерные муки, когда вылавливал ушедших в подполье гитлеровских прихвостней. Не щадил себя в рукопашных схватках, когда брали лесные бандитские ямы. Его геройство без слов подтверждали три медали «За отвагу». Но была и другая память о боях: в сырую погоду шевелилась под коленом пистолетная пуля, огнем горела резаная рана на левом плече. И казалось, не будет конца этой изнуряющей боли.

В мирной жизни Айвенго был флегматичным и не очень общительным человеком. Одной неизменной его привязанностью были мальчишки. Летние рассветы он встречал с удочкой на речной старице, вечерние зори проводил там же. И всегда с мальчишеским эскортом. Хлопцы зачарованно следили за каждым его движением и пытались постичь тайны рыбацкого счастья. Пока у них один окунишко клонет, Айвенго двух сазанов вытащит. У них и пескарь не берет, а участковый лещей тягает. Когда клев кончался, он собирал вокруг себя хлопцев и распределял свой улов среди неудачников.

— Берите-берите, а то батьки вас завтра вместо реки гусей пастки пошлют. Теперь соображайте, почему этот сазан сел на мою уду, а, скажем, не на твою. Потому, что я в тени куста лежал, а твоя тень, наоборот, сама на воду легла. Другой факт: ты всего червяка насаживаешь на крючок, и он у тебя через минуту уже дух испустил. Кому же охота глотать дохлую наживку. А ты делай вот так... вот так: чтобы он крутился.

Потому-то и было для мальчишек каждое слово Айвенго законом. Сейчас он осматривал своих трех друзей с высоты дворовой скамейки, а они смиренно сидели у ее подножья. Начинать разговор участковый не спешил. Вспоминал события сегодняшнего дня...

Дело в том, что дымок над лесом он и сам видел ранним утром, когда шел на рыбалку, и весьма заинтересовался. Самогонщиков участковый сразу отшел в сторону: знал он их наперечет и не верил, что кто-нибудь ползет на рожон. Отдыхающие? В будний-то день?

На два часа раньше Варькиного звена он побывал в ельнике. Видел круглое кострище. А вот медведя не встретил и яичную

скорлупу тоже просмотрел — это удача хлопцев. Зато после выхода из ельника он обнаружил на берегу нечто весьма любопытное.

...Младший лейтенант милиции не был следопытом-профессионалом и не кончал специальных учебных заведений подобного профиля. Но в юности он был неплохим охотником в родных Карпатских горах. Почти три года «партизанки» тоже основательно научили его замечать то, чего другие не видят. Ну, а шесть лет службы в милиции тем более дали многое. К тому же природные неторопливость и рассудительность. Впрочем, он не знал, что повторяет методику знаменитых детективов, когда действовал по принципу: а как бы я сам поступил в данной обстановке?

«Что бы я делал дальше?» — задумался Айвенго, обнаружив сегодня утром на прибрежном песке след мужской туфли. Не сапога, не грубого ботинка, а именно туфли — узкой и остроносой с довольно высоким каблуком. След шел прямо из воды. Может быть, человек заходил в нее просто помыть обувь? Но «входящих» отпечатков не было. Значит, обладатель модной обуви появился из реки, с мокрыми ногами. И, видимо, не только ногами, потому что речное дно здесь круто уходило вниз. Следовательно, человек брел или плыл по реке в одежде.

Итак, он был мокрый. До нитки. Что обычно делает человек в таких обстоятельствах? Спешит обсушиться. Можно, конечно, подставить бока летнему солнышку, но след-то явно ночной; если сейчас на часах Айвенго было только семь утра, а края отпечатков на песке уже подсушило ветром, то ясно, что пришелец выбрался на берег затемно. Значит, нужен был костер. Но на песчаной косе топливо не водится. Выручить должен был ближний лес. Туда и отправился неизвестный. Теперь понятно, откуда взялось свежее кострище в ельнике.

Так рассуждал Айвенго, осторожно крутясь на берегу у найденного следа. Чего он крутился? А на всякий случай. Пока он старался не задумываться, какая нелегкая занесла в реку, да еще ночью, человека в городских туфлях. Мало ли в жизни бывает самых неожиданных случаев. Ясно одно: если этот водолаз имел при себе какую-нибудь поклажу — ну, вроде рюкзака, — то он не потащил ее с собой в лес. Он мог попытаться нести груз, а когда напоролся на чащобу ельника, то должен был плюнуть и бросить поклажу у кромки леса.

«Лично я так бы и сделал, — развивал свою мысль Айвенго. — А дальше? Сразу бы, как обсушился, вернулся сюда за вещами? Вряд ли. У костра человека разморит от тепла, вчерашнего хмеля и

бессонной ночи, и он завалится где-нибудь похрапеть. Стало быть, есть смысл подождать, а пока поискать...»

Рюкзак он не обнаружил, а нашел под можжевельным кустом влажную полевую сумку из желтой кожи. В последнее время у городской молодежи стало модным носить такие сумки на ремне поверх разных там коверкотовых пиджаков и вязаных жакетов. Вместо портфелей, что ли.

Ясно. Пижон из города оказался вчера ночью на том берегу Немана и за каким-то чертом решил плыть на этот берег. Несомненно, с пьяных глаз; может, с дружками поскандалил, а может, перед девчонкой характер показывал. Что ж, подождет. Выспится и явится. Уж больно интересно: кого и по какой причине сюда занесло?

Но солнце поднималось, а никто не являлся. Может, парень плюнул на свое имущество и отправился в райцентр опохмеляться?

Айвенго решил заглянуть в сумку. Все соответствовало родившейся версии. В одном отделении лежало махровое полотенце, шелковые носки в шашечку, два носовых платка, мыльница, зубная щетка и зеркальце (ишь франт!); в другом отделении помещился сверток из вошеной бумаги, а в нем бутерброды с колбасой и яйца; в третьем находилось несколько фабричных наборов для ужения рыбы: на пластмассовых рубчатых пластинках намотаны прозрачные капроновые лески с яркими поплавками, грузилами и привязанными крючками. Такое богатство Айвенго видел впервые. Особенно его восхитили капроновые жилки. Заграничные, что ли? Нет, на пластинках стояли штампы: «Артикул 14—51. Минск. Промартель № 12. 9 руб.». Дешевка, а какое удобство. «Нам небось такое в продажу не дадут, — расстроился участковый. — Все кобылам дерем хвосты!»

Участковый от нечего делать пересчитал яйца. Девять штук. Значит, одно слопал: для круглого счета обычно берут в дорогу десяток. Крутанул яйцо на твердой сумке — не вертится, сырое. Значит, намеревался печь на костре. Удивительно, что яйца не подавились во время заплыва. Впрочем, скоро их придется выбрасывать: трехдневной давности, вон стоит розовый штамп «29.7», а при нынешней жаре...

Он не дождался владельца сумки, засунул ее снова под куст (зачем причинять огорчение загулявшемуся пижону?) и отправился в поселок.

Откуда ему было знать, что через пару часов в ельнике начнется мальчишеско-медвежий переполох и на опушку выскочит тот, кого он напрасно высматривал, а потом выбредут из леса чумазые и измученные, взбудораженные встречей с топтыгиным членом Варькиного звена...

АЙВЕНГО И ГЕОМЕТРИЯ

Когда в девять ноль-ноль он доложил начальнику о дымке над лесом и, как следствие, о найденной сумке, майор недовольно пожевал губами:

— Дело-о! Обнаружил какого-то пьяного дурака... Ладно, покажи сумку.

— Но, товарищ майор... я ее на месте оставил.

— Ч-чего? Ты случайно не переутомился в смысле соображения?

— Так ведь вернется парень — искать будет. Ему и пожевать нечего перед отправкой в город. Одним яйцом сыт не будешь.

Начальник уже не хлопал губами, а железно их стиснул и минуты две пронзительно глядел на участкового. Наконец спросил хриплым голосом:

— Каким еще яйцом?! А ну, доложи, что было в сумке!

Айвенго доложил. Когда он дошел до рыболовных лесок, майор побледнел и рванул телефонную трубку:

— Товарищ подполковник! Разрешите срочно зайти к вам с нашим сотрудником младшим лейтенантом Ай... Горакозой.

Они почти бегом пересекли улицу от райотдела МВД до райотдела МГБ, и там младший лейтенант услышал такое, что ему и присниться не могло.

Вчера еще он был в отпуске и лишь сейчас узнал о самолете без опознавательных знаков. Но не это кинуло его в холодный пот, летали и раньше. Однако ему прочитали (возможно, и не полностью) документ, полученный из вышестоящей инстанции: «Агент-парашютист может также быть снабжен миниатюрной радиоаппаратурой новейшей конструкции, рассчитанной на разовую передачу краткого сообщения о своем местонахождении. Передатчик может быть вмонтирован в конфетную обертку, сигаретную гильзу, яичную скорлупу и т. д. и поэтому после использования мгновенно уничтожен, что затрудняет обнаружение вещественных доказательств».

«Все. Под суд!» — почти хладнокровно подумал Айвенго.

«...Для приведения микроаппарата в действие и подачи разового сигнала-импульса достаточно раздавить в ладони его упаковку. В качестве антенны используется специальная проволока, замаскированная под капроновую рыболовную леску, натягиваемую для ускорения действий радиста в одном направлении на небольшой высоте, горизонтально, на расстояние от трехсот до трехсот пятидесяти футов. Антенна обеспечивает работу передат-

чика на волне... а затем самоуничтожается (плавится от искры в передатчике)...»

«Не просто под суд, а под трибунал, — отрешенно подумал участковый. — Полюбовался городскими удочками, добрая твоя душа!»

Но подполковник смотрел на него как-то странно. Чуть ли не с улыбкой.

— Что, Айвенго? Маетесь? Мечтаете о ковре-самолете, чтобы мчаться назад и успеть захватить сумку, а может, и ее хозяина. Так?

— Так точно!

— Ну и не надо. Вы все правильно сделали. Если владелец сумки действительно агент и если он вас видел, то очень хорошо, что вы были в гражданской одежде: он ничего не заподозрит. Попался, мол, дядька в чужом имуществе и по-честному оставил его в покое. А если он вас все-таки не видел, что более допустимо, то совсем хорошо. Сумка на месте, агент будет спокойно продолжать свои действия и выходить на связь еще... Сколько раз, товарищ младший лейтенант?

— Девять, товарищ подполковник! — К Айвенго вернулся дар соображения.

— Именно так. И мы всегда сможем...

— ...взять его с поличным.

— Не спешите, товарищ Ай... э-э... младший лейтенант. Мы всегда сможем следить за его передвижением, поскольку уже знаем длину волны передатчика. — Подполковник щелкнул ногтем по телеграмме на столе. — Это если не засечем, так сказать, визуально. В любом случае хватать за шиворот его рано: он же к кому-то пришел, кого-то ищет, что-то собирается делать. Надо знать, кого и что... Но прежде всего необходимо убедиться, что ночной пловец действительно тот субъект, который нам интересен. Сумеете это доказать, товарищ младший лейтенант? С помощью полученных вами здесь дополнительных сведений...

— Так точно, — обрадованно подтянулся Айвенго. — Разрешите вопрос: триста этих футов — сколько будет метров?

Подполковник улыбнулся:

— Эге, да я вижу, у вас уже и план какой-то есть. Будет примерно сто метров. Желаю удачи!

О походе мальчишек в лес Айвенго узнал от Петра, к отцу которого шел, чтобы попросить назавтра его плоскодонку. Узнал и испугался: а не испортили ли шустрые хлопцы чего-нибудь в лесу? Но рассказ о встрече с «двумя» медведями его только убедил,

что там в самом деле был чужой человек, а сбереженная Петром крохотная скорлупа и вовсе обрадовала. Пока хлопцы собирались по его вызову, Айвенго успел доставить находку туда, где он уже был утром. Скорлупу обследовали. Она оказалась остатком вполне натурального яйца, но внутри не обнаружилось ни малейшего признака белка или желтка.

— ...Ребята, прикиньте, сколько примерно будет метров от костра до места, где лежала скорлупа?

Хлопцы зашевелили мозгами. Задача оказалась не из легких, и Варфоломей стал рассуждать вслух:

— Значит, так. Шли мы цепочкой, через двадцать метров или около того. Василь от меня справа, Петро, через Юзика, слева. Выходит, от костра до Петра было... метров шестьдесят. Так, дядя Айвенго?

— Да, но не между костром и скорлупой. Вы же не сразу обнаружили то и другое, Петро после костра еще продвинулся вперед. На сколько?

Хлопцы опять поникли головами и зашевелили губами. Вот где оказалась нужна арифметика! На сколько же метров уполз этот Петро, пока не закричал удодом? Прибрежной опушки они достигли примерно за три часа. А это три километра — измерено по просеке. Средняя скорость получается километр в час. Удод ухнул после синицы минут через пять. Тысячу метров требуется разделить на шестьдесят минут — получим скорость движения: примерно шестнадцать метров в минуту. Затем их надо умножить на пять минут...

— Дядя Айвенго, получается восемьдесят метров, — почти одновременно возгласили трое следопытов.

— Спасибо, грамотеи, но вы опять посчитали не то расстояние. Костер-то от Петра оставался наискосок.

Ребята растерялись — а ведь действительно, круглое кострище ушло куда-то вбок. Но как рассчитать эту третью линию, они попросту не знали: в четвертом классе геометрию не проходят.

— Ладно, хлопцы, я хоть и в зрелом возрасте кончал вечернюю десятилетку, но помню, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов...

Он нарисовал пальцем на песке прямоугольный треугольник, расставил по его коротким бокам цифры «60» и «80» и тоже зашевелил губами. Ребята глядели на Айвенго с глубоким почтением. Через пять минут он встал и торжественно поднял испачканный в песке палец:

— От костра до скорлупы было сто метров. Что мне и требовалось доказать. Очень требовалось, хлопцы вы мои дорогие!

— А зачем, дядя Айвенго?! — мальчишки тоже вскочили на ноги.

...И сказать им было нельзя, и отправлять разочарованными жалко. Он нашел мудрое решение: попросил их наловить к утру как можно больше божьих коровок, снять со своих удочек грузила, явиться на берег в пять ноль-ноль. Тогда он им кое-что покажет. А сейчас — бывайте здоровы!..

Веселее жить, когда впереди ожидается что-то интересное. Но и о делах забывать нельзя. Раз Юзиков батя просит помочь бригаде, надо помочь. Тогда появится в летнем дневнике звена одна выразительная запись: «2 августа 1951 года. Пионеры звена № 2 обеспечили горячей пищей жнецов колхозной бригады в количестве...» Вообще-то записей в коричневой дерматиновой тетради скопилось за лето уже немало. Были и такие: «Звено вытащило из болота телушку, которая тонула, которую пас безо всякого розума первоклассник Тихон Мозоль. Матери не сказано». Или: «В школу грузовик привез торф, шофер покидал у сарая не весь, а увез к себе на двор. Ночью доставлено к школьному сараю 14 ведер. Собаку кормили салом, которое принес Микола».

Вот последняя запись: «Копали у старой бани червяков, нашли ящик, похоже, железный, а что в нем, пока не знаем».

Содержательно жило звено.

БУДНИ

Вершинины обитали втроем в кирпичном трехкомнатном доме. Кроме комнат была кухня и застекленная веранда. Софья Борисовна немного конфузилась: «Вроде бы и многовато для нашей семьи, да у прежнего секретаря было шесть душ, а домик достался нам как бы по наследству, когда того в область перевели». Зато четырехлетняя Лялька нисколько не смущалась излишками жилплощади. Ей было даже маловато пространства для лихих гонок на трехколесном велосипеде. Сшибая по дороге стулья, она гоняла из кухни через прихожую на веранду, преследуя ошалелую кошку.

— Катись, Лялька, на двор! — умоляюще сказала мать.

— Не хочу! Там песок. Там колеса бускуют.

— Надо говорить «бускуют».

— А мне так легче. Это ты говори правильно, раз учительница, а я еще маленькая.

Софья Борисовна ахнула и дернула дочь за ухо. Лялька выдержала. Нахально спросила:

— А если я тебя так? Только ты, пожалуйста, нагнись...

Алексей хохотал на диванчике. Племянница приблизилась к нему, понаблюдала и изрекла:

— Ты глупый, да? Ничего тут смешного нет, а сплошная таргедия. Моя мама самая высокая из всех садиковых мам, а выродила меня самую коротенькую в группе.

В комнате Дмитрия зазвонил телефон. Алексей сгреб Ляльку под мышку и пошел туда.

— Дмитрий Петрович? — осведомился далекий голос. — Могу доложить, что первый обоз с хлебом...

— Нет, это Алексей Петрович. Так что передать ему?

Трубка замолчала, потом громко хмыкнула:

— Гы-ы! Что еще за Алексей Петрович? Ты Димин брат, что ли? Тот самый? Ну с приездом. Это Иван говорит, Иван Григорьевич Мойсенович. Не забыл?

Алексей сказал, что не только не забыл, но и сегодня целых полдня вспоминал его с Пашей. В ответ он услышал настоятельное приглашение пожаловать в воскресенье в колхоз на какие-то «дожинки». Конечно, с братом и Соней. А за Прасковьей и Варькой он бричку пришлет. Еще Алексея попросили передать секретарю райкома, что первый обоз с зерном нового урожая нагружен и с рассветом отправится на приемный пункт.

— Ольга, ты не знаешь, что такое «дожинки»? — спросил он племянницу.

— Нет, я не знаю, что такое «донжики», мы в садике еще не проходили. Зато я знаю слово ин-тер-тан. Это такая школа, когда дети не ходят домой спать, потому что далеко живут. Скоро у мамы в школе будет этот самый ин.

Соня сказала, что интернат и правда будет, а «дожинки» — это праздник последнего снопа, когда кончают жатву хлебов. В Красовщине нынче собираются праздновать широко, потому что получили самый высокий урожай в районе. А вообще-то в районе положение сложное: комбайнов в МТС мало, а колхозные жатки старые. Приходится, как и раньше, пускать в ход серпы и косы. Да еще портят людям настроение всякие слухи будто бы о близкой войне. Кто распускает слухи? Мало ли осталось разных подкулачников.

— Ну, это уже называется антисоветская агитация! — возмутился Алексей. — Существует уголовный кодекс!

— Э, Лешенька, не так-то все просто. Чаше это называется — за что купил, за то и продаю. Один слышал от другого, тот от третьего, а третий в костеле. Вот-вот, в костеле! Ксендз, бывает, разражается такой проповедью, что вроде и придраться не к чему, раз-

глагольствует себе о священном писании. Потом на латинские изречения перейдет, и получается еще звонче. А потом слухи... У тебя, кстати, как с латынью?

— Если бона фидэ, то есть чистосердечно, то пока грессо мо-до — знаю весьма приблизительно. Только один курс за плечами. «Гаудеамус игитур»¹, конечно, поем.

— Ну-у! — восхищенно протянула Соня. — Да ты уже почти Цицерон. Знаешь что: дам я тебе кусочек латинского текста вперемешку с польским. Это отрывок из недавнего выступления ксендза. Переведешь?

— Но я же польский — ни в зуб.

— Польский я сама знаю, ты латынь расшифруй.

— Дай... А для кого ксендз такие проповеди чешет? Кто ее понимает, эту латынь?

Соня объяснила, что «переводчики» находятся. Воскресная проповедь в храме — это, так сказать, парадное выступление римско-католического пастыря, и неважно, что он изъясняется непонятно для слушателей. В каждой деревне у него есть помощники — члены костельного совета, которые получают от ксендза копии проповедей на понятном всем языке. Они-то и доводят до сознания верующих истинный смысл речений ксендза. Доводят по вечерам, при закрытых окнах, без «посторонних». Вроде бы никакого нарушения законов, а наутро у колодцев — шу-шу-шу: «Вось завчора пан ксендз говорил...»

— Так, а чего вы прямо не скажете ксендзу: не пыли, не темни, укороти язык, раз живешь на советской земле и с нее кормишься?

Оказалось, что опять же не получается лобовая атака — ксендз получает жалованье из епархии за рубежом. Хотя, конечно, главный (и немалый, ох немалый) его доход составляют «доброхотные даяния» верующих... Так просто ксендза и его помощников не прижмешь, тут людям долго разъяснять надо. Потому Митя и является домой только к ночи. Да и все коммунисты так: переночевал — и снова в деревни, втолковывать людям, где правда, а где провокация. В общем, нелегкая у райкомовцев жизнь, Лешенька...

— У тебя, наверное, тоже.

— Тоже, но веселее: дети есть дети... Хотя — полюбуясь: се-деть начинаю в тридцать лет.

Не удержалась Софья Борисовна, рассказала гостю кое-что о своих бедах, после которых хочется ей проклинать эту директорскую должность. Ладно бы только заботы о ремонте, топливе да

инвентаре. Двоечники тоже явление не смертельное, потому что временное. А вот как быть со всеобщем? Каждый апрель, едва пробьется первая травка, на уроках в четвертых — седьмых классах нет половины учеников. Оказывается, коров пасут. Вызывают мать. Является в учительскую и... на портрет Крупской: «Слава пречистой деве Марии... А кто же скотинку попасет, как не моя Катерина, если деревенский пастух в колхоз подался. Не уйдет учење-то. Ну дык што, што экзамен. В осень сдаст».

Вызывают отца, и тот крестится уже на портрет Макаренко: «Слава Иисусу... О господи, что это у вас Спаситель в окулярах? Ах, не он? Эге: вот этот, значит». Кладется поклон перед Ушинским. А потом — осточертевший рефрен:

— Не-е, не-е, и не говорите, товарищ директорша, не пушу сразу Ванечку в школу. Закон нарушаю? Какое же нарушение, если парень целую зиму ходил к вам. Штраф? А нехай — мусить, дешевле обойдется, чем корову загубить без зеленого корма.

В конце концов райком помог: обязал председателя колхоза выделить общее пастбище для частного скота и двух пастухов, но трудодни им начислять за счет владельцев буренок. Опять нет согласия: «Дорого! Пастуху, который был от общества, поставишь шклянку первачу, он и не заикается о чем другом, а тут — кровные трудодни. Ванька мой обходится куда дешевле — сунешь кавалак хлеба да яйцо — и вся зарплата, а самогонку он по малолетству еще не пьет».

— Вот так-то, Леша... — вздохнула Соня. — Но почему ты меня не обругаешь, что пичкаю гостя всякими печальями? Больно тебе интересно... погоди, с минуты на минуту принесут свежее молоко, будем ужинать. Не дожидаться, наверное, Митю...

МИНОИСКАТЕЛЬ СПОКОЕН

Молоко принес конопатый Юзик. Парнишка был причесан, в свежей ковбойке и вообще настолько степенен, что Алексей не узнал сначала пацана, который ругался утром с Варькой.

— Вечер добрый, Софья Борисовна. Здравствуй, Ляля. Держи ящерицу, только пересади ее в другую стеклянную банку, побольше, и мух туда напусти.

Девочка задохнулась от восторга, а Соня сказала, принимая глиняный кувшин:

— За молоко спасибо, ящерица — это лишнее, а вот почему ты не поздоровался с нашим гостем?

— Мы здоровались. Утром, у Варфоломея.

¹Начало старинной студенческой песни (лат.).

— Вот как... Деньги за молоко тебе сейчас отдать?

— Мать говорит — в конце месяца, больше скопится. Как раз мне на книжки пойдет.

— Видал?! — Софья Борисовна возмущенно повернулась к Алексею. — Десять раз толковали родителям, что дети партизан и инвалидов получают учебники бесплатно. Не верят! В прошлом году выдали некоторым костюмы за счет фонда всеобща, а назавтра пришли ко мне мамыши-папаши, сколько стоит и кому нести деньги. Иосиф, у тебя же отец сознательный, бригадир!

Юзик шмыгал носом. Отец-то сознательный, а вот мать... Все вспоминает, что «за польским часом» учитель требовал деньги даже за мел, которым пишут на доске. Говорит, что не может долго держаться такая власть, которая столько делает для людей бесплатно. Капиталов, говорит, у нее не хватает. Батя кулаком стучит: «Цыц, подпевала ксендзовская!», а она встанет на колени и крестится у иконы: «Пресвятая дева, сохрани и продли светлые денечки Советов, дай народу дольше подышать полной грудью». И опять сцепятся с отцом.

Как-то неохота обо всем этом здесь рассказывать. Тем более что есть дело поважнее.

— Софья Борисовна, мне звено поручило поговорить с вами. Один на один только...

— Ну и говори. Леша не чужой, а Ляльку я сейчас спать отправлю.

— Еще чего! — раздалось из кухни. — Ярещица спать не хочет, она вниз головой бегаёт в банке.

— Софья Борисовна, — продолжал Юзик, — вы минером в партизанах были?

— И минером, и учительницей, и санитаркой. Чего тебе на ночь глядя война вспомнилась?

— Не война, а мины. Выходит, вы в них разбираетесь. Так вот, слушайте...

Юзик рассказывал обстоятельно и неторопливо.

Записи о железном ящике, которая появилась в дневнике звена, предшествовали некоторым событиям. Мальчишки вышли на заброшенную баню в поисках особо породистых червей для рыбалки. Вокруг хлипкого черного домика гнила многолетняя куча слежавшейся соломы. Именно под такой соломой водятся яркие красные и необычайно подвижные червяки. Юзик в этом сам недавно убедился.

В сумерках он возвращался со своей коровой из стада и пошел

не проселком, а свернул на луговую тропинку. Она огибала зеленый островок ольховника и лозняка, где на возвышении и стояла закоптелая банька. Оттуда спускалась мужская фигура. Юзик узнал глухонемого старика Дударя, тоже заядлого рыболова и главного конкурента Айвенго на рыбалке.

Жил Дударь одиноко на заброшенном хуторе в километре от поселка. От всего хуторского хозяйства там осталась вросшая в землю хатенка с половиной соломенной крыши, но ее, видать, хватало бобылю. Из обычной крестьянской живности он держал одну лишь черную козу, которую сам доил. Иногда он появлялся в райцентре, продавал на базарчике козий сыр и вяленую рыбу, покупал хлеб, махорку, керосин и снова исчезал на своем хуторе, а вернее, на берегах Немана.

Рыбачил он и зимой, к великому удивлению местных мужиков и мальчишек, поскольку о подледном лове здесь раньше не слышали. Как большинство глухонемых, был нелюдим и мрачноват. Мальчишек близко к себе не допускал, и подсматривали они рыбацкие секреты на расстоянии — летом из-за кустов, зимой из-за сугробов. Главное, чтобы Дударь их не увидел, а орать от восторга можно было сколько угодно, все равно не услышит. Это случилось, когда Дударь размеренными движениями выбирал на лед или берег леску с метровой шукой на крючке. Мальчишки разносили в поселке весть о пойманной фантастической рыбине, и в следующий базарный день женщины райцентра поджидали Дударя. Мечтой каждой хозяйки было уязвить соседку воскресной фаршированной шукой невиданного размера.

Дударь никогда не торговался, да и не в состоянии был из-за немоты, а молча поднимал чугунные пальцы: три — тридцать, пять — пятьдесят рублей и так далее. Это было недешево, но если покупательница растопыривала в ответ меньшее количество пальцев, старик равнодушно отворачивался от нее. Рыночных конкурентов, которые могли бы сбить цену, он не имел и потому обязательно получал в конце концов запрошенную сумму. Отдавая проданную рыбу, он непонятно дудел, что можно было в равной степени воспринять и как «кушайте на здоровье», и как «чтоб тебе костью подавиться!».

Была ли это фамилия — Дударь, или так прозвали его за гулкие горловые звуки, мальчишки не знали. Он был не местный, а откуда-то с верховьев Немана и появился здесь после войны через несколько лет. Поговаривали, что были у него когда-то семья и дом, но немцы угнали глухонемого на земляные работы — позарились на его диковинные мускулы, а вернувшись, он нашел на преж-

нем месте обгорелые бревна и кости. Так он изложил крупными каракулями местным властям свою биографию.

Кочуя вниз по Неману со своим рыболовным скарбом в поисках пропитания и немудрящего заработка, Дударь добрался до здешнего поселка и бросил якорь. Документы какие-то у него были, и в сельсовете его прописали без проволочек. Там же порекомендовали бобылю-горемыке занять пустующий хуторок. Секретарь сельсовета сказал будто бы так:

— Вроде бы не тунаядец, а по социальному положению соответствует графе «кустарь-одиночка». Хай живе...

С той поры и бродил по речным берегам хотя и нелюдимый, но безобидный старик Дударь. Сейчас он нос к носу повстречался в сумерках с Юзиком. В одной руке у глухонемого была жестяная банка из-под тушенки, в другой саперная лопатка. снаряжение, понятное каждому рыбаку. «Вон он где наживку берет, глухой дьявол! — сообразил хлопец. — У нас под боком, а мы не догадались!» Однако кепку хлопец снял уважительно, как положено перед старшим. Похоже было, что Дударь немного растерялся. Он затоптался на тропинке, но потом щелкнул пальцем по банке и поманил Юзика, явно приглашая его взглянуть на содержимое. «Правильно, — подумал Юзик, — что уж тут таиться, раз я все равно тебя накрыль».

Было темновато, но Дударь крепко затянулся сигаркой, и при свете ее стал виден в банке большой клубок шустрых красных червяков.

— Ого! — сказал Юзик и поднял перед носом Дударя большой палец в знак одобрения. — Там? — протянул руку к бане.

Отпираться было бесполезно, и глухонемой покорно прогудел: «До-до, д-даб д-д...» Юзику пришло в голову попросить у старика лопату и сейчас же накопать червяков. Завернуть можно в лопухи, а корова подождет. Как мог, он объяснил свое намерение. Дударь понял и стремительно замотал головой. Он показал на небо, потом на землю, потом закрыл ладонями глаза: уже темно, ничего не видно. Юзик согласился: ладно, накопаем завтра, и они мирно расстались со стариком.

Но не согласился Варька:

— Дубина ты, мы же опоздаем утром на клев. Сейчас надо идти. Там же солома, в жгуты скрутим — знаешь какие получаются факелы!

Позвали Петра, взяли саперную, давно испытанную лопатку и отправились к бане. Червей добыли быстро — полную литровую банку. Но Варька пожадничал и копнул глубже. Лопата звякнула

о металл. Немедленно зажгли новые факелы. При свете их раскопали квадратный металлический ящичек.

— Ну его, — сказал Петро. — Может... это самое. Мало, что ли, хлопцев подорвалось...

— Мина у бани? — усомнился Юзик.

— И очень может быть. Фрицы набились туда помыться, гуляют себе голые, а партизаны подобрались и заминировали. Те выйдут наружу и — ба-бах! — с легким, значит, паром...

— Ну, разбабахался, — нахмурился Варфоломей. — Не похоже сочиняешь. Легче было баню гранатами закидать... Ладно, трогать эту штуку все равно не будем. Надо посоветоваться.

— С Айвенго? — догадался Петро.

— Можно, но надо сначала с Софьей Борисовной посоветоваться. Она говорила: о всех ваших летних делах докладывайте мне. К тому же она по минам специалист получше Айвенго.

Снова закидали ящик землей и соломой, спрятали в кусты обгорелые факелы. Вроде и не были здесь. На обратном пути Варфоломей задумчиво спросил Юзика:

— Интересно, а не видел этот ящик Дударь?

— Не похоже, — раздумчиво отозвался Петро. — Если бы видел, то упер бы с собой. Он мины не побоится, а, наоборот, подумает: пригодится рыбу глушить.

— Ладно... Ты, Юзик, каждый вечер молоко носишь Софье Борисовне. Вот и расскажи ей об ящичке.

Уснула Лялька в соседней комнате. Носится ящерица внутри стеклянной банки. Озабоченно смотрит в открытое окно Алексея — черт-те что за край: железные ящики в земле, неуловимые дымки над лесом, самолеты без опознавательных знаков... Нелегко здесь живется брату Мите...

Размышляет и Соня. Потом говорит:

— Ты молодец, Бородич, что сообщил мне. Когда, значит, вы были у бани?

— Да, выходит, ровно сутки назад.

— А чего же с самого утра не прибежал рассказать?

Елки-моталки! Ну как объяснить, что у хлопцев на счету каждая минута длинного и вместе с тем поразительно быстротечного летнего дня. Рассвет их застал на рыбалке, как застанет и завтра, — это уж закон. В это время в домике Вершининых еще спят — не идти же будить ради какого-то ящичка. Потом была чистка рыбы, поскольку мать отказывается колоть пальцы об ершей с мизинец ростом. Потом — лесной поход. Взбучка за майку, разго-

вор с отцом, длинная встреча с участковым, беготня за коровой, наспех выпитая чашка парного молока, а тут и вечер.

— Ну ладно, — сказала Софья Борисовна, догадавшись по недовольному вздоху о ходе мыслей Юзика. — Ты еще посиди, а я позвоню...

Соня позвонила своей коллеге, муж которой служил в военкомате, он носил на погонах скрещенные топоры. Бывший сапер.

— Люда, ты можешь срочно прислать ко мне своего супруга?

В трубке хохотнули.

— А что это он тебе понадобился?

— Не хихикай, серьезное дело! Пусть захватит миноискатель.

— Ч-чего?!

Соня положила трубку, а через четверть часа тщедушный Юзик Бородич, коренастый мужчина в потертом офицерском френче и Софья Борисовна шли к окраине поселка. Алексей остался дожидаться брата. У дома Мойсеновичей Юзик затормозил:

— Надо Варьку взять, Софья Борисовна.

— Может, все звено будешь собирать? Чем нас меньше, тем лучше...

Но капитан поддержал хлопца:

— Он прав. По уставу так полагается. Беги за своим старшим начальником.

К бане подошли вчетвером. Мальчишки с ходу показали край соломенной кучи, где вчера обнаружили ящик. Быстро разрыли солому. Капитан надел наушники, включил звуковой индикатор, повел по земле рамкой искателя. В наушниках не раздалось ни звука. Тогда при свете фонарика разрыли верхний слой земли.

Ящика не было.

— Хлопцы, он вам не приснился? — раздраженно спросил капитан, сматывая свою аппаратуру.

— Одному может присниться, но не двоим, — справедливо заметила Соня. — В общем, ясно, что опоздали. Вы хоть запомнили, какой он сверху? Крышка ржавая?

Ребята переглянулись. Нет, они ясно помнили, что крышка была чистая, глянцево-черная. Значит, не с войны лежал здесь ящик.

ЯЗЬ — РЫБА КАПРИЗНАЯ

Ребята пришли на берег ровно в пять. Айвенго обещал показать хлопцам, как можно без грузила добывать язей.

Солнце прогоняло с реки последний туман. Мальчишки слушали вступительную лекцию Айвенго.

— Из всех бдительных рыб язь самая осторожная, — вполголоса говорил участковый. — Он и сейчас нас слышит. Но не видит — мы в тени. А между прочим, у него в данный момент самый-самый утренний аппетит. И скушать язю хочется чего-нибудь свеженького. Не из тины на дне выкопать какую-нибудь сонную моллюску, а эдакое живое, завлекательное и чтобы поярче. Вот глядите на этот куст.

Ребята поглядели. По резным листьям красной смородины (она здесь очень точно называется «поречки») ползли какие-то красные жучки меньше спичечной головки. Айвенго продолжал:

— Это есть язюное лакомство наивысшей кондиции. Вроде как для вас шкварка со сковороды или, скажем, куриная ножка.

Непозавтракавшие хлопцы кто проглотил слюну, кто потрогал живот.

— Теперь глядите за мной, что я сделаю, и сразу глаза на воду.

Айвенго слегка тряхнул куст. Жучки посыпались в омут. Тут же на воде обрисовались четкие круги с точкой в центре. Точка появлялась на мгновение и сразу исчезала.

— В-вот, — удовлетворенно произнес лектор. — Видите, они поверху хватают жучков. Потому и грузила не надобны. Но смородинную крохотулю ты на крючок не насадишь, нужны божьи коровки — они побольше, но тоже красные, живые. Наблюдайте за моими действиями, а потом работайте самостоятельно, потому что я на службу уйду.

Участковый разматал свое четырехметровое ореховое удилище, отошел метров на семь вверх по течению, забрел по колено в воду и пустил по течению легкую леску. Видно было, как красная наживка вертится в светлой струе. Вот она дошла до омута, исчезла, а леска натянулась и звякнула по воде. Айвенго выскочил на берег, стал подтягивать удилище на себя. Называется это «выводить». Орешина согнулась, на руке рыбакова вздулись жилы.

И вот затрепыхался на серебряной от росы траве красавец язь. Сантиметров тридцати. Не меньше килограмма весом. С зеленовато-желтыми глазами, малиновыми плавниками и золотыми боками.

— Вот так! — прошептал Айвенго и кинул рыбину Варьке. — Держи для почина. Дальше действуйте сами, а мне пора в отдел. Запомните, что главное — тишина и маскировка, а клюет язь утром не больше получаса. Так что без толку долго тут вам торчать нечего.

Ребята с азартом принялись за дело. Но разве что-нибудь укрывается от взора мальчишек? Юзик обратил внимание, что участковый отправляется на работу не в синем форменном кителе, а в

старенькой ковбойке с засученными рукавами, в нечищенных кирзовых сапогах.

— Не на службу он пошел...

— На службу, — твердо возразил Варька. — У него «ТТ» с собой, карман оттопырен.

Айвенго действительно отправился не в отдел, но по служебной надобности. Прошагав по берегу метров триста, он нашел в затоке дощатую плоскодонку и, орудуя одним веслом, поплыл вниз. Туда, где в двух километрах река делала крутой поворот и погибала массив непролазного ельника.

Здесь Айвенго привязал плоскодонку к ивовому кусту, забросил для видимости две удочки и огляделся. Обычное утреннее безлюдье. Песок матово покрыт росой. А выше, на траве, ее капельки поблескивают мелким стеклом. Один поплавок косо пошел под воду. «Ну тебя к лещему, не до того», — отмахнулся Айвенго и выбрался на берег. Если кто за ним наблюдает, пусть думает, что у рыбакова появилась некая надобность.

Он вошел в ельник. Кострище нашел быстро. Отсчитал от него в обратном направлении, но наискосок, полтораста шагов и остановился. Где-то здесь лежала вчера яичная скорлупа. Сто пятьдесят шагов — это сто метров, то есть триста тех самых футов. Приблизительная длина антенны согласно той инструкции. Так ли уж бесследно антенна уничтожается?

Если человек, обсушившись у костра, начал там разматывать леску, то к чему-то он должен был ее прикрепить. Айвенго вернулся к костру и стал осматривать ветки на высоте вытянутой руки. Вскоре он обнаружил, что одна веточка дважды опоясана еле заметной серебристой паутиной. Паутинка как паутинка, но больно уж правильные витки.

Участковый чуть дотронулся пальцем до спиральки. Оказалось, что это даже не паутинка, а пылеобразный налет нитевидной формы. От прикосновения он начисто рассыпался.

Если антенна тянулась отсюда, то другой конец должен быть где-то у скорлупы. Айвенго снова побрел туда сквозь чащу и в одном месте, где среди вереска была небольшая песчаная проплешина, увидел сразу два следа остроконечных туфель. Направлены они были к костру. Глубоко вдавлены в песок каблук. «Зачем этого типа обратно-то понесло?» И вдруг Айвенго понял: разматывая леску, человек шел задом наперед. Он должен был следить, чтобы антенна не легла на землю, а повисла на деревьях...

Обнаружил Айвенго и веточку, на которую в последний раз

была накинута леска. В последний — потому что дальше конец, естественно, уходил в передатчик. То бишь в данном случае в яйцо.

Итак, все сходилось.

Айвенго представил себе, что было затем. Агент раздавил яйцо, аппарат сработал и передал в безбрежный эфир мгновенный сигнал-импульс: «Я на месте». Или: «Все в порядке». Или: «Приступаю к работе».

Потом ночной визитер забросил куда-нибудь остатки крошечного аппарата (интересно, что они из себя представляют?), однако обронил в темноте скорлупу. Потом он отправился... Куда? Скорее всего решил выспаться. Поспал до солнышка и вдруг увидел рядом с собой медведя. Оба перепугались и кинулись в разные стороны. Косолапый в довершение всего перепугал ребят. Впрочем, неясно, от чего больше запаниковал неизвестный. От встречи с мишкой или от нашествия голосистой ватаги хлопцев. Конечно же, ему нельзя было встречаться с людьми. Теперь он стремился как можно быстрее выбраться из чащи на берег, к своей сумке, которую и нашел на прежнем месте...

Так рассуждал Айвенго. И, судя по всему, рассуждал правильно, потому что через пять минут убедился: желтой сумки под кустом нет.

Куда же «гость» направился с берега?

«Кто-то же его ждет» — вспомнил Айвенго слова подполковника. Безусловно, искать следы агента сейчас надо было ближе к райцентру.

ПАТЫНЬ НЕ ДЛЯ РЕЦЕПТОВ

В это утро Алексей проводил брата до райкома и собрался вернуться к Мойсеновичам, но сообразил, что рано. Паша, видимо, управляется по хозяйству, и незачем ее смущать. Может быть, сгрести себе в компаньоны по прогулке Варфоломея? Но он, наверно, ходит у сестры в помощниках. В общем, бездельнику в будний день довольно тошно среди занятых людей.

Алексей прошелся от площади, где разместились районные учреждения и Дом культуры, потом по главной улице поселка. Аккуратные новые домики из кирпича и блоков вместо дряхлых приземистых хат, которые стояли шесть лет назад. Детский садик с веселым гомоном. Где-то здесь забавная племянница Лялька. Музыкальная школа — отсюда несутся нудные гаммы. Двухэтажная средняя школа в ремонтных лесах — вот куда кладет свои недужинные силы Софья Борисовна Курцевич.

Стоп, Лешенька! Ты же, лодырь, обещал Соне сделать перевод ксендзовской проповеди! А ну, за работу, оправдывай утренние драники, как здесь забавно называют картофельные блины. Не забудь бы захватить их рецепт для мамы...

Где пристроиться для творческой работы? В конце улицы зеленел живописный холм, а на нем возвышался массивный костел. Две его остроконечные буро-красные башни вонзались в небо. Тень от костела покрывала весь холм и выходила на улицу. Алексей усмехнулся: тут тебе и карты в руки. Он расположился на мягкой мураве — конечно, не у парадного входа, а под сенью древних кленов. Достал из пиджака выданный Соней оригинал, из заднего кармана брюк извлек блокнот.

— Н-ну-с, приступим... Ад хоминэм — это понятно: взываю к чувствам людей. Допустим. Что дальше?.. Черт, словаря нет с собой. Ладно, как-нибудь...

Дальше шли катехизисные рассуждения о бренности всего земного, о тщете мирской суеты и неизреченной милости всевышнего. Недавно Алексей ездил с друзьями в Загорск под Москвой полюбоваться шедеврами русского храмового зодчества. Экскурсанты попали в собор на богослужение, где православный священник провозглашал примерно то же самое, только по-русски. Не преувеличивает ли Соня ксендзовскую крамолу?

Но вот ему попалось выражение «ад нотам», что означает: будьте внимательны, нечто важное доведу для вашего сведения.

У Алексея пропало ироническое настроение, когда в последующем тексте он увидел часто повторяющееся слово «бэллум» — «война». Нет, в проповеди загорского иерея это слово не звучало. Надо постараться аккуратнее сделать перевод.

И вот какая запись легла в блокнот Алексея: «Взываю к вашим чувствам и требую внимания. Утверждаю, что война — дело решенное, и это будет ваша справедливая война за алтари и очаги (бэллум про арис эт фоцие). А потому готовьтесь свергнуть недругов огнем и мечом (игни эт ферро). Я не называю ненавистных имен, но для понимающего сказанного достаточно (сапиэнти сат)».

Были там еще призывы к осторожности и бдительности (хабеас тиби), но Алексею расхотелось переводить, хотя и оставалось всего несколько строк. Ему стало холодно и неудобно. Он оглянулся на костел. Казалось, тень от него не желает повиноваться даже солнцу: она все так же разлаписто и мрачно накрывала окрестность. Он мысленно выругался и пошел домой.

Летает в небе голубка Пикассо, проходят всемирные фестивали молодежи, разнеслись по земле слова их гимна «Мы за мир, и песню эту пронесем, друзья, по свету...», миллиард людей подпи-

сал воззвание против войны. И все это пытается перечеркнуть злобная фигура в сутане? Конечно, за такую проповедь Ватикан сразу повысит в ранге ее сочинителя. Но черт с ней — ихней иерархией. Страшнее другое: ведь вполне может найтись темная голова, которая после таких воззваний с амвона возьмется за обрез. Если ее вовремя не просветить.

Уже сидя на пронизанной светом веранде, Алексей перевел высокопарную и злобную концовку: «Помните всегда: сегодня с Востока не идет свет. Я сказал и тем облегчил свою душу (дикси эт анимам левави)!»

— Я бы тебе облегчил душу, инквизитор бритый! — заорал Алексей, вообразив себя на вольной студенческой дискуссии. — Я бы тебе показал, как людям мозги кви про кво, то есть заливать туманом! Я бы с тобой установил модус вивенди — теплые отношения!

— Нон лицет, — раздался с крыльца голос Сони. — Не положено. Как-то не принято, чтобы комсомольцы устанавливали прямые контакты с духовным причтом.

— Вот и зря! — буйствовал Алексей. — Потому-то они и чувствуют себя вольготно. Не можете, что ли, устроить с ксендзом открытый диспут? Не можете найти человека, который бы политику знал и в латыни разбирался? Он бы разнес патера в пух и прах!

Соня вздохнула. Где взять такого человека? Алексея, что ли? Он посторонний, прихожане его слушать не станут. Да и не пойдет ксендз на открытую дискуссию, сошлется на какую-нибудь буллу папы римского. Потому существует твердая линия: вести пропаганду среди верующих за стенами костела. Лекции, беседы — в клубах, избах-читальнях. А туда яркие католики и не заглядывают. Дымят самосадам недавние партизаны, да молодежь резвится потихоньку от скуки, потому что и без лекций все давно атеисты.

Получается холостое коловращение. Да и не могут лекторы противопоставить ксендзу ничего, кроме теоретических рассуждений. Они просто не знают его оружия, считается весьма предосудительным, если активист побывает в храме и послушает проповедь. Не положено — и все!

— Тут демагогией попахивает! — снова пылко возразил Алексей. — Ксендз не стесняется и в кино прийти, и лекцию послушать, а мы боимся нанести ему ответный визит. Получается, что он вроде как в неприступном для нас бастионе!

Соня опять вздохнула. Во многом этот славный студент прав со своим максимализмом. Методы нашей идеологической работы пока не слишком гибки.

Ей вспомнился трагикомический случай, когда учительница Леокадия Болеславовна потребовала исключения из пионеров Варьки Мойсеновича: она случайно увидела его выходящим из костела. Пришлось Софье Борисовне вмешаться и сходить в райком комсомола. Но разбор «персоналки» на отрядном сборе все-таки состоялся. Леокадия клещом впиалась в Варфоломея.

— Нет, ты скажи честно и откровенно — зачем ходил в этот рассадник мракобесия?

Варька не был расположен к откровенности. Сбор — не то место, где можно признаться, что он подкарауливал хуторского Стефку, чтобы дать ему заслуженного «дубца». Этот Стефан еще до начала службы нарисовал мелом на школьном заборе фигуру черта с рожками, хвостом и копытами, но в пионерском галстуке. Рисунок был выразительный (это Варька оценил беспристрастно), но имел явно оскорбительный характер, и Варфоломей долго гнал автора по улице. Тот сбежал под спасительный кров костела. Пришлось дожидаться конца литургии. Однако обратно заборный художник вышел в сопровождении отца, сел в двуконную бричку и покатил на свой хутор. У резных костельных ворот Леокадия и застала Варьку...

Рассказывать о своей неудаче перед всеми ребятами не хотелось, и Варфоломей степенно ответил:

— А в костеле красиво. И музыка играет.

— Ага, признался! Как же совместить твои слова с пионерской обязанностью бороться с предрассудками?

Варьке хотелось поскорее кончить нудный разговор, и он не очень удачно ляпнул:

— Я исправлюсь. Я тогда не успел. В следующее воскресенье обязательно... это самое... поборюсь.

Леокадия взвилась:

— Вы слышите, он опять собирается идти туда! Он и не думает раскаиваться.

Все-таки ограничились замечанием. Не прошло и предложение снять Варфоломея с звеньевых: ребята дружно застучали крышками парт. А сам он остался больше всего недоволен тем, что Стефка ушел — таки от возмездия: не рискнул больше Варька показываться у подножья костельного холма — беды не оберешься.

Алексея не столько насмешила, сколько рассердила эта история, и он сказал, что учителей вроде Леокадии он представляет себе в виде сухой еловой палки, гибкости никакой, а колется сколько угодно.

— И ее левацких выходок ксендз не испугается, — добавил он. — Совсем другой метод нужен...

ЗАДАНИЕ — ЖДАТЬ

Леокадия Болеславовна не собиралась пугать ксендза. Она с ним дружила с сорок первого года.

Когда на берега Немана пришли немцы, они предложили Леокадии очистить школу от ребятишек и сдать дом под волостную управу. Первое она охотно выполнила, второму воспротивилась — мой дом! Заявившегося на новоселье бургомистра неделикатно выставила за дверь. Тот вызвал начальника полиции и приказал ему силой освободить помещение от «красной стервы». Леокадия пошла жаловаться к коменданту, представилась ему на чистом немецком языке и вернулась от него только утром. Вернулась, безнаказанно отхлестала по щекам бургомистра и заняла для себя две комнаты с кухней. Работать она стала переводчиком в комендатуре. Здесь и встретилась впервые с ксендзом Иеронимом, который доставил оккупационным властям список прихожан — активистов Советской власти.

Сблизило их полное отсутствие в деревне других интеллигентов «Речи Посполитой». Они были белыми воронами как среди гитлеровских солдафонов, так и придавленных оккупацией местных жителей. По вечерам ксендз зывал к себе Леокадию в обширный особняк при костеле и часами читал звучные строфы Овидия и Вергилия. После вкуснейшей черносмородиной наливки, которую выставляла его домашняя хозяйка — порядком упитанная пани Августина, отец Иероним переходил на Боккаччо с его весьма игривыми рассказами.

Наливка Леокадии нравилась, а Боккаччо — нет. Она побаивалась коменданта. Стареющий майор, кажется, не на шутку влюбился в нее и ревновал к ксендзу. Тем не менее Леокадия вынуждена была терпеть ответные визиты отца Иеронима в свою уютно обставленную квартиру, где угощала его «кавой» и томными гимназическими романсами под вполне приличное пианино.

Ни о политике, ни о религии они почти не говорили, да, кстати, ни то, ни другое и не интересовало Леокадию. Ею владела другая идея: как стать сильной самостоятельной хозяйкой, вернуть отцовскую землю, скот, батраков и таким образом войти в роль богатой невесты. Однажды она поделилась с гостем своими мечтами, но отец Иероним ее жестоко разочаровал.

— Прелестная панна напрасно думает, что немцы позволят такому свершиться. Человек иной расы, каковыми они считают славян, для них ничто, и они не позволят ему экономически возвыситься. Для слуг фюрера любая былинка здесь — это священная собственность рейха. Они нас терпят и кормят, пока им нуж-

ны помощники, чтобы легче править здешним норовистым народом. Но ваша и моя судьба в перспективе мрачна, если...

— Вы рассчитываете на победу большевиков? — поразилась Леокадия.

— Сохрани нас всемогущий Господь! — перекрестился отец Иероним. — Если даже и случится такое божье попустительство, то ненадолго. Придут с Запада, из-за океана, другие силы, истинно демократические. Сейчас эти силы, правда, в коалиции с Советами, но, думаю, временно. Конечно же, Третий рейх будет развален, однако могучий Запад не допустит установления в Европе власти коммунистов. Нам с вами надо ориентироваться в конечном счете на Америку и Англию. Тогда вы и осуществите все ваши мечты.

Вот так просвещал юную Леокадию многоопытный и далеко не глупый слуга Ватикана. Пока же он более чем лояльно вел себя в отношении гитлеровских властей и представил им очердные списки, на этот раз тех, кто ушел в партизаны. Передал он их через переводчицу, избегая лично показываться в комендатуре, дабы не бросить на себя тень в глазах населения. Леокадия положила документ на стол коменданта.

— От герра Иеронима.

Майор зло посмотрел на нее:

— Вот что я вам скажу, полупочтенная фрейлейн. Мне надоели ваши шашни с длиннополым кавалером. Я вполне мог бы вынудить его преподобие соблюдать целибат¹ не на словах, а поневоле, но не сделаю жестокого шага. Я просто отправлю вас в рейх. В город Аахен. Там живет моя сестра, старая дева, и там под ее приглядом вы будете дожидаться меня, поскольку, на свое несчастье, я вас полюбил. Но будете и там работать переводчицей в лагере для военнопленных. Я пишу вам рекомендательное письмо...

Так Леокадия в сорок втором году оказалась в Германии, на время расставшись со своим другом в сутане. Там она и попала через три года в руки американцев, не дождавшись своего майора. Партизанские гранаты уложили его прямо в комендатуре. Тогда же сгорел и дом Могилевских. Об этом любезно сообщил в письме из родных мест отец Иероним. Одновременно в завуалированной форме он по-прежнему советовал ей держать курс на приближающиеся с запада союзные армии.

Американцев совершенно не интересовало сотрудничество Леокадии с нацистами. Зато их привлекло другое: молодая женщина хорошо знала обстановку на востоке, имела там знакомства...

Через несколько месяцев Леокадия засобиравшись домой. Прав-

¹Целибат — обет безбрачия католических священнослужителей.

да, радужная перспектива превращения в именитую помещицу снова отодвигалась, но ей только двадцать четыре года, и все еще впереди. Она без труда прошла контрольно-пропускное комиссией перед отправкой в Белоруссию и вернулась в знакомое место. Здесь никто не мог о ней сказать что-либо предосудительное; многие даже помнили, как немцы под конвоем отвезли ее на вокзал перед отправкой в рейх. Людям невдомек было, что конвой являлся своего рода почетным эскортом влюбленного майора.

Леокадия вскоре закончила заочно учительский институт и стала полноправным тружеником на ниве народного образования. Даже с некоторым повышением: ее послали работать в среднюю школу районного центра вместо прежней семилетки, в ста с лишним километрах от родного села. Оно было и к лучшему. Тем более что в поселке оказался отец Иероним, переведенный сюда волею епископа настоятелем местного костела вместо умершего предшественника.

Старый знакомый был воплощенная осторожность и не стал целовать ей ручки при первой встрече на улице. Но уже назавтра она получила письмо, в котором предусмотрительно регламентировались места и сроки их randevu — ну, например, в вагоне поезда, на экскурсии по историческим памятникам Вильнюса, на городском пляже в областном центре. А один свой отпуск она полностью провела вместе с ксендзом в Закарпатье, где отец Иероним лечил печень.

Они оба с терпеливой надеждой ждали прихода «западной демократии», то есть наступления истинной свободы для исконной человеческой склонности обогащаться и повелевать низшими. А пока настоятель костела сочинял великолепные проповеди на звучной латыни. Леокадия иногда читала их копии. Одну из них она нечаянно обронила из сумочки в учительской, где и нашла ее Софья Борисовна. Впрочем, Соня не заподозрила Леокадию.

Работала Леокадия добросовестно, жила спокойно. Никаких заданий у нее не было. Кроме одного: жить, как все, и ждать. Когда-нибудь к ней придет человек и скажет известное ей слово...

Первым, кто пришел к ней с паролем, был... ее отец.

«СЕМИНАРИСТ»

За полчаса мальчишки поймали девять язей. Потом клев как обрезало.

— Айвенго все знает, — отметил Варфоломей.

— Елки-моталки! — вскинулся Юзик. — Мы же так и забыли рассказать ему о вчерашнем ящике. Н-ну, растяпы!

— Ничего, другие расскажут, — утешил Варька. — Военкоматский-то капитан молчать не будет, может, уже сообщил в милицию. Еще нас позовут.

— Не ко времени: нам сегодня на поле надо обед доставить. Обещали же батьке...

— Н-да, вот еще морока!

Звеньевой был недоволен. Ему до смерти хотелось встретиться и власть наговориться с Алексеем. Например, узнать, какой такой бывает телевизор. Если в комнате по нему запросто можно смотреть кино, то где дома взять лучи, которые в зале светят на экран? Или такой вопрос: если в атоме имеется страшная сила, то как не поубивало тех ученых, которые в первый раз разломали атом? Или поубивало, да об этом молчат, чтобы другим профессора не стало страшно?

Круг интересов Варфоломея был широк, и ответить на засевшие в голове вопросы должен был студент Лёшка. Ну пусть — Алексей. Потому что от Леокадии и Паши толку не добьешься. Первая — «Это не по программе», а вторая — «Варенька, я и сама еще толком не знаю». У Ивана на уме семена и удобрения. А больше и обратиться не к кому. Приезд Алексея — это как жуку поймать на голый крючок.

Но слово есть слово — обед доставлять жнецам надо. Конечно, каждый из них берет с собой из дому что-то пожевать, однако бригадир, Юзиков папаша, решил шегольнуть: обеспечить людей горячим питанием за счет какого-то бригадирского фонда.

Борщ и кашу поручили варить трем старушкам. Они готовили обед в бывших банных котлах. Эти громадные чугунные посудины были вкопаны на бригадном стане рядом с овощехранилищем. Сюда и подъехали хлопцы на выделенной им в конюшне подводе. Уволенная по старости лет от уборочной страды кобыла с ходу потянулась мордой к сочной грудке свекольной ботвы. Мальчишек же заинтересовали зеленые стручки бобов, которые также шли в борщ.

— Но-но, короеды, — добродушно шугнула ребят древняя бабка. — Лучше щепок насобирайте, не доварится никак каша, хоть ты сядь на нее.

— Сядешь — остудишь, — ехидно заметила ее напарница, мелко нарезаая сало для гречневой каши. — Вот я и говорю, — продолжила она прерванный хлопцами рассказ. — Идет он себе промеж сосенок и саквояжиком помахивает, как на городском бульваре, — ну женишок женишком, личико кругленькое, на подбородке ямочка, глаза светленькие....

— Эх ведь запела, старая греховодница! — рассмеялась третья

кухарка. — Как увидит молоденького, откуда слова берутся... Ну, что дальше было?

— Вот, значит, идет... Брючки узенькие, со стрелочкой, как сейчас из-под утюга. Обувка на нем остроносенькая — ежели пнет, дырка будет.

— Не пнул? Правильно, незачем ему туфлю об тебя портить.

— Ну вас к лешему, охальницы, — обиделась старушка. — Все. Словечка больше не услышите.

Варфоломей здорово разозлился на сварливых бабок. Ему обязательно надо было услышать продолжение рассказа. Всего лишь три часа назад на берегу, пока хлопцы поспешно разматывали удочки, Айвенго отозвал Варьку в сторону и торопливо шепнул: «Слушай, Варфоломей, внимательно, одному тебе пока говорю. Будешь в поселке, посматривай на свежих людей. Нужен мне человек с желтой сумкой на ремне и в туфлях с острыми носами. Скорей всего, молодой. Какой костюм, не знаю, но, видать, будет помятый. Увидишь, проследи, куда пойдет. Ну, все. Вечером зайду».

Ясно, что Варька в струнку вытянулся, когда услышал об острых туфлях. Правда, о помятом костюме старуха ничего не сказала, а наоборот... Но туфли-то все равно остались! Интересно, где она видела этого «женишка»?

— Бабка Настя! Не иначе, про моего брата вы рассказывали. Он должен был приехать сегодня из города, а я еще дома не был после рыбалки. Он с разезда шел?

— Про какого еще брата? Ивана вашего я знаю, сроду он не был блондинчиком.

— Да нет, я про двоюродного брата.

Бабка зашевелила губами и закатила к небу выцветшие глаза.

— Какой же это двоюродный? Был у твоего отца брат Кастусь, сгноили его где-то жандармы. Но тоже цыган цыганом, от таких белявые опять-таки не рождаются.

Варька чуть не взвыл от злости и что есть мочи лягнул босой пяткой подвернувшегося воробья.

— Чего это ты, чего боюсь пташку обижаешь! — возмутилась его собеседница. — У матери твоей покойницы была-таки сестра светленькая. Э-э, так, может, от нее этот твой двоюродный. Да не-е, Катерина сроду не была замужем. Хотя... жила она в городе, в прислугах. Во-он оно што, бабоньки! — восторженно обернулась старушка к подругам. — У Катьки-то модницы, оказывается, ребенок был в городе. То-то, я гляжу, личико у него вроде как панское.

Взбешенный Варфоломей собирался повернуть оглобли, но тут бабка Настя его ошаршила:

— Чего же твой двоюродный мало погостил у родичей? Не с чугулки он шел, а как раз наоборот, к разъезду. Это я шла из лесу с рыжиками, а он, видать, к поезду поспешал.

— С желтой сумкой? На ремне?

— Говорю тебе, с саквояжем. И, видать, с тяжелым. Поздоровался он со мной уважительно так: «Добрый день, мамаша». Саквояж на травку поставил. Потом, как папироски стал доставать, отстегнул замочки, так я приметить успела — там ящичек какой-то черный, вроде как из железа. С белыми завитушками по углам. Точь-в-точь как у ксендза, где он прячет святые дары после причастия. Ну, я так и поняла, что семинарист какой-нибудь приезжал к нашему отцу Иерониму. Может, по какому делу от самого епископа. Такой уж он обходительный в разговоре, сразу видно, что поблизости стоит к святому костелу.

Старушка перекрестилась на светлое облачко и вдруг набросилась на Варфоломея:

— А ты мне голову морочишь, будто какой-то твой двоюродный... Подзаборникам-то в семинарию доступа быть не может...

Варька все-таки поддал нахальному воробью под хвост и аллюром рванул в поле. На бегу он попытался склеить воедино разрозненные мысли. Надо найти Айвенго. Желтой сумки нет. Зато есть железный ящик. Может, тот самый? Но они не видели на нем никаких серебряных завитушек. Правда, и открыли не полностью, могли не заметить. Ладно, наплевать на завитушки. Главное — остроносые тупфли...

ДУДАРЬ

Зимой сорок третьего года, вскоре после Сталинградской победы, бывший кулак Болеслав Могилевский попал на фронт: добросовестным трудом в северном леспромхозе он заслужил право искупить свою вину перед трудовым народом в боях с фашистами. Воевал он недолго: при первой возможности сдался в плен. Не наугад сдался, а с вполне определенным намерением: вступить в армию генерала-предателя Власова.

С пленными власовцами он познакомился еще в заключении, от них и узнал о «вольной жизни» в частях РОА.

...Восстанавливая под минометным огнем мост через приток Дона, он дождался очередного взрыва, рухнул в холодную весеннюю воду и, прикрываясь обрезком свай, выплыл на западный берег. Дальше все пошло как по маслу. Через месяц он жег в составе спецвзвода РОА партизанские деревни на Черниговщине.

Под Ровно был контужен и временно лишился дара речи. После госпиталя его забрали в СД тайным агентом по выявлению антифашистского подполья в польском городе Познани. Зная польский, русский, белорусский языки и уже неплохо владея немецким, он, маскируясь под глухонемого скупщика старья, собирал для гитлеровской службы безопасности сведения об отважных, но не всегда осторожных патриотах. Приобрел солидный опыт агентурной работы, эсэсовское звание унтер-штурмфюрера и немалое количество золота.

Первое и второе ему здорово пригодилось летом сорок пятого, когда его завербовали спецслужбы Соединенных Штатов. Да, Могилевский для них был ценной находкой: агентурно натренирован, без идейных колебаний, здоров, силен, решителен, жесток. Он прошел все испытания на «детекторе лжи», дополнительную годичную подготовку на ту же роль глухонемого, и в сорок восьмом году встал вопрос о месте его выброски с парашютом. Когда стали сверять по картотеке сеть имеющихся агентов в западных районах Белоруссии, на которых мог бы опереться в нужный момент их свежий коллега, обнаружилась поразительная вещь: там находилась завербованная дочь Могилевского. Хорошо это или плохо? Решили, что скорее хорошо: Леокадия является теневой фигурой, отключенной от активных акций. Если даже будет замечена встреча с ней Могилевского, подозрений это не вызовет. Другое дело, что такая встреча должна быть событием одноразовым — только в крайнем случае. В дальнейшем всякая связь между красивой молодой учительницей и глухонемым бомбелем каждому постороннему показалась бы противоестественной. Тем не менее соседство дочери в критическую минуту могло все-таки оказаться для Могилевского весьма полезным.

Новому агенту без всяких иносказаний поручалась диверсионно-террористическая работа. Не обязательно своими руками. Использовать деклассированные, уголовные и другие неустойчивые элементы для физического уничтожения партийных и советских активистов на селе. Потом убийц ликвидировать самому, дабы не выявилась на допросах роль глухонемого. Отравлять колхозный скот, поджигать общественные постройки теми же методами. Минировать мосты и дороги, приурочивая взрывы к проезду различных делегаций на собрания, слеты, колхозные праздники и так далее. Похищать из районной и политотдельской типографий шрифты, чтобы создать впечатление о существовании типографии нелегальной. Короче говоря, всячески инсценировать наличие разветвленного и энергичного антисовет-

ского подполья. Это должно внести сумятицу в умы местного населения, посеять неверие в прочность советского строя.

Так мыслили разведшефы Могилевского. Так думал и «президент Белорусской народной республики» пан Абрамчик, которому показали нового агента перед отправкой на восток.

— Да-да, — сокрушенно качал головой гитлеровский холуй, обосновавшийся сейчас в Мюнхене. — К несчастью, поредели наши ряды в заповедных пушках Белой Руси. Ваш святой долг — снова вызвать к жизни, влить свежую силу в руку мстителей — благородных «лесных братьев». Рада БНР вас восславит после победы над коммунизмом.

Могилевскому было в высшей мере наплевать и на Раду, и на липового президента. Его интересовало, что ему дадут в этом довольно обшарпанном особняке. И ему дали: пан Абрамчик подарил Могилевскому собственный портрет с автографом. Присутствовавший при трогательной встрече земляков американский разведчик Стиф, который и готовил Дударя, ядовито сказал Абрамчику:

— Вероятно, ваш гость ожидал чего-нибудь более существенного.

«Президент» только развел руками:

— Вы, господа, задерживаете наше субсидирование...

Фотографию Могилевский выбросил. Он не верил ни в какую Раду, а надеялся только на американцев. Во время шпионской учебы его возили в Штаты и там показали хозяйства богатых фермеров. Вот это была жизнь! Ради такой жизни можно было и шей рискнуть при парашютном прыжке.

Но все обошлось. Глухонемой благополучно акклиматизировался в условленной местности, а дочь побеспокоил только через три года. Было это неделю назад.

За три года он много раз встречал свою дочь, но так, что она его обычно не видела. Иногда она замечала на улице глухонемого, но, конечно, никак не могла узнать в оборванном старике с запущенной бородой родного отца. Она его помнила щеголевато одетым, с пышными выхоленными усами и гладко выбритым подбородком.

А он, Дударь, следил за каждым ее шагом, знал привычки. Ему было известно, когда она возвращается домой, когда встает. Леокадия занимала небольшую квартиру в одноэтажном доме на две половины. У квартиры было отдельное крыльцо. Старик знал скрип каждой половицы на этом крыльце. В дом он проникнуть не решался, потому что ключ учительница уносила с собой. Но вечером долго виднелся свет в окне, и Могилевский умудрялся много раз наблюдать за дочерью с высокого забора напротив. Ле-

окадия обычно долго вычитывала тетради на простом обеденном столе, иногда слушала приемник, стоявший на туалетном столике, или читала в постели. Потом выключала свет, открывала форточку, и через минуту слышался скрип матрацных пружин. Молилась она, наверное, уже в постели.

«Кровинушка моя, дочушка, — скорбно думал Болеслав Иосифович, уходя в темноту, — вот до чего довели нас проклятые большевики: родной отец должен прятаться от своего дитяти, а ты лучшие годы проводишь, как в монашеской келье. Такую ли жизнь готовил я для тебя!»

Он знал про ее близкое знакомство с ксендзом, про их потаенные встречи и не осуждал дочь. Может быть, это ей необходимо для тайной работы, а может... сколько же ей сейчас лет? Еще и тридцати нет, а она мается в одиночестве.

Однажды они почти нос к носу встретились на рынке. Дударь продавал золотистых лешей шириной в таз. К нему образовалась небольшая очередь, а в конце ее он вдруг увидел дочь. Через пару минут она подойдет вплотную.

Ничего не объясняя покупателям, старик смахнул в мешок непроданную рыбу и зашагал прочь. Хозяйки могли сколько угодно кричать ему в спину — глухонемой не слышал. Однако он запомнил голос Леокадии: «Зачем зря шуметь, наверное, ему срочно куда-то понадобилось».

«Ты-то получишь рыбку!» — не выдержал он и перед рассветом повесил на ручку двери у ее квартиры связку отборных линей. Это было рискованно, и с тех пор Могилевский старался совсем не попадаться дочери на глаза.

Месяц назад Дударь получил от резидента в Вильнюсе сообщение, что в их район скоро будет заброшен агент с особо ответственным заданием. Агента надо принять в райцентре легально, потому что он должен ознакомиться здесь с обстановкой для выполнения своей миссии. Поскольку сам Дударь, в силу своей «легенды» о глухонемом бобыле, не может прилично встретить гостя, необходимо подготовить к его визиту Леокадию. К ней он явится под видом племянника. Он пробудет у нее недолго, тем не менее некоторая помощь ему, видимо, окажется необходима. Сам же Дударь обязан встретить агента у места приземления или вызвать его на себя определенным ночным сигналом.

Могилевский все обдумал. Раз «там» известны координаты поселка, то остается только навести на ближний лес. Ориентиром послужит рыбацкий костер — дело безобидное — на берегу реки. Он встретит гостя и к утру покажет ему дорогу к Леокадии, куда тот явится под видом пассажира из Вильнюса.

Вскоре Дударь получил от резидента краткое одобрение предложенного им варианта и пошел на встречу с дочерью.

Шел он туда не без волнения. Выбрал раннее воскресное утро, когда людей на улицах почти не бывает, подстриг бороду, надел чистую рубаху, повесил на кулан две солидные шуки и с тем пожаловал к одноэтажному домику. Дверь была заперта изнутри. Постучал. Ответа долго не было, потом без обычного «кто там?» шелкнул откинутый крючок. Болеслав Иосифович осторожно вошел в крохотные сенки — пусто. Заглянул в кухню. Леокадии и там не было. Он отогнул портьеру на двери, ведущей в комнату. Там шторы были задернуты, стоял полумрак.

Она стояла в узорчатом халате, судорожно стянув его на груди. «Испугалась такого страшлища», — подумал Могилевский и молча приподнял в руке рыбу.

Не спуская с него глаз, Леокадия взяла шук, отнесла на кухню, вернулась и вдруг упала на колени, уткнувшись головой в подол его рубахи.

— Тату... родненький тату, пришел все-таки!.. — шептала она иступленно, но без слез и все ловила его пахнущую шуками руку.

...Через пару минут они тихонько сидели рядом на ее кровати и еле слышно шептались.

Да, она давно его узнала. Видела, что он наблюдает за ней. Но раз не подходит, значит, так надо. Значит — нельзя. Но сейчас... сейчас, раз он пришел, значит, всякая опасность миновала и можно не таиться?

— Нет, еще рано, дочка, — покачал кудлатой седеющей головой пан Болеслав. — Но скоро кончатся наши испытания. Пришла и твоя пора помочь в этом.

Он для верности назвал пароль, услышал отзыв и рассказал о деле.

— Племянник? — удивилась Леокадия. — Но вдруг проверят мою биографию? У меня же не было ни сестер, ни братьев, откуда взяться племяннику?

— Двоюродный, — успокоил ее отец. — Был у тебя дядя Григорий, мой брат, у него сын Тадеуш, от него и твой двоюродный... А вот как этого зовут, я пока и сам не знаю. Ничего, отрекомендуется.

— Трудно тебе, татусь! — шептала Леокадия. — Стареешь, живешь в одиночку, как зверь...

— Недолго уже осталось. Да и привык я.

Он осторожно гладил своей чугунной рукой ее волосы.

...Зверем он бывал, когда выполнял установки своих хозяев. Нет, сам он не убивал сельских депутатов и районных финаген-

тов, не вешал в лесу на березах колхозных избачей и комсомольцев. Год назад он получил задание ликвидировать на страх другим председателя колхозной ревизионной комиссии в одной деревне. Слишком ретиво этот активист стоял на страже общественного добра. В субботний вечер Дударь оказался со своей лодкой у деревенских огородов, спускающихся к реке. Вскоре вылез на берег и стал готовить уху из живых сазанов. На огонек костра подошел сначала один мужичок, за ним появились еще желающие отведать даровой ущицы. Там, где субботняя компания, да еще у костра, без выпивки не обходится. Каждый нес с собой «шклянку» самогона.

Дударь со своей стороны выставил две бутылки магазинной перцовки, что всех привело в восторг. Знаками и мычанием он дал понять, что не видит в компании того самого «ревизионщика». Сходили и за ним. Тот уху похвалил, но пить отказался и даже попрекнул одного уже захмелевшего колхозника (ему глухонемой особенно усердно подливал):

— Ты не из того жита первач выгнал, что ночью спер на току?

В первый раз драку разняли, но обиженный не утихомирился. Дударь влил в него еще один стакан, дождался, когда тот кинулся на своего недруга, и незаметно сунул ему в руки увесистое, грязное чугунное грузило для сети.

На следствии после убийства Дударь проходил только свидетелем, причем совершенно незапятнанным. Не было повода упрекнуть его даже в распитии запрещенной самогонки, потому что выставил он к злополучной ухе магазинный товар.

Загадочным было прошлогоднее убийство председателя сельсовета в дальнем углу района, расположенного по течению Немана. По одному ему известному каналу Могилевский узнал, что этого энергичного работника из местных бедняков собираются выдвинуть на ответственную должность в район. Очень подходящий момент, чтобы расхолодить население от участия в работе Советов и доказать, что не дремлют бдительные «подпольщики-мстители».

Был в том селе недавно вернувшийся из заключения мелкий уголовник, отсидевший небольшой срок за кражу. И была у него молодая красивая жена, которая в его отсутствие несколько раз ходила к председателю сельсовета с просьбой походатайствовать о досрочном освобождении муженька. Сразу же по приезде домой тот получил анонимное письмо о шашнях супруги с председателем. Естественно, угостил жену кулаками, напился пьян и кинулся к «сопернику» выяснять отношения. Это все видели. Видели и кухонный нож в его руке. Когда пытавшиеся догнать его

односельчане следом вломились в кабинет председателя, его хозяин был уже мертв.

...Ясно, что о подобных историях Дударь не стал рассказывать Леокадии. Еще неизвестно, как она отнесется к подобным отцовским подвигам — хотя бы и во имя западной демократии. Не беседовал он с ней двенадцать лет, а только видел, что живет она чистенько, культурно, ни в каких темных, а тем более «мокрых» делах не замешана. Надо ли смущать невинную душу?..

Он поинтересовался ксендзом.

— Общаемся негласно, — коротко ответила Леокадия. — Он знает, кто я, но, безусловно, выдавать меня не в его интересах. А ты с ним знаком?

— Хожу в костел по праздникам. Все ж таки католик. Пусть народ видит, что и я не без креста. Охотнее будут рыбу покупать. Скажи-ка, дочка, как у тебя с деньгами?

— Ну как! Раз наблюдал за мной, мог видеть, что живу на зарплату.

О некоторых подношениях со стороны отца Иеронима она промолчала.

— А откуда — ни-ни?

— Вот именно. Честно говоря, я уже забывать начинаю...

— Но-но! — Могилевский кинул на нее быстрый взгляд. — Мысли эти выбрось — опасные мысли. Вот возьми-ка. Тут порядочно, надолго хватит. Но трать с умом, чтобы не бросалось в глаза. А теперь пойду, негоже рыбному торговцу засиживаться у одинокой учительницы. Крепись, дольше ждали. Проводи меня на крыльцо и при прохожих выдай полсотни...

Так они и расстались. Пятнадцать минут свидания через двенадцать лет. Когда он ушел, Леокадия заплакала: «Проклятая жизнь!»

ОТКРОВЕНИЯ ПОД ГЕОРГИНАМИ

Варька разыскал участкового на берегу, когда тот вытягивал на песок плоскодонку.

Младший лейтенант как был в нечищенных кирзовых сапогах, так и отправился к подполковнику. Тот поморщился:

— Что, разве уже отпала необходимость маскировать ваши визиты сюда?

— Отпала, товарищ подполковник. Так что этот тип действительно разматывал антенну, и, значит... это самое. Только его уже в поселке нет.

— Докладывайте подробно.

Айвенго доложил о Варфоломее и говорливой бабке Насте.

— Вы сами допросили бабушку?

— Никак нет. Прямо к вам.

— Продолжайте работу в данном направлении, раз уж подключились к нашему профилю. С вашим майором я договорюсь. Деликатно побеседуйте со старушкой. Интересно также, как он здоровался — по-белорусски или по-польски? А может, они и поговорить успели? Если он действительно играет под семинариста, то предпочтет польский. Впрочем, эту деталь мы уточним у преподобного настоятеля костела.

Отец Иероним встретил гостя в дверях кабинета, пахнувшего свежими цветами. Раскланялись они почти изысканно. Повинуясь учтивому жесту хозяина, подполковник, одетый ради важного визита в элегантный костюм, расположился в массивном сафьяновом кресле. Ксендз уселся напротив в такое же. Был он по-домашнему в легкой чесучовой куртке и изрядно помятых полотняных брюках. Извинился за туалет: сию минуту вернулся из сада, где подрезал георгины. Их пышный букет украшал письменный стол.

— Гражданин Савицкий, — начал гость, — мне, видимо, нет необходимости рекомендоваться?

— Ни малейшей: всякий знает вас в районе. Кстати, поскольку мы беседуем в моем, а не в вашем кабинете, нам, может быть, избежать излишней официальности? Мне, например, известно, что вас зовут Василий Кондратьевич, и если вы позволите...

Подполковник галантно позволил и выразил готовность именовать настоятеля Иеронимом Вацлавовичем. «Если, конечно, вас не будет шокировать такое сугубо мирское обращение».

— Все, что удобно вам, доставит удовольствие и мне, — ксендз склонил голову в изящном полупоклоне.

«Что все это мне напоминает? — исподволь соображал Василий Кондратьевич. — А! Ну конечно же, встречу Чичикова и Манилова. Ну и ну!» Он поскорее перешел к делу.

— Иероним Вацлавович, это ни в коей мере не вопрос, иначе...

— Иначе мы беседовали бы не здесь, — заулыбался хозяин. — Я весь внимание!

— Так вот: не посещал ли вас кто-нибудь на дому в течение вчерашнего утра, дня, ночи, а затем и сегодняшнего утра?

Ксендз недоуменно поднял плечи:

— Но, Василий Кондратьевич, мой дом посещает довольно много людей. Разве что только по ночам я избавлен от визите-

ров... Если не ошибаюсь, уже сегодня приходили шесть или семь человек с просьбами совершить требы: двое крестин, свадьба, похороны и так далее.

— Ну что ж, Иероним Вацлавович, я конкретизирую свой вопрос: не было ли у вас кого-либо из приезжих, то есть иногородних? Допустим, не заходил ли некий симпатичный молодой человек, который...

Ксендз тихонько засмеялся и шутливо погрозил выхолненным пальцем:

— Поистине, ничто не скроется от ока властей предрержащих... Мне нечего скрывать. Действительно, не далее как перед обедом навестил меня сегодня юный гость здешних мест, и именно симпатичный. Мы с ним долго и оживленно беседовали.

Такая открытость несколько обескуражила Василия Кондратьевича. Или у агента железная «легенда», или ксендз действительно не в курсе дела. И почему, собственно, перед обедом?

— Иероним Вацлавович, не сочли бы вы возможным посвятить меня в тему вашей беседы? — сказал Василий Кондратьевич и сморщился от вычурности фразы.

— Почту своим прямым долгом. Именно долгом, потому что я уже подумывал сам навестить вас и разъяснить кое-что лично, дабы в дальнейшем не возникло каких-либо прискорбных недоумений. Одну секунду...

«О чем это он? — раздумывал Василий Кондратьевич, наблюдая, как ксендз роется в бумагах на письменном столе. — Неужели решил-таки заложить визитера из-за кордона?»

— Вот, уважаемый гость! — ксендз протянул исписанный лист бумаги. — Мы дискутировали с юным оппонентом о содержании моей последней проповеди в храме. Вернее, о ее латинской части. Его, видите ли, насторожила якобы имеющаяся некоторая тенденциозность в отношении вашего покорного слуги к существующему порядку. Больше того, он позволил себе усомниться в моей приверженности к делу мира. Так вот, вы, пожалуйста, прочитайте перевод, а потом я в меру своих скромных способностей постараюсь кое-что разъяснить.

Что за дьявольщина! Кто поверит, будто агент с радиопередатчиком явился ради рецензирования проповедей какого-то провинциального попа! Но прочесть надо... Гм, действительно звучит не в унисон с веяниями времени, хотя это не новость и ксендз уже предупредался.

Тогда он, помнится, заявил, что цитата из писания апостола Павла «возлюби осла своего и виноградник свой» отнюдь не означает призыв тормозить обобществление в колхозах земли и тягловой

силы. Просто это было напоминание о необходимости бережно относиться к сельскохозяйственному имуществу. Интересно, а что сейчас собирается сказать проповедник вот на счет хотя бы этой самой «бэллум омниум» — всемирной войны?

Отец Иероним обратился к гостю с маленькой, но проникновенной речью. Конечно, запальчивость юного оппонента понять можно: в тексте встречается некоторое количество воинственных слов. Но (тут ксендз молитвенно воздел руки) — аудиатур эт альтера парс — пусть будет выслушана и другая сторона, то есть он.

В Корее война идет? Коварный империализм угрожает мирным пашням? Безусловно. Как же можно усыплять людей пацифистским сюсюканьем? Пусть гневные, пусть даже излишне (он допускает!) воинственные слова громом падут на головы генерала Эйзенхауэра и его агрессивных приспешников. Другой направленности эти слова отнюдь не имеют. Нельзя столь однобоко, примитивно и, он бы с прискорбием сказал, заведомо недружелюбно толковать слова проповеди, как это сделал сегодня его недавний гость лишь потому, что настоятель костела не принадлежит к большевистской партии и лагерю атеистов. О молодость, молодость! О юный максимализм!..

«Вывернулся, иезуит, — почти весело подумал Василий Кондратьевич. — Однако чего это он сконцентрировался на проповеди? Хочет отвлечь меня от главного вопроса?»

Но отец Иероним еще не исчерпал тему. Он вдруг оставил патетический тон, понюхал георгины, поглубже уселся в кресло и почти интимно продолжил:

— Теперь позволю себе сказать самое главное и при этом надеюсь на вашу скромность. Итак, я человек, и ничто человеческое мне не чуждо — «хомо сум...» и так далее — не буду надоедать вам латынью. Так вот: в жизни я боюсь двух вещей — зубной боли и неудовольствия начальства. Его опала более опасна, чем даже гнев Господень, потому что реально осязаема. Вам, разумеется, известно, чего хочет от восточных священнослужителей папский престол: быть в оппозиции к Советской власти и призывать к тому же мирян. Я рискую быть циничным, но вынужден сказать: если и допускаю в проповедях некоторые... гм... заостренные грани, то с единственной целью убогатить начальство. Посылаю в округ для отчета желательные тексты, и мной в духовных верхах довольны. Но для вас — для вас! — все эти речи ни на гран не опасны хотя бы уже потому, что произносятся они по-латыни, которой никто из прихожан не знает. Это своего рода бутафория, мистификация, инсценировка — называйте как хотите. Вот сейчас я высказался полностью и весьма вам признателен за терпение.

Действительно, это было порядочное испытание терпения Василия Кондратьевича. Ему-то был известен «актив» ксендза, снабжаемый из костела переводами проповедей. Ну да дьявол с ним и с его верой в наивность собеседника. Хуже, что время уходит, а ничего не прояснилось насчет загадочного посетителя.

— Ну хорошо. Иероним Вацлавович, это предмет для другого разговора. Вернемся к молодому человеку. Вы снабдили его чем-нибудь?

Ксендз изумленно поднял брови:

— Зачем? Он ничего не просил. Думается, ничего бы и не взял...

— Даже так? А куда он от вас пошел?

— Полагаю, обедать. К своему брату, секретарю райкома партии Дмитрию Петровичу Вершинину.

...Их прощание опять-таки было выдержано в гоголевских тонах. Но чего это стоило Василию Кондратьевичу!

ВЫКУПАЛСЯ — ПОВОЛТАЙ...

— О, Алексей! День добрый!

— Салют звеньевому!

Обменявшись теплыми приветствиями прямо посреди площади, старые друзья пару минут награждали друг друга нежными шлепками: Варьке попало по макушке, Алексею по животу. Затем они обменялись информацией: выяснили, что Варфоломей идет куда глаза глядят, Алексей же — от ксендза.

— Иш-шо чего! — приоткрыл рот Варька.

— Вот так, дружище. И потому чувствую себя несколько липким. Ты не покажешь мне ближее место для купания?

Место оказалось отличное: чистейший пляжный песочек, а рядом травка, чтобы обтереть ноги. Глубина — какая душе угодно: шагов двадцать — до пупка, а там и с маковкой. Алексей продемонстрировал кроль, а Варька мощные саженьки, причем от напарника почти не отставал. Только дольше отдувался на берегу.

— Силен, — похвалил его Алексей. — Ладно, научу тебя кролю. А чего ты вдруг бездельничает? Вроде на тебя не похоже.

Варфоломей сказал, что сегодня провернул уже кучу дел: пригласил сестре трех язей, доставил с хлопцами обед на поле, помог Айвенго вытащить лодку, сбегал на полустанок. И даже пообедал. А сейчас — на распутье, поскольку конкретной работы пока не видит. Но думает, что до вечера она еще найдется. Была бы шея, а хомут...

— А что ты делал на вокзале?

Варька покряхтел на песке. Дело в том, что Айвенго просил его покрутиться на станции и посмотреть: не появится ли там субъект в остроносых туфлях и отутюженных брючках. По мнению участкового, вышеупомянутый субъект должен был купить билет до Гродно (а потом спрыгнуть на какой-нибудь мелкой станции, чтобы затеряться). Варька колебался. Пора или не пора посвящать Алексея в тайные дела? Прямого запрета на этот счет от Айвенго не поступало. Хотя и разрешения тоже. С другой стороны, Алексей не новичок в подобных вещах: историю с бандой Бородатого помнят здесь до сих пор. С третьей стороны...

— Сам-то не говоришь, зачем ходил к ксендзу...

Алексей тоже закряхтел. Не иначе сам сатана его соблазнил на этот идиотский поход. На любой гневный и, казалось бы, неоспоримый аргумент Алексея ксендз находил два-три возражения, смягчая их витиеватостью речи. Пока Алексей искал в густом тумане вычурных фраз заведомо логическую ошибку собеседника, тот окутывал его новым облаком софизмов. Наконец Алексей решил разрубить всю эту паутину ставшего бесцельным спора прямым, как гвоздь, утверждением: «Все равно вы классовый враг Советской власти!» На что получил снисходительный ответ: «Как видите, и ваши доводы противоречивы: вы же недавно утверждали, что классовая борьба в стране больше не имеет места. И кроме того, будь я врагом, то, наверное, не благоденствовал бы в здешних умеренных широтах».

Ушел Алексей взбешенным. Соня права: кавалерийским наскоком не обойдешься. Но и не опускать же руки! Волго-Дон строим, университет высотный, а тут действуем точь-в-точь на манер бессмертного Остапа Бендера с его безапелляционным доводом: «Бога нет!» Ладно, там великий комбинатор боролся за единственную душу шофера «Антилопы-Гну», а здесь сколько душ?

Алексей снова покряхтел на песке. Еще неизвестно, как Дмитрий отнесется к его самостоятельной антиклерикальной акции. Сказано ведь было — не ввязывайся...

— К ксендзу я ходил, видимо, за сплошными неприятностями, — мрачно ответил Алексей на вопрос Варфоломея.

— Во-во! Только беду и наживешь. Я раз на минутку заскочил в костел, так меня два часа песочили на сборе.

Алексей об этом уже знал из Сониного рассказа. Но не все знал. Когда Варька упустил зловердного хуторского Стефку, он с досады плюнул. И сразу угодил в цепкие лапы костельного старосты. В одной руке староста нес не проданные за обедню свечи, а другой скрутил Варькин воротник.

— В божьем храме плюешь, бахур! А ну пошли...

Он повлек Варьку в костельную пристройку — притвор, где ксендз переоблачился после службы. Пастырь был не один. Прислонившись к мозаичному окну, стоял глухонемой Дударь. Они о чем-то разговаривали за дверью. Это Варфоломей отчетливо слышал, когда староста пихнул его через порог.

— Вот, пан ксендж! Это хамово отродье плевалось в стенах святого костела. Пусть его отец поучит вожжами своего пащенка.

Ксендз оглядел Варьку и брезгливо сказал:

— Ты стареешь, пан староста. Он же из семьи схизматиков. Православных. Это Мойсенович. Простим недомыслие отроческое... Отпусти его с молитвой.

Варфоломей получил молитвенное напутствие в виде подзатыльника и вылетел наружу. Перебирая в памяти все происшедшее, он вдруг вспомнил о разговоре за дверями притвора. Да, там слышался не только мягкий голос ксендза, но и другой — бас!

Ци-и-каво!¹

Сейчас он спросил у Алексея:

— Скажи, глухонемые могут разговаривать?

— Между собой — да. Знаками.

— Никакими не знаками, а басом. Могут? Хотя бы иногда? Вдруг у них такое время бывает: вылечивается голос. А потом он опять немой.

— Не говори чепуху... В чем, собственно, дело?

И тут Варфоломея прорвало. Начав рассказ с костельного притвора, он переключился на фигуру Дударя вообще и его роль в обнаружении высокопородистых червей, а затем и загадочного ящика. После этого в повествование вполне закономерно вошла бабка Настя с ее свидетельством о ящике в саквояже у юного прохожего. В связи с саквояжем упомянуты были исчезнувшая желтая сумка, а также остроносые туфли, в поисках которых Варька гонял на полустанок, а потом докладывал участковому о неудаче.

Так Варька волей-неволей ответил на вопрос Алексея, зачем бегал на вокзал.

Алексея заинтересовал Айвенго:

— А Квентина Дорварда нет в вашем экзотическом краю? Ты что же, в ординарцах ходишь у этого рыцаря без страха и упрека?

На столь звучную должность Варфоломей не претендовал.

— Н-не. Мы просто дружим. Как с тобой. Хоть он и старый.

— Ну, мерси за лестную аналогию. А теперь скажи: все эти

¹Интересно (белорусск.).

туфли, ящики и сумки не имеют роковой связи с закордонным самолетом?

Варька широко раскрыл рот, поскольку о самолете слыхом не слыхал. «Ага, — сообразил Алексей, — полного милицейского доверия парень еще не удостоился. А меня, кажется, уже тянет окунуть башку в эту коловерть без опознавательных знаков».

— Познакомил бы ты меня, Варфоломей, со своим мэтром.

— С Айвенго! Ты-ы, это вставать надо же до зари. Только так и поймашь его на берегу. Да и то если не с севера ветер. Когда северный, рыба не клюет. Тогда он дома книжки читает. Какую-то... крем-налист... Не выговарю.

Потом подумал и добавил:

— Ладно, познакомлю. Может, даже сегодня, хотя тут секретное дело.

Алексей улыбнулся: опять секреты! Варфоломей обиделся на улыбку: не на весь же свет орать, если Айвенго и ему прямо не сказал, что пойдет вечером на разъезд, а только осторожно спросил: «Слушай, друг, ты был на полустанке. Там сразу за кассой стоял стожок сена. Не заметил, есть он или уже свезли?»

Варька все заметил: стог стоял на месте.

СКИПИДАР ПРОТИВ СНОБИЗМА

— Итак, резвимся. Дон-ки-хот-ству-ем... — Дмитрий разделял слоги глотками кофе. — С поднятым забралом на штурм ци-та-дели Ватикана. Белый флаг капитуляции с собой увезешь или нам от щедрот своих пожертвуешь — сыром и убогим?

Издеваться старший брат умел. Это Алексей знал с детства. Только до конца никогда не мог понять: злился Дмитрий или просто насмеялся. Сейчас он, кажется, делал то и другое. Он язвительно поведал о приходе в райком Василия Кондратьевича. Тот вежливо позддравил секретаря с приездом в гости младшего брата, мимоходом поинтересовался его жизненными устремлениями, а потом напрямик заявил: «Знаете, ваш младшенький мне сегодня довольно коварно перебежал дорогу». И рассказал о своем randеву с ксендзом. «Понимаете, ваш расторопный братец едва не сбил меня с правильного следа...»

— Не икнулось? — поинтересовался у брата Дмитрий Петрович. И взмолился: — Ну что, на канат привязывать тебя? Где ты раздобыл эту сволочную проповедь?

На кухне Соня предупреждающе грохнула посудой.

— Не сигнализируй! — повысил голос Дмитрий. — Жуть как

трудно догадаться, что тут не обошлось без моей любезной жешушки. Вы что — втроем решили меня доконать?

— Почему втроем? — возникла в дверях Соня.

— А как же! Лялька меня утром гладит по затылку: «Палочка, ты райкомщик? Бедненький, нелегкая у тебя жизнь!..» Чьи это слова, филантропы чертовы?

Но сделанного не поправишь. Да в конце концов Алексей теперь не очень раскаивался в посещении ксендза. Конечно, это был не штурм, но все-таки сигнальный выстрел. Сейчас его интересовало другое: как отправиться на вечернюю прогулку с Варфоломеем. После случившегося он вроде бы снова почувствовал себя перед старшим братом несовершеннолетним. Однако никто его удерживать не собирался. Дмитрий и Соня шли в кино и по дороге хотели завести Ляльку к Люде-капитанше.

— Пусть со мной останется, — сдвинулся Алексей.

— На двадцатом году жизни летние вечера не проводят с младенцами, — сказала Соня. — Но может быть, ты с нами пойдешь в кино?

— Интересно ему ходить туда с женатиками, — хмыкнул Дмитрий. — Он с другими пойдет... Куда, кстати?

— Н-ну, мы погуляем, — неопределенно ответил Алексей.

— Вот-вот, он погуляет, — пробурчал Дмитрий. — Будет наблюдать мигающие и падающие августовские звезды. А не упадет ли в очередной раз на его голову что-нибудь потяжелее, поскольку данный мыслящий объект фатально притягивает на себя из макромира самые, пардон, дерьмовые бульжники?

— Ми-тя-а-а! — укоризненно протянула жена. Алексей посидел в одиночестве и решил куда не идти: настроение было испорчено. Но Варфоломей такой категории душевного состояния еще не знал. Для него всякая договоренность была непреложным законом. В полдевятого он появился под окнами Вершинных.

— Ну чего ты! Не пускают? Меня и то Прасковья отпустила.

— Да?! — удивился Алексей. — А что она делает?

— Она, по-моему, злится. Ну, что мы ее не позвали с собой.

Они все-таки ее позвали. И опять той же троицей, как было давно-давно, отправились на прогулку. Только на этот раз Варфоломей был флагманом, а не плелся в хвосте. Сумерки в лесу сгущаются быстро, и он спешил показать Алексею как можно больше интересного. Вот отсюда начинается полоса подсочки: из сосновых стволов добывается смола-живица и идет на смолоку-

ренный завод, к брату Ивану. У одной из сосен под широкой навеской в виде оперения гигантской стрелы Варька отколупнул жестяную воронку, полную застывшей янтарной массы, и поднес Алексею. При этом он сообщил, что такие сосуды укреплены на деревьях в количестве 3772. Ни больше ни меньше. Он сам считал. Зачем? А для математики. В каждой воронке бывает по 250—300 граммов смолы. Значит, только с этой делянки колхозный завод получит больше тонны сырья.

Конечно, для Алексея сбор живицы не был новостью: подсочку он встречал в тайге нередко. Но всегда равнодушно проходил мимо. Зачем ему смола? А хозяйственный хлопец Варфоломей посвятил его в некоторые детали применения живицы. Скипидар он знает? По запаху только? Э-э, без скипидара и сапужной ваксы не сделаешь. Хорошая краска и лак без него тоже не бывают. Говорят, и доктора его употребляют на мази и еще что-то. Но главное — без него в хозяйстве не обойтись.

Тут вмешалась Паша и добавила, что скипидар используют даже в парфюмерии. Алексей удивился: с такой-то вонью? Он удивился еще больше, когда услышал от девушки краткую лекцию о том, что из скипидара добывают душистое вещество терпинол, если он, конечно, богат пиненом, но для этого ни в коем случае не годится сульфатный скипидар, потому что содержит меркаптаны, от чего действительно происходит очень неприятный запах, но живичный скипидар с его плотностью 860 граммов в кубическом сантиметре при 20 градусах Цельсия и при показателе лучепреломления 1,475...

Алексей только помахивал головой. От скипидара Паша легко перешла к канифоли и бальзамам, шеллаку, янтарю, а также ладану, который издревле употребляется при религиозных обрядах. При последнем сообщении Алексей особенно энергично потряс головой и довольно бесцеремонно перебил девушку:

— Вполне-вполне удовлетворен и чувствую, что насквозь пропах ароматом скипидара. Но скажи ты мне, Христа ради, откуда у тебя столь обширные познания в этой... смолологии?

Паша укоризненно взглянула на него и отвернулась:

— Тут не смола... Просто химия мой любимый предмет. Ты вот даже не поинтересовался, где я думаю учиться дальше. А я поступаю на заочное в Менделеевский химико-технологический. Экзамены сдала, жду вызова на установочную сессию.

...Н-да! Алексей ощутил, что его этак деликатно, исподволь щелкают по носу и сбивают основательный налет снобизма. И он загрустил: поедет в Москву... без меня... этакая-то купринская Олеся.

И тут же выругал себя за несообразность аналогии: ускакала она от патриархальной Олеси. Однако другого литературного образа подобрать не мог. Ни на кого и ни на что не была похожа эта девушка. Какая-то каждую минуту неожиданная.

Но Паша была просто Паша.

— Лешенька, — шепнула она, — ты на что-то обиделся?

Он тихонько вздохнул и осторожно обнял ее за плечи. Она не отклонилась. А Варфоломей ничего не видел. Он умчался вперед к открывшейся вдруг большой поляне, к поблескивающим при свете звезд накатанным рельсам, к крохотному станционному домику лесного разъезда.

Он искал глазами своего друга Айвенго, чтобы познакомить его со своим вторым другом — Алексеем. Но участкового не увидел.

«НЕЛЬЗЯ ЛИ ДЛЯ ПРОГУЛОК...»

Увидеть его было невозможно, разве что услышать, потому что младший лейтенант лежал в стоге сена и ругался. Не громко, но внятно. На сочном партизанском диалекте он шепотом излагал все, что думает по поводу появления на разъезде милой компании. Особенно возмутил его легкомысленный вид пижона, обнижавшего Варькину сестру. Негодование вызывал и сам Варфоломей, надежно усевшийся на скамейку у дощатой кассы. Участковый понял, что именно он приволок сюда парочку, так как ясно расслышал безмятежное заявление парнишки: «Ничего, он обязательно появится, тогда познакомлю».

«Не иначе, меня ищет, — догадался Айвенго. — Но как сообразил, что я пойду на разъезд? А! Сам же я ему сболтнул что-то про сено. Не хватало, чтобы он в стогу рыться начал».

Варька словно читал мысли участкового.

— Вообще-то я почти что знаю, где он, но раз сам не идет, значит, так надо.

«Спасибо и за это, помощничек», — прокомментировал Айвенго и обрадовался, увидев, что из кассы вышел широкоплечий молодой человек и направился к компании.

Был он постарше Алексея, но одного с ним роста и одет почти так же — в легком летнем костюме и пестрой тенниске. Он радушно улыбнулся студенту и предложил ему пройтись по маленькой перрону. Алексей с легкой тревогой взглянул на Пашу, но девушка спокойно кивнула — она знала этого человека. Издали она видела, как собеседники предъявили друг другу какие-то книжи-

цы, обменялись несколькими фразами и вернулись к кассе. Широкоплечий снова скрылся внутри. Алексей же довольно мрачно поглядел ему вслед, взял Пашу под руку, а Варфоломея за воротник и повлек их обратно к лесу.

— Нам только что популярно разъяснили, — сказал он, — что вечерний перрон — не лучшее место для праздных прогулок. Предлагаю вернуться через этот угрюмый бор под безмятежный свет электрофонарей райцентра и финишировать у танцплощадки. Танцевать не люблю, но там, говорят, бывает пиво.

Паша отнеслась к происшедшему с тихим удовольствием: «Ну, действительно, чего нам тут делать-то? В лесу лучше». Лес никогда не был для нее угрюмым, как и для Варьки. Но Варфоломей реагировал на уход с полустанка по-другому:

— Был бы Айвенго, он показал бы, как нас гонять. Что, поглядеть нельзя, как шпионов арестовывают?

— Варфоломей, ты не бредишь? — обеспокоилась Паша. — Знаешь, Леша, он по ночам все бормочет, какого-то Штюбинга ловит, фрейлейн Терезу вспоминает... Я понимаю, что возраст у него такой, но уж больно он впечатлительный. Ему лучше бы читать побольше, а он все кино про шпионов норовит поглядеть... Плохая из меня получается учительница, если не могу родного брата...

На этот раз Алексей слушал ее невнимательно. Варфоломей прав: их удалили с полустанка недаром.

— Слушай, друг, где все-таки твой Айвенго?

— В сене. Был. Это точно, он сам про стожок спрашивал. А сейчас не знаю — поезд-то уже пришел и ушел.

Да, из-за темных деревьев пару минут назад отчетливо прозвучал короткий гудок паровоза, а потом появилось над кронами сосен облако светлого дыма. Значит, если и случилось на станции что-то интересное, то все уже в прошлом.

Они не спеша продолжали путь по рыхлой гравийной дороге. Вскоре сзади послышался хруст щебенки — в поселок торопились пассажиры, сошедшие с поезда. Обогнала тетка с двумя сумками через плечо и белеющей на шее связкой баранок — такие в райцентре не выпекали, возили из города. Прошли парень с девушкой в обнимку — Паша деликатно отвернулась. Торопливо прошагал высокий мужик с чемоданчиком, в кителе без погон и в блестящих при луне сапогах. За ним двигался по обочине дороги Айвенго. В неизменной ковбойке и тоже в сапогах, только не в блестящих.

Варфоломей толкнул Алексея в бок и рванулся было к своему другу. Алексей инстинктивно задержал его. И тут ему показалось, что участковый на мгновение благодарно улыбнулся.

А вскоре проехал на велосипеде тот самый широкоплечий. Он, словно на прогулке, медленно крутил педали и легонько насвистывал «Прекрасную маркизу». Все четверо одновременно поравнялись со стреловидной табличкой на столбе, указывающей влево «Красовщина — 8 км». Велосипедист туда и свернул, помахав компании рукой. Будто знакомым.

Не успели они отойти от указателя сотни шагов, как сзади, со стороны красовщинского своротка, раздался приглушенный крик: «Студент! Вершинин! Давай сюда, быстро!»

Алексея звали одного, но побежали все трое. Метрах в ста от поворота поблескивал под лупой брошенный на дороге велосипед. Его хозяин в кювете приподнимал за плечи другого человека. Младшего лейтенанта милиции Айсидора Венедиктовича Голагозу.

Часть вторая

Луна запуталась в облаках, радостно выскочила из них, осветила мимоходом на крыши вагонов мчавшегося поезда и снова ушла в тучу... По обе стороны железнодорожного полотна притаились двое. Слева, на склоне насыпи, медведь обирал позднюю землянику, находя ягоды по запаху. Он уже научился не бояться грохота поездов, знал, что от них кроме шума и вони вреда не будет.

Справа от насыпи скорчился в кустах человек. Минуту назад он спрыгнул с тормозной площадки заднего вагона и сейчас ошупывал ногу, которая побаливала. «Просто легкое растяжение», — подумал он. Однако резкая боль заставила охнуть и сесть. В ответ за рельсами испуганно рявкнул медведь. Человек быстро побежал на четвереньках в сторону болота, пытаясь на ходу достать что-то из-за пазухи. Медведь короткими скачками умчался в лес.

ОСОВНЯК С ПОДЗЕМЕЛЬЕМ

Когда участкового перевязали рукавом белой Пашиной кофточки и широкоплечий умчался искать машину, Варфоломей всхлипнул:

— Ага, вот ты и познакомился с Айвенго. Лучше бы не знакомиться... Он живой?

Он был живой, но лежал совсем тихо. Без сознания. Его сильно ударили сзади по затылку. Наверное, проломили череп. Кровь уже не шла из-под повязки, но и так ее натекло много на ковбойку и на руки всех, кто ему помогал. Паша тряслась мелкой дрожью, прижавшись к сосне. Алексей в ужасе думал о том, что смерть может наступить раньше, чем придет машина. Варька продолжала всхлипывать и вдруг начал икать. Паша прижала к себе его голову и стала дуть ему в темя, как поступают в подобных случаях с младенцами.

Машина приехала довольно быстро. Это был фургон «Скорой помощи», и все поместились в нем. Алексей с изумлением поглядел на майора милиции, который всхлипывал почти как Варька. Мрачно смотрел в окошечко подполковник с синими просветами на погонах. Женщина-врач поддерживала голову Айвенго, которого положили на носилки вниз лицом. Паша так и не могла унять дрожь. Варфоломей ехал в кабине.

У окраины поселка автобус притормозил, видимо, шофер знал, где живут Мойсеновичи. Вместе с Пашей вылез Алексей. Подполковник не очень дружелюбно спросил:

— А вам куда? Насколько я знаю, Вершинины дальше живут.

Алексей ничего не ответил. Не мог он в таком виде являться к Мите, Соне и Ляльке: брюки, тенниска, руки — все в засохшей крови.

Дома Паша вскипятила на керогазе большую кастрюлю воды, напоила сначала Варфоломея чаем с какими-то листьями и непрерываемо скомандовала — спать. А он и так уже спал за столом.

Потом Паша поливала Алексею во дворе на руки и голову, снова грела воду, застирывала его одежду, а он сидел на крыльце в старых брюках и наброшенном пиджаке Ивана. Глядел в темную августовскую ночь. «Ничего себе — тихая ночка!..»

За калиткой послышались шаги и нарочитый кашель. Алексей узнал Дмитрия. Встал, подошел к брату со смешанным чувством вины и готовности обороняться. Но Дмитрий не думал его упрекать. Тихонько проговорил:

— Он в сознание приходил. Ненадолго. Говорит, что ударил его тот, за которым он шел. Спрятался после поворота, пропустил мимо и ударил. Выходит, знал, что милиционер. В кителе, говорит, какой-то...

— И с чемоданом, — добавил Алексей. — Видели мы его, нас он тоже обогнал. Почему его сразу на разъезде не взяли?

— Спрашивал я об этом подполковника. Говорит, что рано было брать. Хотели узнать, зачем он идет в Красовщину.

Алексей горько усмехнулся.

— Вот и проследили. Ищи ветра в поле.

— Да нет, дальше на дороге имеется еще один товарищ...

Алексей попросил у брата закурить. Тот удивился: сроду не видел Алешку курящим. Но сигарету вынул.

— Что, нервы?

— Есть немножко, — признался младший. — В самом деле, на мне словно тавро какое-то... Ну, если тебе уже все рассказали, то скажи, зачем там был этот... с велосипедом? Нас выгонять с перрона?

— Не дури. Лейтенант Харламов — один из лучших здесь оперативников. Между прочим, сын того бывшего майора, из Гродно.

— То-то мне фамилия в удостоверении показалась знакомой.

— Он должен был страховать участкового. На какую-то минуту опоздал свернуть на ту дорогу... Сейчас как мальчишка ревет в больнице.

— Лешенька, ты где? — испуганно крикнула с крыльца Паша. — Все готово, иди переодевайся.

Дмитрий Петрович протянул брату ключ:

— Кончай свои дела и иди домой. Не звони, чтобы женщин не будить.

— Соня здорово волнуется?

— Ничуть она не волнуется, раз передали, что ты здесь сошел. Только и сказала: «Правильно, не оставлять же ему после всего Пашу и Варьку одних». Вот так-то. Завтра, то есть уже сегодня, мы с тобой в Гродно прокатимся. Мне в обком надо, а ты — куда там хочешь. Так что торопись выспаться.

У Алексея полгоры с плеч свалилось после разговора с братом. Он передал этот разговор Паше. Она тоже взбодрилась:

— Главное, что живой, а врачи у нас хорошие. Знаешь, он такой одинокий, живет службой да мальчишками. Варьке вроде отца... Леша, ты умеешь яблоки чистить? Я хочу ему приготовить сок, утром отнесу в больницу. Больше-то ничего, наверное, не примут. А спать все равно не хочется.

Не хватило духа у Алексея сказать ей о наказе брата. Он достал перочинный нож и принялся за яблоки, а Паша орудовала теркой...

Варька спал беззвучно, только пальцы на откинутой руке все разжимались и сжимались. Разжимались и снова сжимались плотно-плотно. Кому-то крепко грозил Варфоломей ободраным кулачком.

«Грустно ему завтра будет, — подумал Алексей. — Развеять бы парнишку. Что, если попросить Митю взять его тоже прокатиться в Гродно?»

«Победа» промчалась по заречной улице Пограничников, миновала мост через Неман и остановилась на углу Советской и Замковой. Дмитрий Петрович сказал:

— Мне отсюда до обкома два шага, а вас, ребята, водитель отвезет на квартиру к Голубу. Там и встретимся вечером. Ну, скажем, в шесть часов. День у вас свободный. Не забыл, Женя, где живет подполковник Голуб?

Чубатый шофер Женя снисходительно процедил:

- Чего тут забывать. Не такое помним...
- Ну-ну... Сразу вернешься к обкому, ясно?
- Чего тут неясно. Вернемся.

Еще через пять минут машина затормозила на зеленой и тихой улице Лермонтова. Здесь стояли двухэтажные коттеджи. У того, к которому подъехали, наверху была раскрыта дверь балкона. На балконе сидел в кресле-качалке мальчик лет четырех. Он увидел вышедших из машины и крикнул внутрь квартиры:

— Мама, мы туда не поедем, он сам приехал!..

Алексей узнал шустрого Мирослава. Сразу же выглянула Татьяна Григорьевна.

— О господи! Без предупреждения! Антон, гости!

Появилась мужская физиономия с усами. После короткого рассматривания приехавших Антон Сергеевич Голуб сообщил:

— Спускаться я не буду, потому что в пижаме. Отпуск завершаю. Шагайте вон по этой боковой лестнице, тут такая дурацкая архитектура.

По жидким ступенькам гости поднялись на второй этаж. Варфоломей сразу оробел при виде большого цветастого ковра на полу. Однако вскоре робость прошла. Когда Алексею было сказано хозяином, что «ни в жисть бы тебя не признал», а тот отрекомендовал Варьку как родного брата Ивана Мойсеновича, Антон Сергеевич сказал:

— Ты, хлопец, со своего старшого и бери пример. Ванька средю не спасует ни перед какими коврами. Он в сорок четвертом добрался до самого Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, начальника всех белорусских партизан. Тот уже первым секретарем ЦК был в Минске, а ковры там, думаю, побольше этого. Так наш Иван протопал по ним мимо всех помощников и секретарш и предстал, как был, в проженной телогрейке перед очами нашего дорогого партизанского генерала. Спросите, по какой надобности? А кровно оскорбился, что его друга забыли внести в наградной список.

Попутно гости узнали, что смутивший сельского хлопца ковер — всего лишь лотерейный выигрыш Славки. («На милицейскую зарплату разве купишь, а Мирослав потянул однажды в парке билетик на счастье — и на тебе».)

Далее гости еще узнали, что в свой отпуск Антон Сергеевич с семейством собирается навестить Ивана и Соню с Дмитрием, да вот приболел, а между тем есть там у него коллега, младший лейтенант Горакоза, великий рыбовод, и звал он Антона голавлей ловить на рассвете, гарантировал дюжину рыбин за полчаса.

Варфоломей взглянул на Алексея: говорить — нет? Тот пожал

плечами: наверное, говорить, в милиции не слабонервные служат...

— Антон Сергеевич, — насутился Варька. — Айвенго подождать придется с голавлями. В больнице он. Раненый.

Выслушав рассказ о вчерашнем происшествии, Голуб печально повистел:

— Ну, дела там у вас... Значит, тем более поеду. Сейчас уже в командировку. Не поймали, выходит, того уголовного?

Алексей осторожно сказал:

— Вероятно, там не просто уголовщина. Впрочем, я не уполномочен. Митя приедет, он расскажет.

— Так-так. Понятно. — И долго не возвращалось к Антону Сергеевичу хорошее настроение.

Алексей полюбовался цветной фотографией бравого воздушного десантника, узнал Михася по упрямому квадратному лбу под пилоткой и с удовольствием выслушал сообщение Татьяны Григорьевны, что возможен скорый приезд приемного сына во внеочередной отпуск.

— Да-да, — рассеянно подтвердил отец. — От командования части пришло письмо с благодарностью. Что-то учудил в небесах Михась. Кажется, принял на свой парашют другого солдата; у того не раскрылся этот чертов зонтик. Не люблю я их профессию. За миллион не полезут на облака.

— Вы ему не верьте! — возмутился Мирослав. — Он сам прыгал. Или ты врал, папка?

Антон Сергеевич прикрыл ладонью рот сынишки.

— Нельзя так отцу говорить. Не столько я прыгал, сколько меня спихнули без всякой церемонии. Костры, видишь ли, появились под крылом. Ну и штурман меня, мягко говоря, в поясицу... без предупреждения... А может, я хотел «Отче наш» прочитать перед этим? Не шутейное дело — скакать в темноту вниз головой, а потом целый километр болтаться на каких-то веревочках. Нет, я уж лучше по матушке-земле...

Алексей подумал, что для него сейчас удачный момент тоже пройтись по матушке-земле, то есть по улицам города. До обеда явно далековато. Хозяева не стали его удерживать.

— Варфоломей, пойдешь со мной?

— А то нет!

Перед уходом Алексей поинтересовался: не встречался ли Михась до ухода в армию с неким Станиславом Мигурским, здешним пареньком, их ровесником? И что вообще о таком известно? В редких письмах Алексею Михась только два раза упомянул о Стасе: выздоровел, учится, живет там же.

Антон Сергеевич поразмышлял:

— Вообще-то к Михасю заходило много дружков, но Мигурского я не помню. Хотя фамилия мне известна. А! Однажды Михась рассказывал, что катался с ним на пароходе. А почему именно на пароходе — не знаю.

Они вернулись в городской центр, прошли мимо костелов на площади, и многое Алексей здесь не узнал. На высоком берегу стояли многоэтажные корпуса каких-то предприятий, еще в строительных лесах. Прохожий сообщил: сооружают камвольный комбинат.

— Что это такое — камвольный? — спросил Варфоломей.

— Материю будут делать. Для костюмов и пальто, — пояснил Алексей, а сам впился глазами в Замковую гору, где было пережито довольно жуткое приключение с парикмахером Петуховским.

Надо бы и в музей зайти — интересно, жив ли тот милый старичок-экскурсовод, — но маловато времени. Ему все-таки хотелось разузнать о Стасике.

Снова прошагали мост, за рекой Алексей без труда нашел улицу, где стоял бывший особнячок Шпилевских.

— Знаешь, Варфоломей, в этом дворе, вон под тем сарайчиком, есть тайное подземелье. А от него идет подземный ход.

— Что я — маленький? — шмыгнул носом Варька. — Сказки из кино рассказываешь...

— А вот и не сказки, — воодушевился Алексей, но вдруг замолк.

Из дому вышел и направился по дорожке к калитке худощавый невысокий парень в тельняшке и необъятных брюках клеш. Он на ходу что-то дожевывал и потому обратился к пришельцам так:

— Гам гого?

Алексей прищурился. Голос, конечно, не тот — мужественный голос. Усиков тогда тоже, конечно, не было. Но глаза-то годам не подчиняются. Вот они, те самые, карие и мохнатые.

Алексей скорчил свирепую рожу:

— Гам не гого, а возвращай раков, которых добрые люди тебе одолжили в больнице. Ишь, исцелился, усы завел... Может, и «Яблочко» плясешь?

...Варька решил, что назревает драка. Алексей и неизвестный матрос сшиблись в жестоком объятии. Варфоломей тоскливо оглянулся на пустынную улицу: сам-то не разнимет этих дубин, но тут услышал почти всхлипывающее:

— Лешка, дружище, какими судьбами?

— Здорово, морской чертушка. Ты и вправду, Стаська, здоров?

Варька всмотрелся в эту сцену, плюнул и бесцеремонно отправился во двор поглядеть на таинственный сарай с подземельем. Пока эти будут там по-девичоночь обниматься...

Они больше не обнимались, а просто не могли наговориться. Сейчас им казалось, что месяц, который они прожили вместе шесть лет назад, был целой эпохой в их жизни. Уму непостижимо, сколько событий тогда вместились в тридцать дней.

Потом Станислав рассказал, что второй год после школы работает.

— Здоров-то я здоров, но в армию все-таки не берут пока. Пошел в парходство: спрашиваю, нужны вам городские чемпионы по плаванию? Отвечают, что им нужны чемпионы палубу драить и на вахте ночью торчать, когда лесовоз через мели идет. В общем, поступил матросом. Доволен. Главное, что при Немане. Ну и заработок — дай боже. Мотоцикл купил, женился.

Алексей, как маленький, раскрыл рот. В сознании не укладывалось, что недавний хрупкий Стасик — уже семьянин. Сам-то он смотрит на такое дело как на весьма отдаленное.

— А чего такого? Мне же двадцать первый, я, помнится, постарше тебя на годок. Маму схоронил, подрезала ее война. Ну и надоело болтаться неприкаянному.

— Кто она?

— Была на пароходе буфетчицей, сейчас в «Поплавке» работает. Есть такое кафе на берегу. Пошли!

— Куда?

— Да к ней. Я там всегда обедаю, когда не в плавании. А сегодня у меня вольный день. Да чего тут неудобного?! Забирай своего парнишку, и потопали. Он кто, кстати?

Алексей коротко пояснил. Наверное, Стась про себя улыбнулся: «Ага, значит, брат той самой «доярки», что тогда болтнул Михась. Тянется, значит, ничточка...»

СТРАСТИ-МОРДАСТИ

Однако Варьку вернуть оказалось непросто. Он как исчез в недрах сарая, так и не показывался.

— Варфоломей!

Тишина.

— Куда тебя унесло?!

Молчание. Парни пошли в сарай. Люк в погреб был открыт. На земляном краю его видны были следы маленьких сандалий.

Но на оклик опять никто не отозвался. Станислав озабоченно потрогал усики.

— Понимаешь, там соседкины припасы стоят. Всякие соленья-варенья. А баба она сварливая, не повезло нам на соседку.

— Да он ничего не тронет, не такой хлопец...

— Не в том дело. Ты же помнишь, ход отсюда ведет прямо на кухню. А вдруг...

Он как в воду глядел. На крыльце раздался визг:

— Милиция! Я те покажу, как лазить по погребам. Я тя научу варенье красть! Милиция!

Поджарая растрепанная тетка цепко держала одной рукой Варфоломея за воротник, а другой пыталась огреть его по голове поварешкой. Но Варька был не из тех, кто покорно принимает тумачи. Он вцепился пальцами в жилистую руку с уполовником и повис на ней, а ногами плотно оплел сухопарые теткинны икры. В результате, когда парни подбежали к крыльцу, парочка уже катилась по ступенькам.

Разняли. Алексей спрятал за спину дрожащего Варьку, а Стась пытался разъяснить:

— Наш это хлопец, наш, он случайно туда попал, успокойтесь!

— Случайно?! И вчера тоже случайно шебуршало в погребе? Я бы и вчера его застучала, да он дал такого драпу, что лестницу на меня опрокинул. Вон — синяк под коленом. А сегодня вишь пожаловал прямо на кухню. Думал, я в магазине, откуда берутся такие воруи, вроде бы давно уж не голодные! Н-не, я за постовым пойду. Ответит еще и за передник!

Цветастый передник действительно выглядел после схватки довольно жалко. Но Стась вновь терпеливо стал объяснять соседке, что этот парень вчера никак не мог быть в погребе, потому что вообще не здешний, а сегодняшнее происшествие — сплошное недоразумение.

— Просто он на минутку остался без присмотра, а подземный ход — это ж пацанам всегда любопытно... Ничего же не тронуту у вас.

— «Не тронуту!» Было бы тронуту, всем попало бы поварешкой! Она потрясла своим оружием и наконец удалилась.

«Поплавок» был устроен на четырех старых баркасах, сшитых воедино дощатым настилом. За буфетной стойкой орудовала пухленькая блондиночка со вздернутым носиком. «Таких обычно Катюшами зовут, — почему-то подумал Алексей. — И голос у них тоненький».

— Знакомся, Катя, — мой друг Леща, о котором тебе кое-что известно, — объявил Стась.

— Ой, — пискнула девушка, — а я без укладки!

Она схватилась за светлые кудряшки под накрахмаленным колпачком и скрылась за занавеской, Алексей чуть не расхохотался. Через минуту Катюша появилась вновь, чинно представилась и сразу захотела узнать, чем их угостить.

— Мальчику, конечно, мороженое на сладкое, — щебетала она, — а вам советую попробовать угря копченого, только что подвезли снизу на «Черняховском». Ничего против не имеете?

Алексей против угря ничего не имел. Жена Стасика ему понравилась.

— К угрю, конечно, пиво... или вам еще чего-нибудь ради встречи? — хозяйничала Катюша.

— Чего-нибудь! — четко распорядился Стась. — По маленькой.

Они чокнулись за дружбу, закусили истекающим жиром угрем, потом подняли бокалы пива за расторопную Катюшу. Варфоломей после фирменной свиной поджарки атаковал вазочку с мороженым. Ел он его третий раз в жизни, поскольку производство этого продукта пока не было налажено в районном центре.

Стась и Катя ушли за занавеску о чем-то пошептаться. Алексей глянул на Варьку и заметил на его лбу созревающую шишку. Все-таки удостоился... Он укоризненно шепнул, имея в виду погреб:

— Ну чего полез?

Варфоломей от неожиданности выплюнул мороженое:

— А ты бы не полез?! Нарассказывал о всяких подземельях да ходах и еще спрашиваешь. Сам, что ли, не лазил?

— Ох, лазил... — покался Алексей.

— А тетка-то совсем сумасшедшая. Видать, слурела от жадности к своим банкам. Вижу, что-то там в темноте белеет, спичку зажег и аж вспотел. Потому и побежал не в ту сторону. Вон какую картинку она прилепила к огурцам, как раз и есть будто в кино.

Он вынул из-за пояса брюк скомканную бумагу. Алексей расправил, и на него впечатляюще глянул пустыми глазницами череп с перекрещенными костями. Внизу крупными печатными буквами было написано не менее устрашающее: «Возмездие близко!» Алексей захохотал:

— Стась, иди-ка погляди на художество своей соседки. Экую придумала для маринадов охранную грамоту.

Стась разглядывал бумагу довольно долго. Потрогал свои усики.

— Д-да, смешно. Но изготовить эти страсти-мордасти сама соседка не могла. Понимаешь, она неграмотная...

На самый-самый десерт Катюша угостила компанию пластинкой с «Молдаванкой», нежным голоском подтянула: «Ждет тебя до-ро-о-га...» Алексей воспринял это как сигнал отбоя. Когда он тихонько спросил у Стася, сколько с него причитается за обед, Катя каким-то образом услышала и замахала пухлыми ручками: «Вы у нас в гостях, как не стыдно, извините, если что не так!»

Алексей послал Варфоломея на пристань, где видел старушку-цветочницу. В ожидании они стояли у деревянных перил кафе и продолжали вспоминать. Поговорили о Михасе, об Антоне Голубе. Алексей спросил:

— О четвертом из нашей компании ничего не слыхать? Ну, о Казике Шпилевском.

Станислав фыркнул:

— Если не слыхать, то видать...

— Как это?

— Да так, что я его как раз вчера встретил. Идет по Ожешковой улице такой пихонистый, в шелковой рубашке, ажно весь светится. Хотел я его окликнуть, да потом разглядел, что он сознательно отворачивает от меня свою пухлую фотографию. Ну я и прошел мимо. А раньше все шесть лет не встречал. Думал, он в Польше.

Алексей возразил:

— Чего бы ему отворачиваться? Ну ссорились иногда, так ведь ребятишками были. Ошибся ты, наверное.

Станислав ответил жестко:

— Нет. Я в нем не ошибусь. Мне даже его ямочка на подбородке до сих пор снится. Враждовали мы тогда не от ребячества...

Варька слетел сверху с букетом гладиолусов. Услышав про ямочку на подбородке, он вытарашил глаза на Станислава:

— А где вы видели... такого?!

СНОВА ОБ АЛЫХ ПЕРЬЯХ

Татьяна Григорьевна Голуб не одобрила, что Алексей и Варфоломей уже пообедали в кафе. И не смилостивилась над ними, а заставила активно участвовать в расправе над пышным рыбным пирогом: «Угорь — это мелочь, а налим — это вещь!»

Подъехавший из обкома Дмитрий Петрович с минуту разглядывал пирог, а потом пришел к выводу, что быстро с ним не управиться, и потому есть смысл отпустить машину на пару часов.

— Да ты позови шофера сюда, — посоветовал Антон.

— Не пойдет. Он принципиальный и спесивый. Ты кто? Подполковник. А он ниже генеральского ранга не признает.

— Чего так высоко?

— В армии генерала возил. До сих пор вспоминает...

— Тяжело тебе с ним. Ты хотя и начальство, но все же не генерал.

— И не говори. Он меня за одно только терпит: как-то услышал, что мне орден в сорок четвертом сам маршал вручал...

— А за что орден? — встрял Варька.

— За Пауля фон Шифенберга, командира дивизии СС, — сказал Варьке Алексей с легкой гордостью. Слава брата задевала крылом и его. — Митя грохнул его из снайперской винтовки, когда тот изволил обзирать позиции...

За столом Варька почти ничего не ел. После поджарки и мороженого пирог с налимом не казался привлекательным. Зато привлекательной была история, как старший Лешкин брат срезал пулей фрицевского генерала. Варька жаждал подробностей. И когда Лешка начал жалобно отдуваться и поклялся, что не может больше проглотить ни кусочка, Варфоломей поманил друга на балкон.

— Рассказывай, — потребовал он.

И Алексей не без удовольствия поведал о славных делах брата-снайпера, о котором писали фронтовые и армейские газеты.

— А где он стрелять учился? — деловито поинтересовался Варька.

— В детстве еще начал, в стрелковом кружке. У него уже в пятом классе взрослый «Ворошиловский стрелок» был, значок такой...

Варька вздохнул. Он хотя и рос в партизанской семье, его знакомство со стрелковым оружием ограничилось пневматическим ружьем в заезжем тире-фургончике, который несколько дней в прошлом году работал в райцентре. Выстрел стоил гривенник. Варька выпросил у Паши рубль и высадил по разноцветным мишеням десять пуль, причем с весьма слабым результатом.

Варька поведал эту грустную историю Алексею и мимоходом обругал школьного военрука, у которого в кабинете за обитой железом дверью «кое-что водится, но шиш допросишься».

— Митя, между прочим, не сразу за винтовку взялся, — заметил Алексей. — Они с ребятами из луков тренировались.

Варька пренебрежительно хмыкнул:

— Игрушки...

Алексей слегка обиделся:

— Не соображаешь! Хороший лук посильнее охотничьего ружья бьет. А меткость знаешь как развивает! И твердость рук... У Мити с друзьями даже целое стрелковое звено было, называлось «Алые перья стрел»...

Варька потребовал подробностей. И Алексей рассказал Варьке о делах славного звена, которое поклялось готовить себя к борьбе со всякими врагами и красило оперение стрел алыми учительскими чернилами Алешкиного и Митиноного отца.

— Между прочим, — сказал Алексей, — из можжевельника получаются совсем неплохие луки...

— А покажешь, как делать? — загорелся Варфоломей.

— Я сам из можжевельника не делал. Но принцип известен, можно попробовать.

— А из чего ты делал? У вас тоже стрелковое звено было?

Алексей собрался рассказать, что он с друзьями предпочитал самострелы с тугой резиной, что звено было, только с другим названием, и что у звена, да и у всего отряда, хватало дел в трудные военные годы... Но Дмитрий Петрович уже выбрался из-за стола и напомнил собеседникам: пора ехать домой.

На прощание Татьяна Григорьевна нагрозила Варфоломея солидной связкой книг:

— Я не знакома пока с твоей сестрой, но раз она тоже учительница, то остальное неважно. Эти книги ей пригодятся в начале педагогической деятельности.

Алексей мельком проглядел корешки: Крупская, Ушинский, Макаренко и даже Песталоцци. От такого подарка он бы и сам не отказался. Варфоломею вручен был перочинный нож о четырех лезвиях.

— Держи, партизанский питомец! Без нужды не вынимай, без славы не вкладывай, — сказал Антон Сергеевич.

— Не выну, не вложу, — абсолютно серьезно пообещал Варька. — Мне давно такой надо, чтобы с кривым кончиком. Я им вырежу Айвенго из ясеня.

— О! — восхитился Голуб. — Ясневый бюст при жизни. Он, пожалуй, заслужил.

— А еще пригодится стрелы строгать, — деловито сообщил Варька.

Снова замелькали городские пригороды, а вскоре начались по обе стороны булыжного шоссе и нескончаемые леса. Неожиданно Дмитрий запел вполголоса:

Стоит угрюмый лес,
задумался и ждет...

У него был мягкий баритон, легко справлявшийся с широкой, торжественно-печальной мелодией. Песня текла за окна быстро бегущей машины, и сосны согласно кивали ей вслед: да, мы задумались, да, мы ждем...

Там человек металлом
в камень бьет.
Вперед, друзья,
вперед, вперед, вперед!

— Митя, что за песня? — тихо спросил Алексей.

— Не слышал? Это песня старых политкаторжан, — так же тихо ответил брат. — Есть вещие слова:

...По капле кровь его
в тайге тропу пробьет.
Вперед, друзья,
вперед, вперед, вперед!

Варфоломей в уголке машины подозрительно потянул носом: он опять думал про Айвенго. Только чубатый шофер Женя не был склонен к минору. Он назидательно изрек:

— Мой гвардии генерал-майор, когда из гостей ехал, песни пел сплошь веселые. Была у него любимая — «Эх, Андрюша, нам ли быть в печали!». Андрей Ипполитовичем его звали.

— Да знаком, знаком я с твоим Андреем Ипполитовичем, — с досадой сказал Митя. — В прошлом году вместе на уток охотились... Действительно веселый человек. Не то что некоторые зануды...

— Знакомы? — почтительно прошептал Женя. И всю оставшуюся дорогу уважительно молчал.

Митя и Алексей ехали на заднем сиденье. Варька сидел рядом с Женей. Казалось, он задремал.

— Ну как, рассеялся, надеюсь, парнишка? — спросил Дмитрий Петрович.

Алексей задумчиво проговорил:

— Знаешь, он, кажется, на меня похож.

— Чем это?

— Тем самым талантом «встревать», как ты выражаешься. Они с Айвенго одного типа искали в поселке, а его вчера в городе видели. Если это, конечно, одно и то же лицо. Сейчас Варька до макушки переполнен своими соображениями, а изложить некому: участковый «прихворнул».

— А с тобой не откровенничает?

Алексей вздохнул.

— У меня, кажется, рождаются некоторые собственные соображения.

— Горе ты мое! — вскинулся Дмитрий. — Все матери напишу.

...А Варька не дремал. Он устал в стекло невидящие глаза и шептал слова песни:

И кровь его в тайге
тропу пробьет.

ПЕРЕГНОЙ

Переехавшие в начале сорок шестого года в Польшу Шпилевские задержались здесь ненадолго. Народные власти без особого восторга встретили пана Августа, выдворенного из Советской страны за весьма неблагоприятную деятельность. От уголовного наказания в Белоруссии его избавило лишь великодушие соответствующих органов: учли, что у Шпилевского семья с несовершеннолетним сыном.

Уличенный вскоре на Познанском черном рынке в крупной спекуляции золотом и алмазами, пан Август не стал дожидаться повестки к следователю. Собрал остатки валюты, наплевал на подписку о невыезде и через Балтику уплыл с семейством в Швецию, а оттуда попал в Лондон, под крылышко печально знаменитого эмигрантского правительства. Был удостоен личного приема у его главы Миколайчика, где достойно расписал свои кратковременные контакты с «лесными братьями». В его рассказе банда Бородатого оказалась вовсе не деморализованным сборищем уголовников, а чуть ли не регулярной частью любезной сердцу Миколайчика «Армии Крайовой» — оплота борьбы против большевизма и во имя возрождения панской Польши.

Безудержная фантазия пана Августа насчет его энергичного участия в вооруженном подполье «АК» создала ему некоторый авторитет. Он получил патент на содержание часовой мастерской, а семнадцатилетний сын Казимир был определен на казенный кошт в частный университет на славянский факультет. Потекла довольно сытая жизнь лондонских обывателей.

Сначала Казимиру нелегко было учиться и дышать университетским воздухом, потому что он почти не знал английский язык. Это вызывало ежедневные насмешки однокурсников, которые вконец испортили болезненно самолюбивый характер парня. В отместку своим недоброжелателям он стал напористо изучать бокс, всерьез занялся гимнастикой, сбросил до последней унции прежние жировые отложения, и уже через год редко кто осмеливался поддразнить его в разговоре. Однажды Казимира даже исключили за драчливость, но пан Август куда-то отнес уникальные настольные часы викторианской эпохи, и сыночка восстановили. И пополнилась бы через пару лет бесчисленная армия лондонских клерков в белых воротничках еще одним собратом, не свались пан Август под колеса двухэтажного столичного автобуса.

Казимир пошел по знакомому адресу в унылый особняк эмигрантского «правительства», чтобы попросить денег на похороны

отца. Он получил пять фунтов стерлингов на оплату катафалка и ксендза и заодно сообщение о прекращении ему выплаты средств на университет. «Пусть славный польский гражданин пан Август в мире почитет, а субсидировать пана Казимира мы больше не в состоянии. Можем лишь содействовать в устройстве на работу».

Удрученный и одновременно взбешенный, Казимир спустился в вестибюль и здесь услышал ворчливый голос швейцара:

— Нех млоды пан лучше вытирает обувь, я не каторжный вызывать эту английскую слякоть.

Не раздумывая, Казимир дал ему основательного пинка и тут же был схвачен за плечо. Коренастый человек средних лет сказал ему по-польски, но с лондонским акцентом:

— Может быть, гневный юный пан меня пожелает ударить вместо старика?..

Не дослушав, Казимир вкатил ему молниеносный прямой слева. Тот устоял, но отскочил и издала произнес:

— О-отлично! Где учились?

— Сейчас покажу! — совершенно остервенел парень и снова кинулся на незнакомца, но через секунду стоял в углу с вывернутыми назад руками. Так осуществился его контакт с джентльменом из Интеллидженс Сервис.

БУТОНЧИК РАСКРЫЛСЯ

Через месяц после многочисленных бесед и проверок Казимир был увезен из дымного Лондона в Северную Шотландию, в бывшее имение богатого лендлорда с многомильным охотничьим парком, вполне похожим на лес. Перед смертью лендлорд завещал свои владения «британской короне для умножения ее могущества». Сейчас все въезды и подъезды к имению были перекрыты шлагбаумами и автоматами часовых.

Вот тут молодой Шпилевский развернулся вовсю. Теперь он был не парией, как в университете, а признанным лидером сверстников-курсантов. Хорошее знание русского, польского и белорусского языков, а также вполне приличное немецкого делало его кандидатом на ответственное задание. Очень пригодился бокс, помноженный в стенах школы на джиу-джитсу и карате. Но долго пришлось учить Казимира хладнокровию и терпеливости.

К пятидесятому году, то есть к своему двадцатилетию, это был натренированный физически и технически выпускник сверхсекретного учебного заведения. Он пробегал стометровку за одиннадцать секунд, мог в обмундировании перепрыгнуть четырех-

метровый ров, взвиться с шестом на высоту четырех ярдов, имея за спиной рюкзак со снаряжением; умел молниеносно стрелять назад из-под руки и попадать за пятьдесят шагов в подброшенную фуражку. Ну, а плавать он и с детства умел неплохо.

Какой политический багаж уместился в его голове? Вполне компактный: ненависть к той жизни, где у власти стоят «хлопы» и где богатство не дает привилегий. Где само это богатство не разрешают наживать. Где проповедуют дурацкое общее равенство. А какое у него может быть равенство с деревенским навозным трудягой или закопченным сталеваром, если он уже к двадцати годам почти супермен: разъезжает в машине, имеет солдата для услуг, может любого из встречных уложить одним толчком пальца, а после экзаменов для него будет открыт персональный счет в банке!

Эта ненависть имела и вполне конкретные адреса. Казимира хватывала, например, злоба при каждом воспоминании о спутниках детства в далеком городе Гродно. Его осмеливался бить своей грязной рукой оборванец Михась лишь потому, что к власти пришли нищие рабочие и батраки. Даже калека Стась всячески третировал его. Заезжий Лешка его открыто презирал. И все из-за выхоленной кожи, упитанного тела, мягких курчавых волос, заботливо уложенных рукой прислуги.

Это они отобрали у семьи Шпилевских дом, заставили ее скитаться. Ладно, он им покажет равенство...

Ничего не осталось от прежнего слабого барчука. Правда, нежную кожу лица не испортили даже загар и ветер, сохранилась и породистая ямочка на отвердевшем подбородке, но глаза... О, сейчас это были глаза не нытика, а мстителя.

Однако с экзаменами вышла небольшая осечка. Оказалось, что так и не удалось наставникам выработать в нем все качества агента-универсала. В ходе «преддипломной практики», то есть во время своей пробной заброски в Литву, он допустил серьезный промах.

Ему надо было проникнуть в уцелевший лесной лагерь контрреволюционных «повстанцев» и поднять их дух, проведя операцию по взрыву шоссе на важной магистрали. Он вез им новейшие мины, питание к рации, усовершенствованное личное оружие и, главное, очень большую сумму советских денег.

Вез и привез. Морская охрана не успела перехватить безымянный скороходный катер, который доставил в прибрежные воды пассажира от шведских берегов. Здесь Шпилевский погрузился в бесшумную резиновую лодку и благополучно причалил в условленном по радио месте. Отсюда его провели в лес.

Но дальше все пошло не по плану. Уже через несколько дней он крепко повздорил с «лесными братьями», которые сильно раз-

дражали его своей тупостью, вшивостью и жадностью: чуть не передрались из-за сотенных купюр. А ведь ему предстояло долго жить среди этого сброда да еще руководить им. Нет, он не вынесет! Однако вернуться, не выполнив задание, было равносильно пуле в лоб. Или, при самом лучшем варианте, он окажется сезонным рабочим где-нибудь в Новой Зеландии.

Высокомерие заморского гостя тоже вывело из себя старожилов лесного бункера. Однажды они напрямик сказали ему: «Командовать да покрикивать на нас ты еще молод. Сам-то небось мелкой дрожью затрусился, когда выйдешь на дорогу да повстречаешь первого милиционера».

Они ошибались: трусостью Шпилевский не грешил. Самое же главное, ему нечего было опасаться встреч со знакомыми, чего так боялись лесовики, изрядно нашкодившие по всей округе. Его здесь абсолютно никто не знал.

Казимир попросту плюнул на своих одичавших соратников, выбрался вечером один из леса в одежде монтера, а к сумеркам был у заветного моста через реку. Здесь он понаблюдал с полчаса за пожилым постовым из военизированной охраны и убедился, что тот никак не реагирует на проходящие машины, а глядит на воду или отсиживается в будочке. Тогда Казимир пошел прямо к постовому. Тот увидел монтерские «когти» и пояс, приветливо улыбнулся, но удостоверение все-таки спросил.

Больше он ничего не спросил и беззвучно полетел в воду со сломанными шейными позвонками. А диверсант установил одну мину прямо под сторожевой будкой, вторую в теле главной опоры, куда спустился с помощью тех же «когтей», третью — у противоположного въезда на мост. Срок действия часового механизма — полчаса. За это время Казимир «проголосовал» перед самосвалом, идущим в Клайпеду, ровно через тридцать минут затылком воспринял эхо далекого взрыва и попросил остановить машину у первого хутора.

Самосвал и все другие автомашины вскоре станут осматривать на шоссе разные спецслужбы. Фигура монтера с инструментом наверняка уже известна на дороге. Поэтому Казимир закопал рубли и «когти» в копну сена, а сам нахально остался сидеть на бровке в спортивном костюме и кедах и принялся завтракать бутербродами и колбасой. Трижды подлетали к нему мотоциклисты для проверки документов и столько же раз он предъявлял безупречно изготовленный студенческий билет Гродненского пединститута. Один дотошный проверяющий поинтересовался:

- В общежитии живете на улице Ожешко?
- Нет, у хозяйки. На Подольной.

— А, знаю, бывал. Около пивзавода.

— Да не около, — улыбнулся Казимир. — Мой восемьдесят седьмой номер как раз в другом конце улицы.

Когда суматоха на шоссе стихла, он приехал на попутке в Клайпеду, зашел, как и положено студенту-туристу, в городской и портовый музеи и вот тут впервые ощутил, как плохо не иметь явки в незнакомом городе. Клайпеда вообще не входила в его маршрут, и он знал, что от руководства ему здорово попадет за самостоятельность, но уж слишком тянуло его море как единственный путь к возвращению на берега Шотландии.

Да, связи и явок не было, но были деньги. Двадцать тысяч рублей лежали в целлофане между двойными стенками фляги, под стельками кефов, в рукоятке складного ножа. И он нашел им применение в портовом районе, где немало болталось в те годы всякой сомнительной публики. На дне рыболовного баркаса его вывезли за пределы территориальных вод...

Начальству он доложил, что «шоссейное» задание выполнил и готов справиться с десятком подобных дел, но пусть его уволят от сотрудничества с типами, подобными обитателям бункера.

Что ж, агент-одиночка тоже предусмотрен штатным расписанием разведслужб. К этой роли и стали в дальнейшем готовить Шпилевского. Но на экзамене балл был все-таки снижен — за самовольство в контрольной прибалтийской акции.

Тем не менее Казимир по-прежнему находился в фаворе, и следующему его заданию придавалось особое значение. Пришлось даже обратиться к услугам американской разведки, поскольку ячейки агентурных сетей в данном случае переплелись...

ВОГИНЯ НА ЦАРНОМ МОЛОКЕ

Август — по-белорусски «жнивень». Жнут хлеба. Но бывает, что в первой декаде месяца уже заканчивают уборку: все зависит от щедрости солнца и количества дождей. Нынешнее лето выдалось, что называется, милостью божьей. С мая по июль стояла ровная жаркая погода, в меру перемежаемая теплыми грозвыми дождями без сильных ветров и града. Густые хлеба поспели невиданно рано, и еще двадцать пятого июля в Красовщине справили «зажинки» — сжали первый сноп и по вековой народной традиции водили вокруг него хороводы. Потом сноп установили в колхозной конторе.

А сейчас он ожидал для себя напарника — последний сноп урожая. Подошли «дожинки». Отметить их широко решили по

нескольким уважительным причинам. Колхоз «Партизанская слава» первым в районе провел зимой укрупнение и первым собрал сейчас хлеба с площади почти в пятьсот гектаров. На широких массивах оказалось удобно применить новейшие приемы земледелия, например, подкормку посевов с самолета. Из многих деревень приходил народ смотреть, как сыплют с неба на поле юркие «кукурузники» разноцветные минеральные удобрения. Самое же главное, контрольное взвешивание показало немислимый прежде в здешних местах урожай: по двадцать центнеров зерна с гектара. Сто двадцать с половиной пудов — такое и не снилось мужику-единоличнику.

...Председатель колхоза Иван Григорьевич Мойсенович и члены правления в пятницу третьего августа сидели в конторе, обсуждая план проведения праздника. Ожидались многочисленные гости. Товарищи из обкома и облисполкома должны были вручить колхозу переходящее Красное знамя. Не исключался приезд самого секретаря обкома — человека в республике легендарного, отважного героя подпольной борьбы в Западной Белоруссии в предвоенные годы. Его имя было известно любому крестьянину. Подвиг этого человека, казнившего своей рукой подлого провокатора прямо на судебном процессе в Вильно, где тот давал показания против арестованных коммунистов, прогремел тогда по всему миру. И мир поднялся против смертельного приговора, вынесенного судом тяжело раненному и схваченному у здания суда отважному революционеру. Белопольские власти не посмели казнить патриота, а приход Красной Армии в тридцать девятом году избавил его от пожизненной каторги.

Хозяева колхоза сбились с ног в своих многочисленных и радостных заботах. Намечалось, что после митинга все участники отправятся на поле, где лучший комбайнер скосит последнюю делянку ржи и зерно из его бункера ляжет в ярко украшенный кузов автомашины.

К этому торжественному моменту оркестр местной средней школы уже целую неделю разучивал разные марши, чем доводил деревенских петухов до умопомрачения: самостоятельно они уже не кукарекали, а обязательно ждали сигнала трубы и только тогда горласто включались в общую релетицию. Трех петухов уже прирезали из-за безнадежной испорченности.

Предметом гордости оркестрантов был новенький саксофон, но директор школы временно запретил его употребление. По жалобе заведующего фермой. Дело в том, что саксофонные рыдания угнетающе действовали на племенного быка Геринга. Он скорбно ложился на подстилку, начинал мелко вздрагивать всей

тушей и вообще надолго терял всякую форму жоака коровьего стада.

Колхозные комсомольцы были здорово обеспокоены неуправкой в клубе. Здесь пока не висело ни одного приличествующего моменту лозунга. Не было и приветственных транспарантов над въездной аркой у парома через Неман. Трибуна на сельской площади тоже сиротливо выпячивала голые дощатые бока.

Художники в деревне имелись, но председатель отмахивался от услуг доморощенных живописцев. Сегодня на правлении он опять отшел в сторону тревожные напоминания.

— Ясно вам сказано, что художник будет! Специалист, а не мазила. Вот бумага, если не верите.

На официальном бланке со штампом «Областные художественно-оформительские мастерские» значилось: «Сообщаем, что согласно заключенному договору от 15 июля 1951 г. к вам командировается не позднее 3 августа художник-оформитель Слуцкий Лев Самуилович. До этого срока вам надлежит перечислить на наш текущий счет сумму, обусловленную договором».

— Бухгалтер, деньги перечислены? Ну, значит, порядок. Видите, не позднее третьего числа... А третье еще не кончилось сегодня. К вечеру явится этот Лев. И с ходу подключим его к делу. Краски есть, олифа есть, красное полотно имеется, всякие там гвоздики-шурупчики тоже найдутся.

— И двоих помощников я тоже буду иметь? — спросил от порога незнакомый голос.

Там стоял незаметно вошедший розовощекий молодой человек с курчавой шевелюрой и в дружелюбной улыбке демонстрировал свои золотые зубы. Он поставил чемоданчик у порога и сейчас рылся в кармане многоскладчатой вельветовой куртки. Потом подошел к Мойсеновичу.

— Я Лев Слуцкий из худмастерских, вот мое командировочное удостоверение. Вот и личное, если желаете. И давайте будем ехать...

— Куда ехать? — спросил председатель, рассматривая документы.

— Как куда? Двинемся к выполнению наших договорных обязательств. Или вы думаете, что здесь, в этой продымленной конторе, я могу развернуть свой дар художника? Ну так вы ошибаетесь. Я оформитель-монументалист, и мне нужен простор, воздух, ваши соображения, если они созрели в ваших головах, а также парное молоко.

— Молоком хоть залейтесь, этого добра хватит, — улыбнулся Иван Григорьевич. — Коров подоят, и пойдем ужинать.

— Вы ничего не понимаете. Я не пью парное молоко, зато я

пью все другое, кроме теплого керосина. А молоком я развожу краски. Это придает красному колеру нежный оттенок конфузливой девичьего румянца. Вы видели в городе панно у почты, где девушка выиграла на облигацию автомобиль и предлагает его жениху в приданое? Ну, так то — моя девушка. Через два часа вы будете иметь такую же богиню, и она протянет с фронтона арки навстречу вашим гостям сдобный хлеб-соль.

— Гм! — крикнул председатель. — Мы думали это сделать, так сказать, наяву.

— И делайте, если не жалко переводить пищу на вонючие багажники. Ваш натуральный каравай сразу же будет засунут именно в какой-нибудь ответственный багажник, и все о нем забудут через десять, нет — через пять минут. А моя девушка целый праздник будет с высоты напоминать гостям о вашем щедром гостеприимстве, и они проникнутся теплой благодарностью, и когда вы от них потом чего-нибудь попросите...

Мойсенович расхохотался:

— Ну ты, парень, теоретик!

— И совсем наоборот: я практик. Но раз вы такой идеалист, то мне это все равно, и давайте парное молоко.

— Вот наш парторг, он все вам покажет и растолкует.

Когда художник и парторг ушли, скромно сидевший в уголке лысоватый мужчина попросил у Мойсеновича документы Слуцкого.

— Соответствуют? — спросил председатель.

— Тютелька в тютельку. Но перепроверить не лишнее. Закажите-ка по срочному Гродно, номер телефона мастерской указан на бланке.

Вскоре он объяснял в трубку:

— Это из колхоза «Партизанская слава». Ждем вашего посланца. Выехал? Хорошо. Мы его собираемся встретить на станции, поэтому скажите, как он выглядит, чтобы не разминуться? Золотые зубы? Так. А волосы какие? Курчавые. Запомним. В чем одет, говорите? А что это такое — толстовка? А-а, куртка широкая. Ну и спасибо. Встретим.

— Все сходится, — сказал лысоватый, повесив трубку. — Жалко, что нельзя было спросить, почему у него заклеен марлечкой подбородок.

— Велика загадка! Брился да порезался — и все дела. Веселый парень!..

Веселый парень снова заглянул в контору:

— Нашел двух юных босяков, уже натягивают материал на подрамник. Но я забыл пожаловаться на ваших людей.

— Успели обидеть? — помрачнел председатель.

— А много ли ума надо обидеть скромного заезжего художника! Он сидит себе в своей дурацкой лодке и какие-то нитки из воды мотает, и я кричу ему чуть не в ухо: перевези через реку, раз паром пока не идет, а он все себе мотает и спину на меня показывает. Ну я стал такой же вежливый, как он, — а вы бы не рассердились, нет? — и бросил в него песком, а он схватил со дна жемчужные камни — и в меня будто шрапнелью. Видите: травму оставил, а я человек молодой и хотел, может быть, на вашем празднике произвести впечатление... Можно это себе гарантировать с поцарапанным портретом?

— Можно, можно, — опять радужно заулыбался Иван Григорьевич. — Парень ты все равно остался завлекательный. А обижаться на того грубияна ни к чему: он глухонемой.

Художник растерянно уставился на Мойсеновича.

— Ха! Совсем-таки глухонемой? Выходит, это я обязан принести ему свой пардон? Ай-ай, как же я обмишулился!

Позже лысоватый мужчина спросил у Мойсеновича:

— Это какой глухонемой? Дударь, что ли? Чего он там делает у парома?

— Одна у старика забота: рыбу ловить. На этот раз для нас поставил переметы: договорились, что обеспечит гостей ухой. С полпуда рыбешки уже есть. Ну, а мы ему пообещали пшеном уплатить...

На том разговор и закончился, и собеседники разошлись. Председатель отправился полюбоваться делами веселого Льва Слуцкого, а капитан госбезопасности Михаил Андреевич пошел к реке встретить своего коллегу Юру Харламова.

САПФИР И АЛМАЗ

Он дождался его у спуска к паромной переправе и прежде всего спросил:

— Правда, что участковый снова приходил в сознание?

— Точно. И опять на минуту. Как сестра ни загоразивала его от Василия Кондратьевича, узнал Айвенго нашего старика и успел сказать... Василий Кондратьевич дословно все записал, даже с точками: «Падал... обернулся... чемо... ца... цара...» И все — опять потерял память. Там уже хирург из Минска прилетел. А над этими словами подполковник велел нам с тобой крепко подумать.

— Ну что ж, давай думать.

Они лежали на жестковатой августовской траве, изредка по-

глядывали с кручи берега на черневшую посреди реки фигуру глухонемого в заякоренной лодке и размышляли.

Выходит, после удара Айвенго сохранил искру сознания: помнит про чемодан. И про то, что успел повернуться. Что было дальше?

— Юра, он как лежал, когда ты нашел его? Навзничь или ничком?

— Ничком, вниз лицом. Это к лучшему, иначе бы в рану на затылке попала грязь.

— А головой куда? Сюда, к Красовщине, или...

— Именно что «или». Головой вытянулся к шоссе, назад. Значит, правильно он шепнул старику: успел повернуться корпусом.

— Кровь могла попасть на преступника?

— Не думаю: тот, конечно, сразу отскочил.

— Та-ак! Ну-ка покажи еще записку от Кондратыча... Чемодан, ца-ра... Нет, такому герою любой награды мало! Помирал, а старался оставить на чемодане приметку. Но чем он его царапнул? Если просто ногтем, то не стал бы и вспоминать, от ногтя раненого человека какой след?.. Юра, может, у него какой ножик был в руке? Или хоть камень?

— Ничего у него не было, я светил фонариком. Стоп! Слушай, капитан, кажется, у него кольцо было на пальце...

— Фью-ю! Разглядел его?

— Вот-вот, только до этого мне и было. Руки кровь заливает, а я буду рассматривать финтифлюшку...

Капитан вздохнул и сожалеюще взглянул на младшего коллегу.

— Пойдем-ка звонить, лейтенант. Попробуем упросить эскулапов, чтобы осмотрели кольцо у раненого. Конечно, желательно бы это сделать самим, но легче проникнуть к моей жене в шкафчик с коньяком, чем в больничную палату.

Разговор с главврачом оставил крайне неприятный осадок. Капитан услышал кое-что насчет служебного рвения не по разуму, а также ядовитый вопрос: не пожелает ли он, чтобы ведущий хирург республики, который в данный момент осматривает больного, пересчитал заодно у пациента количество родинок на теле в угоду бессердечному телефонному собеседнику?

Единственное более-менее приемлемое, что прозвучало в трубке, это было сообщение:

— И вообще, сколько я мог заметить, интересующий вас предмет осмотру вряд ли поддается: он настолько врос в липому, то есть в жировик, что еле виден. И больше не смейте звонить из-за всякой ерунды, не то я пожалуюсь вашему начальнику.

Михаил Андреевич предвосхитил подобный шаг медика и сам связался с Василием Кондратьевичем. Подполковник сказал:

— Врачи — публика железная, и дай им бог оставаться такими... Есть у раненого близкий друг. Они и рыбу ловят, и купаются вместе. Уж он-то наверняка про кольцо знает.

Председатель колхоза здорово удивился, что вполне серьезные люди интересуются его маленьким братишкой. В представлении Ивана Григорьевича Варька все еще был малолетним несмышленьким, хотя и самым любимым в родне. Сам Иван жениться не спешил, а может, конфузился хромоты и потому детей не завел, а жил бобылем на квартире у старухи и только изредка по-домашнему отдыхал, наезжая в райцентр к сестре и брату.

Он удивился, но машину дал. Михаил Андреевич и Юра завезли его, что только порасспросят кое о чем Варфоломея и сразу вернутся в Красовщину.

К парому они спустились уже сквозь богато разукрашенную флажками и хвойными гирляндами арку. Лев Самуилович не дремал. В данный момент он действительно создавал на четырех склеенных листах фанеры монументальное изображение девицы-красавицы, протягивающей гигантский каравай с расписной солонкой на его вершине. И хлеб и соль были выписаны до конца, фигура богини гостеприимства тоже, а вот лицо оставалось пока схематичным.

Но художник не унывал: у него уже была натурщица. В гурьбе идущих с поля девчат Лев наметанным глазом высмотрел подходящий типаж и моментом уговорил девчонку позировать. А поскольку черты лица надо было изобразить крупнее, чем в натуральную величину, то художник и впивался очами в лицо натурщицы вплотную. Что он при этом ей шептал, было не слышно, но миловидная колхозница покрывалась тем самым румянцем, о котором Лев Слуцкий упоминал в своем экспромте насчет парного молока и богини.

Юра и Михаил Андреевич полюбовались на это зрелище из открытого кузова старой полупортки и въехали на мотопаром. Но Юра все оборачивался.

— «Богиня» приглянулась? — пошутил спутник.

— Н-нет. Художник что-то не приглянулся. Где-то я его видел.

— Не мог ты его видеть, он сегодня прямо из города, все проверено.

— Даже не его я видел, а вот этот поворот головы. Гляди, он и сейчас на нас влоборота смотрит.

— Мерещится тебе. Это он на девчонку смотрит боковым зрением. Художнический прием. Шустрый парень. Истинно Лев...

Варфоломей только что вернулся из поездки в Гродно. Он был настолько измотан путешествием и переполнен впечатлениями, что никак не реагировал на просьбы сестры умыться с дороги. Устало сидел на крыльце — там, куда его донесли ноги, и непонятно для Паши твердил вполголоса один и тот же мотив: «Вперед, друзья, вперед, вперед...»

— Куда тебе вперед?! — простонала Паша и подхватила брата под мышки. — Спать идем!

В эту минуту и остановилась у калитки полупортка. Узнав широкоплечего Юрку, Варька вырвался из рук сестры и кинулся к машине.

— Он живой?!

— Вполне, — ответил Харламов и хотел было даже передать привет от больного, но сообразил, что это чересчур. За каким же тогда дьяволом они сюда ехали? И добавил: — Он только все время спит от лекарств, а нам надо уточнить одну вещь. Помогите нам, пожалуйста.

Паша не на шутку рассердилась:

— Он уже сегодня напомугался. Неужели не видите, что ребенок на ногах не стоит!

— Девушка, мы на минутку! — взмолился капитан. — Нас и так все сегодня гоняют: врач отругал нехорошими словами, сейчас вы накиннулись. Хлопчик, это для Айвенго надо. Чтобы гада того поймать...

Сонливость с Варьки ветром сдуло.

— Прасковья, уймись! — по-взрослому прикрикнул он на сестру. — Я в машине выспался. Ну, чего надо-то?

Они втроем уселись на крыльце, а Паша бдительно стояла над собеседниками, готовая в любой момент вырвать братца из лап непрощенных гостей. Михаил Андреевич с учетом обстановки повоенному лаконично и ясно изложил суть дела. Варфоломей раздумывал не больше минуты. Да, он, конечно, видел кольцо. Оно тоненькое, а может, кажется таким на толстом пальце. Да, его почти не видно, но когда Айвенго согнет палец, металл выпирает наружу, и он тогда кольцом обрезает леску. Зачем обрезает? Ну, когда привязываешь крючок, обязательно остается острый кончик волоса, рыба его пугается. И обрезать трудно, он крохотный. Но Айвенго чуть надавит ребром кольца, и волосок сразу отскакивает. А еще Айвенго может стекло разрезать. Однажды Варфоломей видел, как участковый своей хозяйке стekлил раму. Он каким алмазом не пользовался, а поведет кольцо по листу, и там сразу остается царапина. Надломит — и готово.

— Выходит, в кольце тоже алмаз, — сказал Юра.

— Не-е, — возразил Варфоломей. — Айвенго называл камешек, да я забыл. Их там даже два — побольше и поменьше, чтобы резать стекло разной толщины. Он раз провел сразу двумя по консервной банке с червями, так двойная просечка и получилась.

— Двойная?

— Ну да. Он говорил, что кольцо ему досталось на память о каком-то партизане. Тот умирал, ну и... отдал. Как же он называл камень? Ко... кор...

— Корунд?! — спохватился Михаил Андреевич.

— Точно, он, — подтвердил Варфоломей. — Камешки все-ем маленькие, один синий, другой красный. А вам зачем?

Коллеги переглянулись и откровенно рассказали хлопцу, что своим кольцом Айвенго сделал, видимо, отметку на чемодане преступника. Если действительно двойная, легче будет найти. Варька здорово им помог своим рассказом.

— Может, и еще помогу! — загадочно улыбнулся Варька, забыв об усталости. — Вы передайте Айвенго, что того типа, которого мы с ним здесь караулили... ну, со шербинкой на бороде... или похожего на него, вчера видели в городе.

— Все! Спать! — безжалостно сказала в этот момент Паша и повлекла Варьку в дом. — Совесть надо иметь, товарищи.

Капитан только развел руками и направился к машине, но Юра не успокоился. Он выждал пару минут, скорчившись под окном, потерпел, пока Паша пошла к колодцу, и поскребся в раму. Варфоломей упер в стекло нос.

— Кто видел, где, в чем? — горячо зашептал он своему нелегальному собеседнику.

— Алексеев друг, — только и успел просигналить губами Варька.

В следующее мгновение лейтенант Харламов постыдно бежал от разгневанной Прасковьи.

НЕБЕСА, ВОДА, ТВЕРДЬ

Проводив взглядом полуторку, художник Слуцкий быстро закончил сеанс живописи с симпатичной натурщицей и галантно отблагодарил ее, чмокнув в щечку. Потом объявил двум малолетним помощникам, что на сегодня работа кончена: уже темнеет. Он отнес свой чемоданчик в клуб, где ему была приготовлена постель и поставлен ужин под вышитым полотенцем. Осмотрел свое помещение — комнату для музыкальных инструментов, проверил защелку замка и вышел на улицу.

По селу плыл предзакатный домовитый шум: цвинькало в хле-

вах молоко о подойники, скрипели валы колодцев, вкочтали перед сном куры. У околицы уже пробовал лады баян. Слуцкий не пошел туда, а спустился к реке и помахал маячившему у другого берега Дударю.

Вскоре лодка подплыла. Лев Самуилович знаками показал, что хочет прокатиться по воде, но уже на середине реки заговорил в полный голос:

— Не слышал, о чем говорили чекисты, когда переправлялись?

— Самую малость понял. Зачем-то к Мойсеновичам поехали. Ну, к родне председателя. Еще какое-то кольцо вспоминали. А потом из-за мотора не слышать стало.

— Ты в следующий раз, когда на пароме будут нужные люди, вплотную подплывай и слушай лучше. При тебе они не боятся разговаривать. А сейчас греби к лесу и жди...

За поворотом Слуцкий выскочил на песок, поднялся в сосняк, достал из кармана заготовку-удочку, быстро размотал леску на ветвях и удалился в заросли, отсчитывая шаги...

Через несколько минут Слуцкий безмятежно отдыхал на мягкой хвое. Он знал, что его радиосигналы приняты в нужном месте и расшифрованы скупыми словами: «3 августа в 20 часов 31 минуту и в 20 часов 31 минуту 40 секунд по средневропейскому времени зафиксированы радиоимпульсы из квадрата 40—42. Агент Голл (Шпилевский) подтверждает свою работоспособность. Условная периодичность сигналов исключает оперативный провал агента. Вниманию следующих смен радионаблюдения! Очередной сеанс односторонней связи Голла — 5 августа в 14 часов 37 минут с интервалами в 35 секунд. Волна постоянная».

Слуцкий — Голл — Шпилевский позволил себе отдохнуть минут десять, пока его лохматый помощник в лодке будет натягивать еще один шнур своего дурацкого перемета. Он размышлял...

Да, послезавтра к полудню задание должно быть выполнено. Еще через два часа он будет уже далеко отсюда и без помех сообщит начальству о своем успехе из какого-нибудь лесочка. А то и прямо из квартиры этой дурехи Леокадии. Или с балкона дома в Гродно, где его ждут. Сообщит тремя последними «яйцами», что будет означать завершение командировки.

Конечно, для полного завершения ее еще остается немало хлопот. Предстоит ехать на Кавказ, а там ждать инструкций. Прикажут возвратиться через «окно» на границе или остаться в Союзе и осесть в каком-нибудь городке? Скорее всего, придется остаться. Не станут же забрасывать агента с такой подготовкой ради одной акции в какой-то Красовщине... Но надолго он в Союзе не застрянет. Он везучий. Главное, чтобы ничего не сорвалось

здесь, в эти оставшиеся до воскресенья два дня. Пока все идет как надо. Остались позади все колдобины, хотя сначала их было немало.

Неприятности начались в момент прыжка. Сопровождавший инструктор проворонил время и сигнал. Истошно заорал: «Костер! Уже сзади! Быстро прыгать!» Ну Казимир и вывалился, как стоял: в незастегнутом комбинезоне, под которым был костюм студента-пижончика, едущего на каникулы к заждавшейся тетушке. Хорошо, что сумку успел надеть через плечо.

Раз опоздал с прыжком, пришлось маневрировать стропами, чтобы подтянуться ближе к маячившему пятну костра. Но подтянулся как раз к реке: плюхнул прямо в воду. Ладно, что ближе к нужному правому берегу. Пока выбрался на мелкое место, пока нашел под водой подходящий камень, пока отстегнул и надежно утопил парашют и промокший комбинезон (все легче, чем закапывать), окончил до костей. А костра и вовсе не стало видно. Брести дрожашему в темноте и наугад? Даже если и выйдешь в поселок, то не найдешь явку, а видик такой, что первая собака вцепится в мокрые штаны, не говоря о каком-нибудь ночном стороже.

Ладно, сочиним свой костер, обсушимся до рассвета. Подозрения не вызовет, тут, наверное, рыбаки часто ночуют.

...До определенного момента у него все происходило именно так, как предполагал Айвенго. Был малозаметный костерчик, был радиосигнал и сморивший Казимира сон, и, наконец, совершенно нелепая встреча с медведем. Зверя Шпилевский увидел, приоткрыв один глаз, когда хрустнула ветка. Встречи с человеком он сейчас особенно не боялся. Документы «железные», ничего подозрительного при нем нет, зато есть правдоподобная версия о заблудившемся и чуть не утонувшем по пьянке легкомысленном студенте.

Но медведю объяснять все это ни к чему. От него надо удирать, что Шпилевский и сделал, ничуть не сомневаясь в правомерности этого решения.

А вот дальше истинные события отклонились от версии Айвенго. Дело в том, что Шпилевский увидел на песке, около можжевельного куста с сумкой, многочисленные следы. Отпечатков тяжелых сапог сорок третьего размера невозможно было не заметить. Больше того, он легко определил, что сумку открывали. Правда, все осталось на месте, и заветные яйца тоже. Но их кто-то держал в руках. Счастье, что не попробовал. Очень полезной оказалась также предусмотрительность инструкторов, промаркировавших скорлупу согласно имевшимся в центре образцам.

Шпилевский не имел возможности долго размышлять: из ельника двигались мальчишки. Он быстро пошел по дороге к райцентру, но заходить в поселок пока не стал: костюм подсох, но был страшно измят и перепачкан. Казимир припомнил ориентиры хутора Дударя, нашел тропинку и свернул на нее.

Старик сидел на пороге и вязал перемет. Увидев гостя, он встал и ушел в свою развалюху. Здесь они и обменялись паролем, после чего хозяин злобно зашипел:

— Зачем сюда приперлись?! Ясная же была установка: встретиться только на берегу. Если к костру не успеете, ждать следующей ночи!

Измотанный Шпилевский дал волю нервам, а заодно использовал момент, чтобы сразу показать, кто есть кто. Незаметным движением левой руки он свалил собеседника на земляной пол и, пока тот корчился от боли, сообщил:

— Это для начала! Теперь сообразишь, как надо со мной разговаривать. Ты что, старый пень, сам не мог дожидаться меня на берегу? Почему искать не пошел? А если бы я приземлился с травмой! С этой минуты будешь глотать каждое мое слово, а то я тебя быстро превращу в натурального глухонемого, а заодно и в неживого. Уразумел?

Дударь уразумел: шутить с этим желторотиком, оказывается, нельзя. Не только сила, но и права у него, видать, большие. Из тайника под печкой были извлечены пакеты в плотной упаковке. Два новых костюма, светлый и темный, затем полувоенный костюм и к нему хромовые сапоги, летнее белье, тенниски и рубашки, галстуки, носки и платки.

— Оружие и мины?

— Отдельно закопаны в ящике. Здесь побоялся держать. Тряпки найдут — ладно, сойду за спекулянта, а другое... Там же ампулы, лекарства.

— Понятно. Деньги давай.

— А... сколько надо?

— Слушай, дед, ты в дурачки со мной не играй. Нам точно сообщают перед отправкой, сколько монет должно получить от резидента. Вот я тебя сейчас и проверю, и если соврешь...

Дударь почел за лучшее не врать и вручил гостю двадцать тысяч рублей в банковских облатках.

Шпилевский быстро переоделся в светлый костюм, надел белоснежную шелковую рубашку, свежие носки, поискал глазами туфли. Их не было.

— Пшепрашем пана, запамятовал припасти, — извинился Дударь.

— Черт с тобой, — сказал подобревший гость. — Использую прежние, только почисти их хорошенько.

Пока Дударь надраивал суконкой остроконечную обувь пришельца, тот зашил в воротник рубашки ампулу и, по обычаю воспитанников их школы, пробормотал: «Сперо милиора!»¹

Потом он изложил Дударю план дальнейших действий. Он идет сейчас к своей «тетушке», берет там сведения, которые ему нужны, отдыхает у нее, ночует и утром уезжает в Гродно. Вернется вечерним поездом и сразу в Красовщину. Старик за это время должен извлечь из тайника мины и оружие.

— Кстати, в какой они упаковке?

— В надежной. Я так подумал: раз студент едет из города, так займется в деревне модным для ихнего брата делом: иконки будет искать. Ну и выпросил у ксендза такой плоский ящичек с серебряными вензелями и в него сверху положил икону, будто в футляр, а уж внизу под фанерой все прочее...

— Неплохо придумано, — одобрил Шпилевский. — Такой камуфляж мне и в Гродно пригодится в случае чего. Ты меня встретишь завтра утром на дороге к разъезду и отдашь эту церковную утварь. Саквояж для нее найдется?

— Разве что этот... Зачем вам в Гродно-то?

— А вот это, старик, не твоего ума дело. Ты, как завтра мне коробку передашь, плыви сразу в Красовщину и жди там. В каком бы обличье меня ни увидел, я тебе незнакомый, а ты мне — глухонемой. Ну, давай саквояж.

Шпилевский уложил в него полувоенный костюм, сапоги, запасную пару белья. Вынул из желтой сумки яйца и аккуратно упаковал туда же.

— У вас и эта сумка хоть куда, — заметил Дударь.

— Как раз никуда, потому что уже меченая. Спрячь ее подальше и рассказывай, как идти к тете Лёде.

ТРЕЩИНА

В учреждениях был обеденный перерыв. Казимир Шпилевский, легкомысленно посвистывая, пересек площадь, прочитал вывески на зданиях райкома, а также райотделов МГБ и МВД, полюбовался фасадом новенького Дома культуры и спросил у девочки с кошкой на руках, где переулок Гастелло, в котором живет учительница Могилевская.

¹Надеюсь на лучшее (лат.).

— Леокадия Болеславовна? А я вам покажу ее дом, это близко.

Леокадия заметила гостя еще в окно, но дверь открывать не спешила, ожидая условленного стука. И он прозвучал: тук, тук-тук-тук.

По протоколу встречи им полагалось громко, в расчете на соседей, изобразить радость свидания любящих родственников, причем слова «Дай я расцелую тебя в розовые щечки, племянник!» входили в пароль. Но церемониал подпортила нетактичная девчонка с кошкой. Она вперед Казимира проскочила в прихожую и затараторила:

— Здравствуйте, Леокадия Болеславовна, вас этот дядечка спрашивает, а я за книжкой к вам, вы обещали, и я чуток посижу у вас, картинки погляжу, а то на улице жарко, и кошка царапается...

В такой обстановке бурно выражать свои чувства было как-то не к месту, и встреча произошла суховатой, хотя с произнесением всех предусмотренных инструкцией выражений.

Кроме того, Леокадия сама не понимала, что с ней происходит. Известие отца о прибытии агента «оттуда» через пять с лишним лет она восприняла без всякого энтузиазма. Она просто устала от ожидания и гнетущего чувства раздвоенности. Образ жизни, который она годами вела в силу обстоятельств, исподволь подчинил ее себе. Эта жизнь становилась не декорацией, а реальностью.

Учитывали далекие «шефы» на Западе такую возможность? Видимо, нет. У них для попавших в тенета вербовки всегда наготове было пугало: угроза разоблачения. Собственно, с этого и начиналась подготовка агента. Ему внушали, что малейший шаг назад — и его постигнет кара беспощадного советского правосудия.

Но все чаще Леокадия задумывалась: а какой, собственно, реальный вред она принесла стране, где живет, чтобы та покарала ее высшей мерой? Да, была переводчицей у оккупантов. Но своих рук в крови она не замарала. Да, была завербована иностранной разведкой. По глупости. Точнее, из-за жадности. Из-за стремления возвратить для себя тот образ жизни, который был усвоен с детства стараниями отца.

Однако никакого практического зла она пока никому не причинила. Живет, как все окружающие ее люди: соседи, знакомые, коллеги по школе. Даже в самодеятельности участвует, и не без удовольствия. Выполняет разные общественные поручения. Добросовестно учит ребят. Правда, ее считают замкнутой, излишне педантичной и придиричивой. Но эти черты помимо воли вошли в ее характер, и опять-таки из-за проклятой раздвоенности жизни.

О нет, она не стала сторонницей нынешнего строя. Слишком сильно бродила старая закваска. Она заставляла ее во всем про-

исходившем видеть в первую очередь негативное. Тем более что всяких недостатков было действительно немало. Но вот одно поразительное обстоятельство, которому Леокадия и сама удивлялась все чаще. В первое время любой промах местных властей рождал в ней злорадство: так вам и надо! А потом все чаще стал вызывать досаду: неужели не сообразили сделать лучше?!

Когда она ловила себя на таких мыслях, то пугалась, терялась, злилась, и все оканчивалось жестоким приступом тоски. Она искала тогда встречи с отцом Иеронимом: его обволакивающие софизмы и почти циничное умение сгладить все острые мысли в мягущемся сознании успокаивали ее, как смесь брома с валерьянкой.

До недавних пор. Но в последние год-два и здесь что-то надломилось. Раздражать стала Леокадию ограниченность ее давнишнего приятеля. Она-то, в силу самих условий учительского бытия, постоянно следила за современной духовной жизнью. А он словно окостенел. Если Юлиуш Словацкий, то только его мистика, если музыка, то лишь Бах и Вагнер, если живопись, всего только фрески ватиканских храмов. А все остальное — от лукавого. С ним становилось скучно. И он перестал быть очагом душевного отдохновения в ее унылой жизни. А недавно он и совсем сбил ее с толку своим откровенным заявлением: «Наверное, один дьявол знает, следует ли до конца делать ставку на этих янки и томми с их атомными игрушками. Упадет такой дар небесный — и аминь всему на двадцать верст кругом, без различия, где истинный слуга святого престола и приверженец демократии, а где нечестивец. Вы над этим не задумывались?»

Правда, сказано это было после третьего фужера черносмординой, однако сама Леокадия без всякой наливки давно размышляла о подобных вещах.

...Ее счастье, что Шпилевский ничего не знал о душевном смятении своей «тетушки». Собственно, ему и ни к чему это было. Гостя интересовали более конкретные вещи. Что знает пани Леокадия о здешней милиции, ее численности, распорядке службы. Аналогично — об оперативных работниках госбезопасности и МВД. Существует ли охрана у руководителей района во время их поездок. Бывала ли она на районных праздниках, вечерах и так далее. Как они охраняются. Кто из интересующего его круга людей особенно дружит со спиртным. Существуют ли материальные затруднения у кого-либо из руководящих работников.

Услышав неопределенные ответы Леокадии, собеседник хмурился:

— За столько лет могли бы узнать больше.

— Больше знает, вероятно, наш соратник Дударь. Он везде бывает, за всем наблюдает. И вообще, мужчина...

— Дударь — всего лишь старый обух, которым его хозяева просто заколачивают клинья, — рассердился Шпилевский. — Эта замшелая колода не могла меня даже встретить...

Как-то случилось, что его не проинформировали о родственных связях «глухонемого» и учительницы. Леокадия это поняла, но все равно оскорбилась. Однако ответила сдержанно:

— Будет вам известно, что мне лично было приказано просто законсервироваться...

— Что вы успешно и сделали, — съязвил Казимир. — Ладно, мерси, тетушка, и за такую информацию. Сейчас мне нужно какое-нибудь подобие ванны, а потом — спать, спать до утра. В пять разбудите.

ХУДОЖНИКИ ЖИВУТ В МАНСАРДАХ

На следующее утро Шпилевский отправился на поезд. В сером элегантном костюме, белоснежной рубашке и многострадальных, но тщательно вычищенных туфлях. Через полчаса он встретился с Дударем и положил в саквояж плоский ящичек с иконой и двойным дном. В том же саквояже лежали китель, бриджи и сапоги.

Они немного поговорили в густых зарослях бузины. Явно ожидая похвалы, старик сообщил:

— Еще вчера забрал багаж из ямы. Счастливо обошлось — мальчишки вздумали там червей рыть и только что чудом не напоролась на ящик. Я уж затаился рядом, думаю, если найдут, придется силой отнимать.

Шпилевский скривился будто от клюквы:

— Ну, помощнички!.. Силой! Ты ж завалил бы все...

Поболтав по дороге с бабкой Настей, запомнив дорожный свороток на Красовщину, он полюбезничал на полустанке с симпатичной кассиршей Ниночкой и влез в вагон пригородного поезда. Но садиться на обшарпанную скамейку по соседству с тетками, ехавшими на базар, не стал, а сошел на первой остановке. Отшагал два километра до параллельного шоссе и приехал в Гродно в кабине попутной машины. Если он уже кого-то заинтересовал, пусть ищут на вокзале.

Зачем он ехал в Гродно? Еще в центре ему было предложено два варианта проникновения в Красовщину: или под видом студента — племянника Леокадии, которая сама наведается ради

развлечения на сельский праздник и прокатит с собой гостя, или в роли художника-оформителя.

От первого варианта он после некоторого размышления отказался. Миссия племянника будет привязывать его к тетушке и лишить свободы действий, в том числе передвижения, столь необходимого для изучения обстановки и активных действий. Кроме того, «племяннику» можно было появиться на месте только в день события. А ему следовало сюда попасть раньше. Наконец, успешный финал операции означал неизбежный провал Леокадии. А она хоть и была абсолютно пассивным агентом, однако гробить ее все-таки, наверное, не следовало.

Значит, художник...

По агентурным данным, Лев Самуилович Слуцкий не отличался высокой нравственностью. К двадцати двум годам он имел судимость по двум статьям: за вымогательство и за мошенничество во время денежной реформы. Вырос он в Ташкенте без родителей, в семье дядюшки, руководящего работника торговли, и рано вкусил прелести комфорта. Но дядюшка кончил карьеру плачевно, и Лев пошел учиться в систему трудовых резервов. Не на металлиста или тракториста, а на художника-оформителя. Познакомился с «богемной» жизнью за счет левых приработков. Эти дополнительные дивиденды часто превышали скромную официальную зарплату театрального декоратора, но слишком много расплодилось в его родном городе конкурентов, и Слуцкий подался в западные края. И не ошибся: любые мастера кисти здесь были нарасхват.

Слуцкий отсидел полгода за упомянутые делишки и последнее время работал в мастерских, которые занимались оформлением клубов, заводских цехов, городских улиц и площадей. Любил выезжать в командировки, потому что это давало верный побочный приработок: колхозные кассы легко раскрывались перед человеком, способным красочно изобразить в виде диаграмм рост уроев и урожаев. За пятнистую буренку на изумрудном лугу и силуэт силосной башни заезжий художник брал половину своего месячного оклада, а орудовал кистью от силы день.

В поле зрения английской разведки он как раз попал благодаря гипертрофированной любви к легким заработкам. Конечно, там понимали, что этот бездумный завсегдатай двух гродненских ресторанов не годится для агентурной работы. Но кое-какую помощь оказать мог. Разумеется, за солидную сумму. Когда в центре разрабатывали «легенду прикрытия» для Шпилевского в Красовщине, то сразу подумали о Слуцком, хотя он и не подозревал, что его имя известно на Западе. Почему бы колхозу «Партизан-

ская слава» официально не пригласить к себе художника из солидной организации для оформления праздника?

Эта идея была подброшена председателю Мойсеновичу по почте в виде проспекта-рекламы оформительских мастерских. Полистав на досуге красочное издание, тот послал сюда запрос. Зная мобильность Слуцкого, руководители мастерских его и послали в командировку.

Шпилевский действовал в городе уверенно и даже нахально. Вообще в последние сутки у него было бодрое и даже приподнятое настроение. Пока все шло гладко. Главное, что прыжок завершился в конце концов вполне благополучно. Холодная ванна не в счет. Раз никто к нему до сих пор не прицепился, значит, и эпизод с желтой сумкой, и появившаяся настороженность в отношении Леокадии — ложная тревога. Сейчас он идет по улице родного города и чувствует себя почти победителем. Конечно, чувство непропорционально — это Казимир сам понимал. Но все равно он ничуть не похож на того затурканного и обокраденного судьбой мальчишку, каким покидал город пять лет назад. Он вернулся взрослым, сильным, неуязвимым, богатым. Он вернулся мстителем.

Так он представлял себе свое нынешнее положение. Нет, он не был воспитан в имении лендлорда в духе беззубой романтики. Как раз наоборот: здравый практицизм и точный учет реальностей. Но ему был только двадцать один год. Он не удержался и побывал за Неманом около собственного дома. Бывшего собственного. На минуту стиснуло сердце, и он не устоял перед другим соблазном: совершил чисто мальчишескую выходку — пробрался в памятный до мелочей погреб и оставил там на листке из блокнота злоеший рисунок с мелодраматической надписью. Пусть попанукует этот калека Мигурский! Казимир понимал, что за такую выходку заслуживает немедленного изгнания с оперативной работы. Но кто узнает?! Он возвращался в центр города в еще более самоуверенном настроении. Станислав Мигурский ошибался, рассказывая Алексею, будто Казимир умышленно отвернулся при их встрече. Шпилевский просто не узнал в стройном мускулистом матросе контуженого и беспомощного парнишку.

Казимир слегка растерялся, когда услышал в художественной мастерской, что Лев Слуцкий полчаса назад отбыл в командировку. А потом сообразил: дурак, что ли, этот Лев уезжать сразу после получения аванса? Пропивает его где-нибудь в привокзальной забегаловке или у себя дома. Он кинулся к нему на квартиру.

Художник-монументалист, словно в бальзаковском романе, жил в мансарде старого полутораэтажного дома с дрожащей от

ветхости деревянной лестницей и без всякого намека на прихожую или кухню: входная дверь открывалась прямо в квадратную комнату с грубообразным потолком. Шпилевский проник сюда без стука, потому что его все равно бы не услышали: в комнате патефон наяривал английскую солдатскую песенку «Нашел я чудный кабачок...».

Это разухабистое джаз-творение попало в наши края в годы войны, да так и залежалось в коллекциях патефонных записей. Всего забавнее, что Шпилевский — Голл лишь неделю назад слушал непритязательную песенку на ее родине — в далекой Шотландии. Была прощальная вечеринка перед отлетом Казимира в Западную Германию, откуда он и стартовал в белорусское небо. Он невольно улыбнулся такому совпадению и посчитал его хорошим признаком. Шагнул в глубину затуманенной сигаретным дымом комнаты и громко откашлялся. В ответ раздалось:

— Ну, принес закусить?

О КОШКАХ

Коллеги расстались: Михаил Андреевич отправился обратно в колхоз на полutorке, а Юра Харламов пошел ближе знакомиться с младшим Вершининым.

...Братья сидели на веранде и отдыхали с дороги, предаваясь воспоминаниям о родной Сибири. Дмитрий Петрович увидел у калитки Юру и сказал без особой радости:

— Чека идет. Конечно, по твою душу. Свою я, кажется, еще ничем не скомпрометировал. Алло! Входи, Харламов-младший, мы все равно тебя уже видим. Вот так. Здравствуй, садись, пей квас и излагай цель своего прихода. Без цели вы в гости не ходите.

Юра сконфузился. Он всегда конфузился в разговоре с Дмитрием Петровичем, даже при встрече в отцовской квартире. Этот старый фронтовой друг отца вгонял юношу в растерянность неожиданными поворотами мысли и острым языком.

— Дмитрий Петрович, мне хотелось бы поговорить с Алексеем Петровичем. Боюсь, что вам будет скучно.

— Мне бывает скучно, когда в районе ничего не случается. Но, видимо, это исключено, раз ты появился здесь и к тому же присутствует мой братец. Валяйте, юноши, от секретаря райкома секретов не бывает.

Юра осторожно вытягивал у Алексея все о человеке с ямочкой на подбородке.

Итак, субъекта с этим характерным признаком видели в рай-

оне двое: бабка Настя и кассирша Нина. Видели утром второго августа, то есть вчера. Был он в сером костюме, остроносых туфлях и в белой шелковой рубашке. Вчера же, но днем, похожего человека друг Алексея Стась Мигурский встретил на улице в Гродно. Причем раньше тот не появлялся в городе более пяти лет, уехал с родителями за границу. Возникает несколько вопросов: откуда и зачем он появился, что делает в райцентре, где и что делает сейчас?

Ни на один из вопросов ответа пока не было.

— Есть еще вопрос, — сказал Алексей. — Если этот тип, как утверждает Айвенго, выкупался в реке, то откуда на нем взялся уже в поселке новенький костюм и свежая рубашка. Значит...

— Совершенно верно, — подхватил Юра. — Значит, у него в райцентре была встреча, во время которой его приютили и почистили. Но к кому он заходил, мы тоже не знаем.

...За стеклом веранды раздалось жалобное мяуканье. С крыльца кубарем скатилась Лялька и кинулась к калитке.

— Ты опять меньшую сестру мучаешь! — завопила она и вцепилась в девочку с кошкой на руках. — Пусти ее на землю, она пойдет в гости к моей Клеопатре пить квас.

— Ольга, Ольга, — урезонила дочку Соня. — А девочку почему ты не зовешь в гости?

Обладательница кошки тоже прошла через веранду. Эх, спросить бы ее присутствовавшим здесь мужчинам, к кому она вчера завела на крыльцо симпатичного молодого человека с саквояжем. Но они, конечно, не спросили.

— Вот что, мальчики, — продолжала Соня, — квас квасом, а ужинать идите. Там лещ жареный, у Дударя купила. И не замолкайте вы при моем появлении. Будет тебе, Юра, известно, что я этих Шпилевских знаю и помню: пришлось с ними за квартиру воевать для Мигурских. Не удивлюсь, если в той семейке выросла интересная для вас фигура.

Потом Алексей провожал Юру Харламова. Они шли и продолжали беседу о Казимире. Его внезапное появление в здешних местах может оказаться совсем не случайным и не безобидным. Но имеет ли он какое-либо отношение к самолету без опознавательных знаков?

Дальше. Этот франт интересовался вчера утром дорогой на Красовщину. Но сам уехал в Гродно. Василий Кондратьевич предположил, что он скоро вернется, и они с Айвенго его поджидали вечером. Никто похожий с поезда не сошел. На Красовщину свернул только высокий мужчина в полувоенном костюме и с чемоданчиком. Однако, насколько Юра успел разглядеть, он был

чернявый и значительно старше Шпилевского. Был ли он кудряв, мешала разглядеть кепка. Видимо, он и совершил покушение на Айвенго, когда заметил, что участковый движется следом. Значит, он хотел прибыть в Красовщину незамеченным.

Однако никто в полувоенном костюме ни вчера ночью, ни сегодня днем в колхозе не появлялся. Из незнакомых лиц туда прибыл лишь один художник. Правда, курчавый, но брюнет и не очень высокий. И не в кителе, а в этой самой толстовке. На ногах легкомысленные сандалеты. Судя по деваче на фанере, кистью владеет профессионально. Да и с Гродно капитан связывался — все соответствует. Что касается злополучной ямочки, то как раз на подбородке у этого художника какая-то нашлепка: уверяет, что глухонемой в сердцах угодил в него камешком. Отодрать бы да поглядеть, так ведь повода нет никакого. Крик поднимет.

Правда, еще чемоданчик его не осмотрели: нет ли на нем двойной царапины от кольца Айвенго? Но сейчас этим как раз занимается капитан. А пока... пока все остается словно в тумане.

Юра спросил у Алексея:

— Слушай, Алеша, конечно, времени прошло много, но, может, тебе запомнилась еще какая-нибудь примета у этого вашего Казика. Ну, не обязательно во внешности, внешность все равно изменилась. Кроме того, ее можно менять и по желанию. А вот характерности в произношении, в мимике... Типичные жесты...

Алексей подумал. Постарался вспомнить все их встречи и разговоры на плотках, в лесу, на улицах. Перед глазами вставал все тот же пухлый, розовощекий подросток со своим неугомонным, но несостоятельным стремлением верховодить в компании. Верховодил там Михась Дубовик. Он умел одним хлестким словом, а то и подзатыльником осадить хвастливого сына часовщика. Тогда Казимир...

Внезапно Алексей рассмеялся.

— Юра, ты наблюдал когда-нибудь, как кошка из подворотни выходит на улицу?

— Знаю! — хохотнул и Юра. — Она никогда сразу не выскакивает, а сначала высунет наружу башку, осмотрится по сторонам и уже потом выбегает.

— Точно. Так же и Казимир. Он, бывало, как подплывет к плоту, так сначала выставит над бревном физиономию, оглядит нас всех и, если видит, что явного недружелюбия не проявляется, выметывается на плот. И всякий раз так.

— Опасался чего-то?

— Ему частенько попадало за хвостовство и вранье. От меня персонально — за национальный вопрос. Он «москалей» все ру-

гал и евреев терпеть не мог. Анекдоты про них рассказывал пако-стные. Акцент копировал умело.

— Ну, Леша... Ты, друг, пока не представляешь, сколько ценного сказал. Только обдумать все надо. Ладно, успею переварить за восемь верст пешего хождения до Красовщины. Еще один вопрос. Какого цвета глаза у этого Казимира? Они-то, говорят, не меняются.

Алексей повспоминал и рассмеялся:

— Не помню. Вот если бы о глазах девушки спросил...

Юра присвистнул:

— Ну, дорогой, не надо обладать большой памятью, чтобы и во сне не забыть эти глаза.

У Алексея полыхнули щеки.

— Ты это о ком?

— Ох, а ты не знаешь... Славная у тебя дивчина.

— Ты... искренне?

— Да уж какая может быть неискренность при черной зависти! Ладно, шучу... А без шуток — не проворонь счастья на всю жизнь...

«ФРАНЦУЗ ДЕФОРЖ» ЛОЖИТСЯ СПАТЬ

— Закусить я не принес, сам сбегаешь, — сказал Казимир и протянул руку черноволосому курчавому парню в потертой вельветовой куртке. — Я — Стась, будем знакомы.

— Ну, допустим, ты Стась. Но что ты за Стась, что я должен бегать за закуской? — сварливо спросил хозяин чердачной квартиры.

— Ладно, пусть он сбегаёт, — указал Шпилевский на третьего в комнате. Это был совсем еще юнец, рыжеватый подросток. — Заодно и коньячку доставит. Вот сотенная.

Слуцкий замолчал, обошел вокруг гостя. По пути свернул набок мембрану орущего патефона, уставился выпуклыми глазами на Казимира.

— Почему я тебя, такого доброго, не помню? Я всех добрых помню, которые мне фундуют коньяк. Может, ты из синагоги, куда меня манят расписать им потолок? Ну так я все равно не пойду, меня уволят с работы.

— Выше бери, — усмехнулся Шпилевский. — Я прямо с небес, так что никакие росписи мне не нужны. Гони хлопца в лавку, разговор у нас тет-а-тет.

Они остались вдвоем. Казимир оглядел комнату и заметил от-

крытый вместительный чемодан, набитый тубиками и кистями. То, что ему надо, — саквояж туда влезет.

— Если хочешь пошущукаться, давай в темпе, — сказал Лев. — Сейчас еще один возникнет, пошел за помидорами. Одна «ноль пять» у нас имеется.

— Гони всех в шею, — посоветовал Шпилевский. — Ты, вижу, в командировку собрался?

— Именно. На лоно. На травку и молочко. Трое суток буду питаться бульбяными драниками и поцелуями под рулады соловья.

— Соловьи в августе не поют. Эти трое суток ты будешь питаться по-старому городской снедью, а лоном тебе явится твоя замызганная кушетка. Сколько ты получил командировочных?

Слуцкий ошалело глядел на нахального прищельца. Недостатком наглости он сам не страдал, но такого обращения давно не видел.

— Сколько, я спрашиваю? — повторил Казимир и ткнул хозяина пальцем в грудь. Тот моментально сел на упомянутую кушетку и пробормотал:

— Двести пятьдесят. Еще и не отчитаюсь...

— Помножь на десять, получи две косых с половиной, гони мне документы и заваливайся спать. Деньги — вот они. Но получишь их с условием, что никуда и носа не покажешь, пока я не вернусь и не возвращу твои мандаты. Вот и вся работа. Дошло? Две минуты на размышление.

Слуцкий побледнел. Он проследил за пачкой денег, которую гость сунул под газету на столе, и начал лихорадочно размышлять. Кто этот парень? И чем грозит предлагаемая авантюра? Если уголовщина, то в третий раз ему припают столько, что на волю без шевелюры выйдешь.

Шпилевский без труда угадал ход его мыслей.

— Понимаю, что взлохматило твои мозги и шевелюру. Скажу сразу, я не убийца, не «медвежатник» и тем более не шпион. На остальные вопросы отвечать не буду.

— А... если я милицию позову? — не очень уверенно сказал Лев.

Шпилевский безмятежно развалился в поломанном кресле эпохи первого раздела Польши.

— Где ты упер этот антиквариат с клопами? Милицию ты не позовешь: во-первых, не в твоих финансовых интересах, во-вторых, не успеешь. Я умею испаряться через дымовую трубу, предварительно оставив хозяина без зубов. Тебе их, кажется, уже считали.

Да, верхняя челюсть Слуцкого была щедро украшена золотыми протезами.

— Ну, тебя моя биография тоже не касается, раз сам не хочешь о себе говорить.

— А я знаю твою биографию. Ты неудачно работал под Остапа Бендера во время реформы и схлопотал шесть месяцев. Сейчас я предлагаю тебе войти в роль другого литературного персонажа, абсолютно далекого от уголовного. Ты пушкинского Дубровского читал?

— Не считай меня за пень, — усмехнулся Лев. — Только ничего подходящего для себя я там не вижу. В разбойники я не пойду, даже в благородные.

Казимир поскрипел подлокотниками древнего кресла, двигаясь к собеседнику. Вот еще лишняя морочка — эти золотые зубы. Хорошо, что в ящике лежит столбик царских пятерок. Слуцкому он сказал:

— Там есть скромный француз Дефорж. Он отдает свои бумаги Дубровскому за десять тысяч и возвращается в Париж. И вся его работа. А тебе даже возвращаться никуда не надо: вались спать сразу.

— Ага, там — видишь? — десять тысяч! А это что за сумма — две с половиной? Это даже никакая не круглая сумма!

«Все. Испекся, раз торгуется», — справедливо решил Шпилевский. И сам стал торговаться. Он согласился округлить пачку банкнот до трех тысяч с условием, что Лев одолжит ему свою толстовку. С возвратом. Хозяин запротестовал, объявив, что это в данный момент его единственный выходной «фрак».

— Э-э-э, сеньор Гойя в миниатюре! Вам фраки и камзолы ни к чему: вы даете обязательство безвыходно сидеть дома. Набрасываю еще сотню за штаны, которые вы снимете и вручите мне для гарантии, что не выберетесь за дверь.

— Ну да, а если вы в воскресенье не вернетесь? Срок-то командировки истекает именно в воскресный вечер. И меня даже отсутствие штанов не удержит от танцев в парке.

— Набавлю сотню!

— Слушайте, вы, Ротшильд! А как вы себе представляете это «безвыходно», если я не имею даже канализации на своей каланче? За порчу кухонной посуды гоните еще двести — она дорогая.

...Шпилевский получил в конце концов командировочное и личное удостоверение за три с половиной тысячи рублей. Еще одну сотенную пришлось сунуть за довольно приличные сандалеты.

— Не понимаю, зачем тебе мои документы, — заметил Слуцкий. — Ты же похож на меня, как гвоздь на панихиду. И потом, ты что, тоже художник? Что такое ты им намалюешь в колхозе? Выгонят, как Бендера с парохода.

Казимир только вздохнул. Не мог же он рассказывать встречному-поперечному, как проходил под руководством видного шотландского художника специальный курс живописи и карандашного рисунка, а другие соответствующие педагоги три года обучали курсантов основам сценического перевоплощения, театральной мимики, дикции, жестикуляции.

Все-таки он взял клочок газеты на столе, вынул самописку и за полминуты нарисовал шарж на Льва Слуцкого. Тот глянул и рот разинул: он смотрел на себя словно в зеркало, правда, кривоватое. Еще больше сгорбился нос, вылезли наружу выпуклые глаза.

— Можешь взять на память. Бесплатно, — сказал Казимир.

Он очень спешил. К вечеру ему нужно было попасть на далекий полустанок, а в городе еще предстояло совершить до конца рабочего дня немало дел. Он прежде всего отправился в зубопротезную мастерскую и застал там миловидную, но не первой молодости дамочку с роскошными клипсами и прочей яркой, однако дешевой бижутерией на голове, шее и пальцах.

— Проше! — приветливо откликнулась она по-польски на приветствие красивого молодого человека.

Казимир и заговорил с ней по-польски, отчего дамочка стала еще любезнее. Она была техником-протезистом, а стоматолог-протезист пошел за «материалом», то есть за золотом. Шпилевский в нескольких словах изложил свою просьбу: может ли он приобрести шесть золотых коронок? За наличный расчет или тоже за «материал». И как можно быстрее. У его старшего брата сегодня именины, и он хочет преподнести ему к вечеру подарок.

— Молодость всегда спешит, — укоризненно улыбнулась дама в фальшивых драгоценностях. — Где же вы были раньше? Ведь нужна примерка, подгонка коронок, а возможно, и зубов.

— Ничего этого не требуется, — уверенно возразил Казимир. — У нас с братом зубы идеально одинаковы, только у него подпортились. Знаете, от курева...

— Да, кариес бывает часто от никотина. Хорошо, я попробую подобрать, но опять-таки вам придется ждать врача: принять оплату за золото может только он.

— Да почему? — взмолился отчаянно спешивший молодой человек. — Я вам с лихвой уплачу. Вот смотрите!

Он извлек из саквояжа завернутый в бумагу столбик золотых монет. При виде их у техника-протезиста что-то клокотнуло в горле.

— Ваш шеф, вероятно, не обидится на вас, если за каждую коронку вы возьмете с меня по такой желтенькой пятерке. Сколько я знаю, из одной вы изготавливаете сразу по две коронки.

«По три, дурачок!» — мысленно сказала дама. Казимир и сам это знал, но сыграл под простака. Лишь бы эта молодящаяся модница захотела урвать для себя пару кусочков презренного металла для украшения своей дряблой шеи.

Она захотела. Через пять минут она уже примеряла на зубы Казимира блестящие чехольчики и два из них слегка подшлифовала.

Следующий его визит был в парикмахерскую на окраине города. И вскоре оттуда вышел курчавый бронет, смахивающий на цыгана. Только глаза были слишком светлыми для волосяного обрамления. Но не зря учили Голла кое-чему. Две капли атропина под веки — и зрачки потемнели и расширились. Правда, видеть все он стал слегка в тумане, но это уже были неизбежные издержки...

А еще через полчаса в закрытой кабине вокзального туалета произошло последнее перевоплощение. Проник туда молодой человек среднего роста и в светлом летнем костюме. Через пять минут появился высокий мужчина в кителе, бриджах и сапогах. Их специальные подошвы и сделали Казимира выше сразу на пять сантиметров. Черные кудри его прикрывала незатейливая серая кепка. Какой-нибудь механик из МТС, приехавший проталкивать наряды на запчасти. В таком виде Шпилевский и сел в вечерний пригородный поезд. Вплоть до нужного разъезда его не покидало отличное настроение.

А дальше все пошло если и не шиворот-навыворот, то с лишними осложнениями.

ЗАКОДИРОВАННЫЙ МОНОЛОГ

Варфоломей маялся. Он впервые за все лето не пошел на утреннюю рыбалку и знал, что ребята тоже не пошли. Что им было делать на берегу без Айвенго! Правда, одно дело нашлось. Получив у Алексея подробную инструкцию, Варька изготовил себе лук и потом объяснил, как делать такое оружие, ребятам. Но даже такое занятие не отвлекло его от тревожных мыслей. Наконец он оставил звено строгать стрелы, а сам двинулся к больнице.

Он уже знал окно палаты, где в одиночестве лежит его друг, знал в лицо всех медсестер и нянечек, а с главврачом даже отважился поздороваться, хотя не был знаком. Тот поневоле заметил коренастого белоголового паренька, отирающегося у больничного забора.

— Мальчик, ты кого ждешь? — спросил он наконец.

— Айвенго, — коротко ответил Варька, раздражась праздностью вопроса. Кого он еще может ждать?!

Врач не был старожилом в райцентре. Поэтому он выкатил глаза:

— А леди Ровена тебя пока не интересуется?

— Доктор! — взмолился Варфоломей и чуть не заплакал. — Он не помрет?

И столько недетской тоски было в ребячем голосе, что глаза доктора спрятались на место и потеряли свою медицинскую непреклонность.

— Кто, мальчик?

— Да Айвенго же, наш участковый!

Главврач что-то понял и глубоко задумался. Да, позавидуешь людям, даже больным, которых вот так отчаянно любят дети...

— И ты его очень хочешь видеть, так?

— Конечно, только живого!

И опять детская непосредственность тронула старого доктора. Он очень серьезно сказал:

— Ну, такие, как ваш участковый, не умирают... Он тебе кто — близкий родственник?

Варька зажмурился, но врать не решился:

— Он близкий... только не родственник.

— Ясно... Можешь принести ему куриный бульон.

— Ой, доктор, миленький, нет у нас куриц, не держим. А можно ухи? Свежей. Или лучше супу из раков. Я за два часа обязательно наловлю. Они же дите... диэ-ти-ческие.

Доктор рассмеялся и поинтересовался, откуда такая осведомленность насчет больничной диеты. И узнал, что другой друг Варфоломея, некий студент Алексей, рассказывал ему, что носил когда-то в больницу хворому товарищу бульон из раков, и ничего — пропускали.

— У тебя широкий круг друзей, — задумчиво сказал старый доктор. — Милиционеры, студенты... Ты счастливый человек. Беги ловить раков.

...Варька нетерпеливо танцевал вокруг керогаза, пока на нем закипала вода для бульона, и наседа на Прасковью:

— Да прибавь ты огня этой чертовой «цивилизации».

— Успеем, Варенька. Взорваться может.

Ничего не взорвалось, и скоро Варфоломей в выглаженной рубашке, с еще горячим алюминиевым бидончиком вошел в палату в сопровождении главврача. Айвенго лежал как-то странно: лицом вниз, но на высоких подушках. Голова забинтована. Посетителям был виден лишь один его глаз.

Этот глаз зовуще подмигнул Варфоломею, и тот быстро наклонился.

— Взяли? — успел спросить раненый.

— Больному не разговаривать! — строго приказал врач. — Говорить может только посетитель и то, как мы с тобой, мальчик, условились.

А условились они так, что ничего, связанного с печальным происшествием, Варфоломей упоминать не имеет права. Иначе больному станет хуже, а Варька будет немедленно выдворен. «И возможно, за шиворот», — сказал доктор.

И вот после короткого раздумья Варфоломей понес такую околесицу, что врач даже потрогал его лоб: не переволновался ли малец?

«...Дырку в бороде видели в городе, а в синей хате все говорят: спасибо Айвенго за два камешка, и скоро дядя Миша и дядя Юра чéмодан найдут, а еще он забыл сказать, что старик, который с рыбой, разговаривает, но об этом уже знают, кому надо, и пусть он поправляется, потому что без него даже божьи коровки — это тыфу!..»

Варфоломей сделал передышку и покосился на глаз. Глаз смеялся. Он снова набрал воздуха в грудь, но доктор выволок его за руку из палаты.

— Ты... может быть, тебя следует самого положить в больницу? Чего ты такое лепетал? Какие камешки в огороде и божьи коровки в чéмодане?!

Варька честно и весело глянул в глаза врачу:

— Я не лепетал, а доложил Айвенго обстановку. Вы поглядите, какой он стал веселый. Он сейчас быстро поправится!

Доктор вернулся в палату, а через минуту снова вышел. Он взял Варфоломея за подбородок и задумчиво поглядел ему в глаза.

— Мальчик... Знаешь, он улыбается. Улыбается после трепанации черепа. Мальчик, когда ты вырастешь, учись на врача. Заменишь некоторых замшелых ортодоксов. Да.

— Не-е, я на комбайнера... — виновато сказал мальчик. — Я лекарств боюсь.

Справедливости ради следует отметить, что перед Айвенго Варфоломей в какой-то мере выдал желаемое за действительное: он еще никому не рассказывал о своем неожиданном открытии насчет Дударя. Вечно подводила нехватка времени. Но сейчас он уже никак не мог держать тайну в себе. Во-первых, уже сказал Айвенго. Во-вторых, вдруг... Но тут мысли Варьки обрывались. Надо было с кем-то посоветоваться.

И он пошел к Алексею. Тот возил на шее по двору Ляльку, и

племянница пятерней совершала на его шевелюре некие операции.

— Дядька Леша, я включила третью скорость, а ты все равно едешь шагом...

— Надо говорить не дядька, а дядя Леша, — поправила из кухни Соня.

— Хорошо. Дядя Леша, я сейчас включу заднюю скорость, и ты въезжай на ней в смородину, я хочу ягод.

— Товарищ водитель, там крапива, — взмолился Алексей.

— Фиг с ней, ты же в резиновых шинах.

Он был в сандалиях на босу ногу и потому душевно обрадовался появлению Варфоломея:

— А-а, заходи, дружище. Милая племянница, в машине потек радиатор — видишь, у меня лоб мокрый.

Варфоломей сокрушенно поведал ему, что до сих пор носит в себе тайну Дударя, а это, наверное, неправильно. Особенно, когда такие дела... Алексей утешил его, что глухонемой наверняка отношения к этим делам не имеет. Варька как-то туманно глянул на друга:

— Ага-а, не имеет!.. А чего он тогда крутился у бани, где ящик лежал?

Алексей вынужден был признать некоторую резонность его доводов и посоветовал ему обратиться к лейтенанту Харламову. Но Варька только пожал плечами: Харламов же в Красовщине. Откуда ему известно? Да это и младенцу ясно — там они ищут того, кто напал на Айвенго.

Алексей вспомнил подполковника. Правда, отношения у них не сложились, но Алексею с ним не ребят крестить, а дело остается делом...

Через полчаса они сидели в кабинете Василия Кондратьевича, и он очень дружелюбно поглядывал на Варфоломея Мойсеновича, но довольно прохладно на Вершинина-младшего. Он их выслушал, сдержанно поблагодарил и поднялся со стула, корректно выпроваживая. Понаблюдав в окно, как друзья переходят площадь, он достал из сейфа письмо и сел его перечитывать.

«Уважаемый Василий Кондратьевич! К Вам обращается с данным заявлением настоятель костела св. Франциска Ассизского гр-н Савицкий И. В. Считаю своим долгом сообщить некоторые данные о проживающем на территории района гражданине Болеславе Дударе, известном как глухонемой. Он истый католик и привержен к храму, но неправдив в существенном моменте.

Он не является глухонемым, а вполне владеет великим природным даром — речью и слухом. Мне об этом стало известно случайно во время исповеди, когда на традиционный вопрос о грешности его мирских деяний исповедуемый вполне членораздельно ответил мне: «Бардзо гшешны!»¹ Тогда я, естественно, спросил о причине притворства, на что гр-н Дударь ответил мне, что об этом знает господь Бог — и достаточно. О содержании своих грехов Дударь ничего не сообщил, лишь почему-то упомянул, что он плохой отец. В дальнейшем мне еще два раза пришлось слышать его речь, когда он принес в костельный притвор на продажу рыбу и вполне внятно назвал цену, а затем попросил икону св. Павла в ящичном футляре для личной молитвы. При этом он добавил, что разговаривает только со мной, ибо доверяет мне как духовному пастырю.

Указанный факт вызывает у меня тревогу, которой я и делюсь с Вами в знак глубокого уважения, не боясь разгласить тайну исповеди.

С искренним почтением И. Савицкий».

Василий Кондратьевич отшвырнул бумагу. «Тайна исповеди!.. Еще точно не установлено, сколько раз разглашал ты ее фашистской службе СД. Пастырь!»

Однако в данном случае настораживало и другое. Неизвестно, когда была исповедь, но мальчик слышал разговор «глухонемого» с ксендзом в мае. Чем объяснить письмо, датированное только третьим августа, то есть вчерашним днем? Тем, что Василий Кондратьевич накануне сам побывал у ксендза и тот решил вдогонку лишний раз продемонстрировать лояльность? Ну, а если еще что-то ускорило этот жест?

Допрашивать ксендза подробнее бесполезно. Разведет руками. В лучшем случае сошлет на латынь. «Са пиэнти сат» — разумному достаточно. И ты же останешься в дураках.

Почему преподобный отец Иероним так настойчиво ориентирует чекистов на Дударя? Стоп! Хлопцы говорили, что Дударь второй день безотлучно сидит в лодке у Красовщины и ловит для колхозной ухи рыбу по просьбе председателя. Только ли по его просьбе околачивается там мнимый глухонемой?

Подполковник поднял телефонную трубку:

— Колхоз? Мойсенович? Где мои ребята? Найди, пожалуйста,

¹Очень грешен (польск.).

любого, и пусть немедленно ко мне. Хоть на помеле, но молниеносно! Нет, только одного, второй пусть сидит на месте.

Через сорок минут в кабинет влетел коричневый от пыли Юра Харламов. Он забыл даже заглушить мотоцикл у подъезда.

— По вашему приказ...

— Выключи к лешему свою тарахтелку, — взялся за виски подполковник. — Вот так... Теперь слушай. Дударь там? Рыбу ловит? Глаз не спускать с него. Лодку немедленно обыскать до последней шпаклевинки. И докладывать мне через каждые два часа круглые сутки, с кем он контактирует. Домой звони, если здесь не найдешь.

— Ясно, но у нас еще одно, Василий Кондратьевич. Две параллельные царапины, толстая и тонкая, обнаружены на чемодане у кузнеца деревни Козляны Константина Буйко!

ЧЕМ ПАХНУТ МЕХАНИКИ

Все началось при выходе из вагона. Как обычно, прежде чем покинуть тамбур, Шпилевский осмотрел перрон. Ни души в этой глухомани. Только в освещенном окошке кассы видно, как парень любезничает с кассиршей. Утром Казимир то же самое делал. Наверное, велосипед кавалера и торчит у штакетника.

Кроме него сошло три человека. Ни один из них не взглянул на Шпилевского, и все устремились к гравийке, ведущей в поселок. Зашагал туда и он.

Но что за наваждение: он почувствовал на затылке чей-то упорный взгляд. Кассиршин ухажер? Нет, тот даже не высунулся из будки. Казимир остановился, дождался, пока протарахтят мимо вагоны тронувшегося поезда и... встретился глазами с человеком, стоящим по ту сторону полотна. Вернее, тот не стоял, а деревянными граблями поправлял снизу стожок сена.

Поправлять-то поправлял, но в то же время из-под руки наблюдал за Казимиром. Едва Казимир повернулся к нему, человек принялся энергично орудовать своим инструментом. Шпилевский присел и стал подтягивать голенище сапога, низко опустив голову. И снова ощутил настойчивый взгляд.

Хуже всего, что он уже где-то видел этого человека — загорелого, плотного, с крупной головой, крепко посаженной на массивные плечи, в ковбойке и тяжелой солдатской обуви. Когда? Не позднее чем вчера, иначе бы могли забыться детали — например, бахромы вытертого воротника.

Но где?

Думай, Голл, думай, недаром тебя специально учили любую увиденную мелочь привязывать к окружающей обстановке.

Стоп! Этого здоровяка с широкой небритой физиономией он видел на другой стороне улицы Гастелло из окна своей «тетушки». Тот вышел из машины и сразу скрылся за калиткой маленького домика. А вот и тогдашняя обстановка: в машине-то за рулем сидел некто в погонах. Фью-ю! Выходит, этого тюфяка с граблями доставляют на обед в персональном автомобиле. Гарнизона в райцентре нет, значит, погоны водителя, а следовательно, и легковушка принадлежат либо МВД, либо МГБ.

Вот это ты влип, Голл-Шпилевский!

Самоуверенность и легкое настроение ветром сдуло. Четкими и прозрачными стали мысли. Значит, засекли. В чем была его ошибка? Ладно, об этом потом — сейчас главное — проверить и уточнить размер опасности и, если есть еще возможность, оторваться. Вперед, Казимир, и... не оглядывайся.

Но он и не оглядываясь проверенным шестым чувством знал, что кирзовые сапоги двинулись за ним. Все решится у поворота: если тот тоже свернет на Красовщину, значит, точно — преследует его. И тогда...

Оттащить тело преследователя в заросли и завалить хворостом Шпилевский не успел. Сзади послышался шорох велосипедных шин. Казимир метнулся в чащу...

Он вышел к железнодорожному полотну на участке подъема. Дождался замедляющего здесь ход товарняка, вскочил на торозную площадку и с полчаса отдыхал на ветру. Он представлял себе, что дорога на Красовщину и рельсы шли не параллельно, а расходились под углом градусов в тридцать. Значит, сейчас он находился от той дороги примерно в десяти километрах. Пора сходиться: здесь его пока не найдут, а слишком удаляться тоже нельзя: при всех условиях завтра надо быть в Красовщине.

Он спрыгнул с площадки — и опять незадача: подвернулась нога в сапоге с этой проклятой толстой подошвой. Растяжение сухожилий в лодыжке, но могло быть и хуже. Он с ужасом представил себе, что было бы с ним при переломе кости. Один, в неизвестной глухомани, без продуктов, исключая бутылку сорокаградусной «Беловежской». А также ампулы с цианистым калием. Вспомнив об этом, Казимир раскрыл чемодан, вынул саквояж, на ощупь отыскал там рубашку, с предельной осторожностью выпорол крохотный стеклянный сосудик и затолкал его в карман за подворотничок кителя. И сразу почувствовал себя увереннее: живым не возьмут. Конечно, окружи его сейчас чекисты, он стал бы до конца отстреливаться из двух пистолетов — обычного

«вальтера» и бесшумного «кольта», но в горячке легко забыть о последнем патроне для себя.

Когда искал рубашку, пальцы наткнулись на обернутые в носовые платки яйца. На минуту им овладела бессильная ярость: если бы и пошел сейчас в эфир импульс, на станции радионаблюдения его расшифруют как сигнал полного благополучия. А вот сигналы бедствия вовсе не предусмотрены инструкцией. Выпутывайся только сам. Единственная помощь — ампула!

Усилим воли он отогнал тяжелые мысли, попробовал встать и крикнул от боли. По другую сторону насыпи раздался медвежий рев. Этого Казимир уже не выдержал — все против него, даже лес! Неужели эти проклятые косолапые здесь попадают на каждом шагу?!

...Он пришел в себя метров за двести, когда завяз в болоте и понял, что дальше ползти нельзя — утонешь в трясине. Или повлияла нервная встряска, или помогла холодная болотная вода, залившаяся в сапоги, но на этот раз он встал почти без боли. Встал и осмотрелся при свете мелькавшей в облаках луны. За болотом, которое оказалось не очень большим, темнели какие-то бугры. Дома или стога?

Если это хутор, то почему не лают собаки? А если сено, то почему оттуда несетя отчетливый запах холодного дыма и чего-то съедобного? Казимир и сам не знал, что бы его сейчас больше устроило: у него все болело, он смертельно устал, был голоден и хотел спать. Он подумал, что, если впереди ждет еще какая-нибудь беда, он раздавит ампулу. Он был смел, но не стоек, силен, но не вынослив. Он пошел к темневшим буграм.

Все-таки это были стога, а дымом пахло от погасшего костра, в котором мальчишки пекли картошку. Их было четверо. Сейчас они уснули после еды и разговоров. Собачонка, одна расслышавшая в ночи рев медведя, удрала со страху ночевать в деревню.

Шпилевский не таясь подошел к чуть светившимся под пеплом остаткам костра и плюхнулся на землю. Ближний к нему мальчишка приподнял голову и снова опустил ее на свернутый ватник. Опять приподнял и только после этого хрипло спросил:

— Ты кто?

— Я шпион, — серьезно сказал Казимир. Мальчишка засмеялся:

— Ладно тебе... Из МТС, да? А куда ночью идешь? В Козляны?

Казимир не слышал ни о каких Козлянах и потому не ответил, а спросил сам:

— Картошку всю слопали или найдется пара штук?

— Поищи сам в золе, должна остаться. Также мне шпион — на бульбу льстится. Они шоколад едят, если не знаешь...

Шпилевский извлек три еще теплых обгорелых клубня, обер их сеном, подумал и достал водку. Хотелось побыстрее и безмятежно уснуть. Кажется, здесь наиболее спокойное место для отдыха. Он сделал семь полновесных глотков — это число у него было любимым — и... сонливость начисто пропала. Он вновь ощутил прилив сил. Понимал, что это ненадолго, но пока все тело охватила бодрость. И даже появилась говорливость.

— Коней пасете? — спросил он для продолжения беседы.

— Кобыл, — поправил паренек. — За конями сейчас взрослые пастухи ухаживают. К празднику готовят. Мусить, слышали, у нас в воскресенье будет бо-ольшой праздник. Двадцать троек готовят для катания.

— Слыхал, — уже более сосредоточенно сказал Шпилевский. И наугад добавил: — В МТС тоже готовятся, комбайны чистят. Значит, вы тут из «Партизанской славы»?

— Ну да, самая дальняя бригада...

— А кого будут катать на тройках?

— Ясно, гостей. Ну и ударников своих. У меня мать лучшая свинарка, премию получит, потом в бричке с цветами покатит. — Парнишка усмехнулся. — А сама боится шибко ездить, так все ходит в кузню глядеть, хорошо ли дядька Костя эту бричку ставит на колеса. Я ходил с ней, так она ему говорит: «Первачу тебе принесу, если карета не опрокинется». А как раз и опрокинется, потому что он и без того пьяный колеса шинует...

Шпилевскому начали приходиться в голову кое-какие мысли.

— Так, говоришь, неважнецкий он кузнец — этот дядька Костя?

— Не говорил я этого! — обидчиво взметнулся хлопец. — Мастер он как раз на все сто двадцать. Только что зашибает. Так, может, не сам и виноват. Кто ни придет, хоть ножницы наточить, а все равно тащит склянку. Вот и приучили. До того дошло, что по ночам работает...

— Это почему?

— Ну вот тебе на! Большой, а не понимаешь, — упрекнул мальчуган. — Днем-то его спаивают, а ночью заказчиков не бывает. Вон — светит его фабрика.

Казимир присмотрелся к всплескам света приблизительно на километре. Он с минуту посидел, сказал спасибо за картошку и объяснил, что ему пора двигаться в Козляны: «До солнышка, наверное, дойду».

— Ты что! — усмехнулся пастушок. — Который час-то? Полвторого? А солнце в пять. Раньше дойдешь, тут же всего пять километров.

— Ну, будь здоров, привет твоему дяде Косте. Может, его к нам в МТС сманить на работу, там спаивать не будут...

Он ушел, но мальчишка больше не мог уснуть. Что-то его встревожило. Ага, этот непонятный запах, повисший у кострища и даже перебивший запах дыма. Так пахло в хате, когда мать собиралась идти на собрание и садиться в президиум. Одеколон! Он разбудил приятелей.

— Хлопцы, чем тут пахнет?

Один принялся и с ходу заявил:

— Парикмахерской!

Второй покрутил стриженной головой в охвостях сена и ехидно спросил:

— К тебе чего, девчонка приходила?

Отвесив ему тумак, мальчуган сказал:

— Как раз не девчонка, а механик из МТС. Что-то мне не попадались механики с таким фасонистым запахом. Керосин — другое дело...

— Он что, сам сказал, что механик?

— Не-е, он сказал, что шпион.

— А по шее ты не хочешь? Не мешай спать!

Они уткнули головы в свои ватники, а мальчик посидел еще, потом встал, проверил на лугу лошадей и скользя от росы тропкой побежал в Козляны, где на окраине деревни жил сельский участковый милиционер.

Он бежал и внушал сам себе, что, может, не зря покинул свой рабочий пост: дело не только в одеколоне, а в том, что дядька-то появился со стороны болота, от «чугунки», оттуда и дороги на луг нет. И водку дорогу пил. Да еще с чемоданом. Может, ограбил кого в поезде?

ИЛЛЮЗИИ И СОМНЕНИЯ

Кузница встретила Казимира неверным светом маленького горна и тишиной. Кузнец сидел на дубовом обручке неподвижно. Он был трезв и сердит. Но не из-за трезвости, а из-за пораненного пальца, по которому попало сорвавшимся зубилом, когда обрубал шинную полосу. Она светилась уже вполнакала, досадливо отброшенная к порогу.

Шпилевский переступил через горячую железяку и поздоровался. Кузнец, наверное, столько повидал на своем веку, что разучился удивляться. Появление в два часа ночи незнакомого человека не заставило его и пальцем пошевелить. Тем более больным. Однако он спросил:

— Ты как сморкаешься, добрый человек? Пальцами нос выко-

лачиваешь или в платок? Если в платок, то давай его — лапу перевязать. Ветошь моя больно грязная.

Казимир не только вынул платок, но и сам забинтовал палец. Дальше беседа пошла еще свободнее. Шпилевский узнал, что осталось ошиновать два колеса к четвертой бричке, а три брички уже готовы — вон стоят за кузницей, хоть сейчас в упряжку. Нет, Казимир не знал, полагается ли кузнецу трудовень за поврежденный палец.

— Вам, городским, без звука полагается больничный листок, — вздохнул дядя Костя. — А мы под бригадирским законом живем. Ведь бригадир чего скажет? Он запоет, что я по пьянке ушибся. А я по темноте — электричества-то в кузне нет. Тебе чего надо-то, ножик, что ли, наточить?

— Нет, я случайно, с дороги сбился. Слез с поезда, пошел на твой огонек, думал, в Козляны иду, а попал сначала в болото, потом вот к тебе.

— К кому в Козлянах-то? — покосился на него кузнец. — Что-то я тебя не помню.

— Да ни к кому, но автобус-то там останавливается на Красовщину? Мне туда надо.

— А ну, дыхни! Ага, по пьянке, значит, заплутал. Это бывает. Ну ладно, посиди. Автобус там бывает, только днем. Всю горилку выдул или оставил на опохмелку?

Казимир извлек из чемодана «Беловежскую».

На наковальне появился кусок сала и черная горбушка. С закоптелой полки был извлечен граненый стакан. Шпилевский повертел его в руках и брезгливо сморщился.

— Ладно, сполосну у колодца. — Кузнец взял стакан и вышел.

Шпилевский быстро открыл чемодан, саквояж, ящик с иконой, извлек три массивных продолговатых бруска и рассовал их по карманам. Когда выпили водку, дядя Костя предложил вздремнуть до рассвета, и перед сном Казимир тоже вышел на воздух. Три отремонтированные брички стояли в ряд. Казимир подобрал одинаковые по размеру капсулы химических взрывателей, вставил их в бруски и сунул мины под сиденье каждой брички. Когда вернулся, кузнец уже посапывал на соломе под вытертым полушубком.

Одно дело было сделано. Казимир еще раз глянул на светящийся циферблат: три часа утра третьего августа. Капсулы растворяются точно через шестьдесят часов и сработают в три часа полудни пятого августа, в самый разгар праздника.

Однако это было не главное дело. Основная работа, ради которой он оказался здесь, предстояла впереди. Для нее пора было перевоплощаться в художника. Но Казимиру до смерти надоел тяжеленный чемодан Слуцкого, в котором скопились и саквояж Дударя, и одежда, и ящичек с иконой, и, наконец, кисти и крас-

ки. Многое уже было не нужно, в том числе и этот невезучий пулувоенный костюм с сапогами. Нет сомнения, что в округе ищут человека именно в таком костюме.

Казимир давно заметил в углу кузницы потертый, но достаточно приличный для командировочного человека фибровый чемоданчик. Наверное, дядя Костя носил в нем из дому еду.

Шпилевский растолкал кузнеца.

— Слушай, папаша, мне пора. Давай чемоданами меняться, надоело мне этакую дурь таскать, руки оттянула.

— В придачу сто грамм даешь? — спросил кузнец, ничуть не удивляясь предложению.

— Так всю водку вытянули. Четвертную могу выложить.

— И на том спасибо, добрый человек. Перекладывай свое барахло, а мое в уголке оставь. Ну и счастливо тебе, а я еще посплю, быстрее палец заживет...

В предрасветной синеве Шпилевский выбрал в километре от кузницы густую осиновую рощицу, быстро переоделся там в костюм Слуцкого, а ненужную поклажу закопал. В чемоданчике кузнеца остались только художнические принадлежности, коробка с иконой да серый костюм — на случай праздничного парада. И конечно, яйца.

Пистолеты удобно разместились под мышками внутри широкой блузы, заветная ампула перекочевала в ее воротник, а шесть оставшихся плоских мин даже не оттопыривали карманов. Он тщательно вымыл в лужице лицо и руки, стараясь не замочить волосы и брови, и вновь почувствовал себя бодрым и уверенным. Нога совсем не болела. Он вернулся на дорогу и зашагал в сторону, противоположную деревне Козляны. Дурак он там показываться за полдня до автобуса!

Он был уверен, что начисто замел следы и близок к цели.

Он ошибался, потому что многого не учитывал. Его неплохо учили, как играть на людских слабостях, как уходить от профессионалов службы безопасности в «восточных» странах. Но ни он, ни его инструкторы не в состоянии были понять характер здешних людей. Например, таких, как Варька Мойсенович и пастушок в ночном. Как ворчливый на свое житье-бытье сельский кузнец дядя Костя... В нем Шпилевский тоже ошибся.

...Дело в том, что кузнец ни минуты не спал. Он разучился спать по ночам за три года партизанской войны, потому что именно в эту пору суток ему — отрядному оружейнику — приходилось возвращать к жизни автоматы и пулеметы, карабины и минометы, покореженные в боях. Пока ребята отсыпались, он снаряжал

их в новую операцию. Говорят, кузнецы сильно глохнут от грохота своих инструментов. Это неправда: у них портится обоняние от вечной гари. Зато, как это ни удивительно, никто лучше их не слышит звон кузнечиков в траве, шелест еще далекого дождя, писк мыши в соломе.

Первое, что насторожило кузнеца Константина Буйко в проходе, это руки незнакомца, когда он при свете горна и переносного фонаря перевязывал ему палец. Тыльная сторона кистей и запястья были покрыты густыми, но совсем светлыми волосами. А брови и волосы черные аж до блеска.

Вот почему он сначала не стал ни о чем спрашивать ночного гостя, а ждал вопросов. Но тот, видать, был умен и не спешил раскрываться, надеясь, что за водкой любитель даровой выпивки сам забудет о любопытстве. Ладно, надейся, хотя больше всех репутацию пьяницы создает кузнецу недруг-бригадир: дядя Костя отказался ему задаром крышу оцинковать.

Другое, что привело дядю Костю уже в прямое смятение, — это легкое позвякивание друг о друга металлических брусков за кузницей, когда незнакомый человек вышел по нужде. Сколько раз он сам слышал этот характерный звон минных корпусов из осой стали. Этот звук он ни с чем не спутает. Потому и прильнул к дверной щели. Темный силуэт двигался от брички к бричке.

Надо немедленно бежать куда следует! Один он не справится с молодым и сильным парнем, к тому же тот наверняка при оружии. Попробуй рвануть из кузницы — догонит и пришьет в два счета.

Слегка успокоило кузнеца предложение незнакомца обменяться чемоданами. Тот, значит, считает его совсем тупым пройпойцей, не способным ни к каким подозрениям. Ладно, считай!

Когда парень в кителе исчез, дядя Костя прежде всего осмотрел чемодан. Ничего необычного. Тогда он метнулся к гордости своих рук — отремонтированным бричкам. И быстро нашупал под сиденьями мины. Он был оружейник, но не сапер и не знал, конечно, устройства этих совсем незнакомых брусков. Но то, что они снаряжены, он не сомневался, и потому надо было торопиться. Очень!

Он бежал с чемоданом по дороге в Козляны и ждал взрыва. Но вдруг рассмеялся и остановился. В голову пришла простая мысль: диверсант не будет тратить мины на пустые брички. Взрыватели поставлены с расчетом на людей, которые покаты в экипажах кузнеца дяди Кости. А такое предстоит только завтра...

Он перешел на шаг и постучал в хату участкового милиционера, когда показался краешек солнца.

— Да уж пошел ваш старшина. Прибег хлопчик и потянул его шукать яко-то дядьку с деколоном. Я спросонья не все разобрала. На дорогу они пошли, — раздался сонный женский голос.

Туда же двинулся и Константин Буйко. Встретив милиционера, он коротко доложил о случившемся, и они оттащили на всякий случай чемодан с минами в глубокий овраг, а сами продолжали внимательно высматривать высокого человека в кителе и сапогах.

Но тот так и не вышел на автобусную остановку. А когда в полдень автобус подкатил, в нем тоже не нашлось никого похожего. Ехали пионерчики на экскурсию в город, крупно спорили два овощезаготовителя о сезонных ценах на помидоры, баюкала младенца молодая мамаша, да какой-то веселый художник в вельветовой блузе и с золотыми зубами рисовал на обложке блокнота карикатуру на заготовителей. Он показал ее заглянувшему в автобус старшине, и тот, несмотря на всю озабоченность, невольно улыбнулся: уж больно похоже и забавно.

Дядя Костя тоже заглядывал в окна автобуса, но не узнал в разбитном и суетливом парне ночного посетителя. Да и говор был у художника не тот.

Эх, поднять бы ему глаза чуть выше: там на багажной полочке лежал-полеживал его собственный чемоданчик! Узнав за стеклом кузнеца, Шпилевский так растерялся, что не успел даже спрятать багаж. Но пронесло...

Участковый не мог ждать следующего автобуса или попутных машин: в овраге лежал опасный груз. Он взял из дому велосипед и покатил в Красовщину, к ближайшему телефону.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Нет, Юра Харламов, проезжая на пароме, не узнал в пижонистом художнике высокого мужчину, который вышел в сумерках из вагона. Его насторожил лишь странный поворот головы. Однако коллега весьма доказательно разубедил Юру — художнический прием. Ну и черт с ним, с золотозубым художником.

Но во время беседы с Алексеем Харламов отчетливо вспомнил другое. У студента, оказывается, образное мышление. Именно как кошка из подворотни выглянул тогда пассажир в кителе из тамбура вагона. Незаметный взгляд влево, такой же вправо и после них уже решительный соскок с подножки.

Это не убеждало, но наводило на мысль, что Казимир Шпилевский — человек, побывавший в то же утро в райцентре и виденный бабкой Настей, и преступник, ранивший Айвенго, вполне мог быть одним и тем же лицом. Переодеться не проблема, и не велик труд сменить саквояж на чемодан. Важно другое: куда он сейчас исчез и как намерен осуществить свой замысел в Красовщине?

То, что такой замысел имеется, уже не было сомнений. Слиш-

ком упорно рвался сюда агент. И повод основательный ожидается: приезд одного из известнейших людей в республике. На празднике будут все руководители района, ответственные работники из соседних местностей, гости из Прибалтики. Удайся покушение — какой толчок был бы для активизации антисоветского подполья, для распространения паники среди населения!

Повод есть, агент (или агенты) где-то есть. Что же готовится врагом? Пора знать, потому что до начала праздника остались сутки. Вот о чем думали Василий Кондратьевич и лейтенант Харламов, направляясь в «Партизанскую славу» после своего разговора о глухонемом и чемодане с царапинами. «Победа» мчалась впереди, Юра пылил сзади на мотоцикле. Миновал колхозную контору, они подлетели к овощехранилищу. Здесь стояли Мойсенович, парторг, Михаил Андреевич, участковый из Козлян и капитан-сапер.

— Показывайте! — бросил подполковник.

Ему показали четыре упругие пластиковые капсулы, каждая величиной с мизинец. На них отчетливо чернела цифра «60».

— Нуте-ка, прикинем, на какое время запланировал брюнет в сапогах взрыв наших передовиков? — сказал Василий Кондратьевич. — Старшина! Когда, по словам кузнеца, был у него этот любитель «Беловежской»?

— Выходил к бричкам в три часа. У Буйко ходики в кузнице, он засек.

— Умница партизан, помню его. Значит, взрыв планируется на пятнадцать часов завтра. Парторг, дайте, пожалуйста, регламент праздника. Та-ак. Митинг... последний сноп... награждение. Ага: с четырнадцати до шестнадцати катание на тройках, игры, соревнования. Совпадает. А когда наш «гость» мог увидеть этот сценарий?

— Ну, это не проблема... — замялся парторг. — Мы его за две недели размножили на машинке и всюду разослали.

— И то верно, не проблема. Товарищи председатель и парторг, нам нужны три-четыре сметливых комсомольца, желательно служившие в армии. Но... сами понимаете!

Мойсенович ухмыльнулся:

— Вроде не в наших интересах разводить панику. Только и вы уж, уважаемые товарищи, не дайте испортить праздник.

...Шпилевский заканчивал писать лозунг на пароме, когда на него въехали «Победа» и мотоцикл. Он вместе с ними сплавал на деревенский берег, продолжая орудовать кистью, но и там не успел окончить работу до следующего рейса. В этот раз на палубу зашли двое колхозных парней и все тот же широкоплечий. На Казимира они внимания не обращали. На песчаном берегу трои-

ца направилась к лодке Дударя, ошетилившейся удочками. Один из парней зажестиковал, словно матрос-сигнальщик на палубе. Глухонемой свернул удочки, подплыл к берегу и вышел из лодки. Вся компания погрузилась в нее и вскоре скрылась за поворотом. Старик зашагал к парому, ступил на палубу и направился к Шпилевскому.

— Не останавливайся рядом, — шепнул ему Казимир. Недалеко был моторист-паромщик. — Иди в лес, к старому блиндажу.

Когда они встретились у блиндажа, Казимир зло сказал:

— Повели твою ладью обыскивать. Ничего в ней не оставил?

— Интересного для них ничего. Другое хуже, пан начальник. Молчать они при мне начали. Не разговаривают между собой. Так понимаю, что подозревают, будто я слышу. Откуда?

— Ну, тебе лучше знать, где наследил. У меня своих хлопот достаточно. В трибуну мины не подсунешь: видел я у одного из ихних миноискатель. Значит, завтра перед парадом еще раз все обшарят. Паром, конечно, тоже раз пять обследуют. Пройдутся и по дорогам. Так что мои жестянки могут и не пригодиться. Имеешь какие-нибудь другие соображения?

Дударь думал не про то. Только бы этот парашютист не попался. Если схватят, ниточка непременно приведет к Леокадии: заходил, ночевал, племянником числится. Прощай, значит, дочь. О себе он как-то не думал в эти последние тревожные дни. Иногда ловил себя на мысли, что смотрит на собственную персону как на готового покойника. А вот как уберечь Леокадию или хотя бы смягчить ждущий ее удар? Эх, старик, старик, ведь это ты в конечном счете испоганил всю ее жизнь. Внушил чушь несусветную, будто уготована ей судьба помещицы. И повела девочку мечта несбыточная по самым что ни есть путаным стежкам-дорожкам. Другие-то бабы ее возраста, да и не умнее ее, вон как живут при нынешней власти. Веселые, с семьями, никого не боятся. Как же, нужна она тем американцам, как вот он этому безжалостному парню из-за кордона!

Вместе с тем Дударь и не думал уклоняться от участия в акции. Он понимал, что Шпилевский его просто убьет при малейшем шаге в сторону, да и Леокадию не пожалует... Самому убить его? Зачем? Дударю это не скостит вины перед судом: больно много на его счету незамолимых грехов. А вот дочь спасти — тогда бы и самому помирать легче. Только как?

— Какие могут быть думки у старика, — уклончиво сказал он Казимиру. — Я ваших планов не знаю, да и сил тоже. Чего бы проще — закидать их завтра бомбами с самолета со всем их праздником, так ведь не по возможности.

— Действительно — старый осел! — обозлился Шпилевский. —

Иди сдавай рыбу председателю, бери расчет и уплывай к своему хутору. Будет для тебя в райцентре задание. Выполнишь — по возвращении к своим я ходатайствую о медали для тебя и двойном окладе. Ну и здесь оставлю тысчонок двадцать.

— У вас всего-то было двадцать, четыре пачки по пять, — усмехнулся Дударь.

— Вот балда, там сорок было, даже этого не заметил, — снисходительно бросил Казимир. — Двойные клеенные купюры... Ты шофера райкомовского знаешь? Женя? Очень хорошо. Так вот: подаришь ему завтра свежую щуку, когда будет ехать сюда со своими хозяевами. Встретишь по дороге, будто с берега идешь, и подаришь. Доходит?

Дударь оценил: «Хитер, змееныш, знает, что там баба поедет и ни в жизнь не откажется от свежей рыбки!» Вслух сказал:

— Большая щука нужна, чтобы влезла в нее жестянка. Да и зашить ее нелегко.

— Это твоя забота. И кстати, последнее. Отдай рыбину и спи в своей развалюхе, да так, чтобы люди видели, что в воскресенье ты и близко не подходил к Красовщине.

— Все понял, начальник.

— Конечно, я мог бы поручить заминировать райкомовскую машину своей «тетушке», — задумчиво добавил Шпилевский. — Тем более что она учительница и знакома с женой секретаря райкома, поскольку та директриса школы. Но она — протухшая вобла, толку от нее нуль. Не исключено, что скоро придется убирать... Ты близко знаешь эту дуру?

«Ближе, чем тебя, сучье отродье, — чуть не крикнул Могилевский. — Как бы тебя быстрее не убрали, гаденыш».

Но вслух опять сказал послушно:

— Мне запрещено было ее близко знать, начальник. У нас разные дела.

Василий Кондратьевич с любопытством наблюдал, как глухонемой рыбак объяснялся с председателем. Он загибал один за другим пальцы, разводил руками, мотал головой, потом изобразил, будто расписывается на листке, и при этом густо гудел. Очень хотелось рявкнуть: «Прекрати спектакль!» Но надо было терпеть до конца. В лодке Дударя ничего предосудительного не нашли, и следовало ждать, что же дальше предпримет этот старый обманщик.

Председатель наконец объявил:

— Он говорит, что рыба больше не клюет, поднялся восточный ветер, а наловил он, говорит, на уху для целого полка и просит уплатить ему и отпустить.

Подполковник кивнул: не возражаю. А сам думал, кого же направить понаблюдать за дальнейшими действиями Дударя. Юра уехал в Козляны обстоятельнее побеседовать с кузнецом и пастушонком. Михаил Андреевич с капитаном-минером проверяет ближайшие дороги. Остается поручить задание одному из комсомольцев, которые оказались толковыми хлопцами: обнаружили в лодке хоть и не относящийся прямо к делу, но весьма искусно замаскированный тайник. На случай встречи с рыбнадзором. Тот глядел и не находил, а ребята разнюхали.

Хорошо, пошлем хлопца.

И когда Болеслав Могилевский поплыл вниз по течению, параллельно ему двинулся по лесному берегу сельский паренек Витя. Он получил подробные инструкции и совет прихватить ватник, потому что августовские росы холодные, а ему придется нести вахту целую ночь.

Дударь устало перебирал веслами и так же устало разматывал клубок невеселых мыслей.

...Этот бешеный щенок думает завтра взорвать его руками машину с секретарем райкома. Сам он, видать, возьмется за начальство из области. Если и удастся, что будет потом? После слез людских да похорон пышных ничего не изменится для Дударя — одинокого, всем чужого и никому не нужного старика. Впрочем, изменится, но в худшую сторону: скорее всего, сразу арестуют, раз уж и до взрывов заподозрили в симулянтстве. («Не иначе, бритая сволочь в сутане властям вякнула, — по-прежнему лениво подумал Дударь. — Нашел я кому исповедоваться. Ну, да сейчас все равно...»)

А потом — скорая крышка тебе. И останется Леокадия совсем одинешенька с вечным камнем на шее: дочь наемного убийцы. Именно убийцы, а не какого-то борца за идею. Сроду он им не был...

Как снять с дочери этот тяжелый камень?

...С высокого берега сквозь смородиновые кусты Витя с удивлением наблюдал, как Дударь бросил весла на борта, обеими руками поднял со дна лодки двухпудовый валун, служивший якорем и потому обмотанный веревкой, и долго его разглядывал, держа на коленях.

Потом поплыл дальше.

СИНЕКУРА ПОД УГРОЗОЙ?

Приход и уход «племянника» породил у Леокадии совершенно угнетенное состояние. Мрачная подавленность чередовалась с внезапными приступами энергии, когда ей хотелось куда-то бежать и что-то предпринимать. Надо спасти себя! И наверное, еще

кого-то! Она была набожна, и мысль о самоубийстве ей не приходила в голову, но и жить по-прежнему, а вернее, полусуществовать, словно заживо погребенной, она больше не могла ни часу.

То ей вспоминался выхолонный гость «оттуда» с его зловещим цинизмом и барским высокомерием, то приходили на память его наглые вопросы: «Сколько этих вшивых ублюдков в вашем классе?» Его прощальная небрежная реплика «Ну-с, доживайте, раз уж приспособились» повергла ее в окончательное смятение. Сказал словно о каком-то ничтожном биологическом подвиде, умудрившемся адаптироваться в немислимой среде.

Она сутки пролежала без сна и еды, а назавтра пошла к отцу Иерониму. Пошла не таясь. Он откровенно растерялся, увидев ее среди бела дня на пороге кабинета.

— Что-нибудь случилось, пани Леокадия?

— Да, пан Иероним! Как вы знаете, мне здесь больше не с кем посоветоваться. А пришла пора получить совет... возможно, на всю оставшуюся жизнь.

Она была бледна и потому некрасива, а дрожащие пальцы подходили на старческие. Она с необычной для нее краткостью и точностью изложила всю накопившуюся душевную боль и отчаяние от безысходности жизни. Она дала понять собеседнику, что он тоже повинен в ее внутренних шатаниях, раз сам позволил себе колебание в верности их обоюдной жизненной позиции.

— И что же, пани Лёдя? — осторожно спросил ксендз.

— Это я, я у вас спрашиваю — что? — почти крикнула Могилевская. — Вы долго руководили мною, почти с самой юности, так дайте напутствие и сейчас — перед скудной моей старостью. Мне пошел четвертый десяток, а я так ничего и не понимаю. Я почти не жила...

Ксендзом овладел страх. Не иначе, она решила идти с повинной. Отговорить ее? Только не это! Она все равно пойдет, но пойдет раздраженной на него, и тогда... О, женская злоба добра не помнит. Он высказал свои опасения вполне прозрачно:

— Вижу, что всевышний уже вложил в вашу душу решение, и потому мой совет был бы неуместным и даже кощунственным. Любой шаг совершается человеком по воле божьей. Одно хочу напомнить: увлекая за собой на суд людской своих единомышленников, кающийся не приобретает блага ни в этом, ни в лучшем мире...

«Господи, да он перетрусил! — поняла Леокадия. — Прежде всего о себе заговорил... Хоть бы постеснялся так откровенничать». Но она не высказала презрения, а смиренно проговорила:

— Вы можете быть спокойны, пан Иероним: люди узнают только то, что нас связывала лишь любовь к изыщному. Не более. Я о другом хочу посоветоваться с вами как со своим духовником. Бу-

дет или не будет сокрытием греха, если умолчу в трудный час об известной вам тайне несчастного пана Болеслава?

Ксендз ощутил еще большее смятение чувств. Если она скажет следователю о мнимом глухонемом, а Дударь, в свою очередь, проговорится при допросе, что настоятель костела всегда знал о его симуляции, как тогда будет выглядеть отец Иероним? Весьма плачевно: как укрыватель, если не сообщник, иностранного агента. А это в самом лучшем случае — позорное изгнание за рубеж, где он вряд ли будет встречен как великомученик. О синекуре, подобной здешней, мечтать ему не придется. Заштатный писарь в какой-нибудь духовной канцелярии...

— Конечно, покаяние должно быть полным, если перст всевышнего направляет вас на него, — не очень уверенно начал ксендз. — Но, с другой стороны, позволю повторить свою мысль: увлекать за собой других на избранный вами крестный путь — вряд ли это в нравственных полномочиях рядового смертного.

— Я тоже так думаю, — с искренним облегчением сказала Леокадия. — Тем более что он мой отец.

Отец Иероним растерянно сел. Этого он не знал. Так вот, значит, какой силы скрытность таилась в этой хрупкой и бледной женщине! Скрытность от него — ее духовного и мирского избранника! Так где же гарантия, что и сейчас она не скрывает от него многих своих душевных движений, которые пойдут ему в невосполнимый вред? Что-то надо немедленно предпринять! Нет, ее он, конечно, не тронет, это было бы предельно низко и самоубийственно, но предупредить события в порядке самозащиты — совсем другое дело.

...Так родилось письмо настоятеля костела к Василию Кондратьевичу. «Этот сигнал мне зачтется в случае осложнений», — удовлетворенно мыслил ксендз и уже не жалел ни о разрыве с многолетней подругой, ни о ее суровом решении относительно самой себя.

А ЧАСЫ БЕГУТ...

В Красовщине Василий Кондратьевич тоже не забывал о полученном письме. Даже спровадив Дударя, он не мог отделаться от мысли, что тот продолжает участвовать в подготовке к преступной акции. Как? Только бы этот Витя не допустил промашки. А тут произошли еще два события.

Первое. Примчался из Козлян Юра Харламов и доложил о разговоре с кузнецом. Тот особенно напирал на разницу в цвете растительности у ночного посетителя на голове и руках. Даль-

ше — больше. Харламов со старшиной обшарили ближайшие овраги и лесочки и вот — нашли в рожице зарытые в листву вещи. Дядя Костя и мальчишка из ночного подтвердили: тот самый костюм. Самое же любопытное и одновременно тревожное — распоротый левый уголок стоячего воротничка кителя.

— Та-ак! — крикнул подполковник. — Выходит, ампула была. И перекочевала в другое место. Значит, просто переоделся, а не исчез с места событий. Думайте, лейтенант, во что он переоделся.

— Я не все еще вам сказал, Василий Кондратьевич, — чуть замялся Юра. — Конечно, фибровых коричневых чемоданчиков наша кожгалантерея печет тысячи, но...

— Ну?!

— Совпадение странное: получается, что у кузнеца и художника они вроде бы одинаковые. Дядя Костя вспомнил, что левый замочек у его чемоданчика плотно не зашелкивался. Разрешите проверить.

— Не разрешаю. Прежде чем подозревать и идти на обыск, надо иметь более веские основания. Кроме того, если даже этот Лев — агент, то он стреляная птица и сразу заметит досмотр. Ментально свернет всю свою игру и смоется. Наконец, не забывайте об ампуле...

— Так точно, — подтянулся Харламов. — Ваши распоряжения?

— Простые. Продолжайте собирать данные о художнике. Я буду здесь, в конторе. О, дьявол, кто там еще?!

Последняя реплика относилась к счетоводу, который позвал Василия Кондратьевича к телефону.

Дежурный по отделу сообщал, что явилась местная учительница Могилевская и настаивает на немедленной встрече с подполковником.

— Так-таки на немедленной?

— Да. Утверждает, что крайне важно и срочно.

— Гм! Могилевская? Это такая тихонькая и сухонькая? Ладно, еду.

Это был второй факт, который отвлек Василия Кондратьевича от сжимавшихся в тугой узел событий в Красовщине. Он уехал, а узел продолжал сжиматься. Или раскрываться?..

Отправив Дударя домой, Шпилевский занялся установкой вдоль главной улицы красных флажков на заборах и воротах. Охапки таких украшений за ним таскали двое мальчишек. Тонкие деревки были недавно выкрашены и пачкали руки. Когда проходивший мимо Юра вынул художнику и глянул на его запястье, ничего рассмотреть не удалось. На тыльной стороне ладоней краска, обшлага туго застегнута.

— Чего обедать не идете? — поинтересовался Юра, как у знакомого. — Эх ведь как здорово перемазались...

Это вышло естественно. Они и в самом деле были вроде бы слегка знакомы: вместе мотались на пароме. Слуцкий охотно откликнулся:

— Бывает хуже. Потому и не иду обедать, что надо сначала выкупаться.

— Идем вместе, — обрадовался Харламов, загоревшись желанием поглядеть на художника в одних трусах и без марлочки на подбородке — авось она отмокнет в реке.

— Вы думаете, мне жизнь надоела? Вы меня загоняете, я видел с парома, как вы плаваете. Лучше я под колодцем марафет наведу.

«Скользкий, черт!» — отметил про себя лейтенант.

«Куртку хочет проверить», — решил Казимир и внутренне содрогнулся: там пистолет, флакон с жидкостью, пять тысяч рублей, ампула. Хорошо, что остальное перепрятано в блиндаже.

Они разошлись, и каждый продолжал напряженно думать о своем. Шпилевский чувствовал, что начинает теряться. Его обкладывали, как медведя в берлоге. Кто мог подумать, что под такой жесткий надзор будут взяты дороги, паром, лодка и даже трибуна. Что это — обычная бдительность перед приездом начальства или результат собственных промахов Казимира?

Всего час назад он с ужасом видел, как тот самый громоздкий чемодан, оставленный им в кузнице, был погружен в «Победу» и увезен в райцентр.

Уже дошли по следу до кузницы! А здесь закрутился около него этот широкоплечий. Неужели смыкается черный круг? Да нет же, нет у них пока прямых доказательств, что художник — не художник, а механик. У него здесь ни одна коронка с зубов не спала, перед кузницей он их снимал. Его ни разу не подвел еврейский акцент. Наконец, он подлинный мастер своего ремесла: хромой председатель только языком щелкает от восторга при виде всех этих ярмарочных украшательств.

Ладно, допустим, личная безопасность пока не под прямой угрозой. Но дело? Оно-то стоит, а часы бегут. Что же остается — прямая засада на дороге и обстрел обкомовской машины из двух пистолетов? Пусть даже Дударь справится с районным начальством, но нельзя упускать главную фигуру праздника. Не простят ему этого в центре, пусть он даже благополучно доберется на Запад через Кавказ.

Нет, не доберется, если будет в открытую стрелять. Догонят, и тогда... ампула. А ему двадцать второй год... Думай, Казимир, думай!

ОМУТ

В это время Леокадия выходила из кабинета подполковника. Она была уверена, что выйдет отсюда не одна, отправят ее куда угодно, только не домой. А она пошла именно домой — совершенно обессиленная и потрясенная. После часового разговора и двухчасового составления письменного заявления ей было предложено вернуться на квартиру и никуда пока не выходить.

— Почему только домашний арест? — горько спросила Леокадия. — У власти мало тюрем для врагов?

Василий Кондратьевич чуть поморщился.

— Не надо мелодраматизма, Леокадия Болеславовна. До сих пор вы говорили более разумно. Не выходить из дому вам необходимо в целях вашей же безопасности. Вы ведь не гарантируете, что «племянник» далеко исчез. Поэтому не считайте стражниками товарищей, которые будут пока охранять вашу квартиру.

Когда женщина, цепляясь за косяки широкой двери, вышла из кабинета, он долго сидел молча, отрешенно глядя перед собой. И вдруг с горьким недоумением произнес:

— Если все это действительно правда, то какая же она набитая дура! Классическая, хрестоматийная, феноменальная! Так испоганить ни за что собственную жизнь!

А дома Леокадию ждали. В темных сенцах сидел на кадушке ее отец. Это совсем переполнило чашу, и она без чувств упала на кровать. Она решила, что Дударь уже знает о ее поступке и наступило возмездие, о котором говорил ее недавний собеседник.

Могилевский же понял отчаяние дочери по-своему: нарассказывал ей тот гаденыш о его темных делах, и она при одном виде отца падает в обморок от ужаса.

Но так просто уйти отсюда он не мог. Он смочил водой голову Леокадии, дождался, пока она откроет глаза, и глухо проговорил:

— Если можешь, за все прости, дочка. Больше я черной колодой на твоём пути лежать не буду. Это все, чем могу тебе помочь, не обессудь. А ты — иди к людям. Ну и... прощай!

Он чуть коснулся ее волос и вышел не оглядываясь. В тревожной растерянности от непонятных слов она метнулась к окну. Старик волочил ноги через улицу. А у ее крыльца тоже в явной растерянности толкался немного знакомый ей мужчина. Он то порывался идти за Дударем, то оборачивался к крыльцу. Наконец без стука влетел в комнату, оглядел с ног до головы женщину и облегченно пробормотал что-то очень похожее на «слава те господи!» и вышел.

А за Дударем шел вдоль улицы сельский парень Витя. Они ми-

новали поселок, вышли на заброшенную проселочную дорогу, которая вела к отдаленному развалившемуся хутору, и здесь, на пустынном месте, Витя сообразил, что стоит старику обернуться, и тот сразу заметит своего преследователя. Так оно и произошло на подходе к хате. Дударь словно споткнулся и вполоборота стал пристально рассматривать своего нежданного спутника. Витя был о многом предупрежден и не мог рассчитывать на дружелюбные объятия при встрече с мнимым глухонемым. Но он был парень плечистый и крепкий, а бежать обратно ему самолюбие не позволило. Но и стоять на месте было ужасно глупо. Он пошел вперед, правда, не очень быстро.

Дальнейшего он никак не ожидал. Дударь взмахнул рукой в приветливом жесте и громко прохрипел:

— Шагай-шагай, не робей, никакого худа не сделаю!

Парень подошел, но был весь настороже, отметив, что старик свою маскировку почему-то отбросил. Даром такое не делается.

Дударь продолжал хрипло говорить:

— Ну чего ходишь за мной от самой Красовщины? Приказали? Не надо уже никаких приказов, пойдём в хату, я тебе что-то дам, и валяй ты обратно к тому начальнику, который тебя послал.

Еще ничего не понимая, Витя вошел в неогороженный двор. У погреба жалобно блеяла привязанная черная коза. Ее разбухшее вымя почти волочилось по земле. Земля была выедена и вытоптана вокруг, а пересохшее корытце опрокинуто. Старик вынес из хаты солдатский котелок и прежде всего сел доить козу. Потом отвязал ее и хлестнул веревкой: «Ну, иди на все четыре, кормилица-поилица, да серым не попадайся. Авось кто и подберет тебя».

Потом он оглядел своего гостя с ног до головы и опять прохрипел:

— Неженатый? Ну так твое счастье, что попался на пути. — Он взглянул в низенькую кладовку и вынырнул оттуда с желтой сумкой. — Вот, пригодится тебе на свадьбу и обзаведение. Да не сумка — ее ты начальникам отдашь, а держи деньги. Их можешь не отдавать — мои. Здесь порядочно. А побрезгуешь, выкинь к свиньям собачьим.

Он перевел дыхание, словно долго бежал, и уже размеренно проговорил:

— Теперь так. Запомни четыре слова и передай их своим в Красовщине. Не перепутай. Вот так скажи: «Быстро берите парашютиста-художника». Чего вытарашился? Беги! Э-э, понял: боишься приказ нарушить и меня оставить без догляду. Ну, тогда выбирай сам: или доброе дело делай, или за покойником наблюдай...

Витя был парень не из робких, но испугался, глянув в глаза Дударя. Он не видел глаз. Вместо них были тусклые белесые пятна без зрачков.

И он ушел с хутора, а потом побежал изо всех сил по прямой до-

роге в колхоз, на ходу пытаюсь переварить все увиденное и услышанное за последние полчаса.

Где-то через километр его догнала «Победа». Василий Кондратьевич сквозь облако пыли крикнул:

— Ну где он? Упустил?

Давясь воздухом, Витя все рассказал. Подполковник грохнул кулаком по стеклу:

— Э-эх, молодо-зелено! Нельзя было оставлять его. Водитель, разворачивайся на луг и забудь, что у тебя легковушка, гони к хутору, как на танке.

Но на хуторе уже не было ни души, даже коза сбежала.

— К берегу! — скомандовал Василий Кондратьевич. — Показывай, Витя, где он вылез из лодки.

...Болеслав Могилевский вышел к лодке медленным и чуть торжественным шагом. Он оттолкнулся от берега и поплыл к омуту, где часто ловил язей. Там он заметил две торчащие из кустов удочки, но это его не смутило. Пустив лодку по течению, он поднял с днища валун-якорь, обмотал веревку вокруг шеи и вдруг локтем ошутил в кармане брюк что-то твердое. Пошарил и достал ту самую мину. А взрыватель? Вот он, в ватнике. То и другое старик порознь зажал в кулаках и, сильно размахнувшись, швырнул на берег:

— А ну, хлопцы! Зробите салют на реке по мою душу!

И без всплеска перевалился через борт.

...Совершенно изумленные и перепуганные всем виденным, Варька и конопатый Юзик глядели то на черную воду, то на зарывшийся в песок металлический брусок и светлый цилиндр. Юзик первый вскочил на ноги и бросился бежать от берега, захлебываясь в крике:

— Ду-дарь уто-пил-ся!

Но тут из-за луговых кустов на мальчишек вылетела коричневая «Победа», и подполковник быстро затолкал их в машину, чтобы не оглохнуть от истошного вопля.

Разобравшись в происшествии, он кинулся к омуту и сразу понял, что своими силами они вряд ли достанут тело: темные упругие спирали воронок яснее ясного говорили о глубине ямы.

— Знал место, — угрюмо пробасил шофер. — Тут близко к шести метрам. Ну, я все-таки нырну, как-никак служил на флоте.

— Точно, шесть метров, — подтвердил Варфоломей. — Мы шпагатом с гайкой мерили. А у дна течение такое, что и гайку волочит вниз.

— Еще не лучше, — сказал шофер, но все-таки разделся и прыгнул в омут.

А через семьдесят секунд вынырнул. Отдышался и сказал:

— Еле дно достал, крутит волчком, а внизу в бок куда-то тянет.

И темно, как в торпедном люке. Не, без водолазов не обойтись. Или на отмель его вынесет.

— С чего это он утопился? — толкнул Юзик в бок приятеля.

Но внимание Варфоломея уже переключилось. Он во все глаза разглядывал Витю, а еще внимательнее его желтую сумку на ремне. Глянул на ноги: с азарта померещилось, что и туфли остроносые. Посмотрел на подбородок — он зарос трехдневной щетиной. Варька силой оттащил подполковника от машины и чуть не захлебнулся слюной:

— Василий Кондратьевич, сумка!

— Ну?

— Желтая. Та самая. Шпионская, айвенговская.

— Знаю. Так что?

Варька отрешенно глядел на собеседника.

— Так чего вы его не арестовываете?

Подполковник наконец понял Варфоломея.

— Нет, дружище, это не тот. А настоящему хозяину сумки мы скоро ее предъявим, за тем и едем. Надеюсь, далеко он не уйдет.

Машина помчалась в Красовщину.

А ребята через луг заспешили домой, прихватив удочки и садовые луки с желтыми свежеструганными стрелами, на хвостах которых горели красные перья.

ДВЕ БАНКНОТЫ

Шпилевский действительно далеко не ушел: он просто снова замаскировался. Случилось то, чего опасался Василий Кондратьевич: лейтенант Харламов все-таки спугнул его. А произошло это так.

Юра размышлял правильно. Если нельзя осмотреть растительность на теле художника и проверить его чемоданчик, то все равно должны быть приметы, по которым можно установить: Слуцкий ли был ночью в кузнице?

Юра вспомнил о двадцатипятирублевой бумажке, пожертвованной дяде Косте за чемодан. Он снова оседлал свой БМВ и слетал к кузнецу. У того ассигнация еще сохранилась, хотя вот-вот могла быть обменена на некий товар, потому что Харламов застал дядю Костю на крыльце сельмага в Козлянах. Лейтенант записал номер купюры — «ХО 6391250» — и помчался обратно. Час назад он видел, как художник заходил в магазин и вышел оттуда с банкой тушенки: видимо, решил добавить ее в колхозную молодую бульбу с огурчиками, принесенную ему на обед в клуб.

Юра повел с продавщицей тетей Броней хитрый разговор. Сказал, что за время командировки у него в карманах скопилось столь-

ко мелочи и мятых рублевки и трешки, что вываливаются при езде на мотоцикле. Вот они. Нельзя ли обменять? Она и обменяла ему выложенный некомпактный капитал на двадцатипятирублевую ассигнацию. А поскольку он попросил бумажку поновее, чтобы не истерлась, то к нему как раз попала ассигнация художника. Она была единственной новой в изрядно замусоленном содержимом кассы сельского продмага.

В комнате парторга Юра сравнил номера и остался сидеть в глубокой задумчивости. За тушенку был уплачен билет Государственного банка достоинством в 25 рублей за номером «ХО 6391249».

Значит, купюры, выданные кузнецу и тете Броне, вынуты из одной пачки. Что ж, лейтенант, пора брать этого Льва, пока он еще что-нибудь не устроил. Брички, к счастью, удалось обезвредить, но ясно, что сегодняшнюю ночь и завтрашнее утро агент не будет сидеть сложа руки.

Харламову не удалось дозвониться до Василия Кондратьевича: дежурный сказал, что подполковник уже выехал в Красовщину. Значит, минут через пятнадцать будет здесь. Но прошел целый час, а «Победа» не появлялась. Без санкции начальства лейтенант не рисковал перейти к решительным мерам.

Между тем Шпилевский не терял ни минуты. Он только что принялся за обед, как увидел в оконце клубной комнаты широкоплечего чекиста. Тот опять прикатил на мотоцикле и круто затормозил у магазина. Из сельмага он вышел в такой спешке, что не стал отгонять свой транспорт, а пешком пошел через улицу в контору. «Чего он опять выудил?» — подумал Казимир и не стал доедать тушенку. Последние часы он чувствовал себя словно на медленно раскаляющейся плите. Он быстро пошел в магазин.

— А где мой друг-мотоциклист? — удивленно спросил он продавщицу. — Машина вроде у вашего крыльца.

— Только что был, — развела руками тетя Броня.

— А «Беломор» он взял на мою долю?

— Н-нет.

— Так чего он тогда покупал, беспамятный?

— Ничего он не покупал. Мелочь всякую обменял на одну бумажку и пошел.

Сначала Казимир ничего не понял:

— Что за мелочь, на какую бумажку?

— Да медяков у него куча скопилась, как раз и пригодилась ваша новенькая четвертная на обмен парню.

Наверное, Казимир побледнел, потому что тетя Броня приоткрыла рот. Но тот уже вышел.

Готовый ко всему, Шпилевский осторожно двинулся снова к клубу, держа руку за пазухой блузы. Ногой распахнул дверь. Она

ударилась о стенку, отскочила, но оттуда никто не появился. Он быстро достал из чемодана яйца, переложил их в футляр с иконой, прощупал в нем двойное дно — пачки с деньгами похрустывали; туда же засунул пару кистей так, чтобы концы торчали наружу, секунду подумал и торопливо надел под наряд художника серый костюм. Все? Кажется, все! Чемоданчик он брать не стал, чтобы не вызвать лишних подозрений, и вышел из клуба. Сразу же повернул в противоположную от конторы сторону и нос к носу столкнулся с колхозным парторгом.

— Далеко собрались? — мирно поинтересовался этот спокойный и доброжелательный человек.

— У школы гипсовые пионерчики совсем цвет потеряли, хочу алебастром протереть, а то вид портят, — пояснил художник.

— А вы всевидящий. И заботливый. Нам повезло, — улыбнулся парторг. — Ну, удачи!..

«Вам повезло, — думал Казимир, сворачивая на огороды. — Ваше счастье, что времени мне не осталось кинуть флакон в артезианскую скважину, а то попили бы колхозные буренки водички с брандлезом. Был бы вам рост общественного животноводства!..»

Но все это пронеслось в голове уже мимоходом. Главные мысли были о том, чтобы скрыться. Надежно и в то же время с пользой для финала. Притаиться, пока они будут искать его в деревне. Что в данную минуту делает тот чекист? Конечно, спрашивает по телефону санкцию на арест художника. И возможно, уже получил ее. О! Вот и «Победа» запела у парома. Самую чуточку опоздали, уважаемые господа чекисты. А сейчас вы меня еще половите!..

Отвлекая себя лихорадочными мыслями от подступающей к горлу дурноты, Шпилевский бежал через огороды к реке, где у бревенчатых сходней немало болталось лодок-дощаников.

...В кабинете председателя Харламов встретил своего начальника официальным докладом:

— Согласно вашему распоряжению продолжал вести оперативный розыск доказательств своей версии. Добыты неопровержимые вещественные доказательства того, что неизвестный, покушавшийся на младшего лейтенанта милиции Ай... Горакозу, а также заминировавший около кузницы три колхозные повозки, и художник Слуцкий являются одним и тем же лицом. Считаю необходимым немедленный арест указанного Слуцкого.

Василий Кондратьевич с некоторым удивлением посмотрел на Юру.

— Ну и отлично, — сказал он. — Тем более что у нас имеется четкое подтверждение вашей версии со стороны гражданина Дударя, правда, уже покойного. А чего это вы тянетесь?

Харламов слегка поперхнулся, но официальный тон не оставил:

— Докладываю, что в настоящий момент задержать Слуцкого не представляется возможным: из-за непродуманности моих действий он заметил свой провал, а из-за медлительности — опять же моей — сбежал!

Василий Кондратьевич сел на стул и прищурился:

— Ход ваших мыслей улавливаю: проворонил, виновен и, значит, заслуживаю отстранения от операции и отправки под арест. Так? Н-да! А кикимору малосольную вы не хотите?! — неожиданно взорвался подполковник. — Вот доложу сейчас полковнику Харламову, что вы уклоняетесь от операции в самый опасный момент, тогда... Что, не надо? Ну так ловите диверсанта! Далеко он не уйдет. Поймите, что ему пока не с чем возвращаться к хозяевам, а пустые руки там отрубают...

Осмотр клубной комнатки еще раз подтвердил правоту Юры: брошенный чемоданчик на одну защелку не запирался. Рядом — недоеденная тушенка.

— Эх ведь рвал когти! — хмыкнул Мойсенович. — Вот тебе и веселый художник. Как он обвел меня, партизанского разведчика!

— Не одного тебя, — хмуро успокоил председателя Василий Кондратьевич. — Профессионалов четвертые сутки водит вокруг пальца. Три раза меня спрашивали из области, нужна ли помощь. Три раза я, дурак, гордо отказывался. Мне напомнили, что все сроки истекают, и деликатно спросили, не следует ли нам отменить завтрашний праздник. Обещал дать ответ к двадцати трем ноль-ноль. Ситуация ясна, товарищи?

Ситуация была всем ясна. Праздник отменить поздно. А что делать? Парторг даже усомнился, удобно ли будет использовать наглядную агитацию, раз она приготовлена руками вражеского агента. Вопрос действительно был не такой уж простой... Василий Кондратьевич предложил парторгу посоветоваться с райкомом.

Вершинин был уже дома и ответил так:

— Во-первых, у меня гости и на столе пельмени. Во-вторых, вы явно устали и потому идите в отпуск. Как это не устали? А ваши, извините, неврастенические вопросы? Сколько я знаю, эскизы, макеты, тексты, даже краски — все было изготовлено честными и глубоко идейными советскими головами и руками. По моему скромному соображению, пельмени не перестанут быть пельменями, если их сварит даже сам лидер вегетарианцев граф Толстой... Знаки препинания в лозунгах, конечно, проверьте.

— Вот всегда он так, — уныло сказал парторг, положив телефонную трубку. — Не поймешь, где в шутку, где всерьез. Но похоже, что он меня отчитал. А?

— Похоже, — согласился Василий Кондратьевич.

Ни о чем не подозревая, школьный оркестр начал вечернюю репетицию. На ферме утробным ревом отозвался бык.

НЕ В РАДОСТЬ ВСТРЕЧА

Шпилевский шел к Леокадии. Он понятия не имел о последнем ее поступке и меньше всего подозревал, что квартира «тетушки» под наблюдением. У него просто не было выбора. Предстояло уговорить или заставить Леокадию явиться завтра в Красовщину и заминировать в последний момент трибуну. Учительница будет в числе представителей районной интеллигенции и вполне может оказаться по соседству с наиболее именитыми гостями. Он даст ей четыре бруска с детонаторами разных сроков и покажет, как следует с ними обращаться. Он убедит Леокадию в абсолютной ее безопасности, потому что и в голову никому не придет заподозрить скромную учительницу в диверсии. Пусть только она правильно поставит свои часики, чтобы вовремя уйти от трибуны. Он заверит Леокадию, что доложит шефам о ее подвиге, который гарантирует агенту Могилевской долларовое вознаграждение, небывалое долларовое вознаграждение, а в дальнейшем райскую жизнь на Западе.

...Он еще и еще придумывал убедительные доводы, которые подтолкнут Леокадию на этот шаг. Придумывал — и сам до конца не верил в осуществимость своего плана. Но это была последняя надежда. Пусть бы Могилевская согласилась, пусть бы не подвел старик с фаршированной щукой. И тогда вспыхнет грандиозный фейерверк, который осветит триумфальное возвращение агента Голла к шефам.

По заброшенной дороге он шел в поселок, и это был уже не приежжий художник в замызганной «богемной» блузе и запачканных белилами брюках, а снова элегантный молодой человек в отлично сшитом костюме. Одежку Слуцкого он закопал у лесного ручья, вымыв заодно перекисью водорода волосы, брови и ресницы. И даже побриться успел заботливо сохранным лезвием, хотя на этот раз и без одеколona.

И это было его последнее перевоплощение.

Он входил на окраинные, тускло освещенные улицы райцентра, а навстречу ему шли приятели детства — Алексей Вершинин и Михась Голуб, бывший Дубовик, приехавший на побывку к своим приемным родителям и узнавший от них об Алексее.

Они встретились час назад, улизнули от пельменей Софьи Борисовны и теперь шагали вдвоем, спеша наговориться. Говорили и о том месяце шесть лет назад, и о нынешней их жизни. Алексей проникся великим уважением к другу-парашютисту, Михась, наоборот, люто завидовал Алексею. Люди, печатающиеся в газете, все казались ему или Тургеневыми, или Борисами Полевыми. Он видел недавно в «Комсомолке» маленькую заметку о каком-то молодом московском изобретателе за подписью А. Вершинина,

но не поверил, что это Алексей. Во-первых, при чем тут Москва, если тот в Свердловске, а во-вторых, не верилось, чтобы довольно лопоухий Лешка с неманских плотов сумел так здорово написать... хотя рассказывать Лешка умел так, что даже вздорный Казик заслушивался.

— Кстати, о Казимире, — заговорил Алексей. — О нем есть кое-какие свежие сведения...

Михась вдруг встал как вкопанный и весело захохотал:

— Какие могут быть сведения, когда вот он сам идет! По той стороне. Собственной персоной. И курчавый такой же. Ну знаешь, это прямо как в кино! Мы словно сговорились все встретиться...

И он уже раздул легкие, чтобы рявкнуть приветствие. Алексей что-то есть мочи стукнул его между лопаток. Крик сорвался.

Алексей дернул Михася в ближайший дворик.

— Чего ты? — изумился Михась.

В нескольких словах Алексей обрисовал обстановку: самолет, ямочка, Станислав, раненый Айвенго... Михась тарашил и без того круглые глаза. «Да не может быть. Хотя... Ах ты, корень зеленый! Ну и ну...»

И так далее. Алексей лихорадочно соображал, оглядываясь по сторонам. Они были рядом с домиком Мойсеновичей.

— Варфоломей!

В ответ на зов Алексея из-за сарайчика вылетела стрела с красным оперением. И воткнулась в забор. Следом появился стрелок.

Варька слегка испугался:

— Вы чего здесь крутитесь? Попали бы под стрелу! Я тренируюсь...

— Видишь? — показал ему Алексей на уходящего Шпилевского.

Вечер был светлый, видно было хорошо.

— Вот тебе тот тип с ямочкой на подбородке. Догоняй и следи за каждым шагом. Нам нельзя, он нас знает. А я галопом в синий домик.

— А мне что делать? — спросил Михась, застегивая форменный ремень.

— Тебе? Страхуй издали Варфоломея, мало ли что... Только чтобы не узнал тебя.

К дежурному отдела Алексей ворвался смерчем:

— Где Василий Кондратьевич? Или Юра?!

Старшина неспешно оглядел встрепанного юношу и осведомился в свою очередь:

— По какому делу и кто вы?

— Я Вершинин, брат секретаря райкома, они меня знают, а

дело секунды не терпит! — закричал Алексей. Было не до скромности.

Дежурный еще раз покосился на него и взял телефонную трубку: — Девушка, колхоз «Партизанская слава», председателя.

Через минуту он тем же уравновешенным тоном сообщил посетителю, что «товарищ подполковник и товарищ лейтенант в двадцать один ноль пять отбыли в районный центр».

Алексей перехватил «Победу» еще на въезде в поселок. Он бросился чуть ли не под фары и удостоился некоторых замечаний водителя. Но Василий Кондратьевич был милостивее. Выслушав Алексея прямо в машине, он сказал:

— Молодой человек, я начинаю думать о вас все лучше, и не исключено, что подножка с ксендзом исчезнет из моей памяти. Что ж, мальчики, действуйте. Лейтенант, машина в вашем распоряжении, а я пройду к себе пешком. Жду ваших сообщений. До двадцати трех еще полтора часа.

...Варфоломей не стал переходить на другую сторону улицы. Светло-серый костюм и так хорошо виднелся в сумерках. Варька видел, как человек чуть замедлил шаг около дома учительницы Леокадии Болеславовны, но только поправил шнурки на туфле и пошел дальше, в сторону сквера, где уже играла радиола, сзывая молодежь на танцы. Варька вспомнил глухие кусты вокруг площадки. Там любому легко исчезнуть из виду. А дальше крутой откос, луг и лес.

...Казимир заметил человека в палисаднике дома «тетушки». Тот даже не прятался, а сидел на заваulinке и курил. В его задание и не входила маскировка, просто было приказано никого не впускать и не выпускать. Шпилевский этого не знал и сейчас напряженно раздумывал: «Случайность? Знакомый? Сосед? Но мне она до зарезу нужна».

Впереди играла музыка, шаркали подошвы, слышались голоса. Было удобное место для встречи, и он решил вызвать сюда Леокадию с помощью какого-нибудь мальчишки. Пока оглядывался, Варька подошел почти вплотную и при свете эстрадного фонаря рассмотрел гладко выбритое полнощекое лицо с раздвоенным ямочкой подбородком.

Казимир тоже заметил Варьку.

— Эй, стрелок! Танцевать тебе рано, а заработать на конфеты можешь. Учительница Могилевская знаешь где живет?

— Ну, знаю, — процедил Варфоломей.

— Вот тебе рубль, сгоняй к ней, вызови сюда. Скажи — обязательно.

— А кто вызывает?

— Она догадается. Беги!

«Может, он и Леокадию собирается хлопнуть, как Айвенго, — заподозрил Варфоломей. — Она хоть и зануда, а все равно женщина. Ишь чего надумал!» Он никуда не пошел, а спрятался в кустах и продолжал наблюдение за типом в сером костюме. А тот вдруг поднялся со скамейки и оперся о перила площадки. Варфоломей отчетливо увидел, как он что-то сунул между тесными балясинами ограды. «Так, запомним. Наверное, не конфету ты туда положил».

А Казимир решил избавиться от одной из оставшихся пяти мин. Он рассудил, что четырех Леокадии будет достаточно для Красовщины. Оставить свою «визитную карточку» в самом людном месте поселка будет не лишнее. Даже если найдут, скоро он будет далеко отсюда. Спрячется хотя бы на хуторе Дударя.

...Михась проследил за Варькой вплоть до танцплощадки и здесь потерял его. Казимир сидел на скамейке, а парнишки не было видно. Ну, значит, где-то сам прячется. Он разглядывал Шпилевского и то узнавал в нем прежнего Казика, то сомневался... Вон какие плечи под тонким пиджаком. Это не жир изнеженного барчонка, а тугие мускулы. И лицо словно окаменело. Да, похоже, что этот человек прошел порядочную выучку.

Казимир поднялся. Он уловил ставший уже знакомым звук мотора коричневой «Победы». Прислушался. Сомнений не было: машина двигалась сюда. Вот уже отблески фар сверкнули между домами ближайшего переулка. Он шагнул в сторону кустов и вдруг словно из-под земли вырос парнишка, посланный за Леокадией. Он бормотал:

— Она... она скоро... только...

Но Шпилевский уже все понял. «Ах ты, пионерчик вшивый!» Понял и Варька, увидев зло блеснувшие глаза.

Варька кинулся спиной в кусты, перехватил стрелу, стараясь попасть прорезью на тетиву. Не успел. Фигура в сером костюме метнулась к нему. Варька выставил стрелу вперед как кинжал, но уже не увидел, что жестяной конус-наконечник воткнулся врагу в ладонь.

Казимир сжал ему шею сгибом локтя, а движением колена отшвырнул его в кусты.

И тут почувствовал железную хватку вокруг собственных запястий. «Уже!» — страшно мелькнуло в голове, и он подумал было об ампуле, но чей-то голос произнес:

— Ты чего с маленькими развоевался, Казик? Со мной попробуй!

О, Казимир помнил этот голос, даже годы не изменили его. Да, перед ним стоял Михась Дубовик, только не в брезентовой нищенской робе, а в солдатской форме. Как он тут оказался?! Однако первым этот вопрос задал Михась:

— Так что ты тут делаешь, Казик Шпилевский?

— Э-э... это, брат, в другой раз: сейчас жуть как спешу. Мальчишка этот в ногах путался.

— Не от них ли спешить? — показал сержант глазами на приближающиеся три фигуры, по-прежнему сжимая его запястья.

Казимир боднул его головой в переносицу. Но, оказывается, Михась знал этот прием: десантников учат рукопашным схваткам не хуже, чем в разведшколах. Удар пришелся вскользь по скуле. Правда, правую руку Казимир все-таки освободил. Он попытался ею нанести удар, но помешала непонятная боль в ладони.

Михась успел перехватить и круто вывернуть Казимиру руку, так что хрустнуло в предплечье. Но тот вырвался и стремглав кинулся к откосу, клубком покатился в густой луговой туман. Харламов, Алексей и шофер «Победы» бросились следом. Оправившийся от удара Дубовик успел крикнуть им вслед: «Живым берите, правая у него вывихнута!»

И тут он услышал рядом стон. Стонал мальчик, следом за которым он шел.

— Больно тебе? — испугался Михась.

— Не то... не в том дело... мина там, — еле выговорил Варька.

...Мало кто из посетителей танцплощадки заметил происшедшее в кустах, а если и видел, то посчитал обычной пьяной дракой: они случались здесь в субботние вечера. Зато очень многие танцующие удивились, наблюдая за действиями неизвестно откуда взявшегося сержанта, тот тщательно обшарил несколько столбиков перил, извлек что-то продолговатое и бросился с ним сквозь кусты под откос.

Там Михась посветил себе фонариком, вспомнил уроки минного дела и чуть дыша извлек взрыватель. Он с трудом уgomонил дрожь в пальцах: пожалуй, это было пострашнее, чем самые хитрые затыжные прыжки в ночь.

Потом он вновь поднялся к площадке, нашел лежащего Варьку, взял на руки и вышел на свет:

— Эй, ребята, кто знает этого хлопчика? Отнесите его домой или в больницу, его крепко шпана помяла.

Сам он очень торопился к тем, кто где-то уже далеко преследовал врага, в сто раз более опасного, чем любая шпана. Михась даже расслышал два глухих выстрела. Другие на них не обратили ни малейшего внимания: сегодня в ночь как раз начинался охотничий сезон на уток, и многие охотники по обычаю еще до утренней зорьки проверяли заряды.

Но старший сержант десантных войск без труда отличал выстрелы дробовиков от пистолетных.

«ПЬЯНОГО ВЕДУТ...»

Собственно говоря, пока стрелял один пистолет — «вальтер» Шпилевского. Харламов и шофер-сержант даже не вынимали оружия: упаси бог ранить! Станут подходить, и хрустнет ампула... А он нужен живой. И это вполне возможно, потому что маневренность агента сейчас здорово ограничена из-за вывихнутой руки. Молодец десантник!

Шпилевский оторвался от своих преследователей метров на триста. Еще столько же — и спасительный лес. Конечно, полностью он от опасности не избавит, но от пуль укроет. Кстати, почему они сами не стреляют? Рассчитывают взять живого? Ох, дурачки, ему же нечего терять, за одного постового на прибалтийском мосту ему уготована «вышка», да и пацану сегодняшнему он, кажется, намертво свернул шею. Нет, он их еще поводит за собой, изобразит, что кончились патроны, а потом подпустит вплотную и перещелкает по одному из бесшумки. Жалко, что нет мгновенного детонатора для мин, он бы им вымостил взрывчаткой дорогу к лесу.

Бормоча все это вполголоса, Шпилевский перебежал от кочки к кочке, от куста к кусту и — наконец-то — от дерева к дереву. Уже из-за сосны он пустил пулю в широкоплечего и увидел, как тот споткнулся на правую ногу, упал. Второй, в кожанке, подбежал к упавшему. Казимир еще раз выстрелил. Мимо. Все-таки с левой руки стрелять неудобно. А где третий? В лесу уже совсем стемнело, можно только догадываться по хрусту сучьев, что тот взял вправо, в обход. Окружить пытаются? Ну, треугольник — это не круг, проход найдется, были бы силы да патроны. Сколько их осталось в «вальтере» — три или четыре? Ладно, он будет стрелять, пока машинка не замолкнет. Потом возьмется за «кольт». А теперь еще бросок на двадцать метров, еще... Ага, впереди черная стена ельника. Уж не тот ли самый, где он первый сигнал давал и медведя встретил? Кстати, о сигналах: наверное, в центре не дождутся завтра трех импульсов с интервалами в тридцать пять секунд. Как бы не пришлось давать сдвоенный без интервалов, что означает — заказывайте панихиду...

Еще перебежка — и вот она, чашоба ельника. М-мм, не проползти ему туда со вспухшим плечом. Откуда принесло проклятого Дубовика с его самбо? И этот сволочной пацаненок с колючкой... Если бы не проткнутая ладонь, он уложил бы солдата. Что это — перст судьбы, или, может, ему померещился какой-то солдат? Дубовик или призрак? Вообще-то пора появляться призракам и миражам: он четыре ночи почти не спал, да притом ка-

кие ночи! Прыжок в темноту, вода, медведь (а сколько их, кстати, было, медведей? Ведь не один, правда, Казимир?). Что еще мешало ему поспать?.. А-а, ковбойка и булжник в руке, потом мальчишка в кухне... Нет, мальчишка был у костра. Там еще была горячая картошка. Сейчас бы я горячего бульону в пересохшее горло или стакан крепкого грога. «Зашел я в чудный кабачок, кабачок, вино там стоит пятачок!..» Мысли начали безнадежно путаться. Нестерпимо саднило руку. И тут он услышал из ельника голос:

— Слушай меня, Казимир!..

Он в ужасе выстрелил на звук: это не был голос Дубовика — так кто же еще мог знать здесь его имя? Выходит, новый призрак? Ну, давайте, окружайте, я вот только пистоль сменю, и посмотрим, берут ли пули привидения!

Голос продолжал:

— Да не попадешь ты в меня, я из-под земли говорю, то есть из старого окопчика, и пули сюда сроду не залетят. А сам ты в ельник не влезешь, у тебя рука вывихнута. Знаешь, кто говорит? Лешка Вершинин, ты такого помнишь? Ну, хлопец из Сибири, мы с тобой наперегонки плавали в Немане. Вспомнил? Я тебе еще пинка дал за вранье, помнишь? Так вот...

«...Таких пинков тебе я надаю, забудешь ты песенку свою», — снова влезли в голову слова того патефонного шлягера. Как там дальше — «Вернись попробуй, дорогой, дорогой...». Ага, вот еще вспомнил: «...тебя я встречу кочергой, кочергой». Кочерги у меня нет, а бесшумка имеется. Вот она... о-о! Черт возьми, я достать не могу пистоль, правая рука совсем не подчиняется.

— ...Слушай, Казимир, сдавайся! Ты не убил парнишку, он жив. А нас уже четверо, вон Михась подошел, все равно не уйти тебе далеко, а уйдешь, так ненадолго!

...Все правильно, вот уже и Лешка-сибиряк появился, кого же еще не хватает? Ага, контуженого Стасика, так я его, кажется, тоже видел в городе — значит, полный комплект привидений собрался. Что ж, пора к ним присоединяться! О холера! Голова болит хуже руки, не повернуть ее к воротнику. И ампула, наверное, горькая, как вино в Шотландии. «Вино там стоит пятачок, пятачок». Почему этот Лешка кричит — уйдешь ненадолго?! А я вот сейчас всем вам докажу, что надолго. Как там в песне?..

...У кромки ельника вдруг в рост поднялась светло-серая фигура. Пошатываясь, размахивая одной рукой с зажатым пистолетом, человек побрел навстречу преследователям, распевая во все горло:

Я надолго уезжаю,
и когда вернусь — не знаю,
а пока прощай!..

Сержант подскочил и выбил пистолет. Одновременно Юра с силой оторвал воротник от его рубашки. Казимир никак не реагировал. Он продолжал горланить:

Прощай, и друга не забудь,
твой друг уходит в дальний пу-уть!..

Агент Интеллидженс Сервис Голл-Шпилевский сошел с ума.

Шофер с «Победы» сказал еще короче: «Спятил!» — и на всякий случай привязал здоровую руку Казимира к туловищу. Потом при свете фонарика осмотрел царапину на бедре Юры, пошарил вокруг и залепил ее обычным подорожником: «Будете танцевать, товарищ лейтенант». Нашел он лекарство и для Михася, которого сильно тошнило: удар в живот, хотя и ослабленный, все же дал о себе знать. Шофер достал из заднего кармана флягу и сказал предельно ясно:

— Употреби.

Таким квинтетом они и появились у машины, стоявшей рядом с танцплощадкой. Казимир все еще орал свой «Кабачок».

«Пьяного ведут», — так прокомментировали событие танцующие.

Без десяти одиннадцать Харламов, хромая, вошел в кабинет начальника.

— Товарищ подполковник, вражеский агент арестован и доставлен. Но не в форме...

— Как это? Помяли? Ранили?

— Никак нет. То есть почти нет. Он свихнулся. То есть сбрендил. Ой, простите, Василий Кондратьевич, у меня самого немного голова...

— Та-ак! Агент спятил... то есть сошел с ума. Буйно?

— Вроде да, — горестно сказал Юра. — Песни орет и зубами шелкает.

Подполковник облегченно откинулся в кресле:

— Ну, тогда вылечат. Заговорит. Это тихие в ум не возвращаются.

Он взялся за телефонную трубку...

А в это время Михась входил в квартиру Вершининых.

— Нагулялись! — отметила Софья Борисовна. — Коньячком от тебя несет, вот отцу нажалуюсь... А где Алексей?

Михась ответил по порядку:

— Именно нагулялись. Это не коньяк, а спирт. Алексей у Паши застрял — там ее братишка приболел.

ВРАЧИ ОШИБАЮТСЯ РЕДКО

Врач сказал, что растяжение мышц шеи не столько опасно, сколько болезненно. Тут главное — соблюдать полную неподвижность данной части тела. Плюс компрессы и жаропонижающие средства.

Варфоломей и лежал неподвижно с туго забинтованной шеей. Что касается удара коленом в живот, который он тоже получил от нападавшего, то, по мнению врача, мальчишку спас от серьезной травмы чрезвычайно развитой брюшной пресс.

— Похоже, что больной систематически занимается тяжелой атлетикой или, во всяком случае, специальной гимнастикой, — сказал врач.

— Систематически. Специальной, — подтвердила Паша совершенно безжизненным голосом: брата принесли домой без сознания и двадцать минут приводили в чувство. — Он ведь как занимается: за день вытягивает из колодца и приносит домой ведер пятнадцать воды. Столько же выносит грязной. Зимой разиков пятьсот ежедневно тукнет топором, а тот чуть полегче штанги или гири. Каждый день чистит лопатой дорожки от снега — тоже нелегкая... атлетика.

— Реку забыла, — просопел в подушку Варфоломей.

— Вот, и река... Я раз попробовала подержать эту его жердину с крючком, так руки отвалились через пять минут. А мальчишки — это же надо: по часу стоят, как цапли в воде, и на весу держат этакую оглоблю. Тут не только брюшной, а и спинной пресс разовьется.

Врач посмеялся и заверил, что непосредственной опасности нет, а потому он считает возможным удалиться. Однако в случае температурной вспышки пусть муж за ним обязательно придет.

Паша только начала распахивать глаза, как Варька пробубнил:

— Он еще не муж. Студенты не женятся.

— Господи! — охнула девушка. — Да о ком вы?!

— А это разве не супруг ваш сидит на крыльце? Ну, извините старика.

На крыльце сидел, конечно, Алексей. Гнаться безо всего за вооруженным Казимиром он не боялся, а сейчас трусил зайти в дом. Конечно же, Варфоломей рассказал сестре, что именно Алексей послал его следить за Шпилевским. Значит, он больше всего и виноват в случившейся беде. А ведь могло быть еще хуже, если бы не подстраховал Михась. Всю жизнь лежала бы тогда на его совести гибель Варьки. Алексей чуть не вслух застонал при такой мысли.

Нет, Варфоломей был железный друг. Паша знала только то,

что Варька сам «увидел на улице типа с ямочкой и рванул за ним». Когда Алексей все-таки зашел после врача в комнату, Паша принялась оглядывать его со всех боков, почти как братишку. Не найдя ран или царапин, спросила:

— Страшно было?

— Нас же четверо там оказалось. А вообще-то действительно страшно стало, когда он вдруг запел и вышел. Бр-р!

По нечаянности Паша и его принялась гладить по голове, как брата. Варька фыркнул и сказал:

— Вы когда поженитесь, сейчас или в другой раз? А то вон уже люди запутались в ваших делах.

Паша убежала в кухню, а Алексей погрозил ему пальцем. Потом повесил на гвоздь над кроватью валявшийся у порога лук и долго сидел рядом с Варькой. Когда Варфоломей уснул, они с Пашей сели, по обыкновению, на крыльцо...

Уже попадали с неба все августовские звезды, когда Паша сказала:

— Ты иди, Лешенька, домой, а то совсем потеряют.

— Пойду. Завтра... сегодня то есть, все равно целый день будем вместе.

— Как это? Разве ты не поедешь к Ивану?!

— Ну чего зря говоришь-то? Куда я вас одних оставляю! Вдруг Варфоломей температура подскочит и понадобится бежать к врачу по обязанности мужа...

Паша только вздохнула:

— Ох, не шути этим, Лешенька...

— Не сердись. Я шучу, но не очень. А Ивану Соня нарасскажет, что Варфоломей простудился на рыбалке... Ну и все прочее.

Утром Софья Борисовна собиралась на колхозный праздник словно на торжественное заседание. Надела строгий синий костюм.

— Жарко будет, — скептически заметил Дмитрий Петрович, облачившись всего лишь в свежую вышитую рубашку.

— Жарче было бы, не поймай вчера ребята диверсанта! — парировала Соня и стала размещать на жакете награды.

Лялька подносила коробочки, а мать устанавливала их очередность:

— Подавай на правую сторону. Сначала «Отечественной войны» первой степени. Сейчас — второй. Теперь «Звездочку» давай. Так, умница. Начали на левую. «Красное знамя». «За отвагу». Опять ты путаешь с «Боевыми заслугами!» Вторую «За отвагу».

Теперь мою самую любимую — «Партизану Великой Отечественной войны» первой степени. Дима, а ты чего скромничаешь?!

— Куда уж моим регалиям рядом с твоими — срамиться только, — шмыгнул носом Дмитрий. — Мы уж как-нибудь в сторонке от вашей сиятельности постоим.

— Не юродствуй, а надевай китель!

— Сонька, я закиплю от жары и взбешусь; вместо парадных речей начну критику произносить. Не срывавай людям праздник!

— Ну, как знаешь, а я считаю своим долгом быть в Красовщине при полном параде: я там воевала, колхоз создавала, и люди запросто могут сказать: так-то ты, голубушка, выходит, действовала, что ничем тебя и не отметили. Это же будет парадокс.

— Парадокс — это когда шиворот-навыворот, — объяснила Лялька своему гостю Славке Голубу.

Тот рассудительно ответил:

— Да. А шиворот-навыворот, это когда в кино сначала звук пропал, а потом совсем ничего не стало.

Хохочущие матери сгребли малышей в охапку и потащили к машине. Михась и Алексей остались вдвоем, Антон Сергеевич был на охоте.

Они доели холодные пельмени и запили холодным квасом. Говорить о вчерашнем почему-то не хотелось.

...Чтобы Варьке не было скучно, Паша чистила картошку к обеду прямо у его кровати и что-то рассказывала. Увидев Алексея, законфузилась и чуть не опрокинула кастрюлю с табуретки.

— Ну чо запрыгала! — с сибирским произношением строго сказал Алексей. — Чужой я вам, что ли, стесняться-то. Вот апельсины лучше возьми для Варфоломея, Голубы привезли из Гродно.

Паша сроду не отличалась смелостью, а от такого хозяйского тона вовсе оробела. И уж совсем растерянно поглядела на Варьку, когда Алексей взял в сенках ведра и пошел к колодцу.

Он постоял на дворе, ожидая, пока ветром снесет пыль от машин с флагами, идущих на праздник в Красовщину.

— Во! Объявился мужик в доме, — брякнул Варфоломей. — Мне сейчас и похворать можно. Правда, брюшного пресса жалко.

...Машины с гостями шли и шли в колхоз «Партизанская слава».

СЦЕНАРИИ И ПЬЕСЫ

ТРИ МУШКЕТЁРА

**Сценарий игрового
любительского фильма**

Титры студии:

**Журнал «ПИОНЕР»
Отдельный
юнкоровский пионерский отряд
«Мушкетёр»
Studia FIGA
Фильмы
Интересные
Героические
Артистические
1965**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Атос
Портос
Арамис
Д'Артаньян
Король Людовик XIV
Королева-мать
Кардинал Ришелье
Шарль Антуан герцог де Гиз
Миледи
Санитарка
Главный слуга и шпион кардинала
Офицер дворцовой стражи
Гвардеец 001
Гвардеец 002
Гвардеец 003
Гвардеец 004
Гвардеец 005
Послы

Все роли исполняют школьники семи-тринадцати лет.

Это фильм-кинокомедия по мотивам романа Александра Дюма. В нём смешиваются действие книги и ребячья игра, история и современность.

После названия студии сразу начинаются кинокадры. Вечер. На диване у настольной лампы мальчик читает толстую книгу. Листает её. Одна за другой мелькают картинки с мушкетёрами. Мальчик, уже усталый, медленно склоняется на подушку. Книга скользит с дивана и падает. Камера быстро приближается к ней. Книга заполняет весь экран. Видно название — «Три мушкетёра». Удар музыки. Название книги перебивается названием фильма — тем же самым, но написанным иным шрифтом. Под мушкетёрскую песенку идут надписи с действующими лицами. После них ещё одна надпись:

«Шестого января 1633 года молодой гасконский дворянин д'Артаньян скакал в Париж, чтобы поступить в королевские мушкетёры».

На фоне движущихся декораций с деревьями, деревеньками и мельницами лихо скачет на деревянной палке с лошадиной головой маленький д'Артаньян. Ему девять лет. Он смел и полон уверенности в успехе. Но вот у перекрёстка дорог попадает дорожный столб с указателями:

Свердловск
Париж
Рио-де-Жанейро
Таверна «Жареный петух»

Лошадь-палка начинает упрячиться. Всаднику не терпится в столицу Франции, а конь упрямо поворачивает в сторону таверны. Д'Артаньян сдаётся.

Д'Артаньян. Лопать захотела? Пожалуй, правильно. Надо подкрепиться. *(Взваливает «коня» на плечо и шагает так же весело, как раньше, но только не на палке.)*

Вывеска:

«Жареный петух»

Дверь таверны. На двери объявление:

**Таверна работает с 8 ч. утра до 12 ч. ночи
Перерыв на обед с 13 до 14
Выходной день понедельник**

Д'Артаньян с палкой-лошадью на спине лупит кулаком в дверь.

Внутренность таверны. Облупленные стены, бочка с вином, объявления:

**«Не курить, не сорить.
Драться на шпагах и стрелять из пистолетов
строго воспрещается, за нарушение штраф — 2 франка.
Уважайте труд трактирщика»**

В углу, поближе к бочке веселятся Атос, Портос и Арамис. Перед ними большущие кружки. Мушкетёры пьют из кружек, горланят песню и чувствуют себя счастливыми. Раздаётся стук. Мушкетёры удивлённо переглядываются: кто посмел нарушить их отдых? Появляется д'Артаньян. Небрежной походкой приближается к столу мушкетёров, у которого один свободный стул. Раскланивается.

Д'Артаньян. Не занято?

На экране удивлённые лица мушкетёров: откуда такая смелость у этого карапуза? Портос безуспешно пытается встать и ответить на поклон.

Портос. А в-вы, сударь... кто такой?

Д'Артаньян. Я гасконский дворянин д'Артаньян. Спешу в Париж, чтобы вступить в мушкетёры.

Мушкетеры *(хором)*. В мушкетёры?

Они начинают хохотать. На экране их хохочущие лица. Одно, второе, третье. Хохочущие рты. Неожиданно возникает серьёзное лицо д'Артаньяна. Лицо во весь экран. Прищуренный взгляд. Крупным планом показана рукоять шпаги д'Артаньяна. На неё плотно ложится рука. Взмах клинка — и со стола летят бутылки, кружки, вилки. На экране одно за другим удивлённые, мгновенно вытянувшиеся лица Атоса, Портоса, Арамиса. Несколько секунд длится удивление, потом мушкетёры хватаются за оружие. Над столом скрещиваются четыре клинка. Завязывается нештучная свалка. Оказывается, малыш — лихой фехтовальщик. И скоро Атос, припертый к стене, поднимает руку.

Атос. Господа, господа! Не здесь! У нас нет двух франков, чтобы платить штраф!

Д'Артаньян. А где?

Атос. В Париже, сударь.

Портос. Во дворце, чтоб я лопнул!

Арамис. В королевском спортивном зале. Там дуэли проводятся официально.

Д'Артаньян. До вечера, господа.

Раскланиваются. Напльв.

Титры:

Париж. Королевский дворец Лувр

Кардинал Арман де Ришелье выбрал свободную минутку и заглянул на огонёк к королеве-матери, чтобы сыграть партию в шахматы.

Комната в королевских покоях. На стене герб королей Франции. За столиком королева-мать и кардинал играют в шахматы. У ног королевы, на полу, семилетний Людовик XIV чинит игрушечный паровоз. Колотит по нему молотком. Крупным планом доска с шахматами. Рука

кардинала переставляет фигуру. Рука королевы тоже переставляет фигуру. Рука короля с молотком колотит по паровозу. Снова: рука кардинала, рука королевы, рука короля... У королевы недовольное лицо.

Король в а. Людовик, друг мой! Вы мешаете его преосвященству сосредоточиться.

Людовик лупит по паровозу.

Кардинал. Ваше величество, вы мешаете вашей матушке сосредоточиться...

Его величество продолжает своё занятие. Кардинал и королева переглядываются, вздыхают и склоняются над доской.

Король в а. Не сердитесь на Людовика. У него сегодня день рождения, и он немного шалит.

Кардинал. Да-да. Я уже поздравил его величество.

Его величество вместо паровоза бьёт молотком кардинала по ноге. У того глаза лезут на лоб.

Король в а. Что с вами?

Кардинал. Кажется, я... прозевал коня.

Король в а. Сегодня будет бал...

Людовик прерывает стук и с интересом прислушивается.

Людовик. А мушкетёры придут?

Король в а. Эти бандиты?!

Людовик. Они не бандиты! Это гвардейцы — бандиты!

Кардинал (*подавляя злость*). Не волнуйтесь, ваше величество. Мушкетёров нет в Париже. Наверно, они пьянствуют и дерутся за городом.

Людовик долгим взглядом смотрит на кардинала, затем опять принимается за свое дело. На глаза ему попадает подол сутаны кардинала. Король делает вид, что колотит по паровозу, а на самом деле прибивает кардинальскую юбку гвоздём к полу. Кардинал потирает руки.

Кардинал. Ваше величество, кажется, вам мат.

Король в а. Ах, чёрт возьми!

Кардинал. Поверьте, я выиграл совершенно случайно.

Он встаёт, чтобы помочь королеве выйти из-за стола. Юбка падает с кардинала. Королева визжит. Людовик злорадно хохочет. Кардинал одной рукой подхватывает юбку, а другой хватает картонную шахматную доску и как веером обмахивает ею королеву. Та приходит в себя. Глаза её мечут молнии. Она цапает короля за воротник и поднимает с пола, дает шлепка.

Король в а. Негодный мальчишка! Марш в угол!

Тащит его в другой конец комнаты, где висит надпись:

**УГОЛ
для его королевского
величества**

Король упирается, но силы не равны. Кардинал косится на короля и королеву и обиженно шмыгает носом, придерживая сползающую юбку.
Король в углу. Он топаёт ногами, ревет, но выйти не решается.

Король. Не имеете права! Я повелитель Франции!

Король в а. А я повелительница! Как ты смеешь так обращаться с его высокопреосвященством!

Король. А чего он ябедничает на моих мушкетёров! Туinea-дец!

Кардинал. Ваше величество!

Король. Если бы был жив мой папа Людовик Тринадцатый (*в кадре портрет Людовика XIII*) — он бы вам показал!

Король в а. Если бы твой папа не умер, ты бы не стал королём.

Король. Не хочу быть королём, хочу мушкетёром!

Кардинал. Святая Дева!

Король в а. Будешь стоять в углу весь вечер!

Людовик швыряет в кардинала свою корону, отворачивается и ревет с новой силой. Появляется офицер дворцовой стражи.

Офицер. Его высочество Шарль Антуан герцог де Гиз!

Быстрой походкой входит неунывающий де Гиз. Небрежно кивает всем сразу. Замечает в углу Людовика.

Де Гиз. Братец, что с тобой? Перестань реветь. Ты же не девчонка!

Король. А чего этот кардинал ко мне лезет!

Де Гиз. Сам виноват. Если бы я был королём, то давно бы прогнал этого жулика к чёртовой бабушке!

Король в а. Заговор!

Кардинал. В Бастилию! Стража!

Как из-под земли вырастают два кардинальских гвардейца. Де Гиз вскакивает на стул.

Де Гиз. Вы забыли, с кем имеете дело? Пожалейте Бастилию!

Свистит в два пальца. Свист нарастает. На экране герцогство де Гиза. Башни и зубчатые стены, на стенах трубачи (мультипликация). Трубачи скидывают трубы. Сквозь этот рисунок на экране проступает изображение

ние настоящего горна. Сигнал тревоги. Мультипликационные барабанщики поднимают палочки. Сквозь них виден настоящий барабанщик, выбивающий дробь. Встаёт на дыбы конница. Взлетают руки с клинками. На экране перепуганные рожи королевы и кардинала.

Королева. Мы же пошутили...

Кардинал. Да-да, герцог, это была шутка. Не надо...

Поднимает руки. Юбка снова падает. Королева визжит. Людовик и де Гиз хохочут. Гвардейцы исчезают. Входит офицер дворцовой стражи.

Офицер. Послы его величества императора Германии просят принять их!

Начинается суета. Короля спешно приводят в порядок. Вытирают нос, надевают корону, поддёргивают штаны, отряхивают рубашку. Все уходят. Позади всех кардинал. Он оглядывается и кого-то манит пальцем.

Тогда из-под стола выползает главный шпион.

Тронный зал. Все возятся у трона, двигают его, смахивают пыль. Усаживают Людовика. Королева и кардинал становятся по сторонам. Де Гиз нахально усаживается на подлокотник трона. Королева свирепо смотрит на него. Кардинал грозит кулаком. Герцог показывает кардиналу язык.

Голос офицера. Послы его величества императора Германии!

На экране одна за другой раскрываются дворцовые двери, раздвигаются ворота, поднимаются решётки. Когда открывается последняя дверь, виден трон, король и вся компания. У трона с двух сторон сходятся послы.

Послы (хором). Ваше королевское величество. По повелению нашего государя мы приветствуем вас в день вашего рождения и преподносим в подарок волшебный прибор ФИЛЬ-МОС-КОПФ!

Ставят к подножью кресла коробку и, пятясь, удаляются.

Королева и кардинал разом бросаются к подарку, сталкиваются лбами, торопливо извиняются друг перед другом и, выхватывая коробку, открывают её, вытаскивают фильмоскоп и удивлённо вертят в руках. Людовик тоже пытается разглядеть подарок, но его оттирают локтями. Наконец кардинал догадывается заглянуть в окуляр фильмоскопа и восторженно ахает. Королева отпихивает его голову своей и тоже ахает. На экране кадры диафильма «Приключения Чиполлино». За кадром голоса:

Королева. Одну минуточку, ваше преосвященство...

Кардинал. Я только одним глазком, ваше величество...

Королева. Я тоже одним глазком...

Кардинал. Я тоже одним глазком...

Королева. Но я первая взяла!

Кардинал. Нет, я первый взял...

Вежливо, но старательно вырывают друг у друга фильмоскоп. Людовик прыгает рядом и тоже старается заглянуть в аппарат.

Король. Отдавайте! Это мне подарили!

Кардинал. Сию секундочку, ваше величество!

Королева. Мы только немножко посмотрим...

Де Гиз с усмешкой наблюдает за ними. Потом трогает короля за плечо и что-то шепчет на ухо. Жестами объясняет: наплевать на эту игрушку, у нас дело поинтереснее. Людовик начинает расплываться в улыбке. За спинами спорящих кардинала и королевы они ускользают из тронного зала.

На экране дверь. На двери вывеска:

КОРОЛЕВСКИЙ СПОРТИВНЫЙ ЗАЛ

Ниже объявление:

ДУЭЛИ в королевском спортивном зале проводятся по вторникам и четвергам с 2-х до 4-х. Предварительные заявки принимаются с 9 утра до 5 вечера, кроме понедельника. В остальные дни дуэли ЗАПРЕЩЕНЫ.

Под объявлением сидит и щелкает семечки дежурная санитарка. Появляются Король и де Гиз.

Санитарка. Драться будете или на тренировку?

Де Гиз. На тренировку.

Санитарка. Ну и ладно. Мне меньше работы...

Подвигается и пропускает их к двери. Обыкновенный зал, только на стене королевский герб. Де Гиз достаёт со стены рапиру для короля, снимает маски, вынимает свою шпагу. Начинает обучать Людовика. Сначала показывает стойку, приёмы, потом они затевают бой. Наконец де Гиз загоняет короля на шведскую стенку. Раздаётся стук. Король и герцог опускают клинки. У Людовика испуганное лицо.

Король. Это, наверно, мама...

Де Гиз. Спрячемся!

Прячутся за «коня». Входят Атос, Арамис, Портос и санитарка.

Портос. А где же те двое, сударыня?

Санитарка (глазеет по сторонам). Кто же их знает? Сбежали.

Арамис. Они нам не нужны. Но где нахал д'Артаньян?

Д'Артаньян (в кадре). Я здесь! К вашим услугам, господа!

Противники раскланиваются и салютуют клинками. Санитарка устраивается на скамейке, вытаскивает склянку с лекарствами и с равнодушным лицом продолжает щёлкать семечки. Д'Артаньян и Атос становятся в позицию и медленно сходятся...

Дверь королевского спортивного зала. К двери крадется главный шпион кардинала. Заглядывает в замочную скважину. Вид сквозь скважину: Атос и д'Артаньян начинают драку. Шпион радостно потирает руки и переворачивает на двери объявление. На обратной стороне написано:

СЕГОДНЯ ДУЭЛИ ЗАПРЕЩЕНЫ

Шпион на цыпочках убегает.

Тронный зал. Кардинал и королева, помирившись, по очереди смотрят в фильмоскоп и радостно хихикают. Наконец королева, спохватившись, отрывается от аппарата.

Королева. А где Людовик?

Кардинал. Конечно, его увёл герцог.

Королева, схватившись за голову, убегает. Кардинал воровато оглядывается, закрывает и завязывает ленточкой пустую коробку из-под фильмоскопа, а фильмоскоп сует за пазуху. Исчезает.

Дворец кардинала (мультизаставка).

Внутренность кардинальского кабинета. Кардинал сидит в кресле и смотрит фильмоскоп. Бесшумно появляется шпион. Кардинал вздрагивает и прячет аппарат под подол. Шпион склоняется к уху кардинала, шепчет и местами показывает, что «там дерутся мушкетёры» и хорошо бы их сцапать. Кардинал довольно хихикает и тоже жестами показывает, что одобряет идею: застать врасплох, арестовать, посадить, повесить. Ударяет ладонями. Один за другим возникают и вытягиваются пять гвардейцев. Шпион командует, и они маршируют следом за ним на расправу с мушкетёрами.

Спортзал. Дуэль продолжается. Раздаётся стук. Все оборачиваются к двери, дуэлянты опускают шпаги. Вваливаются гвардейцы.

Гвардеец 001 выступает вперёд.

Гвардеец 001. Ага! Мушкетёры дерутся, несмотря на запрет! Гвардейцы!..

Гвардейцы выстраиваются в шеренгу и кладут руки на эфесы.

Портос. Какой запрет, тысяча крокодилов?! Сегодня вторник!

Гвардеец 001. Вот!

Он показывает объявление, снятое с двери.

Атос. Это ложь!!!

Гвардеец 001. Вы оскорбили гвардейцев. Именем кардинала. Вы арестованы!

Арамис (с изящной улыбкой). Плевать нам на кардинала!

Гвардеец 001. Вы сдаётесь?

Атос. Пять полудохлых гвардейцев предлагают сдать трём мушкетёрам!

Д'Артаньян. Четверым!

Он становится в шеренгу мушкетёров. Атос молча пожимает ему руку. Теперь противники стоят двумя шеренгами друг против друга. Их разделяет метров пять. На экране поочередно появляются их серьёзные напряжённые лица. Шутки кончились, сейчас будет серьёзная драка.

Крупным планом рука гвардейца. Она тянет шпагу.

Общий план: гвардейцы и мушкетёры одновременно выхватывают клинки, салютуют и бросаются друг на друга. Панорама дуэли длится несколько секунд. За «конём» прячутся Людовик и де Гиз.

Де Гиз. Вот будет потеха!

Король. Мушкетёров меньше. Поможем!

Он хочет броситься на помощь. Де Гиз хватается за штаны.

Де Гиз. Не надо! Они и без нас распотрошат гвардейцев!

На экране одна за другой проходят отдельные схватки. Д'Артаньян дерётся сразу с третьим и пятым гвардейцами, постепенно загоня их в угол. Портос — с первым гвардейцем. Атос — со вторым. Арамис — с четвёртым. Отдельные сцены сменяются общими видами дуэли. Арамис загоняет своего противника к стенке, тот летит головой вперёд и застревает между перекладинами лесенки. Не может выдернуть голову. Арамис не торопясь прикалывает ему к штанам мишень, отходит на несколько шагов, достаёт громадный пистолет, старательно прицеливается. Санитарка торопливо разматывает бинт, Арамис стреляет. Раздаётся вой. Гвардеец выдёргивает голову, держась за раненое место, бежит на перевязку. Портос и его противник дерутся с полным знанием фехтования. То сходятся в упор, скрещивая клинки у рукоятей, то ведут бой на удалении. Наконец гвардеец прижимает Портоса к стене, выбивает клинок и приставляет шпагу к его груди. Но в этот момент высовывается из своего укрытия король и из рогадки стреляет в гвардейца. Подпрыгнув, тот теряет шпагу, поскользывается, падает. Портос важно упирает клинок в его живот. На д'Артаньяна гвардейцы насаждают с двух сторон. Он ловко увертывается, и его противники прокалывают друг друга. Атос и гвардеец 002 ведут долгий и безрезультатный бой. Наконец на помощь Атосу приходят друзья, которые разделились со своими противниками, и гвардеец поднимает руки. В кадре три мушкетёра и д'Артаньян.

Д'Артаньян. Ну, получится из меня мушкетёр?
Атос. Уже получился!

Надевает на него свою шляпу.

Затемнение.

Тронный зал. Входят король и де Гиз. Король развязывает коробку фильмоскопа. Она пуста. Король и герцог начинают искать, смотрят в углах, под треном. Король начинает хныкать, потом ревет.

Де Гиз. Это шуточки кардинала.

Король (*сквозь слёзы*). Может быть, ему отрубить голову?

Де Гиз. Давно пора!

Король. Мама не разрешит...

Де Гиз. Тогда мы сами с ним поговорим! За мной!

Убегают.

Кабинет кардинала. Кардинал по-прежнему развлекается украденным фильмоскопом. Время от времени даёт взглянуть в него главному шпиону, который примостился у ног. Раздаётся громкий, нетерпеливый стук. Кардинал подсакивает и снова прячет фильмоскоп в складки одежды. Шпион лезет под стол. Стучат снова. Кардинал воровато оглядывается, выхватывает буханку хлеба, отрезает ломоть, напяливает шапку с ушами, прячет хлеб за пазуху и исчезает за занавесью. Врываются де Гиз и Людовик. Останавливаются, удивлённо оглядывая пустой кабинет.

Де Гиз замечает торчащую из-под стола ногу и вытаскивает шпиона.

Де Гиз. Где кардинал?

Шпион сидит на полу и икает от страха.

Де Гиз. Ну?!

Медленно вытягивает шпагу и направляет на шпиона. Шпион с перепугу не может говорить, только показывает, где занавесь: там. Ползком подбирается к ней и срывает. Видна дверь с надписью:

**Тайный подземный ход
Посторонним вход воспрещен**

Де Гиз и король рукоятками шпаг колотят в дверь, но она не поддается. Король подступает к шпиону.

Король. А ну говори, куда сбежал твой хозяин!

Шпион. В-ва.. ва... ваше величество...

Король и де Гиз. Говори!

Шпион. Наверно, в замок миледи Винтер!

Король. К этой английской шпионке? В погоню!

Де Гиз. Нельзя. Скоро бал. Нас хватятся. Тебе от матери знаешь как влетит!

Король. Тогда... Тогда попросим мушкетёров!
Де Гиз. Точно!.. Дежурный!

Влетает и вытягивается офицер стражи.

Де Гиз. Разыщите и пригласите к нам господ мушкетёров!

Офицер козыряет и скрывается.

Заснеженный лес. По дороге, оглядываясь, едет на велосипеде кардинал. Он трусит и торопится, но велосипед идёт туго. На буксире за велосипедом катится, увязая в снегу, фанерный пулемет «максим».

Кабинет кардинала. Перед Людовиком и де Гизом появляются Атос, Портос, Арамис, д'Артаньян. Он уже в мушкетёрской одежде. Вежливо, но сдержанно кланяются.

Де Гиз. Ребята, послушайте. Вот ему (*кивает на Людовика*) подарили игрушку. Хорошую такую, заграничную. А этот бандит кардинал спёр её и сбежал.

Атос. Вот шкура!

Портос. Обижать ребёнка!

Арамис. Если король позволит...

Де Гиз. Король позволит.

Король (*шмыгая носом и вытирая слёзы*). Я позволю...

Четыре мушкетёра весело переглядываются и кланяются.

Кардинал жмёт на педали. Оглядывается. На велосипедах мчатся мушкетёры. Кардинал замечает опасность. Прыгает с велосипеда, ложится за пулемет и стреляет очередями. Несколько раз меняются кадры. Мчится, отстреливаясь, кардинал, догоняют его мушкетёры. Лестница. Кардинал взваливает на плечо велосипед и спешит вверх. Через несколько секунд подкатывают мушкетёры. Из-за камней высовываются гвардейцы и стреляют из ружей. Портос отвечает из пистолета. Завязывается перестрелка, а потом рукопашная схватка и бой снежками. Идут разные кадры всевозможных столкновений: фехтование на перилах лестницы, залепанное снежком лицо гвардейца, бой на ступенях и так далее. В это время кардинал, решив, что спасся от преследователей, подъезжает к замку миледи.

Замок миледи (мультизаставка).

Комната в замке. Миледи у стола жуёт бутерброды и читает книгу «О вкусной и здоровой пище». Раздаётся стук.

Миледи. Войдите.

Входит кардинал. Он загнанно дышит. Кардинал и миледи раскланиваются. Миледи указывает на стул.

Кардинал. Сударыня! Меня привело к вам важное дело. Я прошу вас спрятать у себя одно дьявольское изобретение. За ним охотятся. Позже святая церковь разберется в нём, а пока эта вещь должна быть укрыта.

Миледи. Угу...

Кардинал кладет на стол две монеты.

Миледи *(словно не замечая)*. Так-так...

Кардинал вздыхает и добавляет ещё монету.

Миледи. Я всегда рада служить святой церкви.

Голодный кардинал замечает на столе недоеденный бутерброд и облизывается. Незаметно тянет к нему руку. Увидев, что миледи это заметила, делает вид, будто случайно положил руку на стол, и начинает барабанить пальцами. Миледи убирает бутерброд. Кардинал достаёт фильмоскоп и отдаёт миледи. Та прячет его. Кардинал и миледи начинают светскую беседу... С грохотом врывается д'Артаньян. С размаха стучает кардинала по голове рукояткой шпаги. Миледи визжит и хватается за швабру. Начинается бой. Наконец мушкетёр припирает миледи к стенке и заставляет отдать фильмоскоп. Миледи выкладывает его на стол. Кардинал приходит в себя, вытаскивает пистолет и стреляет в д'Артаньяна, но промахивается, и пуля попадает в фильмоскоп. Д'Артаньян снова стучает кардинала, и тот опять в обмороке. На полу осколки фильмоскопа. Д'Артаньян с печальным видом собирает их в шляпу.

Лестница. Мушкетёры складывают в один ряд поверженных гвардейцев. Появляется печальный д'Артаньян и показывает друзьям сложенные в шляпу осколки аппарата. Те печально качают головами, равнодушно салютуют лежащим гвардейцам шпагами и отправляются во дворец.

Тронный зал. Король и де Гиз ждут мушкетёров. Мушкетёры входят с убитым видом.

Атос. Увы, ваше величество, подлый кардинал разбил вашу игрушку.

Протягивает обломки фильмоскопа. Но король смотрит не на осколки, а на мушкетёров.

Король. А что вы сделали с кардиналом?

Д'Артаньян. С вашего позволения, государь, я его слегка стукнул по башке.

Король начинает сиять от удовольствия. Он уже не жалеет игрушку.

Король. Расскажите, пожалуйста! Только по порядку!

Атос. О, ваше величество, всё было просто. Когда мы бросились в погоню...

Голос его постепенно заглушается весёлой музыкой. Видно только, что Атос, а потом и все мушкетёры жестами показывают, как развивались события. Они оживляются, рассказ веселит герцога и короля. На экране сияющее лицо Людовика. Вдруг все замолкает. Наступает зловещая тишина. На экране королева.

Королева. Ваше величество! Вам пора собираться на бал.

Король. Не пойду!

Королева. Ваше величество!

Людовик. Я не величество! Не хочу быть королём! Ухожу к мушкетёрам!

Королева. Ах!..

Мушкетёры и де Гиз. Да здравствует Людовик!

Д'Артаньян надевает на Людовика свой мундир-накидку, мушкетёры дают шляпу. Де Гиз протягивает шпагу. Общими стараниями превращают короля в мушкетёра.

Королева. Людовик!..

Людовик. Такова моя воля!

Мушкетёры. Ура!

Мушкетёры шагают по улице и поют песню «Заправлены в планшеты космические карты...».

Голос за кадром. Так Франция первый раз в истории потеряла короля...

КОНЕЦ

БЕЛОСНЕЖКА И СЕМЬ ГНМОВ

Киносценарий

РОЛИ

Белоснежка
Принц
Баба Яга
Главнокомандующий чертей
Его адъютант
Злой дух из бутылки
Мальчишки-гномы:
Капитан
Охотник
Пограничник
Книгочёт
Художник
Астроном
Мастер
Черти — войско Бабы Яги
Королева (на фотоснимках)
Лесной волшебник
Начальник королевской стражи

После кадров с названием отряда и студии, после названия фильма и титров с ролями идут надписи:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЕЛОСНЕЖКА

**В НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ,
В НЕКОТОРОМ ГОСУДАРСТВЕ...
...ЖИЛА-БЫЛА ДЕВОЧКА**

Снимок: на фоне старинного замка девочка в обыкновенном платье скачет через верёвочку.

ОНА БЫЛА ОБЫКНОВЕННАЯ ПРИНЦЕССА

Снимок той же девочки в короне.

**У НЕЁ БЫЛА ОБЫКНОВЕННАЯ ЗЛАЯ
МАЧЕХА-КОРОЛЕВА**

Портрет хищной королевы.

**ОДНАЖДЫ КОРОЛЕВА РЕШИЛА
ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ПРИНЦЕССЫ...
И ПОРУЧИЛА ВЕРНОМУ
НАЧАЛЬНИКУ СТРАЖИ...**

Снимок: королева что-то шепчет на ухо начальнику стражи и зловеще улыбается. Начальник стоит, почтительно вытянувшись, и держит руку под козырёк.

...ТАЙНО УБИТЬ БЕЛОСНЕЖКУ

Снимок: рука королевы вкладывает в растопыренную ладонь офицера кошелек.

Начинаются кинокадры: лес, заросли. Сквозь кусты начальник стражи тащит Белоснежку. Она отчаянно сопротивляется, пинает начальника, пытается укусить, но вырваться не может. Несколько разных кадров: общий вид леса, кусты, взмокшее лицо начальника стражи, отчаянные глаза Белоснежки. Сапоги офицера мнут траву...

Тёмная поляна. Начальник стражи хватает Белоснежку под мышку и вытаскивает на поляну. Бросает свою жертву на траву и вытирает лицо от пота, тяжело отдуваясь. Белоснежка нащупывает на земле крепкую палку и бросает в него. Тот подсакивает от меткого удара. Затем со злобной гримасой вытаскивает саблю, злорадно пробует пальцем лезвие и замахивается. Белоснежка зажимурируется и закрывает лицо руками.

Начальник стражи виден на экране по грудь. Со свирепым лицом он заносит саблю. Вдруг лицо искажается от боли, и он валится навзничь.

Кадр: начальник стражи, раскинувшись, лежит на земле. В животе у него торчит оперённый стрела. Из кармана вывалился королевский кошелек, и рассыпались по траве монеты...

Надпись:

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГНОМЫ

ЖИЛИ-БЫЛИ СЕМЬ МАЛЬЧИШЕК

Проходит ряд снимков ребят семи-девяти лет: один из мальчиков натягивает лук, готовясь к охоте, другой у географической карты играет в моряка, третий, в военной фуражке, возится с деревянным автоматом, четвёртый, пристроив на стуле большой альбом, рисует портрет усатого кота. Ещё один из ребят что-то мастерит большими инструментами.

Маленький астроном пристроился с телескопом на подоконнике.

Мальчик в очках у книжного шкафа роется в книгах.

Общий снимок: мальчик в очках читает всем остальным ребятам большую книгу.

ОДНАЖДЫ СЕМЕРО ДРУЗЕЙ
ОТПРАВИЛИСЬ В ЛЕС

Снимок: мальчишки идут по лесу.

Кадр: снимок оживает, ребята весело шагают среди сосен. Идёт панорама леса. Кусты, валуны, тенистые уголки. Мальчишки идут вразброд и без дороги.

Неожиданно ребята замечают камень с надписями:

ПОЙДЁШЬ НАЛЕВО —
НАЙДЁШЬ ЖЕНУ-КОРОЛЕВУ
НАПРАВО ПОЙДЁШЬ —
НИЧЕГО НЕ НАЙДЁШЬ
ПРЯМО ПОЙДЁШЬ —
БОРОДОЙ ОБРАСТЁШЬ

После первых двух надписей у мальчишек презрительные лица.
После третьей — разговор:

ЗАЧЕМ НАМ КОРОЛЕВА?
А ЗАЧЕМ «НИЧЕГО»?
А БОРОДЫ?
ВОТ БАЛДА! С БОРОДАМИ
НА ВСЕ КИНОСЕАНСЫ ПУСКАТЬ
БУДУТ! УРА!

Общий восторг. Семеро путешественников смело шагают вперёд.

Поляна. На поляне пограничный столб с табличкой:

ВЛАДЕНИЯ БАБЫ ЯГИ

Мальчишки удивлённо смотрят на это чудо. Потом начинают хихикать и наконец хохочут во всё горло. ОХОТНИК пускает в щит с гербом Бабы Яги стрелу. Художник взбирается на плечи КАПИТАНУ и подрисовывает черепу на гербе усы. Потом они устраивают вокруг столба хоровод и всячески веселятся.

Наконец, утомившись, мальчишки устраиваются на этой же поляне на отдых. КНИГОЧЁТ немедленно утыкает нос в книгу, ХУДОЖНИК разворачивает альбом, остальные сидят или лежат в траве, жуют бутерброды. Охотник проглатывает кусок, прихлёбывает из фляжки, довольно улыбается. А из-за спины у него вырастает зловещий чёрт и опускает ему на плечи лапы в чёрных перчатках. Вздёргивает мальчика в воздух. Тот лишь взбалтывает выдернутыми из сапог ногами.

Книгочёт перелистывает страницу. На книгу падает тень. Мальчик рассеянно поднимает глаза и видит перед собой чёрную фигуру в рогатом шлеме. У Книгочёта от изумления открывается рот.

Художник рисует пушистую сосенку, не глядя на коробку, из которой берёт карандаши. Лапа в чёрной перчатке убирает коробку. Рука мальчика наугад шарит по траве. Чёрная лапа хватается её за запястье.

На Капитана бросаются сразу двое, но он не теряет: одного толкает головой в живот, другого угощает пинком.

МАСТЕР, АСТРОНОМ и ПОГРАНИЧНИК, встав спина к спине, ногами отбиваются от нечистой силы.

На поляне завязывается схватка. Мелькают руки, ноги, рогатые шлемы. Всё начинает кружиться. Затемнение...

Красная кирпичная стена.

Камера отходит назад, и становится видно, что у стены стоят семеро маленьких пленников. Они обмотаны верёвками. У одних на глазах слёзы, а другие смотрят зло и непокорно.

Перед строем расхаживает Баба Яга. Она довольна: насмешники в её руках.

Два чёрта приносят раскладной стул и столик.

Появляются ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ с АДЬЮТАНТОМ. Они становятся у стула Бабы Яги. У чертей довольно помятый вид: у одного оболoman рог, у другого рука на перевязи, третий ходит с

берёзовым костылём, а когда оборачивается, видно, что ниже спины у него торчит обломок стрелы.

Под мышкой у адъютанта папки. Он передаёт их главнокомандующему, а тот — Бабе Яге.

Папка крупным планом. На ней надпись:

ЛИЧНОЕ ДЕЛО.

Баба Яга открывает первую папку с крупной фотографией одного из пленников. Под фотографией надпись:

ПРИГОВОР — ВЕЧНАЯ КАТОРГА.

Рука Бабы Яги рисует на снимке мальчика бороду. Затем Баба Яга хватается большую печать и с размаха ставит на угол карточки.

В ту же секунду на испуганном лице пленника появляется борода.

Тот же эпизод повторяется со второй папкой.

Потом на экране последовательно: удар печати — и лицо очередного мальчишки украшается бородой.

Баба Яга злорадно потирает руки. Главнокомандующий и адъютант хохочут.

Каменный карцер. Серые отвесные утёсы. Бородатые мальчишки в полосатых рубашках до колен, с номерами на спине, кирками дробят камень. Два черта-надсмотрщика с копьями стерегут их.

Чередуются кадры: камни, удары кирок, усталые лица мальчишек, зловещие маски солдат Бабы Яги, снова взмахи кирок.

Наконец Художник не выдерживает, роняет кирку и обессиленно садится на камни. Черти сейчас же бросаются к нему, отесняют к обрыву, замахиваются копьями.

Охотник рвет от подола рубашки узкую полоску. Капитан хватается камень. Камень вкладывается в полосу, в воздухе крутится самодельная праща, камень улетает.

Один чёрт, в промятом шлеме, оседает на землю. Второй удивлённо склоняется над ним.

Снова крутится праща.

Второй чёрт валится рядом с первым. Гномы бросают кирпичи.

Капитан кидается к рухнувшему часовым и связывает им хвосты. Говорит товарищам:

ДВОЙНОЙ МОРСКОЙ...

Гномы бегут из карьера.

Лес. Гномы, цепляясь бородами, пробираются через заросли.

Наконец они на злополучной поляне со столбом. Там раскиданы их вещи: альбом, книга, фляжка, автомат...

Охотник с удовольствием влезает в свои громадные сапоги (он их носит надетыми прямо на сандалии), подбирает лук с колчаном.

В это время все гномы настораживаются. Капитан делает знак. Они крадутся к кустам.

Выглядывают. Видны их испуганные и возмущённые лица. Охотник стремительно распрямляется с растянутым луком и спускает тетиву.

Валится на землю начальник королевской стражи...

Не дождавись сабельного удара, Белоснежка открывает глаза. Вокруг неё стоят семь полосатых и бородатых гномов.

Надпись:

**БЕЛОСНЕЖКА НЕ ХОТЕЛА
ВОЗВРАЩАТЬСЯ К ЗЛОЙ КОРОЛЕВЕ
МАЛЬЧИКИ ТОЖЕ НЕ МОГЛИ
ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ С БОРОДАМИ
ВСЕ РЕШИЛИ ОСТАТЬСЯ В ЛЕСУ,
ПОКА НЕ КОНЧИТСЯ ЗЛОЕ КОЛДОВОСТВО**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛЕСНАЯ ЖИЗНЬ

Надпись:

**ВЕСЁЛЫЕ ПАУКИ-ТКАЧИ ДАЛИ ИМ ПОЛОТНА
ДОБРЫЕ ЕЖИ ПОДЕЛИЛИСЬ ИГОЛКАМИ
ГНОМЫ СМАСТЕРИЛИ ПАЛАТКУ...**

На экране обыкновенная палатка. Перед ней на шесте флаг гномов. На стенках палатки и на стволах ближайших деревьев лозунги:

**ДОЛОЙ БАБУ ЯГУ!
ОБЛОМАЕМ РОГА ВСЕЙ
НЕЧИСТОЙ СИЛЕ!
НА УДАР ОТВЕТИМ УДАРОМ!**

У пенька сидит Белоснежка. Она что-то шьёт на самодельной швейной машинке. Книжечёт и Мастер устраивают очаг из камней. Капитан и Художник рубят дрова.

У столба с надписью «Независимая республика Гномия» ходит с деревянным автоматом Пограничник.

На горке сидит Астроном и осматривает окрестности в подзорную трубу. Сначала ему виден только лес, но потом в поле зрения попадают дома далёкого города и, наконец, дом, где живёт сам Астроном.

Наблюдатель начинает хныкать.

Гномы встревоженно поднимают головы и сбегаются на плач.

ХОЧУ ДОМОЙ К МАМЕ, —

говорит Астроном. Его успокаивают:

ПОТЕРПИ НЕМНОГО,
КОЛДОВСТВО НЕ МОЖЕТ
БЫТЬ ВЕЧНЫМ.
ВОТ РАЗДЕЛАЕМСЯ С БАБОЙ ЯГОЙ

Астроном постепенно успокаивается и вытирает бородой слёзы. Возвращается с добычей Охотник из леса, кидает дичь к очагу. Гномы бегут навстречу.

Белоснежка продолжает шить. Наконец поднимает готовый красный костюмчик, подзывает Охотника и вручает обновку.

Охотник радостно бросается в палатку и тут же выскакивает в новой одежде. Но рубашка надета задом наперёд, колпачок напозаёт на глаза, а сапоги совсем не подходят к костюму.

Гномы со смехом бросаются к Охотнику, вынимают его из сапог, переодевают, поворачивают колпак.

А Белоснежка уже бросает оранжевый костюмчик Художнику. Тот тоже исчезает в палатке и появляется в обновке. И начинается весёлая карусель: стучит машинка, летит по воздуху цветная одежда, бросается в палатку полосатый гномик, а выскакивает цветной.

Растет на поляне радужная шеренга: Охотник — в красном, Художник — в оранжевом, Книгочёт — в жёлтом, Пограничник — в зелёном, Капитан — в голубом. Мастер — в синем, Астроном — в фиолетовом.

У каждого на рубашке — своя эмблема: у Охотника — растянутый лук, у Астронома — месяц и звёзды...

Гномы хватают за руки Белоснежку и тащат играть.

На поляне гномы гоняют футбольный мяч, а Белоснежка стоит в воротах. Время от времени ей приходится брать трудные мячи.

Вечер. Гномы, потягиваясь и зевая, бредут к палатке. Белоснежка торопит их. На посту остаются Охотник и Пограничник.

Утро. Под команду Капитана гномы делают зарядку. Белоснежка готовит у очага завтрак. Потом колотит ложкой о миску.

Гномы наперегонки мчатся к ведру с похлёбкой. Белоснежка их останавливает и придирчиво проверяет, чистые ли руки. Мастера и Художника отсылает мыться.

Идут кадры, рассказывающие о делах гномов. Охотник выслеживает добычу, Книгочёт пишет ещё один лозунг, Астроном протирает трубу, Художник красит большую ракету, Мастер собирает установку на колёсах, Капитан ходит рядом и примеривается, как с этой установки ракету удобнее запустить.

Пограничник по-прежнему на своём посту. Внезапно он замечает что-то подозрительное.

Он пригибается и следит из-за куста. Оказывается, это крадется к территории гномов шпион — маленький адъютант-чертёнок. Пограничник подпускает его поближе, затем свистит в два пальца. Чертёнок подскакивает и даёт стрелкача. Пограничник стреляет вслед из автомата, снабженного резинкой, и попадает ему в область хвоста. Адъютант подпрыгивает снова и поддаёт скорости.

На свист сбегаются гномы.

Пограничник говорит им:

НАДО БЫТЬ
ОСТОРОЖНЫМИ...

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

БИТВА

Гномы снова дуются в футбол. А из-за кустов появляется глазастый локатор. Он вращается. Наконец он направляет вогнутую антенну на поляну с гномами. В укрытии у экрана сидят главнокомандующий, чёрт-радист и адъютант.

На экране весёлая игра, хохочущие лица гномов и Белоснежки. Главнокомандующий от злости потрясает кулаками.

Адъютант испуганно вытягивается. Командующий жестом отсылает его с донесением Бабе Яге.

Лес. Чертёнок дует напрямик к берлоге своей хозяйки.

Берлога Бабы Яги. Баба Яга сидит на коряге и читает «Учительскую газету». Влетает чертёнок. Вытягивается и докладывает о том, что сбежавшие гномы веселятся.

Баба Яга кидается к телевизору. На экране появляется изображение, но оно мутное и искажённое. Баба Яга крутит регуляторы, но это не помогает.

Бабка трахает по телевизору кулаком. Телевизор взрывается. Из него валит дым и сыплются детали.

Вбегает главнокомандующий чертей. Вдвоём с Бабой Ягой они расстилают карту. Карта крупным планом. Чёрт и Баба Яга намечают план захвата гномов. По карте движутся чёрные стрелы, клещами охватывая территорию, где живут гномы.

Баба Яга и главнокомандующий счастливы. От радости они тут же начинают откалывать твист.

На экране крупным планом — высокий барабан с пляшущими палочками. Потом несколько барабанов. Затем видна шеренга барабанщиков-чертеят. Черти под предводительством своего командира проходят мимо Бабы Яги в генеральской форме. Она стоит на пеньке и дирижирует метлой.

Когда проходит последняя шеренга, Баба Яга прыгает с пня и ковыляет за своим войском.

Заброшенное кладбище. Через него шагает в атаку на гномов чёртово войско. Впереди — барабанщики, за ними командир, потом пехота. Чертей с копьями и щитами сменяют черти со шпагами и другим вооружением.

Гномы засели на скалах, напоминающих крепость. Они с луками, готовятся отразить нападение. У Белоснежки на боку санитарная сумка.

Черти движутся через лес.

Гномы пускают стрелы.

Подбитые черти валяются в траву, но остальные шагают.

Гномы снова дают залп.

Черти продолжают атаку. Они уже близко, а у гномов не хватает стрел. Они берутся за камни.

Черти карабкаются по скалам. Головы их показываются над гребнем скал. Белоснежка бьёт главнокомандующего сумкой по каске. Тот валится вниз и увлекает остальных. Гномы свистят.

Черти в панике бегут. Потом перестраиваются и движутся в новую атаку.

Гномы тащат на скалу ракетную установку. Крутят механизмы, протягивают шнур с запалом.

Черти снова маршируют.

Капитан встаёт на камень, остальные гномы прячутся в укрытие.

Черти идут под бой барабанов.

Капитан машет рукой. Пограничник нажимает ручку рубильника. Ракета выбрасывает дым и пламя и срывается с установки.

Главный чёрт марширует впереди войска. Внезапно перед ним грохает взрыв. Дым заволакивает экран. Потом видна воронка с дымящимися углями. На краю воронки валяется рогатая каска и генеральский эполет.

Черти в беспорядке бегут от страшного места. Баба Яга — впереди всех.

Гномы стоят на скалах и весело хохочут вслед.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

КОВАРСТВО

Надпись:

ПРОИГРАВ БИТВУ, БАБА ЯГА
РЕШИЛА НАВРЕДИТЬ ГНОМАМ
ХИТРОСТЬЮ.

Баба Яга в своей берлоге. Она сидит, размышляет и мрачно чешет подбородок. Потом поднимается и из шкафчика с надписью «Аптечка» достаёт бутылку с распылителем. На бутылке наклейка: «Яд».

Белоснежка в лесу собирает цветы.

Баба Яга, прячась за соснами, крадется за ней. Обгоняет её и, выбравшись на поляну, опрыскивает из бутылки самый красивый цветок. Потом прячется.

Белоснежна видит цветок. Срывает его, подносит к лицу и падает на траву.

Гномы возвращаются с прогулки, заглядывают в палатку. Белоснежки нет. Они ищут кругом, зовут. Потом отправляются на поиски.

Белоснежка лежит на поляне. Выбегают гномы. Они пытаются разбудить Белоснежку, но напрасно. Тогда гномы печально садятся вокруг и думают: что же делать?

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ПРИНЦ

Надпись:

ЖИЛ-БЫЛ МАЛЬЧИК...

Снимок: Мальчик в берете с пером, в клетчатой рубашке и с деревянным мечом на поясе накачивает велосипед.

Снимок: Мальчик деревянным мечом сражается с воображаемыми злыми рыцарями и волшебниками.

Кадры: Мальчик на велосипеде едет через лес. На всём ходу он срубает мечом головки репейника. Дорога уводит его всё дальше в лес.

Неожиданно мальчик настораживается и сворачивает в сторону. Он видит такую картину: два чёрта поймали маленького лесного волшебника и собираются изжарить его на костре. Они уже привязали свою жертву к палке и волокут её к огню.

Мальчик с мечом обрушивается на чертей. Одного ударяет мечом, другому даёт пинок. Черти спасаются бегством.

Мальчик развязывает волшебника и ставит его на ноги. Тот благодарно кланяется. Потом протягивает на ладони колечко.

ВОЗЬМИ ЭТОТ МАЛЕНЬКИЙ ПОДАРОК.
КОГДА БУДЕТ ТРУДНО, ПОВЕРНИ
КОЛЕЧКО НА ПАЛЬЦЕ.

Мальчик кивает, вскакивает на велосипед, машет волшебнику рукой и едет дальше.

Он выезжает на поляну, где вокруг мертвой Белоснежки сидят печальные гномы. Бросает велосипед, подходит и внимательно смотрит на девочку.

В это время появляется Баба Яга в сопровождении двух своих солдат. Она довольно потирает руки: пришло время расправиться с гномами.

Мальчик видит врагов и хватается за меч. Черты трусливо скрываются, лишь одного Охотник успевает ухватить за хвост. Хвост отрывается.

Баба Яга злобно оскаливается. Машет руками, и в ладонях у неё появляется большая бутылка с черепом на наклейке. Баба Яга с размаха бросает бутылку о камень.

Взрыв, клубы дыма. Из дыма возникает ЗЛОЙ ДУХ, похожий одновременно на чёрта и на робота. У него громадный кривой меч и изящные манеры фехтовальщика.

Мальчик растерянно смотрит на своё деревянное оружие. Потом вспоминает про кольцо, поворачивает его и превращается в сказочного принца, одетого в боевые доспехи.

Противники сходятся.

Чередуются кадры, показывающие со всех точек и во всех планах поединок принца и злого духа.

Наконец мальчик сбивает своего врага на землю. Тот замирает и превращается в сухую корягу.

Баба Яга с шипением сгорает.

Белоснежка поднимается, удивлённо протирая глаза. Гномы и принц бросаются к ней и вдруг останавливаются, разглядывая друг друга: у гномов исчезли бороды.

Принц везёт Белоснежку на велосипеде. Гномы дружно шагают следом. Когда они проходят мимо столба с гербом Бабы Яги, принц снова превращается в мальчика, а на гномах появляется обычная одежда.

Последний кадр: мальчишки с горы машут Белоснежке и принцу, которые уезжают на велосипеде. Охотник машет хвостом чёрта.

КОНЕЦ

ЖИЛИ-БЫЛИ БАРАБАНЩИКИ...

Фильм-сказка

Спит старый город,
Вокруг спят деревни и пашни.
Спят флюгера.
Воробьи притаились на башне.
Спят очень чутким сном
Маленькие барабанщики.
Тихо висят на гвоздях
Их барабаны спящие.
Когда еле свет пробьется
В узенькое оконце,
Они откидывают одеяла
И идут встречать солнце.
Взъерошенные и сонные,
Стоят на каменных стенах.
Их марш боевой, рассветный
Город хранит от измены.
Эй, просыпайтесь, люди!
Никто не грозит нам бедою!
Пусть к лучам повернется флюгер
Солнечной стороною.

*Сергея Гаврина, 13 лет
(«Пионер», 1980, № 12)*

...Утро было прекрасное. Солнечное, зеленое, свежее. И настроение у четвероклассника Володьки было замечательное. Накануне его в городском пионерском лагере «Самоцветик» зачислили в группу барабанщиков. И теперь Володька вприпрыжку спешил к лагерю. Сейчас они пойдут на экскурсию, и он — впереди отрядов, в одной шеренге с остальными барабанщиками. И веселый марш заранее звенел в душе у Володьки.

У ворот лагеря шумела ребячья толпа. Две воспитательницы пытались выстроить ребят. Володька с барабаном встал впереди... И вот тут-то случилось то, чего он никак не мог предполо-

жить. Воспитательницы увидели, что он гораздо меньше остальных ростом, и ласково, но настойчиво попросили у него барабан. Потому что он, Володька, «портил вид» первой шеренги. Он растерялся, он отдал барабан и палочки. И никто не обратил внимания на его тихое отчаяние. На Володькино место поставили мальчика повыше, а его отправили в задние ряды.

А потом, когда нестройная толпа под не очень дружный барабанный марш двинулась по асфальту, Володьку выставил из задней шеренги догнавший ребят рослый мальчишка...

Насупленный, с зажатыми внутри слезами, Володька постоял посреди опустевшего тротуара. Сел у решетчатого забора. Тихо побарабанил по решетчатым прутьям. Встал... И вот он бредет неизвестно куда. Губы сжаты, но мы слышим его печальную и сердитую песенку:

Было все хорошо
до недавней поры,
А теперь — будто в глупой считалочке:
«Раз-два-три —
и пошел поскорей из игры,
Отдавай барабанные палочки!»
А за что? А за то,
что поменьше других
И в передней шеренге не нужен вам...
Ну а если б на нас
налетели враги,
Вы не дали бы мне и оружия?
Только где вам
подумать про ярость атак —
Вам, боящимся дождика летнего?..
Я, наверно, и сам
сделал что-то не так,
Надо было стоять до последнего.
И никто заступиться не смог.
Ну и пусть!
Пусть уходят, стуча в барабанчики.
Я в ваш лагерь теперь
никогда не вернусь,
Вы прощайте, послушные мальчишки.
Уходите
детсадовской шумной толпой
Под конвоем заботливых тетушек.
К вам грохочущий сон
про атаки, про бой
Никогда-никогда не придет уже.

Вы ушли —

будто сдали наш город врагам,
Задубелым от злости и сытости...
...Если снова бы кто-то

мне дал барабан,
Я бы палочки больше не выпустил...

И, словно в ответ на последнюю строчку, Вовка у своих сандалий увидел на каменном тротуаре барабанную палочку...

Он поднял ее, удивленно подержал в ладони. Потом оглянулся.

Город вокруг был незнакомый — старинный, со множеством островерхих башен, на которых скособочились обугленные петушки-флюгера. Сумрачный был город, недобрый. И Володьке стало неуютно и тревожно. Но он не испугался, только подобрался весь, ощутив непонятную опасность. В нескольких шагах он увидел на камнях еще одну палочку. Потом услышал стон, перегнулся через перила старинного моста и в высокой траве, на берегу, увидел лежащего мальчишку-барабанщика.

— Я не успел уйти с нашими... — сказал раненый и обессиленный барабанщик, когда Володька принес ему в пригоршне воды, помог приподняться и положил под голову большой барабан. — Но зато я узнал сигнал волшебных барабанов. Я отыскал его в подвале старой библиотеки... Разыщи наших ребят, они в лесу. Передай им вот это... — Морщась от боли, мальчик вытащил из-под рубашки бумажную ленту с непонятными значками. — Иди...

— Мы пойдем вместе, — решительно сказал Володька и стал поднимать мальчика... И снова опустил на траву. Потому что из-под каменного свода моста на берег вышли три человека в берестах, мундирах и со шпагами.

— Это гвардейцы. Уходи, — прошептал барабанщик.

— Нет, — сказал Володька.

— Уходи!

Но Володька встал, заслоняя раненого. Расставил ноги — маленький, взъерошенный, в помятой рубашке, в сбившемся пионерском галстуке. В каждом кулаке сжал по барабанной палочке — как кинжалы. Это все, что он мог сделать.

Командир гвардейцев пренебрежительно махнул ему рукой: убирайся. Им нужен был барабанщик. Володька сжал палочки крепче. Тогда гвардеец шагнул к нему и замахнулся шпагой...

Ах так? Бандюги... Вовка в «рогатку» из скрещенных палочек поймал клинок, а головой ударил врага в брюхо. Тот согнулся и уронил оружие. Володька подхватил шпагу. И тут же — вторую, которую бросил ударившийся в бега второй «храбрец». Володька

успел вытянуть его шпагой и оглянулся: где третий? Тоже сбежал?

— Тоже мне, вояки, — пренебрежительно сказал Вовка, подходя к лежащему барабанщику. — У нас во дворе любой мальчишка сражается лучше их...

Барабанщик не ответил. Володька посмотрел внимательней... и уронил шпаги. Третий гвардеец, оказывается, успел ударить мальчика ножом, и теперь никакая помощь ему была не нужна.

...Глотая слезы, Володька убрал из-под головы мальчишки барабан и надел на себя. Закрыв лицо мальчика большим лопухом. Подобрал палочки и обе шпаги, еще раз оглянулся на погибшего барабанщика и ушел с берега.

Сначала он, крадучись, пробирался по улицам непонятного и враждебного города, потом шел по лесу. И наконец увидел на глухой поляне маленьких барабанщиков.

Стоя перед строем печальных и суровых мальчишек, Володька отдал командиру бумагу с записью сигнала, потом стал снимать барабан. Но командир барабанщиков остановил его:

— Останься... Нас не должно быть меньше, чем раньше.

И Володька остался в лагере барабанщиков, в их строю. В печальной и пока неясной для него сказке...

Вечером, у костра, Володька узнал историю таинственного города и маленьких барабанщиков. Оказалось, что еще недавно город был веселым и назывался Городом Серебряных Петушков. Петушки ярко сверкали над башнями. Весело жилось здесь мальчишкам, крутились на площадях пестрые карусели, можно было смеяться, радоваться и ничего не бояться. А маленькие барабанщики веселыми маршами встречали каждый рассвет...

Мальчик-рассказчик продолжал историю:

— А правил городом веселый и добрый король...

— Добрый? — усомнился Володька. — Что-то не слыхал я про добрых королей!

— Но это же был сказочный король! Он никого не обижал и очень любил играть с ребятами...

После этих слов мы видим на экране короля — добродушного толстяка в напудренном парике, короне, жилете и ботфортах. Думаете, чем он занимается? На дворе, рядом с королевской резиденцией, играет с мальчишками в чехарду. Мальчишки тараторят считалку, и водить выпадает его величеству. Ничего не поделаешь, он снимает корону, отдает ее на время одному из самых маленьких (грозит пальцем: не сломай) и, вздохнув, нагибается. Один за другим лихие мальчишки перелетают с разбега через могучую королевскую спину. Только самый тяжелый не может пе-

репрыгнуть и усаживается верхом на короля. Но это не смущает неудачника: он берет у малыша корону, нахлобучивает на себя и хохочет...

В это время раздвигаются узорчатые ворота, и к королю направляются трое совсем крошечных ребятишек. Они несут тощего котенка.

— Ему негде жить.

Ребятчья компания замирает в ожидании решения.

Король возлагает на себя корону. И требует:

— Позвать сюда Первого министра!

Появляется министр — с аккуратной бородкой, в очках, вежливый и невозмутимый. Король протягивает ему котенка и решительно произносит:

— Зачислите его в придворные коты и выдайте два килограмма сосисок.

— Но, ваше величество, зачем нам бродячий кот? — осторожно возражает министр. И слышит раздраженный ответ:

— Этот кот такой же мой подданный, как и вы, господин министр. Потрудитесь делать, что я сказал.

Не дрогнув лицом, министр вежливо берет и уносит котенка.

А король и мальчишки затевают игру в «жучка». Ребята хлопают короля сзади по выставленной ладони: угадайте, кто? Наконец король угадывает. Его место занимает один из мальчиков. А его величество с утомленным видом незаметно отходит в сторону. На его лице уже нет и тени улыбки. Он медленно идет у стены и, оставшись один, стягивает парик, вытирает взмокший лоб. Прислоняется к столбу у ворот. Короля догоняет десятилетний мальчик, худенький, поцарапанный, совсем не похожий на королевского сына, если бы не лента через плечо.

— Папа, что с тобой?

— Ничего, ничего, малыш...

А следующий кадр — черные деревья, согнувшиеся от тяжелого ветра и траурных колокольных ударов.

— Никто не знал, что у короля большое сердце, — говорит рассказчик. — Он умер совсем неожиданно...

Сын короля в черной траурной рубашке сидит, прижавшись лицом к садовой решетке... Рассказчик говорит:

— Мальчик стал королем... Но он ничуть этому не радовался и очень горевал об отце.

...Маленький король сидит, закусив губу. Слезинка ползет по щеке.

Рассказчик:

— Злобный министр воспользовался этим и подписал именем нового короля указ...

...Грохает у городских ворот пушка. Министр в своем, похожем на каземат кабинете рукояткой кинжала звякает о колокольчик. Два гвардейца вносят бумажный свиток и разворачивают его. Крупными и красивыми буквами там написано:

Именем короля!

*С этого дня в Городе устанавливается
полный порядок.*

Запрещается:

1. Громко смеяться.

2. Петь песни.

3. Кататься на каруселях.

4. Устраивать праздники.

5. Запускать воздушных змеев.

6. Бить в барабаны...

Рассказчик:

— С тех пор улицы стали похожими на кладбище, всех недовольных хватили и тащили в тюрьму... А маленьких барабанщиков выгнали из города.

Мы видим, как пасмурный ветер срывает со шпилей почерневших петушков, бьются штормовые волны об опустевшие набережные. А барабанщики один за другим поднимаются на заросший колючей травой обрыв и бросают последний взгляд на бывший Город Серебряных Петушков...

Володька возмущен:

— А Маленький король? Разве он не мог отменить приказ?

— Его никто не слушал, — говорит рассказчик. — И тогда...

И тогда Маленький король бежал из дворца. В лес. К самым лучшим своим друзьям, к барабанщикам. Они встретили его радостными криками, и он остался в ребячем лагере.

Он и сейчас здесь. Сидит у костра, положив подбородок на большой барабан. И задумчиво говорит:

— Ничего... Зато сейчас у нас есть волшебный сигнал. Если в середине лета сыграть его на рассвете, рассыплется любое зло. А середина лета — завтра...

Эта ночь в середине лета была спокойной и ясной. Светила над уснувшими деревьями половинка луны. Мальчишки спали у погасшего костра, рядом с поставленными в пирамиду барабанами.

Маленький король проснулся, ему захотелось пить. Он подо-

шел к бочонку, повернул кран, но бочонок был пуст. Маленький король вздохнул, вытряхнул из котелка сосновую шишку и через заросли побрел к недалекому ручью...

...А в зарослях притаились гвардейцы.

Маленький король не успел вскрикнуть, ему зажали рот. Напрасно он колотил здоровых вояк ногами и пытался вырваться. Скоро он уже стоял в каменном кабинете перед министром. Босой, встрепанный после сна и схватки, он все-таки старается держаться по-королевски. Смотрит гневно и решительно. Однако министр невозмутим:

— Сейчас вы покажете нам, как играть на барабанах сигнал сбора, — говорит он.

— Зачем? — хмуро отзывается Маленький король.

Вмешивается гвардейский офицер с наглым и насмешливым лицом:

— Вы проводите нас к лагерю барабанщиков. Там мы сыграем этот сигнал, а когда ваши птенчики слетятся, мы их... — он показывает ладонями хлопущую западню.

— Зачем?

— Нам известно, что вы задумали подорвать спокойствие государства, — заявляет министр.

— Я ничего вам не скажу, — пренебрежительно роняет Маленький король.

Министр пожимает плечами:

— Мы не будем вас принуждать. Мы просто с почетом отправим вас... следом за отцом.

— Не имеете права! Я король!

— Король вы, пока живы, — разъясняет министр. — Эту ошибку легко исправить...

Гвардейцы медленно развели створки черных решетчатых ворот. На двор, окруженный высокими кирпичными стенами, вошли две колонны караульных солдат. Между ними шел Маленький король. Посреди двора караульные расступились, к Маленькому королю подошел гвардейский капитан, взял его за плечо. Тот сбросил ладонь солдафона, но гвардеец опять схватил мальчика и повел к стене, сложенной из серых булыжников. Прислонил пленника к ней спиной.

Шеренга равнодушных стрелков по команде капитана вскинула ружья, оцетиненные плоскими штыками. Капитан оглянулся на незаметно подошедшего министра. Тот перестал протирать снятые очки и нетерпеливо махнул платочком. Капитан с неторопливой торжественностью стал поднимать для последней команды палаш.

Маленький король вжался в камни. Вцепился растопыренными пальцами в выступы булыжников. Нарастал барабанный грохот. Палаш все поднимался. Длинные карабины сошлись на маленькой белой фигурке у серой стены.

Грохот стал нестерпимым. Осталась секунда...

Маленький король не выдержал. Закрыл локтем лицо.

— Не надо!..

Маленький король со связанными руками шел через лес. За ним — солдаты и гвардейский барабанщик. Иногда капитан подталкивал пленника, и тот хмуро дергал плечом. Но этот жалкий протест ничего не значил. Все равно Маленький король был предателем, он вел врагов к лагерю барабанщиков.

На краю оврага гвардеец с барабаном вышел вперед. Поднял палочки. Маленький король сморщился, как от нестерпимой боли.

...А барабанщики, услышав знакомый сигнал, повскакали на ноги. Бросились через кусты — прямо в засаду! И тогда Маленький король понял, что предательство страшнее смерти:

— Не ходите! Не надо! Здесь измена!!

...Да, нелегко далась гвардейцам победа над мальчишками. Закипела на поляне яростная схватка. Но солдат было больше, и один за другим скатывались на дно оврага потерявшие хозяев барабаны.

...Связанных пленников бросили на камни, во дворе, где недавно грозили расстрелом Маленькому королю. Наверху, по стене, украшенной решетками, шагала часовая. Исцарапанные и окровавленные мальчишки лежали молча. О чем говорить? Не осталось ни сил, ни надежды на спасение.

Маленький король, тоже связанный, лежал отдельно от других, в кирпичной нише. У него больше не было друзей...

Не было?.. Володька через обмотанное веревкой плечо посмотрел на Маленького короля. Володька знал, как тяжело остаться одному. Он поднатужился, перекатился через спину. Поближе к Маленькому королю. Мальчик с разбитой губой сказал Володьке:

— Не разговаривай с ним, он предатель.

— Он же предупредил нас, — заступился Володька.

— После времени... А сперва струсил.

Неожиданно поднял голову командир маленьких барабанщиков. Хмуро спросил:

— А ты ни за что не струсил бы? Уверен?

Володька подкатился вплотную к Маленькому королю. Прошептал:

— Ничего. Что-нибудь придумаем...

У Маленького короля в глазах мелькнула надежда: значит, еще не все потеряно? Значит, его еще могут простить? Он изогнулся и яростно начал перегрызать веревочный узел на Володькиных руках. Скорее, скорее... И вот — руки свободны. Теперь Володька развязывает Маленького короля. А веревка — это аркан. Он взвивается в воздух — и захлестнутый петлей часовой грохается на плиты. В руках у мальчишек — шпага и карабин...

Один за другим барабанщики освобождаются от веревок. Один за другим ускользают со двора через прутья решеток. Решетки рассчитаны на взрослых, а мальчишки протискиваются.

Командир барабанщиков отступает последним. И не успевает: за ребятами мчится охрана. Одного командир сваливает выстрелом, навстречу другому бросается со шпагой. Среди стен и решеток закипает бой двух фехтовальщиков. Трудно приходится мальчишке, но, изловчившись, он втыкает клинок в ногу врагу. Тот с воем садится на землю. Путь свободен!

Но не так-то легко уйти от погони. Гвардейцы настигают мальчишек. Начинается свалка, мелькают клинки и палки. Маленький король дерется яростнее всех... А Володька? Он вырвался и опередил ребят. Он знает: главное — успеть к восходу солнца!

По крутому спуску Володька сбегает в овраг, где накануне были схвачены барабанщики. Находит в траве свой барабан. А палочки? Палочек нет. Из погасшего костра Володька вытаскивает две прямые обгорелые ветки. Сгодятся! А теперь — вперед, на гору, чтобы увидеть восход над лесом и скалами!

Володька карабкается по каменным отвесам, продирается сквозь мокрые от росы и колючие кусты, пробегает над пропастью по упавшему дереву...

...Барабанщики, вырвавшись от гвардейцев, один за другим спускаются в овраг. Хватают свои барабаны, торопливо надевают их...

Володька останавливается на вершине скалы. Смотрит, как над лесными вершинами нарастает свет. Поднимает палочки... И наконец из-за кромки леса показывается брызжащий лучами край солнца!

Трах! — разносится первый удар волшебного сигнала. Тра-та-та... Трах!..

Трах! — отзываются барабаны вставших в шеренгу мальчишек. Под равномерные удары грозного марша шеренга наступает на

гвардейцев. Те, пятясь и карабаясь, трусливо выбирают из оврага...

Володька, освещенный солнцем, продолжает играть рассветный сигнал...

Под ликующую музыку на городских башнях выпрямляются шпили с петушками. Осыпается с петушков копоть, они разбирают солнечные зайчики. Хохочущие от радости мальчишки выбегают на площадь...

Коварный министр в своем кирпичном каземате вздрагивает, поворачивается к окну, прислушивается, в ужас зажимает уши. Но такты рассветного сигнала неумолимо врываются в подземелье! Министр перекатывается через стол, падает и, скорчившись, замирает на полу...

Барабанщик, убитый гвардейцами у моста, шевельнулся, стряхнул с лица лопух. Приподнялся, прислушался. (Это же сказка, в сказке все можно!) Встал. Сам собой появился у него барабан, а в руках — палочки. Он поднял их, улыбнулся и тоже заиграл...

А в Городе Серебряных Петушков — праздник. Вертятся карусели, ребята на площади устроили хоровод...

Но враги еще живы. Володька на скале продолжает барабанить рассветный сигнал, а через кусты крадется гвардейский капитан со своим ординарцем.

Барабанщик на вершине, на фоне светлого неба — прекрасная цель. Гвардейский капитан хладнокровно протягивает руку, и ординарец подает ему карабин.

Грохает выстрел.

Володька вздрагивает. На рубашке расплывается темное пятно. Но Володька знает — сигнал надо обязательно доиграть до конца. Он опять выпрямляется. Морщится от боли, но вскидывает палочки. Он не может ни прервать игру, ни спрятаться. От него теперь зависит всё...

На звук выстрела выскакивает из кустов Маленький король. Видит гвардейского капитана с карабином — своего самого лучшего недруга. Подскакивает к нему, выхватывает из-за капитанского пояса тяжелый кремневый пистолет, стреляет в упор. Капитан валится под откос...

А город ликует, ничего не зная о лесном бое. Смеются мальчишки...

Володька через силу последний раз ударяет в барабан и падает на плоской верхушке скалы. Откатывается барабан, застревают в траве обгорелые палочки...

Сколько он так лежал среди пыльной травы? Володька и сам не знал. Наконец он поднял голову. Вокруг был знакомый двор — рядом с лагерем «Самоцветик». Знакомые деревья, знакомый дом... Володька поднялся. Снова не было у него барабана, но что-то... что-то осталось. Задумчивый, слегка встревоженный, он подошел к забору, пытаясь понять, что же с ним случилось. Сон? Сказка?

Поднятым с земли сучком Володька начал постукивать по звонким прутьям решетки, вспоминая рассветный сигнал. Звон неожиданно громко разнесся над двором. Володька почувствовал, что он не один.

Он медленно повернул голову.

Во дворе длинной шеренгой стоял отряд мальчишек в форменных рубашках и беретах с якорями. И были у мальчишек такие знакомые — высокие поцарапанные барабаны!

Володька не вздрогнул, не вскрикнул, не стал протирать глаза. Он медленно пошел вдоль строя, вглядываясь в полужнакомые лица. Словно спрашивал ответ. Мальчишки провожали его серьезными глазами.

Наконец Володька спросил:

— А Маленький король... Он так и остался королем или сделался барабанщиком?

И мальчишка в большом берете с лицом, очень похожим на лицо Маленького короля, с улыбкой сказал:

— Какой король? Они бывают только в сказках...

— А сейчас? — все еще недоверчиво спросил Володька. — Сейчас по правде?

И командир барабанщиков ответил:

— Сейчас — да.

Командир барабанщиков шагнул из строя и надел на Володькино плечо ремень барабана.

По широкому полю с большим отрядом друзей-барабанщиков шагает Володька, мелькают в руках его новые палочки... А над Городом сверкают серебряные петушки. И над другими городами — не сказочными — солнечное утро. Ветер треплет на мальчишках красные галстуки. Несутся над водой косые крылья парусов...

Шагает Володька в строгом отрядном строю...

И все это под песню о том, что «барабаны мы клепали не для сказки...».

ПЕСНЯ О ЧЁРНЫХ БАРАБАНАХ

Барабаны мы клепали не для сказки.
Мы стянули обручами их стальными.
В эту пасмурную пору чёрной краски
Было больше по сравнению с остальными.
Заблестели барабаны чёрным лаком,
Стал их марш предельно чётким и коротким —
Это голос первой утренней атаки,
Это песня барабанщика Володьки!

В барабанах дремлет эхо синих шквалов,
Что над нашими носились парусами,
В гулкой памяти у них живёт немало
Звонких песен, что придумали мы сами.
В них живут сигналы яростной тревоги,
Что срывала нас с постелей утром рано, —
Это голос нашей парусной дороги,
Это песня наших чёрных барабанов!

Как безжалостны декабрьские рассветы,
Серый снег засыпал дремлющие лодки,
Но опять среди зимы приходит лето
По сигналу барабанщика Володьки —
И мальчишка-ветер тёплой ладошкой
Осторожно бьёт по барабанной коже,
И встают в шеренгу Саня и Антошка,
Димка с Лёшкой, Андрюшка и Серёжка.

Что несёт им ветер лета, ветер детства?
Будет день их нынче ясен и спокоен?
Или снова бой с циклоном от норд-веста?
Или вновь война со злобою людскою?
Бьётся луч над загорелыми руками,
А по краю неба вновь легли туманы.
И взвели мальчишки палочки курками
Над упругой кожей чёрных барабанов.

...Барабаны мы клепали не для сказки.
Нам нужны они для боевого строя.
И никто не виноват, что яркой краски
В эти дни не оказалось под рукою.
Да к тому же для тревоги и для спора
Им не нужно красок радужных и броских.
Вот и стали барабаны — словно порох
И суровый траур ленточек матросских...

**ПРОВКИ ОТ ГРАФИНА,
ИЛИ
НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
МУШКЕТЕРОВ**

Представление в одиннадцати сценах с песнями, танцами и боями на шпагах по мотивам произведений Александра Дюма и Владислава Крапивина

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петя Петушков, десяти-одиннадцати лет, любитель книг и мушкетерской романтики.
 Петины ровесники, его союзники в борьбе с кардиналом:
 Юный Атос,
 Юный Портос,
 Юный Арамис.
 Король Людовик Четырнадцатый, непослушное дитя восьми-деяти лет.
 «Ковбои» — компания «крутых» подростков, предводитель которых чуть постарше Пети.
 «Старые» мушкетеры:
 Атос,
 Портос,
 Арамис.
 Кардинал Ришелье, злодей, хитрая, изворотливая личность.
 Королева Франции, мачеха Людовика, дама средних лет с вредным характером.
 Королевский шут, мальчик десяти-одиннадцати лет.
 Хозяин таверны, толстый мужчина зловещей наружности.
 Граф Рошфор, негодяй, помощник кардинала.
 Кардинальский агент по кличке Миледи.
 Старичок-маг.
 Палач.
 Герцог Бэкингем.
 Гвардейцы кардинала.
 Дворцовые пажи.
 Зрители данного спектакля, принимающие участие в массовых сценах.

Пустырь на краю городского микрорайона. Брошенные бетонные панели, остатки забора. Летний день. По тропинке, листая на ходу толстую книгу, шагает пятиклассник Петя Петушков. Судя по внешности — любитель чтения и нелюбитель драк. Дорогу Пете преграждает компания «ковбоев». Некоторые — в шляпах и с бахромой на джинсах. Их тощий предводитель — в розовом костюме и с игрушечными «кольтами» на бедрах.

Первый ковбой. Э! Опять читатель Петенька Петушков из библиотеки топает!

Второй ковбой. Какой прилежный мальчик. Даже в каникулы с книжками не расстается.

Предводитель ковбоев. А ну, тормози, книжный червь. Поговорим.

Петя. По-моему, ты больше похож на червя, длинный и розовый.

Предводитель. Остроумный ребенок-то, начитанный... Спорить могу, что опять про мушкетеров читает. Про благородных...

Первый ковбой выхватывает у предводителя «кольты» и, помахивая ими, начинает пританцовывать вокруг своего начальника. Тот благосклонно покачивает головой.

Первый ковбой.

Я ковбой, и ты ковбой,
 Подружились мы с тобой.
 На двоих одна кобыла
 И свод неба голубой.

Предводитель.

Тра-та-та и тра-та-та,
 Вот какая красота!
 В барабане семь патронов,
 А кобыла без хвоста.

Первый ковбой.

Не волнуйся, храбрый Билл!
 Лишь бы ты стрелять любил.
 А патроны нам помогут
 Раздобыть хоть сто кобыл!

Предводитель.

Револьвер нацелим — раз!
 Трах-тах-тах — и прямо в глаз!
 Никакие там шерифы
 Не догонят в поле нас!

Вдвоем.

Нам шерифы не страшны!
Угоняем табуны!
Вот такие мы крутые —
Все на свете хоть бы хны!

После этого предводитель с ехидным и угрожающим видом подходит к Петю.

Петя. Ну, чего привязались-то? Вас пятеро, а я один.

Предводитель *(со снисходительным превосходством)*. Не в том дело, что нас пятеро, а в том, что мы — жители Дикого Запада. Покорители прерий! Ясно? Всадники и стрелки. Из «кольта» — раз, и прямо в глаз! Хочешь?

Вихляясь и помахая «кольтами», они отгесняют Петю к забору.

Предводитель. А ну, руки вверх! Готовься к смерти!

Петя. Чего пристали? Я вам что сделал-то?

Предводитель. А кто сказал, что я червяк?

Петя. Вы же первые полезли!

Первый ковбой. По-моему, он индейский лазутчик.

Второй ковбой. Или шпион шерифа.

Третий ковбой. И вообще, шибко умный. Мы, ковбои, не любим тех, кто много знает...

Четвертый ковбой. Повесить его за ноги, как Буратину, на дереве. Шас лассо раскручу... *(Снимает с пояса веревку.)*

Предводитель. Деревя-то нигде нету... Лучше привяжем его за ноги к мустангу, пускай тот его тащит до мексиканской границы!

Четвертый ковбой. А где мустанг-то?

Предводитель. Ты и будешь мустангом. Ты самый здоровый.

Четвертый ковбой. Ладно... *(Деловито готовит петлю.)*
А ну, иди сюда, мамочкин мушкетер...

Петя прорывается сквозь шеренгу и пытается убежать, но его ловят и опять прижимают к забору.

Предводитель. Хорошо бегаешь, зайчик. Но от нас не уйдешь. Ну-ка, Джим, Билл, Чико, берите птенчика...

Петя руками и ногами отчаянно отбивается от врагов. Так отчаянно, что «ковбои» на миг отступают. В этот момент доски в заборе раздвигаются и Петя спиной проваливается в дыру, исчезает из поля зрения противников. Доски сдвигаются. Предводитель ударяет в них плечом, пытается растащить, но безуспешно.

Предводитель *(кричит в щель)*. А ну, иди сюда! А то хуже будет!.. Джим, ко мне! *(Он взбирается на плечи одного из «ковбоев», заглядывает через забор.)* Как сквозь землю провалился... Ладно, потом все равно поймает...

2

Петя оказался по другую сторону забора. Он затравленно оглядывается. Заталкивает за пояс книгу и готовится дать стрелача. Рядом с Петей возникает старичок, этакий маленький пенсионер с тростью и в соломенной шляпе.

Старичок. Молодой человек, уделите мне минутку внимания.

Петя. Извините, я не могу, за мной гонятся. Сейчас они перелезут через забор...

Старичок. Не перелезут. Здесь вас никто не настигнет.

Петя. Почему?

Старичок. Вы оказались в ином пространстве. В некоторой степени, в сказочном мире...

Петя. Что-то непохоже... Тот же пустырь...

Старичок. Пустырь тот же, а время и пространство другие. Можете мне верить, я ведь в какой-то степени колдун. Точнее выражаясь, маг... *(Он видит недоверие Петю.)* Вы что же, молодой человек, не верите в магов?

Петя. Н-не знаю... Может, и верю, но вы... Извините, но внешность у вас какая-то... не совсем магическая.

Старичок. А, вот в чем дело! Ну, а если так?.. *(Он снимает шляпу, надевает ее на Петю, достает из-за пазухи, разворачивает и ловко нахлобучивает на голову острый колпак со звездами.)* Годится?

Петя. Ну... так, пожалуй, да... Но это ведь только с виду. А чем вы можете доказать, что вы по правде маг?

Старичок. Разве я еще не доказал? Я спас тебя от злых ковбоев!

Петя. Да не ковбои они, а просто мелкие хулиганы!.. Думаешь, я их очень боюсь?

Старичок. Не бойтесь? А мне показалось...

Петя. Конечно... Куда деваться, если пятеро на одного! Хорошо было в мушкетерские времена, там даже враги дрались честно, один на один, по правилам. А если какая-нибудь засада или предательство — только свистни! Мушкетеры сразу примчатся на помощь!

Старичок. Значит, вам хотелось бы попасть к мушкетерам?

Петя. Еще бы! Но такое только в сказке бывает...

Старичок. Именно! Именно в сказке. В ней вы сейчас и находитесь. Решайтесь, и я вам помогу...

Петя. Правда? Да я... хоть сию минуту!

Старичок. Не спешите. Надо хотя бы слегка подготовиться к той эпохе, к семнадцатому веку... Ну-ка, наденьте вот это... *(Старичок достает из-за пазухи сапоги с отворотами и шпорами. Видно, пиджак на нем волшебный.)*

Петя. Ух ты... *(Натягивает сапоги прямо на кеды. Эта мушкетерская обувь не очень-то вяжется с его современной футболкой и шортами. Петя это понимает.)* А остальное?

Старичок *(рассеянно)*. Немного великоваты, но ничего... Что? Ах, остальное... К сожалению, на полный костюм у меня не хватает магических ресурсов... Разве что еще вот это... *(Он достает и прикрепляет к своей, надетой на Петю шляпе пышный плюмаж из перьев.)* Смотрите, вполне как у мушкетеров де Тревиля. Ну, а плащ там и все прочее... как-нибудь обойдетесь. В конце концов, мы в сказке, она допускает некоторые условности...

Петя *(с сомнением оглядывает себя, переступает ботфортами)*. Ну ладно, без плаща я, наверно, проживу. А где шпага-то? Без шпаги никак нельзя!

Старичок. О! Вы правы! Держите! *(Из-за отворота волшебного пиджака он вытаскивает шпагу в ножнах. Настоящую, мушкетерскую.)* Надеюсь, вы будете использовать это оружие только в благородных целях.

Петя. Конечно, в благородных! *(Торопливо надевает через плечо перевязь со шпагой. И сразу ощущает себя сильным и уверенным.)* А как я попаду туда... в старинный Париж?

Старичок. На лошади, разумеется. Вот на этой... *(Из-за пазухи он извлекает вырезанную из фанеры лошадиную голову и похожий на большие часы круг со стрелкой и числами. Голову приспособливает к верхней части своей трости, циферблат — к нижней.)* Вот! Прекрасный скакун!

Петя *(в горьком недоумении)*. Смеетесь, да?

Старичок. Ни в малейшей мере! Это не просто лошадь, а машина времени! Смотрите! Ставим стрелку на нужное число: семнадцатый век. Садитесь верхом... *(Петя неуверенно садится на трость.)* Держитесь крепче. Очень скоро вы окажетесь у парижской заставы Сен-Дени. Там есть таверна «У бубновой дамы». В ней вы найдете трех знаменитых друзей: Атоса, Портоса и Ара-

миса... Ну, а все дальнейшее, дорогой мой шевалье д'Артаньян, зависит от вас самого. Ни пуха, ни пера...

Старичок исчезает.

Петя растерянно оглядывается. Неуверенно встряхивает под собой лошадь-палку.

Петя. Но... пошла...

Трость вдруг дергается, ржет и «встает на дыбы».

Петя. Ура! Поехали!

И они скачут сквозь сказочное пространство. Петя все более обретает уверенность и поет песенку:

Звонко бьют копыта, блещут шпоры,
Искры от подков летят в бурьян.
Едет записаться в мушкетеры
Молодой гасконец д'Артаньян!

Конь мой очень верный и надежный,
Дальняя дорога не страшна.
Если шпага слишком долго в ножнах,
Как бы не заржавела она!

Ах, какие сказки есть на свете...
Можно от чудес сойти с ума!
Накануне был я просто Петя,
А теперь герой из книг Дюма.

Звезды надо мною светом брызжут, -
Месяц с удивленьем смотрит вниз.
Скоро, скоро буду я в Париже,
Там Атос, Портос и Арамис!

Под эту песенку будущий д'Артаньян уезжает со сцены.

3

Внутренность таверны «У бубновой дамы». Большой портрет этой самой дамы в виде игральной карты. За столом неторопливо пьют из объемистых кружек три мушкетера.

Атос. За здоровье нашего короля!

Портос. И за то, чтобы кардинал Ришелье подавился кожей от банана!

Арамис. Э! Господа! Мы уже все выпили! Эй, трактирщик!
Еще три бутылки кефира!

Арамис. И кувшин морковного сока!

Хозяина за стойкой нет, там распоряжаются поварята. Они ловко перебрасывают «по цепочке» бутылки и кувшин, ставят их перед мушкетерами. При этом пляшут и поют:

У бубновой дамы,
У бубновой дамы
У бубновой дамы чудный цвет лица,
А у нас хозяин
Самый-самый-самый...
Больше нет такого в мире молодца...

Чей-то громкий шепот. Подлеца...

Если говорят вам
То, что поварятам
Здесь живетса очень-очень нелегко,
Это все неправда!
Каждый день в награду
Нам дают по сотне сладких пирожков!

Самый маленький поваренок (*грустно и доверительно, в сторону зрителей*). Тумаков...

Поварята (*поют*).

Лучше, чем в таверне,
Жизни нет, наверно, —
«У бубновой дамы» драки каждый час!
Мы поем и пляшем,
Колпаками машем,
И у нас хозяин — самый первый класс!

Самый маленький поваренок. Фантомас...

Во время песни появляется Петя. Когда песня кончается, он останавливается у стола мушкетеров. Лихо взмахивает шляпой.

Петя. Добрый день, господа!

Атос (*с насмешливой снисходительностью*). Добрый день, господин...

Портос. Это что за мышонок со шпагой?

Петя. Мышонок? Да как вам не стыдно! Я гасконский дворянин д'Артаньян! Прибыл в Париж, чтобы подружиться с вами и участвовать в приключениях! Вот как в этой книге! Здесь все про

вас написано! (*Он выхватывает из-за пояса книгу и швыряет на стол. Мушкетеры смотрят на книгу, на Петю, друг на друга и, наконец, начинают хохотать. От души. И довольно обидно для мальчишки.*)

Петя. Ах, так!.. Ну да! Сперва ведь должна быть дуэль, я вспомнил! Ладно... (*Он выхватывает шпагу, сшибает клинком горлышко кувшина с морковным соком.*) Защищайтесь, господа!

Мушкетеры отшатываются на стульях. Пожимают плечами, усмеваются, встают, достают шпаги. Петя тут же нападает на них. С такой лихостью, что они пятятся.

Атос. Эй, прекрати! Что ты делаешь!

Арамис. Хулиган!

Портос. Перестань безобразничать!

Атос. Любезный Арамис, почистите-ка этому петушку перышки, чтобы... ай!

Петя делает выпад, и Атос вынужден кувиркнуться через стол. Там он вместе с Портосом, приняв снисходительный вид, наблюдает за схваткой Пети и Арамиса. У тех — бой по всем фехтовальным правилам.

Портос. А юноша-то понимает толк в боевом искусстве...

Поварята с веселым интересом и азартом «болеют» за незнакомого мальчишку. Но вдруг замирают по стойке «смирно». Это появляется хозяин таверны — мужчина грозной наружности. Он мигмом оценивает обстановку. Дует в большой полицейский свисток. Тут же толпой вламываются в дверь гвардейцы кардинала.

Атос. Шпаги в ножны, господа! Кардинальский патруль!

Петя и Арамис останавливаются. Но поздно. Возглавляющий гвардейцев граф Рошфор выступает вперед.

Рошфор. Ага! Мушкетеры опять дерутся! Несмотря на запрет кардинала! Придется арестовать.

Арамис (*своим друзьям*). Черт возьми! Нас трое, а их целая толпа...

Петя (*Он встает между мушкетерами, которые выстроились шеренгой.*) Нас не трое, а четверо, господа!

Рошфор. Сдайте шпаги, господа мушкетеры!

Атос. В самом деле?

Рошфор. Конечно!

Арамис. Прямо вот так взять и сдать?

Рошфор. Разумеется. Именем кардинала...

Портос. Во! (*Он невоспитанно показывает дулю.*)

Клинки у всех разом вылетают из ножен. И закипает бой опытных фехтовальщиков, известный по книге и многим фильмам. Петя и мушкетеры показывают чудеса храбрости. На протяжении схватки звучит песня:

С тех пор, как создан белый свет,
Идут на свете споры:
Ведут войну добро и зло,
Предательство и честь.
И с кардиналом сотни лет
Воюют мушкетеры.
И как, друзья, прекрасно, что
Они на свете есть!

Нас жаркий ветер бьет в упор
И рвет плащи-знамена.
Спешат сквозь ураганный свист
На выручку друзьям
Все те, кого с давнишних пор
Мы знаем поименно:
Атос, Портос и Арамис
И юный д'Артаньян.

Как беспокоен этот мир,
Как яркое и прекрасен!
Как тешат душу звон клинков
И выстрелов огни!
Тем более что блеск рапир
Пока что безопасен:
Он из театра и кино,
И старых толстых книг.

Но вот как будто в тишине
Захлопнул кто-то книгу —
Колочим выстрелом звучит
Сигнал большой беды.
И сказкам больше места нет —
Коней седлайте мигом!
Секунда, чтоб в седло вскочить,
И марш в огонь и дым!

И если путь назад в игру
Отныне невозможен,
И если в жизни нас прижал
Отчаянный момент,

Отточен, звонок и упруг,
Лети, клинок, из ножен —
Последний шанс, последний шаг,
Последний аргумент...

С тех пор, как создан белый свет,
Идут на свете споры:
Ведут войну добро и зло,
Предательство и честь.
И с кардиналом сотни лет
Воюют мушкетеры.
И как, друзья, прекрасно, что
Они на свете есть!

Поварята участвуют в драке, помогают мушкетерам, используя вилки, поварешки, швыряют в гвардейцев яйца, помидоры и посуду. Хозяин по одиночке хватается за дверь.

Камера время от времени показывает зрительный зал, где мальчишки и девочки отчаянно переживают за Петю и мушкетеров.

Хозяин таверны, выкинув последнего поваренка, снова дует в свисток. Врывается еще одна толпа гвардейцев. Пользуясь численным перевесом, они наваливаются на четверых друзей. Образуется куча, в которой мушкетеры оказываются внизу. Но юркий Петя выбирается наверх и, вскочив на грудь тел, зовет.

Петя. Мушкетеры, на помощь!.. Ребята, помогите!

И зрители, не выдержав, бросаются из зала на сцену. Схватка закипает с новой силой (все под ту же песню: «С тех пор, как создан белый свет...»). Теперь преимущество явно на мушкетерской стороне. Гвардейцы бегут: кто в двери, кто прямо со сцены в зал. Хозяин таверны прячется под прилавком.

Петя и мушкетеры остаются одни.

Портос (слегка смущенно). Ха-ха... а птенчик-то наш оказался храбрый...

Атос. Пожалуй, можно взять его в ученики.

Арамис. С испытательным сроком...

Петя (взбудораженный боем). А я... я к вам не хочу! Вы тут совсем обленились и покрылись плесенью за четыреста лет. Если бы не ребята, вас бы сейчас скрутили, как младенцев... Пейте дальше свой морковный сок...

Атос. Смотрите-ка на него... А что ты будешь делать тут без нас?

Петя. Я найду новых мушкетеров! Среди ребят!

Арамис. Однако же, сударь, вам не очень-то удавалось найти друзей раньше. Когда за вами гонялись так называемые ковбои...

Петя. А сейчас найду! Потому что здесь собрались те, кто за мушкетеров! За настоящих!

Арамис. Посмотрим...

Петя. Посмотрим! *(Делает шаг к рампе.)* Атос!

Среди зрителей выскакивает мальчик.

Мальчик. Я!

Петя. Портос!

Подымается второй мальчик (по комплекции соответствующий роли Портоса).

Второй мальчик. Я!

Петя. Арамис!

Встает третий мальчик (интеллигентной наружности).

Третий мальчик. Я!

Втроем они взбегают на сцену.

Петя *(старым мушкетерам)*. Вот! У нас будут новые приключения! А вы свой роман дочитали, отыграли, закончили! Допивайте кефир...

Мальчишки поднимают с пола брошенные гвардейцами шпаги. Петя бесцеремонно сдергивает со старых мушкетеров шляпы и надевает их на новых друзей.

Портос. Ах ты птенец ошципанный!

Атос *(со снисходительной усмешкой)*. Подождите, мой друг. Любопытно посмотреть, что будет дальше.

Арамис. Пусть молодежь порезвится. Когда-то мы тоже были такими.

Они салютуют мальчишкам и вновь устраиваются за столом. Берут кружки.

Юный Атос. Ну, а нам-то теперь куда?

Петя. Конечно, в Лувр! Там-то все и начнется!

4

Темное захлавленное помещение. Всюду остатки старинной мебели, рыцарские латы и паутина. Сквозь этот хлам пробираются Петя и его трое друзей — юные мушкетеры.

Петя. Елки-палки, куда это нас занесло?

Юный Атос. Клянусь моей бабушкой, графиней де ла Фер, это мало похоже на королевские покои.

Юный Арамис. Видит Создатель, я не хотел лишних неприятностей. Но, кажется, они начинаются...

Юный Портос. Предлагаю двигаться напролом. Здесь мне надоело, и очень хочется кушать...

Петя. Напролом нельзя, нас могут обнаружить... Эй, кто там?

Юный Атос. Выходите, сударь! И если вы честный противник, обнажайте вашу шпагу!

Нерешительный голос. Но, господа, у меня пока нету шпаги...

Появляется мальчик в пестром наряде и в колпаке с бубенчиками. Робко поднимает руки.

Юный Портос. Это что за чучело?

Мальчик. С вашего позволения, господа, я не чучело, а дворцовый шут... А вы кто?

Юный Портос. Не твое дело. Отвечай прямо: ты за короля или за кардинала?

Шут. Как же я могу быть за кардинала, если я шут его величества юного короля! Мы с ним, можно сказать, приятели. Он послал меня сюда поискать пробки от старых графинов. Его величество их кол-лек-ци-о-нирует...

Петя. Ладно, не бойся...

Шут *(опускает руки)*. Я и не боюсь. На вас шляпы мушкетеров, значит, вы наши союзники.

Юный Атос. Конечно, союзники. Только мы тут пока новички. Скажи, где это мы оказались?

Шут. Да это же дворцовый чердак!.. Тут в полу есть дырка. Если поглядеть, можно увидеть королевские комнаты... Вот!

Все сдвигаются шляпами над дыркой.

Петя. Ух ты... какая старина!

Шут. Это кабинет его величества...

Юный Арамис. А что это за мальчик там, на полу? С молотком.

Шут. Это и есть Людовик Четырнадцатый.

Петя. Но ведь в книге «Три мушкетера» Людовик-то еще Тринадцатый!

Шут. Вас занесло чуть позже. Наверно, в «Двадцать лет спустя»...

Ю н ы й А р а м и с. Выходит, тот господин в красной сутане — кардинал Мазарини?

Ш у т. Да нет же! Это кардинал Ришелье!

Ю н ы й А р а м и с. Но ведь история говорит, что при Людовике Четырнадцатом был уже Мазарини!

Ш у т. Здесь у нас своя история. Театрально-сказочная.

П е т я. Значит, та дама в короне — королева-мать?

Ш у т. Не мать, а мачеха! Родные мамы так с детьми не обращаются. Они с кардиналом совсем заели беднягу Людовика...

Все еще ниже склоняются над отверстием...

5

Королевский кабинет. Маленький король сидит на полу и колотит молотком по деревянному ящику. Королева и кардинал играют в карты.

К а р д и н а л (*королеве*). Ваше величество, осмелюсь заметить, я выиграл. У меня туз и два короля...

К о р о л е в а. Людовик, перестаньте стучать! Я не могу сосредоточиться!

К о р о л ь. Я сколачиваю новый ящик для своей коллекции.

К о р о л е в а. А я из-за вашего стука проиграла три луидора!

К о р о л ь. Казна не обеднеет...

К о р о л е в а. Несносный ребенок...

К о р о л ь. Я не ребенок, а повелитель Франции!

К о р о л е в а. А я повелительница! И Франции, и ваша! Давно не попадало?

К а р д и н а л. Ваше величество! Людовик! Не огорчайте королеву.

Король с досадой плюет и уходит в другой конец комнаты. Там в деревянной раме с подставками развешана на нитках дюжина блестящих пробок от графинов. Людовик рукояткой молотка неторопливо ударяет по ним, вызванивает печальную мелодию.

К о р о л е в а. Это невыносимо! То стук, то звон стекляшек!

К о р о л ь. Это не стекляшки, а мои хрустальные подвески!

К о р о л е в а. Я велю их выбросить на свалку.

К о р о л ь. Что-о?!

К а р д и н а л. Ваши королевские величества, не ссорьтесь. Франции перед лицом английской угрозы как никогда необходимо единство и спокойствие... Людовик, подойдите ко мне.

К о р о л ь (*неохотно приближаясь к кардиналу*). Ну, чего надо?

К а р д и н а л (*трогает галстук короля*). Поправьте бантик... Вот вам конфетка. «Королевский мишка на севере». Будьте умным мальчиком.

К о р о л ь. Кушайте сами этого мишку. Может быть, тоже поумнеете.

К о р о л е в а. Как ты разговариваешь с его высокопреосвященством! (*Вскакивает, хватает Людовика за шиворот и лупит веером.*) Марш в угол, негодник!

Она отводит маленького короля в угол с большой вывеской:

Педагогический
УГОЛ
для Его Королевского
Величества

К о р о л ь. Не имеете права! Есть декларация о защите детей!

К о р о л е в а. Я тебе покажу декларацию! Будешь стоять здесь до самой ночи! И никаких игрушек, никакого телевизора!

К о р о л ь. Был бы жив мой папа Людовик Тринадцатый, он бы вам показал...

К о р о л е в а. Я — не папа. Он тебя распустил, а у меня рука крепкая... Стой и молчи, хулиган!.. Пойдемте, ваше высокопреосвященство. Пусть этот протестант подумает над своим поведением в полном одиночестве.

Кардинал и королева удаляются. Людовик с полминуты прислушивается, потом уходит из угла. Бродит по комнате, опять звенит «подвесками» и поет песенку:

Что за жизнь у короля!
То нельзя и это!
Держат взрослые меня
В рамках этикета.

Поглядишь или шагнешь
Вправо или влево —
Сразу веером меня
Лупит королева.

А проклятый кардинал
(Гвоздь ему в печенку)
Рядит в бантики меня,
Словно я девчонка.

Мяч футбольный отобрал
И унес в кладовку...

Я, наверно, объявлю
Скоро голодовку.

Каши манной — ни глотка,
Чаю — ни стакана!
Даже мультики смотреть
Вечером не стану...

Только им, наверно, всем
Наплевать на это.
Видно, вздумал кардинал
Сжить меня со света.

Если вырасту большой,
Укреплюсь на троне,
Вот пускай меня тогда
Кто-нибудь затронет!

Кардиналу дам пинок,
Да такой хороший,
Что забудет на бегу
Юбку и калоши.

Но боюсь до той поры
Тихо помереть я.
Дотянуть скорей бы до
Совершеннолетия...

Людовик садится в кресло и грустно задумывается. Из-за спинки кресла появляется шут.

Шут. Что грустите, ваше величество? Опять поругались с кардиналом?

Король. Эта змея в юбке меня уморит... А королева тоже хороша! Дерется веером. И чуть чего — в угол...

Шут. Она пляшет под дудку кардинала...

Король. Вот именно!.. Вся страна пляшет под его дудку...

Шут. Переведи его из кардиналов в дворцовые подметальщики!

Король. Мачеха не разрешит...

Шут. Ты король или теленок? Когда ты станешь мужчиной?

Король. А как им стать?

Шут. Ну... прежде всего надо уметь держать в руках шпагу!

Король. Кардинал мне ее не дает. Говорит, что еще маленький.

Шут. Он тебе ее до сорока лет не даст... Пойдем, у меня припрятаны две рапиры.

Король. Ты разве умеешь фехтовать?

Шут. А ты думаешь, я всю жизнь собираюсь быть шутом? Я готовлюсь в мушкетеры!

Уводит короля.

Появляются кардинал и королева.

Королева. Вот видите! Я же говорила: он сбежит!

Кардинал. Будьте снисходительны, ваше величество. Он еще ребенок.

Королева. Этот ребенок скоро вырастет. Тогда мне придется потесниться на троне. Да и вашей власти придет конец.

Кардинал. Вы, как всегда, правы, мадам...

Появляется граф Рошфор.

Рошфор (*громким шепотом*). Ваше высокопреосвященство. Говорят, в Париже появился некий д'Артаньян...

Кардинал (*берется за голову*). Этого мне еще не хватало! Теперь начнется чехарда! Прямо как у Дюма... Извините, ваше величество, государственные дела...

Кардинал и Рошфор уходят. Королева утомленно опускается в кресло.

6

В одном из пустынных помещений Лувра (или просто перед занавесом) шут учит Людовика премудростям фехтования.

Шут. Держи рапиру... Да не так, крепче. Это оружие, а не цветочек «анютины глазки»... Встань в боевую стойку. Ноги согни, левую руку назад... Клинок вот так, на уровне груди... Теперь защищайся...

Король неумело отмахивается, потом съезживается и закрывается руками.

Король. Ай...

Шут. Ну что ты за размазня... Встань как следует! К бою! Нападай!

Король. Я не умею...

Шут. А ты представь, что я — кардинал!

Король. Да?.. (*На несколько секунд задумывается.*) Кардинал?! Ну, ладно! Получай!.. Ура-а!

Неумело, но яростно Людовик набрасывается на шута, опрокидывает его, замахивается.

Шут. Стой! С ума сошел! Во как вдохновился!.. Надо драться по правилам... Ой, тихо...

Король. Что?

Шут. Сюда кто-то идет.

Король. Наверно, мачеха...

Они прячутся в складках занавеса. Медленно проходит закутанная в плащ фигура. Король и шут высовывают головы.

Король. Привидение...

Шут. Сам ты привидение! Это герцог Бэкингем. Опять пробрался во Францию...

Король. Бежим! Надо его опередить!

Шут. Да тебе-то какое дело? Он на свидание к королеве идет.

Король. Больно нужна ему королева! Он стащит мои хрустальные подвески! У него такое хобби: он, как и я, собирает пробки от графинов! Всюду их крадет, лучшую в Европе коллекцию собрал!

Король и шут убегают.

7

Кабинет короля. Королева в кресле. В развешиваемом плаще вбегает Бэкингем. Падает перед королевой на колени.

Бэкингем. Ваше величество! Моя несравненная королева! Я снова у ваших ног!

Королева. Ах, герцог! Как вы рискуете! Во Франции у вас полно врагов!

Бэкингем. Я тысячу раз готов рисковать головой ради моей любви к вам!.. (Стреляет глазами в сторону подвесков.)

Королева. Умоляю вас, уходите. Если нас увидят вместе, будет международный скандал.

Бэкингем. Я не смею перечить вам, я уйду. Но принесите мне что-нибудь на память. Хотя бы пробку от флакона с вашими духами!

Королева. Ах, герцог, вы неисправимы! Хорошо, ждите здесь.

Она уходит. Герцог поднимается, воровато оглядывается. Достает из-под плаща портновские ножницы. На цыпочках подходит к раме с пробками. Щелк, щелк — подвески падают в подставленную шляпу. Герцог нахлобучивает ее и, радостно пританцовывая, покидает дворец.

Убегают Людовик и шут.

Король (подскочив к раме). Так и есть! Стащил!

Он падает в кресло, утыкается лицом в спинку.

Шут. Перестань! Надо не реветь, а что-то делать!

Король (вскакивает). Правильно! В погоню!

Шут. Какая погоня! Тебя сразу хватятся! Опять влетит от королевы!

Король. Как же быть?

Шут. Известное дело, как! В Париже появился д'Артаньян и его друзья!

Король. Ну и что?

Шут. Что-что! Книжки надо читать! На мушкетеров вся надежда!

Король. Правильно! Разуши их скорее и веди сюда!

С шумом возникают Петя и юные мушкетеры, кланяются, размахивая шляпами.

Петя. Ваше величество, нас не надо искать и звать. Мы всегда рядом с теми, кто оказался в беде!

Шут. Послушайте, ребята! Герцог Бэкингем стащил у его величества музыкальные подвески! Одна была радость у ребенка, да и той лишили...

Юный Портос. Хм, странное дело. Разве подвески принадлежат не королеве?

Петя. Да, в романе написано, что...

Шут. Мало ли что там написано! Это подвески короля!

Король. Да, они мои!

Юный Атос. Тем более! Не будем медлить!

Юный Арамис. В Лондон, господа!

Юные мушкетеры отвешивают королю поклон и без лишних слов исчезают.

Шут (потирая ладони). Ну, зададут они Бэкингему! Считай, что подвески у тебя в кармане!

В дверь заглядывает Рошфор.

Рошфор. Вы так думаете, господа? Ну-ну, посмотрим...

Король. Иди отсюда, кардинальская крыса!

Он замахивается на Рошфора рапирой. Тот скрывается за дверью. Король и шут бросаются за ним. Входит королева.

Королева. Вот и вся любовь! Не дождался даже моего подарка, прихватил пробки Людовика и был таков! А я когда-то так ему верила! О, герцог! Мое разбитое сердце не простит вам измены!

В сердцах она швыряет пробку от духов (*как бы вслед Бэкингема*). Входит кардинал.

Кардинал. Ваше величество, вы чем-то удручены?

Королева. Вы, ваше высокопреосвященство, тоже, по-моему, весьма озабочены.

Кардинал. Государственные заботы, мадам. Англия опять грозит высадить войска. Это происки коварного Бэкингема.

Королева. Не тревожьтесь, не будет он высаживать войска. Он и так получил от Франции то, что хотел...

Кардинал. Что именно? Вашу благосклонность, мадам?

Королева. Не сыпьте соль на раны моего сердца, кардинал...

Кардинал. Простите, ваше величество... Оставим политику, это скучная тема... А что, не устроить ли нам во дворце бал? Мы давно уже не развлекались. Повеселимся, потанцуем. А? (*Он галантно подходит к королеве, подает руку.*)

Королева. Да! Бал — это великолепно. Он заставит меня позабыть огорчения.

Звучит музыка старинного танца. Кардинал и королева танцуют под песню-диалог.

Кардинал.

Давайте станцуем.
Шаг вправо, шаг влево —
Старинный прием «па-де-де»...
Осмелюсь заметить,
Моя королева,
Вы движетесь прямо к беде...

Королева.

Но где же беда?
Я не вижу проблемы...

Кардинал.

Проблема острее ножа:
Поверьте, мадам,
Что любовь Бэкингема
Вредит вам в глазах парижан.

Королева.

Увы, я была с ним
Наивной и робкой,
А он притворяться умел.
Но нынче я вижу:
Стеклянные пробки
Одни у него на уме.

Теперь от обид
И желания мести
В груди закипает слеза!
И как отомстить,
Мы подумаем вместе...

Кардинал.

Вы лете мне в душу бальзам!
Немедля я в Лондон
Отправлю агента,
И будет наш враг обречен.
Запляшет от страха
Злодей Бэкингом там
И сразу поймет, что почем...

Вдвоем.

Запляшет от страха
Злодей Бэкингом там
И сразу поймет, что почем!

Кардинал. Ваше величество, я займусь этим делом сию минуту... Рошфор!

Входит граф Рошфор.

Рошфор. Я весь внимание, монсеньер.

Кардинал. Доставьте сюда лучшего агента нашей секретной службы.

Рошфор. Слушаю, монсеньер. Он всегда у меня под боком... (*Хлопает в ладоши.*)

Появляется усатый детина в шляпе и ботфортах.

Рошфор. Вот, монсеньер! Лучший в Европе шпион, притворщик и подслушиватель. Прекрасный стрелок и фехтовальщик. Супермен!

Кардинал. Великолепно! (*Осматривает шпиона.*) Будете работать под кличкой Миледи.

Агент. Ваше высокопреосвященство! Но я же не дама! Я... наоборот. Существо совсем иного рода!

Кардинал. Неважно. Будете миледи! Так написано у Дюма.

Он ловко отрывает у шпиона усы.

Агент. Ай! Что вы делаете, монсеньер!

Кардинал. Этого требуют интересы высшей политики... Рошфор, платье!

Рошфор делает знак. Появляются два паж с пышным платьем и дамской шляпой. Они с помощью Рошфора обряжают оторопевшего агента в женский наряд.

Королева (*со знанием дела*). Вот здесь поправьте складочку. И воротник... По-моему, очень мило...

Кардинал. Слушайте и запоминайте, Миледи. Бэкингом похитил королевские подвески — это раз. В погоню за ним отправились д'Артаньян и три его сообщника. Это два... Ваша задача...

Агент (*щелкает под платьем каблуками*). Доставить подвески обратно!

Кардинал. Главное, чтобы они не достались мушкетерам! Д'Артаньян, Атос, Портос и Арамис должны потерпеть поражение в этой операции!

Королева. Иначе король увидит в них поддержку и станет уверенней. А нас отправит на пенсию.

Кардинал. А то и в Бастилию.

Агент. А что прикажете делать с Бэкингом?

Кардинал. Все, что угодно. Лишь бы нехорошее.

Королева. Спешите, любезная Миледи!

Кардинал. Вы должны спасти нас и Францию!

Агент вытягивается, берет под козырек. Потом спохватывается и делает книксен.

8

В окрестностях Лувра (или перед занавесом). Вбегают король и шут. С рапирами.

Шут. Давай тренироваться, Людовик. У тебя уже неплохо получается.

Они становятся в боевую стойку, делают несколько выпадов и защит. Людовик опускает клинок.

Король. Нет, не хочется... Ничего в голову не идет, все время думаю про мушкетеров. Четвертые сутки про них ни слуху ни духу...

Шут. Я уверен, что все у них будет в порядке.

Король. Уверен, уверен... А у меня кусок в горло не лезет... А королева сейчас опять закричит, что пора обедать.

Голос королевы. Ваше величество! Людо-овик! Пора к столу!

Король. Я же говорил.

Шут. Иди. А то снова будет скандал. А я погуляю вокруг, может быть, что-то узнаю...

Они расходятся в разные стороны. Появляется агент Миледи, измученный и потрепанный. Садится на садовую скамью, достает портативную рацию.

Агент. Говорит тринадцатый... Говорит тринадцатый... Вызываю второго. Вызываю второго. Миледи — Рошфору... Алло, алло, это вы, ваше сиятельство? Говорит Миледи... К сожалению, похвастаться нечем, ваше сиятельство. Герцога Бэкингема отравить не удалось... Что?.. Потому что он отравился сам. Паштетом из лягушек. Нет, к сожалению, не насмерть, лежит в королевской больнице. Туда к нему не проникнуть, охрана в три кольца... Д'Артаньяна взять тоже не удалось. Он захватил подвески и скрылся. И те трое тоже как в воду канули... Что? Не канули? Попались? Чудесно... Как это нет моей заслуги? А кто шел за нами по пятам трое суток?! Да еще в этом дурацком платье!.. Как это лишите премиальных! Я буду жаловаться... Что? Тьфу! (*Миледи отключает рацию и пригорюнивается.*) Вот и работай на них. Никакой благодарности. Скорее бы на пенсию... Что такое? (*Он прислушивается.*) Кого это сюда несет? Все, хватит ныть! Агент Миледи, за работу! Может быть, на этот раз повезет...

Агент задирает платье, выхватывает из сапога длинный кремневый пистолет, взводит курок и прячется за скамью. Хромая, выходит Петя. В порванной рубашке, с перевязанным коленом, с поломанными и поредшими перьями на шляпе. Опускается на скамейку.

Петя. Ну, дело почти сделано. Остается проникнуть во дворец. А где тут самый безопасный проход, шут его знает...

Шут (*появляясь рядом*). Правильно! Я знаю! Идем! Подвески-то раздобыл?

Петя встряхивает тряпичным узелком, раздается стеклянный звон.

Петя. Вот они! Пришлось поработать руками, ногами, шпагой и головой! Бэкингом нипочем не хотел их отдавать. Я был вынужден засунуть его головой в миску с паштетом.

Шут. А где же три ваших друга?

Петя. Понятия не имею! Они отстали в пути, один за другим. На дорогах были сплошные засады и ловушки. Но ребята обязательно вырвутся! Ведь они же мушкетеры!

Шут. Правильно! Идем к Людовику!

Петя. Хорошо... Нет! Возьми подвески и неси их к королю

сам. Передай с приветом от д'Артаньяна. А я поищу ребят. Может быть, они где-то здесь, недалеко!

Ш у т. Ладно! (*Убегает.*)

Петя оглядывается по сторонам. Из-за скамьи встает агент Миледи с пистолетом.

А г е н т. Руки вверх! Ваша игра закончена, господин д'Артаньян!

П е т я. Это еще что за фигура?

А г е н т. Я не фигура, а секретный агент номер тринадцать! Стой, или буду стрелять!

П е т я. Стреляй, чучело! (*Пригибается.*)

Миледи стреляет, с Пети слетает шляпа. Он выхватывает шпагу. Подскакивает, приставляет клинок к груди противника.

П е т я. А-а! Теперь я знаю, кто мне на пути строил всякие козни! Вы — Миледи! В книжке написано, что в конце концов вам отрубили голову!

А г е н т. Нет! Это нельзя! Там неправильно написано! Не имеете права!

П е т я. Да, там какая-то ошибка. Сказано, что Миледи была красавица, а здесь вон какая карга!

А г е н т. Я не карга! Я карг... то есть я — он! А не она... То есть существо иного пола...

П е т я. А! Так ты мужчина! Тем лучше! Защищайся! У тебя под юбкой наверняка есть шпага!

А г е н т. Ну... вообще-то есть... Одну минуточку... (*Неохотно вынимает из-под платья шпагу.*) Но, может быть, мы договоримся по-хорошему?

П е т я. Да ты еще и трус! А ну, к бою! (*Он становится в позицию. Миледи тоже — кое-как.*)

Некоторое время идет бой, но не долго. Петя выбивает у противника шпагу.

А г е н т. Пойдите, пойдите! Так нельзя! Я же в платье, значит в данном случае я в некоторой степени дама! А дам нельзя тыкать шпагой!

П е т я. Это не имеет значения. Мертвому телу все равно, дама оно или господин. Вот сейчас приколю тебя к какому-нибудь дереву, будешь знать...

А г е н т. Подождите... Ай! Не надо... (*Молитвенно складывает руки и начинает прочувствованно петь:*)

Не надо! Простите! Я больше не буду...
Поверьте, я был славным малым!
За то, что связался со злым кардиналом,
Я сам проклинаю судьбу.

Я спорил, но мне приказали: «Молчи!
Стань смиренно и слушай задание!»
Подумайте сами: деваться куда мне,
Коль рядом сопял палачи?

И весь дребезжал я при виде их морд,
Как мелкий бубенчик из меди.
Велят — и как миленький станешь миледи,
Хотя по натуре — милорд.

Я мягок душою, имейте в виду,
И вовсе не рвался в шпионы.
Я в детстве мечтал разводить шампиньоны
В уютном и тихом саду...

Петя снисходительно выслушивает эту музыкальную исповедь.

П е т я. Ладно, убирайся отсюда... Постой! Говори честно! Не знаешь ли, где мои друзья?

А г е н т. Конечно, знаю! Смотрите, сударь, вон там между деревьями тропинка! Ступайте по ней...

Петя оборачивается. Коварный Миледи выхватывает из-под платья большой мешок и вмиг накидывает на мальчишку. Хватает добычу подмышку и тащит прочь. С Пети слетает сапог. Несколько секунд сцена пуста, затем с разных сторон вбегают король и шут.

К о р о л ь. Еле вырвался из-за стола! Там парадный обед с голландскими послами. Такая скучища...

Ш у т. Людовик, смотри! Вот! Д'Артаньян вернулся! Просил передать подвески вместе с приветом!

К о р о л ь (*берет и отбрасывает звенящий узелок*). Да зачем мне эти стекляшки! Мне нужны друзья! Где д'Артаньян? Где Атос, Портос, Арамис?

Ш у т. Не знаю... Ой! Смотри, это сапог д'Артаньяна! Здесь что-то случилось!

К о р о л ь (*поднимает сапог*). Да... Кажется, пришла пора и нам братья за оружие...

Кабинет кардинала Ришелье. Кардинал и Петя играют в шахматы. Петя в одном сапоге и без шляпы, но чувствует себя довольно уверенно.

Петя. Вам шах, монсеньер!

После этих слов он подпрыгивает и бесцеремонно садится на стол.

Кардинал. Вы, молодой человек, вели бы себя поприличнее...

Петя. С какой стати?

Кардинал. Хотя бы с такой, что вы мой пленник!

Петя. Это ненадолго! Скоро сюда явятся мои друзья, тогда посмотрим.

Кардинал. Вы уверены, что они здесь появятся?

Петя. Мушкетеры не бросают друзей в беде. Они будут здесь до полуночи.

Кардинал. Ну-ну... Заключим пари?

Петя. О чем?

Кардинал. Если ваши друзья придут вам на помощь, я ухажу на пенсию. А если нет...

Петя. То что же?

Кардинал. Тогда я познакомлю вас с этим господином...

Ришелье дергает шнур, отодвигается портьера. За ней в нише стоит палач в черном костюме и капюшоне, опирается топором на плаху. Он насмешливо кланяется, приподнимает топор и проводит пальцем по лезвию. Лезвие издает ноющий звук. Петя делает вид, что ничуть не испуган.

Петя. Этот господин останется без работы. А вы готовьте пенсионные документы... Вам шах, кардинал!

Кардинал. А вам мат, мой мальчик!

Петя (*увидев, что проиграл, чешет в затылке*). Сыграем еще раз?

Кардинал. Увы! Ваша дальнейшая игра — с ним. (*Указывает на палача.*)

Петя. Но ведь полночь еще не наступила!

Кардинал. Это неважно. Ваши друзья уже здесь!

Он снова дергает за шнур, открывается еще одна ниша. В ней — юные Атос, Портос и Арамис. Руки и ноги у них скованы, рты завязаны. Ребята пытаются освободиться, но безуспешно.

Петя. Не бойтесь, ребята! Я позову на помощь зрителей!

Кардинал. Поздно, голубчик! Уже ночь, зрители спят, спектакль для них давно закончился. Зал пуст... (*Он делает широкий*

жест, камера показывает пустые ряды зрительного зала.) Все залы пусты! Во всей Европе! Вы никого не дозоветесь...

Кардинал поднимается из-за стола и начинает петь. Сначала со злобщей патетикой, но постепенно переходит на более «бытовой» тон. Петя вступает с ним в песенный диалог.

Кардинал.

Ночь крадется, охотничью злость затая,
Словно черная кошка за мышкой.

Это ваша последняя ночь, д'Артаньян,
Вам и вашим друзьям нынче крышка...
(*Зевает и кашляет.*)

Ну, а я от простуды приму стрептоцид
И скорее в постель — баю-баю...

Петя.

Монсеньер, я не верю в плохие концы,
В детских сказках таких не бывает.

Кардинал.

Это страшная сказка, в ней стоны и плач
Замыкают цепочку сюжета.
И последнюю точку в ней ставит палач,
Я, мой друг, гарантирую это.

Вас сейчас аккуратно лишат головы,
Не успеете дрыгнуть ногами...

Петя.

Я, конечно, боюсь. Но, по-моему, вы
Больше сами себя напугали.

Кардинал.

Да, я жуткие сцены не в силах терпеть.
В горле даже застряли куплеты.
(*Опять кашляет.*)

Петя.

И поэтому вам больше незачем петь —
Все равно ваша песенка спета.

Кардинал (*уязвленно*). Почему это моя песенка спета? Это ваша спета! (*Палачу.*) Маэстро, займитесь этим господином!

Петя. Да как же он займется? Посмотрите, у него колени дрожат! Он сейчас лужу напустит.

Кардинал. Что за глупости! Эй, сударь, ну-ка за работу!

Палач. Ваше высокопреосвященство, я не могу. *(Стаскивает капюшон, оглядывается, озабоченно скребет в затылке.)*

Кардинал. Как это не можете? Это саботаж!

Палач. Монсеньер, в меня кто-то целится! Сквозь щель в кирпичках...

Кардинал. Какая чушь! Как вы можете это чувствовать?

Палач. У нас, у палачей, кожа весьма чувствительная. Мы любим сдирать шкуру с других, а свою очень бережем... Ай!

От сильного пинка сзади палач вылетает на середину кабинета. Сквозь пролом в кирпичках шагает король с рапирой и большим пистолетом.

За ним — шут, тоже с рапирой. И с сапогом д'Артаньяна.

Король. Руки вверх!

Кардинал вскидывает руки и топчется на месте. Петя и шут развязывают юных мушкетеров. Король рукоятью пистолета разбивает их цепи. Ребята вскакивают. Палач ускользает в проем.

Кардинал. Перестаньте безобразничать!.. На помощь! Гвардейцы!

В этот момент из разных углов появляются старые мушкетеры.

Арамис. Не стоит звать гвардейцев, монсеньер, они помещают нашей беседе...

Атос. К тому же они сейчас... так сказать, отдыхают. Вместе с господином Рошфором и Миледи.

Портос. Для удобства уложены в штабель...

Король и Петя. Ура!

Кардинал. Караул! Убивают!

Атос. Никто вас не убивает, монсеньер. Но подписать заявление об уходе придется.

Король. Ну что? Подпишите?

Кардинал *(склоняется над столом и хватается перо)*. Да пожалуйста! Подумаешь! Больно мне нужна эта должность! Зарплата — кот наплакал, а неприятностей выше головы. *(Кидает подпписанный лист и удаляется с поднятой головой.)*

Портос. Ну что, птенчики? Убедились, что старая мушкетерская гвардия еще годится для боевых дел?

Петя. Да-а... Без вас нам пришлось бы трудно, если бы сейчас налетели гвардейцы.

Юный Атос. Но мы все равно держались бы до конца!

Атос. Держаться до конца — дело хорошее...

Арамис. Но еще лучше, когда и сам конец хороший. Вроде того, что сейчас.

Портос. Я думаю, что в мушкетеры их записать все-таки можно. Уговорим капитана де Тревиля.

Петя *(со вздохом)*. Нет, нам пора домой. В наше время...

Юный Портос. Дома, наверно, уже переполох. Ох и влетит...

Атос. Ничего, друзья. Мушкетером можно быть в любом веке.

Юный Арамис. А как мы попадем домой? Петька, где твоя машина времени? Потерялась?

Шут. Она не потерялась! Кардинал спрятал ее на чердаке!

Король. Бегим скорее!..

Петя торопливо натягивает второй сапог.

10

Дворцовый чердак. Появляется шут, за ним Петя, король и юные мушкетеры.

Шут. Разгребайте эту рухлядь!..

Петя. Вот она, моя лошадка!

Юный Арамис. Боюсь, что все мы на ней не поместимся.

Юный Атос. Надо построить машину попросторнее!

Юный Портос. Давайте!

Из старого сундука, поломанных стульев и прочих подходящих вещей ребята сооружают что-то вроде экипажа. Сверху приспособливают трость с лошадиной головой и циферблатом. Она еле держится.

Юный Атос. Подождите, я зажим сделаю... Гайка нужна, чтобы закрепить...

Король. Вот здесь, на полу гайка! Она держит люстру в кардинальском кабинете! Отвинчивайте!

Сообща они откручивают гайку. В глубине, под сценой, раздаются грохот, звон и вопли. Король заглядывает в отверстие.

Король. Люстра, кажется, грохнулась на его высокопреосвященство!

Петя. Скорее...

Они прикручивают «лошадь» к «экипажу». Петя двигает на циферблате стрелку.

Петя (*шуту и королю*). Ну, прощайте, ребята... (*Юным мушкетерам*.) Садитесь...

Юные мушкетеры (*королю и шуту*). Пока, ребята... До свиданья... Главное, не пускайте обратно кардинала. (*Устраивают в сундуке. Петя тоже. Берется за рычаг.*)

Петя. Внимание. Даю отчет...

Король. Пойдите! А я? Мне, что ли, опять оставаться без вас?! (*Решительно лезет в сундук.*)

Юный Атос. А как же Франция будет без короля?

Король. Ничего! Пускай республика наступит пораньше!

Шут (*грустно*). Значит, уезжаешь, Людовик...

Король (*спохватывается*). Постой! А ты? Давай с нами!

Шут. Нет. Я все-таки хочу записаться в роту капитана де Тревиля... А главное то, что мама без меня будет скучать. Я ведь у нее один...

Король. Ну... тогда до свиданья. Еще увидимся!

Шут. Конечно! В следующем спектакле!

Все наперебой протягивают и жмут шуту руку. Петя стряхивает свои мушкетерские сапоги.

Петя. Возьми. Мне они там ни к чему, а тебе пригодятся.

Шут. Спасибо!

Петя. Приготовились! Пять... четыре... три... два... один... Старт!

Мигает свет, все грохочет и трясется. Когда наступает тишина, машина времени оказывается на месте, но ребят в ней нет.

Шут. Все. Укатили голубчики в двадцатый век...

Он вздыхает и натягивает сапоги. Потом прислушивается и, уловив чьи-то шаги, прячется. Входят охающий кардинал с перевязанной головой и королева.

Кардинал. Я так и знал! Удрали, негодяи...

Королева. Пусть... Без них спокойнее.

Кардинал. Бедная моя голова...

Королева. Сядьте, ваше высокопреосвященство... (*Помогает кардиналу сесть на край сундука. Присаживается рядом.*)

Кардинал. Осторожнее, ваше величество. Ничего здесь не трогайте...

Королева. Да-да... (*Рассеянно облакачивается на рычаг.*) Ай, что это?!

Снова миганье света и гул. Когда все успокаивается, машина на месте, а королевы и кардинала нет. К сундуку подходит шут. Озадаченно чешет под колпаком затылок.

Шут. Вот так штука! Кажется, вся история Франции полетела вверх тормашками... Ладно, пора в мушкетеры. Уж они-то куда не денутся.

11

Снова пустырь с забором. Вдоль забора движутся кардинал и королева.

Королева. Ах, я больше не могу. У меня кружится голова. Что это с нами случилось?

Кардинал. Обыкновенное путешествие сквозь пространство и время. Бывает иногда...

Королева.

Со мной это впервые...

О, ваше высокое

Преосвященство!

Куда это нас занесло?

Смотрите, совсем

Незнакомое место,

Кругом металлический лом...

Я чувствую: здесь

Незнакомые нравы

И век совершенно иной.

Кардинал.

Давайте станцуем.

Шаг влево, шаг вправо.

Спокойно, мадам, вы со мной.

Поверьте, нам будет

Здесь вовсе не плохо,

Не бойтесь сумы и тюрьмы.

Найдут себе дело

В любую эпоху

Такие особы, как мы.

Всегда королям,

Президентам, премьерам

Нужны кардиналы-друзья...

Королева.

Да, вы-то, конечно,
Вотрется в доверье
К любому монарху. А я?

Кардинал.

Быть может, для вас
Не найдется престола,
Но это совсем не беда.
Я знаю, что каждая
Средняя школа
Вас в завучи примет всегда.

Любовь у детей вы
Заслужите лаской,
Такая вам роль по плечу...

Королева.

Нет-нет, лучше крепкой
И длинной указкой
Я в деток любовь вколочу!

Кардинал. Ну, вот вы и пришли в себя. Узнаю прежнюю королеву. А теперь — вперед!хлопотать о паспортах и прописке.

Они удаляются. Вслед им смотрят Петя, Людовик и юные Атос, Портос и Арамис. Они только что появились на сцене.

Король. Вот это да! И здесь от них никуда не денешься...

Петя. Успели раньше нас!

Юный Портос. Просочились...

Юный Атос. Ладно, разберемся с ними и здесь...

Юный Арамис. Ой, а это еще кто такие?

Из-за забора выходит компания «ковбой». Впереди — тощий длинный предводитель в розовых ковбойских штанах и такой же куртке.

Предводитель. Ха, а вот и наш читатель — почитатель мушкетеров! Смотрите-ка, дружками обзавелся!

Король (*шепотом*). Это здешние гвардейцы кардинала?

Петя. Это мелкие лоботрясы...

Король. Будут драться?

Юный Атос. Не будут. Они храбрые впятером на одного. А сейчас пятеро на пятеро...

Первый ковбой (*с ноткой опасливого разочарования*). Смотрите-ка, не драпают. Осмелели...

Второй ковбой. Мушкете-еры...

Предводитель. На мокрых куриц они похожи, а не на мушкетеров.

Король. А ты похож на вымытого дождевого червяка!

Петя. Правильно! Я ему это еще в прошлый раз говорил!

Предводитель. Ла-адно! У меня «кольт» и шляпа «вестерн»! А у вас? Где ваши локоны, усы, шпаги и шпоры?

Юный Атос. Балда ты, а не ковбой. Что ты знаешь про мушкетеров! Ты песню про них слыхал?

Предводитель. Какую еще песню?

Петя. А такую... Группы «Новая машина времени!» (*Поет*):

Не нужны ни локоны до плеч,
Ни большая шляпа и ни шпоры —
Лишь бы мушкетер умел беречь
Боевое званье мушкетера.

Мушкетер известен не плащом
И не шпагой, острой, как иголка.
Мушкетеры могут быть хоть в чем:
В запыленных кедах и футболках.

Честь и смелость сами не придут,
Хоть надень оружие любое.
Ведь и «кольт» на кожаном заду
Сам собой не делает ковбоя.

Перья шляп и кружева — пустяк.
Главное: в бою назад — ни шага!..
А червяк — он все равно червяк,
Если даже он прямой, как шпага!

Юные мушкетеры и король (*подхватывают*):

А червяк — он все равно червяк,
Если даже он прямой, как шпага!

Предводитель. Подумаешь. Разорались тут... Айда, ребята, связываться неохота...

«Ковбои», стараясь сохранять достоинство, уходят. Петя, юные мушкетеры и Людовик подходят к рампе, поют хором:

Мушкетер известен не плащом
И не шпагой, острой, как иголка.
Мушкетеры могут быть хоть в чем:
В запыленных кедах и футболках.

Главное, чтоб все за одного,
И один за всех — везде и всюду.
И пока такой закон — живой,
Мушкетеры были, есть и будут!

КОНЕЦ

МАНЕКЕН ВАСЬКА

Киноповесть

Теперь трудно вспомнить, как появился в отряде «Каравелла» этот манекен (не глиняный, как говорится в сценарии, а из папье-маше). Кажется, кто-то из родителей или взрослых друзей отряда притащил эту списанную из магазина куклу — глядишь, пригодится. Не будь такого подарка, не было бы и фильма.

Сперва манекена (сразу названного Васькой) обрядили в форму барабанщика, поставили в углу кают-компания. Некоторые, входя в помещение, принимали Ваську за живого, обращались к нему со всякими вопросами. Это веселило остальных. Васька и правда был похож на настоящего мальчишку (сперва не было рук, но их быстро смастерили). Лицо его было не обычным лупоглазым лицом магазинной куклы, а выразительным и симпатичным. И кто-то сказал однажды темноволосому барабанщику Андрюшке:

— Смотри, он на тебя похож...

Тогда и появилась первая мысль о съемках. О фильме, в котором неживую куклу дружба и человеческое участие превращают в настоящего мальчишку. (Появилась, кстати, очень задолго до американского фильма «Искусственный интеллект», где усматривается похожая идея.)

Сняли «Манекена Ваську» в 1987 году. Это был последний фильм студии «Фига», снятый на киноплёнку. Затем, в силу разных технических сложностей, наступил перерыв в несколько лет, после которого студия перешла на работу с видеокамерами. Но это, как говорится, уже другая история.

Зрители единодушно говорили, что «Васька» — лучший из игровых фильмов отряда. Конечно, в нем, как в любом любительском фильме, снимавшемся в весьма кустарных условиях, немало технических огрехов. Зато исполнитель главной роли не подкачал. Все, кто смотрел, говорили, что Андрюшка сыграл превращение манекена в живого мальчишку, его непонимание человеческого зла, его печаль по маме великолепно.

Удачным оказался выбор исполнителя и второй главной роли — Дениса. Оба актера отдавались съемкам с энергией и самоотдачей.

Теперь фильм записан на много кассет, разошелся по разным ребячьим коллективам, по разным городам, его смотрят до сих пор. Кстати, идет он 48 минут.

Есть только одно огорчительное обстоятельство: через несколько лет после премьеры нашлись взрослые энтузиасты, которые решили переозвучить эту киноленту. В первом варианте некоторые эпизоды были сняты, как в немом кино, с титрами, это требовало особой специфики и выразительности. Когда убирают надписи и бездумно заменяют их звучащей речью... в общем, известно, куда благими намерениями вымощена дорога.

Но все же и в «модернизированном» виде «Манекен Васька» не оставляет зрителей равнодушными — даже в наше время, когда многое в жизни изменилось, нет уже советской школы... Впрочем, проблема «неживой материи, которая выдает себя за живую», актуальна и в наши дни.

Сценарий восстановлен по планам, отдельным наброскам и конспектам уже после съемок, с оглядкой на готовый фильм. Поэтому есть возможность точно отобразить все детали и назвать в начальных титрах главных исполнителей.

Андрей ЖДАХИН

и

Денис ЗАБОРОВ

*в лирико-педагогической,
сентиментально-драматической
и совершенно фантастической
киноленте*

МОНИКЕН ВАСЬКА

Разумеется, зрители, увидевшие название на экране, тут же обнаруживают ошибки в первом слове. И это в «педагогической киноленте!» Волею оператора неправильные буквы зачеркиваются, заменяются нужными. И так...

МАНЕКЕН ВАСЬКА

Был конец марта

Да, но несмотря на лужи, снега на дворе еще хватало. Приятели-шестиклассники после уроков играли в снежки на заднем дворе большого дома. Игра шла весело. Не только бросали друг друга липкими «гранатами». Кто-то пытался скатиться с мусорной кучи на бесколесном детском велосипеде. Кто-то развлекал-

ся с найденным фанерным ящиком. Кстати, из него получился прекрасный щит от снежков!

Даже вечно недовольная и подозрительная Машка поддавалась общему настроению, азартно обстреливала снежками одноклассников. В поисках места, где побольше снега для «снарядов», Машка отступила к талому сугробу, нагнулась, и...

Ее отчаянный вопль разнесся по двору.

Одноклассники бросились к верещавшей Машке, которая держалась за голову.

Из сугроба торчали чьи-то (кажется, ребячьи) ноги. Голые, но в узких черных башмаках. На одной подошве темнели непонятные цифры.

Мальчишки не столь склонны к панике, как девчонки. Денис почти сразу сообразил, в чем дело.

— Чего орешь? Ненормальная, что ли?

Мальчишки дружно взялись за ноги, пошумели, потянули... выдернули из сугроба нижнюю половину мальчишечьего манекена — одного из тех, кого принято выставлять в витринах магазинов с детской одеждой. Только на сей раз на этой части манекена одежды не было.

Машка плюнула и целомудренно ушла в сторону. Рома и Сережа между тем сообразили, что где-то должна быть и «вторая часть». Порылись в снежной куче и вытащили то, что искали.

Лицо манекена оказалось вполне симпатичным и по-мальчишечьи живым. Плохо только, что рук у найденыша не оказалось. И, конечно, холодно ему, бедняге, было без всякой одежды.

Части глиняного пацаненка стали соединять в одно целое. Верх сперва поставили задом наперед, потом поправили. (Все это под веселую песенку «В траве сидел кузнечик», которая, отражая общее настроение, сменила недавнюю бестолковую музыку «снежного боя».) Кто-то снял с себя куртку, в нее и обрядили манекена. Потому что хотя и глиняный, а все же мальчишка — можно сказать, товарищ.

Машка со сдержанным негодованием следила за действиями мальчишек. Потом потребовала:

— Да закопайте вы его обратно!

Мальчишка-манекен смотрел из-под капюшона испуганно и недоверчиво: неужели вы и вправду так поступите со мной?

Негодующие реплики вроде «Давай лучше тебя закопаем...» были Машке ответом. В результате короткого, шумного и не очень разборчивого обсуждения было решено:

— Надо взять его домой!

— А к кому?

— Ко мне, — сказал Денис.

И завернутого в куртку манекена Денис и его приятель Гошка понесли в дом.

— Держи! Годится?

Денис стоял на стремянке и с антресолей мебельной стенки швырял Гошке свою летнюю одежду. Гошка обрядил нижнюю часть манекена в аккуратные шортики, установил на ней половину, обряженную в футболку.

Затем Гошка пилил из части дюралевую лыжную палку, а Денис, сидя на полу, гнул из алюминиевой проволоки ладони с растопыренными пальцами.

— Ну вот, первая рука готова...

Тут же была готова и вторая. На алюминиевые ладони надели кожаные перчатки. Составленные из трубок руки штырями прикрепили к плечам. Манекен снисходительно (и с чуть хитроватым взглядом) терпел эти процедуры. Наконец на руки натянули рукава футболки. Манекен покачался на ногах. Ну, почти стоящий мальчишка.

Часы между тем показывали уже половину восьмого. Гошка, уе в куртке и шапке, помахал с порога:

— Ну ладно, я пошел. Пока...

— До завтра... — Денис поднял руку манекена и помахал ею Гошке. Потом поправил на своем подопечном футболку. Похлопал его по плечу. Набростил на него школьный пиджачок.

— Ну вот, теперь ты самый настоящий школьник. И зовут тебя... Васька!

Новоиспеченный школьник не возражал: ладно, мол, согласен на Ваську. Голова его была слегка опущена, взгляд оставался по-прежнему скромным, но хитроватым.

Пропикали часы. Денис стащил с Васьки пиджачок.

— Теперь пора ложиться спать... — И он устроил легонького негнушегося Ваську у стены, за своей диван-кроватью — там никто не увидит.

Уложив Ваську, сам Денис укладываться не собирался. Было еще рано, солнце только-только уходило за видневшиеся в окне многоэтажки. Денис опять сидел на полу и был занят важным делом — выстреливал стрелы для лука. Мама и папа Дениса в соседней комнате тоже не бездельничали. Мама за столом готовилась к лекции. Оторвавшись от конспектов, оглянулась на дверь.

— Денис! Ты когда сядешь за уроки?

Он сморщился от досады:

— Да сейчас уже...

Папа доставал из шкафа стопки книг и, кажется, не мог в них разобраться — недаром кандидат наук...

Денис между тем колотил молотком, налаживал наконечники.

Мама воззвала к папе:

— Сергей! Ну скажи ты ему наконец!..

— Денис! Тебе что мама сказала! — послушался папа.

— Ну иду, иду...

Пришлось оставить оружие и вытащить учебники.

— Опять эти уроки... — бубнил Денис, устраиваясь у стола. —

Надоело... Тоже мне родители...

И вдруг его осенило:

— Идея...

Денис выволок на свет Ваську. Снова обрядил в пиджачок. Усадил у стола. Не гнется, ну да ладно, со спины незаметно. Развернул перед Васькой книгу.

Мама заглянула в дверь.

— Занимаешься? — И на цыпочках отошла.

Васька старательно смотрел в учебник. Денис в углу за креслом строгаю новую стрелу...

Наконец часы показали одиннадцать вечера.

— Денис, пора спать! — спохватилась мама.

— Сейчас... — слышался непривычно покладистый ответ.

Денис заботливо уложил Ваську в свою постель. Выключил свет. Потом с книгой о Робин Гуде и фонариком снова устроился за креслом.

Васька, не закрывая глаз, лежал под одеялом и, судя по выражению лица, о чем-то думал.

Мама опять заглянула из передней в комнату. Лицо ее стало умиленным, она бесшумно закрыла дверь. Вернулась к столу, села против мужа.

— Представляешь? Уроки выучил и спать лег вовремя...

— Вот я и понял, что с манекеном им проще, чем со мной настоящим, — рассказывал следующим утром в классе ребятам Денис. За веселым тоном, кажется, прятал он печаль. Но прятал умело.

— А не заметят они подмены? — спросил рассудительный Андрей.

— Не-ет. Мои родители такие рассеянные. У мамы кандидатская диссертация, у папы докторская...

Пришел солнечный май...

Он и правда был солнечным и очень теплым. На бульваре гус-то цвели яблони. Шестиклассники шумной компанией двигались из школы. Некоторые были в школьной форме, а некоторые одеты совсем по-летнему, но даже им не давала покоя жара. Андрей изможденно плюхнулся на садовую скамейку.

— Уф... И в такой зной приходится еще уроки учить...

— Никакой живой человек этого не выдержит, — поддержал его Денис.

— Разве что такой, как твой глиняный Васька, — хмуро заметил Рома.

Дениса опять осенило:

— Ребята, мысль! А что, если в Ваську напихать всяких микросхем, фотоэлементов, транзисторов и...

Струдившись на скамье (кто на сиденье, кто на спинке), ребята начали шумно обсуждать детали.

— Ничего у вас не выйдет, — кисло махнула Машка, находящаяся в постоянной оппозиции к мальчишкам.

— Выйдет! — Сережа энергично показал ей нос.

— Надо Ваську немного очеловечить, — подвел итог Денис.

Машка, вильнув спиной, удалилась.

Ваську «очеловечивали». Причем не «немного», а всерьез. Денис долбил в его твердой спине гнезда для аппаратуры. Сережа тряс моторчик и налаживал в нем контакты. Гошка паял хитрую схему...

— Волосы настоящие ему приклеить надо бы, — вспомнил Сережа.

— Сейчас будут волосы! — Денис с ножницами встал перед зеркалом. К ногам стали падать его собственные прядки, которые изрядно отросли за весну и теперьгодились для хорошего дела.

Васькин бюст поставили на стол. Сережа стал мазать клеем натуральную, глиняную Васькину прическу, а Денис накладывал на нее свои срезанные локоны. Васька заметно хорошел. Его лицо обретало живую мимику. Он с любопытством водил глазами, следил за пальцами мальчишек. Его нижняя часть в это время лежала на диване, Гошка сверлил ручной дрелью Васькины коленные суставы, чтобы «придать гнучесть».

Васькина прическа наконец приняла вполне человеческий вид. Нормальный темноволосый мальчишка. И голова на шее те-

перь вертелась и наклонялась, как у живого. Денис оглянулся на Гошку.

— Что у тебя там?

— Да никак не сгибаются... — Гошка, положив себе на колени Васькины ноги, пытался согнуть их в суставах. — Помогите...

— Давай помогу, — шагнул к нему Сережа. Он и Гошка надели на Васькины щиколотки вдвоем. Раз! — согнулась одна нога. Раз! — вторая. И еще, и еще...

— А говоришь «не сгибаются», — Сережа устало выпрямился и неосторожно повернулся к дивану спиной. Бах! — научившаяся быть гибкой Васькина нога дала Сергею пинка. Такого, что он отлетел и растянулся на полу. Приподнялся на руках, помотал головой:

— Ну, Васька, ты даешь... — Впрочем, это без обиды, а даже с одобрением.

Васькина голова косилась со стола на пострадавшего с ухмылочкой. Да, с юмором пацан...

Сережа подошел, взял голову за подбородок, пригляделся.

— Чего-то здесь не хватает...

— Чего? — недоверчиво сказал Денис.

— Да! Слушай! Давай ему конопушки понаставим! — Сережа сперва потыкал Васькины подбородок и нос пальцем, потом обмакнул в краску кисточку. Но едва он поднес кисточку к Васькиной щеке, как тот сердито щелкнул зубами.

— Ай! — дернулся Сережа.

— А Васька не промах! — обрадовался Денис.

Гошка на диване хохотал. Васькины ноги у него под руками весело дрыгались...

...И принялись накачивать Ваську знаниями...

Гошка, оккупировав диван, громко читал Большую Энциклопедию:

— «В основных проявлениях внешней политики восемнадцатого века отчетливо прослеживаются три задачи, которые...» — ну, и так далее.

Денис держал на коленях магнитофон, в котором видны были вертящиеся катушки кассеты.

Васька, опустив руки и склонив голову, стоял с безучастным видом.

— Хватит, уже все готово... — Денис вытащил кассету с записанными «знаниями», начал заталкивать ее Ваське под футболку,

в приготовленное гнездо. Васька покачнулся, как твердая, негибающаяся кукла, едва не упал. Денис поймал его, поставил прямо.

А за экраном все это время звучала бодрая школьная песенка «Дважды два — четыре...», призванная символизировать преимущества советских учебных программ, которые годятся даже для манекенов...

Под эту же песенку следующим утром друзья повели Ваську в школу. В достаточной степени «очеловеченный» (внешне и, возможно, внутренне), Васька шагал в сопровождении троих одноклассников. Одетый в школьный костюм, он почти не отличался от других мальчишек. Правда, голова сидела на шее чересчур неподвижно, а походка была несколько «деревянной».

На обшарпанной классной доске был нарисован жизнерадостный кот и белела корявая надпись:

15 мая. Ура!

— Здравствуйте, ребята. Садитесь... — Это появилась в классе молодая и совсем не строгая учительница Марья Ивановна. Села к столу, сквозь очки стала смотреть в журнал. Не выучивший урока Андрей постарался отвлечь ее от раздумий «кого бы вызвать?».

— Марья Ивановна, Марья Ивановна! Смотрите! — Он энергично помог Ваське подняться за партой, похлопал по плечу. — У нас в классе новенький! Васька Найденов!

Учительница благосклонно присмотрелась к новичку. Кивнула. Андрею же сделала замечание:

— Не Васька, а Вася...

Андрей сложил руки на парте и принял облик самого дисциплинированного ученика. Это его, однако, не спасло.

— Иди-ка ты, голубчик, отвечать.

— Я! — Андрей всем своим видом показал, как удивлен нелогичностью такого предложения. — А может, лучше новичок?!

Поскольку новичок не спорил, не спорила и Марья Ивановна:

— Ну, давай.

Андрей снова помог Ваське выбраться из-за парты. Пока новичок с бесстрастным лицом шагал (все еще слегка кукольной походкой) к доске, шестиклассники похлопывали его по спине.

Васька взял мел.

— «А» плюс «бэ» плюс единица... — На доске стало выстраиваться длинное уравнение...

Поздно вечером, когда Денис мирно спал в своей постели, Васька, в шортах и футболке, выбрался из-за спинки диван-кровать. В привычной позе манекена (одна нога чуть согнута, голова — с легким наклоном к плечу) постоял над спящим Денисом. Задумчиво покачал головой, поразглядывал спящего, словно пытаясь понять: что же это за существо — «живой мальчик»? Подошел к шкафу, поскреб лохматый затылок, несколькими движениями (все еще слегка неуклюжими) снял с полки несколько книг. Переваливаясь, отправился в угол за шкафом, уселся, включил фонарик, открыл книгу...

Наступило утро, часы показали десять минут восьмого. Проснувшийся Денис быстро сел, сразу заглянул за диванную спинку. Что за фокус?

— Васька! Вася, ты где?.. Ого... — Он заметил торчащие из-за кресла ноги в дырявых пестрых носках. Подбежал. — Вася, пора вставать...

— М-м... — Васька, совершенно как настоящий шестиклассник, которому лень просыпаться и шагать на уроки, повернулся с боку на бок, прижал к груди маленькую подушку, закрыл лицо книгой.

— Хватит бездельничать, вставай давай! В школу надо!.. Ну что это такое... — Денис начал выгребать из-за кресла книги, прочитанные Васькой за ночь.

Васька не бездельничал.

Он поражал учителей своей эрудицией.

Да, он оказался замечательным учеником! На математике легко раздвигался с многоэтажными уравнениями, на русском лихо делал грамматический разбор, на истории рисовал схему Ледового побоища и при этом артистически изображал, как бились между собой русские витязи и крестоносцы (указка — будто меч). И все это под ту же песенку — «Дважды два — четыре», — которая как бы подчеркивала, что в знаниях ученика Найденова нет изъянов. Это же подчеркивали «пятерки», которые одна за другой появлялись в Васькином дневнике. А что такого! Учеба — дело совсем не хитрое. «Дважды два — четыре!..»

...Однажды на перемене, когда Денис в окружении ребят рисовал на доске старинных английских лучников, а Васька его консультировал, открылась (под довольно злоеющее аккорды) дверь класса и на пороге возникла строгая очкастая вожатая. (Не забывайте, что действие происходило еще в «пионерские» времена, в 1987 году.)

— Найденов!

— Да! — дисциплинированный отличник Вася повернулся и встал по стойке «смирно».

— После уроков зайди в пионерскую комнату. Мы будем принимать тебя в активисты...

На Васькином лице снова появилось почти забытое «кукольное» выражение. Он замигал.

Когда преисполненная своей значимостью вожатая удалилась, Васька робко спросил одноклассников:

— А активисты... это люди?

— Н-ну... — Денис неуверенно затеребил губу, зачесал в затылке. Но находчивый Андрей потрепал Дениса по плечу, а Ваське показал большой палец:

— Активисты — это во!..

*Пока Васька отдувался за всех,
одноклассники жили «полной жизнью».*

На экране возник фигурный щит с рыцарским орлом, а когда сместился, за ним открылась батальная панорама. На берегу широкого озера (а может быть, морского залива) два десятка мальчишек с деревянными мечами, щитами, копьями и луками вели битву, как во времена Ричарда Львиное Сердце.

Да, война была не менее впечатляющая, чем в настоящем Шервудском лесу!

Бой — то шеренгой на шеренгу, то рассыпается на отдельные поединки. Фехтование по всем правилам, которые, однако, не снижают энтузиазма. Сталкиваясь, гремят щиты, стук деревянных мячей озвучен настоящим железным звоном. А кроме того, разносятся боевые кличи и призывы, свистят стрелы... Вот лихой рыцарь в бейсболке с повернутым на затылок козырьком загнал и опрокинул в воду противника. Вот двое других загоняют в кусты нескольких копыеносцев. Вот свалка, в которой сквозь мелькание мечей не разглядеть — кто где? А вот... хитрая, постоянно шпионящая Машка пробралась от воды в густую траву под березой, «ведет наблюдение»...

Несколько лучников дружно пустили стрелы. Те ударили по щитам сражавшихся, не пробили...

Машка смотрела с многозначительно-ехидной улыбкой: вот вы чем занимаетесь вместо того, чтобы сидеть за учебниками в последние ответственные дни учебного года...

У штабеля бетонных плит, сложенного на берегу, закипела новая схватка. А Денис, игравший роль Робин Гуда (в шляпе с пе-

ром), стоял на плитах и с высоты подавал команды, взмахами меча дирижировал «музыкой битвы».

Коварный лучник противника выбрался из щели между лежащими в траве железными бочками, натянул тетиву... Стрела ударила Робин Гуда между лопаток. Денис согнул колени и картинно упал с плит в траву.

Бой стих. Тяжкая рана знаменитого воина примирила обе армии, скорбь их стала общей.

«Воины» принесли два тяжелых копья, положили их параллельно друг другу. Поперек копий уложили несколько мечей. На эти носилки и был помещен изнемогший от раны знаменитый разбойник. Во время этой процедуры Денис поглядывал весело и хитровато, но спохватывался и делал скорбную мину. (Ах какая грустная музыка звучала в это время за экраном!)

По узкой, вдающейся в залив косе соратники понесли носилки со своим предводителем на поляну. Шествие было продолжительным и печальным... Наконец носилки опустили в траву. Один из разбойников подал атаману лук и стрелу. Денис сел с горестным лицом.

— Где упадет эта стрела, там и похороните бедного Робин Гуда...

Стрела не упала. Она улетела неизвестно куда, и почти сразу послышался звон разбитого стекла. Наблюдавший за полетом стрелы часовой схватился за голову. Прятавшаяся в кустах Машка радостно запрыгала. Часовой засвистел в два пальца.

— Ой, ребята, что будет! — раздался пророческий вопль.

Вооруженная толпа ударилась в бега.

*Можно убежать от хозяйки разбитого стекла...
но от судьбы не убежишь.*

Словно олицетворение этой зловещей судьбы, на экране появились головы двух страховидных идиолов. Но... при смене ракурса стало понятно, что это всего лишь деревянные фигурки перед столиком у трюмо. Тем не менее грозная атмосфера не развеялась. Обещание неприятностей излучали родители Дениса. Стоя плечом к плечу, они смотрели на прибежавшего домой сына сокрушенно и грозно. Известие о стекле опередило его.

Мама размахивала отобранной стрелой.

— Ты посмотри, посмотри на него! Посмотри на этого «Робин Гуда»! Когда же кончится это мученье? То двойки приносит, то стекла бьет!

Денис в надвинутой на глаза шляпе ошетиненно и беспомощно

но смотрел от двери. Чувал заранее: на сей раз от неприятностей не уйти, сейчас начнутся.

И начались! Мама взяла его за шиворот, дала шлепка, толчком отправила в комнату — он по инерции бухнулся в кресло.

— Ну чего! Чё я такого сделал!..

Из-под шляпы он опасно глядел из кресла: всё уже или будет что-то еще? Оказалось, что это лишь цветочки. Мама перенесла негодование на папу:

— Когда ты наконец займешься его воспитанием?! Сколько это может продолжаться?!

— Но, дорогая, ты ведь тоже занимаешься его воспитанием, — слабо отбивался папа, перепуганный не меньше Дениса.

— У меня нет времени, ты это прекрасно знаешь! У меня диссертация! — Мама швырнула стрелу.

— Но у меня тоже диссертация...

— Что мне прикажешь теперь? Все бросить, да? Все бросить?! — Исторгая эти упреки, мама перед зеркалом смазывала косметическим кремом лицо. Затем схватила сумку, сдернула с вешалки плащ. — Я пошла на лекцию! Займись наконец его воспитанием! Здесь нужна твердая мужская рука! — И папа вздрогнул от стука захлопнувшейся двери.

Взьерошив прическу, он некоторое время размышлял в коридоре.

Затем папа сделал шаг в комнату. Теперь вздрогнул в кресле Денис. Потому что папа с затвердевшим лицом подпернул рукава пиджака (жена права, отцовский долг надо выполнять!). Решительными жестами папа объяснил беспутному сыну, что пора словесного воспитания кончилась и настало время иной педагогики. Жесты не оставляли сомнения, *какой именно* педагогики: папа суетливо расстегнул и вытащил из брючных петель ремень. (На экране между тем мелькали кадры с изображением Зевса-громовержца, что символизировало папину суровость и стопроцентную решимость довести дело до конца.)

Денис попятился, стрельнул глазами по сторонам. Увы, спасения не было. Ясно, что на сей раз папа велел себе быть непреклонным... С сокрушенным лицом и очень медленно, очень неохотно несчастный Робин Гуд начал расстегивать шорты. И все же поглядывал исподлобья с остатками надежды: вдруг случится что-нибудь неожиданное?

За дверью затрещонил телефон.

Папа, подтвердив жестами свои прежние намерения (готовься и укладывайся, я сейчас), шагнул в переднюю.

Дениса, как известно, часто посещали спасительные идеи. Он

сдвинул на лоб шляпу с пером, скребнул затылок, хитро поднял указательный палец: «Ага, выход есть...» По-кошачьи прыгнул к двери и прикрыл ее. Вытащил из-за дивана развалившегося на две части Ваську, соединил, уложил ничком, шляпой прикрыл Васькин затылок. Плюхнувшись в кресло, сдернул свои пестрые, пострадавшие в боях носки, натянул на твердые Васькины ноги.

Папа в это время вел деловой телефонный разговор:

— Да, это я... Разумеется. Да, в то же самое время... Несомненно. — И так далее. Во время этих реплик он то и дело поглядывал в прикрывшуюся дверь. Положил трубку, на секунду боязливо заглянул в комнату. Во время телефонной беседы папина решимость поубавилась, неприятно заперестукивало сердце. Пришлось поспешить на кухню, достать из шкафчика флакон с каплями. Начал капать в кружку, промахнулся, хлебнул из горлышка. В животе успокоительно булькнуло. Папино лицо разгладилось и вновь обрело решимость (хотя слегка поглупело при этом). В движениях опять появилась твердость (ох, надолго ли?). Папа с ремешком в кулаке шагнул в комнату (Денис вмиг укрылся за креслом с головой). Папа заставил себя взглянуть на диван.

— О-о...

Покорившийся судьбе сын лежал кверху *тем самым местом*, и место это было вполне подготовлено к воспитательной процедуре. Одно только странно: сбоку на этом месте чернело крупное клеймо: треугольник, в нем буквы ОТК и надпись «2-й сорт». Папа Дениса снова озадаченно помотал головой. Но... он, человек науки, был далек от мелочей нынешней жизни и, видимо, подумал: кто его знает, может быть, у современных детей так полагаются? Надо было наконец исполнить, что решено (новое явление Зевса-громовержца подтвердило это). И папа, отвернувшись и зажмурившись, наугад махнул ремешком.

— А-а-а-а! Если маленький, значит, бить можно?! А-а-а!.. — Ноги в пестрых носках и полукедах отчаянно забарабанили по дивану.

Для отцовского сердца это было чересчур. Уронив «орудие воспитания», хватаясь за грудь и за голову, папа опять кинулся на кухню — за новой порцией спасительных капель (а обиженные вопли в комнате не смолкали). Нервное потрясение и врожденная рассеянность оказались причиной того, что папа схватил с полки не лекарство, а бутылочку с этикеткой «Ацетон». И опрокинул в себя содержимое. Бульк-бульк... Глаза сошлись к носу, папа сел на пол.

Мир взорвался ослепительным фейерверком!..

Когда искры и вспышки угасли, открывший глаза папа увидел себя в незнакомом помещении. Может быть, даже в новом пространстве...

Прежде всего он разглядел на стене громадную эмблему-вывеску:

ООН Международный Детский Суд

На щите была изображена Фемида с весами. Но не обычная Фемида, а девчонка с ехидным лицом. Вопреки правилам, у нее были завязаны не оба глаза, а один. Второй смотрел на подсудимого и не обещал ничего хорошего.

Из-за стола поднялся Председатель Суда (лет десяти). Замахал над головой большим колокольчиком. Под этот трезвон в зале стала рассаживаться публика — в основном младшего и среднего школьного возраста.

На сцену вскочил Прокурор — того же возраста, что Председатель. В остроугольной судейской шапочке, мантии-пелеринке и коротеньких штанишках, он похож был на взерошенного, но строгого журавленка, беспощадно блестили большие очки. Прокурор устремил в подсудимого палец:

— Посмотрите, до чего он докатился! всю жизнь он безобразно относился к собственному сыну и в конце концов докатился до того, что огрел его ремнем! И это вместо того, чтобы глубоко изучать проблемы современной педагогики. А еще интеллигентный человек...

«Орудие преступления» лежало на столе рядом с Прокурором. Подсудимый папа не смел взглянуть в ту сторону. Раздавленный виною, он сидел, уронив голову. Его охраняли четыре стражника — два рослых полицейских в униформе и с дубинками и двое мальчишек в бумажных треуголках, вооруженные рогатками и деревянными мечами. Никуда не денешься. Тем более что в лицах слушателей тоже не было ни малейшего снисхождения. Лишь на Васькином лице иногда проступало скорбное сочувствие да в глазах Дениса были страх за отца и жалость.

Прокурор между тем продолжал бескомпромиссную речь:

— Граждане судьи! Я не спрашиваю, куда смотрело министерство просвещения! С ним все ясно — оно никуда не смотрело! Но куда смотрит Детский фонд, Комиссия по правам человека, вся наша общественность? До каких пор такие вот «папы» будут воспитывать детей как при крепостном праве... — Прокурор взял со стола и брезгливо отшвырнул ремень. — Чем это кончится? А кон-

чится тем, что из нынешних детей вырастут вот такие личности, как этот кандидат наук...

Судебные Заседатели (мальчик и девочка) внимали прокурору, согласно покачивая головами в судейских шапочках. Даже восьмилетний Адвокат не показывал ни малейшего сочувствия к «докатившемуся» папаше Дениса. Он сердито постукивал по половицам ногами в белых гольфах и смотрел на кандидата наук прищуренным взглядом.

Когда после эффектной речи Прокурора (которую сопровождали отдаленные громовые раскаты) и аплодисментов слушателей Председатель предоставил слово Адвокату, тот вскочил на стул и швырнул в сторону свою четырехугольную шляпу с кисточкой.

— Не буду я его защищать! Он этого не достоин!

Лишившийся последней надежды кандидат наук Пяткин уронил голову ниже плеч.

Председатель Суда трижды грохнул о стол молотком, все встали. Раскрутив длиннющий бумажный свиток, Председатель начал оглашение приговора:

— Международный Детский Суд, рассмотрев дело кандидата наук Ивана Ивановича Пяткина...

Далее слова стали неразборчивы, их заглушили новые раскаты грозы вперемешку с аккордами угрожающей музыки. Да и без слов было ясно, что хорошего ждать не приходится. Это было видно и по лицам вставших с мест слушателей и охранников и самого И.И. Пяткина.

Наконец слова снова стали отчетливыми. Председатель раздельно вещал:

— ...превратить вышеупомянутого Ивана Ивановича Пяткина обратно в пятиклассника, чтобы он на себе испытал все тяготы современного детства!

Присутствовавшие внимали со смесью страха и понимания, что приговор суров, но справедлив. Лишь Денис еле сдерживал отчаянье.

Худшие ожидания Ивана Ивановича сбылись! Он без сил опустился на скамью подсудимых. Дюжие полицейские заученным движением ухватили его за пиджак и вернули в вертикальное положение.

Председатель закончил чтение словами:

— Приговор окончательный, обжалованию и оплакиванию не подлежит. Привести его в исполнение немедленно!

Зловеще открылась дверь. Два служителя в белых рубашках и черных галстуках внесли необходимые предметы: тяжелый ранец

с учебниками, ученическую форму на плечиках и большущий лист ватмана с заголовком «Распорядок дня».

Денис не выдержал. Растолкал тех, кто стоял впереди, и бросился к сцене.

— Граждане судьи, не надо! Этого не выдержит ни один взрослый! — Он обнял за плечи обмякшего отца, заслони́л. — Я вас очень-очень прошу! Пожалуйста, не надо!..

Снова замелькали искры и вспышки. Папа Дениса обнаружил себя на полу в собственной кухне.

Прибежавший на кухню Денис был перепуган:

— Папа, что с тобой?

— О-о-ой... — Иван Иванович держался за лоб. — Ой, моя голова...

— Сейчас я тебе водички... — Денис протянул кружку. Помог отцу подняться. Тот глотнул, еще помотал головой, постепенно пришел в себя. Сообразил, что при сыне надо сохранять бодрость и достоинство.

— Денис, все в порядке. Ты иди, иди... Все нормально... Иди играй...

В комнате Васька на диване сердито заправлял в штаны рубашку.

— Ну, ты чего так орал-то, балда, — сказал Денис, пряча за небрежным тоном виноватость.

— Тебе бы так...

— Но ведь ты же глиняный.

— Тут и железный заорет.

— Подумаешь, один раз попало...

— Сам небось в угол спрятался, а я отдувайся! Да ну тебя...

— Но я же не думал, что тебе будет больно.

— Вот, значит, ты и есть балда!

— А ты паникёр!

— А ты эксплуататор!

— Я?!

— Да! В школе мои мозги эксплуатируешь, а здесь... — Васька потер подвергшееся «эксплуатации» место. Швырнул в угол попавшую под руку стрелу от лука.

Денис виновато побрел по комнате из угла в угол. Сел, отвернулся.

— Вась... ну, кончай дуться-то...

Васька прилег, подпер ладонью в кожаной перчатке голову. Денис зашел сзади, за спинку дивана.

— Вася... А Вась... — Он потрогал обиженного манекена (или уже не манекена?) за плечо. Тот дернул локтем:

— Отстань...

Дениса опять «осенило»:

— Ну, в конце концов... если тебе было больно... ну, стукни меня тоже! В нос, что ли...

— Да? — Васька поразмыслил секунду. — Ладно! — И механическим движением кожного кулака двинул Дениса по носу.

Тот прижал к лицу ладонь, отвел ее, посмотрел. Сказал без злости, скорее с удивлением:

— Вот дурак... Зачем до крови-то?

Васька замигал «по-кукольному»:

— Что такое кровь?

Денис достал из бельевого шкафа платок, приложил к носу. Глянул из-за платка на бестолкового Ваську.

— Тебе не понять... ведь ты не человек...

— А у людей всегда бывает кровь?

— Еще бы...

— Но если я не человек... тогда почему мне тоже больно?

— Не знаю... — Денис виновато пожал плечами. Ведь он и правда не знал...

Папа, уже бодрый, деловитый, шагнул в комнату. Мальчишки, сидя рядом, беседовали теперь вполне по-приятельски.

Папа снял очки:

— О-о... — недоуменно пересчитал он ребят. Поморгал. Двоится в глазах после недавнего, что ли? Нет, мальчишек и в самом деле двое. Денис и...

— А это... кто?

Денис возвел глаза к потолку: нельзя же, мол, папа, быть таким отрешенным от действительности.

— Это же Васька! Сын тети Вали, твоей двоюродной сестры. Он приехал к нам в гости с Сахалина.

Кандидат наук Иван Иванович Пяткин воздвигнул очки на лоб и подержался за затылок.

— А разве... у меня есть двоюродная сестра?

Сын опять выразительно поднял глаза и покачал головой: «Ну, папа, ты даешь!»

— Ах, да! — «вспомнил» папа. — Конечно!.. Играйте, дети... — И он торопливо удалился, чтобы вновь погрузиться в мир абстрактных наук.

Дети не играли. Они большой компанией собрались на берегу залива, расселись на теплых от летнего солнца бетонных блоках — предстояло обсудить важное дело.

— А вон и Васька идет!

Васька шел вместе с Денисом. Тот подвел Ваську к ребятам.

— Смотрите, он стал совершенно как живой! Даже руки настоящие выросли... — Денис сдернул с Васькиных кистей кожаные перчатки.

— Только крови внутри нет, — самокритично заметил Васька.

Веселый очкастый Глебка утешил его:

— Кровь дело наживное. Главное, что мозги есть!

Наличие мозгов у Васьки Найденкова давно уже никто не подвергал сомнению. Но как быть с Васькой дальше?

— Лишь бы не пронюхали, кто он на самом деле, — выразил общее опасение Сережа. — А то неприятностей не оберешься...

— Кто пронюхает?.. А нам надо клятву дать, — предложил Денис.

Сказано — сделано. Тут же крупными буквами написали на листе:

*Мы все клянемся,
что
никому ни слова
не скажем
про Ваську,
кто он такой.*

— А расписываться будем кровью... — Денис отстегнул под воротником безопасную булавку, дал сидевшему рядом Ромке. Тот не выразил восторга, но дело есть дело.

— Ой... — И появившейся на пальце капелькой Ромка вывел под клятвой подпись.

— Ой...

— Ай! — Это другие проделывали ту же процедуру. Лишь когда очередь дошла да Сережи, он сморщился и отвернулся.

— Не надо, чтобы Сережка колот, — с пониманием сказал Денис.

— Да я не боюсь, но... просто у меня кровь плохо свертывается.

— Ладно, пиши карандашом, — решил Денис.

— Ага! — Сережа с радостью схватил протянутый ему карандаш.

Два первоклассника вместе с лохматой собачонкой прятались в кустах. Это были разведчики.

— Та-та-та!.. Дых, дых! — звучали на заросшем дворе «выстрелы». Мальчишки с деревянными автоматами играли в партизан. И Васька не отставал от других. Очередями «лупил» из пластмассового пистолета. Один из ребят бросился через лужайку, чтобы занять более удобную позицию. Споткнулся, растянулся в траве, сел, ухватившись за ободранное колено. Сразу столпились сочувствующие.

— Эй, бинта нет?.. Давайте подорожник!

Тут же нашли это вечное мальчишечье лекарство, лизнули, приложили к ссадине лист... Васька поглядел и отвернулся с тихой завистью:

— Опять кровь. Счастливый...

Он отошел, сел на камень, вытянул ногу. Подобрал из травы осколок стекла, обтер о карман. Начал старательно царапать ногу от щиколотки до колена. Собачонка разведчиков, наклонив голову, серьезно наблюдала за этой непонятной процедурой. А на ноге, покрытой обшарпанной глазировкой, оставались лишь сухие царапины. Васька отбросил стекло, встал, побрел...

Забавный кукольный аистенок танцевал на полу, подчиняясь привязанным к тонкому перекрестью ниткам. Это Васька развлекался, сидя в кресле у книжного шкафа. Но птичкой он играл машинально, одной рукой. А другой задумчиво листал большую книгу, которая лежала рядом на стуле. Это была книга о живописи. То и дело попадались изображения Мадонны с Младенцем. Художники были самые разные: Рафаэль, Матисс, Дали, но на каждой картине — Сын и Мама...

В дверь заглянул Денис.

— Вася, мама зовет ужинать.

Васька глянул через плечо медленно и с печалью.

— Скажи, а у всех людей бывают мамы?

Денис умел уже улавливать Васькино настроение. Быстро подошел, положил ему на плечо руку.

— Да ты за меня не переживай, — «утешил» его Васька. — Я же не человек...

— Ну и не манекен же! — в сердцах воскликнул Денис.

— А кто?

Денис постоял рядом, старательно подумал.

— Ну, может быть ты... звездный пришелец?

Васька внимательно посмотрел на Дениса, потом на книгу. Потом — в пространство...

Показалось Ваське, что он — среди звездного хоровода. В нездешнем белом костюме и весь неземной такой — стоит, запрокинув голову, а звезды пролетают мимо — одни тихо, другие стремительно. Появился и пропал таинственный космический аппарат... И музыка тоже какая-то нездешняя, космическая. В ней печаль и в то же время — надежда. Васька оборачивается, словно его окликнули. В отдалении возникает неясная, в длинных одеждах, женская фигура. Женщина протягивает к Ваське руки. Он бросается к ней сквозь звезды — скорее, скорее! Вот уже близко... Но женщина тает в пространстве. Васька останавливается, словно ударившись о стенку. Где ты?... Нигде ее нет... Васька, обмякнув, садится, обхватывает колени, смотрит перед собой уже без надежды...

Женская рука тихо ложится на Васькино плечо... Он оглядывается не сразу: сперва боится поверить. Наконец поворачивает голову, смотрит вверх. Губы растягиваются в нерешительной улыбке...

Но это всего лишь короткий сон, видение. А на самом деле вокруг привычная комната, книжные стеллажи...

— Денис, скажи... А у всех звездных пришельцев бывают мамы?

Денис, Костя, Сережа и Андрей бодро шагали из школы. Васьки с ними, к счастью, не было. К счастью — потому, что на углу дома они увидели объявление:

*Из магазина № 13 «Одежда» пропал манекен,
изображающий мальчика.
Нашедших просим позвонить в дирекцию
по телефону 54-00-73.*

Внизу листка трепыхались нарезанные язычки с телефонным номером. Один был оторван.

Паники не последовало, но сразу прозвучал вопрос:

— Что будем делать?

— Только Ваське не говорите, — попросил Денис. — Он такой впечатлительный.

Андрей протянул руку к листку:

— Надо убрать!

Так и сделали, одним рывком. Но из-за угла за мальчишками наблюдала вредная Машка. Держала на ладони бумажный язычок. Когда ребята ушли, она оказалась в телефонной будке.

— Алло... Это магазин?

О, радость близких каникул! В классе перед уроками веселый шум, стаями реют бумажные голуби. Но шум сразу стихает, все встают навтыжку, когда появляются педагоги. Если бы одна Марья Ивановна — никаких проблем. Но с нею рядом твердо шагает Завуч — женщина с несгибаемым характером. И вместо озорного гвалта начинает звучать назидательная песенка:

Буквы разные читать,
Тонким перышком писать
Учат в школе, учат в школе, учат в школе...

(Учат, мол, учат вас, а вы...)

— Садитесь, — величественно говорит Завуч. — Внимание. Администрации школы стало известно, что вы в своем коллективе укрываете казенного манекена... — Тут выдержка слегка изменяет ей. — Просьба: вернуть его обратно... Немедленно! — Завуч стучает книгой о стол. Марья Ивановна вздрагивает и берется за щеки.

Ребята непроизвольно начинают оглядываться на Ваську. У того очень напряженное лицо.

— В противном случае, — продолжает Завуч, — я вызову Комиссию. Срок на размышления одни сутки! — Она подымает острый, как единица, палец и сразу удаляется. За ней спешит Марья Ивановна.

Денис трогает Ваську за плечо:

— Да ты не переживай...

Тот обреченно машет рукой:

— А, уже все равно...

Подскакивает Андрей:

— Не бойся, мы тебя не выдадим!

Сережа резко оборачивается:

— Но ведь кто-то уже выдал!

Один из одноклассников смотрит подозрительно:

— А может быть, это ты и выдал! А теперь овечкой прикидывайся.

— Почему я?!

— А как же! — вступает в спор новый участник. — Только ты один клятву кровью не подписал.

Сережа вскакивает на парту.

— Я подписал!.. Карандашом... — и опускает голову.

— Карандашом... — со вздохом повторяет его приятель Глеб. Без иронии, даже сочувственно. И... без всякого доверия.

— Точно, это он! — скорый на решения, но не очень сообрази-

тельный Гошка прыгает к Сереже через парты. — Сейчас мы тебя... — и хватает Сережу за рубашку. Тот закрывается локтем.

— Стойте! Вы что, с ума сошли?! — Это вскочил Васька. Гошка, опомнившись, делает шаг назад. Васька опять опускается на скамью, смотрит исподлобья.

— А еще люди называется.... — Он по очереди вглядывается в лица. — Люди должны верить друг другу.

Сережа с надеждой открывает лицо. Остальные опускают головы: в самом деле, что это мы? Ведь только что все были друзьями-товарищи и вдруг...

На классной доске крупными буквами была выведена меловая надпись:

**ВЫЕЗДНАЯ КОМИССИЯ
ПО БОРЬБЕ
С ТРУДНЫМИ ПОДРОСТКАМИ**

Под доской сидела за длинным столом эта самая комиссия. Восемь человек. Очень разных. Перед каждым — табличка. Слева пристроилась чувствующая себя не в своей тарелке Марья Ивановна («Классный руководитель»). Рядом — молодая женщина (над табличкой «Директор магазина» косо приклеен ярлык: «Зам»). Судя по всему, сам директор не нашел времени для участия в заседании. Затем — «Завуч». Справа от завуча — женщина казенного вида в темных очках (табличка «РАЙОНО»). В темных же очках и с тем же казенным видом восседал рядом с представительницей районо «Председатель комиссии». По соседству — чувствуя себя неуютно под боком у значительной фигуры — ежился «Методист по воспитанию». Зато усевшийся справа от него «Методист по перевоспитанию» (массивный мужчина с полным лицом) был вполне уверен в себе и преисполнен важностью своей миссии. Самым крайним оказался маленький суетливый «Представитель общественности». Он то вил гребешком по прилизанной прическе и усикам, то, забывшись, надевал замызганную ушанку и тут же боязливо ее сдергивал. Тискал в пальцах снятые очки...

Комиссия вела между собой «предварительное обсуждение». Голоса перепутывались, эхо их разносилось не только по классу, но, казалось, даже по космическому пространству.

- До чего докатились...
- Если дальше так будет продолжаться, то...
- Куда смотрят родители!..
- Понимаете, манекен — имущество казенное, он пропал, а теперь с нас спрашивают...

Наконец поднялся Председатель. Эхо его обличительного голоса сильнее прежнего раскатилось по вселенной:

— Из магазина пропал манекен... Нам известно, что он среди вас... Вы должны сами... Где ваша совесть?..

Ребята сидели съезжившись. Васька прижал ладони к щекам. Машкино лицо было непонятным — может быть, ее грызло раскаяние? Марью Ивановну явно мучило все происходящее.

В речь Председателя вмешалась Завуч:

— Долго еще будем молчать? Вы должны немедленно назвать его!..

— А то хуже будет! — Это привскочил суетливый Представитель общественности. Обличающе устремил на ребят палец, натянул ушанку и, тут же спохватившись, прижал ее к груди.

— Вот именно! — всей мощью своего авторитета подтвердил слова соседа крупногабаритный Методист по перевоспитанию.

Дальше снова смешались голоса (и их раскатистое эхо):

— Долго вы будете испытывать наше терпение?..

— Сплошная дезорганизация...

— Это не дети, а малолетние преступники...

Лица «малолетних преступников» были каменными — ничего не скажем, хоть убейте.

— Какое упрямство, — сокрушенно закачала головой дама из районо. — Давно надо было поставить вопрос о дисциплине...

— Что будет, если все дети станут упрямиться? — возгласил Методист по воспитанию.

— Они должны наоборот! — поддержал его Методист по перевоспитанию и опустил на стол могучий кулак (Представитель общественности подскочил и съезжился снова).

Методист по воспитанию продолжил воспитательную речь:

— Запомните: когда взрослые вас спрашивают, вы должны не молчать, а...

— Вы должны наоборот! — снова вмешался Методист по перевоспитанию, и новый удар кулака по столу был крепче прежнего (бедная «Общественность»).

— Вот именно! — опять вступила дама из районо. — Что будет, если мы все начнем превращать манекенов в живых людей?

— Мы должны наоборот! — подвел итог Методист по перевоспитанию (Представитель общественности заранее втянул голову).

Голос педагогической дамы обрел снисходительные нотки:

— Хорошо. Мы дадим вам подумать...

Машка уже открыто всхлипывала. Остальные по-прежнему каменно молчали.

Подумать дали не больше минуты. Председатель поднялся:

— Раз вы молчите, мы предпримем крайние меры... — и подал знак. Методист по перевоспитанию утвердил на краю стола еще одну табличку: «Кандидат физико-педагогических наук». Из-за двери семенящей походкой пришел сутулый и седобородый представитель науки. Поклонился:

— Добрый день... — И начал суетливо снимать черное покрывало с непонятной машины, которая громоздилась здесь же на столе.

Марья Ивановна взялась за голову:

— Что это?

— Это, — злорадно сообщил Председатель, — установка-распылитель...

— Она распыляет неживую материю, которая притворяется живой, — охотно сообщил седобородый Профессор. Судя по всему, старичка интересовала лишь чисто научная сторона эксперимента и не заботили моральные проблемы. (Не в такого ли оторванного от нормальной жизни «экспериментатора» рискует превратиться папа Дениса, если не одумается?)

— Прекрасно! — сообщила свое мнение Завуч.

— Какой ужас! — сжалась от страха Марья Ивановна.

— А то хуже будет... — не к месту сунулся вперед Представитель общественности.

— И ваш манекен будет сейчас уничтожен! — грозно пообещал Председатель.

— Но это казенное имущество! — попыталась протестовать Заместитель директора.

— К сожалению, педагогические принципы важнее, — сообщила ей Завуч.

Шестиклассники со страхом смотрели на установку. На Васькином лице была полная безнадежность. Установка была похожа на старинный телефонный коммутатор с прикрепленным наверху излучателем. Излучатель был сделан из большущей дырчатой поварешки — дуршлага.

— Не хотите говорить? Дело ваше... — бесстрастно произнесла Завуч.

— Давай! — махнул рукой Председатель.

Кандидат физико-педагогических наук засуетился пуше прежнего. Начал переключать тумблеры, поворачивать рукоятки. Что-то не ладилось в установке. С неожиданной резвостью седой деятель науки кувыркнулся через стол, присел перед аппаратом, щелкнул еще одним выключателем.

Зажужжало, и эхо зловещего жужжания разнеслось по пространствам. Ребята втянули головы. Машка зажала уши. Излуча-

тель-дуршлаг на сундуке-коммутаторе начал вращаться. Все быстрее...

Что же будет?!

Денис опомнился первым.

— Васька, держись! Сейчас я его... — Он выхватил из-за пазухи рогатку, растянул.

— Не надо! — перехватил его руку Сережа. — Здесь нужна живая кровь! — И этот мальчишка, который боялся уколоть себе мизинчик, сдернул с рубашки значок, всадил в палец его булавку. Обернулся к Ваське и каплю своей крови прижал к его запястью. Все повернулись к ним с надеждой и ожиданием.

Излучатель, жужжа и подвывая, вертелся, вертелся, но... без всякого результата. Потом коротко взвизгнул. А его изобретатель... исчез! Только на миг вспыхнула на его месте большая черная клякса!

Излучатель в соответствии с программой рассеивал неживую материю, которая притворяется живой!

Шестиклассники изумленно встали со своих мест. Перепуганно поднялся с места Председатель. Дзыннь — на его месте тоже вспыхнула черная клякса. Методист по воспитанию изумленно приоткрыл рот. Дзыннь — не стало и его! И дамы из районо... Исчезла с той же черной вспышкой и «твердокаменная» Завуч... Методист по перевоспитанию, прежде чем отправиться в иные пространства, солидно поправил галстук... Представитель общественности попытался укрыться под столом, но не успел — от него осталась на столе ушанка с надетыми на ней очками...

Излучатель пощадил лишь Заместительницу директора магазина и — конечно же! — Марью Ивановну.

Они изумленно смотрели друг на друга.

— Ох, это невероятно...

— Вы не понимаете, что здесь произошло?

Марья Ивановна пришла в себя первой. Обратилась к своим подопечным:

— Успокойтесь. Ребята, успокойтесь. Пожалуйста, сидите тихо. Сейчас мы все выясним...

А они, по правде говоря, не очень и беспокоились. Скорее, просто радовались: ведь Васька-то вот он, невредимый!

Марья Ивановна шепотом спросила Зам. директора:

— Как, по-вашему, что теперь делать?

— Да отпустите вы ребят...

Голос классной руководительницы обрел привычные интонации:

— А сейчас в связи с непредвиденными обстоятельствами я отпускаю вас на каникулы! На три дня раньше!

— Ура-а!!

— Ура-а!! — Это радостные шестиклассники выбежали из школы. Позже, отдельно от других, сошла с крыльца понурая Машка.

Получивший досрочные каникулы народ на ходу обсуждал летние планы:

— А мы с папой на рыбалку будем ездить!

— А ты что летом будешь делать?

— Не знаю, к бабушке, наверно, поеду...

Денис, Васька и Андрей сели на скамейку под деревьями.

— Что такое каникулы? — спросил друзей Васька.

— Это самое лучшее время в жизни! — разъяснил Андрей.

Денис вдруг глянул вдоль бульвара.

— Подождите-ка... — Он быстро встал, пошел куда-то. Оказалось — к Машке, которая стояла неподалеку. Взял ее за локоть, подтолкнул:

— А ну пойдём со мной!

— Чё надо?!

Он отвел Машку подальше, снова дернул за локоть.

— Ты зачем наябедничала про Ваську?

Машка отвернулась. Потупилась...

— Ну?! — беспощадно потребовал ответа Денис.

— А потому что вы только с ним и возитесь... А на других вам... на меня, например... наплевать... — Она швырнула под ноги сорванную травинку, отвернулась опять. — Сделали себе забаву, играете с ним... вам кукла дороже, чем живой человек.

Васька незаметно вышел из-за полосы кустов, слушал разговор с напряженным лицом.

Денис рывком развернул Машку к себе.

— Да ты в тысячу раз больше кукла, чем он! Стань человеком, тогда и будем разговаривать с тобой нормально!

— А я не человек?!

— Ты зануда и ябеда!

Машка смотрела исподлобья.

— А как я... буду человеком, если вы меня все время прогоняете? — Она отодвинула Дениса плечом и пошла по аллее. Васька, стоявший в пяти шагах, двинулся за ней. Мимо Дениса он прошел без остановки. Догнал Машку. Взял ее за руку. Она руку вырвала. Васька взял опять... И они пошли рядом... Денис смотрел вслед и чесал в затылке. Да, сложная штука — человеческие отношения...

Из дверей магазина № 13 вышли солидный директор и его заместительница. Директор внушал помощнице:

— Положение кошмарное. План горит. Завтра приезжает комиссия. Что мы скажем начальству... Да, кстати! Манекен вы нашли?

— Н-нет... Но мы ищем! Стараемся!

— Имейте в виду, это казенное имущество!

— Да-да, конечно...

— Ка-зен-но-е!..

...На прищипленном к забору листе был нарисован трехголовый дракон, а на нем — круглая мишень. Мальчишки стреляли по ней из луков. Стрелы то попадали в дракона, то летели мимо. Слышались крики — и одобрительные, и насмешливые. Васька прицелился, отпустил тетиву...

— Ого! Ура!! — Стрела воткнулась в центр мишени. Народ рукоплескал и приплясывал. Машка, стоя в сторонке, тоже радовалась. Кажется, слишком шумно. На нее стали оглядываться. Она привычно потупилась. Васька с луком и стрелами подошел к ней. Взял за руку, привел к ребятам, поставил в шеренгу стрелков. На это смотрели по-разному: кто с пониманием, кто не очень. Однако никто не спорил. С любопытством глядели на нового стрелка первоклассники-разведчики с собачонкой. Кстати, у них было деревянное оружие с излучателем-дуршлагом, который они, видимо, подобрали, когда не оправдавший себя аппарат оказался на помойке...

Васька жестами объяснил Маше, как надо целиться и стрелять.

Она сделала это неумело, оттянула тетиву двумя пальчиками, стрелу пустила наугад. И стрела взмыла над кустами, над мишенью, ушла за забор (недаром Денис заранее сокрушенно качал головой).

...Стрела воткнулась в клен. Прямо перед солидно шагавшим директором магазина. Он выдернул ее, близко поднес к очкам...

— ...Беги теперь за стрелой, — сумрачно велел Маше Денис.

— Не надо, я сам! — Васька ловко забрался на дерево и с него через забор прыгнул на улицу.

...Директор и его заместительница, продолжая беседу о магазинных делах, шли по улице. Васька догнал их, осторожно потрогал директора за рукав.

— Дяденька, отдайте, пожалуйста...

— Что?

— Стрелу. Это моя...

— Ах, стрелу! Вот она, твоя стрела!

Директор под носом у Васьки переломил тоненькое древко.

Заместительница услужливо раскрыла перед директором портфель, и тот спрятал туда обломки. Внушительно погрозил Ваське пальцем:

— Хулиган!

Затем торговые работники двинулись дальше, а Васька остался на пустом тротуаре. Он укоризненно смотрел вслед обидчикам, стоя в той позе, в какой когда-то привык стоять в магазинной витрине — слегка согнув ногу и чуть наклонив к плечу голову...

Заместительница директора оглянулась на ходу. Директор нетерпеливо взял ее под локоть. Она оглянулась снова.

— Пойдемте же. Пойдемте, — едва сдержал раздражение ее начальник.

— Подождите. Мне кажется, это наш манекен...

Теперь оглянулись оба.

— Да-да, посмотрите, похож... — настаивала заместительница.

Директор попрочнее утвердил на переносице очки. Присмотрелся. Поманил пальцем.

— Мальчик! Ну-ка, иди сюда!

Васька, он дурак разве — идти в неволю! Подскочил и рванул вдоль улицы, как бегун на дистанции!

Директор — он всегда сохранял достоинство. Поправил галстук и шляпу, отдал заместительнице портфель и лишь тогда бросился в погоню. Верхняя часть его туловища оставалась прямой и солидной, будто директор сидел в президиуме. А ноги работали быстро-быстро. И расстояние между Васькой и директором не увеличивалось, хотя беглый манекен мчался изо всех сил...

Но в конце концов директор отстал...

Васька ушел от погони, но... оказался в незнакомом месте.

Заросшее высокой травой пространство огораживала узорчатая чугунная решетка. Васька прислонился к ней, огляделся, тяжело дыша. Прошел под кирпичную арку...

Это был двор старого музея...

На каменных стенах были развешаны детали деревянной резьбы со старинных домов, древние плуги и бороны. В траве стояли, покосившись, купеческие весы прошлого века. Под кленом лежал большой якорь.

Васька уже не боялся директора — тот затерялся далеко позади. Васька медленно шел вдоль стен, трогая и разглядывая экспо-

наты. И вдруг... на широкой плоскости кирпичной стены он увидел гипсовую маску.

Видимо, это была копия головы какой-то античной скульптуры. Лицо — женское, ласковое... Васька долго вглядывался в него. Была в Васькиных глазах печаль и странная надежда. Он даже хотел коснуться пальцем гипсовой щеки, но не посмел, уперся ладонью в кирпичи.

И смотрел, смотрел...

Потом Васька в кармане на шортах нащупал кусок мела. По кирпичам провел от гипсовой шеи линию плеча... Он рисовал, и скоро на стене появилась очерченная мелом фигура, а маска была ее головой.

Васька рисовал медленно, вкладывая в каждое движение особый смысл...

Рядом с женщиной Васька изобразил мальчишку. Тот держал женщину за руку. Васька отступил. Сел перед картиной и долго смотрел на нее, словно спрашивал о чем-то.

Наконец он задрал до подбородка свитер, нащупал на рубашке значок, сдернул, отогнул булавку. Безбоязненно воткнул ее в палец (теперь-то у него, у Васьки, была настоящая человеческая кровь — благодаря другу Сережке!).

Он встал, прижал кровоточащий палец к нарисованному на кирпиче женскому запястью. И долго-долго, с застывшей в глазах мучительной просьбой смотрел в лицо античной женщины. Но лицо оставалось неизменным, неподвижным, взгляд маски был направлен в какие-то нездешние пространства.

Васька оторвал руку. Измученно сел в траву — рядом с лежащим у дерева якорем. Больше надеяться было не на что. Обхватил колени, уткнулся в них лбом.

И сидел он так, пока...

Пока не легла ему на плечо легкая женская ладонь.

Это было как тогда, в мечте-сновидении про космос! И опять Васька не вскрикнул, не вздрогнул. Сперва недоверчиво повернул голову. Потом появилась робкая улыбка... Неужели *теперь* это не сон? Он решил наконец, положил пальцы на женскую руку.

Рука была *мамина*...

И пришла откуда-то песня — негромкий мальчишечий голос.

Ты знаешь, мне приснился странный сон — Смешной и страшный, путаный и длинный — Как будто я был вылеплен из глины И с жизнью человеческой разлучен.

Снова мелькнули «звездные» кадры — как воспоминание о недавней печали. А песня продолжалась:

Как будто я не здешний, не земной
И словно крови нет во мне ни грамма,
И кто-то страшный гонится за мной,
И будто нет тебя на свете, мама...

Но мама была. И держала ее за руку, с улыбкой — уже уверенной и счастливой — Васька шел по улице, понимая, что у его сказки счастливый конец.

Под деревом, у старого якоря, затвердело выпрямившись, лежала неподвижная глиняная кукла в такой же, как у Васьки, одежде. Но это теперь не имело никакого значения — для него, для Васьки.

А для директора магазина имело.

Высунувшись из кустов, Директор довольно улыбался: наконец-то казенное имущество вернется на законное место!

А песня продолжалась...

В этой песне было немало грусти, но она говорила о прошлом. А о настоящем говорила Васькина улыбка. Лишь на две-три секунды улыбка исчезала, когда Васька увидел, как директор магазина несет под мышкой сложенный пополам манекен. Но и это не могло погасить Васькину радость.

— Не бойся! — решительно сказал он маме. — Это неправда! — Он махнул рукой и щелкнул пальцами. Манекен исчез.

Директор обалдело уставился на возникшую под рукой пустоту. Но самообладание покинуло его лишь на миг. В следующую секунду он понял, что следует предпринять. Деловито вынул и натянул на рукав повязку дружинника. Выхватил милицкий свисток и начал дуть в него.

— Хулиганы! Всех посажу! — кричал он в перерывах между переливчатыми руладами и грозил кулаком.

Из кустов появились два первоклассника-разведчика, они опять были заняты игрой в партизан. И было при них деревянное оружие с излучателем-дуршлагом. Стрелок играючи направил на непонятного взрослого крикуна ствол:

— Ды-ды-ды-ды...

Мелькнула в воздухе черная клякса. И не стало директора. Теперь только шляпа лежала на пыльном асфальте.

...Она, эта шляпа, никому не нужная, так и лежала там летом, осенью и тогда, когда начал падать на нее снег новой зимы.

В сумерках, при свете фонарей и окон, друзья играли в саду у школы в снежки. Играли весело, самозабвенно (под ту же озорную и бестолковую музыку, что и в начале фильма). То и дело в разных углах сквера возникали забавные сценки. И на фоне этой игры пошли заключительные титры фильма: кто исполнял роли, кто снимал, кто обеспечивал съемки. Но титры титрами, а за самой игрой тоже интересно было следить. Тем более что она продолжалась, когда последняя надпись исчезла с экрана. Снежки густо реяли в воздухе, и наконец один крепко вляпал разгоряченному Ваське по носу. Васька прижал к носу варежку.

— Ребята, смотрите, у Васьки опять кровь! — раздался чей-то тревожный крик.

Подскочили мальчишки, подбежала Машка, отвела от Васькиного лица варежку:

— Ну-ка покажи...

Васька ничуть не был огорчен. Сказал слегка горделиво:

— Это потому, что я настоящий.

И вдруг лицо его сделалось внимательным, даже строгим. Он требовательно глянул с экрана на зрителей:

— А вы — настоящие?

Смотрел так секунду-две. Потом вытер варежкой под носом, улыбнулся. Видимо, понял, что те, кто смотрит на него, — настоящие...

КОНЕЦ ФИЛЬМА.

В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА

Пьеса-сказка в двух действиях,
шести картинах,
с прологом и эпилогом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Взрослые:

Сергей, 27—30 лет, спортсмен-фехтовальщик
Звездный Мастер, старик-ученый
Канцлер, правитель Города
Офицер, командир гвардейцев
Первый гвардеец
Второй гвардеец
Гвардейцы (в массовых сценах)

Дети:

Сережа (Сергей в детстве), 12 лет
Валерка, 12—13 лет
Братик (Василек), 9—10 лет
Володька, 10—11 лет
Командир факельщиков, 13—14 лет
Шесть барабанщиков в прологе, 10—12 лет
Барабанщики и факельщики, мальчики и девочки в
массовых сценах.

ПРОЛОГ

Перед занавесом шеренга из шести барабанщиков. Они играют короткий и печальный сигнал. Окончив барабанить, опустили палочки, несколько секунд стоят молча.

Первый барабанщик. Нас было шестеро... Мы были первой шеренгой среди барабанщиков в армии герцога по прозвищу Большой Зверь...

Второй. Мы играли марши, когда наше войско шло в бой. Но оружия у нас не было...

Третий. Мы считали, что наши отцы дерутся за справедливое дело...

Четвертый. Наверно, так и было...

Пятый. Но мы ничего не знаем точно...

Шестой. Потому что нас больше нет...

Гремит отдаленный залп.

Первый барабанщик. В нас стреляли из-за старой каменной стены...

Снимает барабан, оставляет его на сцене и уходит.

Второй. В нас стреляли скрыто, предательски.

Тоже уходит, оставив барабан.

Третий. Мы так и не знаем, кто наши убийцы...

Четвертый. И теперь не узнаем никогда...

Пятый. Потому что нас больше нет...

Шестой. И что было потом, мы тоже не знаем. Не знаем совсем...

Каждый из барабанщиков после своих слов оставляет барабан и покидает сцену.

Поднимается занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Декорация старинного и немного «неземного» Города. Башни с флюгерами, большие часы на тумбе, посреди площади — могучее старое дерево. Слева — каменная стена с глубокой нишей. На стене горят шесть фонариков со свечами. Справа — приземистая башня с балконом. На балкон и верхнюю площадку башни ведет широкая лестница. Над площадкой видны большие колеса с зубьями и цепи. На площади шумная толпа ребят: барабанщики в разноцветных широких рубашках (похожих на мушкетерские накидки) со знаками на груди — угловатая спираль, перерубленная прямой чертой; факельщики в алых рубашках с вышитыми языками пламени; просто ребята — в обычной одежде. Среди них Валерка и Братик. Валерка в узких черных брюках и кожаном жилете, в широком поясе, на котором висит тяжелый нож. Братик в штанишках с пояском и майке-безрукавке. Среди шума прорезаются отдельные голоса.

Первый барабанщик (*Барабанщики — не те, что в прологе*). Предатели! Они думают, мы испугаемся!

Второй барабанщик. Из-за стены стреляют! Пусть попробуют встретиться с нами со всеми!

Третий барабанщик (*факельщикам*). Это ваших оружейников дело! Они стреляли!

Первый факельщик. Неправда! Они поклялись, что не делали этого!

Четвертый барабанщик. «Поклялись!»! А кто стрелял? Кто еще воюет со сторонниками Большого Зверя?!

Второй факельщик. Наши честно воюют! Маленьких никогда не трогают!

Первый барабанщик. А кто тогда?!

Командир факельщиков. Ребята! Ребята! Но это же правда! Никогда у нас в городе не трогали маленьких!

Второй барабанщик. Не трогали, а теперь тронули... Довоевались!.. А за что их? Они же были без оружия!

Первый факельщик. А за что вообще воюют? За что вот у него отца убили? И вот у него?

Третий барабанщик. А у меня?

Второй барабанщик. Вот именно — довоевались! Сперва думали, что война — это игра и приключения...

Третий факельщик. Что с городом сделали! Раньше на площади театр был, карусели, а теперь развалины!

Четвертый факельщик. А главное, было бы из-за чего! Большому Зверю власть нужна!

Первый барабанщик. А оружейникам — чтобы налоги не платить. И на оружие спрос побольше!

Второй факельщик. А ваш Большой Зверь — ворюга и обжора!

Поднимается шум, слышны угрозы и обвинения: «Сами вы... Думаете, если вас больше, мы испугались?.. Ребята, мы им покажем!» Нарастает опасность свалки. Командир факельщиков вскакивает на камень у дерева.

Командир. Стойте! Ну, стойте же!! Да помолчите хоть раз в жизни! Ради самой жизни, чтобы не погибнуть!! (*Постепенно делается тише. Ребята поворачиваются к нему.*) Иди сюда! (*Командир факельщиков выхватывает из толпы Первого барабанщика и ставит рядом с собой.*) Ребята! Мы же все из одного города! У нас одна планета! Ну, хватит же! Хватит! Сколько можно враждовать?! Зачем?! (*Первому барабанщику.*) Послушай! Сегодня погибли шестеро ваших, а завтра? А завтра, может быть, такое же слу-

чится с факельщиками. Потом опять с барабанщиками. И опять... Надо кончать это! Надо быть заодно!

Первый барабанщик. Ребята... Он правильно говорит. Хватит войны...

Первый факельщик. Хватит.

Второй барабанщик. Наигрались до смерти...

Третий барабанщик. Разве взрослые нас послушают?

Командир факельщиков. Пообещаем, что будем заодно! Голоса. Будем! Обещаем!

Первый барабанщик. Только предводители не должны об этом догадаться! А то нам жизни не будет.

Первый факельщик. Пока разойдемся, а потом составим план!

Командир факельщиков. Но барабанщикам теперь трудно, их стало меньше...

Мальчик (из тех, кто не примыкал ни к факельщикам, ни к барабанщикам). Не будет их меньше.

Он решительно берет и надевает барабан — один из оставленных погибшими барабанщиками.

Второй мальчик. Не будет...

Тоже надевает барабан. За ним это же самое делают еще трое мальчишек. К последнему барабану шагает Братик.

Валерка. Ты куда?

Братик. Надо. Я тоже с ними...

Валерка. Не надо. Это же опасно...

Братик. Ты сам сто раз говорил, что от опасности прятаться стыдно.

Валерка. Но... ты же еще маленький!

Братик. Разве меньше их? Ну, может быть, самую капельку...

Надевает барабан, опять подходит к Валерке.

Валерка. Но я же... Я с ума сойду от страха!

Братик. Но ты же никогда не боялся...

Валерка. Я за себя не боялся! А за тебя... Ты просто не знаешь!

Братик (*ласково трогает его за плечо*). Не бойся. Мы скоро победим, и тогда совсем не надо будет бояться... Ну, смотри, нас же много, а когда все вместе, ничего не страшно...

Первый барабанщик. Барабанщики, построиться!

Братик еще раз трогает Валерку за плечо, шагает от него, виновато оглядывается и встает в шеренгу. Валерка исподлобья наблюдает за ним.

Командир факельщиков. Факельщики — в строй!

Факельщики выстраиваются. Две шеренги, прощально взмахнув руками, расходятся. Покидают сцену и другие ребята. Остается Валерка. С полминуты он стоит с опущенной головой. Потом зло оглядывается.

Валерка. Чтоб вы все провалились! И Большой Зверь, и оружейники, и сам Великий Канцлер! *(Подбирает с земли кусок известки, вскидывает в руке, яростно чертит на стене угловатую спираль и рассекает ее прямой чертой.)*

Сзади появляются два гвардейца.

Первый гвардеец. Ого! Чем занимается Юный Трубоч, Спаситель Города!

Валерка резко оглядывается.

Второй гвардеец. Мы, конечно, вас уважаем. Светлый Рыцарь, однако придется вас задерживать. Таков приказ.

Валерка. Что еще за приказ?

Первый гвардеец. Чтобы всех задерживать, кто, значит, рисует... вот это самое...

Второй гвардеец. Так что, значит, сдайте оружие...

Валерка *(выхватывает нож из чехла)*. Только суньтесь, тюлени.

Первый гвардеец. Мы не тюлени, а на службе Великого Канцлера. При исполнении...

Второй гвардеец. Лучше сдавайтесь без этого... сами...

Валерка. А ну, пропустите!

Первый гвардеец *(второму)*. Взять мальчишку!

Оба вынимают шпаги. Валерка бросается в бой, но силы неравны, его прижимают к стене.

Второй гвардеец. Слабоват мальчик-то, хотя и рыцарь.

Первый гвардеец. Это тебе не на трубе играть...

Валерка пригибается, бьет одного головой в живот, другого рукоятью ножа по спине. Вылетает на середину сцены. С размаху проводит по земле черту. Придя в себя, гвардейцы бросаются на него.

Валерка *(вскидывает нож)*. Стой!.. Может, я сражаюсь плохо, но эту штуку бросаю точно. Кто не верит, пусть посмеет переступить черту! Ну?!

Первый гвардеец *(оглядываясь)*. На помощь! Бунт против Великого Канцлера!

Появляются еще гвардейцы. Нерешительно выстраиваются у черты. Валерка держит нож наготове, и это смущает их: никому не хочется быть первым... Неожиданно начинают бить часы.

Валерка. Полночь! Теперь совсем не советую шагать через черту! Окажетесь в таких местах, где вас не ждут! Слышали про ночь большого прилива? Знаете, что такое Переход? Не знаете! Не забивали свои тупые мозги науками! Прощайте, храбрецы! Я ухожу к тому, кто научит меня держать шпагу!

Занавес

Картина вторая

Сквер в обычном современном городе. На переднем плане скамейка. Посреди сцены, как и в сказочном Городе, большое старое дерево. Пятясь, выходит Валерка. Оглядывается. Все ему здесь незнакомо. Осторожно поглядывая по сторонам, Валерка уходит. Выбегает Володька, тащит за собой большой воздушный змей. Весело усаживается на скамейке — он решил отдохнуть после удачного запуска. Через несколько секунд он замечает кого-то, хитро улыбается, прячется со змеем за скамьей. По сцене задумчиво, не замечая окружающего, проходит Сергей. Он со спортивным чемоданчиком, шпагой и фехтовальной маской. Володька пропускает его, по-кошачьи подкрадывается и с радостным воплем прыгает Сергею на спину.

Володька. Ура! Попался!

Сергей. Володька! Ух ты, обормот... Ну, я тебя!

Хватает Володьку под мышку, несет к скамейке. Тот с хохотом дрыгает ногами. Сергей сажает его на скамейку, садится рядом.

Не дитя, а пират какой-то. Чуть спину не сломал.

Володька. Сам «дитя»... А спина у тебя крепкая... Ну, победил?

Сергей. Кого победил?

Володька. На шпагах...

Сергей. Я же не на соревнованиях был, а на тренировке.

Володька. Ну и что! На тренировках ведь тоже сражаются! Победил?

Сергей. Двоих победил, одному проиграл...

Володька *(сниходительно)*. Все равно ты молодец. Ты потом всех победишь. И будешь олимпийским чемпионом.

Сергей. Я? В мои-то годы? Я даже не мастер спорта, у меня всего первый разряд...

Володька. Первый разряд — это все равно здорово. Вот тебе награда за победы... *(Он что-то с размаху вкладывает в ладонь Сергею.)*

Сергей. Что это?.. Какая маленькая шпага...

Володька. Я ее из проволоки сделал. Тебе в подарок... Ты ее всегда носи с собой, вот здесь.

Всовывает шпагу в нагрудный карман на рубашке Сергея.

Сергей. Спасибо, Володька...

Он опять задумывается. Володька смотрит на него сперва выжидательно, потом с тревогой.

Володька. Ну, ты чего... чего такой?

Сергей. Какой?

Володька. Кислый и вареный.

Сергей. Нет, Володька. Я просто задумчивый... Вспоминается мне один странный сон.

Володька. Ты что, в сны веришь?

Сергей. Да при чем тут «веришь»? Не в этом дело. Какой-то удивительный сон и... будто все по правде. Будто мне снова двенадцать лет, и я оказался в городе Севере-Подольске. Я встретил двух мальчишек... Ну, приключения там всякие, даже битва с железным змеем... И будто я не успел что-то сделать, не помог им как надо... А старший из них был мой лучший друг...

Володька. Лучше, чем я? *(Сделав равнодушное лицо и насвистывая, он встает и отходит к дереву.)*

Сергей. Володька...

Володька *(не оборачиваясь)*. Что?

Сергей *(вставая и подходя к нему)*. Что ты, малыш... Это же случилось, когда мне было двенадцать лет. И это же сон...

Володька *(хмуро, но уже оттаивая)*. Сам «малыш»...

Сергей снова подводит его к скамейке. Рассматривает змей.

Сергей. Лучше расскажи, как твои дела. Летает эта штука?

Володька. Конечно, летает! Я его на всю длину нитки отпустил. И нитка хорошая. Спасибо, что ты мне этот моток подарил.

Сергей. Не рвется?

Володька. Нет, конечно! Нитки, которые друзья подарили, никогда не рвутся!

Сергей. Ну вот... А ты дуешься. *(Шутя хлопает его по носу.)*

Володька. Я не дуюсь. Это ты киснешь... Слушай, пойдем купаться! Ты сразу развеселишься!

Сергей. Ага, развеселишься там... Сегодня вода холодная.

Володька. «Холодная-холодная»... Ты прямо как пенсионер.

Сергей. Ну и что? Ты забыл, сколько мне лет?

Володька *(уверенно)*. Двенадцать.

Сергей. Иди ты...

Володька. Просто смех берет, как ты взрослого из себя воображаешь.

Сергей. А что я, не взрослый, по-твоему?

Володька. Нет, конечно! Разве взрослые такие?

Сергей. А какие?

Володька. Ну... они важные. У них жены, дети...

Сергей. Подумаешь... У меня тоже будет жена, у меня невеста есть.

Володька. Где?

Сергей. В Москве, в аспирантуре. Я тебе сто раз говорил.

Володька *(подумав)*. Невеста — это не считается. У меня, например, две невесты было. Одна в детском саду, а одна в первом классе. Записки мне печатными буквами писала.

Сергей *(озадаченно)*. Ну, ты даешь...

Володька. Отвечай прямо! Идешь со мной купаться?

Сергей. Мучитель... Змей хотя бы домой отнеси, не тащить же его на речку.

Володька *(радостно подпрыгивает)*. Я сейчас! А ты сиди здесь, никуда не уходи, ладно? Я бегом!..

Он убегает. Сергей с полминуты сидит, откинувшись на спинку скамьи, потом говорит, словно размышляя.

Сергей. Разве я виноват? Я не хотел этого... Я понимаю, что глупо тосковать по людям, которых однажды увидел во сне. Но я помню их так четко, словно все было наяву. Старшего звали Валерка, а младшего... даже не знаю как. Он был Валеркин братишка, и я так и звал его про себя — Братик. Смелый такой был братик и преданный... И Валерка смелый. Он рассказывал, как спас Город, когда неожиданно напали враги. Они ворвались в крепость обманом, но Валерка успел заиграть боевой сигнал тревоги. Он был там трубачом... Мы, как встретились, сразу подружились. И нам было хорошо. Но потом случилась какая-то тревога, все смешалось, они исчезли. Я искал, звал... Кажется, даже плакал. В двенадцать лет это бывает...

Во время монолога Сергея появляется Валерка. Сперва оглядывается, потом замечает Сергея. Видимо, узнает. Медленно подходит со спины, кладет на плечо Сергею ладонь. Сергей, не оборачиваясь, берет его руку.

Сергей. Володька? Быстро ты прибежал... *(Не дождавшись ответа, оглядывается. Встает.)* Валерка... Это ты?

Валерка *(медленно и немного виновато)*. Мне больше не кому было прийти. Не сердись, что я помешал...

Сергей. Помешал? Да ты что! Я... Валерка!.. Ах ты черт, жаль только, что это опять сон.

Валерка. Это не сон, это Переход. Неужели ты в тот раз не понял? Переход в двух пространствах. Я дождался большого прилива и пришел... Только ты можешь нам помочь.

Сергей. Я готов.

Валерка. Правда готов? Прямо сейчас?

Сергей. Да. А что надо делать?

Валерка. Ты хорошо владеешь шпагой?

Сергей. Ну... владею. Средне. Почему ты решил, что хорошо?

Валерка. Я же помню, как ты разделался с железным змеем.

Сергей. Значит, это была правда? Не приснилось?

Валерка. Конечно нет!

Сергей *(подтянувшись, уже другим голосом)*. Значит, нужна моя шпага?

Валерка молча кивает.

Сергей. Валерка.... Нужна боевая шпага?

Валерка чуть виновато кивает опять.

Сергей. Тогда я свинчу наконецчик. И надо зайти домой, наточить клинок.

Валерка. Мы наточим по дороге, о камни. Надо спешить.

Сергей. Тогда идем!

Валерка. Постой... В тот раз ты был такой, как я. А сколько же лет тебе сейчас?

Сергей *(неожиданно усмехаясь)*. Мне?.. Одна знающая личность утверждает, что мне всегда двенадцать.

Валерка *(очень серьезно)*. Вот и хорошо. Тогда пошли. *(Подводит Сергея к старому дереву.)* Осторожно. Сейчас — Переход.

Они заходят за дерево, и Сергей появляется из-за могучего ствола уже двенадцатилетним Сережей — мальчишкой в поношенных шортиках, кедах и клетчатой рубашке.

Сережа. Это что? Это я?.. Опять я?! Валерка, ты волшебник!

Валерка. Да при чем здесь я? Это закон Перехода. *(Снимает кожаную перевязь.)* Возьми, надень. Это тебе как раз для шпаги.

Сережа *(с удовольствием надевает перевязь, просовывает в шпагу кольцо, оглядывает себя. Потом говорит нерешительно)*. Послушай, а там, у вас... на меня не будут обращать внимания? Обыкновенный мальчишка — и вдруг со шпагой на боку...

Валерка. Не будут. Ты такой, как надо.

Сережа. А далеко еще до вашего Города?

Валерка. Несколько шагов. Здесь наши планеты сошлись вплотную... Я только хочу спросить...

Сережа. Что?

Валерка. Ну... ты же сам видишь — шпага-то настоящая. Значит, и дела могут быть нешуточные.

Сережа внимательно смотрит на Валерку.

Взрослый Сергей *(появляясь у края сцены, обращается к зрителям)*. Я не боялся. Я был уверен, что снова попал в сказку. А в сказках всегда хорошие концы. Могут быть страшныеключения, но добро всегда побеждает...

Сережа. Я не боюсь. Только объясни мне: что там у вас? Война?

Валерка. Смута. Я сам еще многого не могу понять... Я бы тебя не позвал, но я очень боюсь за Василька.

Сережа. За кого?

Валерка. За брата... Ты его помнишь?

Сережа. Помню, конечно! Только я... не знал, что его так зовут.

Валерка *(чуть смущенно)*. Это я его так зову... Как он там сейчас без меня?!

Сережа. Так что же мы стоим?

Валерка. Идем!

Взрослый Сергей. И мы шагнули совсем в другой мир. В странный тревожный город под голубой луной. И я... в те минуты я, честно говоря, не помнил о Володьке...

Сергей отступает в тень. Прибегает Володька, растерянно останавливается у пустой скамейки. Оглядывается.

Володька. Сережа!.. Сережа-а!!!

Он ждет, потом обиженно садится на скамью.

Занавес

Картина третья

Снова Город, где живут Валерка и Братик. Светит яркая луна. На площадь перед часами и деревом выходят Валерка и Сережа.

Валерка *(продолжая разговор)*. Вот ты меня все спрашиваешь, спрашиваешь, а я и сам еще многого не понимаю. Я же еще не взрослый...

Сережа. Но все-таки ты в этом городе живешь. Тебе легче разобратся, чем мне.

Валерка. В этом городе... А знаешь, сколько я в нем не был?! В тот раз, когда в Город ворвалась армия князя Данаты и я затрубил сигнал, нас с Васильком сбросили со стены. Вот тогда мы и оказались в вашем Севере-Подольске. Какой-то фокус нашего пространства и времени...

Сережа. Это в тот раз, когда мы познакомились?

Валерка. Да... В Севере-Подольске прошел один день, а здесь... чуть не двести лет. Когда мы вернулись, никого из друзей и знакомых уже не было. И жизнь совсем другая...

Сережа. А как это могло случиться?

Валерка. У нас другой мир и другие законы пространства и времени. У вас ученые придумали машины, ракеты, электричество, а у нас они разгадывают тайны: как далекое сделать близким и дотянуться рукой до звезд; что такое мысль; в чем хитрость времени...

Сережа *(неуверенно)*. Ну, и у нас, по-моему, это изучают...

Валерка. Может быть... Но на нашей планете это главные науки. И тот ученый, который их изучил, получает звание Звездного Мастера.

Во время разговора они поднимаются на балкон башни.

Сережа. И много у вас таких Звездных Мастеров?

Валерка. Немного. Но у нас с Васильком есть один, знаковый. Он наш друг. Особенно он Василька любит...

Сережа. А где он сейчас?

Валерка. Мастер?

Сережа. Да нет... Братик.

Валерка. Он с барабанщиками. А барабанщики... А они как раз идут сюда! Смотри!

Барабанщики выходят на площадь и встают шеренгой лицом к стене с фонариками. Несколько секунд стоят молча, потом играют короткий и негромкий сигнал. После сигнала каждый выходит вперед, касается стены зажатými в кулаке палочками, секунды две-три стоит так с опущенной головой и возвращается в строй. В это время у Сережи и Валерки идет разговор.

Сережа. Что это они делают?

Валерка. Это их клятва. Они перед каждым трудным делом дают здесь обещание, что... ну, в общем, что будут держаться до конца.

Сережа. А почему у этой стены?

Валерка. Потому что здесь погибли шесть барабанщиков. Помнишь, я рассказывал? А фонарики горят в память о них...

Сережа. Так и неизвестно, кто в них стрелял?

Валерка. Нет... Эта загадка так и висит над Городом... А барабанщики с того дня держатся вместе. Они раздобыли оружие и поклялись, что все равно узнают и отомстят... И Василек с ними. Думаешь, он тихий и послушный? Он отчаянный...

Сережа *(приглядываясь)*. А где он?

Валерка. Сейчас... Василек!

Барабанщики уже закончили свою клятву. Встали в круг, негромко обсуждают что-то, настороженно поглядывая по сторонам. Услышав оклик Валерки, Братик оставляет товарищей и бежит к лестнице. Валерка и Сережа спускаются навстречу.

Валерка. Вот, я привел Сережу... Узнал?

Братик *(смущенно)*. Узнал... Здравствуй.

Сережа. Здравствуй... А ты немножко подрос.

Братик *(очень серьезно)*. Немножко.

Валерка. Ребята не обидятся, что ты ушел от них?

Братик. Нет. Мы все равно уже все дела кончили.

Валерка *(обрадованно)*. Значит, пойдем домой?

Братик. Ой, нет... Мы еще не совсем кончили. Я еще немножко с ребятами.

Валерка *(с тревогой)*. Василек, что вы опять задумали? Зачем опять собрались у стены?

Братик. Да ничего особенного, не бойся...

Валерка. «Не бойся»... Только и дрожу за тебя. Да и за всех за вас...

Братик. Нас же много. Когда мы вместе, нам ничего не страшно.

Валерка. Когда вместе! Но потом вы расходитесь.

Братик. Мы провожаем друг друга... И у нас есть три самострела.

Валерка. Да кто из вас его натянет, самострел-то?

Братик. А мы каждый все вместе натягиваем, а потом раздаем лучшим стрелкам.

Валерка. Самострел — это на один выстрел... Возьми мой нож. На всякий случай.

Б р а т и к (*очень охотно*). Давай!

Валерка отстегивает от пояса нож. Братик, подняв на животе рубашку, деловито пристраивает его за ремешком. Потом спохватывается, встревоженно вскидывает глаза.

Ой, а ты как будешь без оружия?

Сережа (*трогая рукоять шпаги*). Не бойся, нам пока хватит одной на двоих.

Валерка. Ты же знаешь, он — мастер клинка.

Барабанщики в это время уже нетерпеливо смотрят на Валерку, Сережу и Братика.

Один из барабанщиков. Василек! Нам пора.

Братик. Иду! (*Валерке и Сереже*.) Ну, я пошел, ладно?

Валерка. Постарайся не задерживаться, мы будем ждать дома.

Братик. Я скоро...

Он отступил на шаг, помахал рукой, убежал к барабанщикам. Они опять выстроились в шеренгу, сыграли свой марш, перестроились по двое и ушли с площади. Валерка и Сережа смотрят им вслед.

Сережа. Что у них за эмблема такая на рубашках?

Валерка. Это знак преодоленного времени. Символ непокорности предсказаниям...

Сережа. Что-что?

Валерка. Ну, такой специальный знак. Его чертят те, кто не хочет подчиняться предсказаниям Книги Белого Кристалла. Он запретный. Но барабанщики все равно его носят. А теперь и факельщики. Они теперь заключили с барабанщиками союз. А вообще-то они в разных армиях...

Сережа. А что за разные армии? Почему у вас люди воюют?

Валерка. По разным причинам... Считается, что нельзя не воевать, раз междоусобные бои предсказаны Книгой Белого Кристалла.

Сережа. Да что это за дурацкая книга такая?

Валерка. Не такая уж она дурацкая. Все, что в ней предсказано, случается на самом деле: и бои, и пожары, и наводнения...

Сережа. Но если известно заранее, что какое-то несчастье случится, можно постараться, чтобы его не было!

Валерка. Люди считают, что бесполезно стараться. Раз Книга предсказала, никуда не денешься.

Сережа. А откуда эта книга взялась?

Валерка. Лет сто назад самый главный ученый — Большой Звездный Мастер — сумел проникнуть сквозь время в далекое

будущее. И написал в своей книге про все, что должно случиться. Про все события на нашей планете.

Сережа. Постой!.. Но если у вас все предсказано, значит, про гибель шестерых барабанщиков тоже кто-то знал? И не попытались спасти? Это же... Это хуже предательства!

Валерка. Сережа, мне самому еще многое непонятно. Я сам хотел спросить Звездного Мастера, почему... Стой.

Сережа. Что?

Валерка. Патруль. Гвардейцы... Ладно, идем. Делай вид, что не замечаешь их.

Они идут навстречу патрулю — двум гвардейцам в плоских медных касках и грузному усатому офицеру в шлеме с перьями. Когда между ребятами и патрулем остается несколько шагов, гвардейцы загораживают дорогу.

Офицер. Мы приветствуем двух юных рыцарей: славного Трубача и его доблестного юного друга, имени которого мы не знаем.

Валерка (*настороженно*). Сколько слов... Что вы хотите?

Офицер (*вкрадчиво*). Мы слышали шум барабанов. Мы хотели бы знать, где ваш маленький храбрый брат и его друзья.

Валерка. Какое вам дело! Каждый может ходить, где хочет.

Офицер. Конечно, Светлый Рыцарь. Но в это смутное время дети нуждаются в защите...

Валерка. Обойдутся они без вашей защиты... Дайте нам пройти!

Офицер. Разумеется, Светлый Рыцарь. Но мы хотели бы пойти с вами. В наше караульное помещение.

Гвардейцы сдержанно усмеваются.

Валерка. А мы не хотели бы! (*Он протягивает руку к поясу и вспоминает, что отдал нож. Растерянно оглядывается на Сережу*.)

Офицер. Вы храбрые рыцари, вы мужчины. Но все же вам придется послушаться нас. (*Он и гвардейцы кладут ладони на рукояти шпаг*.)

Сережа (*со сдержанной злостью*). Руки...

Офицер. Что, Светлый Рыцарь?

Сережа. Руки с эфесов! Уйдите с дороги!

Офицер. Юный рыцарь, нас трое. Отдайте оружие, сейчас не до игры. (*Он и гвардейцы нацеливают клинки Сереже в грудь*.)

Сережа. Оружие? Возьмите! (*Откачнувшись, выхватывает шпагу и захватом клинка вышибает оружие сразу у двух гвардейцев*.)

Валерка молниеносно подхватывает их шпаги. Гвардейцы обалдело отскакивают. Офицер отступает на шаг, потом принимает подчеркнуто боевую стойку и делает красивый выпад.

Сережа. Ну-ну, сеньор, вы не в театре. Не надо эффектов.

Офицер начинает тяжело скакать вокруг, пытаясь задеть Сережу шпагой. Тот легко отбивается и ускользает.

Валерка (*направив шпаги на гвардейцев*). А ну, стойте спокойно! Вояки липовые!

Гвардейцы прижимаются к стене и поднимают руки.

Сережа (*продолжая бой и обращаясь к Валерке*). Они все у вас такие бездари? Чему их тут учат?

Валерка. Они привыкли нападать толпой, да и то после хорошей выпивки...

Сережа. А ты говорил, у вас не воюют с детьми.

Валерка. Это считается не война, а охрана спокойствия... Не убивай его, он дурак.

Офицер (*хрипло и обессиленно*). Брось оружие... Именем предначертанного будущего...

Сережа. Чего-чего? (*Легонько тыкает офицера в ногу. Тот, взвывая, широко замахивается шпагой. Сережа быстро приставляет свой клинок к его животу.*) Спокойно. Вы утомились. Разожмите пальцы... (*Шпага падает, Валерка тут же подбирает ее.*) Вот так. Хороший замах полезен в любом деле, кроме фехтования. Можете опустить руку...

Обезоруженный офицер пьтится.

Один из гвардейцев. Отдайте шпаги, рыцари. Нас выгонят из гвардии.

Валерка. И правильно сделают. Будете торговать вареной репой... Сережа, идем.

Он берет Сережу за руку, и они отходят от гвардейцев. Когда между ребятами и гвардейцами уже с десяток шагов, офицер выхватывает пистолет, прицеливается и стреляет мальчишкам вслед. Сережа вздрагивает, растерянно берется за плечо. Валерка стремительно оглядывается.

Валерка. Гады! (*Отбрасывает одну шпагу, а с двумя бросается на гвардейцев. Те в панике спасаются бегством.*)

Сережа, оставшись один, отрывает от плеча ладонь, смотрит на нее, потом подхватывает брошенную Валеркой шпагу, быстро идет следом. Но Валерка уже возвращается.

Валерка (*оглядываясь и тяжело дыша*). Предатели... Они не люди. Это же наемники... (*Сережа опять нерешительно трогает плечо.*) Сережа, что? Тебя ранило?

Сережа (*виновато улыбаясь*). Да нет... Только обожгло.

Валерка. Покажи.

Сережа. Да ерунда. Только...

Валерка (*очень встревоженно*). Что?

Сережа. Понимаешь, до сих пор мне казалось, что это все-таки сон. Сказка... А теперь, когда пуля свистнула рядом, я понял, что все по правде.

Валерка. Прости, это все из-за меня... (*Он смущен и расстроен.*) Но я же говорил, что это всерьез. Настоящее.

Сережа (*радостно и решительно*). Ну и пусть настоящее! Это хорошо! Значит, и ты настоящий! И Братик!

Валерка. Но и убить могут по-настоящему...

Сережа невольно задумывается, потом хочет что-то сказать, но в это время начинают бить часы.

Сережа. Что это?

Валерка. Полночь. Главные часы планеты бьют. Их построил Большой Звездный Мастер... Сережа, если ты хочешь, можешь сейчас вернуться домой.

Сережа. Как?

Валерка. В эту летнюю неделю, раз в году, бывают ночи большого прилива. В первый час после полуночи океан всей тяжестью катится на берега и чуть-чуть сдвигает планету с орбиты. Она касается чужого пространства, вашего. И тогда — очень легкий переход: проведи черту, сделай шаг — и будешь дома.

Сережа. А ты? А Братик? Вы можете уйти со мной?

Валерка. Мы могли бы... Но это же наш Город. Наша планета. Как же мы ее оставим? Да еще в такое смутное время...

Сережа. А ты хочешь, чтобы я оставил вас, когда кругом опасность? (*Валерка опускает голову.*) Зачем ты так? (*У Сережи звучат слезы обиды.*) Разве я вас бросал? Разве я когда-нибудь трусил? Я всегда с вами... а ты...

Валерка. Извини. Ну, пожалуйста... Но я должен был это сказать. На всякий случай.

Сережа. «На всякий случай»... Братик никогда бы так не сказал, он умнее тебя.

Валерка (*виновато, но уже весело*). Конечно!.. Ой, вот он идет!

Появляется Братик с тяжелым заряженным арбалетом.

Б р а т и к. Вот вы где! Прихожу домой, а вас нет!

В а л е р к а. И пошел нас искать! Один! Сумасшедший... Ну-ка дай, а то продырявишь случайно... *(Осторожно разряжает арбалет.)*

Б р а т и к. А кто тут стрелял?

В а л е р к а. Гвардейцы дурака валяли... Ну, ребята, домой! *(Он за плечи берет Братика и Сережу. Братик прихрамывает.)* Ты почему хромаешь?

Б р а т и к. Да так, барабаном по ноге настукало. У него обод железный.

С е р е ж а. Постой-ка... *(Садится на корточки, разглядывает ногу у Братика.)* Ничего себе «настукало»! До крови содрано!

В а л е р к а *(тоже приглядываясь)*. Надо бинтовать ногу, чтобы не царапало.

Б р а т и к. Да ну, некогда... Теперь уже все равно. Недолго осталось...

В а л е р к а. Что недолго? Почему?

Б р а т и к *(неуверенно)*. Ну... это я так просто сказал.

В а л е р к а *(встревоженно и требовательно берет его за плечи)*. Василек! Что вы задумали? Не молчи только, давай рассказывай.

Б р а т и к. Да, «рассказывай». Я не могу.

В а л е р к а. Почему?

Б р а т и к. Ну, мы же клятву дали. Все барабанщики и факельщики...

В а л е р к а. А я чужой, что ли? *(Оглядывается на Сережу.)* А он? Он наш лучший друг! Он пришел нам помогать!

Б р а т и к. Тогда дайте честное слово, что не будете отговаривать.

В а л е р к а. Наверно, какое-то сумасшедшее дело.

Б р а т и к. Хорошее дело!

В а л е р к а. Ладно... Даем слово. Из тебя иначе ничего не вытянешь.

Б р а т и к. Это правда хорошее дело... Завтра отряды Большого Зверя и оружейников должны сойтись для боя на улице у крепостных ворот. А мы с факельщиками должны идти впереди... Мы договорились, что, когда армии сойдутся, не дадим им воевать.

В а л е р к а и С е р е ж а. Как?

Б р а т и к. Мы придумали! Мы забежим на цепную башню и механизмами опустим решетки, которые перегораживают улицу. Эти решетки разделят все на маленькие кучки. Как в клетках! А мы потребуем у всех самую большую клятву, что с этого дня воевать никто не станет.

В а л е р к а. Так вас и послушают!

Б р а т и к. А куда они денутся? Мы их не выпустим, пока не поклонятся.

В а л е р к а. Ох, бестолковый вы народ... Если бы все делалось так легко...

Б р а т и к. Ты дал слово не мешать.

В а л е р к а. При чем тут «мешать»? Я просто боюсь, что ничего не получится.

Б р а т и к. Получится! И тогда пускай Великий Канцлер сидит в своей башне и воет от злости!

В а л е р к а. Ладно, пошли домой. А то опять появятся гвардейцы.

С е р е ж а. А почему они на нас напали?

В а л е р к а. Они невзлюбили барабанщиков. Наверно, что-то чувят. Раньше они на ребят не нападали. Их задача — охранять особу Великого Канцлера.

С е р е ж а. А кто он такой, этот Канцлер?

В а л е р к а. Наш правитель. «Отец и Защитник Города и всех степей и гор до самого Океана».

С е р е ж а. А он за кого? За Большого Зверя или за оружейников?

В а л е р к а *(усмехаясь)*. Он ни за кого. Он слишком велик... Он сидит в своей башне и скорбит о погибших... А предводители разных цехов режутся, чтобы получить повыше звание в свите Великого. И все клянутся в любви к народу и Канцлеру.

С е р е ж а. Но если он такой... «отец и защитник», почему он не прекратит эту дурацкую войну?

В а л е р к а *(опять с грустной усмешкой)*. А зачем? В Книге Бельного Кристалла сказано, что будет междоусобная война. Значит, надо воевать... Великий и мудрый Канцлер учит жить по законам Книги.

Б р а т и к. Дурак он...

В а л е р к а. А ты умный... Ну-ка, брысь спать.

Б р а т и к. Только я у стенки не лягу, там пауки-косиножки водятся.

В а л е р к а. Наш храбрый барабанщик...

Б р а т и к. Подумаешь! А ты с большого моста нырять боишься.

В а л е р к а *(ласково)*. Ябеда... Ты пока ляжешь один, у нас с Сережей еще дело...

С е р е ж а. Какое?

В а л е р к а. Ты меня поучишь драться на шпагах. Боюсь, что завтра нам это пригодится.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Сереза и Валерка поднимаются на балкон башни, над которой видны громадные шестерни и ворот с цепями.

Сереза. А почему нам не пойти с барабанщиками?

Валерка. Мы подождем их здесь. Как только все начнется, барабанщики и факельщики рванутся сюда, чтобы опустить решетки. Я думаю, здесь мы нужнее... И к тому же отсюда лучше видно...

Сереза. Смотри, идут...

Валерка. Армия оружейников. И факельщики впереди...

Сереза. Не смяли бы их, когда начнется свалка.

Валерка. И барабанщиков могут смять... Но если все получится, как хотели, свалки не будет. *(Раздается нарастающий марш барабанов.)* Смотри, отряд Большого Зверя идет. И наши барабанщики...

Сереза *(с тревогой и напряжением)*. Сейчас сойдутся... *(Перегибается через перила.)*

Барабанный марш неожиданно обрывается. И мальчишечий голос громко и звонко кричит: «Стойте! Хватит воевать! Хватит убивать друг друга, не верьте глупым предсказаниям!..» Раздается топот многих ног, мальчишки с барабанами и факелами взбегают по ступеням. Они увлекают Серезу и Валерку на верхнюю площадку, к механизмам. Неожиданно все останавливаются. Из-за шестерен и столбов, из темных углов молча возникают гвардейцы. Несколько секунд тянется замешательство. Один из факельщиков неожиданно прыгает к вороту с цепями и дергает рычаг. Стоящий вблизи гвардеец молча сшибает его ударом кулака. Сереза и Валерка одновременно выхватывают шпаги, прыгают вперед. Но их опережает мальчик — командир факельщиков.

Командир. Прочь от машин, гвардейцы! Это не ваше дело, убирайтесь!

Офицер-гвардеец поднимает пистолет и выстрелом сшибает командира факельщиков. Тот падает со ступеней. Опять секунда растерянности. Потом Братик, который в первом ряду барабанщиков, отчаянно рвется вперед.

Братик. Гады! Убийцы!

Он с размаху бьет офицера тяжелым барабаном на длинном ремне. Другие гвардейцы замахиваются на Братика шпагами, Валерка и Сереза закрывают его. Ребята и гвардейцы бросаются друг на друга, закипает бой.

Братик, как может, машет тяжелым Валеркиным ножом, лезет в самую свалку. С него срывают рубашку... Очень скоро становится ясно, что силы неравны, гвардейцы легко теснят мальчишек.

Валерка. Отходите! Отходите все по лестнице! *(Он с Серезей прикрывает ребят.)*

Сереза. Уносите раненых, мы задержим гвардейцев! *(Отчаянным напором они заставляют врагов слегка отступить. Ребята, подхватив упавших, отступают один за другим.)*

Валерка *(во время секундной передышки)*. Ч-черт, я же говорил, что бесполезно... А где Василек? *(Он оглядывается.)*

Братик, прислонясь к стене, медленно сползает на ступени. Слабо улыбается, держится за плечо. Валерка, забыв обо всем, подхватывает Братика. Сереза, увидев, что случилось, с яростью кидается на гвардейцев, один из врагов, отшатнувшись, спотыкается, падает с площадки, увлекая других. Сереза прыгает за ними. На площадке остаются Валерка и Братик, слышен шум недалекого боя. Валерка не знает, что делать: спасти Братика или кидаться на помощь Серезе. Но Сереза быстро возвращается.

Сереза. Они отошли, я там проход завалил... *(Наклоняется над Братиком.)* Что с ним?

Валерка *(всклиывая)*. Сволочи... Смотри, рапирой в плечо. Глубоко...

Сереза. Потерпи, Братик... Валерка, уходим, пока они не вернулись. Скорее...

Валерка подхватывает Братика на руки, спускается по лестнице. Сереза, взяв Валеркину шпагу, с двумя клинками наготове, отступает за ним. Они заходят в каменную нишу со скамьей. Валерка осторожно кладет Братика.

Валерка. Очень больно, Василек?

Братик *(слабым голосом)*. Не очень... Только жжет...

Сереза. Надо перевязать... *(Отрывает от рубашки подол, осторожно прижимает бинт к плечу Братика.)* Даже промыть нечем. Врач нужен. В этом идиотском городе есть врачи? Или только дураки и убийцы?

Валерка. Надо к Звездному Мастеру. Он вылечит, он знает все науки.

Сереза. Это далеко?

Валерка. Не очень, в Северной башне. Давай понесем...

Пытается осторожно взять Братика на руки. Тот вскрикивает. Валерка испуганно опускает его на скамью. Растерянно оглядывается на Серезу.

Сереза. Больно ему. Не донесем мы...

Валерка. Тогда я побегу за Мастером! Это будет скорее! Ты охраняй, а я помчусь!

Сереза. А если здесь появятся гвардейцы?

Валерка. Они всюду могут появиться. А здесь незаметный уголок, может, не найдут.

Сереза. Беги!

Валерка убегает. Сереза, взяв две шпаги, загораживает Братика, настороженно смотрит по сторонам. Потом оглядывается на Братика, подходит, наклоняется.

Сереза. Больно, Василек?

Братик. Не... Если не трогать, не больно... Только пить хочется...

Сереза. Скоро Мастер придет, все будет хорошо. Потерпи чуть-чуть...

Братик. Я потерплю... Жалко, что ничего у нас не получилось.

Сереза. Еще получится. Мы им еще покажем.

Братик. А здорово я тому дал? Барабаном...

Сереза (*сдерживая слезы*). Здорово. Ты храбрый. Василек... Самый лучший на свете барабанщик... Только не разговаривай, тебе вредно.

Братик. Ладно... Сереза...

Сереза. Что, Василек?

Братик. Кто такой Володька?

Сереза. Володька?

Братик. Да... Ты его звал прошлой ночью, во сне... Это кто?

Сереза. Это... ну, просто мальчик. Вроде тебя.

Братик. Твой друг?

Сереза. Такой же, как ты...

Раздаются тяжелые шаги, Сереза опять вскакивает, загораживает Братика. Мимо проходит гвардейский патруль, не замечает ребят. Сереза возвращается к Братiku.

Сереза. Василек... (*Наклоняется ниже.*) Сознание потерял... (*Беспомощно оглядывается.*)

Появляются Валерка и Звездный Мастер — худой старик в темном балахоне и академической старинной шапке, с большой холщовой сумкой. Мастер, молча и торопливо отодвинув Серезу, наклоняется над Братиком. Приподнимает бинт.

Мастер. Маленький ты мой... (*Братик тихонько вскрикивает.*) Полминутки потерпи, малыш... (*Достает из сумки бинт,*

склянки, флажку. Подносит флажку к губам Братика. Быстро и умело делает компресс.) Все... Теперь ему хорошо. Только надо с полчаса полежать спокойно, его пока нельзя шевелить.

Валерка наклоняется над Братиком. Потом поднимает голову.

Валерка (*Мастеру*). Он поправится?

Мастер. Очень скоро. Мое лекарство самое сильное... Лишь бы не случилось черного воспаления.

Валерка. А оно не случится?

Мастер. Едва ли. Оно бывает у старых и нездоровых людей...

Сереза. Перевяжите мне руку, Мастер... Зацепили все-таки клинком.

Мастер (*делая перевязку*). Вы храбрые дети... Недаром вас зовут рыцарями... Но разве мальчики могут изменить предначертанное будущее?

Сереза. Ну, конечно! Мальчики ничего не могут! Они должны только слушаться и терпеть, когда взрослые делают глупости... Только падать и умирать мальчики могут, как взрослые! Это им разрешается...

Опять не замечая ребят и Мастера, проходит патруль. Когда он удаляется, Мастер печально качает головой.

Мастер. Когда кончатся эти багровые времена? Когда Великий Канцлер перестанет печалиться о страдающих детях?

Сереза. Если он такой добрый, ваш Канцлер, зачем он позволяет литься крови?

Мастер. Он не добрый и не злой. Он неизбежный. Как всё в этом мире.

Сереза. Ну, неужели у вас все расписано наперед? Неужели легенда о Большом Звездном Мастере — это правда?!

Мастер. Правда... Он проник сквозь время и составил Книгу судеб. Это был непомерный труд, но ему помогал Белый Кристалл...

Сереза. Что за кристалл?

Мастер. Живой волшебный камень, хранитель мудрости... Когда Книга была написана, Кристалл распался на тысячи осколков. Они есть у каждого Звездного Мастера. В них целебная сила. Такой осколок я и положил на плечо нашему малышу...

Валерка (*опять наклоняется над Братиком*). А почему вы говорите, что он белый? Он как уголек...

Мастер (*срываясь с места*). Где? (*Тоже наклоняется над Братиком. Долго смотрит на осколок Кристалла, встает, отворачивается к стене.*) Бедный мальчик...

Валерка. Что?!

Сереза. Что случилось?

Мастер (*глухо*). Если осколок кристалла почернел, этому человеку суждено умереть до полуночи.

Валерка (*словно стараясь криком защитить Братика*). Нет!!

Мастер молчит.

Сереза. Чушь какая! Вы же сами говорили, что рана неопасная!

Мастер. Разве дело в ране? Дело в предсказании...

Сереза. В предр... прен... тьфу! Не может этого быть!

Мастер (*горько*). Вам еще нужны доказательства? (*Сутулясь, достает из сумки большую книгу, медленно листает ее. Сереза нервно подходит.*) Вот что написано про сегодняшний день... «В битве на старой башне будет убит седьмой барабанщик, самый юный и самый бесстрашный. Брат и друг его, тоже смелые рыцари, горько оплачат его...»

Валерка (*поднимая над Братиком голову*). Но он же не убит! Он просто спит. Посмотрите! Он спит!

Мастер (*безнадежно качая головой*). До полуночи еще целый час. А черное воспаление убивает за несколько минут...

Валерка (*почти шепотом*). Сделайте же что-нибудь...

Сереза. Сделайте же что-нибудь!! Так же нельзя! Он же маленький!

Мастер. Что я могу?.. Любой человек на нашей планете бессилен перед законами Книги.

Сереза. Валерка! А если Переход? Если к нам? У нас такие врачи!

Мастер. Переход возможен только после полуночи... Нет, дети мои, это горькая наша судьба. Здесь написано: «Великий Канцлер тоже оплатит гибель барабанщика и в память о нем прикажет зажечь у Стены еще один фонарик...»

Валерка безнадежно опускает голову на грудь Братика. Он-то знает, как неумолимы законы Книги.

Сереза. Оплатит?.. А сам послал в башню гвардейцев! Предатель он, ваш Канцлер! Чтоб он сдох!

Мастер. Увы, ничего с ним не будет. Ему предсказано жить триста лет, до Эры Синей Воды, когда нашу планету покроют волны вечного Океана...

Сереза. Да?! А если он до этого в своей башне с лестницы загремит! А если костью насмерть подавится? А если сдохнет от

злости раньше, чем предсказано?! Тогда... тогда и другие предсказания полетят к чертям! Разве не так?

Мастер. Не так... Не полетят... Потому что ничего такого не может быть.

Сереза (*уже другим голосом, потому что в нем зреет ясная и уверенная мысль*). Не может?.. (*Он смотрит на рукоять шпаги.*) Валерка! Ничего... Ты не думай, что все... Ты же не зря позвал меня! До полуночи есть время!

Валерка с отчаянной надеждой вскидывает голову. Сереза срывается с места и убегает. Опускается занавес. Перед ним появляется в з р о с л ы й Сергей.

Сергей. Я бежал по пустым лунным улицам к самой высокой башне Города. К проклятому гнезду Канцлера... Как я мчался! Мне надо было успеть до полуночи. Обязательно успеть... Канцлер... Как я его ненавидел! Он о п л а ч е т седьмого барабанщика! Ему мало тех шестерых, что легли у Стены!.. Я ничем не могу помочь тем ребятам. Не могу их сделать живыми, здесь бессильна любая сказка... Я будто вижу наяву, как они валяются, сползают по камням от предательских выстрелов. И мне кажется почему-то, что каждый из них похож на Володьку... Или на Братика?

Не хочу, чтобы у Стены горел еще один фонарик!

Не хочу!!

...Я с ходу ворвался в башню, и часовые не остановили меня. Наверно, они думали, что мальчишка не страшен Великому Канцлеру.

Картина вторая

Внутренность башни Канцлера. Узкие окна, свечи. На стенах оружие. Канцлер сидит в глубине сцены за большим столом. Что-то пишет... Врывается Сереза. Тяжело дыша, останавливается посреди сцены.

Сереза. Вы — Канцлер?

Канцлер (*поднимая голову, невозмутимо*). Да, я Канцлер. А вы славный Рыцарь, друг нашего знаменитого Трубача...

Сереза. У вас есть шпага?

Канцлер (*весело и снисходительно*). Конечно. Но у вас, по моему, есть своя? Зачем вам еще одна?

Сереза. Она не мне, а вам...

Канцлер. Для чего же?

Сереза. Чтобы защищаться. Я вас убью.

Канцлер (*опуская голову*). Иди домой, мальчик.

Сереза (*яростно выхватывая клинок*). Возьмите шпагу, Канцлер! Или я... честное слово, я убью вас безоружного.

Канцлер (*вставая*). Меня нельзя убить, мальчик. В Книге сказано, что...

Сереза. Плевал я на вашу Книгу! Она меня не касается!

Канцлер (*вглядываясь*). Вот оно что... Книга говорит и об этом. Об отчаянном мальчишке, который с оружием проникает в наш мирный город... Но я сначала не понял, я думал, ты объявишься среди барабанщиков...

Сереза. И потому убили тех шестерых?!

Канцлер (*изображая благородное возмущение*). Опомнись, Рыцарь!

Сереза (*уже спокойнее*). Возьмите шпагу. Я считаю до трех... Раз...

Канцлер (*пожимает плечами, сбрасывает с плеч куртку и снимает со стены клинок. Говорит без злости, даже печально*). Я лучший фехтовальщик в Городе.

Сереза. Тем лучше для вас... Два!

Канцлер (*опять приглядываясь*). Сколько вам лет, Рыцарь?

Сереза. Двенадцать!

Канцлер. Боюсь, что это неправда.

Сереза. Правда! Мне всегда было и будет двенадцать!

Канцлер (*с неожиданной злостью*). Не будет! Если ты сейчас же не уйдешь отсюда!

Сереза. Я не уйду! У меня из-за вас умирает Братик!

Канцлер. Ты врешь, он тебе не брат.

Сереза. Брат!

Он бросается на Канцлера. Со звоном скрещиваются клинки, закипает бой двух опытных фехтовальщиков, которые понимают, что бой этот — смертельный. Канцлер сильнее, но Сереза более гибкий и подвижный. Они долго не могут нанести вреда друг другу. Наконец Канцлер выбивает у Серезы шпагу, а его ударом швыряет к стене.

Канцлер. Ну, вот и все. Ты сам хотел этого, мой мальчик.

Он берет шпагу в левую руку, снимает со стены длинный пистолет... Сереза беспомощно сидит у стены.

Взрослый Сергей (*появляясь у края сцены*). Я понял, что уже не поднимусь. Не было сил. И оружия не было... Я безучастно, почти без страха следил за Канцлером. Мне казалось, что он движется медленно-медленно. Это бесконечно растянулись в сознании последние секунды моей жизни. И в одну из этих секунд я вспомнил Володьку. Подумал, что, наверно, он все еще ждет меня... И тогда...

При неожиданном ударе струн возникает, как видение, Володька.

Володька. Почему ты упал?! Не смей!

Сереза. Я больше не могу...

Володька. Ты же сам учил меня, что надо держаться до конца!

Сереза. Значит, это конец... У меня нет сил.

Володька. Ты не имеешь права! Ты должен вернуться!.. Ты же обещал, что мы вместе пойдем в поход, что построим парусную лодку... Обещал, что будем дружить сто лет!

Сереза. Но я не могу... Я не виноват...

Володька. А Братик?

Сереза (*пытается встать и не может*). У меня нет оружия...

Володька. Есть! Моя шпага у тебя в кармане! Ты забыл?

Сереза (*берясь за карман*). Но она же игрушечная...

Володька. Игрушечных шпаг не бывает! Она настоящая! Вот она, держи!

Перелетев сцену, он протягивает Серезе длинный блестящий клинок. Сереза стискивает эфес. Секунду набирается сил и толчком поднимает себя. Канцлер вскидывает пистолет. Сереза, уклонившись от выстрела, бросается вперед и вышибает пистолет ударом шпаги. Опять завязывается бой. Володька отбегает к краю сцены. Взрослый Сергей берет его за плечи, притягивает к себе, оба они следят за поединком... Сереза выбивает клинок у Канцлера. Тот прижимается к стене.

Канцлер. Убить безоружного — невелика честь...

Сереза. А сам ты сейчас что хотел?

Канцлер. Я не хотел... Нет... Я делал вид...

Сереза ударом ноги швыряет ему оружие. Канцлер хватает шпагу и опять вступает в бой. Сереза ранит его в руку.

Канцлер (*отступая*). Меня можно только ранить. А убить нельзя... нет... (*Сереза прижимает его к стене*.) Зачем тебе убивать меня?

Сереза. Чтобы ты больше не учил людей жить по дурацким законам дурацкой Книги, чтобы люди не верили ее подлым предсказаниям... Чтобы братик мой жил!

Канцлер. Он все равно умрет.

Сереза. Врешь!

Канцлер (*бросаясь на Серезу*). Не вру!

Сереза (*выставляя навстречу шпагу*). Врешь!!

Канцлер надевается на клинок Серезы. Сереза рвет шпагу на себя. Канцлер неподвижно стоит несколько секунд и падает. Сереза, оглядываясь на него, подходит к стене, прижимается к ней лбом. Стоит так с

полминуты. Медленно подходит к лежащему Канцлеру, стоит над ним. Поняв, что Канцлер мертв, отходит, вытирает портьерой клинок. Локтем вытирает лоб, замечает опять рану на руке... Прислушивается к тишине...

Взрослый Сергей. «Все... — подумал я. — Теперь все... Может быть, еще случатся битвы и кровь, наводнения и пожары, но люди перестанут быть покорными. Я порвал проклятую цепь. И братик мой будет жить...»

Начинают бить часы. Полночь. Сережа, подняв голову, слушает, измученно улыбается. И вдруг опять замирает от испуга.

Взрослый Сергей. И вдруг я подумал: «А если Братик все-таки умер? Если он умер не от предсказания, а просто от раны?!»

Сережа срывается с места, мчится к Валерке и Братiku.

Занавес

Картина третья

Снова — Город. Вбегает на сцену Сережа. Из каменной ниши в стене ему навстречу шагают Валерка и Братик. Сережа несколько секунд смотрит на них, роняет шпагу.

Сережа. Братик... *(Обнимает его.)*

Братик. Ой... *(Берется за раненое плечо.)*

Сережа. Прости.

Братик *(виновато)*. Еще болит немножко...

Сережа. Но ты живой!

Валерка *(Сереже)*. Это ты сделал такое чудо... Сколько миллиардов раз я должен сказать тебе спасибо... *(Берет Сережу за руки.)* Ой, что у тебя? Кровь?

Сережа. По тому же месту опять царапнуло...

Валерка. Ничего себе царапнуло!

Сережа. Мастер перевязывает... Он где?

Братик *(смеясь)*. Он никак не мог поверить, что мне все лучше и лучше. Прямо чуть с ума не сошел от радости. И побежал куда-то.

Валерка. Он пошел за лечебной черепашьей травой, чтобы сделать компресс.

Братик. А у меня и так почти зажило!

Валерка. А у Сережи!.. Я сейчас приведу Мастера... Ребята, я сейчас... *(Он убегает. Может быть, он не хочет, чтобы видели его мокрые глаза.)*

Сережа *(Братiku)*. Ты живой... Вот счастье-то.

Братик *(чуть плутовато)*. Конечно. Это гораздо лучше, чем быть мертвым... *(Он осторожно берет Сережину руку, смотрит на рану. Спрашивает уже совсем серьезно.)* Страшно было, Сережа?

Сережа. Да... Но теперь уже все.

Братик *(так же серьезно)*. Теперь все... *(И уже по-другому, деловито.)* Давай я тебе рубашку зашью. У меня иголка и нитки всегда с собой, я хозяйственный.

Братик помогает Сереже стянуть рубашку, садится на скамью в нише, начинает умело махать иглой. Сережа, придерживая раненую руку, садится рядом.

Братик. Теперь ты скоро вернешься домой, да?

Сережа. Не знаю... Наверно.

Братик. Володька ждет, да?

Сережа. Может быть, и не ждет. Наверно, он очень обиделся, что я ушел так неожиданно. Будто обманул его.

Братик. Он не очень обиделся.

Сережа. Почему ты так думаешь?

Братик. Так... Я знаю.

За сценой нарастает шум толпы. Слышатся шаги. Сережа быстро встает, поднимает шпагу. Но опасности нет, появляются Валерка и Звездный Мастер.

Мастер. Великое и неслыханное дело свершилось в нашем Городе. Ты, юный Рыцарь, сделал то, что не было предсказано в Книге. И порвалась цепь событий!

Сережа. Ну и хорошо, что порвалась.

Мастер. Ты совершил великий подвиг.

Сережа *(сумрачно, потому что вспомнил убитого Канцлера)*. Руку вот опять поцарапало...

Мастер. Сейчас, сейчас. Рыцарь... *(Начинает делать перевязку.)*

Валерка. В Городе кавардак! Гвардейцы голосят о Канцлере, как старые плакальщицы, а народ их разоружает. Большой Зверь и старейшины оружейников сцепились: кто теперь будет главным! А люди заперли их в подвале и говорят: без вас обойдемся, навоевались!

Братик. А барабанщики?

Валерка. Барабанщики и факельщики решили завтра во всем Городе устроить детский праздник!

Братик. Мне надо к ним...

Валерка. Я вот тебе дам «к ним»! Никуда не пойдешь, пока плечо не заживет!

Б р а т и к. Оно уже совсем не болит! Вот! (*Бодро взмахивает руками.*) Ой...

В а л е р к а. Вот именно «ой». Никуда теперь не отпущу от себя ни на шаг. Целую неделю...

Б р а т и к (*подчиняясь, но слегка дурашливо*). У, какой вредный. Большой, да? (*Серее.*) А ты останешься на праздник?

С е р е ж а. Я не знаю...

М а с т е р (*закончив делать повязку*). Дети мои, нашему юному Рыцарю нельзя больше оставаться с нами. Большой прилив кончается, скоро Переход станет невозможен.

С е р е ж а. Значит, пора?

М а с т е р. Да. Если не хочешь остаться здесь навсегда.

В а л е р к а. Серее... А может, останешься?

С е р е ж а. Но как я могу?.. У меня там всё: друзья, дом... вообще вся наша Земля.

Б р а т и к. И Володька.

С е р е ж а. Да... И работа. Пора опять становиться взрослым.

Б р а т и к. Разве это обязательно?

С е р е ж а. От этого никуда не денешься.

В а л е р к а. Ну, останься хоть не насовсем. До следующей ночи большого прилива.

М а с т е р. Больше такой ночи не будет. Наши планеты расходятся, космическая сила разрывает пространства. Поэтому вам надо прощаться.

В а л е р к а. Насовсем?

С е р е ж а. Прямо сейчас?

М а с т е р. Да.

В а л е р к а. Тогда... ребята, давайте сразу. А то чем дольше, тем хуже.

Они сходятся втроем, обняв друг друга за плечи. Потом Мастер берет Серее за руку, осторожно отводит его. Серее прощально машет свободной рукой. Мастер заводит его за дерево, а оттуда выходит уже один. На сцену вбегают барабанщики и факельщики.

Б а р а б а н щ и к. Василек! Живой!

В т о р о й б а р а б а н щ и к. А мы вас искали!

Ф а к е л ь щ и к. А где ваш друг? Тот, что победил Канцлера?

Б р а т и к. Он ушел...

Ф а к е л ь щ и к. Ушел? А он вернется?

Братик вдруг утыкается лицом в грудь Валерке. Ребята стоят, опустив головы.

Занавес

ЭПИЛОГ

Снова улица в современном городе. Скамейка и дерево. На скамейке, понурившись, сидит Володька. Взрослый Сергей нерешительно подходит к нему.

С е р г е й. Володька...

Володька вскидывает голову. У него в глазах и радость, и обида. Обида пересиливает.

В о л о д ь к а (*сумрачно*). Пришел наконец... Где ты был?

С е р г е й (*садится рядом*). Понимаешь, Володька... это длинная история.

В о л о д ь к а. «История»... Пропал на целых два дня... Обещал дожждаться, а сам ушел!

С е р г е й. Да, Володька. Я уходил... Было одно очень важное и очень срочное дело...

Володька отворачивается, прислоняется лбом к спинке скамьи. Может быть, у него даже слезы на глазах, но со спины не увидишь.

С е р г е й. Ну, не сердись... Я правда не мог иначе. (*Трогает Володьку за плечо.*)

В о л о д ь к а (*слегка оттаивая*). Я тебя по всему городу искал. Ни дома нет, ни на работе, нигде...

С е р г е й. Володька, прости. Я тебе все расскажу.

В о л о д ь к а. Сперва дай честное слово, что больше не будешь вот так пропадать надолго!

С е р г е й. Я... я, конечно, постараюсь... Но...

В о л о д ь к а. Ты без всяких «но»! Ты не вилай! Даешь слово?

С е р г е й. Но как я могу сказать? Вдруг что-то случится?

В о л о д ь к а (*деловито*). Ладно. Тогда я тебя привяжу, вот и все. И никуда не денешься.

Достает из кармана клубок, ловко обвязывает толстой нитью Сергея, приматывает к скамье.

С е р г е й. Володька, ты что делаешь? Перестань... Это же нитки от змея.

В о л о д ь к а (*затягивая узел*). Вот именно...

С е р г е й. Хватит баловаться... Ох, дурень ты все-таки... (*Пытается развязать узелок.*)

В о л о д ь к а (*отходит на два шага, с насмешкой наблюдает за Сергеем*). Ты что, хочешь мой узелок развязать? Ну-ну, попробуй... Да не старайся. Он секретный, кроме меня, его ни один человек на свете развязать не сможет. Если не научу...

Сергей (*уже с досадой*). Пожалей нитку. Я сейчас встану, и она порвется.

Володька. Нитка-то? Давай-давай, встань... (*Снисходительно наблюдает за безуспешными попытками Сергея подняться со скамьи.*) Ну, что?

Сергей. Черт возьми... Что за фокус? Она же совсем тоненькая...

Володька. А теперь скажи: кто из нас дурень? Сам ты... ничего не понимаешь. Ты же сам эту нитку мне подарил. А нитки, которые дарят друзья, никогда не рвутся.

Сергей (*обмяк и виновато смотрит на Володьку*). Ладно, сдаюсь. Развяжи... пожалуйста.

Володька (*вздыхая, развязывает узелок, начинает распутывать нитку. Замечает на руке Сергея шрам*). Ой... Это ты где так руку покорябал? Такой рубец...

Сергей. Это давно, Володька... Это когда мне было двенадцать лет.

Володька. Что ты сочиняешь! Два дня назад у тебя ничего на руке не было!

Сергей. Да... И все-таки это случилось, когда мне было двенадцать лет.

Володька. Ты мне опять морочишь голову. А еще говорил, что друг... Ничего не хочешь рассказать...

Сергей. Да я хочу! Но я не знаю, как... Ты мне, наверно, не поверишь... Эх, если бы я снова мог стать таким, как там!

Володька. Каким?

Сергей. Когда мне двенадцать лет! Тем самым Сережкой...

Володька (*кое-что начиная понимать или чувствовать. И чуть-чуть поддразнивая Сергея*). Но тебе же и так двенадцать, всегда. Возьми и позови того Сережку! Это же ты сам!

Сергей. А что... Может, сказка еще не кончилась?.. Сережка! Вернись ко мне! Хотя бы еще на минуту! Это трудно, но постарайся, пожалуйста!

Сережа (*выбегает*). Это не так уж трудно! Я еще не раз буду возвращаться к тебе... А, Володька! Привет!

Володька (*без особого удивления*). Привет... Вот ты, значит, какой на самом деле... Ну, ничего. Сейчас хоть на человека похож.

Сережа (*весело*). Будешь дразниться — получишь. Теперь мы одинаковые, могу и по шее настукать.

Володька. Чего-о? Это кто кому еще настучает!

Дурачась, они сцепились, стараясь повалить друг друга на скамейку.

Неожиданно раздается веселый голос Братика. Братик и Валерка появляются у старого дерева.

Братик. Эй, кто тут на наших? Сережа, тебе помочь?

Сережа и Володька отлетают друг от друга. Взрослый Сергей тоже очень удивлен. Сережа первый приходит в себя.

Сережа. Ой, ребята... Ура! Володька, смотри! Это они! Это я у них был совсем недавно!

Володька. Да я уже понял. Я ведь тоже кое-что знаю.

Сережа (*подводит Володьку к Валерке и Братiku*). Володька, вот... Это Валерка... Это Василек... Ребята, это Володька.

Братик. А я догадался...

Он задерживает Володькину руку в своей. Они внимательно разглядывают друг друга. И затем, в течение всего разговора, не расцепляют рук, только отходят чуть в сторону, будто у них своя, отдельная тема для беседы.

Сергей. Значит, мы там распрощались еще не навсегда!

Валерка. Еще нет... Мне и Васильку показалось, что мы нужны вам, и вот... мы пробились...

Сережа. Значит, планеты не расходятся?

Валерка. Нет, они расходятся. Но пока не очень быстро... У нас еще есть время.

Сережа. Много?

Валерка. Не знаю...

Сергей. Но, может быть, я сумею прийти к вам еще раз?

Сережа. Хотя бы ненадолго?

Валерка. Мне тоже хотелось бы встретиться еще. Но я не знаю.

Володька (*издалека, от Братика*). Только не вздумай больше идти к ним без меня!

Валерка. Он не вздумает. Он будет слушаться тебя.

Сергей и Сережа. Почему это?

Валерка. Потому что это будет уже не твоя сказка, а его.

Появляется Звездный Мастер.

Мастер. Друзья мои, вам пора прощаться. Планеты ускоряют свой бег. Через несколько минут будет поздно.

Сергей (*Валерке*). Ну вот... А ты говорил!

Валерка. Ничего не поделаешь.

Сережа. Что? Значит, сказок больше не будет? Ни у меня, ни у Володьки? И больше мы уже совсем не увидимся?

Валерка. Мы будем помнить друг друга.

Мастер (*мягко, но настойчиво*). Скорее, друзья мои...

Сережа, Сергей, Валерка сходятся вместе и стоят молча. Володька и Братик тоже несколько секунд стоят, держа друг друга за руки. Потом, шепнув что-то Братику и оглянувшись, Володька обвязывает ниткой ствол дерева. Протягивает Братику клубок, снова что-то шепчет. Постояв еще немного вдвоем, они приближаются к общей группе.

М а с т е р. Ну вот и все. Нам пора уходить.

С е р е ж а (*не выдержав*). Ну, зачем? Володька еще не успел побывать у вас!

М а с т е р. Ничего не поделаешь. Таковы законы Вселенной.

С е р е ж а. Законы, законы! В тот раз вы тоже говорили про законы, а оказалось, что чушь!

М а с т е р. В тот раз было другое. А здесь действуют великие силы вечного пространства и времени.

Сережа сникает. И все понимают, что миг расставания наступил.

В а л е р к а. Прощайте, ребята...

Они медленно расходятся. Валерка, Братик и Мастер в одну сторону, Сергей, Сережа и Володька в другую. Сергей, Сережа и Володька остаются одни.

С е р г е й. Ну вот и все... (*Сереже*.) Тебе тоже пора. Ничего не поделаешь, у меня начинается снова взрослая жизнь.

С е р е ж а. Ладно. Ты очень-то не грусти. Ты же знаешь, далеко я не уйду. Я снова спрячусь в тебе и, если надо, появлюсь опять. Потому что я — это ты! (*Похлопав Сергея по плечу, он убегает.*)

С е р г е й (*садится на скамью, сажает рядом Володьку*). Ну вот, теперь уж всем приключениям конец.

В о л о д ь к а (*бросает быстрый взгляд на Сергея, отодвигается, ловко вспрыгивает на спинку скамейки. Говорит сверху*). А Василек хороший, верно?.. Мы с ним сразу подружились, за пять минут. (*Он задумывается и словно чего-то ждет.*)

С е р г е й. Ничего, Володька. Постарайся не грустить.

В о л о д ь к а. А я и не грущу!

С е р г е й (*удивленно*). Нисколько?

В о л о д ь к а. А чего грустить... Просто я задумался: оказывается, и на других планетах всякое бывает. Вот и тебе по правде пришлось сражаться.

С е р г е й. Теперь это позади.

В о л о д ь к а. У тебя, может, и позади. А у меня?

С е р г е й. Не бойся...

В о л о д ь к а. Да я и не боюсь. Если мы вместе, тогда ничего не страшно.

С е р г е й. Я не про это. Я хотел сказать, что тебе такие приключения уже не грозят.

В о л о д ь к а. Откуда ты знаешь? В моей сказке тоже может всякое случиться.

С е р г е й (*осторожно берет его за плечо*). Володька... Но тебе же объяснили, что для твоей сказки не осталось времени.

В о л о д ь к а. Как это не осталось? Она уже началась... Вернется Василек, и мы будем строить парусный корабль!

С е р г е й. Да как же он вернется? Ведь планеты разбегаются!

В о л о д ь к а (*встает на скамье, потягивается, говорит снисходительно*). Никуда они не разбегутся. Василек, наверно, уже привязал ниточку.

С е р г е й. Какую ниточку? Куда?

В о л о д ь к а. Нашу. К старому дереву на своей планете. К такому же, как это! У таких деревьев корни идут в самую глубь планеты... А ниточку — не порвать, не развязать.

С е р г е й. Ты... что? Володька! Это серьезно?

В о л о д ь к а (*смеясь*). А ты попробуй, порви!

Сергей смотрит озадаченно. Из-за дерева опять возникает З в е з д н ы й Мастер.

М а с т е р (*Володьке*). Дитя мое! Что вы делаете! Вы нарушаете извечные законы взаимодействия разных пространств и небесных тел!

В о л о д ь к а. А на фиг нам такие законы, которые мешают людям дружить!

М а с т е р. Но вы вносите хаос в стройное здание Космоса! Что теперь будет?

В о л о д ь к а. Да ничего не будет. Вы откроете новый закон — закон неразрываемой нити. Вот и все!

Качая головой и пятясь, Мастер исчезает.

С е р г е й. Вовка... А ну, иди сюда, обормот.

В о л о д ь к а (*слегка опасливо*). Ну, чего?

С е р г е й. А то, что это все-таки космическое хулиганство!

В о л о д ь к а. Ниточка-то? Скажи кому — засмеются...

С е р г е й. Как бы плакать не пришлось...

В о л о д ь к а. Ты опять говоришь, как самый занудный взрослый. А ты спроси того Сережку, который сидит в тебе! Что он скажет?

С е р е ж а (*вылетел на сцену и прошелся колесом*). Ура-а! Вот это вы придумали так придумали! Да здравствует ниточка!

Сергей ловит его за плечи, притягивает, ставит рядом. Сережа хватается за руки Володьку.

Сережа. Теперь мы еще тысячу раз увидимся, верно, Валерка?!

Валерка (*появляясь в глубине сцены*). Верно, Сережа!

Володька. У нас теперь все сказки впереди! Правильно, Василек?

Братик (*вставая рядом с Валеркой*). Правильно, Володька!

Сбоку, неуверенно семеня, появляется Звездный Мастер.

Мастер. Простите, не могли бы вы повторить, как называется новый космический закон? Я на всякий случай запишу в свой учебник.

Володька. Закон неразрываемой нити. Что непонятного?

Мастер. Как, как?

Все. Закон неразрываемой нити! Закон дружбы!

Все сходятся вместе. Опять возникает Город Валерки и Братика. Он празднично расцветен. Появляются ребята: факельщики, барабанщики, просто мальчишки и девочки. И звучит над городом заключительная песня этой сказки — Песня о дружбе, которая сильнее несчастий и расстояний.

К О Н Е Ц

ДЕТИ СИНЕГО ФЛАМИНГО

Пьеса в двух актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дети:

Женя Ушаков

Толик

Юлька Гаранин (Малыш)

Галь

Соти

Тун

Шип

Уголек

Винтик

Лук

} жители старой крепости

Первый мальчик

Второй мальчик

} товарищи Жени по игре в рыцарей

Мальчик-школьник в столице острова Двид

Дети-школьники в массовых сценах на острове

Взрослые:

Дуг

Ктор Эхо

Тахомир Тихо

Отшельник

Главный прокурор острова Двид

Крикунчик Чарли

Слуга Ящера (в сцене захвата в плен Тахомира Тихо)

Палач

Квартальный воспитатель

Родители Юльки Гаранина

Слуги Ящера, квартальные воспитатели и жители острова в массовых сценах

ПЕРВЫЙ АКТ

Переулочок на окраине. Угол двухэтажного дома, заборы, лавочка у кирпичной стены. Через дорогу — остановка автобуса. Утро. Из калитки вышел Женя, глянул в небо — тревожно и внимательно. Поднял к губам ключ, который висит у него на шее, на шнурке. Свистнул. Подождал. Через несколько секунд пронеслась над улицей тень, словно громадные крылья на миг закрыли солнце. Женя проводил тень глазами, сел на лавочку, задумался.

Из щели в заборе выбрался Толик. Увидел Женю.

Толик. Женя... *(Женя вздрагивает, поднимает голову.)* Я думал, ты дома, а ты уже здесь! Отпустили наконец? *(Женя рассеянно улыбается в ответ, кивает.)* Значит, совсем поправился?

Женя. Не знаю... По-моему, совсем. Мама еще не хотела выпускать на улицу, но я упрямился... Знаешь, как надоело болеть...

Толик. Я понимаю. Я осенью, когда ты в больнице был, тоже месяц провалялся в кровати...

Женя. А я и не знал... Ты, наверно, простыл, когда меня из болота волок?

Толик. Да нет. Скарлатина была, а потом осложнение...

Женя. И как ты тогда отыскал меня в той глухомани...

Толик. Да никакая там не глухомань. Просто никто не догадался тебя там искать. А я решил все-все окрестности обшарить... Жень, а чего тебя понесло к Черному озеру?

Женя *(тихо)*. Я же говорю: ничего не помню... Толик...

Толик. Что?

Женя. Я думаю: если бы не ты...

Толик. Да ладно... Главное, что мне повезло. *(Замечает ключ и спрашивает, чтобы изменить разговор.)* А это что у тебя?

Женя. Ключ от дома. Не помнишь разве?

Толик. Тот самый? Старый?

Женя. Ну да! Бабушка стирала штаны и рубашку... Те, в которых я там, на болоте... Мама их в кладовку закинула, а бабушка нашла недавно и говорит: чего пропадать добру? А ключик и выпал из кармана, когда она грязь со штанов счищала. На них знаешь сколько грязи и болотной тины было...

Толик *(ломолчав)*. Не было, Женя...

Женя. Что?

Толик. Не было на одежде грязи и тины... Вернее, сперва не было. Они появились, когда я тебя к дороге тащил, а на болоте...

Женя. Что — на болоте?

Толик. Ты лежал среди кочек на сухом пятке. Штаны и

сандалии были пыльные, рваные, но болотной жижи на них не было.

Женя. Это точно?!

Толик. Да... Ты будто прямо с неба на то место упал.

Женя. С неба?

Толик. Я про это никому не говорил... Ждал, когда смогу тебя самого спросить... Где ты был, Женька? *(Женя быстро вскидывает глаза, потом опускает голову.)* Если не хочешь, не говори. Только я не верю, что ты заблудился на болоте...

Женя. Ты думаешь, я тебе не доверяю? Я просто боялся...

Толик. Меня?!

Женя *(с невеселой усмешкой)*. Скорее, себя... Боялся, что ты подумаешь, будто у меня это бред. От голода и усталости...

Толик. Рассказывай!

Женя. Сейчас расскажу... Потому что, видишь, у ключика колечко согнуто! Не на болоте же я его погнул! Это на скалах, когда открывали сундук с иглой Кашея. Этим ключом и твоим кинжалом...

Толик. Давай по порядку. Ты не бойся, я тебе поверю...

Женя. Я знаю... Помнишь тот вечер, когда ты подарил кинжал?

ЗАТЕМНЕНИЕ

Та же улица, только другое освещение, вечернее. Посреди улицы разгряченные недавней игрой в рыцарей спорят Женя и его два приятеля. У ребят деревянные мечи и фанерные щиты. У Жени на майке и на щите изображение бегущего оленя.

Первый мальчик. Ты с ума сошел? Зачем ты его выпустил?

Женя. За ним же овраг был! Он сорваться мог!

Первый мальчик. Ну и что? Сдавался бы!

Женя. Он не сдастся. Это же сразу ясно.

Первый мальчик. Ну и пускай бы летел тогда в овраг!

Женя. Ага, «летел бы»! Там крапива выше головы!

Второй мальчик. Ну так чего ж... Это же война, на ней еще не так бывает.

Женя. Война должна быть честная. А тут навалились трое на одного...

Первый мальчик. А теперь он усвистал непонятно куда...

Второй мальчик. Может, он к себе во двор сбежал и там засаду сделал?

Первый мальчик. А где он живет-то?

Второй мальчик. Да он с улицы Котовского. На ней пацанов почти нету, вот он и повадился с нами играть...

Женя. А как его зовут?

Второй мальчик. Толька... Ты его разве не знаешь?

Женя. Так, мимоходом...

Первый мальчик. А заступаешься, как за лучшего друга!

Женя. А если не друг, если просто человек, значит, можно лицом в крапиву? И главное — за что? За то, что он смело дрался?

Первый мальчик. Он-то смело... Как насел на тебя, ты сразу в сторону.

Женя. Что-о?! Думаешь, я испугался? Давай, я на его место встану на обрыве, а вы на меня вдвоем!

Первый мальчик. Да я и один могу!

Женя. Ну и давай!

Второй мальчик. Тихо вы...

По улице медленно идут мужчина и женщина. В их походке, в фигурах чувствуется большая печаль. Они останавливаются поодаль и с полминуты смотрят на смущенных ребят, потом тихо уходят.

Второй мальчик. Вот так останутся и смотрят... И больше уж играть не хочется...

Первый мальчик. Ага... Я даже какой-то виноватый делаюсь.

Женя. А это кто?

Второй мальчик. Родители Юльки Гаранина. Не узнал, что ли?

Женя. А что за Юлька?

Первый мальчик. А, да ты в лагере был, ничего не знаешь! Он на нашу улицу месяц назад переехал...

Второй мальчик. А через неделю поехал купаться на озеро и утонул. На берегу одежду и велосипед обнаружили... А самого так и не нашли...

Женя. Ничего я не знал... Ладно, ребята, что-то не хочется больше играть. И поздно уже. Мне к бабушке пора.

Первый мальчик. Ну, пока...

Второй мальчик. До завтра, Жень...

Они расходятся. Женя, взяв подмышку меч и щит, неторопливо идет к автобусной остановке. Его догоняет Толик.

Толик. Женя! (Женя останавливается.) Что, кончилась игра?... Жалко. Теперь все подумают, что я убежал с поля боя...

Женя. Никто не подумает. Ты здорово дрался. А отступил потому, что нас трое было...

Толик. Я за другим мечом бегал, тот у меня треснул от ударов. А теперь я еще запасное оружие взял. Вот, кинжал.

Женя. Ух, какой... Сам делал?

Толик. Ага, я люблю из дерева вырезать... А ты почему к автобусу идешь? Ты не домой?

Женя. К бабушке поеду, в Ольховку.

Толик. Надолго?

Женя. На неделю. Пока мама с папой из Москвы не вернутся.

Толик. Жалко. Значит, завтра здесь играть не будешь?

Женя. Я могу приехать, это же недалеко. Если тебе... Если ты тоже будешь.

Толик. Хорошо, если приедешь...

Женя. Я обязательно!

Толик. А давай завтра, чтобы не друг против друга, а в одной армии...

Женя. Конечно, давай!

Они останавливаются у столба с табличкой «Автобус».

Толик. Я пойду. Меня уже дома ищут, наверно.

Женя. Ладно, до завтра. До утра!

Толик. Ты обязательно приезжай! И сразу ко мне! Ты знаешь, где я живу?

Женя. Я видел случайно, ты в окошке сидел, строгал что-то...

Толик. Ты мне стукни в окошко...

Женя. Я лучше свистну... Вот, в него. (Показывает ключик.)

Толик. Это что?

Женя. Ключ от нашей квартиры. У нас дом старинный, замки в дверях тоже старинные сохранились, вот и ключ поэтому такой, трубчатый. В него свистеть можно, как судья на футболе... (Женя дует в ключ, раздается резкий металлический свист.)

Толик. Хорошо сигналит, я услышу. Жень...

Женя. Что?

Толик. Хочешь? (Протягивает кинжал.)

Женя. Насовсем?

Толик. Конечно. Бери, если нравится.

Женя (осторожно берет кинжал). Спасибо... Я им воевать не буду, я его так, на память...

Толик. Как хочешь... Я побежал! До завтра!

Они с размаху сцепляют в рукопожатии ладони. Толик убегает. Женя смотрит вслед, затем садится на скамью. Покачивает на ладони подарок Толика, разглядывает. Быстро темнеет. Выглядывает из-за дома ма-

ленький месяц. Автобуса все нет. Женя, задумавшись, ждет. За спиной у него неслышно возникает худой высокий незнакомец в шляпе и длинном поджаке — К т о р Э х о. Он осторожно трогает Женю за плечо.

К т о р. Извините, если я помешал. Может быть, мое стремление к знакомству вы сочтете назойливостью, но... не могли бы вы уделить мне две минуты?

Ж е н я (*растерянно и потому грубовато*). Ну... говорите.

К т о р. Я сяду, если позволите... (*Женя подвигается на скамейке. Ктор осторожно присаживается.*) Скажите, вы рыцарь?

Ж е н я (*с досадой и почти испуганно*). Что вам от меня надо?

К т о р. Простите... Я наблюдал за вами во время вашего турнира... Я видел ваше рыцарское отношение к противнику. (*Женя опасливо отодвигается.*) Я разглядел ваш герб — гордого оленя — на щите. Можно, я буду вас называть Рыцарь Оленя, пока не узнал вашего имени?

Ж е н я (*встает*). Вам нравится шутки шутить, а мне пора идти... Пойду на автостанцию, оттуда быстрее уеду. (*Хочет уйти.*)

К т о р. Вы напрасно опасаетесь меня, Рыцарь Оленя. Возможно, мое поведение кажется странным, но это потому, что я не из вашей страны...

Ж е н я. Вы интурист?

К т о р. М-м... Я не знаю, что такое интурист. Но я издавека... С острова Двид. Я ищу юного рыцаря, который избавит мою страну от векового зла... (*Он делает движение к Жене. Тот готов броситься прочь. Ктор, сникнув, продолжает речь.*) Вот и вы, Рыцарь Оленя, хотите уйти. Так же, как многие... Я прошел столько земель, столько стран и не встретил никого...

В голосе Ктора неподдельная искренность. Женя нерешительно приближается.

Ж е н я. А может... Может, вы болеете? Хотите, я вас домой провожу? (*Ктор качает головой и, сгорбившись, замирает.*) Ну, а что вам надо-то?

К т о р (*оживившись*). Мне надо многое! Мне надо, чтобы вы, Рыцарь Оленя, отправились со мной на остров Двид и сразились с Ящером. С чудовищем, которое много-много лет держит в страхе мою страну.

Ж е н я. А больше ничего не надо? Мне же не пять лет, чтобы в сказки верить!

К т о р. Это не сказка, клянусь! У меня в мыслях нет шутить с вами!.. Над островом жестокий гнет, а легенда говорит, что однажды из дальних стран придет юный рыцарь и уничтожит Ящера.

Ж е н я (*с недоверием, но и с невольным любопытством*). А где этот ваш остров... Двид?

К т о р. Далеко... Впрочем, это не укладывается в привычные понятия. Он невидим с этих берегов, я объясню, в чем дело... потом. А попасть на него можно очень быстро!

Ж е н я. Самолетом?

К т о р. Гораздо проще... Хотите взглянуть на наш остров?

Ктор достает фонарик, направляет луч на кирпичную стену. На стене возникает светлое пятно. В пятне прорисовывается и плывет пейзаж: кусты, деревья, улицы незнакомого города с причудливыми домами, старинными башнями, полуразрушенными храмами.

Ж е н я. Ну и что? Обыкновенный кинопроектор. Малогабаритный.

К т о р. А?... Нет, Рыцарь Оленя, это не движущаяся картина, это окно в наш мир. Стоит сделать пять шагов, и вы окажетесь на острове!

Ж е н я. А обратно?

К т о р. И обратно так же!

Ж е н я. А как вы это делаете? Прокол пространства, да? Вы ученый-физик?

К т о р. Я не ученый. Я один из первых заместителей Правителя острова. Можно сказать, его второе «я». Не отказывайте мне в просьбе, Рыцарь Оленя. Вы — моя последняя надежда.

Ж е н я. Почему последняя? У вас вон какая техника волшебная, а справиться с каким-то ящером не можете!

К т о р. Не можем... Все привыкли его бояться, а нужен боец, в котором нет страха... Или вы тоже боитесь?

Ж е н я (*задумчиво*). Ящера-то я, кажется, не очень боюсь. В сказках рыцари и всякие иваны-царевичи змеев и ящеров всегда побеждают... Я боюсь, что меня дома искать начнут.

К т о р. Но ваши благородные родители отбыли в столицу на целую неделю. А ваша почтенная бабушка этого не знает и, следовательно, не станет волноваться.

Ж е н я. Смотрите-ка! Все вы про меня выследили!

К т о р. Ну... естественно, разыскивая витязя, я собирал кое-какую информацию...

Ж е н я. А я не застряну там у вас больше чем на неделю?

К т о р. Что вы! Всего три дня! Значит, вы согласны?

Ж е н я (*словно очнувшись*). Да ничего я не согласен! Я так просто спросил! Мне к бабушке надо...

К т о р. Неужели здесь тоже одни труссы?

Женя. Ну... вы полегче! Это у нас-то труссы? У нас никто в другие края за помощью не бегают!

Ктор. А нам пришлось... Простите, если я невольно обидел вас. Это от горя...

Женя. А... это точно, что не больше чем на три дня?

Ктор. Клянусь вам, Рыцарь Оленя!.. Значит, мы идем? Умоляю вас... Всего пять шагов, и мы — там! Идемте... (Женя слегка упирается, но уже согласился в душе.) Вы настоящий рыцарь. Скажите наконец ваше имя!

Женя. Женя Ушаков... То есть Евгений.

Ктор. А меня зовут Ктор Эхо... Я счастлив, Евгений!.. Оставьте здесь ваше деревянное оружие. У нас вам дадут стальное.

Женя. А это я пока спрячу в репейнике.

Ктор. Но зачем? Настоящие доспехи и меч, которым будет сражен Ящер, вы сможете оставить себе навсегда!

Женя. Но ими же нельзя играть, настоящими-то...

Ктор. Ах, да! Вы правы!

Женя. Меч и щит я оставляю, а кинжал возьму. Это на память о друге. Как талисман.

Ктор. Талисман — это так по-рыцарски. Я понимаю... Ну, что же, идем?

Занавес

Столица острова Двид. Площадь, окруженная старинными домами, фонтаны. Дворец Правителя с террасой, которая напоминает внутренность кабинета, открытого зрителям. Над крышами — большой, перевернутый вниз рогами месяц. Играет негромкая музыка. На площади движутся по кругу, приседают и раскланиваются в плавном танце мужчины и женщины. На площадь выходят Женя и Ктор. Останавливаются. Женя с любопытством наблюдает за танцорами.

Женя. А чего это они... как в театре?

Ктор. Это не театр. Это вечерние танцы, такой обычай в нашей столице.

Женя (глядя вверх). Какой у вас месяц удивительный.

Ктор. Особенность нашей атмосферы. Теплый воздух собирается на высоте в большую линзу, и эта линза увеличивает небесные тела. А остров, наоборот, делает невидимым...

Женя. Из-за этой линзы месяц и кажется вниз рогами? На самом деле он не бывает такой перевернутый.

Ктор. У нас тут много перевернуто, Евгений...

Женя. А по-моему, непохоже, чтобы вас кто-то угнетал.
Ктор. Это на первый взгляд...

Бьют городские часы, десять ударов. Музыка стихает. Женщины и мужчины раскланиваются, и площадь сразу пустеет.

Ктор. Вот и все, день окончен. Теперь — общий сон.

Женя. Так сразу, все? Как в интернате?

Ктор. Так полагается. У нас равновесие порядка, и Ящер не терпит, чтобы оно нарушалось.

Из-за домов неслышно выступают фигуры в узких комбинезонах и глухих шлемах. Замирают по краям площади, скрестив руки.

Женя. А это кто?

Ктор. Слуги Ящера...

Женя. Того самого? Чудовища?

Ктор. Ну, это, скорее, просто название. На самом деле они — что-то вроде дворцовой гвардии. Охрана Правителя и полиция.

Женя. А разве Правитель... Я ничего не понимаю. Он против Ящера или за него?

Ктор. Вы сами увидите... (Они поднимаются на террасу.) Подождите две минуты, Рыцарь Оленя, я предупрежу Правителя, что вы здесь.

Ктор уходит. Женя стоит среди тяжелой мебели, статуй и ваз, оглядывается. Из двери весело выскакивает кругловатый низенький человек в полосатом костюме. Это Тахомир Тихо.

Тахомир. А, это вы и есть юный герой, которого отыскал Ктор? Приветствую вас, Рыцарь Оленя.

Женя. Здравствуй...

Тахомир. Меня зовут Тахомир Тихо. Я — Правитель острова.

Женя (явно не зная, как себя вести). Очень приятно...

Тахомир. Мне тоже приятно! Приятно видеть такого храброго юного воина! Я рад познакомиться и поужинать с вами. Прошу...

Он садится. Женя неловко присаживается на краешек высокого кресла у стола. Молча возникают слуги и Ящера, ставят блюда, кувшины, бокалы.

Тахомир. Не стесняйтесь. Вы, наверно, проголодались, а дело предстоит серьезное... (Женя неуверенно берет яблоко, начинает жевать.) Я восхищаюсь вашей смелостью, хотя, по правде говоря, не одобряю вашу затею...

Женя (едва не подавившись). Не одобряете? А зачем позвали?

Тахомир. Это все Ктор. Он у нас романтик... Он считает, что надо бороться с каким-то гнетом!

Женя. А разве Ящер не угнетает ваш остров?

Тахомир. Да какое это угнетение? Ящер в общем-то умное и незлое существо... Конечно, если нарушается равновесие порядка, он сердится. У него чуткая нервная система. Было два случая, когда он в гневе разрушал город. Но я спрашиваю, кто виноват?

Женя (*про себя*). Ничего себе... И с таким чудовищем я должен драться?

Тахомир. Впрочем, это было давно. С тех пор люди живут мирно, спокойно, не нарушают равновесия порядка, и Ящер тоже спокоен. Только раз в месяц он выходит из озера и смотрит: все ли в порядке? Потом опять укладывается на дно.

Женя. А разве раньше не находились люди, которые хотели победить Ящера?

Тахомир. Ну, почему же? Были... Но, как видите, Ящер здравствует... (*Женя вздыхает.*) Видимо, это были не рыцари. А если вы тот самый рыцарь из легенды, то вам, возможно, повезет... Хотя мне, честно признаться, Ящера будет жаль.

Женя. Но тогда почему вы разрешаете этот бой?

Тахомир. А что я могу сделать? Раз легенда говорит о юном рыцаре, я не имею права препятствовать. Я не тиран какой-нибудь, я все по закону... Деритесь! Только кому это нужно?

Женя. Неужели никому не нужно?

Тахомир. Ну... встречаются некоторые... Спорить им надо, бороться за что-то... Но это крайне редкие чудачки. А вообще-то народ живет тихо и счастливо. У нас равновесие порядка.

Женя. Такое равновесие, что никто на Земле про вас и не знает.

Тахомир. И слава Богу! В этом наше спасение... Да вы кушайте, кушайте, вот апельсин... Если бы про нас узнали, тогда что? Всякие международные связи, политика, суэта, конфликты! Нет уж, увольте. Нам с этими чужестранными влияниями одно горе. Стоит хоть капельке просочиться из-за границы — и началось!

Женя. А просачивается все-таки?

Тахомир. Все щелки не законопатить... Взять хотя бы эту кошмарную книгу... Откуда она проникла? Про трех головорезов. Даже про четырех... Скачут на лошадях, машут шпагами, обманывают королевского министра! Палят из пистолетов! После этого по всему городу стук пошел: понаделали деревянных сабель! А в кустах только и слышно: «Пиф-паф, пиф-паф!» А причем тут пиф-паф, если на острове давно нет огнестрельного оружия!.. Квартальные воспитатели в те дни сбились с ног...

Женя. А что плохого, если ребята играют?

Тахомир. Играют?! Все игры изложены в специальных пра-

вилах, в соответствии с равновесием порядка. А если каждый начнет играть, как вздумается, разве это понравится Ящеру?

Женя (*про себя*). Тьфу на вашего Ящера. Тоже мне, «счастливое государство»... (*Он утомленно приваливается к спинке кресла.*)

Тахомир (*тоже про себя*). Сперва они играют, потом им еще чего-нибудь захочется... (*Громко.*) Хотите соку, Рыцарь Оленя?.. О, да вы так утомились, что уже спите...

Тахомир на цыпочках уходит. Появляется Ктор Эхо и двое слуг Ящера. По молчаливому приказу Ктора слуги переносят Женю на диван, Ктор берет у них плащ и укрывает Женю.

ЗАТЕМНЕНИЕ

Та же обстановка. Яркий утренний свет. Женя просыпается, садится. Недоуменно оглядывается: где он? Входит Ктор Эхо.

Ктор. Приветствую вас, Евгений. Вы вчера так устали, что я приказал уложить вас здесь. Надеюсь, вы хорошо спали? (*Женя, вспоминая, что было накануне, молча кивает.*) Я рад... Я прикажу принести вам умыться, потом — завтрак. А пока можете прогуляться. Но прошу вас, не отходите от дворца.

Женя снова кивает. Ктор уходит. Женя встает, оглядывается.

Женя. Ну и ну. А я думал: приснилось...

Он спускается по лестнице. Глядя на незнакомые дома, идет по площади. Потом останавливается, сунув руки в карманы, задирает голову к причудливым флюгерам. Появляется человек с постным строгим лицом. Он в шапочке с кистью и темном хитоне. В руках тонкая трость. Это один из «квартальных воспитателей» столицы острова Двид. Приглядываясь к Жене, он обходит его по дуге. Женя ничего не замечает. Воспитатель останавливается в двух шагах.

Воспитатель. Ты... что?

Женя (*вздрагивает, оглядывается*). Что?

Воспитатель. В каком ты виде!

Женя (*оглядывая себя*). В каком?

Воспитатель (*протягивает к Жениной ноге трость. На штанине вырван клочок*). Это что?

Женя. А-а... Это дырка. Я вчера зацепился за гвоздь, а зашить было некогда...

Воспитатель (*ужасаясь*). Дырка! Ты говоришь так, будто это медаль за примерное поведение!

Женя. А что такого?

Воспитатель. Откуда у нормального мальчика на одежде может быть дырка? Ты лазил по заборам? Или... может быть, гонял ногами надутый кожаный шар? Где? С кем?

Женя. Разве нельзя мячик погонять?

Воспитатель (*почти сочувствуя*). У тебя жар? (*Он протягивает к Жениной голове ладонь*.)

В эту секунду на улице раздается топот. Через площадь вприпрыжку бежит мальчик в матроске, в смешных штанах с бахромой, с сумкой через плечо.

Воспитатель (*резко оборачивается*). Стой! (*Мальчик замирает. Воспитатель поворачивается к Жене*.) Никуда не уходи! (*Он манит школьника пальцем. Тот подходит, как загипнотизированный, опускает голову*.) Почему ты неприлично скачешь и стучишь башмаками, нарушая тишину прекрасного утра?.. Отвечай!

Мальчик. Я спешил в школу...

Воспитатель. Разве в школу надо спешить? В школу надо выходить вовремя. А ты, наверно, бежал по пустырям с другими бездельниками? С кем?

Мальчик. Нет, господин квартальный воспитатель, я не бежал, честное слово.

Воспитатель. А почему у тебя одежда в мусоре? (*Он брезгливо снимает соринку с рукава у мальчика*.)

Мальчик. Это пушинка от тополя, господин квартальный надзиратель. У нас во дворе цветет тополь, и вот... это случайно.

Воспитатель. У тех, кто внимателен и опрятен, случайностей не бывает. Дай твою ученическую карточку. (*Он достает из складок хитона большие блестящие щипцы*.)

Мальчик. Господин квартальный воспитатель, пожалуйста, не надо! Если вы ее проколете, меня сегодня накажут...

Воспитатель. Дай карточку. (*Мальчик, понурившись, подает картонный квадратик. Воспитатель щелкает щипцами*.) Виноватый всегда должен нести наказание, чтобы сохранялось равновесие порядка. Разве тебя этому не учили? Отвечай.

Мальчик. Учили...

Воспитатель. Тогда почему же ты не благодаришь?

Мальчик (*тихо*). Благодарю вас, господин квартальный воспитатель.

Воспитатель. Отвечай как следует.

Мальчик (*громким от отчаяния голосом*). Благодарю вас, господин квартальный воспитатель!

Воспитатель. Можешь идти. Ты недостоин сегодня учиться с примерными детьми, ступай домой. Когда понадобится,

тебя позовут. (*Мальчик, подавленный, уходит с площади. Воспитатель поворачивается к Жене*.) А теперь дай карточку ты.

Женя. Лучше прижмите щипцами свой красивый нос.

Воспитатель (*в потрясении*). Что-о?!

Торопливо подходит Ктор Эхо. Что-то говорит на ухо воспитателю. У того от изумления открывается рот. Семена и часто оглядываясь, он покидает площадь.

Женя. Ну и порядочки у вас...

Ктор. Евгений, я же просил не отходить далеко от дворца... Пойдемте завтракать.

Они уходят. Площадь оживает. Поднимаются шторы на витринах лавок, появляются степенные прохожие. Идет вереница послушных школьников с воспитателями. На террасе накрыт стол. Входят Ктор Эхо, Женя и слуги Ящера. Женя на ходу вытирает лицо, отдает полотенце слуге.

Ктор. Позавтракайте, Евгений. А потом я покажу вам город.

Они усаживаются.

Женя. А когда бой?

Ктор. Бой — завтра. Именно завтра Ящер покажется из озера, вот и встретитесь... А сегодня оружейники приготовят вам меч и снаряжение. Пока вы спали, с вас сняли мерку...

Женя вздыхает. Бой тревожит его, он ест нехотя.

Женя. А какой он все-таки, ваш Ящер? Хотя бы на картинке посмотреть.

Ктор. Я вас понимаю. Но, к сожалению, изображения Ящера на острове запрещены. Его можно видеть только в натуре.

Женя. А меч-то пробьет его шкуру?

В это время на площади раздается радостно-визгливый голос: «Доброе утро, почтенные жители прекрасного острова Двид! Начинаем утреннюю передачу!»

Женя (*подскакивает к перилам*). Что там? Кто это?

На площади, вихляясь и вскидывая тонкие ноги в клетчатых штанах, движется фигура в нелепом фраке и цилиндре.

Ктор. А! Это наш славный Крикунчик Чарли!

Крикунчик. Слушайте, почтенные горожане! Все спокойно на острове! Вчера вечером скончался уважаемый Дагомир Как, торговец клеем, красками и мороженым! Мы погорюем о нем по-

ложенное время, но скоро наша печаль сменится тихой радостью, потому что мы живем на острове Двид! Наша жизнь приятна и радостна, почтенные соотечественники! Сейчас мы соберемся здесь на субботний танец, чтобы провести этот день в разумном и спокойном веселии, столь необходимом для общего равновесия порядка!

Женя. Он кто? Городской сумасшедший?

Ктор. Что вы! Это наша живая газета. Крикунчик всегда знает все новости, все важные события.

Женя. У вас что, радио нет?

Ктор. Радио? Ах да, есть... Но Крикунчик — это наша традиция, к нему все привыкли и все-таки его любят. Он внушает людям уверенность и спокойствие.

Опять звучит музыка, пары начинают неторопливый танец.

Женя. Скучно как-то... У нас на танцы обычно молодые ходят, а тут все какие-то дяденьки и тетеньки. А молодежи вообще не видно.

Ктор. Естественно. У нас ее и нет.

Женя. Как нет? А куда она девается, когда дети подрастают?

Ктор. На острове так воспитывают детей, что они сразу становятся зрелыми людьми. Крепкими, работающими, спокойными.

Женя. А разве так может быть? Сперва мальчик, а потом сразу... такой вот дядька?

Ктор (*слегка насмешливо*). Да. И никаких забот. Правитель считает, что так удобнее. С молодежью слишком много возни. Все им не так, все чего-то нового хочется...

Женя (*ехидно*). И тогда равновесие порядка трещит по швам.

Ктор (*в тон ему*). Вот именно... Давайте, Евгений, пройдемся. Вы увидите нашу жизнь поближе.

Они спускаются на площадь, где пары продолжают танцевать, а крикунчик Чарли, вихляясь, дирижирует этим танцем. Сквозь музыку пробиваются сигналы автомобильного рожка, и на площадь медленно выкатывается странное сооружение: старинный автомобильчик везет за собой розовую ступенчатую пирамиду. На ступенях сидят слуги Ящера. На площадке с низкой перекладиной-поручнями стоят два квартальных воспитателя. Музыка стихает, все почтительно останавливаются.

Крикунчик. О, вот она, добрая наша, славная колесница справедливости! Кто не вспомнит милые школьные годы, глядя на ее скрипучие ступеньки! Ха-ха, кто-то боялся ее в детстве, но как мы благодарны ей теперь! Не правда ли, почтенные сограждане?!

Раздаются негромкие аплодисменты.

Женя. Это что за чудо на колесах?

Ктор. Сами увидите...

Квартальный воспитатель торжественно поднимает колокольчик и трясет им в воздухе. Из ближнего дома упитанный мужчина ведет к помосту уже знакомого нам школьника в матроске. Тот перепуганно смотрит на пирамиду и слабо сопротивляется. Квартальный воспитатель спускается ему навстречу.

Воспитатель. Пойдем-ка, голубчик.

Мальчик. Я не хочу...

Крикунчик. Ха-ха! Вы послушайте его, господи! Он не хочет! На всей улице Зрелых Апельсинов ни у кого из детей нет столько проколов! Три нарушения за одну неделю, а он пытается отвертеться!

Воспитатель. Ты слышишь, что говорит господин Чарли? Ступай наверх.

Он берет мальчика за руку. Тот сначала не сопротивляется, но на верхней ступеньке опять слабо дергается.

Мальчик. Ну, пожалуйста... Не надо...

Воспитатель. Ты хочешь поколебать равновесие порядка и вызвать гнев Ящера? (*Он выводит мальчика на верхнюю площадку. Тот замирает, свежившись. В руках у воспитателя появляется похожий на черное удище хлыст.*) Что же ты стоишь? Готовься к тому, что тебе назначено.

Мальчик (*с последней отчаянной надеждой*). Но я же... Я честное слово... больше никогда. Ну, пожалуйста...

Второй воспитатель берет мальчика за плечи и делает знак слугам Ящера. Они поднимаются, мальчик исчезает за их спинами. Спустя несколько секунд через головы перелетает и падает на ступени мальчишкина курточка с матросским воротником. Потом в тишине поднимается и резко опускается черный хлыст. Раздается тонкий вскрик.

Женя. Стойте! Вы!.. Что вы делаете!

Снова удар и вскрик. Женя отчаянным жестом отламывает от стены кусок штукатурки, швыряет в слуг и воспитателей.

Женя. Отпустите его! Вы! Фашисты!

Автомобильчик вякает гудком, пирамида дергается, двое слуг срываются и катятся по ступеням.

Крикунчик. Караул! Почтенные сограждане, бунт! Неслыханный удар по равновесию. Хватайте этого сумасшедшего!

Несколько слуг Ящера и жителей бросаются к Жене. Он опять замахивается. Те на миг останавливаются.

Ктор. Евгений! Вы с ума сошли!.. (*Видит, что на Женю опять готовы броситься.*) Стойте! Я — Ктор Эхо... Эй, там наверху, отпустите мальчика! Так хочет Рыцарь Оленя. Он прибыл в нашу страну, чтобы сразиться с Ящером.

Люди в изумлении и страхе замирают.

Занавес

Пустынный берег озера. Кусты и тростник. Угрюмые скалы. На берег выходят Женя и Ктор Эхо. Женя в шлеме и панцире, с мечом и щитом. На щите — сверкающий олень.

Ктор. Вот, мы почти пришли... Тахомир Тихо просил вам передать, Рыцарь Оленя, что должность Правителя не позволяет ему желать вам успеха, но он восхищен вашей смелостью... Ну, а я желаю вам удачи...

Женя. Я ее тоже очень желаю...

Ктор. Может быть, вы передумали?

Женя. Нет... Только все как-то не так... А почему, когда мы шли сюда, на улицах было пусто и все окна зашторены?

Ктор. Вы не должны обижаться на людей, Евгений. Они боются вас приветствовать. Пока... Вот когда вы победите, они будут рукоплескать и выполнять все ваши приказы.

Женя. Больно мне нужны их рукоплескания! Мне того мальчишку жалко. И вообще всех ребят. А ваших сытых взрослых дядюшек — нисколько. Как рукоплескать — они пожалуйста, а как драться — сидят за семью замками.

Ктор. Вы правы, Евгений. Что поделаешь, жители острова запуганы. Признаться, я и сам... Мне тоже не хочется, чтобы Ящер видел меня вместе с вами... А вы пройдите еще по берегу, вон туда. И ждите...

Ктор торопливо уходит.

Женя (*про себя*). Ну и топай. Как-нибудь без тебя управлюсь... Ящер — он же пресмыкающееся, голова-то не очень умная. Скорей всего, какой-нибудь динозавр допотопный. Подскочу под брюхо и снизу мечом... а если не получится? Что, Женечка, трясутся коленки, да? Это не деревянной саблей махать... Ладно, как-нибудь. Только уж скорее бы... (*Садится на камень, опирает-*

ся на меч.) Ящер... У нас бы и не разрешили такое редкое животное убивать... А может, и не надо убивать? Может, он испугается и убежит?... Ну, где ты, Ящер? (*Нетерпеливо встает.*) Обещали, что сразу выползешь, а тебя нет и нет!.. Если не хочешь, так и скажи!.. Долго я тебя буду ждать, рептилия земноводная? Мне домой пора!

Он поднимает и швыряет в озеро камень. Ждет.

Вдали медленно вспучивается поверхность воды, принимает очертания громадной головы. Вспыхивают чудовищные глаза. Страшилище невероятных размеров на упругих ногах встает головой в самый зенит. Рядом с онемевшим от ужаса «Рыцарем Оленя» грохается боевое щупальце исполинского спрута. Грохот, молнии — со все сторон. На кустах вспыхивает пламя. Женя бросает меч и щит, теряет шлем, мечется по берегу, бежит за скалы, падает там, обхватив голову. Постепенно грохот стихает. Чудовище медленно опускается в озеро. Женя приподнимает голову, в страхе оглядывается. Появляется отряд слуг Ящера. Впереди пританцовывает Крикунчик Чарли. Он заглядывает за обломки скал, за камни. И наконец замечает Женю.

Крикунчик. Вот он, наш «герой»! Ха-ха! Посмотрите, добрые жители острова Двид! Вот он, глупый трусливый рыцарь, который бросил меч и удрал с поля боя, как только увидел нашего непобедимого Ящера! Да здравствует победитель Ящер! Да здравствует вечное равновесие порядка! Хватайте этого хвастуна!

Слуги Ящера подхватывают Женю. Выкатывают клетку на колесах, толкают туда пленника. С лязгом падает решетчатая заслонка.

ЗАНАВЕС

Темница. Зарешеченное оконце под потолком, голая лежанка. На ней, съжившись, сидит Женя. Звякает засов. Женя вздрагивает. Поднимает голову. Входит прокурор — человек в черном плаще и высокой шляпе с кокардой. Молча раскладывает на столе бумаги, перо, ставит чернильницу. По-хозяйски устраивается за столом.

Прокурор. Я — главный прокурор острова Двид.

Женя (*устало и безнадежно*). Ну и что?

Прокурор. Вы — тот, кто называет себя Рыцарем Оленя?

Женя (*сдерживая слезы*). Не называл я себя так! Это вы все меня здесь так прозвали!

Прокурор. Ну, допустим. А кто вы на самом деле?

Женя. Ушаков... Женя. Из пятого «А», из третьей школы... То есть уже из шестого...

Прокурор. Вы прибыли на остров, чтобы убить нашего славного Ящера?

Женя. Я же не хотел. Это Ктор сказал, что он всех угнетает.

Прокурор. Вы пришли к озеру с оружием, желая напасть на Ящера. Разве не так?

Женя. Как я мог напасть? Он вон какой громадный!

Прокурор. А если бы наш славный Ящер был меньше и слабее, вы попытались бы его убить... Вы признаетесь?

Женя. Я же не сам. Мне сказали, что так надо...

Прокурор. Подпишите признание.

Женя (с новым испугом). Ничего я не буду подписывать!

Прокурор. Ну, как хотите. Ваша вина все равно доказана.

Он деловито собирает бумаги, идет к двери.

Женя. А что со мной будет? Так мне и сидеть здесь, что ли?

Ответа нет. Дверь захлопывается, Женя опять съезживается на лежанке. Снова лязгает засов, появляется Тахомир Тихо. С печальной улыбочкой смотрит на Женю, оглядывает камеру.

Тахомир. Ну, это уж чересчур, это уж ни к чему, да. Холод, сырость, постель не дали... Эй там! Велите, чтобы принесли постель! И обед!.. Да, уважаемый Рыцарь Оленя, грустно все у вас получилось. Я ведь предупреждал.

Женя. Ничего вы не предупреждали! Говорили: «Ящер, Ящер...» А это какой-то космический осьминог, чудовище!

Тахомир. А вы надеялись, что это котеночек?... И зачем вам нужно было лезть в эту историю. Остров живет мирно, все довольны...

Женя. И те ребята, которых вы хлещете на вашей дурацкой телеге? Тоже довольны?

Тахомир. А что здесь дурного? Дети сами понимают, что разумная строгость необходима. Иначе равновесие порядка полетит вверх тормашками, прощай спокойная жизнь. Да и Ящер этого не потерпит...

Женя. Да Ящера-то зачем ваше равновесие?

Тахомир. Ящер поставлен над нами высшей силой. И представлено, что поставлено. С его помощью остров достиг благоденствия и расцвета.

Женя. Ну и расцвет! Смотреть тошно.

Тахомир. Не нравится — не смотрите. Вас никто не звал.

Женя. Никто?! Ваш заместитель Ктор Эхо звал!

Тахомир. Я же говорил: Ктор у нас романтик, не надо его слушать... Теперь вы сами видите, что острову вы не нужны.

Женя. Раз не нужен, отправьте меня домой.

Тахомир. Да? Какое же я имею право? Вы совершили дерзкое покушение на славного Ящера. Вашу судьбу решит высший суд острова Двид. Народ должен видеть, что вы понесли заслуженное наказание.

Женя. Какое еще... наказание? Только посмейте тронуть!

Тахомир (чуть насмешливо). Завтра все узнаете, суд у нас справедливый и скорый. А теперь спокойной ночи. Я прикажу, чтобы принесли свечу.

Женя (в бессильном отчаянии). Засуньте ее себе куда-нибудь.

Тахомир (семенит к двери). Да, вот они нынешние дети. А еще говорят, что не нужна строгость.

Тахомир уходит. Тут же появляются слуги Ящера. Они бросают на лежанку охапку соломы, ставят на стол миску, кружку, кувшин с водой — скудный обед узника. Женя затравленно следит за ними. Слуги молча удаляются, и опять лязгает засов. Посидев с полминуты, Женя подходит к столу, нерешительно пробует похлебку. Отбрасывает ложку. Жадно пьет из кувшина, оглядывается. Смотрит на оконце под потолком. Подтаскивает к стене стол, прыгает на него, дотягивается до решетки. Но расшатать ее невозможно. Женя достает из кармана кинжал, замахивается, хочет ударить по железным прутьям. Задерживает взмах.

Женя. Нет... Хороший ты, но деревянный... Да если бы и железный, все равно бесполезно. Бежать-то отсюда некуда...

Снова гремит запор на двери. Женя прыгает со стола и опять съезживается на нарах. Входит Ктор Эхо. Ставит на пол фонарь. Присаживается рядом с узником.

Ктор. Да, Евгений, жаль... Я думал, вы проявите больше мужества.

Женя. Я? Мужества?... А сами-то! Даже на берег побоялись сунуться!

Ктор. Я не рыцарь, а чиновник. А вы обещали драться...

Женя. Но как я мог драться с такими чудовищем! Это же все равно, что с атомной бомбой! Вы же говорили — ящер! А что это такое на самом деле, не объяснили!

Ктор. Я говорил вам даже больше, чем полагается. Не забывайте, что я на высокой службе и не могу направо и налево разбалтывать государственные тайны.

Женя. Но домой-то вы можете меня отпустить? Вы же обещали!

Ктор. Обещал, если вы окажетесь победителем. А теперь...

Женя. Что теперь?

Ктор (замявшись). Ну... потерпите уж до завтра.

Женя. А что завтра?

Ктор. Ну... вы не волнуйтесь, это же быстро. И говорят, что не больше, чем вырезать гланды...

Женя. Что?! Что не больше?!

Ктор. Ну... когда это... голову... *(Он ребром ладони чиркает по воздуху.)*

Женя *(вскакивает на лежанке)*. Да вы что! Вы с ума сошли?! Какое вы имеете право!.. Я еще это... несовершеннолетний...

Ктор *(сочувственно)*. Что поделаешь, Евгений. Суд не счел вашу молодость смягчающим обстоятельством.

Женя. Какой суд? Когда?

Ктор. Час назад.

Женя. Без меня?

Ктор. А зачем вы там нужны? И так все ясно...

Женя *(уже не может сдержать слезы)*. Гады вы с вашим Ящером. Заманили, а теперь... Сами виноваты, а я отвечай?

Ктор. Простите, я не понимаю... Значит, по-вашему, во всем виноват я?

Женя. А кто?! Я?!

Ктор. Хорошо... Если вы так считаете, ладно. Я не хочу упреков совести... Вон там, в углу, начинается подземный ход. Он едва замазан штукатуркой, вы ее легко расковыряете. И бегите...

Женя. Смеетесь, да? Куда бежать? Куда я денусь на вашем острове? Меня любой выдаст.

Ктор. Подземный ход выведет вас в лес. По лесу выбирайтесь на ближайший берег. Там можно отыскать лодку. Если подует юго-западный ветер, он пригонит вас домой.

Женя. А если не подует?

Ктор. Ну, во всяком случае, я даю вам надежду. А теперь прощайте... мальчик Женя. Думаю, что мы больше не увидимся.

Ктор уходит, оставив фонарь. Женя прислушивается, крадучись подходит к стене. Опасливо оглядывается на дверь. Бьет ногой по штукатурке. Отваливается пласт. Женя торопливо отламывает еще куски штукатурки. Хочет нырнуть в открывшийся лаз, но задерживается. Подскакивает к столу, суетливо съедает похлебку, сует в карман кусок хлеба, пьет из кувшина... Смотрит на окошко. Оно уже потемнело. Женя берет фонарь и проскальзывает в подземный ход. Несколько секунд темно и тихо. В окне виден золотой рог месяца. Потом издали доносится голос «живой газеты».

Крикунчик. Спокойной ночи, почтенные жители нашего города! Над островом Двид покой и благодатная тишина. Никто не сможет нарушить наше счастливое равновесие порядка!.. Хвастливый Рыцарь Оленя приговорен к справедливому возмездию!

Завтра на площади, почтенные горожане, вы еще раз увидите, что бывает с теми, кто осмелится задумать что-то против нашего любимого Ящера!.. Спокойной ночи, уважаемые сограждане! Засыпайте в ожидании радостного утра!..

Занавес

Лес на острове Двид. Могучие замшелые стволы, кусты и лианы. Утро. Солнце бьет через листву, насвистывают птицы. Из кустов выбирается Женя.

Женя. Ну и чаша. Как в сказке... Наверно, это и в самом деле сказка, только жуткая... Ладно, добраться до берега, а там — хоть верхом на бревне. Лишь бы дул юго-западный ветер! Как-нибудь дойду до дома... Даже не верится, что есть на свете наш дом... Если бы не ключ... *(Достаёт ключ из кармана, вешает на шею.)* Хороший ты мой ключик, родной. Не горюй, я еще открою тобой нашу дверь... Если, конечно, с голоду не помру... Робинзону было хорошо, он мог пищу добывать с ружьем, а у меня только деревянный кинжал. Он для игры, а здесь все по правде... И враги по правде...

Раздается резкий тоскливый крик. Женя шарахается, прячется за дерево. Снова крик. Женя выглядывает из укрытия.

Женя. Нет, это не враг. Это... будто кто-то в беду попал. *(Тоскливые крики начинают звучать равномерно и жалобно.)* А если ловушка?... А если кто-то правда в беде? Ты что, Женя, опять хочешь трусом быть? *(Он крадется на крики, заглядывает в заросли.)* У-у, да это какой-то гусь ошипанный... Да подожди ты, не кусайся! Кто с тебя перья ободрал? Ай, ну и клювище! Ну и сиди там, дурак... *(Встает, хочет уйти, потом оглядывается, потому что опять разносится очень жалобный крик. Женя снова наклоняется над странной птицей.)* Чего орешь-то? Зовешь, а потом кусаешься... Ой, да ты же птенец! Великанское птичье дитя ясельного возраста!.. Из гнезда свалился? *(Смотрит вверх, видит круглую кучу хвороста.)* Ого, вот это гнездышко! Ладно, я тебя туда доставлю, так и быть. Только больше без мамы не гуляй...

Женя снимает майку, делает из нее что-то вроде беседки, сажает туда громадного длинношею птенца. Идет к наклонному стволу, по которому легко добраться до гнезда.

Женя. Не тюкай клювом, дурень! Я же тебе помочь хочу... Видишь, мы с тобой оба вляпались в неприятности, значит, должны друг другу помогать... *(Он забирается в гнездо, устраивает там)*

птенца.) Вот так... Ох и птенчик! Весом с индюка. Интересно, какого роста твои родители? Лучше не встречаться, а то склюют, как червяка... Ой, мама...

Из-за кустов выступает п т и ц а, похожая на фламинго, но исполинского роста и с синими перьями. Птица делает шаг на поляну. Женя скатывается с дерева и пятится к зарослям.

Ж е н я. Птица... ты что? Он упал, а я его в гнездо посадил, вот и все... Я там ничего не трогал, честное слово...

Птица, наклонив голову, прислушивается. Женя оглядывается. Сзади в зарослях прохода нет. Чтобы выйти на тропинку, надо пройти мимо птицы. Женя бочком обходит ее. Птица наблюдает.

Ж е н я. Я его не обижал, он сам вывалился. А я посадил... Может, ты думаешь, я его съест? Да ты что! Я хоть совсем бы с голода помирал, а его не тронул бы. Он же беззащитный...

Женя уже обошел птицу, может теперь скрыться за деревьями. Но у края поляны он задерживается.

Ж е н я. Ну, ладно, птица, я пойду... Ты молодец, что меня поняла. Смотри, чтобы малыш опять не вывалился из гнезда, а то пропадет. Знаешь, как родители маются, когда у них ребенок пропадет. Вот, например, как Юлька Гаранин... А мои, наверно, тоже... Поэтому мне надо скорее домой! Понимаешь, птица, дом — это вроде как гнездо, только у него есть дверь, которую отпирают ключом. Я приду и... Ой... А где ключ? (Женя хлопает по груди, встряхивает майку.) Шнурок порвался. Ключ, наверно, в гнезде... Птица, можно я слажу в гнездо? Я там ничего не трону, только поищу мой ключ. Понимаешь, к л ю ч! От моего гнезда. Можно, птица?

Женя делает осторожный шаг к дереву с гнездом. Птица вытягивает шею, опускает в гнездо клюв и достает ключ — держит клювом за шнурок. Протягивает его Жене.

Ж е н я. Ой, ключик... Птица, какая ты умница! Спасибо, птица... (Он берет ключ, нерешительно гладит птицу по шее. Та кладет ему громадную голову на плечо.) Ты замечательная. Ты одна-единственная, кто мне помог. Ты самый хороший человек на этом острове... Ну, прощай, мне надо идти.

Женя еще раз гладит птицу, отходит, поворачивается, машет ей рукой.

Ж е н я. Спасибо за ключ... (Он выколачивает из ключа на ладонь крошки, продувает его. Раздается резкий свист. Птица вскидывает голову, делает шаг к Жене.) Птица, ты что? Это ключ так

свистит... (Снова дует в ключ. Птица быстро подходит.) Ты что? (Птица трогает ключ носом.) Ты решила, что я так тебя звал? Нет, птица, это нечаянно, извини.

Птица снова кладет голову Жене на плечо, потом быстро отступает. Заросли скрывают птицу и дерево с гнездом. Женя опять один. Он делает несколько шагов, слышит шаги и прячется. На поляну выходит согорбленный старик в длиннополом сером халате, подпоясанном травяным жгутом. Это Отшельник. Он что-то собирает в траве. Женя опасливо следит за ним.

Отшельник (не глядя на Женю). Ты, кто прячешься в кустах, не бойся. Если хочешь, я пройду мимо, словно не заметил тебя. Я никому не делаю ни добра, ни зла... (Женя нерешительно встает. Отшельник смотрит спокойно, даже равнодушно.) Мир тебе в этом лесу. Ты устал?

Ж е н я. Да.

Отшельник. Если хочешь, пойдем ко мне. Поешь и отдохнешь. (Он, не оглядываясь, идет к зарослям. Женя, помедлив, — за ним. Поднимается завеса из лиан, открывает внутренность хижины.) Входи в мой дом... (Женя робко входит, оглядывается.) Садись, где нравится.

Женя садится на прикрытый тряпьем топчан. Старик приносит каравай и кружку.

Отшельник. Вот хлеб и мед. Поешь.

Проголодавшийся Женя быстро ест. Старик возится у очага, не обращая на гостя внимания.

Ж е н я. Спасибо.

Отшельник. Теперь отдохни.

Женя приваливается к стене хижины.

Ж е н я. А можно мне спросить?.. Скажите, что за птицы такие великанские здесь водятся? Как фламинго, только громадные и с синими перьями. Я про таких раньше не слышал.

Отшельник. Птицы? Не знаю... Я знаю пчел, у которых беру мед, диких коз, которые дают молоко. А птицы мне не нужны, и я им не нужен.

Ж е н я. Разве вы их не охраняете?

Отшельник. Зачем?

Ж е н я. Я думал, вы здешний лесник.

Отшельник. Нет. Я отшельник.

Ж е н я. Кто?.. А, понимаю! Вы живете один и молитесь Богу?

Отшельник. Я не молось. Я ищу Главную и Вечную Истину.

Женя. Что ищете?

Отшельник. Главную и Вечную Истину. В чем смысл человеческого бытия.

Женя. А-а...

Отшельник. Разве ты понимаешь, о чем я говорю?

Женя. Что же тут не понять?

Отшельник. Ты тоже думал об этом?

Женя. Было как-то...

Отшельник. Все равно. Никто не знает ответа.

Женя. Почему? У меня мама знает. Я ее спросил как-то, а она говорит: человек живет, чтобы радоваться жизни. Только не одному радоваться, а вместе с другими: надо обязательно кого-то любить и с кем-то дружить... А если что-то плохое встречается, с ним надо бороться, в этом тоже смысл жизни...

Отшельник. Если бы все было так просто, великие умы не искали бы разгадку тысячи лет...

Женя. А это, наверно, не так уж просто. Мама еще что-то объясняла, только мне было некогда, меня ребята позвали на велосипедах кататься... А вам зачем Главная Истина?

Отшельник. Как зачем? Чтобы знать.

Женя. Ну да... А что вы с ней будете делать, когда узнаете?

Отшельник. Истина — это не вещь. С ней ничего не надо делать. Ее надо осознать, вот и все.

Женя. А потом что?.. Вот у нас во дворе если ребята что-нибудь интересное придумают или узнают, они сразу бегут к друзьям и рассказывают. Иначе какой прок?.. А вы... вы не обижайтесь, но вы же совсем один. Или вы потом пойдете к людям?

Отшельник. Не пойду. Главную Истину каждый должен искать для себя сам... Откуда я знаю: вдруг мое открытие принесет кому-нибудь вред? А я не хочу делать людям ни добра, ни зла.

Женя. Зла — это конечно. А почему добро не сделать?

Отшельник. Потому что все должно идти своим чередом...

Женя. Но вы же... вот вы помогли мне. Разве это не добро?

Отшельник. Кто знает... Ты уже отдохнул?

Женя. Да. Спасибо. Я пойду.

Отшельник. Ступай с миром.

Женя. А далеко еще до берега?

Отшельник. До твоего берега? Недалеко. Здесь только одна тропинка, не сворачивай с нее, а то попадешь в Заколдованный лес. Кто в него попадает, забывает все на свете... Прощай.

Женя. Спасибо. До свиданья. *(Выходит из хижины.)*

Отшельник *(вслед)*. Прощай.

Завеса из лиан закрывает хижину. Женя опять один в лесу. Он вступает на тропинку среди зарослей, она приводит его на лужайку. Слышится шорох, приглушенные голоса. Женя замирает. И в этот миг на него опускается железная клеть! Выходят слуги Ящера, высасывает Крикунчик Чарли.

Крикунчик. Ха-ха! Вот он наш «герой»! Вот он наш «храбрец»! Смотрите, люди! Он хотел убежать! Ха-ха! Он не знал, что любого, кто нарушил равновесие порядка, все дороги приведут на площадь, на нашу знаменитую пирамиду со ступеньками и с уютной площадочкой наверху! Поехали, поехали, «храбрый рыцарь»! Народ уже собрался, все вас ждут!

Занавес

На площади перед дворцом пирамида-эшафот. На ее площадке — большой пенёк, перед пнем замер палач в капюшоне. Он держит руки на перекладине громадного меча. На краю эшафота установлен кабинетный стол, за ним восседает главный прокурор. Пирамиду окружают слуги Ящера с длинными двурогими копьями. На площади замерла толпа зрителей с равнодушными лицами. Два стражника, ухватив Женю за локти, вводят его на помост. Женя затравленно оглядывается.

Прокурор *(стражникам)*. Обыщите осужденного.

Слуги Ящера обшаривают Женю. Выкладывают на стол ключ, кинжал, мелочь из карманов. Палач нетерпеливо переступает.

Палач. Пора, господин прокурор...

Прокурор. Подождите, я должен составить список изъятых вещей. *(Скрипит перо. В это время, выхлясь, на ступеньки поднимается Крикунчик Чарли. Прокурор, кончив писать, поднимает голову.)* Осужденный! У вас есть последнее желание?

Женя *(с отчаянной надеждой)*. Да!.. Да, я хочу домой!

Прокурор. Нет, это нельзя. Желание не должно мешать исполнению приговора.

Женя роняет голову. Потом смотрит исподлобья, как Крикунчик Чарли разглядывает ключ, кинжал и другие отобранные предметы.

Женя. Тогда... верните мне мои вещи.

Прокурор. Зачем?

Женя. Не ваше дело! Это мое последнее желание... Убить собралась да еще все отобрали. Грабители... Отдавайте!

Прокурор. Верните осужденному вещи согласно списку...

Первое: четыре монеты достоинством в одну, три, пять и двадцать копеек... (*Стражник отдает мелочь Жене.*)

Крикунчик. Ха-ха! Он купит на том свете бутылку лимонада!

Прокурор. Ключ медный, неизвестного назначения...

Женя. Известного! Это от моего дома! (*Выхватывает ключ у стражника, встряхивает мусор. Дует в ключ. Раздается свист.*)

Крикунчик. Ха-ха! Уж не думает ли наш «герой» вернуться домой? Нет, молодой человек, вас ожидает другое путешествие!..

Прокурор. Огрызок карандаша, синий, сломанный...

Крикунчик. Напишите, рыцарь, им прощальное послание вашим храбрым друзьям и милым родственникам!

Прокурор. Кинжал игрушечный, деревянный... (*Стражник подает Жене кинжал.*)

Крикунчик. Ура! Наконец-то наш «рыцарь» получил подходящее оружие! Именно деревянный кинжал под стать такому «герою»!

Женя еще раз дует в ключ, вешает его на шею.

Прокурор. Снимите. Шнурок помешает... э-э... операции.

Палач. Не помешает. Осужденный, вы готовы?.. Подведите его.

Слуги Ящера опять берут Женю за локти. Женя отчаянно вырывается, отскакивает, выставляет перед собой кинжал.

Женя. Отцепитесь, гады!

Крикунчик. Смотрите на «храбреца»!.. Он собирается сражаться с отважными воинами Ящера своей щепкой?!

Женя. Пусть я этой щепкой твою рожу поцарапаю — и то польза!

Он кидается к Крикунчику Чарли. Дорогу загораживает стражник. Женя отталкивает его кулаком со стиснутым кинжалом.

Стражник. Ай! Он пробил кольчугу!

Прокурор. Рубите бунтовщика!

Второй стражник замахивается саблей. Женя машинально защищается кинжалом, сабля со звоном разлетается.

Второй стражник. Ай! Кинжал не деревянный!

Крикунчик. Караул! У него волшебное оружие! Кто позволил?

Женя (*в восторге от своего открытия*). Волшебное?! Да! Это мне Толик дал, он мой друг! Это он меня спасает! А ну, попробуйте, суньтесь!

Женя шагает к Крикунчику, и тот с воплем падает с эшафота. За ним в панике прыгают стражники. Прокурор ловко ныряет под стол. Женя поворачивается к палачу. Тот, держа перед собой меч, мелкими шажками наступает на Женю.

Женя. А ты куда? Ты же привык только безоружных рубить! (*Выбивает меч, отчаянным пинком сбрасывает палача вниз. Оглядывается.*)

Прокурор (*из-под стола*). Осужденный, прекратите безобразия! Вы нарушаете равновесие порядка! Вы усугубляете вину!.. Охрана!

Крикунчик (*из укрытия*). Славные воины Ящера, вперед!

Охрана, склонив копья, лезет по ступеням. Женя стискивает зубы, сжимает кинжал, готовясь к последней схватке.

Женя. Ну, идите, идите... Ящерицы поганые! Все равно живым не дамся! Я вам покажу, как дерутся мальчишки с нашей улицы!

Охрана нерешительно останавливается.

Крикунчик. Не подходите близко, он опасен! Зовите стрелков! Бейте издалека!

Появляются стражники с луками. От них уже не спастись. Женя стискивает себя за плечи, беспомощно, но гордо ждет выстрелов.

В этот миг над площадью проносится большая тень. Стражники роняют луки. Крикунчик приседает, закрывает голову.

Крикунчик. Что это? Ай! Так не бывает!

Громадный синий фламинго садится на перекладину помоста.

Женя. Птица! Моя Птица! Ура! Ты меня спасешь, да?!

Прокурор. Это незаконно!

Женя (*хватает Птицу за ноги*). Лети, Птица!

Птица взмывает над площадью. Толпа, прокурор, Крикунчик, стражники, присев от ужаса и открыв рты, смотрят в небо.

Занавес

ВТОРОЙ АКТ

Полуразрушенная крепость на вершине отвесной скалы. Площадка между башней и краем пропасти. Она отгорожена от обрыва каменным парапетом. Перед ним стоят несколько старинных покосившихся орудий. Посреди площадки на заржавленном поворотном станке — громадная

мортира. В стороне груды каменных ядер — каждое в три обхвата. К мортире ведет каменный желоб. За лесом видны с высоты башни и крыши столицы острова. Вечер, закатный свет. У мортиры собрались ребята: Галь, Уголек, Лук, Соти, Шип. Они нестриженные, в лохмотьях.

Галь. Скоро солнце зайдет, пора костер зажигать.

Уголек. А Дуг все не возвращается...

Лук. А где Дуг?

Галь. В деревню пошел. По делу...

Шип. Знаем мы это дело... Вот попадетсЯ слугам Ящера!

Уголек. Да он их всех одной рукой раскидает!

Соти. Конечно. Значит, нечего за него беспокоиться.

Уголек. А я и не беспокоюсь. Просто скучно без него...

Шип. Зато ему в деревне не скучно...

Лук. Почему?

Соти. Станешь взрослый, будешь ходить к девушке на свидания, тогда поймешь.

Шип. Ой-ой, какая Соти у нас взрослая!

Соти. Не я, а Дуг.

Уголек. Дуг тоже еще не взрослый, он такой же, как мы.

Галь. Он взрослый. Просто он молодой. Раньше на острове было много молодых, а потом их запретили. А Дугу-то наплевать на запреты!

Соти. И девушка его тоже молодая, потому что любит его.

Лук. А мы тоже будем молодыми?

Соти. Ну конечно, Лук.

Лук. И наш новичок?

Соти. И он... если с нами останется.

Шип. А куда он денется, если уж его сюда занесло...

Уголек. Правда, что он на птице прилетел?

Галь. Да, она его опустила, а сама улетела.

Уголек. А что он рассказал?

Соти. Да ничего. Он такой измученный был, что воды выпил и сразу уснул. Даже не проснулся, когда я ему царапины мазала.

Шип. И до сих пор спит. Во дает! Больше суток...

Во время разговора появляются Малыш и Тун с охапками хвороста.

Тун. Да не спит он уже, проснулся.

Уголек (подскакивает). А где он?

Тун. Винтик его повел...

Уголек. Куда?

Тун. Куда-куда... Напейся воды, а потом поспи сутки. Куда побежишь?

Соти. Ох и болтуны вы, мальчишки...

Появляются Женя и Винтик.

Винтик. Ну вот, наконец-то он проснулся по-настоящему.

Женя (не зная, как себя вести). Здравствуйте...

Уголек. Ага, здравствуй! Есть хочешь? Я тебе рыбы принесу! (Он умчался и тут же вернулся с печеной рыбиной на лопухе.) Ешь... (Женя неловко пристраивается у лафета мортиры.) А ты правда на птице прилетел? Я не видел, меня Соти заставила котелок чистить в башне.

Женя. Правда... А как вы сюда попали? Тоже на птицах?

Уголек. Не! Мы по-всякому...

Галь. Есть в скалах тайный проход. Но чужие его не знают. Ты не бойся, здесь тебя никто не достанет.

Женя. Я и не боюсь. Я как только вас увидел, сразу... Ну, сразу понял, что наконец к настоящим людям попал. А там... там все неживые какие-то... Вы тоже убежали?

Винтик. Мы все удрали из приютов...

Шип. Те, кто с родителями живут, им еще можно терпеть, а в приютах с утра до вечера одно и то же: «Равновесие порядка, равновесие порядка...» Улыбаться и то нельзя — нарушаешь равновесие.

Уголек (тихо). Даже когда бьют, громко кричать не велят...

Галь. Самое страшное то, что дружить запрещают. Воспитатели этого больше всего боятся... А мы с Дугом подружились.

Женя. С кем?

Галь. С Дугом. Он самый старший у нас... Я тогда совсем маленький был, а Дуг — такой, как ты. Он с нами играл и бумажные кораблики делал. Его за это так исхлестали... Тогда он ночью ушел и нас увел с собой: меня и еще одного маленького. Только тот потом ногу наколол рыбной костью и умер от горячки...

Женя. А как вы здесь оказались?

Галь. Дуг нашел в скалах тайную лестницу... А потом мы внизу встречали других беглецов и приводили сюда...

Женя. Здесь раньше крепость была? Смотрите-ка, и пушки... А Правитель говорил, что на острове нет огнестрельного оружия.

Тун. Это же все старинное. С той поры, когда остров еще не был невидимый и на него нападали.

Женя. А как он стал невидимый?

Уголек. Это Дуг расскажет! Он про все знает!.. Вот он идет, Дуг! Ура!

На площадку входит Дуг — крепкий рыжеволосый парень лет двадцати. Ребята кидаются к нему. Женя встает...

Дуг. Ну, очнулся наш гость? Живой, ничего не болит?
 Же ня. Нет... Только царапины щиплются.
 Сот и. Я его отваром змеиной травы намазала. Пощиплет и пройдет. Зато никакая болезнь не привяжется.
 Дуг. Сот и у нас лекарь, все травы знает... И вообще она у нас хозяйюшка. Без нее наш народ совсем бы в дикарей превратился, умываться перестали бы...
 Сот и. Уголек все равно не умывается...
 Уголек. Потому что у меня щека поцарапанная. Не ябедничай... Дуг! А новичок на птице прилетел!
 Дуг. Да знаю я, видел... И внизу, в деревне, про это говорят... (Жене.) А ты, похоже, не с нашего острова? Издалека?
 Же ня. Я из Орехова, это городок такой... Только я теперь не знаю, где он. Наверно, уж никогда домой не попаду...
 Дуг. Ну что ты... Главное, что от смерти спасся, а здесь мы что-нибудь придумаем.
 Уголек. А ты оставайся с нами насовсем.
 Же ня. У меня же родители с ума сойдут... И друг у меня там.
 Дуг. Вот и хорошо, что друг. Это еще больше поможет.
 Же ня. Он уже помог... Видите кинжал? Это он подарил.
 Винтик. Красивый...
 Шип. Деревянный...
 Же ня. Деревянный, а в бою крепче стали!
 Уголек. Можно подержать? (Берет кинжал, ударяет в кладку паранета.) Ой, он в камни втыкается!
 Же ня. Я им и отбил... Но я бы, конечно, не спасся, если бы не Птица.
 Уголек. А она твоя? Ручная?
 Же ня. Нет, не ручная. Просто мы подружились в лесу...
 Дуг. Так чего же ты горюешь, если с птицей подружился? В полнолуние начнется юго-западный ветер, и птица унесет тебя в твой Орехов. С этим ветром можно попасть в какие хочешь края.
 Сот и. Удивительно все-таки...
 Дуг. А что тут удивительного? Я же вам рассказывал, что на Земле, кроме нашего острова, полно всяких стран и городов.
 Сот и. Да я не про это, я про птицу. Ведь считалось, что великанские синие фламинго давно вымерли...
 Дуг. Нет, они еще живут в глухих лесах. Но, конечно, это очень древняя порода птиц.
 Же ня. А Ящер? Он тоже древнее животное?
 Дуг. Ящер вообще не животное. Это... даже не знаю, как объяснить. Тут надо долго рассказывать.
 Винтик. А ты расскажи!

Уголек. Расскажи, Дуг!
 Дуг. Вы же сто раз эту историю слышали.
 Галь. А Женька не слышал. Ты расскажи, мы тоже послушаем.
 Дуг. Ладно. Только позже, у костра.

Поздний вечер. Половинка большой луны повисла над крепостью. У маленького костра собрались все ребята и Дуг.

Дуг. Уголек, Лук, идите сюда... Малыш, садись поближе... С самого начала рассказывать?
 Уголек. С самого!.. «В давние-давние времена жил на острове Двид веселый и храбрый народ...»
 Дуг. Да. Хороший был народ, трудолюбивый и дружный. Он построил прекрасный город, в нем были обсерватории, театры...
 Винтик. И площадки для всяких игр...
 Дуг. Да... На острове было много ученых, артистов и художников. Все взрослые любили детей и учили всему, что умели сами. Поэтому дети вырастали добрыми, умелыми и храбрыми...
 Галь. Только это было очень давно...
 Дуг. В одной школе учились два мальчика. Они очень дружили. Когда они выросли, один стал великим Ученым, а другой Правителем острова...
 Уголек. Ученый прославился своими открытиями, а Правитель — разумом и сильной волей.
 Дуг. Правильно, Уголек... Но жизнь в ту пору стала тревожной. Соседние страны завидовали острову. Их корабли стали нападать на прибрежные поселки. Пришлось строить крепости...
 Же ня. Вроде этой?
 Дуг. Да... Сперва войны были небольшие, но потом враги заключили против острова военный союз. Они решили снарядить большой флот, высадить армию и разгромить столицу...
 Уголек. Когда это стало известно, Правитель пришел к Ученому и спросил...
 Сот и. Подожди, Уголек... Дуг, пусть Галь и Тун покажут, как это было...
 Тун. Да ну, опять...
 Сот и. Но это же для Жени... Женька, мы, чтобы не скучно было, иногда театр устраиваем. Сами для себя...
 Винтик. Сами играем и сами смотрим.
 Лук. Я один раз медвежонок играл!
 Сот и. Играл, играл. Ты хороший медвежонок... И эту легенду про Ученого мы тоже в своем театре играли. Галь был Ученый, а Тун — Правитель... Ну, покажите, ребята...
 Дуг. Правда, ребята, давайте.

Галь встает. Тун тоже нехотя поднимается. Они отходят на край площадки, принимают «актерские» позы — входят в образы.

Дуг. Итак, Правитель пришел к Ученому и спросил...

Тун. Ты можешь придумать, как спасти нашу страну?

Галь. Да, Правитель...

Тун. Ну зачем ты так? Я для тебя не Правитель, а друг. Мы столько лет сидели за одной партией... Значит, можешь?

Галь. Есть два способа. Можно построить громадное чудовище, оно будет громить врагов, если они нападут... А можно сделать наш остров невидимым. Тогда враги просто не найдут его в море. Не надо будет вести войны и проливать кровь...

Тун. Мы должны спешить. Скажи: что быстрее? Спрятать остров от чужих глаз или соорудить чудовище?

Галь. Чудовище — быстрее... Чтобы сделать остров невидимым, я должен сгустить верхние слои атмосферы, заставить частицы воздуха преломлять и отражать свет, искривлять лучи. А железный ящер — штука нехитрая, можно построить хоть сейчас!

Тун. Строй! Время не ждет, вражеский флот уже в пути.

Галь и Тун, окончив диалог, вопросительно смотрят на Дуга.

Дуг. Ну вот. Ученый послушался и построил громадного стального зверя, который умел изрыгать огонь, разрушать своими щупальцами крепости и топить корабли...

Женя (тихо). Он и сейчас умеет...

Дуг. В том-то и беда... Когда неприятеля разгромили, Правитель посадил Ящера в озеро, под воду. Потому что Ящер нагонял страх не только на врагов, но и на жителей острова...

Уголек. А потом остров сделался невидимым...

Дуг. Да. Через два года Ученый открыл секрет невидимости, и остров стал незаметен с моря и с воздуха. Тогда Ученый сказал Правителю...

Галь (снова превращаясь в Ученого). Ну, вот и все. Мы защитили себя на долгие века. Давай уьем Ящера.

Тун. Зачем?

Галь. Он опасен. Мало ли что может случиться.

Тун. Ничего не может! Ты доверил секрет Ящера мне одному. Только я могу управлять им, и только я могу его убить.

Галь. Вот и убей, пока не поздно.

Тун. Разве ты боишься, что я могу использовать Ящера для злых дел? Разве ты не веришь мне, старому и надежному другу?

Галь. Тебе я верю. Но люди могут выбрать другого Правителя.

Тун. Друг мой, ты подумай: зачем острову другой Правитель?

Галь. Но есть закон! Каждые шесть лет Правителя выбирают снова!

Тун. Закон был раньше. А зачем он сейчас, если у меня есть Ящер?

Галь. Ты хочешь стать тираном?!

Тун. Ну, почему же тираном?! Я буду управлять по-доброму и мудро... А ты станешь моим верным советчиком и помощником.

Галь. Я? Помощником захватчика власти? Сообщником того, кто предал народ?

Тун. Ты оскорбляешь Правителя!

Галь. Ты не Правитель, а преступник. Народ проклянет тебя!

Тун. Не проклянет. У меня Ящер!.. Значит, ты отказываешься помогать мне?

Галь. А ты надеялся, что я соглашусь?

Тун. Я думал, мы друзья...

Галь. Я тоже думал...

Тун. Стража! Отведите его в тюрьму!..

Женя. И отвели?

Дуг. Ну, нельзя сказать, что это была настоящая тюрьма. Жилось Ученому не так уж плохо. Но был он под стражей...

Женя. А сам он не пытался убить Ящера?

Дуг. Пытался. Но тайная его работа была раскрыта, и суд приговорил Ученого к смерти.

Женя. Неужели и тогда нашлись такие люди?

Дуг. Нашлись... Из трусов и предателей Правитель набрал себe слуг, назначил судей... После суда Правитель пришел к Ученому и сказал...

Тун (изображая Правителя). Видишь, как получилось... Честное слово, я этого не хотел.

Галь. Теперь все равно. Но дай мне отсрочку от приговора. Я хочу отлить скульптуру, я ведь не только Ученый, но и Художник. Я хочу оставить эту скульптуру людям.

Тун. Я дам тебе какую хочешь отсрочку! Я дам тебе полное помилование и богатство! Только обещаю не вредить Ящеру!

Галь. Не надо мне твоего помилования. Зачем мне жизнь, если я потерял Друга... А время для скульптуры ты мне даешь.

Тун. А что это будет за скульптура?

Галь. Два мальчика. Два очень верных друга... Это юные рыцари. Те, что рано или поздно убьют Ящера.

Тун. Разве такое дело под силу ребятишкам?

Галь. А ты вспомни нас, когда нам было по двенадцать лет! Разве нас могло что-то удержать, если надо было отстаивать справедливость? Разве тогда ты не был Рыцарем?.. Кто мог поду-

мать, что ты пойдешь на предательство ради могущества и власти...

Тун. Замолчи!.. Дуг, ну я не хочу больше! Почему я должен играть предателя?

Дуг. Тун, что ты обижаешься? Это же не по правде, а чтобы показать, как было... Ладно, хватит. Садитесь к костру.

Женя. А Ученый сделал скульптуру?

Дуг. Да... На первый взгляд это были просто мальчишки. Причем один раненый. Но они сидели на голове упавшего Ящера, и один держал воткнутый в голову чудовища меч.

Женя. А Правитель их не разломал?

Дуг. Ученый потребовал с него детскую клятву — клятву Пером Синего Фламинго, — что он не тронет скульптуру. И Правитель поклялся. Потом он снова предложил Ученому жизнь и богатство, но Ученый не хотел его милости и выпил яд...

Женя. А скульптура?

Дуг. Правитель не посмел ее разбить, но приказал увезти ее на дикое горное плато, окруженное глухими лесами...

Уголек. И с той поры никто ее не видел.

Галь. Но легенда о юных рыцарях, которые убьют Ящера, все равно живет.

Дуг. Живет. Хотя с той поры сменилось много поколений. И много Правителей.

Соти. Меняются, а порядки прежние...

Женя. Неужели никто не борется?

Галь. Иногда возмущаются. Особенно ребята. Ребята ведь всегда рождаются смелыми, если даже родители трусы. Поэтому на острове так и обращаются с детьми. С «разумной строгостью»...

Дуг. Ну, довольно говорить о печальном! Малыш, сходи за чайником.

Молчаливый Малыш послушно уходит.

Женя. А почему его зовут Малыш? Он же не самый маленький.

Дуг. Мы его в начале этого лета подобрали в лесу. Он был беспомощный, почти голый и еле дышал. Не помнил, кто он и откуда, мы возились с ним, как с малышом. Вот и прозвали так.

Женя. Наверно, он в Заколдованном лесу побывал!

Дуг. Наверно. А ты откуда знаешь про Заколдованный лес?

Женя. Отшельник рассказал... Балда какая этот Отшельник! А еще лесной житель! Не мог правильную дорогу показать! Я из-за него прямо в клетку угодил!

Дуг. Он все показал, как хотел. Нарочно.

Женя. Как нарочно? Зачем?

Тун. Потому что они все заодно. Это все было подстроено: и с подземным ходом, и с ловушкой...

Женя. Значит, и Ктор — предатель?!

Дуг. Конечно...

Женя. Но зачем?.. Я не понимаю. Они же могли сразу отвести меня на площадь и казнить. Зачем бегство подстраивать?

Дуг. Для убедительности. Чтобы люди видели: беги не беги, а от возмездия не уйдешь, если что-то сделал против Ящера.

Женя. А ведь правда. Они все рассчитали...

Дуг. Понял наконец, зачем тебя сюда заманили? Чтобы показать ребятам: вот чем кончается легенда о юных рыцарях.

Женя. Да, это у них получилось. Вон как «рыцарь» улелетывал от Ящера.

Галь. Ты не виноват. С ним и целая армия не справится.

Уголек. Зато ты на площади здорово дрался!

Приходит Малыш с чайником. Вешает его над огнем. Потом отходит к парапету и смотрит на ночной горизонт.

Соти. Вот так отойдет и молчит, молчит. Все что-то вспомнить хочет...

Женя. А ему, значит, Отшельник не встретился? Раз он в Заколдованный лес угодил.

Шип. Его зачем-то на юг понесло. Непонятно...

Винтик. Как раз понятно! У Малыша на руке такой прибор был, со стрелкой, чтобы путь показывать...

Дуг. Это компас. Винтик. Я же объяснял...

Винтик. На этом... на компасе... главное направление — юг.

Женя. Почему? Там все направления одинаковые.

Винтик. Нет, не одинаковые! Там большими буквами написано: ЮГ... Малыш, покажи твою игрушку со стрелкой!

Малыш подходит, молча снимает с руки компас, подает Угольку и опять встает у парапета.

Винтик. Вот! *(Протягивает Жене.)*

Женя. Компас как компас... Ольховская фабрика учебных пособий... Ребята, у вас есть такая фабрика?

Галь. Мы не знаем...

Женя. А где тут написано, чтобы на юг идти?

Тун. Это на обороте. Вот... *(Поворачивает компас.)*

Женя. Это... это же не слово «юг». Это просто две буквы: «ю» и «гэ»... Будто инициалы... Ребята...

Дуг. *(встревоженно)*. Что, Женя?

Женя. Подождите... я... (Он встает и смотрит на Мальша.)
Юлька... (У Мальша каменеет спина.) Юлька Гаранин!

Малыш медленно оборачивается.

Занавес

Ночь. В небе луна, набравшая полноту на две трети. Мортира на площадке развернута жерлом к зрителям, ствол закреплен горизонтально. В стволе устроились на ночевку Женя и Юлька.

Юлька. Ты меня как назвал по имени, я сразу все вспомнил... У берега маленький плот был, я его нашел, когда купался. Вот я и решил на нем покататься...

Женя. А компас нарочно взял, чтобы как на корабле?

Юлька. Ну конечно... Я совсем недалеко отплыл, а тут этот дядька на лодке. «Мальчик, помоги распутать леску, она за корягу зацепилась». Я к нему в лодку и перебрался... А он давай молотить про остров Двид, про Ящера, про легенду о юном рыцаре...

Женя. Это был Ктор Эхо?

Юлька. Я его имени не спрашивал. Смотрю, он псих какой-то, ну и махнул за борт. А он меня ухватил на лету и в плащ заматал... А потом уж я в темнице очнулся. Этот дядька опять давай меня уговаривать сразиться с Ящером. А то, говорит, хуже будет. Но я тогда ни в какого Ящера не верил, думал, к сумасшедшим попал... Он говорит: «Посиди ночку, подумай». А ночью я убежал.

Женя. Через подземный ход?

Юлька. Нет. Решетка в окошке оказалась ржавая. Ну, я вылез и по переулкам наугад... На краю города болото, а потом лес. Я ведь не знал, что он заколдованный...

Женя. Юлька, Птица нас обоих отнесет домой. Скоро полнолуние, и будет юго-западный ветер.

Юлька. Думаешь, на двоих у нее хватит сил?

Женя. Но мы ведь уже летали вдвоем!

Юлька. Мы недалеко летали... Недолго.

Женя. Как недолго? А когда птенца кормили, помнишь? Целый день! Птица сильная, донесет и до Орехова.

Юлька. Да... И главное, что она такая преданная. Свистнешь в ключик, и она тут как тут, готова на помощь...

Женя. Как самый лучший друг.

Юлька. Когда вернемся, дома никто не поверит, что есть на свете остров Двид...

Женя. Главное, чтобы вернуться.

Юлька. Даже страшно подумать, как там мама... Она всегда за меня так беспокоилась.

Женя. За меня тоже... Надо будет поосторожнее появиться, не сразу. Чтобы с ними ничего не случилось от радости...

Юлька. По-моему, от радости плохого быть не может... Женя...

Женя. Что, Юлька?

Юлька. Меня мама называла знаешь как? «Сокровище»... Иногда ласково, а иногда так: «Ну-ка, сокровище, покажи дневник...» Но все равно хорошо... Я, когда маленький был, спросил ее: «Что такое сокровище?» А мама говорит: «Это разные драгоценности, которые спрятали, а потом откопали». Я говорю: «А где ты меня откопала?» Она как начала хохотать...

Ребята смеются. Но вдруг Юлька утыкается лицом в согнутые локти.

Женя. А моя мама тоже... Юль... Ты что? Юлька, ну не надо. Мы же скоро вернемся, честное слово!

Юлька (стараясь не всхлипывать). У меня всегда так: если слезы подступят, ничего не могу поделать... У меня такой характер слабосильный. Потому что имя девчоночье.

Женя. Какое же оно девчоночье!

Юлька. Ю-у-у-лечка... Так у меня двоюродную сестру зовут.

Женя. При чем тут сестра! А Юлий Цезарь? Он, по-твоему, тоже девчонкой был? А Жюль Верн? Жюль — это ведь тоже Юлий, только по-французски.

Юлька. Тебе его книжки нравятся?

Женя. Нравятся. Только не все. «Таинственный остров» интересно, а «Из пушки на Луну» я еле прочитал...

Юлька. А все-таки здорово было бы: набить в эту пушку пороху и трах! — полетели!..

Женя. А что нам делать на Луне?

Юлька. Да не на Луне. Я чтобы домой...

Женя. Да ладно, Юлька. Скоро и так полетим... (Высовывает из Mortiry.) Смотри, луна почти полная... А с порохом — это шуточки опасные. Да и где его возьмешь?

Юлька (сквозь сон). Не знаю... Может, где и возьмешь...

Женя. Да?.. Юлька!.. Юль, ты спишь?

Юлька. Ага... Кажется, сплю...

Женя. Ладно, спи... А порох, это надо обдумать...

Луна уходит, наступает темнота.

Яркое утро. На площадке появляется Дуг.

Дуг. Эй, люди! А ну, вставайте! Из пушки — как из пушки! (*Из орудий выбираются ночевавшие там ребята.*) Нечего зевать! Нечего ежиться! Согрелись в пушечках, а теперь дрожите? Ничего, сейчас перестанете!.. Становись! (*Ребята выстраиваются в неровную шеренгу. Дуг вскакивает на паранет.*) Начинаем упражнения! Делай — раз!.. Делай — два. (*Вместе с Дугом ребята делают несколько упражнений.*) А теперь — кто на меня?! Кто смелый?!

Все, кроме Соти и Малыша, с боевыми воплями кидаются на Дуга, закипает веселая свалка. Нападающие один за другим отлетают и шлепаются на площадку. Дуг поигрывает мышцами.

Соти (*Юльке*). Сумасшедшие люди, верно? Ты один нормальный.

Юлька. Нет, я тоже сумасшедший! Ура!

Он прыгает на Дуга. Дуг, притворяясь побежденным, падает.

Дуг. Ай да Малыш! Видите, как он сил набрался! А вы все мало каши ели.

Шип. Где она, каша-то? Крупы не осталось ни крошки...

Дуг. Я сегодня в деревню схожу, Асик поделится припасами.

Женя (*Соти*). Кто поделится?

Соти. Асик. Так его девушку зовут.

Дуг. А пока — все за работу. Шип, Тун и Галь, налаживайте новые луки, после завтрака устроим тренировку. Соти, Лук, Уголек — чистить рыбу... Женя, птица прилетит сегодня?

Женя. А надо?

Дуг. Вы с Малышом слетали бы на берег, порыбачили...

Юлька. Дуг, сегодня не надо. Ей трудно каждый день прилетать, у нее же птенец...

Дуг. Да, правильно... Винтик, брысь за дровами!

Юлька. Я ему помогу.

Женя стоит у паранета. Смотрит на лес и башни далекого города. Дуг подходит к нему. Женя вздрагивает.

Женя. Что, Дуг? Я сейчас тоже за дровами...

Дуг. Ты чего грустит?

Женя. Я не грустил... Просто я к этой высоте привыкнуть не могу. Каждое утро дыхание захватывает.

Дуг. Да. Почти весь остров отсюда видно.

Женя. Видно... А вот где наша земля, не видать...

Дуг. Птица найдет дорогу. Скоро уж вы улетите...

Женя. Дуг...

Дуг. Что, Женя?

Женя. Мы-то улетим... А вы? Так и будете здесь всю жизнь?

Дуг. А что поделаешь, Женя? Такая судьба... Это же наш остров! Родина...

Женя. Я понимаю. Только на этой родине вам места нет. Эта площадочка — вот и все...

Дуг. Не только нам тут места нет. Многим... Для себя-то мы могли бы найти место и получше. На северном берегу есть замечательная долина, там фруктовые деревья, озера с рыбой. А кругом неприступные горы. Никто бы до нас не добрался, потому что путь туда только по воздуху.

Женя. Ну так летите! Птица всех перенесет! Или... Дуг... Ты не хочешь с Асик расставаться? Но Птица и ее унесет в долину!

Дуг. Женя, не в этом дело. Мы-то улетим... А когда из города уйдут новые ребята, кто их найдет в лесу? Кто спасет?

Женя. Я не подумал...

Дуг. А ведь они уходят. И когда-нибудь их станет много, и вырастут они. И будет армия...

Женя. Значит, вы хотите сражаться с Ящером?!

Дуг. Не терпеть же вечно это «равновесие порядка»!

Женя. Дуг... Но ведь у вас ничего, кроме луков.

Дуг. В этом-то и беда. Никто не знает, какое против Ящера нужно оружие...

Женя. Дуг! Мы с Юлькой ночью говорили, и я подумал знаешь что? Если здесь пушки, то, может быть, где-то в подземельях сохранился и порох?

Дуг. А какой он, этот порох?

Женя. Неужели ты не знаешь? Им стреляют из пушек и ружей!

Дуг. Я знаю, что им стреляют. Но как о й он? Мы же никогда его не видели.

Женя. Ну... он как крупа. Серая или черная...

Дуг. Постой... В нижних погребках много мешочков с черной крупой. Мы так и думали, что это крупа, хотели даже кашу варить, но Соти попробовала и говорит: испорченная...

Женя. А можно посмотреть?

Дуг. Пойдем... Постой, я факел сделаю.

Женя. Да ты рехнулся!.. Ой, Дуг, прости. Но если это порох, разве можно туда с огнем! От нас же ничего не останется!

Дуг. Шип! Спустишь в подвалы, принеси мешочек с черной крупой... Только очень осторожно, Шип. Без огня, на ощупь.

Пробегавший мимо Ш и п удивленно останавливается.

Ш и п. Зачем?

Дуг. Надо, Шип.

Ш и п. «Надо, надо»... Из нее каши не сварить. А почему на ошупь-то?

Дуг. Узнаешь... Не вздумай зажигать огонь, это приказ.

Шип, ворча, уходит.

Женя. Каши из нее не сварить, а дело можно заварить хорошее... Смотри! Отсюда же видно озеро, где Ящер!

Дуг. Ну и что? Здесь он нас не достанет...

Женя. А мы его достанем! Если таким каменным ядром вдавить ему по башке, никакая броня не выдержит!

Дуг. Разве отсюда в него попадешь?

Женя. Сразу не попадешь, но есть такой способ — пристрелка. Не долет, перелет, а потом — в точку! Ядер-то вон сколько! (Появляется Шип с серым мешочком.) Шип, ну-ка, покажи! (Женя сыплет из мешочка черные крупинки.) Похоже... Шип, раздуй огонек. Пожалуйста... (Шип, пожав плечами, дует на остатки вчерашнего костра.) Все, хватит. Теперь отойдите... дальше, дальше... (Дуг и Шип отходят, Женя бросает в костер горсточку пороха, отскакивает. Над костром взлетает пламя.) Видели? То, что надо!

Дуг. Да, здорово... Но ядро-то тяжеленное. Думаешь, порох его добросит до озера?

Женя. Тут была только горсточка, а мы целую пушку набьем. А сами — в укрытие, на всякий случай... Самое трудное — это ядро в пушку закатить.

Дуг. Закатим. Все вместе, рычагами... Женька! Вот это будет бой! Может, и не врет легенда о юном рыцаре? Ты молодец!

Женя. Да при чем тут я? Мы же вместе...

Дуг. Собираем совет!.. (Он колотит в подвешенное у стены ведро. Ребята быстро сбегаются, только Лук еле ковыляет.) Люди, вот какое дело... Да, перво-наперво: никому не соваться в нижнее помещения с огнем! Это самый строгий приказ!

Винтик. Почему?

Дуг. Потому что можем взлететь на воздух. Черная крупа — это не крупа, а огненная начинка для пушек.

Уголек. Вот это да...

Дуг. Теперь самое главное. У нас есть порох, ядра и большая пушка. И есть Женька, который понимает в этом деле...

Женя. Да я не очень понимаю, я только по книжкам...

Дуг. Но все-таки больше понимаешь, чем мы... Выстрелить мы сумеем. И если такое ядро попадет по башке Ящеру...

Все. Ура-а!

Дуг. Значит, объявляем Ящеру войну?

Все. Ура! Объявляем! А когда стрелять? Давайте сейчас!

Соти. Постойте. Лук ногу наколол рыбьей костью. Надо кому-то в деревню пойти за отваром белого корня. А то сами знаете...

Дуг (Луку). И где тебя угораздило? Сильно болит?

Лук. Не, не сильно. Только распухло маленько.

Соти (тихо Дугу). Сперва маленько, а потом...

Дуг. Ясно... Кто пойдет?

Юлька. Я пойду. Меня там знают, никто не трогает. Все думают, что я такой, немножко чокнутый, и жалеют...

Женя. Я Птицу позову, она тебя быстро донесет.

Юлька. Пока она прилетит, я уже спущусь. Я же знаю проход.

Дуг. Давай... (Юлька убегает.) Соти, ты замотай Луку ногу, и пусть не скачет. А остальные давайте за порохом.

Женя. Лучше сперва ядра подкатим ближе к пушке.

Дуг. Это мысль... Ну что, взялись?

Все налегают на ближнее ядро. Оно не поддается. Дуг приносит деревянный кол, работает как рычагом. С трудом ребята вкатывают первое ядро в желоб, останавливают у жерла мортиры.

Женя. Чтобы выстрелить, запалим фитиль, а сами на всякий случай спрячемся в подвале... Пойдем, посмотрим укрытие.

Ребята уходят. Последней идет Соти, помогая ковыляющему Луку. Несколько секунд на площадке пусто. Потом Женя высовывается из подвального окошка башни. За ним — Дуг.

Женя. Нормально... Надо только Юльку дожидаться.

Дуг. Он скоро вернется, он по ступеням и тропинкам как горный козленок скачет... Да вот он!

Убегает Юлька. Оборванный, с мокрым от слез лицом.

Юлька. Ребята! Уходите, прячьтесь, они идут!

Женя и Дуг выбегают из башни, кидаются к Юлке.

Дуг. Кто идет? Что с тобой, Малыш?

Юлька. Прячьтесь! Они... там... сюда идут! Они...

Он старается заслонить Дуга и Женю от невидимой опасности, сбивает с ног, пытается закрыть собой... В этот миг раздается взрыв, сотрясающий всю крепость. Из щелей в камнях вырывается пламя. Дым заволакивает

площадку. С минуту нельзя ничего разобрать. Рокоча, утихает эхо взрыва. Рассеивается дым. Потом из укрытия, стряхивая каменную крошку, отплеываясь, окликая друг друга, выбираются ребята.

Дуг. Все живы? Винтик? Уголек?

Уголек. Здесь мы... Кажется, все здесь... Что это было?

Дуг. Порох...

Все молчат. Слышны только всхлипывания: плачет Юлька.

Дуг. Малыш, не надо... Ну, что ты? Мы же все целы.

Юлька. Это они порох взорвали.

Галь. Кто?

Юлька. Слуги Ящера... Я от них убежал.

Дуг. А! Они погнались за Малышом и сами взорвались!

Юлька. Нет! Они не взорвались! Это они нарочно, чтобы нас погубить!

Дуг. Откуда ты знаешь? (Юлька всхлипывает и замирает.) Малыш...

Юлька. Потому что это я виноват...

Он отходит к краю площадки, садится у разрушенного парапета на корточки, сжимается. Дуг подходит к нему.

Дуг. Малыш, ну что ты выдумал? Почему ты виноват?

Юлька. Потому что я трус и предатель! Это я рассказал им про порох и про тайный ход! Они меня поймали, и я рассказал!..

Все быстро шагают к Юльке, обступают его.

Женя (загораживает Юльку). Вы что? Не смейте! Не трогайте! Ему же и так... хуже всех...

Соти отодвигает Женю, садится на корточки рядом с Юлькой.

Соти. Малыш... Сильно мучили?

Юлька (помолчав). Совсем не мучили... Только пообещали. А я все выдал. Вот ведь я какой трус. Теперь вы должны судить меня как изменника. Да?

Дуг. Эх ты, Малыш... Это их надо судить. Тех, кто воюет с ребятами... А ты успокойся. Иди на траву, полежи, отдохни.

Юлька. Не... Нет, я здесь! Нет, Дуг, не надо, не трогайте меня. Пусть...

Дуг, постояв, набрасывает на Юльку свою куртку, знаками показывает всем, чтобы отошли.

Дуг. Пускай посидит один, если хочет. Ему сейчас плохо... А мы давайте посмотрим, что тут у нас натворилось...

Женя. Пушку со станка сбило, теперь не выстрелишь. Да и нечем уже.

Соти. Дуг, источник завалило. А воды только на день...

Галь. Проход засыпан, вниз не сойти.

Шип. А чего нам внизу делать? Там нас караулят.

Дуг. Едва ли караулят. Наверно, думают, что мы все погибли. Но все равно нам нельзя здесь оставаться... (Во время разговора Соти снова подходит к Юльке, поправляет куртку, что-то говорит ему.) Смотрите-ка, братцы, уже вечер. Давайте разожем огонек. Только осторожно, чтобы они снизу не заметили. А потом обдумаем, как жить дальше...

Женя. Что же обдумывать? Теперь только в долину...

Дуг. Не так-то это просто. Лук не сможет лететь, у него ногу раздуло.

Соти (она сажает Лука на край покосившегося лафета). Нога пройдет. Сейчас смажем отваром, к утру будет лучше.

Уголек. А откуда отвар?

Соти. Малыш принес...

Дуг. Смотри-ка, принес все-таки. Сберег... Тун, дай фонарь.

Соти при свете фонаря смазывает и бинтует Луку ногу. Ребята разжигают у пушки костерок. Женя в это время отходит к Юльке.

Женя. Юлька... Как же ты им попался?

Юлька. Сам не знаю... Шел по деревне, а двое откуда-то подскочили и хватъ... Говорят: «Ты из крепости спустился?» Я притворился, будто не понимаю, а они засмеялись и потащили меня... А там подвал... Все равно вы должны меня судить! Так надо.

Женя. Пойдем к огню, Юлька, здесь холодно.

Юлька. Нет, я здесь...

Женя. Здесь не надо. Пойдем тогда в пушку, спать.

Юлька. А ты разве... Тебе не противно вместе со мной?

Женя. Ну что ты говоришь! Если ты виноват, значит, и я...

Юлька. Ты-то при чем?

Женя. Мы же обещали, что всегда будем дружить, Юлька! Мы же из одного города! И вообще... вместе. Значит, вместе и отвечать должны.

Юлька. Я один буду отвечать...

Незаметно подходит Дуг.

Дуг. За что отвечать-то? За то, что не смог стать героем? А кто из нас герой? Кто заранее знает про себя, сколько у него сил и твердости?.. Идите спать, ребята.

Юлька. Ага... сейчас... Я только скажу, как это случилось.

Ладно? Они заташили в подвал и говорят: «Покажешь проход». Я говорю: «Ничего не знаю...» А они смеются... Все время смеются! Кинули на скамейку, привязали. Я зубы сжал и думаю: «Ну и пусть бьют до смерти». А они бить не стали... Там доска такая над скамейкой, а из нее ржавые гвозди торчат... А те, кто меня поймали, спрашивают: «Будешь говорить, мальчик?» И нажали что-то... И доска все ниже, ниже, и гвозди прямо в глаза... Ну, я не выдержал, как закричу: «Пустите!..» Я сам не помню, что дальше получилось... В общем, я все выдал...

Юлька опять прижимается к камням. Во время его рассказа по одному подошли ребята. Среди них Галь с фонарем.

Галь. Мальш, почему у тебя рот в крови?

Юлька. Это уже потом... Когда я лампочку раскусил...

Женя. Какую лампочку?

Юлька. Ну, они меня повели на веревке, чтобы проход показал, и фонарики взяли. Такие палочки с электрическими лампочками на конце... Когда в коридор пролезли, я говорю: «Дайте фонарик, а то ничего не видно». А сам думаю: «Как доберемся до склада, стекло раскушу и горящей ниточкой — в порох...» Только не вышло, ниточка сразу погасла. Тогда я веревку вырвал и побегал. А они отстали...

Шип. Как это — горящей ниткой в порох? Ты бы тогда первый в дым превратился!

Юлька. Если сразу, то, наверно, не больно...

Занавес

Женя выбирается из покосившейся муртиры.

Женя. Юлька, просыпайся, уже совсем светло.

Юлька. Я не сплю. Давно уже...

Женя. Ты что? Целую ночь не спал?

Юлька. Нет, я спал. Я даже сон видел. Будто ничего не случилось, и будто я такой, как раньше.

Женя. Перестань ты наконец! Ты и сейчас такой, как раньше!

Юлька. Неправда. Ты меня жалеешь. А чего меня жалеть?

Женя. У тебя не хватило сил, вот и все. Ты же еще не Юлий Цезарь, а просто Юлька.

Юлька. Я не просто Юлька. Я Юлька-предатель. И теперь я не знаю, как жить.

Женя. Но ведь каждый может не выдержать... Я вот тоже, бросил меч и убежал от Ящера. Что же теперь? Умирать?

Юлька. Сравнил... Это была не измена, а просто отступление. От этого никто не пострадал.

Женя. Но и от тебя никто. Ты даже лекарство Луку принес. И врагов хотел взорвать вместе с собой.

Юлька. Глупая была мысль. Могли ведь и вы пострадать. Это уж я от отчаянья...

Появляется Дуг.

Дуг. Вставайте, люди! Живей, живей!

Женя (Юльке). Пошли. Хватит тебе прятаться.

Юлька выбирается из муртиры.

Дуг. Быстрее, народ, быстрее! Сейчас согреетесь! Веселее, Лук, твоя нога уже не болит! Мальш, не кисни, все еще можно поправить! Ну-ка, встали в ряд! (Ребята встают в шеренгу. Дуг вскакивает на паранет.) Подняли руки, вот так!..

Дуг, смеясь, вскидывает руки. Раздается громкий шелчок. Дуг замирает, потом с окаменевшим лицом падает на площадку. Первыми приходят к себе Галь и Винтик. Кидаются к Дугу. Женя отшвыривает назад Галя, Юлька — Винтика. Над головой Винтика, на камне, вспыхивает дымок от пули.

Женя. Нагнитесь! Не подходите к краю! У них ружья!.. Гады, а говорили, что нет огнестрельного оружия!.. Нагнитесь, говорят вам! (Он подбирается к Дугу, тянет его за плечи к муртире: туда пули не залетят. Старшие ребята, пригибаясь, помогают ему.) Соти, неси бинт! Скорее!

Дуг открывает глаза, приподнимает голову.

Дуг. Не подходите к краю... Улетайте в долину...

Голова Дуга падает. Галь встает над ним на колени.

Галь. Не надо бинт, Соти...

Занавес

Над разрушенной площадкой круглая луна. От нее очень яркий свет. У муртиры собрались Женя, Юлька, Галь и Винтик.

Галь. Птица уже отдохнула. Кому-то надо опять лететь.

Женя. Вы двое остались, летите.

Галь. А может быть, сначала вы?

Женя. Почему?

Галь (*неуверенно*). Ну... все-таки меня выбрали командиром, а командир должен уходить последним.

Женя. Командир нужен там, в долине. И скорее. А мы... Нам ведь не туда, нам в Орехов...

Юлька. Ребята, а может, нам сперва тоже полететь в долину?

Женя. Правда, Галь! Может, нам еще побыть вместе?

Галь. Нет, пора вам, ребята, домой... Вы же сами понимаете, какое там сейчас горе: сперва один пропал, потом другой...

Женя. Ладно. Улетим... Здесь от нас тоже одно горе...

Галь. Зачем ты так? Вы нам очень помогли. Вы рассказали про пороха...

Женя. Ну и что? Все равно пороха больше нет.

Винтик. Есть же другие крепости! И пушки там есть! И пороха найдем! Главное, что мы теперь знаем, какой он...

Юлька. А Дуг погиб...

Галь. Потому что война... Давайте прощаться. (*Он берет Женю за руку, сжимает ее. Женя негромко вскрикивает.*) Что с тобой?

Юлька. У него все ладони содранные. Это когда он кинжалом могилу долбил для Дуга...

Винтик осторожно берет Женю за локоть. Галь кладет ладонь на плечо Юльке.

Юлька. Ребята, простите меня...

Галь. Не надо про это, Малыш. Ты наш друг.

Юлька. Никакой я не друг. Из-за меня все несчастья...

Галь. Не из-за тебя. Из-за Ящера и его слуг. А ты спас Винтика.

Юлька. Я?!

Винтик. Конечно! Если бы ты меня не оттолкнул, пуля бы точно в меня...

Юлька. Я не помню.

Галь. Зато мы помним... Прощайте, ребята. (*Все четверо сходятся, обнимают друг друга за плечи. Потом Галь и Винтик уходят за край площадки.*) Мы полетели. Как только Птица вернется, улетайте и вы. Спешите, пока юго-западный ветер!

Винтик (*уже издалека*). Прощай, Женя! Малыш, прощай!

Проносится тень Птицы. Ребята смотрят вслед. Юлька садится у обложного камнями холмика. Женя становится рядом.

Юлька. Я все думаю: наверно, он погиб из-за меня.

Женя. Скорее из-за меня. Слуги Ящера следили за крепо-

стью, потому что знали, что я улечу сюда... Нет, Юлька, не из-за нас он погиб, не мучайся. Правильно Галь сказал: это война...

Юлька. Смотри, луна бледнеет. Скоро рассвет.

Женя. Ничего, мы успеем. Птица вернется до солнца.

Занавес

Птица летит в голубой пустоте над морем. К ее ногам привязаны веревки с доской — подобие качелей. На доске — Женя и Юлька.

Женя. Юлька, смотри! Волны с высоты кажутся неподвижными. Все море — как стиральная доска.

Юлька. А вон там земля какая-то! Это еще не наш берег?

Женя. Что ты! До нашего еще далеко! Это, наверно, край острова в море врезается, мы летим над бухтой. Смотри, скалы какие высоченные!

Юлька. А зачем Птица туда летит?

Женя. Наверно, путь сокращает. Пролетим над горами, потом опять над морем — и домой!.. Юлька, как ты думаешь, мы очень высоко летим?

Юлька. Конечно. Смотри, какой крошечной кажется лодка!

Женя. Где лодка?

Юлька. Да вон, под нами! Видишь, в ней человек? Весло поднимает!.. Зачем это он?

Женя. Не знаю... Юлька, это не весло! Юлька, берегись! (*Раздается выстрел. От доски отскакивает щепка.*) Вот проклятые! Даже здесь нет от них спасенья!

Юлька. Пронесло! Теперь уж не достанет!.. Ой!

Женя. Что?

Юлька. Капля... Красная, смотри! (*Показывает руку.*) Сверху упала.

Женя. Кровь... Ой, еще... Он в Птицу попал! Ее ранили!

Юлька. Она же летит... (*Полет становится неровным, Птица снижается.*) Женя, она упадет!

Женя. Птица, миленькая, лети! Тяни до берега!

Полет слегка выравнивается, потом опять начинается прерывистый спуск.

Юлька. Она не дотянет!

Женя. Птица, милая, тяни до земли! Мы тебя вылечим! Только не падай!

Юлька. Она не донесет двоих! Я прыгну!

Женя. Не смей, Юлька! Смотри, скалы уже рядом!.. Все, Юлька! Вот она земля!

Занавес

Покрытая кустарником площадка, обломки скал. По краям — заросли. Выходят Женя и Юлька — измученные, оборванные.

Юлька. Женя, смотри, родник!

Они по очереди набирают в пригоршни воду, которая струйкой выбивается из скалы. Потом Женя беспомощно садится, приваливается к камню.

Женя. Проклятый остров... Сперва Дуга похоронили, потом Птицу... Теперь, наверно, наша очередь...

Юлька. Женя, не надо. Мы как-нибудь прорвемся. Спустим-ся к берегу, лодку найдем...

Женя. Там-то нас и подстрелят.

Юлька. Мы в темноте...

Женя. Нам не спуститься. Здесь ровная площадка, а кругом отвесные скалы. Такие плато в Южной Америке бывают, я читал. Помнишь «Затерянный мир» Конан-Дойля?

Юлька. Может, и лучше, что он затерянный. Меньше опасности... Жень, тихо... Смотри, люди...

Женя и Юлька прячутся за кустами. За сплетением листьев и лиан выступают светлые очертания человеческих фигур.

Женя. Это засада...

Юлька. Непохоже. По-моему, это ребята.

Женя. А чего притаились? Не двигаются.

Юлька. Может, нас бояться...

Женя. Ну, что делать? Так и сидеть? Все равно с голоду помрем... (Он встает.) Эй, вы там! Кто вы такие? (Достает из-за пояса кинжал.) Что вам надо? (Фигуры не двигаются. Юлька вдруг встает и шагает к незнакомцам.) Юлька, не ходи!

Юлька не слушает. Женя бросается за ним. Юлька осторожно, но без боязни подходит к замершим мальчишкам, откидывает ветки.

Юлька. Женя, это же скульптура!

Женя. Двое ребят... И меч. Юлька, это, наверно, та самая скульптура, которую сделал Ученый!

Юлька. А Правитель спрятал сюда! В такую глушь!

Женя. Но, значит, есть какой-то спуск отсюда!

Юлька. Найдем!.. Только сперва посмотрим скульптуру...

Он убирает последние ветки и лианы. Двое отлитых из металла мальчишек оказываются перед глазами наших ребят. Один сидит, подогнув ноги и опираясь на меч, который наполовину воткнул в каменный выпуклый постамент, напоминающий макушку спрута. Второй мальчик лежит. Голова его — на коленях у товарища.

Женя. И правда, никакие не рыцари. Мальчишки, как мы...

Юлька. Но меч-то всажен в башку Ящера... Женя, смотри, этот мальчик на тебя похож... Жень, это ты!

Женя. Да ну, непохоже... (Он приглядывается.) Нет, Юлька, правда похоже... Юлька, почему так?

Юлька. А вот так. Наверно, Ученый все предвидел.

Женя. Что предвидел?.. Юлька, а этот, который лежит... Это же — ты!

Юлька. Да?.. Смотри-ка, в самом деле...

Женя. Не нравится мне это.

Юлька. Почему? Наоборот, интересно...

Женя. Что — интересно? То, что ты раненый лежишь? Или... убитый? Мало им, что ли, Дуга? Мало Птицы? Не хочу я этого!

Женя бросается к скульптуре, кулаками, всем телом ударяет о ее подножие. Скульптура медленно, повинувшись скрытому механизму, поворачивается, отходит в сторону. Женя отшатывается.

Юлька. Что это?

Женя. Не знаю... Тайник какой-то...

Они осторожно подходят к открывшейся под скульптурой яме.

Юлька. Смотри, сундучок... Давай достанем. (Прягают в яму, с натугой ставят на край узорчатый сундучок.) Старинный...

Женя. Ну и тяжесть...

Юлька. Вот и откопали сокровище...

Женя. На кой нам сокровище? Банку консервов бы...

Юлька. Лучше хлеба. Консервы все равно открыть нечем.

Женя. Моим кинжалом открыли бы.

Юлька. Тогда давай его. Крышку сундука подцепим...

Женя (достает кинжал). Юлька, а если там что-то такое... взрывчатка, например, или змея гремучая?

Юлька. Ну так что? Так, что ли, оставить, не открывать?

Женя. Нет... Раз уж нашли, надо открыть, никуда не денешься. Слушай, а тут никакой шелки нет, кинжал не просунуть.

Юлька. Может, камнем трахнуть по замку?

Женя. А если эта штука в ответ трахнет?.. Нет, стой. Я моим ключиком попробую. Он меня уже не раз выручал. Ну-ка...

Юлька. Поворачивается?

Женя. Застрял. Ни туда, ни сюда.

Юлька. Нажми кинжалом как рычагом.

Женя. Ага... Сейчас... Пошел!

С пружинным звоном отскакивает крышка. Женя и Юлька отшатываются, потом осторожно заглядывают в сундучок.

Юлька. Смотри, кнопки какие-то... Переключатели...

Женя. Как магнитофон.

Юлька. Или пульт управления.

Женя. Управления — чем? *(Юлька пожимает плечами. Медленно тянет руку, наугад щелкает рычажком. Раздается жужжание, загораются лампочки. Ребята отскакивают и опять приближаются к странной находке.)* Ох, Юлька, рванет сейчас... Подожди, может, это рация? Может, с домом свяжемся? *(Он тоже нажимает кнопку. На скале возникает светлое пятно. На нем, как на экране, появляется берег озера.)* Юлька смотри! Это т о озеро! Где Ящер!

Юлька. Это что? Экран?

Женя. Не знаю... Нет, Юлька, не экран! Это дыра в пространстве, окно! Можно сразу — туда...

Юлька. Выключи!

Женя. Ага! *(Нажимает кнопку, пятно гаснет.)* Юлька... Нет, Юлька, подожди. Так нельзя, надо разобраться... *(Он опять щелкает выключателем, и снова возникает пейзаж озера.)* А вот еще рычажок. Смотри: стрелка вверх... *(Нажимает. Из озера медленно поднимается голова дракона. Юлька вскрикивает. Женя быстро двигает выключатель. Ящер погружается.)*

Юлька. Женя, это был он?

Женя. Ящер... Наверно, это пульт управления чудовищем.

Юлька. А почему здесь?

Женя. Кто его знает... Юлька, а может, Правитель (тот, первый!) нарочно спрятал сундучок в этой глуши, чтобы до секрета никто не добрался. А Ящера поставил на это...

Юлька. На что?

Женя. Ну... на автоматический режим. Чтобы раз в месяц вылезал и пугал народ...

Юлька. А ну, попробуем еще... *(Он давит рычажок. Опять возникает Ящер и снова уходит в воду, послушный электронной команде.)* Жень, это знаешь что? Игла Кашея!

Женя. Какая игла?

Юлька. Помнишь сказку? «В дупле сундучок, в сундучке утка, в утке яйцо, в яйце игла... Сломаешь иглу — тут и конец Кашею!»

Женя. А где здесь игла? Как ее сломать?

Юлька. Смотри, кнопка! И картинка: маленький Ящер зачеркнут крест-накрест!

Женя. Думаешь, нажать — и все?

Юлька. Конечно!

Женя. Тогда... Ждем, Юлька?

Юлька. Да... Нет, подожди! Ну-ка, подними еще раз эту тварь. *(Женя двигает рычажком. Ящер опять поднимается над озером.)* Вот так. А теперь жми, Женька! За Дуга!

Женя. И за всех ребят! И за Птицу! *(Резко давит кнопку. Ящер скручивается, как от удара тока, но не взрывается. На экране он начинает увеличиваться в размерах, словно приближается.)*

Юлька. Что это? Он не взорвался!

Женя. Что-то не так мы сделали!

Юлька. Женька, убирай его! Он сейчас сюда ворвется! *(Женя лихорадочно двигает рычажками, давит кнопки.)* Скорее!

Женя. Не слушается!

Юлька *(хватает камень, швыряет в экран)*. Пошел отсюда, гад!

Женя. Юлька, подожди!

Он хватает кинжал, вскакивает на каменный уступ и наотмашь бьет клинком в изображение Ящера, в его голову! Вспыхивает и рассыпается сундучок на краю ямы. Вздрагивает земля, доносится издалека приглушенный вой. Ящер на экране разваливается на куски, они падают в воду.

Женя срывается с уступа, его подхватывает Юлька.

Женя. Все... Капут Ящеру.

Юлька. Вот это кинжал у тебя, Женька!

Женя. Все-таки не зря мы попали на этот остров, Юлька.

Юлька. Теперь на нем управятся без нас...

Женя. Ящера нет, значит, управятся... А для нас они должны сделать только одно дело...

Юлька. Отправить домой!

Женя. Домой, Юлька... Но сперва надо спуститься в город.

Юлька. Идем...

Занавес

Столица острова Двид. Яркий день, но на площади пусто. Из переулка выходят Женя и Юлька.

Женя. Тишина какая. Вымерли они все, что ли?

Юлька. Может, они траур по Ящеру устроили?

Женя. Какой траур? Радоваться должны... Смотри!

На площадь вытягивается вереница послушных школьников, сопровождаемая двумя квартальными воспитателями.

Воспитатель. Ступайте, дети мои. Идите без торопливости, чтобы не нарушить равновесия порядка, но и не медлите. К началу послеобеденного отдыха все должны быть в постелях.

Юлька и Женя недоуменно переглядываются. Бесшумно, на цыпочках, с нелепыми танцевальными движениями, выскакивает на площадь Крикунчик Чарли.

Крикунчик (*медовым приглушенным голосом*). Спокойного и беззаботного отдыха вам, почтенные жители острова Двид. В этот сладкий послеобеденный час мы предаемся приятному сну и уютным размышлениям о незыблемом равновесии порядка, установленного нашим славным и добрым Ящером...

Кружась и взмахивая руками, Крикунчик исчезает.

Юлька. Вот почему тишина! У них тут режим, «мертвый час»...

Женя. Они что, спятили? Ведь Ящера-то нет!

Юлька. А может, они это по привычке?

Женя. К черту такие привычки! Надо, чтобы... Ой, Юлька! Смотри, кто идет!

Юлька. Кто?

Женя. Отшельник!.. Ну-ка, пойдем! Я хочу с ним поговорить.

Женя и Юлька выходят навстречу Отшельнику, который неторопливо пересекает площадь.

Отшельник (*заметив ребят*). Мир вам в этом городе...

Женя (*насмешливо*). В городе, конечно, мир. И равновесие порядка. А в лесу, где мы встречались, тоже все хорошо? Капканы и ловушки на беглецов в порядке?

Отшельник (*узнав Женю*). Ты жив? Это хорошо. У тебя счастливая судьба.

Женя. Жив. А как вы живете, Отшельник? Нашли Главную и Вечную Истину?

Отшельник. Не нашел. И наверно, не найду: жизнь коротка. Я теперь думаю о других вещах.

Женя. О каких? Может быть, о совести? Вы знаете, что такое совесть. Отшельник?

Отшельник. Ты, кажется, осуждаешь меня. За что? Совесть неспокойна у тех, кто творит зло. А я не делаю ни зла, ни добра. Пусть люди живут, как хотят, я им не мешаю.

Женя. Не мешаешь? А зачем показал мне дорогу в ловушку?

Отшельник. Другой дороги просто не было. Я решил, что такая у тебя судьба. Никто не должен убежать от своей судьбы.

Женя. Врешь! Были другие дороги! Ты просто струсил! Испу-

гался, что слуги Ящера возьмут тебя за шиворот: зачем спас беглеца?

Отшельник. Да, ты прав. Это помешало бы мне искать Истину. А Главная и Вечная Истина гораздо важнее жизни одного человека.

Женя. Уходи. Ты предатель. Я знаю, зачем ты пришел в город: чтобы получить награду за свое предательство.

Отшельник. Ну и что? Почему ты решил, что предательство — это обязательно плохо? Рядом с тобой стоит твой друг, он тоже предатель, но ты же не гонишь его...

Женя (*заметив, как сжался Юлька*). Уходи! Сравнил тоже! Ты... Тебя бы в такую беду пихнуть, как его, ты бы совсем сдох от страха!.. А Юлька людей спас!.. А ты... Убирайся! (*Отшельник, пожав плечами и ссутулившись, отправляется своей дорогой*.) Не найдешь ты Истину, Отшельник!.. А хочешь, я тебе ее скажу?! Хочешь? (*Отшельник оглядывается*.) Надо быть человеком, вот и вся Истина. Понимаешь? Че-ло-ве-ком! А ты червяк! Сидишь в свроей норе... Ну и сиди, пока не загнишься... Юлька, пошли.

Отшельник исчезает. Женя берет Юльку за руку, они идут через площадь.

Юлька. Куда теперь?

Женя. Во дворец! Мы им покажем равновесие... Не боишься?

Юлька. Пошли.

Они подходят к лестнице, ведущей на террасу дворца. У лестницы присел и дремлет, положив на колени мушкет, слуга Ящера.

Женя. Вот это равновесие порядка! Если сказано спать — все дрыхнут, даже часовые... Проберемся, Юлька.

Юлька. А зачем пробираться? (*Он спокойно подходит к часовому, дергает к себе и перехватывает оружие. Слуга Ящера обалдело вскакивает и хочет завопить*.) Тихо ты, скотина. Руки вверх... (*Часовой послушно вскидывает руки*.) Веди к Правителю.

Слуга Ящера. Их... пре... восходительство сейчас отдыхают.

Женя. Мы отдохнем вместе с превосходительством. Веди!

Слуга Ящера (*испуганно оглядываясь и приседая*). Только вы, пожалуйста, ничего не нажимайте. Оно может выстрелить...

Юлька. Иди, иди. Мы знаем, что оно может...

Слуга Ящера, съжившись, уходит в дверь под лестницей. Ребята — за ним. На площадь опять выпархивает Крикунчик Чарли.

Крикунчик. Тишина и благодать в нашей столице... Баюбай, почтенные горожане... *(Исчезает.)*

На террасе пятакс появляется слуга Ящера, за ним Тахомир Тихо в ночной рубашке до пола. Следом выходят Женя и Юлька с мушкетом на изготовку.

Юлька *(слуге Ящера)*. Марш в угол! Не оглядываться, рук не опускать!

Бывший часовой замирает в углу в требуемой позе.

Женя. А вы сядьте, Правитель. Поговорим немножко...

Тахомир *(присаживаясь на кончик стула)*. Какие вы неосторожные. Вас могли здесь убить...

Юлька. Но не убили. Какая жалость! Верно, господин Тихо?

Тахомир. Совсем не жалость! Наоборот! Я очень рад. Да.

Женя *(покачивая кинжалом)*. В самом деле? А мне казалось, вы очень хотели поскорее нас угробить.

Тахомир. Разве это я? Это обстоятельства!

Женя. Теперь обстоятельства другие. Ящера-то больше нет. А вы очень боитесь, что мы про это всем расскажем! Так, Правитель?

Тахомир *(понемногу приходя в себя)*. Ну и расскажете. Ну и что? Люди столько лет жили с Ящером, кто же поверит, что его не стало?

Юлька. Поверят. Мы поймаем вашего Крикунчика и заставим голосить об этом на каждом углу.

Тахомир. Не так-то легко научить человека кричать не то, что он привык... Ну, а если люди узнают, что Ящера нет? Они сделают нового, вот и все. Или просто его придумают. Народу для нормальной жизни нужен страх.

Юлька. Это вы, правители, придумали такую чушь! Чтобы жить припеваючи!

Женя. И для этого страха захватывали детей и убивали их!

Тахомир. Это было необходимо для безопасности государства.

Юлька. Убивать детей для безопасности государства?

Он переводит ствол мушкета от слуги Ящера к Тахомиру и взводит курок. Тахомир взбирается с ногами на сиденье.

Тахомир. Да! А что такого? Так делалось во всех странах во все времена! Вы плохо знаете историю!

Юлька. Так делали только фашисты!

Тахомир. Ну вот! А я при чем? Что вы все валите на меня?

Женя. А если мы за всех ребят... за Дуга... за Птицу... Мы ведь тоже можем убить тебя. Даже крикнуть не успеешь.

Тахомир *(спуская ноги)*. Нет, вы не можете. Вы не привыкли убивать людей.

Женя. Разве ты человек?..

Тахомир. Да! У меня есть человеческие чувства. Я жалел тебя.

Женя. Ты?! Не ври! Меня никто не жалел в этом городе. Может быть, только Ктор, да и то чуть-чуть, сначала...

Тахомир. А ты знаешь, кто такой Ктор? *(Он поднимается, проводит ладонями по лицу, по рубахе и превращается в Ктора Эхо.)*

Ктор. Вот так...

Юлька. Что это с ним?

Женя. Фокусы... *(Ктору.)* Ну и что? Значит, ты еще больше гад, чем я думал. Двучичный гад.

Ктор. Вовсе нет. Дело не в этом. Правитель не имеет права быть добрым, а у меня мягкий характер. Вот я и научился превращаться, чтобы под разными видами проявлять доброту... И не забудь, что это я открыл тебе тайну подземного хода!

Женя. Который привел меня к Отшельнику, а потом в клетку!

Юлька. Может, все-таки пристрелить его? Я, кажется, смогу, если зажмурюсь... Если вспомню, как из-за него умирала Птица...

Ктор оседает и опять превращается в Тахомира Тихо.

Тахомир. Вы не имеете права убивать меня! Если я виноват, пусть меня судит мой народ! А вы — пришельцы из другой страны!

Юлька. А кто нас сюда притащил?

Тахомир. Ну... да! Я признаю. Я виноват. Но я же могу отправить вас домой... Имейте в виду, проход в пространстве сделать уже нельзя, взрыв Ящера разрушил все устройства. Но у меня есть воздушный шар, прекрасный, новенький. Юго-западный ветер моментально домчит вас домой. А?.. *(Женя и Юлька переглядываются.)* Что вам еще делать на этом острове? Вы убили Ящера, вы победители. Теперь пусть сам народ решает, как ему жить.

Женя *(Юльке)*. А правда... Это ведь их страна. Пусть решают... *(Тахомиру.)* Ты, наверно, опять врешь. Посадишь нас в шар и прикажешь обстрелять.

Тахомир. Я клянусь!.. Зачем стрелять? Вы же полетите домой, навсегда!

Женя *(Юльке)*. Летим?

Юлька *(Тахомиру)*. Давайте шар...

Тахомир *(пленному часовому)*. Мой персональный шар! Живо!

Слуга Ящера убегает. Скоро он и еще двое стражников выводят на площадку плетеную гондолу, от которой тянутся к брюху надутого шара стропы. Гондола тросом привязана к якорю, который слуги кладут на землю. Трос натягивается, гондола повисает у земли.

Та х о м и р. Вот он, хороший мой. Личный. Всегда наготове. Садитесь и... ни пуха ни пера. По правде говоря, жалко шар-то, второго такого нет на всем острове. Но для почетных гостей...

Ю л ь к а. Садись, Женя...

Женя переваливается через плетеный край внутрь корзины.

Ж е н я. Садись и ты, скорее. Давай ружье...

Ю л ь к а. Сейчас... Дай-ка твой кинжал.

Ж е н я. Зачем?

Ю л ь к а. На минутку. Дай. *(Берет кинжал.)* Женя... Я не полечу.

Ж е н я. Юлька, ты что?.. Юлька, не дури!

Ю л ь к а. Так надо. Ничего не поделаешь...

Ж е н я. Да зачем? Зачем мы здесь нужны?

Ю л ь к а. Ребята в долине еще ничего не знают. Кто им расскажет?

Ж е н я. Но в долину все равно не пробраться!

Ю л ь к а. Я проберусь... Дуг говорил, что я как горный козленок... А ребята должны готовиться к бою. Слуги Ящера так быстро не сдадутся.

Ж е н я. Да сдадутся они, Юлька! Они же трусы!

Ю л ь к а. У них ружья... А я помогу ребятам.

Ж е н я. Тогда я тоже... *(Хочет выпрыгнуть.)*

Ю л ь к а. Тебе не надо! Ты лети!.. А я... Женя, я не могу быть предателем второй раз.

Ж е н я. А я, значит, могу?! *(Снова хочет выскочить.)*

Ю л ь к а. А ты при чем? Ты все сделал как надо. Теперь моя очередь.

Ж е н я. Наша общая очередь — лететь домой! Юлька, у тебя же дома отец, мама! Ты забыл?

Ю л ь к а. А птенец? Он ведь тоже сын... Он сын нашей Птицы, и теперь он сирота. Кто его выкормит?

Ж е н я. Птенец?! Юлька, я забыл! Тогда я тоже... *(Он перебрасывает ногу через край гондолы. Но Юлька бьет клинком деревянного кинжала по якорному тросу. Трос лопается, гондола взмывает.)* Юлька, что ты сделал!.. Юлька-а!..

Занавес

Снова старый переулочок на окраине Орехова. Женя и Толик сидят на лавочке. Женя закончил рассказывать свою историю.

Т о л и к. А почему ты раньше все это не рассказывал?

Ж е н я. Я сперва думал: может, это бред? Может, привиделось, когда болел? Все так отрывочно вспоминалось... А потом — ключ нашелся... Тогда я вспомнил все по порядку, тут и началось...

Т о л и к. Что началось?

Ж е н я. Не понимаешь, да? Совесть-то грызет...

Т о л и к. Ты же ни в чем не виноват!

Ж е н я. Виноват... Надо было сразу из корзины прыгать, а я задержался. На самую дольку секунды, а все равно задержался. Надеялся, что Юлька передумает. А он рубанул канат...

Т о л и к. Ты просто растерялся. Это с каждым бывает.

Ж е н я. И вот я здесь, а Юлька там...

Т о л и к. Может, еще не все потеряно. Ты так не мучайся.

Ж е н я. А я уже не мучаюсь. Потому что кружит тень...

Т о л и к. Ну, хватит тебе... У тебя такие мысли, будто все на свете пропало!

Ж е н я. Да как раз ничего не пропало! Ты думаешь, тень — это плохо? Это кружит тень от Птицы! Ты не понял, что ли? Я слегка дуну в ключ — и она прилетает!

Т о л и к. Но Птица же погибла!

Ж е н я. А птенец? Это ее птенец вырос и прилетает на сигнал!.. А раз вырос, значит, его кто-то выкормил! Значит, Юлька жив! Кроме Юльки и меня, никто не знал, где гнездо!

Т о л и к. Но если Юлька жив, он добрался до ребят в долине!

Ж е н я. Конечно! Птенец вырос и донес его туда! И Юлька им все рассказал!

Т о л и к. Только непонятно: если у него есть Птица, почему он не вернется домой?

Ж е н я. Наверно, потому что на острове еще не все в порядке. Наверно, еще не кончен бой... Толик...

Т о л и к. Что?

Ж е н я. Теперь я знаю, как быть. Надо выйти на берег озера, где никого нет. Тогда Птица не будет бояться и опустится ко мне...

Т о л и к. А потом?

Ж е н я. А потом я опять буду там. Мы с ребятами приручим десяток молодых птиц и однажды ночью обрушимся на столицу острова десантом... Мы им покажем равновесие порядка!.. В городе найдутся смелые мальчишки, они помогут нам.

Т о л и к. Это будет десант синих крыльев... Слуги Ящера и опомниться не успеют!

Женя. Да... А потом Юлька вернется домой... Но мне нужно оружие. Кинжал-то остался у Юльки. Ты мне сделаешь новый?

Толик. У меня есть готовый. Вот...

Женя. Смотри-ка! В точности такой же...

Толик. А ты мне тоже сделай...

Женя. Я? Но... я же не умею, у меня выйдет простая деревяшка. Некрасивая...

Толик. Дело ведь не в красоте. Главное, чтобы ты сделал. Ты же сам говорил: если кинжал сделал друг — в нем волшебная сила... А одного кинжала на двоих нам будет мало.

Женя. На двоих?

Толик. Ты же сам говорил, что Птица может унести двоих! Когда летим?

Занавес

ЕЩЕ ОДНА СКАЗКА

О ЗОЛУШКЕ

*Сказочное представление
в трех действиях, девяти картинах,
а также со вступлением
и несколькими интермедиями,
когда действие происходит
перед занавесом*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Золушка — девочка одиннадцати-двенадцати лет.

Принц Эдоардо Пуантогеннет — наследник престола в королевстве Верхняя Унутрия, одноклассник Золушки.

Эдоардо Пятьдесят Четвертый — король Верхней Унутрии.

Мачеха Золушки.

Гортензия — старшая дочь мачехи.

Люминелла — младшая дочь мачехи.

Генка Петух (Генрих фон Кваркус) — королевский шут, одноклассник принца Эдоардо.

Томми Стрелка — сын часового мастера Карлоса фон Ура, друг принца.

Гуга Кошкин Дом — внук королевского шофера, друг принца.

Лизка (юная герцогиня Шарлотта-Элизабет де Бина) — одноклассница принца.

Лео Гран-Градус — премьер-министр Верхней Унутрии.

Фридрих фон Ганц-Будка — министр Унутренних дел.

Лесная ведьма тетушка Роза.

Папаша Руппель — пожилой водитель королевского автомобиля.

Медведь.

Министр Медных и Серебряных денег.

Церемониймейстер.

Привидение.

Министры, гвардейцы, юные и взрослые гости на королевском балу.

ВСТУПЛЕНИЕ

Впереди занавеса стоят навтыжку дежурные гвардейцы с алебардами и рупорами. Первый гвардеец поднимает рупор.

Первый гвардеец. Его высочество наследный принц, правитель Нью-Ахтенбергский, герцог де Балтос де Пью де ла Картенбух, младший лейтенант королевской гвардии Эдоардо Пуантогеннет возвращается из школы!

Второй гвардеец (*тоже в рупор*). Его высочество наследный принц Эдоардо возвращается из школы!

И так далее, от гвардейца к гвардейцу.

Эдоардо — в костюме средневекового принца, с большущим портфелем, украшенным королевской монограммой — сердито шагает по коридору. Вид у него встрепанный: бархатная курточка в известке и пыли, шелковый чулок разорван на коленке, кружевной воротник разодран на клочья. Под глазом синяк. Принц нервно оглядывается, достает из портфеля дневник, засовывает под занавес. Показывает кулак ближайшему гвардейцу.

Принц. Только попробуй проболтаться папаше.

Гвардеец вытягивается еще больше и преданно щелкает каблуками. Принц, прихрамывая, продолжает путь по коридору.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Комната принца. На подоконнике сидит, скучая, Генка Петух в костюме шута, подбрасывает футбольный мяч. Входит принц. Швыряет портфель в кресло. Трет колено, трогает, морщась, синяк.

Генка Петух. Ого! Красивую блямбу тебе под глаз поставили!

Принц. Тебе бы так!.. Сидишь тут, прогуливаешь школу...

Генка Петух. Потому что у меня сегодня королевская служба. Я дежурный шут в покоях вашего высочества.

Принц. Шута мне только и не хватало...

Генка Петух. Я, что ли, сам напросился? Меня на эту должность премьер Гран-Градус назначил. По просьбе отца. Папочка

пристал к нему: «Ах, господин министр, я королевский садовник, пусть и у сына будут обязанности во дворце».

Принц. В наше время родители на все готовы: пускай сын хоть в шуты идет, лишь бы должность придворная!..

Генка Петух. Ну да!.. Я говорю: «У меня же чувства юмора ни капельки нет!» А папочка: «Я вот возьму ремень, чувство сразу появится»... С кем подрался-то?

Принц. С Лизкой!..

Генка Петух. Не с Лизкой, а с ее сиятельством юной герцогиней Шарлоттой-Элизабет де Бина. Учат тебя, учат дворцовому этикету, а толку... Чего не поделили?

Принц. Да ну ее, ненормальную! Кто-то подложил ей в парту заряд с пистонами, а она сразу на меня: «Эдька, это опять твои шуточки!» Я говорю: «Ты что, рехнулась?» А она: «Ах, кто вас воспитывал! Сразу видно, что ваш предок Эдоардо Воинственный был из пастухов!» Я ей сказал, что ее предки были из крокодилов. А она: «Ты просто завидуешь! Наши предки еще тысячу лет назад были владельцами замка Бина и носили фамилию с приставкой «де»... Ну, я и посоветовал сменить ей «де» на «ду»...

Генка Петух. Тут-то все и началось!

Принц. Она бросила в меня фамильным пеналом с серебряной крышкой. А я что, терпеть должен?

Генка Петух. С девочками драться нехорошо...

Принц. Д-девочка... Когти как у пумы. Воротник изодрала, ведьма...

Генка Петух. Подумаешь. Милые бранятся — только тешатся...

Принц. Что-что?!

Генка Петух. Будто не знаешь! Всем известно, что ее сиятельство влюблена в тебя уже целых три недели. На веки вечные рассорилась с юным графом де Гулем и втюрилась в наследника престола.

Принц. Чувства юмора у тебя нет, а чувства ехидства сколько хочешь... Переодеться бы, пока папа не пришел... (*Сбрасывает остатки воротника.*) До чего осточертели эти средневековые кружева и бантики!

Генка Петух. Терпи. Таковы традиции нашей славной Верхней Унутрии: принцы должны ходить в школу в придворном платье... А мне, думаешь, легко таскать этот шутовской наряд?.. Слушай, Эдька, попроси, чтобы меня перевели в гвардейские барабанщики! Там хотя бы форма красивая...

Принц. У нашего премьера фиг чего допросишься... Тише! Кажется, папа идет...

Появляется король Эдоардо Пятьдесят Четвертый. В халате и домашней короне.

Король (*приглядываясь к синяку сына*). Ну-с, ваше высочество, как успехи в школе?

Принц неопределенно пожимает плечом: все, мол, нормально, не о чем говорить.

Король. Дневничок бы посмотреть...

Принц. А дневники классная дама у всех забрала на проверку!

Король. В самом деле? Вот странно... А мне один мой верно-подданный только что сообщил, что ваш дневник непонятым образом оказался за статуей нашего почтенного предка Эдоардо Девятнадцатого, Многомудрого... (*Король достает из-за пазухи многострадальный дневник.*) А может быть, это не ваш?... Нет, написано: «Дневник ученика пятого класса «Дэ» столичной школы номер один Эдоардо Пуантогеннета... Осмелюсь напомнить, что Пуантогеннеты — наша славная династия, честь которой мы должны блюсти неукоснительно... Ну-с, поглядим... (*Король начинает листать дневник.*)

Принц (*Генке*). Сейчас начнется...

Король. Эт-то что?

Принц. Что?

Король. Я тебя спрашиваю, «что». Иди сюда... Что здесь написано?

Принц. Где?

Король. Здесь! Вот здесь. Вот-вот! Читай!

Принц. Ну...

Король. Без всяких «ну»! Читай немедленно!

Принц. Ну чего... «Устроил безобразную драку на перемене... На уроке унутреннего природоведения подложил под герцогиню де Бина кактус, похищенный с подоконника. Плюнул на герцогиню жеваной промокашкой. Поведение — «два». Прошу ваше величество зайти в школу...» Папа, она первая полезла!

Король. Ма-алчать! (*Он с размаха трескает наследника дневником между лопаток. Шут падает с подоконника.*) Ма-алчать! Всё! Будешь сидеть в комнате целую неделю! Никаких гуляний! Никаких футболов! Никаких телевизоров!.. У меня, конечно, прозвище Эдоардо Терпеливый, но всякое терпение может лопнуть...

Принц. Ну, папа...

Король. Никаких пап!.. (*Он рывком отсоединяет от телевизора провод, подхватывает с пола футбольный мяч и шагает к двери. Потом оглядывается на шута.*) А ты брысь отсюда!

Генка Петух. А чё я сделал?

Король. Ничего не сделал! Туняец! Два сапога пара! Марш из комнаты!

Генка Петух. У меня дежурство! Я обязан развлекать принца!

Король. Я вам поразвлекаюсь... (*Он швыряет мяч в коридор, берет шута под мышку и тащит к выходу.*)

Генка Петух. На маленького, да?! А еще король!.. А еще «Терпеливый» называется!..

Его величество уносит шута за дверь. Генкины вопли затихают в отдалении. Принц пинает дневник, стягивает ненавистную придворную курточку, в сердцах швыряет ее в бесполезный телевизор. Горестно садится на свою пышную средневековую кровать и подпирает щеки.

Интермедия

Расстроенный король шагает перед занавесом.

Король (*дежурному гвардейцу*). Ну-ка, вызови королевского шофера. Не все тебе ябедничать на принца, сделай хоть одно полезное дело.

Гвардеец (*вскидывая рупор*). Водителя королевского автомобиля «Мерседес-бумс» — в главный дворцовый коридор! Срочно!

Появляется пожилой усатый мужчина в мундире и в автомобильных очках на лбу. Это папаша Руппель.

Руппель. К услугам вашего величества...

Король. Добрый день, любезный папаша Руппель... хотя какой уж он там добрый...

Руппель. Ваше величество чем-то расстроены?

Король. Будешь тут расстроен...

Руппель. А, понимаю! Наверно, вас опять огорчил наследник...

Король. Н-негодный мальчишка! То и дело записи в дневнике. «Улыбался на уроке грамматики!.. Бегал на перемене!.. Опять драка!..»

Руппель. Не берите в голову, государь, мальчишки все такие. Мой внук тоже то и дело приходит с синяками и в драных штанах... Да еще эта его привычка — притаскивать в дом бродячих

кошек! У него даже прозвище такое: «Гуга Кошкин Дом»!.. Дети они и есть дети, ваше величество...

Король. Вот и я думаю: мало ли чего не бывает в школьные годы... А классная дама тут же запись красными чернилами на полстаницы!.. Ну, улыбался, ну, бегал! Ребенки ведь, а не пенсионер! А драка... Ну и что же, что драка. Я в его возрасте тоже был не дурак подраться...

Руппель. Как же, как же! Конечно... Вы, я помню, были не прочь иногда сцепиться не только с мальчишками, а даже с юной принцессой Виолеттой де Бомм, будущей нашей королевой, царство ей небесное... Как жаль, что ее величество скончались так рано...

Король. Увы... Мальчик растет без матери. Без ласки и примотра. Можно ведь и пожалеть иногда... Сегодня пришел с подбитым глазом, коленка ободрана, больно небось. А я его еще дневником по спине...

Руппель. Не терзайтесь так, ваше величество. Такова жизнь, вам необходимо быть твердым, когда воспитываешь будущую главу государства.

Король. Вы правы, папаша Руппель... А то ведь, не дай Бог, вырастет шалопай вроде Эдоардо Двадцать Шестого по прозвищу Гуляй-Дядя... Это пятно на нашей династии Пуантогеннетов.

Руппель. Кстати, ваше величество, я давно хотел узнать... Не сочтите мой вопрос за дерзость... Столько лет возил и вашего папу, и вас, а все не решался спросить.

Король. Не стесняйтесь, папаша Руппель. Мы свои люди...

Руппель. Почему всех королей Верхней Унутрии зовут Эдоардо? Конечно, это славное имя, но все-таки есть и другие...

Король. Традиция, любезный папаша Руппель. Одна из вековых традиций нашего королевства. Мы все у них в плену... Да, хорошо было Петру Великому или, скажем, Наполеону Бонапарту. Или нашему Эдоардо Воинственному, основателю династии — они все были Первые. А попробуй совершить что-нибудь историческое, когда ты пятьдесят четвертый... Ну-с, а как наш прекрасный «Мерседес-бумс»? Готов к выезду?

Руппель. Готов, ваше величество... насколько это возможно.

Король. А что такое?

Руппель. Но ваше величество, ведь это же модель тысяча девятьсот одиннадцатого года! Музейный экспонат!

Король. Ну, полно, полно! Не экспонат, а королевская реликвия. Реликвии нужно уважать.

Руппель. Вот я и говорю! Пора с полным уважением поставить реликвию на вечное хранение и обзавестись машиной поновес.

Король. А на какие шиши? Министр Медных и Серебряных денег каждый день докладывает, что серебра с фонарем не сыщешь, да и меди кот наплакал... Налоги никто не платит, внешняя торговля еле дышит, иностранные туристы воротят от нас носы и придираются. Недавно написали в газету жалобу. Им, видите ли, обещали показать в королевских подземельях привидения, а ни одного призрака там не оказалось. Требуют назад билеты... А я что сделаю? Сам, что ли, должен одеваться в саван и выть в подвалах?

Руппель. Ни в коем случае, ваше величество! Не королевское это дело!

Король. Тот-то и оно, что не королевское... Ладно, у меня есть кое-какие планы. Едем к моему другу, часовому мастеру Карлосу фон Уру. Он человек мудрый и ученый. Кстати, у Карлоса трое сорванцов, я посоветуюсь с ним, как воспитывать мальчишку... В путь!

Руппель. Осмелюсь напомнить вашему величеству: вы забыли сменить домашнюю корону на дорожную.

Король (*оглянувшись на гвардейца и вполголоса*). Ничего я не забыл. Я ее сдал в ломбард. Не сам, конечно, а через надежного человека.

Руппель. Но ваше величество...

Король. А что делать? У меня зарплата меньше, чем у любого из министров...

Руппель. Однако же...

Король. Знаю, знаю! Вы сейчас скажете: «В Верхней Унутрии и так все принадлежит королю!» Принадлежать-то принадлежит, а разве от этого легче? Попробуй-ка взять бесплатно в обувной лавке новые башмаки или не расплатиться в кондитерской! Завтра же пойдут разговоры: «Король обирает своих подданных, король — тиран!» Не на что Эдьке новый ранец купить, ходит в школу с портфелем прадедушки Эдоардо Пятьдесят Второго, Прилежного...

Руппель. Я все понял, ваше величество. Денег на ремонт не будет.

Король. Надо как-то изворачиваться...

Руппель. Я изворачиваюсь уже тридцать лет... Ладно, поехали... Только имейте в виду, государь, задняя рессора еле дышит...

Картина вторая

Комната принца. Эдоардо, уже переодевшийся, в джинсах и футболке, лежит на кровати, лениво листает старинную книгу. Читает с зевками.

Принц. Глава вторая... История Верхней Унутрии и первых королей династии Пуантогеннетов... В период раннего средневековья наше великое королевство состояло из двух частей: Верхней и Нижней. Но непокорный герцог Сан-Балконо путем интриг и заговоров добился, что Нижняя Унутрия была объявлена суверенным государством и названа Балконией, а вскоре Балкония была завоевана пришедшими с юга ордами кочевников, а после их отступления растворилась среди нескольких соседних стран... Верхняя же Унутрия крепла и процветала, особенно после того, как храбрый Индиго Пастух, получивший впоследствии имя Эдоардо Воинственного... Ох и скучища же, господа!.. (Отбрасывает книгу.)

С улицы доносятся голоса.

Голос. Эдька! Эдька-а! Выходи!

Эдоардо подбегает к окну, распахивает створки.

Принц. Лезьте ко мне! Я сейчас сброшу трап!

Он выволакивает из-под кровати и спускает за окно веревочную лестницу. В окне появляются и прыгают в комнату приятели принца: Генка Петух, уже сменивший свой шутовской наряд на обычную одежду, Гуга Кошкин Дом, Томми Стрелка, а последней — Лизка де Бина. Принц смотрит на нее сумрачно.

Принц. А ее сиятельство ду... де Бину вроде бы не приглашали...

Генка Петух. Да пусть... Она сказала, что хочет помириться.

Принц. Ладно... Только пусть больше не распускает слухи, будто втюрилась в меня...

Лизка. Больно надо!

Гуга. У нее теперь новая любовь, из восьмого класса...

Лизка. Щас как дам! Ни одна твоя кошка тебя не узнает!

Томми. Вы ругаться сюда пришли? Постыдились бы, дворец все-таки... Эдик, пошли в футбол играть, на пустыре за школой все наши пацаны собрались!

Принц. Чем играть-то? Папаша мяч отобрал...

Гуга. Ну, тогда в индейцев! Или в охотников! Я возьму двух дрессированных котов, они будут тиграми...

Принц. Вообще-то король меня запер... Если узнает, что я сбежал, будут тогда тигры...

Томми. Его величество не скоро вернется во дворец. Он сейчас у нас в гостях. Они с папой пьют смородиновую наливку и вспоминают школьные годы, а мама печет им пирог...

Принц. Тогда ладно. Валяйте все наружу.

Мальчишки и герцогиня Лизка по очереди исчезают в окне. А Эдоардо не хочет пользоваться веревочной лестницей. Он просто с разбега выскакивает в окно — с веселым воплем свободного человека.

Интермедия

Перед занавесом появляется Эдоардо Пятьдесят Четвертый в домашней короне набекрень. Настроение у короля сейчас совсем не то, что после ссоры с наследником. Он бодр и весел.

Навстречу королю выходит премьер-министр Лео Гран-Градус.

Король. Прекрасный день, господин премьер-министр, не правда ли?

Гран-Градус. Как угодно вашему величеству. Только должен заметить, что день совсем не прекрасный, а тяжелый. И все в такое трудное время должны быть на своих местах. А ваше величество...

Король (с некоторой опаской). А что мое величество?

Гран-Градус. А ваше величество занимается Бог знает чем!

Король. Я ездил с королевским визитом...

Гран-Градус. Да! А кроме того, вы на вашем королевском автомобиле «Мерседес-бумс» катали по центральным улицам мальчишек и распевали с ними песни.

Король. Ну... было. Они попросили, а я... как я мог отказать подрастающему поколению нашей славной Верхней Унутрии?

Гран-Градус. Вы им никогда не отказываете. Это поколение своими босыми пятками перемазало ваши парадные брюки... А машина! Шофер сказал, что задняя рессора лопнула окончательно. А запасных рессор для такой модели в продаже нет лет пятьдесят.

Король. Но я не мог отказать в просьбе! Дети подумали бы, что король зазнался!

Гран-Градус. Теперь не подумают. Знаете, какую песню сейчас распевают все мальчишки столицы?

Мы друзья, не забудем,
 Как прекрасным летним днем
 На хромом автомобиле
 Прокатились с королем.
 Гра-ля-ля,
 Гра-ля-ля,
 Все мы любим короля!

Король. Ну и что?.. Песня как песня. Ведь поют, что любят...
 Гран-Градус. Короля надо не любить, а чтить. А как можно чтить монарха, у которого из кармана парадного мундира выглядывает беспризорный котенок?

Король (*взявшись за карман*). Он не беспризорный, мне его подарили.

Гран-Градус. Кто же сделал вам столь трогательный подарок?

Король. Гм... Один мальчик. Очень симпатичный мальчик, рыженький такой, только немного неумытый... Их кошка родила полдюжины котят, и надо их куда-то пристраивать, мама заставляет.

Гран-Градус. И котенка препоручили заботам вашего величества!

Король. Сударь! Этот котенок, так же, как любой из наших чиновников и министров, житель моего королевства и, следовательно, мой подданный. Я не могу бросить его на произвол судьбы.

Гран-Градус. В таком случае перестаньте заталкивать его в карман, вы свернете ему голову. Отдайте животное поварихе, она его будет кормить.

Король. Нет. Я не отдал его даже папаше Руппелю, хотя он просил для внука. Я отнесу котенка принцу.

Гран-Градус. Принца нет у себя. Он в зале Государственного совета вместе с министрами ожидает ваше величество.

Король. А что случилось? Зачем собрался совет?

Гран-Градус. Этого потребовал принц.

Король. Что? Кто? Принц?! Да как он смел! Мальчишка!.. А вы куда смотрели, господин премьер-министр!

Гран-Градус. Его высочество имеет право, он наследник престола. К тому же у него была причина.

Король. Я ему покажу причину. Я его запер в комнате, а он...

Гран-Градус. Ах, ваше величество! Всегда ли вы оставались под замком, когда ваш папа Эдоардо Пятьдесят Третий, Добрейший, запирали вас в опочивальне?..

Картина третья

Зал Государственного совета королевства Верхняя Унутрия. За большим столом расположились министры. Белеют парики, блестят аксельбанты и эполеты. У дверей замер церемониймейстер. Только принц не вписывается в торжественную обстановку. Взъерошенный, в порванной футболке и мятых джинсах, с репьями в волосах, он нервно расхаживает по залу.

Церемониймейстер. Его величество Эдоардо Пятьдесят Четвертый, Терпеливый, король Верхней Унутрии! И его высокопревосходительство господин Лео Гран-Градус, королевский премьер-министр!

Король занимает место за столом. Премьер-министр — рядом. Принц останавливается у другого конца стола. Чувствуется, что он сдерживает негодование.

Премьер звонит в колокольчик.

Гран-Градус. Ваше величество! Господа министры! Мы собрались ввиду неприятного и чрезвычайного события. Его высочество наследный принц, правитель Нью-Ахтенбергский, герцог де Балтос де Пью де ла Картенбух Эдоардо Пуантогеннет сообщил Государственному совету Верхней Унутрии, что сегодня в три часа пополудни Министр Унутренних дел нашего королевства господин Фридрих фон Ганц-Будка совершил злодейское нападение на его особу, то есть на особу принца...

Речь премьера прерывают аханья, оханья и возмущенные восклицания.

Голоса. Какой ужас! Какое нападение! Это измена! Может быть, это недоразумение?.. Ваше высочество... Господин министр!.. Что он сделал с вами, принц?!

Принц. Он... схватил меня за ухо. И... дернул. Два раза!

Голоса. О-о-о-о... О-о-ох!.. Чудовищное злодейство!

Король (*вскакивая*). Эй, стража! Двенадцать гвардейцев и кузнеца с кандалами!

Ганц-Будка. Но ваше величество! Прежде, чем казнить или миловать, выслушайте меня! Ведь недаром же вас называют Терпеливым!

Король. Говорите. Но о том, чтобы миловать, не может быть и речи. У всякого терпения есть предел.

Ганц-Будка. Ваше величество, вы великий и мудрый король. Посудите сами, могли ли ухватить принца со спины, когда он вместе с другими вашими юными подданными, которые забра-

лись в мой сад за скороспелыми яблоками... гм... несколько поспешно покидал мою усадьбу через дыру в заборе? Вы изволите видеть, что его высочество сейчас не в придворном платье. Он своей одеждой никак не отличается от других малолетних жителей столицы... И даже ухо, за которое я... несколько придержал его высочество, оно такое же, как у других детей королевства. Мог ли я подумать? Это ухо... да простит меня его высочество, даже... гм... не совсем вымытое. В точности как у любого мальчишки с городской окраины...

Среди членов Государственного совета слышится сдержанное хихиканье.

Принц. Неважно, чье это ухо! Вы забыли, что мой дед, Эдоардо Пятьдесят Третий, Добрейший, своим указом запретил взрослым хватать детей за уши, раздавать подзатыльники и вообще обижать маленьких! Это государственный закон! А тому, кто с ним спорит, грозит отсечение языка. В некоторых случаях — вместе с головой!

Ганц-Будка. Ваше высочество! Вы развиты не по годам и прекрасно знаете законы. Поэтому вам наверняка известен и закон, который оберегает собственность. В том числе и яблоки в садах жителей королевства!

Принц (*в упор глядя на министра Унутренних дел*). А кирпичи?

Ганц-Будка. Что... кирпичи?

Принц. Желтые...

Ганц-Будка (*слабым голосом*). Ка... какие желтые?

Принц. Те самые, которыми вымощены дорожки в вашем саду, господин Ганц-Бабка... то есть Будка. Те, из которых построен гараж вашего нового автомобиля. Те, которыми облицован ваш фонтан. Уж очень они похожи на те, которые зимой исчезли со строительства городского бассейна для ребят. Я сегодня посмотрел, так прямо в точности такие же. Может быть, поэтому вы и не любите пускать посторонних на свой двор, господин министр?

Наступает нехорошее молчание.

Гран-Градус. Та-ак... А вы, господин Ганц-Будка, рассказывали что-то про грабителей из-за границы.

Министр Медных и Серебряных денег. Та-ак... Это был убыток на две с половиной тысячи серебряных дукатов.

Король. Та-ак... Эй, стража!

Ганц-Будка. Но ваше величество...

Король. Никаких ваших величеств. Я, конечно, терпеливый король, но... Господин Гран-Градус! В одиночную камеру его! Без права читать детективные романы и без компота на обед!

Ганц-Будка. Ваше величество! Можно хотя бы попроситься с женой и взять с собой портативный телевизор?

Король. Попрощаться можно. А насчет телевизора номер не пройдет... Господин премьер, дайте ему с собой в темницу старый граммофон и пластинку с песней «О великая Унутрия, ты прекраснее всех стран». Может быть, этот патриотический гимн поможет скорее перевоспитаться... унутреннему жулику. А пока не перевоспитается, мы его не выпустим... Да прикажите студентам-практикантам разобрать его гаражи и фонтаны и вернуть кирпичи на строительство бассейна.

Министр Медных и Серебряных денег. Ваше величество, а куда его сажать? Тюрьмы-то нет.

Король. Как нет?!

Министр Медных и Серебряных денег. Видите ли, ваше величество, она столько времени пустовала... Вот я и решил пустить ее под гостиницу для туристов. Они почему-то обожают ночевать в старинных казематах с решетками. А государству доход...

Король. Новое дело! Довели страну, даже тюрьмы не стало!

Министр Медных и Серебряных денег. Жили же до сих пор... Ваше величество, а может быть, его посадить в дворцовое подземелье? Там есть комнатка, где раньше хранились королевские бриллианты. Сейчас там, увы, ничего не хранится...

Король. Сажайте куда угодно, лишь бы замок был прочный... (*Принцу*). А ты иди учить уроки, герой...

Появляются гвардейцы, берут бывшего министра под руки, тот хнычет. Премьер звонит в колокольчик.

Гран-Градус. Заседание Государственного совета объявляется закрытым.

Картина четвертая

Комната принца. За окном синеевечер. Принц в ночной рубашке сидит на постели и листает книгу. Потом зеваает и откладывает ее. Появляется король.

Король. Ну что, навоевался за день, мушкетер?

Принц. Угу...

Король. А почему такой грустный?

Принц. Не знаю. Вечером почему-то всегда грустно... Когда маленький был, мама приходила, сидела рядом. А сейчас всегда один...

Король. Н-ну... не так уж всегда. Согласись, я тоже порой заглядываю к вашему высочеству. Хотя, конечно, не так часто, как надо бы. Дела...

Принц. Я понимаю. Ты король.

Король присаживается на край постели.

Принц. Папа, осторожнее, не разбуди котенка. Он знаешь какой игручий! Полдня прыгал, а теперь спит...

Король. Скоро каникулы. Ты тоже набегаешься и напрыгаешься с друзьями-приятелями. И тоже будешь засыпать в одну секунду. Как говорится, без задних ног...

Принц. Каждый день гулять да бегать — тоже надоедает...

Король. А если хочешь, давай устроим во дворце детский бал! А?

Принц. Можно... Ой, нет! Опять надо будет в кружева и бархат наряжаться! В школе надоело. Смотрят как на музейное чучело...

Король. Что поделаешь, у королевских семей свои трудности... Зато я могу подарить подходящую к твоему придворному костюму шпагу.

Принц. Настоящую?!

Король. Еще бы! Настоящую и старинную! Она принадлежала твоему пра-пра-пра... в общем, Эдоардо Тридцать Пятому по прозвищу Крошка Эдди. Он был очень маленького роста, и его шпага будет тебе в самый раз.

Принц. Папа, а в школу с ней можно ходить?

Король. В школу? Но ведь скоро каникулы.

Принц. Ну, в будущем году...

Король. Гм... Хорошо, только не всякий раз, а по торжественным дням. И ты дашь слово, что не будешь там вытаскивать ее из ножен и размахивать перед всеми.

Принц. Ладно, не буду! Я ее здесь буду вытаскивать! И тренироваться в фехтовании!...

Принц прыгает с кровати и делает несколько фехтовальных приемов.

Король усаживает его рядом с собой.

Король. Успокойся. Перед сном воевать вредно.

Принц. Папа, а когда ты ее подаришь? Сейчас?

Король. Что ты! Сейчас оружейная кладовая уже заперта и дворцовый завхоз ушел спать...

Принц. Ну, а когда же?

Король. К балу. Когда приготовят твой парадный костюм.

Принц. А бал когда?

Король. В день окончания учебного года.

Принц. Через неделю еще! Это же целая вечность...

Король. Ох, милый ты мой... Неделя не вечность, а... как сказал поэт, «лишь краткий миг земного бытия». Глазом не моргнешь...

Принц. Все равно это очень долгий миг...

Король. Ладно... чтобы тебя утешить, я сделаю еще один подарок...

Принц. Какой?!

Король. Очень важный... Он связан с одной государственной тайной. Ты должен будешь держать язык за зубами... Хотя я не знаю. Наверно, я не имею права...

Принц. Ну, папа!

Король. Ладно. Чего не сделаешь ради единственного сына... Держи...

Принц. Это что? Зажигалка?.. Ой, нет... Газовый баллончик?

Король. В какой-то степени. Только не обычный... Слушай... *(Он оглядывается, потом начинает что-то рассказывать принцу на ухо. Принц радостно подсакивает и хохочет.)* Тише, тише... Повторяю: государственная тайна. И еще имей в виду: эта штука — одноразового пользования. Не расходуй ее поскорее, а выбери какой-нибудь подходящий момент. И подходящее место — подальше от посторонних глаз...

Принц. Я понимаю...

Король. Не вздумай это делать в школе. У классной дамы будет инфаркт, а тебе влепят неуд по поведению за весь учебный год. А меня затаскают по педсоветам и родительским собраниям...

Принц. Папа, ты ж король!

Король. Какая разница, кто папа, если сын хулиган!

Принц. Ох уж хулиган! Подумаешь, один раз подложил под Лизку кактус! Ничего ей не сделалось, она... твердокаменная.

Король. А кактус?

Принц. Кактус жалко. Я не подумал...

Король. Вот видишь... Ладно, укладывайся. Спокойной ночи...

Принц. Папа, не уходи! Поговорим еще...

Король. Поздно уже...

Принц. Ну, немножко... Знаешь что? Расскажи сказку...

Король. Сказку? Гм... А может быть, лучше какую-нибудь историю? Например, про путешествия Эдоардо Одиннадцатого, Мореплавателя? Или...

Принц. Нет, просто сказку.

Король (*подумав*). Хорошо, малыш. Я расскажу тебе сказку про Золушку. Тебе когда-то рассказывала ее мама. Ты, наверно, не помнишь.

Принц. Помню. Чуть-чуть...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина пятая

Внутренность зажиточного городского дома. Диваны, большие часы, телевизор, камин. Смесь старины и современности. Золушка сидит в углу за камином, покачивает на руках маленький сверток. Гортензия и Люминелла за столом раскладывают карты.

Гортензия. Ой, Люминелла! Тебе опять выпал червонный валет! Это не случайно, не отпирайся!

Люминелла. Не городи чепуху! Червонный, значит, рыжий! Я за рыжего не пойду никогда в жизни, лучше в монастырь...

Гортензия. Никуда ты не денешься, если судьба.

Люминелла. Это пусть тебе судьба жениха выбирает, а я как-нибудь сама...

Гортензия. Ха-ха! Всем известно, что наша Люминеллочка мечтает о принце...

Люминелла. О ком хочешь, о том и мечтаю. Не твое дело!

Гортензия. Мечтать не вредно, от этого живот не болит. Только где ты его возьмешь, принца-то? Их в магазинах не продают.

Люминелла. Где надо, там и возьму.

Гортензия. А если он окажется рыжий, как твой валет?

Люминелла. Рыжих принцев не бывает!

Гортензия. Откуда ты знаешь?

Люминелла. А наш Эдоардо разве рыжий?

Гортензия. А! Так, значит, ты его себе в женихи наметила!

Люминелла. Больно он мне нужен! Жених из пятого класса «Дэ»! Он еще в коротких штанишках бегаёт. И футбол на пусты-

рях гоняет с мальчишками... Вроде нашей красавицы. (*Кивает на Золушку*.)

Золушка. Неправда, я в футбол с мальчишками не играла. Только в рыцари-разбойники...

Гортензия. Какая разница! Это еще неприличнее... разбойники! Где это видано, чтобы девочка из порядочной семьи играла с уличными бездельниками.

Золушка. А с кем мне играть? С вами? Вы же никогда меня не принимаете. И ни разу даже ни одной игрушки не дали...

Люминелла. Может быть, тебе еще золотые сережки и набор французской косметики?

Золушка (*тихонько*). Пфы...

Гортензия. А чего ты на нас пфыкаешь! Вот мы скажем маме!

Золушка. А я не на вас. Это я сама с собой разговариваю.

Люминелла. Ну, конечно! На нас она и глядеть не хочет...

Гортензия. Очень самоуглубленная натура. Беседует только сама с собой. Потому что других достойных собеседников в этом доме у нее нет!

Золушка. Ну, почему вы все время ко мне цепляетесь? Я же ничего плохого вам не сделала!.. Сидели бы да гадали себе женихов...

Гортензия. А тебе завидно!

Люминелла. Ей гадать ни к чему. И так ясно, кто будет ее жених. Горбатый трубочист с Гусиной улицы. Самая подходящая пара...

Гортензия. Нет, ведь трубочист женат уже тридцать лет. На хромой прачке...

Люминелла. Тогда она выйдет замуж за своего деревянного крокодила! Он молод и холост...

Входит мачеха.

Мачеха. Красавицы мои! Вам не кажется, что пора уже собираться на бал. Неприлично опаздывать во дворец!.. А ты, Золушка, могла бы помочь сестрицам собраться.

Люминелла. Мамочка, ей некогда! Она отыскала на свалке бесхвостого деревянного крокодила и нянчится с ним, как с куклой.

Мачеха. Не надо придирайтесь к девочке. Каждый имеет право играть, как хочет. И не забывайте, что Золушку я люблю так же, как вас, она дочка моего дорогого мужа, который скончался так не вовремя... Ах, если бы он не простудился на своем обду-

ваемом всеми ветрами маяке, как прекрасно жили бы мы сейчас... Золушка! Однако и правда хватит бездельничать. Помогите девочкам собраться!

Гортензия. Только пусть сначала вымоет руки. А то перемажет нам платье.

Мачеха. В самом деле! Почему ты всегда такая чумазая? В прежние времена золушки были перепачканы, потому что возились с золой и углями, но в наше время, когда все каминные электрические... Нет, дорогая, ты не девочка, а какой-то... феномени!

Золушка. Простите, пожалуйста, но у меня совершенно чистые руки...

Мачеха. А платье! Когда ты успела его так истрепать и перемазать? Я подарила его тебе всего полгода назад, почти новое.

Золушка. Но оно же у меня единственное! Я в нем и в школу хожу, и полы мою, и ковры выбиваю, и...

Люминелла. И в разбойников играю на пустырях...

Мачеха. Всё, всё! Хватит ссориться. Я уже сказала: каждый имеет право играть, как хочет. Мы живем в свободном королевстве, и права детей гарантированы особой декларацией... Девочки — одеваться!

Мачеха и сестры уходят. Золушка разворачивает сверток.

Золушка. Проснулся, Зелененький? Вот и хорошо... Ты у меня славный... Ну и что же, что без хвоста? Все равно ты хороший. В тыщу раз лучше, чем расфуфыренные куклы Гортензии и Люминеллы... Потому что ты моя единственная игрушка... Вот уедут на королевский бал мачеха и сестрицы, а мы останемся с тобой вдвоем и будем веселиться, как хотим, никто не помешает... Что?... Да ну, это бесполезно. Все равно они меня не возьмут... Попробовать? Ох, не знаю... Да нет, не боюсь я! Что ты! Мачеха меня никогда даже пальцем не тронула... только ведь языком можно тронуть сильнее, чем руками...

Появляются мачеха и сестры в бальных платьях.

Мачеха. Золушка! Ну-ка, посмотри, на спине у меня ничего не топорщится? И не помят ли воротник?

Золушка (*оставляет игрушку и подходит*). Все хорошо... почти. Надо бы только подшить одну складочку, чтобы не оттопыривалась...

Мачеха. Ну, так сделай же поскорее!

Золушка из-под воротника достает иголку с намотанной ниткой, распутывает нитку, начинает умело подшивать складку.

Мачеха. Аккуратнее. Не уколи...

Золушка. Я осторожно... Простите, пожалуйста, можно я спрошу?

Мачеха. Я не понимаю, почему ты всегда так ко мне обращаешься? «Простите, пожалуйста!» Если не хочешь говорить мне «мама», можешь называть меня «тетя Анна-Бригитта» или, в крайнем случае, «милая мачеха». По крайней мере, это будет отражать суть вещей...

Золушка. Тетя милая мачеха... Простите, пожалуйста, вы не могли бы взять меня с собой на бал?

Сестры дружно хихикают.

Мачеха. Ну, посуди сама! В чем ты пойдешь? В этом... рубище?

Золушка. Я подумала, что... может быть, сестрицы дадут мне на вечер какое-нибудь свое платьице... из которого они все равно выросли...

Гортензия и Лионелла (*разом*). Что-о?!

Мачеха. Вот видишь! Они не хотят, а я не вправе распоряжаться их собственностью... Ты сама виновата. Почему у тебя с сестрами постоянная конфронтация? Нельзя быть такой неконтактной...

Сестры украдкой показывают Золушке язык. Золушка заканчивает работу и прячет иглу под воротник, оторвав нитку.

Мачеха. Осторожнее!.. Девочки, нам пора. Сейчас я вызову такси, а вы не забудьте ваши шляпки и веера.

Сестры и мачеха направляются к двери.

Золушка. Простите, но... Тетушка милая мачеха! Тогда можно мне хотя бы посмотреть на бал по телевизору! Говорили, что из дворца будет передача.

Мачеха. Посмотри... Только не пережги предохранитель... И сначала сходи в лес и принеси хворосту для камин.

Золушка. Зачем?! Он же электрический!

Мачеха. Не считай, что ты умнее меня! Сейчас в городских домах такая мода. Хворост кладут на электрические угли, и они просвечивают сквозь ветки очень натурально. Это создает эф-

фект близости к природе... И не забудь пропылесосить полы и вымыть посуду.

Мачеха со своими дочерьми удаляется. Золушка берет в руки игрушечного крокодила.

Золушка. Поскучай тут без меня, Зелененький. Мне надо в лес. Не бойся, это не далеко...

Интермедия

Входит Золушка с охапкой хвороста, оглядывается.

Золушка. Ну вот, забрела неизвестно куда... А разве я виновата, что на краю леса никакого хвороста, всё вычищено, как в городском парке... А передача, наверно, давно уже началась... Да зачем она мне, эта передача? Ну, посмотрю, а потом что? Совсем тошно делается. Опять сестрицы появятся, начнут языки чесать, опять «милая мачеха» будет воспитывать... Может быть, не возвращаться домой? Построю хижину, буду питаться ягодами и грибами... Ох, это летом можно, а зимой-то как?... А что, если попроситься к разбойникам? Я читала, что они не такие уж свирепые... Да нет, в наших лесах разбойники давно повывелись... Можно, пожалуй, переодеться мальчишкой и поступить в барабанщики королевской гвардии... Но нет, в барабанщики берут не всякого. Да и мачеха все равно отыщет, устроит скандал... И Зелененького нельзя оставлять, его сразу на помойку выкинут... Ничего в голову не приходит. Только руки-ноги гудят... (Золушка садится. Потом устраивается поудобнее, кладет голову на вязанку.) Отдохну немного... Зелененький, не скучай, я тут не долго...

Золушка засыпает...

Сопя и вздыхая, выходит на поляну очкастый медведь с газетой в передних лапах.

Медведь. Ну и газета... Одно название что «Лесные новости», а на самом деле сплошные городские сплетни. То скандал на выборах в столичный совет, то министр Унутренних дел украл казенные кирпичи... Кому это интересно! Сорока на хвосте и то больше информации приносит... (Он комкает газету, заталкивает ее в карман на шкуре. Делает еще несколько шагов, останавливается недалеко от спящей Золушки, сдвигает на лоб очки.) А это что еще за явление?... Не может быть... Ах ты бедненькая. Да ведь это самая настоящая Золушка!.. Что же мне с тобой делать? Не

оставлять же здесь... А куда тебя девать? В моей холостяцкой берлоге такой крохе не место, тут нужна женская забота... А ну-ка, пойдем, милая... (Он осторожно подымает Золушку на лапы, несет с поляны.)

Картина шестая

Внутренность избушки на курьих ногах. Все как полагается — на стенах звериные черепа и пучки трав, кривые часы с маятником-сковородкой. Мелькает пламя в большущей печи, мигает в углу старенький телевизор — тоже на куриных лапах. У стены, на покрытой овчинами лежанке спит под цветастым одеялом Золушка. Посреди избы, у кривоногого стола колдует над горшками и колбами старая лесная ведьма. Слегка кокетливо напевает романс — что-то вроде «Как молоды мы были...». Над горшком подымается клуб разноцветного дыма. Ведьма потирает руки.

Ведьма. Недурно... весьма недурно. Напрасно злые языки болтают, будто тетушка Роза на старости лет позабыла все хитрости магии... Не-ет, голубчики, вы еще обо мне услышите, когда я закончу серию экспериментов с лиловыми болотными огнями и лягушачьей икрой... Вы еще... А? Ты уже проснулась, милая?

Золушка и в самом деле проснулась. Села, протирает глаза.

Золушка. Ой... как я сюда попала?

Ведьма. Да очень просто, моя хорошая. Уморилась в лесу, уснула на травке, а дядюшка Михель тебя и увидел. Это медведь здешний, мы с ним старые знакомые... Вот и принес тебя ко мне, чтобы не простыла на вечернем воздухе. Говорит, будто бы ты Золушка? Неужели по правде?

Золушка. Да... так меня зовут...

Ведьма. Вот чудеса! Я и не знала, что золушки сейчас бывают на самом деле. Думала, это давно уж бабушкины сказки.

Золушка. Бабушка... простите, пожалуйста, а вы кто?

Ведьма. Ох, да не все ли тебе равно?

Золушка. Просто я сперва подумала... ой...

Ведьма. Да чего подумала-то?

Золушка. Простите, пожалуйста... бабушка, вы меня не съедите?

Ведьма. Да ты что, красавица! Я мясную пишу уже четыреста лет не потребляю! У меня печень большая, на диете сижу давным-давно... Да и где это видано, чтобы есть заплутавшего в лесу ре-

бенка! Другое дело, если разбойник какой-нибудь, совсем уж не-исправимый, или браконьер, от которого лесным жителям проходу нету... А чтобы кто-то ел золушек, такого сроду не случилось. Ни в сказках, ни в жизни!

Золушка. Извините. Дело в том, что мне сперва показалось...

Ведьма. Что показалось-то? Говори, не бойся.

Золушка. Вы только не обижайтесь, пожалуйста... Будто вы немножко похожи на бабу-ягу...

Ведьма. Ну и чего такого? Ну и похожа. Только снаружи... Некоторые болтают, будто я и есть настоящая баба-яга, но ты не верь. Меня зовут тетушка Роза... Я против бабов-яг... или как их... баб-ягов... ничего не имею, они женщины положительные. Но только простого звания. А я, если хочешь знать, обучалась в колдовской спецшколе при академии на Лысой горе, а потом при четырех королях Эдоардо, с десятого по тринадцатого, состояла при дворе в должности главной колдуньи... Это уж после, когда на колдунов гонения начались, пришлось переселиться в леса, а до той поры... Э, да что там говорить. Молодость есть молодость...

Золушка. Баб... Тетушка Роза! А сейчас можно поступить в эту спецшколу?

Ведьма. Что ты, родимая! Ее закрыли полтыщи лет назад! Да и зачем тебе? Неужто хочешь ведьмой сделаться?

Золушка. Да мне все равно. Лишь бы куда-нибудь из дома...

Ведьма. А, понимаю! Сразу-то не сообразила... У золушек всегда дома нелады... Но в ведьмы тебе подаваться нет резона. И профессия эта нынче не престижная, и натура у тебя не та... Да и, насколько я помню, ни одна золушка ведьмой не стала. А делались они или принцессами, или учительницами начальной школы...

Золушка. Ха, «принцессами». А чтобы учительницей, надо еще институт кончить... Тетушка Роза, а что у вас там мигает? Телевизор?

Ведьма. Он самый. Только старенький еще, первой модели. КВН называется...

Золушка. А передача... не из дворца случайно?

Ведьма. Оттуда, оттуда... Ох, да как же я, старая, не сообразила? Тебе же это в первую очередь сейчас любопытно! Ну-ка садись...

Ведьма устраивает Золушку перед телевизором. Увеличивает громкость.

Голос ведущего. ...главном зале королевского дворца. Гости давно уже начали съезжаться на бал. Юные жители столицы, их родители постепенно заполняют ярко освещенные люстрами

помещение. Девочки в балльных платьицах, мальчики в парадных костюмчиках, умытые и причесанные. Что ни говорите, а приятно видеть наших юных сорванцов — обычно потрепанных, поцарапанных и лохматых — такими нарядными и чинными. Сегодня они будут вести себя как истинные кавалеры. Скоро зазвучит музыка первого танца. Оркестр уже занял место на антресолях. В честь торжественного события сегодня дирижирует оркестром сам король Верхней Унутрии Эдоардо Пятьдесят Четвертый... Вот он вышел. Слышите аплодисменты?... Известно, что в юности его величество обучался в столичной музыкальной школе и любил выступать в концертах дворцовой самодеятельности. И теперь он, как в преж...

Звук обрывается.

Ведьма. Ну вот, как всегда, на самом интересном месте... (Колотит по телевизору.) Наверно, конденсатор сел, а запасного нет, надо на толкучке покупать... Ох, да и зачем тебе, Золушка, эта передача?

Золушка. Интересно...

Ведьма. Тебе ведь не по телевизору это хочется смотреть, а на самом деле побывать там. А?

Золушка. В этих-то лохмотьях!

Ведьма. Подожди-ка, моя ненаглядная...

Она отходит к могучему горбатуму сундуку, со скрежетом поднимает крышку. Выкидывает наружу всякую рухлядь: подшитые валенки, мятый самовар, расколотый чугунок, тряпье... И, наконец, пальчиками подымает на воздух легкое, как пена, платьице с блестками. Любуется...

Золушка. Ой, тетушка Роза... Откуда у вас такое?

Ведьма. Трудно поверить, милая, но я тоже когда-то была девочкой. И был у меня первый бал... Вот, с того раза... Ну-ка, встань, поколдуем, примерим...

Ведьма дает платье Золушке, накидывает на нее одеяло, делает несколько взмахов, отбрасывает одеяло прочь... и Золушка предстает в балльном наряде, в маленькой сверкающей короне и блестящих туфельках. Ведьма подносит зеркало.

Ведьма. Ну, полюбуйся на себя.

Золушка. Неужели это я?

Ведьма. Ты, мое золотце, ты... Помни только, что такой красавицей сможешь ты быть лишь до полуночи. Поэтому не задерживайся на балу...

Золушка. Понимаю. Это как в старой сказке, да?

Ведьма. Не в сказке дело. Просто платье мое, хотя и красивое, но очень старое. Все старые платья когда-нибудь превращаются в лохмотья. И вот у этого платья срок — сегодняшняя полночь.

Золушка. Я успею! Я там недолго!.. А как я туда попаду?

Ведьма. Раньше бы я тебя туда прямо в своей избе доставила, как в автобусе, она ведь на курьих ногах. Бывало, бегала, как страус. А теперь охромела. Придется на метле. Не забоишься?

Золушка. Не знаю... Знакомые мальчишки говорят, что я не очень боязливая.

Ведьма. Вот и молодец. Я тебя в теплый платок закутаю, чтобы не дуло. А ты, главное, вниз не смотри. Зажмурься и считай до девяноста. Как досчитаешь, так мы и у дворца... (Она набрасывает на Золушку платок.) Идем, моя храбрая. Глядишь, у сказки будет хороший конец...

Они уходят. Молчавший телевизор вдруг оживает. Выходит на середину избы и начинает вещать с полуслова.

Голос ведущего. ...нятно, почему до сих пор не начинаются танцы. А! Дело в том, что еще нет хозяина бала, юного принца Эдоардо... Но вот и он! Посмотрите, наследник престола спускается по дворцовой лестнице к гостям. Как он великолепен в своем парадном костюме, с орденом Унутреннего Льва первой степени и при шпаге... Принц милостиво отвечает на приветствия юных и взрослых участников бала... Правда, он почему-то не улыбочив и даже... да, выглядит грустноватым. Но праздник еще впереди, и будем надеяться, что прекрасная музыка и веселые гости вернут его высочеству привычную жизнерадостность... Принц останавливается и салютует шпагой. Король подымает дирижерскую палочку. Уважаемые телезрители, встаньте! Сейчас зазвучит древний гимн нашего славного королевства! Его исполнят все гости и хозяйка дворца...

Слышатся аккорды, а затем хор:

О, великая Унутрия!
Ты прекрасней всех на свете!
На заре тебя на утренней
Славят взрослые и дети.
И совсем-совсем не нужен нам
Никакой заморский край.
Ты прекрасней, чем жемчужина.
Ты прекрасна — так и знай!..

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина седьмая

Парадный зал королевского дворца. Праздничное мельтешение нарядных гостей. Ленты серпантина, хлопушки. Крики: «Кому мороженого?! Кому лимонада?! Его высочество угощает всех!» На середину выходит церемониймейстер.

Церемониймейстер. Господа! А теперь новое музыкальное сочинение. «Королевская полька»! Кавалеры приглашают дам! Ваше величество, маэстро, прошу!

Король перед оркестром взмахивает палочкой. Музыка. Гости пускаются в пляс. Музыканты и детские голоса исполняют «Королевскую польку»:

Мы, друзья, не позабудем,
Как прекрасным летним днем
На хромом автомобиле
Прокатились с королем.
Тра-ля-ля,
Тра-ля-ля!
Все мы любим короля!

Если лопнула рессора,
Значит, был излишний вес!
Лет примерно через сорок
Мы починим «Мерседес».
Ту-ту-ту,
Ту-ту-ту!
Слышно будет за версту!

В наших рощах нету тигров,
Нету барсов, но зато
Мы пускаем в наши игры
Дрессированных котов!
Тра-та-та,
Тра-та-та!
Разбегайтесь от kota!

Если скрыться не сумели
И не справились с котом,
Вам поможет в этом деле
Храбрый Гуга Кошкин Дом!
Мяу-мяк,
Мяу-мяк!
На носу сидит сыняк!

Принц не танцует. Вместе с Генкой Петухом он выбирается из толпы гостей, вдвоем они отходят в сторону на свободную площадку за колоннами. Петух на сей раз — в матросском костюмчике «приличного мальчика».

Генка Петух. Чего-то ты кислый сегодня, ваше высочество. Почему?

Принц. Сам не знаю...

Генка Петух. Кругом праздник, люди веселятся, а ты как вареная курица...

Принц. Сам ты курица... Я разве виноват, если мне... не веселится? Надоели все эти праздники.

Генка Петух. Потому что ты к ним привык. Потому что принц...

Принц. Мне и принцем быть надоело.

Генка Петух. Тут уж куда не денешься. Я вот из шутов сбежал, а ты из принцев не сбежишь никуда. Разве что в короли, когда твой папа... уйдет на пенсию.

Принц. Этого еще не хватало!

Генка Петух. А чего ты хочешь?

Принц. Сам не знаю.

Генка Петух. А я знаю. У тебя начинается переходный возраст.

Принц. Чего-чего?

Генка Петух. Ну, время такое наступает, когда в душе особое состояние. Называется «томление духа». И хочется первой любви...

Принц. Щас как вделаю по шее...

Генка Петух. Я же серьезно!

Принц. А... у тебя это было? Такое томление...

Генка Петух. Нет еще. Но скоро обязательно будет, я чувствую...

Принц. Да в кого влюбляться-то? В Лизку, что ли? Или в этих крашенных кукол? *(Он кивает на Люминеллу и Гортензию, которые в танце приблизились к нему и к Генке. Потом любезно им улыбается — хозяин бала все-таки. Сестры обрадованно приседают в поклоне.)*

Генка Петух. В том-то и драма. Любви хочется, а влюбиться не в кого...

Принц. Да врешь ты все! Ничего мне не хочется. И никакого переходного возраста у меня нет...

Генка Петух. Значит, ты просто объелся мороженым.

Выпей горячего чая, и оно у тебя в животе растает вместе с грустью.

Принц. Да, правда, что чувства юмора у тебя ни капельки, а чувства ехидства — целая бочка...

Генка Петух. Я тебе дельный совет даю, а ты... Ой, Эдка, смотри! Новенькая...

В зал робко, но грациозно входит Золушка.

Принц. Петух, кто это? Я ее ни разу не видел.

Генка Петух. Понятия не имею... Иди встречай, растяпа, ты же хозяин бала!

Принц спешит навстречу гостье. Он явно смущен.

Принц. Здравствуйте... Добро пожаловать...

Золушка. Здравствуйте... ваше высочество...

Принц. Не надо говорить «высочество». Меня зовут Эдоардо. То есть Эдик... А тебя... а вас?

Золушка. Золушка...

Принц. В самом деле? Вот это здорово!.. Золушка, вы... ты умеешь танцевать?

Золушка. Нас учили в школе, на уроках музыки...

Принц *(вскинув голову к антресолям с оркестром)*. Папа! Давайте вальс «Сказки Унутреннего леса»!

Звучит вальс. Кружатся принц и Золушка, кружатся гости. К Петуху подсакивает Лизка — юная герцогиня Шарлотта-Элизабет.

Лизка. Ой, Генчик, какой ты сегодня красивый! Пойдем танцевать!

Генка Петух. Что-то неохота...

Лизка. Да пойдем! Чего торчать столбом, когда все веселятся!

Генка Петух. Ну, ладно... Я к вашим услугам, сиятельная герцогиня де Бина. Вы сегодня обворожительны... Всегда бы так...

Лизка. Язва ты все-таки, Петух... *(Они кружатся.)* Слушай, а кто это танцует с Эдиком? Не знаешь?

Генка Петух. Знаю, конечно. Заморская принцесса. Не видишь, что ли...

Лизка. Подумаешь, принцесса. Наверно, из какой-то глухомани... У нее и платье-то не современное, сейчас уже не носят такие, сплошь из кружев...

Генка. «Ду» ты и есть «ду»...

Лизка. А ты!.. А ты!.. Я тебе сейчас таких фингалов наставлю! А ну, давай выйдем!

Она вцепилась в галстук Генкиной матроски и тянет Петуха к выходу. Церемониймейстер оставляет мачеху, с которой вальсировал, и спешит навести порядок.

Церемониймейстер. Ваше сиятельство, что вы делаете! Вы же девочка!.. А ты, Генрих, с ума сошел? Я вот скажу отцу, он тебя научит уважать герцогиню!

Генка Петух. Она первая полезла!

Лизка. А он обзывается!

Церемониймейстер. В королевском зале! Стыдитесь, господа!.. Ступайте в буфет и охладите себя лимонадом. Только порознь, порознь, а то опять сцепитесь!

Лизка, показав Генке кулак, удаляется. Через полминуты церемониймейстер отпускает и Петуха. Тот устремляется за герцогиней... Вальс заканчивается. Принц и Золушка отходят в сторону, за колонну.

Принц. Ты так здорово танцуешь! Лучше всех!

Золушка. Правда? Я и не знала... Я ведь очень мало училась. Немножко на уроках да еще дома, когда никого нет...

Принц. Одна?

Золушка. С Зелененьким...

Принц (*слегка ревниво*). А это кто?

Золушка. Это моя игрушка. Деревянный крокодил без хвоста. Я его нашла на свалке. Сестры смеются, мачеха сердится, но я его все равно люблю...

Принц. Значит, ты настоящая Золушка?

Золушка. Не знаю. Так меня зовут...

Принц. А я сперва думал, что ты приехала из-за границы.

Золушка. Ой, что ты...

Принц. Хорошо, что ты живешь недалеко... А почему я не встречал тебя в школе?

Золушка. Я учусь не в той, где ты, а в маленькой, на краю города.

Принц. Знаешь что... Когда я был маленький, мама рассказывала мне сказку про Золушку... А я в ту пору не выговаривал букву «эл» и говорил «Зоюшка»...

Золушка. У меня тоже нет мамы. И даже папы. Он был смотрителем маяка на мысе Шахматный Конь, простудился там во время шторма и умер...

Принц. Можно я буду говорить тебе «Зоюшка»? Иногда...

Золушка. Если хочешь...

Подбегают Генка Петух и Гуга Кошкин Дом. У Генки встрепанный вид, оторванный галстук матроски торчит из кармана.

Генка Петух. А, вот вы где прячетесь! Все уже удивляются: почему его высочество и незнакомая принцесса не танцуют?

Золушка. Что вы, я не принцесса...

Принц (*Генке*). А ты, по-моему, тоже не с танцев сюда прибежал.

Гуга. Он это... объяснялся в любви герцогине де Бина.

Генка Петух. Вот у кого чувство юмора. У нашего Гуги...

Золушка. У меня что-то такое... в голове кружится. Наверное, с непривычки...

Принц. Можно пока не танцевать, а просто погулять по дворцу... Или знаешь что? Давай мы покажем тебе королевские подземелья!

Золушка. Ой... там, наверно, страшно...

Генка Петух. Конечно! В этом главный интерес!

Золушка. Тогда... ладно. Ой, нет! Мне скоро пора домой. Уже поздно...

Принц. Ничуть не поздно! У нас еще уйма времени!.. Подожди минутку!

Он отводит в сторонку Петуха, что-то шепчет ему на ухо. Тот обрадованно кивает и вытягивается.

Генка Петух. Есть, ваше высочество!

Он хватает Гугу за рукав, и они убегают. Принц берет за руку Золушку.

Принц. Ну, идем в подземелья. Там всегда случаются какие-нибудь приключения.

Золушка. Ой...

Принц. Не бойся, ты же со мной!

Интермедия

На пространство перед занавесом Петух и Гуга вытаскивают упирающегося Томми Стрелку.

Томми. Ну, чего вам надо? Там в малом зале аттракционы, я чуть заводного слона не выиграл, а тут вы...

Генка Петух. Наплевать на слона! Томми, ты послушай...

Гуга. Стрелка, тут такое дело...

Генка Петух. Ты бывал здесь с отцом, когда он налаживал во дворце часы?

Томми. Бывал, конечно!

Гуга. А правда, что все часы регулируются с одного электронного пульта?

Томми. Конечно, правда! Я сам этим регулятором стрелки устанавливал, папа разрешил...

Генка Петух. А ты сможешь пробраться к пульту и отвести стрелки на всех часах назад?

Томми. Зачем?

Генка и Гуга с двух сторон шепчут ему в уши.

Генка Петух. Понял?

Томми. Да! Только вы пойдете со мной. Будете отвлекать дежурного гвардейца, а я проберусь к пульту!

Гуга. Бежим!..

Картина восьмая

Сумрачное подземелье королевского дворца. Принц и Золушка, держась за руки, осторожно входят под низкие своды.

Принц. Подожди, здесь где-то был выключатель... Вот!

На стенах загораются тусклые запыленные светильники.

Золушка. Я думала, здесь зажигают факелы...

Принц. Это раньше... Но и сейчас тут много всякого такого... средневекового...

Золушка (шепотом). А привидения?

Принц. Говорят, в прежние времена водились, а теперь куда-то пропали... Но кто их знает.

Золушка. Ай!

Принц. Что?

Золушка. Там... какая-то белая фигура...

Принц. Это не привидение. Это мраморная статуя Эдоардо Тринадцатого, Горбатого. Раньше она стояла в королевском парке, но потом Генкин отец, садовник, нечаянно отбил ей граблими горб и ее поставили сюда...

Золушка. Ой, а там кто?

Принц. Где?... Да это же лошадка! (Он вытягивает из сумрака игрушечного коня на колесиках.) А я и не знал, что она здесь! Кажется, на ней катался еще мой дедушка, Эдоардо Пятьдесят Третий...

Золушка. Добрейший?

Принц. Да...

Золушка. А если он добрейший, то почему бросил лошадку в подвале?

Принц. Не знаю. Забыл, наверно... Я заберу ее в свою комнату, чтобы не скучала... А пока садись! Будешь ездить по подземельям на коне. Они ведь большущие...

Золушка усаживается в седло. Принц тянет лошадь за веревку.

Золушка. Подожди... Там, кажется, кто-то стоит.

Принц. Это не «кто-то», а «что-то». Рыцарские латы. Я хотел однажды взять их к себе наверх, но они прижавели к месту. А забрало у шлема как-ак хлопнет! Чуть мне руку не откусило.

Золушка. Ой...

Принц. Да! Мне даже показалось, что внутри там кто-то сидит.

Золушка. А вдруг правда?

Принц. Можно посмотреть. Хочешь?

Золушка. Нет, лучше не надо... Ой... Слышишь?

Принц. Что? Где?

Золушка. Кто-то шумит и топает... (В самом деле слышны голоса и шум шагов.) Мама! (Золушка вскакивает с лошади и прижимается к принцу.)

Принц. Спокойно! Я с тобой! (Загораживает Золушку, оборачивается на шум и выхватывает шпагу.)

Вбегают Петух, Гуга и Томми.

Генка Петух. Не бойтесь, это мы!

Принц (смущенно убирая шпагу). Никто и не боится. Просто вы топаете как слоны... Услышит стража, и нас попрут отсюда в шею.

Золушка. Разве принца можно так... в шею?

Принц. Ну, если не в шею, то уж королю точно наябедничают. Знаете, как мне влетит...

Генка Петух. Да не прибедайся. У тебя папаша что надо, терпеливее не бывает. Мне бы такого отца!

Томми. А твой папа чем плох? По-моему, садовник фон Кваркус прекрасный человек. Он недавно подарил нашей маме луковицы золотистых тюльпанов.

Генка Петух. Так это он вашей маме — луковицы. А мне... горе луковое. Знаете, как взялся за меня, когда я сбежал из шутов! «Иди, — говорит, — сюда, дезертир». И снимает свой придворный ремень. Я говорю: «А королевский указ!» А он: «Я сейчас напишу тебе на одном месте все указы, конституцию и декларацию прав ребенка...»

Золушка (с горестным сочувствием). И написал?

Генка Петух. Только первую строчку. Потом я проскочил у

него между ног и в окно... Две ночи у Гуги спал, дома не показывался... У Гуги хорошо, только коты по кроватям прыгают и дерутся...

Г у г а. Это не все, а только те, кто остается дома. А большинство уходит гулять на улицу или сюда, в подземелья...

Г е н к а П е т у х. То-то я чую: котами пахнет...

Т о м м и (дурачась). Это не котами. Это привидениями.

З о л у ш к а. А вот и не страшно! Мы уже выяснили, что привидений здесь нет!

П р и н ц. Да... А хотите, чтобы привидение появилось?

Г у г а. Как это?

Т о м м и. Да! Хотим!

Г е н к а П е т у х. Да ну его...

З о л у ш к а. Нет!... То есть да.

П р и н ц. Не бойтесь, оно не совсем настоящее, мне его папа подарил.

Г е н к а П е т у х. Откуда у его величества привидения?

П р и н ц. Вообще-то это государственная тайна, папа мне одному доверил... Но вы же друзья! Не проболтайтесь, верно?

М а л ь ч и ш к и и З о л у ш к а (вместе). Ни за что на свете!

П р и н ц. Дело в том, что в последнее время туристы стали жаловаться: мол, обещали нам показать привидения в королевских подземельях, а на самом деле ни одного там нет. Давайте обратно билеты!.. Вот король и попросил мастера Карлоса фон Ура...

Т о м м и. Моего папу...

П р и н ц. Да. Попросил его что-нибудь придумать. Дядя Карлос ведь очень ученый человек и мастер на все руки... Вот он и выдумал особые газовые баллончики. Выпустишь газ, а он не улечивается, а принимает вид призрака. Ну, например, черного монаха, или скелета в саване, или старой завучи королевской гимназии... И это привиденческое облако не рассеивается несколько дней, летает себе вместе со сквозняками...

Г е н к а П е т у х. Вот это да!

Г у г а. А в твоём баллончике кто?

П р и н ц. Не знаю. Давайте выпустим и поглядим.

З о л у ш к а. Давайте!.. Можно, я возьму тебя за руку?

Т о м м и. Подождите... Кажется, тут где-то настоящее привидение. Слышите, воет?

Все прислушиваются. Золушка торопливо берет принца за руку. Принц нащупывает рукоять шпаги.

Г е н к а П е т у х. Это не привидение, это Гугины коты...

Г у г а. У котов не такие голоса, я их все знаю...

П р и н ц. Тише... Я, кажется, понял. Это не коты, а старый граммофон! Здесь где-то сидит бывший министр Унутренних дел, который украл кирпичи. И крутит пластинку, чтобы не скучно было.

Нарастает звук. В нем можно угадать мелодию песни про Унутрию, только звучит она сипло и фальшиво.

Г е н к а П е т у х. Это, кажется, в той стороне. Пошли, поглядим...

Из сумрака выступает массивная дверь с большим висячим замком. В ней светятся щели. Мальчишки и Золушка приникают к щелям.

З о л у ш к а. Песня хорошая. А дядька противный... Что он там делает?

П р и н ц. Перевоспитывается...

Г у г а. Не перевоспитывается он, а трескает сладкие пирожки и сосиски.

Т о м м и. Куда столько лезет в человека. Он и так толстый, как бочка!

Г е н к а П е т у х. Кажется, ему там совсем не плохо...

П р и н ц. Сейчас будет плохо. Сейчас мы познакомим его с тем, кто в баллончике... Ну-ка, где здесь щелка пошире... пустите-ка. Внимание... Раз. Два. Три...

Раздается зловещное шипение и быстро стихает. Воцаряется тишина. Ребята прижались к щелям.

З о л у ш к а. О-ой! Какое страшилище...

Г а н ц-Б у д к а (за дверью). Вам чего?.. Вы кто?.. Что такое?! Ой, мамочка! Не надо! Я больше не буду!

Ребята давятся от хохота и сталкиваются головами у щелей.

Г е н к а П е т у х. Как забегал!

Г у г а. А оно за ним!

З о л у ш к а. Мальчишки, мне его жалко...

П р и н ц. Ничего! Оно же его не съест. А побегать министру полезно...

Г е н к а П е т у х. Сбросит лишний вес...

Г у г а. Смотрите, он прыгнул в граммофонную трубу! Как в воронку!

Т о м м и. И вылезает с обратной стороны! Тонкий, как кишка!

З о л у ш к а. Жалко его. Как похудел...

Г е н к а П е т у х. Это полезно для здоровья!

Т о м м и. Привидение летит сюда! Сейчас пролезет в щель!

И правда, сквозь дверь просачивается туманно-белое существо с горящими глазами.

Золушка. Кыш отсюда! Мы тебя не боимся!
Генка Петух. Иди, иди! Все равно ты синтетическое!
Гуга. Лети, пугай кошек! Они тебя на клочки...

Все машут кто чем. Генка — оторванным галстуком, Золушка — платочком, Гуга и Томми — ладонями, будто разгоняют угар. Принц на всякий случай вытаскивает шпагу. Привидение колыхнется в воздухе и обиженно удаляется.

Принц (*вкладывая шпагу*). Теперь оно надолго поселится в подземельях. Воздух здесь неподвижный...

Генка Петух. Надо привести сюда Лизку и ее подружек. Вот завизжат...

Появляется бывший министр Унутренних дел — в новом облике: удивительно худой и длинный.

Генка Петух. Вот это кишка!

Ганц-Будка (*изгибаясь, как водоросль в струях воды*). Здравствуйте, господа! Вы тоже привидения? Но я вас уже не боюсь. Не-е-ет! Мне уже все равно...

Принц. Мы не привидения. А вы почему здесь, господин Ганц-Будка? Вам же велено сидеть под арестом!

Ганц-Будка. Я проник в щель между кирпичами. Теперь мне это очень просто. Видите, какой я стал?

Принц. Видим, видим. Но это вы снаружи совсем новый, а внутри, наверно, прежний.

Ганц-Будка. О, это вы, ваше высочество!.. Нет-нет, внутри я тоже другой. Передайте, пожалуйста, папе, что я совершенно перевоспитался.

Золушка (*тихонько принцу*). Да. Видишь, он стал совсем другим человеком...

Принц. Хорошо. Я попрошу папу, чтобы он назначил вас на должность королевского гардеробщика. Вам будет удобно дотягиваться до самых высоких вешалок.

Ганц-Будка. Благодарю вас, ваше высочество. Не смею более злоупотреблять вашим вниманием... Ах, где-то играет музыка! Наверху, кажется, праздник! Я спешу туда! Я так давно не танцевал...

Пятясь и кланяясь, господин Ганц-Будка удаляется.

Генка Петух. Представляю, что сейчас начнется в зале...

Раздается гулкий удар колокола.

Золушка. Ой, что это?
Томми. Ох... Это часы на площади! Они ведь не подчиняются пульту! Я забыл...
Генка Петух. Растяпа!
Принц. Стрелка не виноват!.. Золушка, не бойся!
Золушка. Но часы бьют полночь!
Принц. Ну и что?!
Золушка. Пустите! Пожалуйста!..
Принц. Не уходи!
Золушка. Но вы же не знаете! Ой, что сейчас будет...
Генка Петух. Ничего не будет!
Томми. Мы тебя не дадим в обиду!
Гуга. Разве тебе здесь плохо?
Принц. Золушка, останься!.. Я тебя не пушу!

Мальчишки обступают Золушку, загораживают дорогу. Она делает еще слабую попытку убежать, потом закрывает ладонями лицо, больше прерывается в серые тряпки. Блестящая коронка рассыпается, туфельки тускнеют. И вот последний удар... Принц осторожно пытается отодвинуть руки Золушки от лица.

Принц. Не плачь... Ну, что с тобой? Ничего же не случилось!
Золушка (*со слезами*). Как не случилось? Разве вы не видите... какая я?
Принц. Какая? Ты... хорошая... Зоюшка...
Золушка. А мое платье...

Мальчишки переглядываются, пожимают плечами. Прыскают от смеха. Не выдержав, начинают хохотать. Даже принц, хотя и боится обидеть Золушку, тоже не может удержаться.

Принц. Что — «платье»? О чем ты?
Гуга. Все девчонки одинаковы!
Томми. Даже золушки...
Генка Петух. Реветь из-за каких-то тряпок!
Принц. Нашла о чем слезы лить! Пошли танцевать!
Золушка. Но как я... в этих лохмотьях...
Принц. При чем тут лохмотья! Все равно ты... самая замечательная Золушка! Идем!
Золушка. Но все будут смеяться...
Принц (*трогая рукоять шпаги*). Я им посмеюсь!

Генка Петух. Да! Они еще не видели его высочество в ужасном гневе! Правильно, Эдка?

Принц. Правильно, правильно... Идем! Ну... Зоюшка...

Золушка чуть улыбается. Мальчишки, успокаивая и уговаривая, уводят ее. Медленно проплывает синтетическое привидение.

Картина девятая

Снова главный зал дворца. Танцы в разгаре. Но музыка постепенно стихает, пары замирают, и все поворачиваются к входящим. Расступаются. Принц независимо вводит Золушку на середину зала. Раздаются смешки. Золушка опять закрывает лицо ладонями.

Принц. Не бойся... *(Всех обводит суровым взглядом.)*

Гости опускают глаза. Некоторые дамы и девчонки на всякий случай даже приседают в книксене. Принц вскидывает голову.

Принц. Музыка! Вальс «Счастливые каникулы»!

Король — в самом деле замечательный папа. Он кивает с пониманием и делает знак музыкантам. Звучит мелодия вальса. Принц подхватывает Золушку, и в танце она постепенно обретает прежнюю радость. Кое-кто вслед за принцем и Золушкой тоже начинает танцевать. А Лионелла, Гортензия и Лизка собираются в кучку, сплетничают и хихикают, оглядываясь на Золушку.

Лизка. Вот что значит застревать на чужом балу дольше, чем позволено. В награду — старые тряпки...

Подходит Петух.

Генка Петух. Коровы! Ничего не понимаете! Это новейшая мода! Бальный туалет «А-ля Золушка», так сейчас одеваются на праздники в Париже и Токио...

Он удаляется, всем своим видом презирая бестолковых девиц. Те моргают, потом бурно шепчутся и, наконец, торопливо покидают зал. Вальс заканчивается. Принц уводит Золушку в тихое место за колоннами.

Принц. Ну вот! А ты боялась!

Золушка. Все равно... как-то не по себе...

Подбегают Петух, Томми и Гуга.

Генка Петух. Чего это тебе не по себе? Смотри, как девицы вранули из зала! Одна за другой!

Золушка. Я их так напугала?

Томми. Наоборот! Ты их вос-хи-тила!

Гуга. Они побежали разыскивать королевского завхоза, чтобы выпросить старые мешки для платьев!

Генка Петух. Для таких же, как у тебя! А завтра мешковину в лавках будут продавать дороже бархата...

Томми. И на следующем балу все девицы будут в мешках изпод сахара и картошки!.. Смотри, а эти успели уже!

Лионелла, Гортензия и Лизка со скромной гордостью шествуют по залу в подобиях подпоясанных веревками платьиц из дерюги. Остальные девицы и дамы завистливо шепчутся... Принц что-то говорит на ухо Генке. Тот кивает, и — нет его.

Золушка. Ребята... Я такая счастливая сейчас... Даже страшно подумать...

Принц. Опять страшно? Да почему?!

Золушка. Потому что все равно когда-нибудь придется возвращаться... к маме и сестрицам...

Принц. Еще чего! Ты останешься во дворце! Будешь придворной фрейлиной... пока ты... пока мы не подрастем.

Золушка. Ой, нет. Фрейлиной не надо. Домой не хочется, но и фрейлиной почему-то тоже...

Принц. Тогда ты будешь... просто Золушкой! Нет, самой главной Золушкой из самой лучшей сказки! Согласна?

Золушка. Я... не знаю...

Гуга и Томми. Согласна, согласна!

Подбегает Петух. Что-то отдает принцу.

Принц. Вот, это тебе... Зоюшка. Теперь ты опять как заморская принцесса, ничуть не хуже... *(Он укрепляет на волосах Золушки хрустальную коронку.)*

Золушка. Я понимаю. Да... Конечно, это сон...

Принц и все мальчишки. Нет!!

Золушка. А тогда... можно мне будет взять во дворец моего Зелененького?

Генка Петух. Принц пошлет за ним королевского курьера. Да, Эдик?

Принц. Да!.. И мы возьмем Зелененького в наше плавание.

Золушка. В какое?

Принц. Завтра начинаются каникулы. Папа обещал мне отдать лодку, в которой он плавал, когда был мальчиком. С мачтой и парусом! Мы отправимся в путешествие по всем рекам и озерам Верхней Унтрии.

Золушка. А нас отпустят одних?

Принц. Конечно! Что мы, маленькие? Ну и... папа даст нам в королевские советники дядю Руппеля, своего шофера. Все равно рессора лопнула, «Мерседес-бумс» на приколе и папаша Руппель без работы...

Все, даже Золушка, дружно кричат «ура», Петух лихо прошелся колесом... Вдруг раздается гром, в окнах вспыхивают разноцветные огни.

Золушка. Ой, что это? Война?

Принц. Это праздничный фейерверк! Бежим в парк, посмотрим! У нас впереди еще половина праздника!..

Генка Петух. И сто дней каникул!

Ребята убегают. На их место неторопливо выходит господин Ганц-Будка под руку с привидением.

Ганц-Будка. Поверьте мне, сударь, что должность королевского гардеробщика ничуть не менее ответственна, чем должность министра Унутренних дел. Известно, что театр начинается с вешалки, а дворец разве не тот же театр? Как и вся наша жизнь. Здесь тоже постоянно случаются и драмы, и комедии. И сказки...

Привидение вежливо кивает. Опять раздаются залпы, и ночь за окнами озаряется цветными сполохами. Гости, повернувшись к окнам, аплодируют. Жизнеутверждающе звучит мелодия «Великой Унутрии».

Занавес

ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

Литературный сценарий
по одноименной повести-сказке

Девятилетний Антошка Топольков сидел у стола и меланхолично рисовал многолапое страшилище (как потом станет понятно — Крокопудру). Антошкин отец собирался в командировку. Зашел в комнату к сыну. Остановился у него за спиной. Понаблюдал, вздохнул:

— Слишком он у тебя печальный, этот зверь...

Антошка тоже вздохнул:

— А чего ему веселиться?.. И мне...

— Я понимаю... Грустно, конечно, когда все друзья разъехались кто куда. Ну да жизнь-то, она длинная, встретитесь еще...

— Наверно... Но где и когда, — сказал Антошка, нехотя пририсовывая зверю лохматое ухо.

— Все равно киснуть не надо. Сходи в клуб «Ковер-самолет», там всегда весело. И наши ребята там тебя любят.

— Папа, это они *тебя* любят, своего друга и наставника. А меня просто так, заодно...

— Не выдумывай... Давай сходи. Передашь ребятам, что я вернусь прямо к празднику. А пока за старшего остается Сеня Лапочкин. Скажи ему, пусть работают по-ударному, чтобы на параде быть с новой моделью. Вот, отдашь чертеж, я только что закончил...

Иван Федорович Топольков положил поверх Антошкиного рисунка футляр с чертежом.

Антошке было все равно — или рисовать, или идти куда-то. Но все же шевельнулось любопытство:

— Папа, а можно посмотреть?

— Посмотри. Только потом сверни аккуратно и поскорее неси в клуб. А мне пора на поезд... Постарайся не унывать, договорились?

— Ага... — не очень уверенно кивнул Антошка. Отец похлопал его по плечу. Антошка потерся щекой о его рукав. — Приезжай скорее...

Потом Антошка проводил отца до двери. Вернулся в свою комнату. Расстелил на столе ватманский лист.

— Ого... — заметил он со сдержанным одобрением. Самолет был узкокрылый, сразу видно — легкий и быстрый. Антошка зажмурился, представил, что у него в ладони ручка управления. Зашуршал мелькающий пропеллер, воздух откинул Антошкины волосы. Навстречу все быстрее, быстрее поплыли пухлые облака. Антошка улыбнулся, открыл глаза. Вместо вертящегося винта теперь была перед глазами висевшая над столом фотография. На ней — сидящие рядом на косом заборе четверо мальчишек, в том числе и сам Антошка Топольков.

Казалось, друзья смотрели на Антошку (и сам он на себя) требовательно, словно желая сказать: «Ну, ты же понимаешь, что надо делать».

Антошка, кажется, понимал, но... как на такое решиться? Он опять зажмурился. И вновь увидел себя в самолете, волосы откинуло потоком от винта. Открыл глаза — опять смотрят ребята. Да еще и песенка пробилась сквозь тишину — та самая, их песенка...

Ант-арк-ти-ДА!
Здесь ни снега нет, ни льда!
Только летняя трава,
Только неба синева.

Мы сбежимся поутру,
Мы сойдемся в тесный круг —
Ант-арк-ти-ДА!
Не страшна нам здесь беда...

— Ребята, но так ведь, наверно, нельзя...

А они смотрели. Мол, нельзя, разумеется, но если нет другого выхода...

Антошка сполз со стула. Оглянулся на чертеж. Постоял, опять зажмурившись и обняв себя за локти. Подошел к двери, запер ее на задвижку. На ослабевших от нерешительности ногах вернулся к столу. Под ребячьим фотоснимком был приколот другой — Антошка и отец. Топольков-старший, он... как-то непонятно смотрел. Антошка вынул из стакана с карандашами один, другой, попробовал их на ладони. Опять глянул на портрет отца.

— Па-а... Ты ведь не очень рассердишься, да? А если очень, то... потом ведь все равно простишь, да?

Затем он вздохнул очень глубоко, сжал губы. На уровне груди сцепил мизинцы (это был у друзей такой обычай). Громким шепотом выговорил пароль-заклинание:

— Ант... Арк... Ти... Да! — И на последнем слог рывком раздернул пальцы.

После этого он не колебался. Тонким стержнем начал приписывать к числам на чертеже аккуратные ноли...

Антошка с чертежным футляром под мышкой спешил по улицам. Прыгал через заросшие одуванчиками канавы, перебегал мостки, на ходу почесывал ужаленные в сорняках ноги, выдергивал из волос прицепившиеся в высоких зарослях репы. В такт быстрым шагам над Антошкой передвигались под облаками колокольни, башни и тополиные кроны старинного города Колокольцева.

Антошка пролез в щель забора, припустил через обширный пустырь. Но... замедлил шаги. Нельзя просто так промчаться через это место. Оглянулся, подошел к забору. На досках было нарисовано мелом страшилище с хитровой рожей.

— Крокопудра, здравствуй...

— Привет, — отозвался Крокопудра, шевельнувшись, как в кадре мультфильма.

— Скучаешь, да? — спросил Антошка слегка виновато.

— Да ведь и ты скучаешь...

— А я... я уже нет! — захотелось Антошке поделиться радостью. — Потому что у меня есть план...

— Какой?

— А вот... — Антошка оглянулся, наклонился к оттопыренному уху страшилища и зашептал.

— Ух ты... — Другое ухо Крокопудры от удивления встало торчком. — Думаешь, получится?

— Обязательно! И мы опять будем собираться вместе!.. И тебя навещать...

— Ладно! И больше не пугайтесь меня.

— Да мы и не пугались по правде! Мы же сами тебя нарисовали. Ты только снаружи такой... пугательный, а по характеру самый добрый!.. До встречи!

Крокопудра помахал вслед Антошке нарисованной лапой.

В обширной, увешанной самолетными моделями мастерской Антошка развернул перед большими ребятами чертеж.

— Вот. Папа сказал, что к празднику надо успеть обязательно... А тебе, Сеня, велел быть за старшего.

Десятиклассник Сеня и его товарищи склонились над листом.

— Вот это размерчики!
 — Натуральный Ил-62!
 — Антон, а зачем такой громадный-то? Иван Федорович не сказал?

— Он... сказал... — Не хотелось Антошке врать, но куда денешься? — Он... это... Чтобы всех удивить на физкультурном параде. И просил, чтобы двигатель поставили от картинга, ну, вы знаете... чтобы пропеллер крутился, как настоящий...

— А как мы его потащим-то? — засомневался один из ребят. — Во какая будет машина!

— Папа сказал: будем катить впереди колонны... И еще просил сделать в кабине сиденье... два...

— Зачем? — подозрительно спросил Сеня.

— Ну... — Антошка изобразил смущение. — Потому что я напросился... чтобы на параде быть в самолете... Я ведь легкий...

— П-понятно... А второе сиденье для кого?

Антошка смутился по-настоящему:

— На всякий случай...

— А когда мы успеем построить-то? — снова усомнился кто-то из авиамodelистов.

Сеня оглядел ребят:

— Раз Иван Федорыч сказал, успеем. В авиации приказы не обсуждаются. В авиации они... что?

— Ис!..

— Пол!..

— Ня!..

— Ют!..

— Ся!.. — гаркнули строители моделей, умевшие и любившие работать.

— А можно я буду помогать? — обрадованно сунулся вперед Антошка.

— Даже нужно, — строго сказал Сеня. — Работы невпроворот. Ну-ка, народ, взяли...

Лист подняли за углы и прикрепили к стене. Самолет с чертежа как бы придвинулся к Антошке...

И вот легонький полупрозрачный самолет стоит в траве, на краю стадиона. Кругом ребята в пестрых спортивных костюмах, шум, смех, взлетают разноцветные шарики, где-то звучит оркестр. Скоро начало физкультурного праздника. Антошку подсадили в кабину.

Сеня нервничал:
 — Помнишь, где кнопка запуска?
 — Помню...
 — Как выйдем на главную линию, нажмешь. Только на газ сильно не дави, пусть винт закрутится, и хватит этого. Понял?
 — Да понял, понял... Я ведь уже репетировал...

Антошка уселся на переднее сиденье. Перед ним щиток с приборами, ручка управления. Впереди, за выпуклым оргстеклом, пространство стадиона. Много людей, но много и зеленого простора... Антошка три секунды посидел с закрытыми глазами, собрался с духом, сцепил мизинцы.

— Ант... Арк... Ти... Да! — Он рванул в стороны руки и вдавил большой палец в красную кнопку. Пропеллер махнул лопастями и превратился в сверкающий круг.

— Эй! Ты что?! Кончай! — перепуганно закричали с земли.

Он перегнулся через борт кабины:

— От винта!

— Антон, прекрати, папе скажу!

— От винта!! — И он нажал газ сильнее. Самолет нехотя двинулся вперед. Все, кто был перед ним, кинулись в стороны. Антошка, испуганный и упрямый, наращивал обороты мотора. Легонький аэроплан задрожал, разбегаясь по траве. Антошка, словно обрывая последние нити, закусил губу и двумя руками потянул на себя ручку управления. Мелькнул под колесами край забора. Быстро стала уходить вниз земля. Маленькими сделались пестрые фигурки спортсменов...

— Это что? Я... по правде лечу? Ох, хорошо, что папа не успел приехать. Папа, не сердись... Ура...

Антошка понажимал педали — самолет послушно покачался. Антон пошевелил ручкой — самолет слушался и руля. Оказалось, что все не так уж сложно...

— Ты... ты замечательная машина. Я буду звать тебя... «Стрекозка»!

Внизу поворачивался под крыльями старинный Колокольцев. А вокруг него — синие лесные дали.

— Стрекозка, летим к ребятам! Сначала к Аркашке, в Голубые Холмы... Сейчас... — Осторожно убрав одну ладонь с ручки управления, Антошка достал из-под праздничной рубашки с погончиками припасенную заранее карту. Сидеть приходилось, сильно откинувшись к спинке, колени торчали на уровне плеч. Антошка пристроил карту к ногам, как к мольберту. Вынул из нагрудного кармашка, взял на ладонь маленький компас. — Нам

надо на север... Давай... — Он повел влево ручку. Самолет послушался, но... вдруг чихнул мотор. Снова, снова... Лопасты винта стали вертеться тише, замелькали, остановились. Самолет клюнул носом, пошел к земле. Антошка отчаянно вцепился в ручку.

— Стрекозка, ты что!.. Не надо...

Он вдруг увидел: красная черта одного из циферблатов — на ноле.

— Горючее кончилось... Как я не догадался, что его мало!

Самолет шел к земле со свистом.

— Стрекозка, не бойся, мы не грохнемся! Мы же легонькие! Держись!.. — Антошка вновь потянул ручку на себя. Над пустой зеленой поляной, недалеко от стадиона «Стрекозка» летчика Антошки выровняла полет, коснулась колесами травы, запрыгала по кочкам. Остановилась.

Антошка посидел, приходя в себя, встал, перевалился через борт, ладонями и коленками упал в лебеду. Встал, затолкал за поясок мятую карту.

Из-за сараев и заборов спешили люди. Впереди решительно шагала крупная женщина с учительской прической. Рядом семенил худенький милиционер, время от времени он дул в свисток. Антошка съезжил плечи, согнулся и стал отклеивать от колен прилипшие травяные листики. Исподлобья смотрел на тех, кто приближался. Потом выпрямился, опустил голову и стал ждать грозных слов, упреков и наказания.

Среди подбежавших оказался папа.

— Негодный мальчишка... Ты чуть не довел меня до инфаркта. Я только что приехал, спешу на стадион, а там... Как ты посмел? Откуда этот самолет?..

Антошка молчал. А что он мог сказать. Насчет инфаркта — это ведь, наверно, правда...

Милиционер нацелился ручкой в вынутый из сумки блокнот.

— Граждане, сохраняйте порядок... Фамилия, имя-отчество нарушителя? Возраст и род занятий?

Дама рядом с милиционером приняла монументально-обличительный вид:

— Он из третьего класса «Б» школы номер семь. Я Вера Северьяновна Холодильникова, завуч этой школы. А он — Антон Топольков, отпетый двоечник и первый в школе нарушитель дисциплины!

Среди собравшихся послышался ропот. Что бы там ни случилось, а не был этот третьеклассник похож на первого нарушителя. Слегка помятый, но все же этакий «приличный ребенок» в го-

лубом летнем костюмчике, словно специально сшитом для полета — с вышитым на кармане старинным аэропланом. Виноватый и испуганный. Иван Федорович Топольков посмотрел на сына, на завуча.

— Да, вы правы... но... все-таки... уважаемая Вера Северьяновна, может быть, не совсем он отпетый?.. Антон, скажи сейчас же, что ты больше не будешь.

Антошка стрельнул в Веру Северьяновну взглядом из-под ресниц.

— Я... вовсе я не двоечник...

— Нет, так будешь! По поведению! Товарищ милиционер, пишите протокол!..

— Не надо протокола... — вдруг раздался мягкий, но властный голос. Неизвестно откуда рядом с Антошкой возник высокий мужчина в синей форме с галунами, с «крылышками» на фуражке. — Очень прошу вас, граждане, успокойтесь. И оставьте мальчика. Он находится под охраной Сказки...

— Что? Что такое? Под какой охраной? — нерешительно вознегодовала завуч.

— Под охраной Сказки. — Летчик положил руку на Антошкино плечо. — В этой Сказке очень нужен Летчик для Особых Поручений.

Над Антошкой были белые кучевые облака. И на фоне этих облаков наконец возникло название фильма:

Летчик для Особых Поручений

На кирпичной стене, над обшарпанной дверью, были прибиты две вывески:

Красный уголок д/у № 11

А ниже:

Детский театральный коллектив
«ВДОХНОВЕНИЕ»

Руководительница «Вдохновения» — сухопарая, похожая на пожилую актрису Олимпиада Викторовна — отчитывала электрика. При этом не выговаривала букву «р»:

— Безабуазие! Когда вы отвемонтивируете вентиляцию? В квасном уголке невозможно уаботать...

— Бут сделно! — суетливо обещал оробевший электрик. — Нынче же. Вот как кончите занятия... — И засеменял подальше

от неприятностей. Олимпиада Викторовна устремила ему вслед острый палец:

— Я не могу воспитывать в детях чувство пвекуасного, когда в помещении духота и сывость!

Она оглядела собравшихся у двери юных актеров (некоторые удобно устроились на приставной лестнице).

— Дети, пова! Пова на вепетицию! Аутистический твуд не тевпит уасхлябанности...

Пора так пора! Девчонки и мальчишки один за другим стали исчезать в двери — следом за Олимпиадой Викторовной. Остались два мальчика лет одиннадцати — Алешка и Стасик.

Алешка оглядывался — явно кого-то ждал. Стасик тоже не спешил, сидел на перекладине лестницы.

— Ты чего не идешь? — спросил Алешка.

— Машка же еще не пришла. Без примадонны не начнут...

Алешка чуть поморщился, уловив иронию в адрес Маши. Но больше ничем не выдал досаду. Стасик лениво потянулся:

— А кроме того, я вообще уже не артист. Все равно не дотяну до премьеры. Мы скоро уезжаем. Насовсем...

— Далеко? — поинтересовался Алешка без огорчения. Потому что они со Стасиком не были приятелями. Так, знакомые...

— Дальше некуда. Во Владивосток...

— Ух ты! Самолетом?

— Ага...

— Здорово... Я бы тоже хотел. Я еще ни разу не летал... А ты?

— Я летал. Только не на большом, а на спортивном.

— Это, наверно, даже интересней, чем на лайнере... Как это тебе повезло?

— Я прошлым летом жил у деда, в Карусельске, там недалеко заброшенный стадион... Однажды я бродил рядом с ним и вижу — самолет кружит. Будто ищет, где сесть. Я тогда выбежал на поле, упал в траву и раскинул руки буквой Т...

— Это как посадочный знак, да? Чтобы зайти против ветра!

— Да. Летчик посадил машину, покопался в моторе, а потом спрашивает меня: «Хочешь прокачу?» Я, конечно, сказал «хочу»... Ну и полетели мы. Три круга сделали.

— Страшновато было?

— Сперва, самую малость. А потом — сплошная радость... Летчик сказал: «Может, еще загляну к вам, прокачу снова»... Но больше не прилетал. Я целый месяц у поля торчал, ждал. Бывало, что даже ночью дежурил...

— Ночью-то зачем?

— Ну, мало ли... Думал, вдруг прилетит в темноте, начнет кружить, а я включу фонарики... Ага, вот и наша звезда!

Алешка даже не стал досадовать на новую Стаськину насмешку. Просто поспешил навстречу показавшейся из-за угла Маше.

— Маша, здравствуй!

— Ой, Алешка! Привет... — Она была, как всегда, самая замечательная, самая симпатичная.

— Ты почему вчера не была на репетиции?

— Я отпросилась... Ой, Алешка, у кого-то каникулы, а у меня каторга. Английский, бассейн, музыка. И еще этот спектакль... А ты почему не в помещении? Тебе попадет от Олимпиады Викторовны.

— Да она и не заметит. Подумаешь, стражник из массовки! Не принц ведь...

Принц (мальчишка лет тринадцати, худой, с рыжими кудрями) стоял на сцене. Он был в костюме средневекового инфанта и от этого казался еще более тощим. Олимпиада Викторовна давала ему наставления:

— Пви встече с Золушкой ты должен поклониться по всем пуавилам двовцового этикета. Колено стгибаешь, левая вука в стовону, певьями шляпы как бы подметаешь пол у ее ног... Попуобуй...

— Но ведь шляпы-то нет...

— Пока попуобуй без нее. А потом у тебя будет шляпа с певьями, шивокополая, из мягкого фетва...

— Из чего шляпа? — шепотом спросил Алешка у Маши.

— Из фетра. Такой материал, специально для шляп...

— А, вот и Машенька! — обрадовалась Олимпиада Викторовна. — Готовься, сейчас начинаем!.. Остальные пока могут погулять...

Алешка снова вышел во двор. Стасик по-прежнему сидел на лестнице.

— Ты чего опять бездельничаешь?

— А... — Алешка махнул рукой, пристроился рядом. — Чего там делать? Смотреть, как этот юный гений поклоны репетирует? «Пуинц квивоногий». Шпага висит, как зонтик на торшере. Он с ней даже обращаться не умеет.

— А ты умеешь?

— Я полгода в фехтовальной секции занимался, пока тот клуб не закрыли.

— А почему закрыли?

— Помещение под магазин понадобилось. Рыночные отношения...

— Ты, наверно, злишься, что этот принц перед Машенькой расшаркивается, — пронизательно заметил Стасик.

— Больно надо!.. Слушай, а ты про самолет правду сказал, как летал на нем? Или так... фантазия?

— Никакая не фантазия! У него мотор зачихал, вот он и сел. Летчик сказал, что какой-то там цилиндр забарахлил...

Алешка вдруг хихикнул.

— Ты чего? — покосился Стасик.

— Ты сказал «цилиндр», и я представил шляпу. Высокую, как у Евгения Онегина. И подумал — вот бы в такую обрядить принца! Потому что у него никакой нет. Он бы стал еще длиннее.

— Дался тебе этот принц... А цилиндр я могу одолжить, если надо. У нас есть дома...

— Откуда?!

— Ну, не от Евгения Онегина, конечно. Дед раньше в Таллине жил, у него там был знакомый трубочист, их в Таллине много и все ходят в старинных цилиндрах, обычай такой. Вот этот трубочист и подарил свою шляпу деду на память... А дед — мне, когда я в третьем классе на утреннике Пушкина играл...

— Алешка! — послышалось от дверей.

Алешка мигом слетел с лестницы, потому что звала его Маша.

— У нас перерыв в репетиции. Олимпиада Викторевна сказала, что надо пойти к ее знакомой, за шляпами для спектакля. У той целая коллекция. Спросила, кто хочет пойти. Я сказала, что я... и еще ты. Пойдешь?

— Конечно!.. А этот... принц? Он тоже пойдет?

— Да ну его! Он мне и без того надоел. Кошмар такой, мне с ним полспектакля играть, я не знаю, как выдержу...

Алешка заулыбался.

Они шли с Олимпиадой Викторевной к пенсионерке Софье Александровне. Олимпиада Викторевна вводила Машу (и заодно Алешку) в курс дела:

— Мы с Соничкой давние подвуги, раньше она работала в том же театре, что и я...

— Артисткой? — неосторожно поинтересовался Алешка. Маша украдкой дернула его за рукав.

— Нет, она, как и я, была костюмовом... В театральном искусстве твобуется мастерство многих профессий, а не только актерские даваования... — Олимпиада Викторевна глянула на Алешку весьма строго. — Без костюмеров невозможен ни один спектакль... Софья Александровна была специалистом по шляпам, у нее и сейчас гвомадная коллекция, к Соничке обващаются многие теуатвы. И нас она, без сомнения, вывучит. Потому что мы ставые подвуги...

Софья Александровна жила в старинном домике на краю оврага, в Лопуховом переулке. Она встретила гостей на покосившемся крыльчке, сквозь которое проросли лопухи.

— Липа!

— Соничка!

— Моя дорогая...

— Мы не виделись сто лет... Соничка, ты не боишься, что твой дом скво совсем съедет в оуаг? Тебе нужна новая кваутива. Ты ветеван театвального дела!

— Мне предлагают однокомнатную, но нужна еще комната для коллекции, а ее не дают. Даже смеются!..

— Какое бессеудечие!.. Соничка, мы по делу. Вот два моих юных таланта...

— Какие чудесные дети! Входите, милости прошу...

— ...Садитесь, мои милые, — пригласила Софья Александровна, когда оказались в доме.

Но садиться было некуда. Всюду — на диване, на стульях, на столе были шляпы (и на стенах, конечно!).

— С ума сойти... — шепотом сказала Маша.

— У нее здесь, наверно, даже шапка-невидимка есть, — так же таинственно отозвался Алешка.

Пока две старые подруги вели в сторонке беседу, состоявшую из неразборчивых фраз и восклицаний, Алешка и Маша оглядывались. В комнате, кроме шляп, было немало интересных вещей. Старинные подсвечники, граммофон с трубой-репродуктором, фарфоровые статуэтки, вставшая на дыбы фаянсовая лошадь на комод. Алешка хотел разглядеть лошадь поближе, шагнул... Ой!.. Из-под наваленных на комоду треуголок, канотье и киверов выскочил большой кот.

— Мальчик, не бойся, это Казимир... Казимир, негодник!.. Он такой сорванец, хотя уже в годах...

Алешка и не боялся. И на Казимира не смотрел. Он увидел не-

что более интересное. Шляпы рассыпались и открыли стеклянный ящик, похожий на аквариум. Но за стеклом не было ни рыб, ни воды. Там стояла модель парусного корабля.

Алешка прилип к комоду. Рядом дышала Маша.

— Какой замечательный, — шепнула она у Алешкиной щеки; глядя на кораблик.

— Это клипер-фрегат...

Маша придвинулась еще ближе, ее волосы защекотали Алешкино ухо.

— Хочешь, признаюсь?.. Я, когда была маленькая, хотела стать моряком...

— А сейчас?

— Ну, сейчас... Я понимаю, что девочек не берут...

— Иногда берут. Я кино смотрел про женщину-капитана.

— Я знаю... Но это трудно. А тогда я думала, что легко. Мне казалось, что для этого главное — чтобы был матросский воротник, остальное само собой получится. Даже ревели, просила у мамы платье с таким воротником. И добилась... Это в первом классе было...

— А у меня и сейчас матросский костюм есть. Мама купила прошлым летом, когда мы в Ялту ездили. Воротник большой, будто синий флаг. Когда хлопал на ветру, казалось, будто крылья...

Они, сдвинув головы, смотрели на маленький клипер.

— Паруса обвисли, — вздохнул Алешка. — Ветер им нужен. А здесь только пыль да тараканы...

— Да кукушка... — вздохнула Маша, оглянувшись на старинные часы. Там высунулась из окошечка облезлая пичуга и один раз нерешительно сказала «ку-ку».

Алешка на часы не взглянул, по-прежнему смотрел на кораблик.

— Я вообще не понимаю, как он здесь оказался? Это же корабль, а не шляпа...

Софья Александровна и Олимпиада Викторовна говорили о своем:

— Представляешь, Липочка, они предложили мне за настоящий гусарский кивер времен Павла Первого дырявое мексиканское сомбреро...

— Какое повзительное невежество...

Алешка набрался смелости и громко сказал:

— Софья Александровна, извините, пожалуйста. Не могли бы вы сказать, откуда у вас эта модель?

— Ах, какой славный мальчик... Да-да! Это интересная вещь!

Правда, у меня она случайно. Много лет назад здесь жил квартирант, старичок, он ее и сделал. Потом он умер, а кораблик остался у меня. Очень милая вещица, но я в таких не разбираюсь... Телестудия предлагала мне за нее металлический шлем четырнадцатого века, но он оказался подделкой...

А кораблик с обвисшими парусами словно прислушивался к разговору...

Целую стопу разнообразных шляп (в том числе и широкополую, с перьями — для принца) Алешка и Маша принесли в свой «театр». Вмиг все головные уборы разошлись по рукам. Точнее, по головам.

Олимпиада Викторовна хлопала ладонями.

— Ти-хо! Пвизываю всю труппу к вниманию! Начинаем сцену, когда пуинц делает Золушке певвое пвизнание...

Принц и Золушка (уже в бальном платье) оказались на сцене.

Принц с деревянным стуком встал перед Золушкой на колени.

— Дорогая! Как только я увидел вас, мое сердце...

— Нет-нет! — затрясла кистями рук Олимпиада Викторовна. — Ты любезничаешь, как лихой д'Автаньян со случайно увиденной гоуничной. Гововить надо туогательно! Очень туогательно. А пока получается, будто в голове у пуинца ветев...

Алешка стоял у края сцены. На принца смотрел он, прямо скажем, без симпатии. И бес дернул Алешку за язык.

В голове

Под шляпою из фетра

Очень много пустоты и ветра.

Свишут там

Норд-осты и зюйд-весты.

Для ума там не осталось места, —

отчетливо продекламировал Алешка. И сразу примолк, но было поздно. Наступила неприятная тишина.

Олимпиада Викторовна сурово глянула на дерзкого нарушителя творческой дисциплины.

— У тебя оч-чень злой язык. Ты мешаешь уаботать. Выйди, пожалуйста, ты не занят в этой сцене.

Алешка ушел за кулисы, сел на фанерный королевский трон, подобрал с пола забытую кем-то рапиру. Стал чертить на пыльном полу слово «Маша». Но спохватился и быстро исцарапал буквы.

Стало слышно, что репетиция закончилась. Принц и Маша появились из-за кулисы.

— Ничего у нас не получается, — надув губы, сказала Маша.
 — Конечно! Из-за таких вот «поэтов»! — Принц мотнул перьями шляпы в сторону Алешки. — Лезет под руку. Стихоплет недо-резанный...

— Ты полегче, — напряжился Алешка.

— А ты не указывай! Раньше за дурацкие стихи человека прикалывали к стенке...

— Ты меня на дуэль, что ли, хочешь вызвать? — обрадовался Алешка.

— Был бы ты не трус, вызвал бы...

— Я трус?! — вскочил Алешка.

— Мальчики, не смейте, — сказала Маша. И отошла в сторонку.

Принц изящным движением отбросил отстегнутый плащ, схватил шпагу. Алешка с готовностью встал напротив, уперся концом рапиры в пол, слегка согнул клинок. Принц с полной уверенностью в победе бросился в атаку. Алешка легко закрылся от выпада и клинком сбил перо со шляпы принца. Маша на всякий случай ойкнула. Несколько секунд шел бой, и за эти секунды принц понял, что недооценил противника. Он вновь кинулся в решительную атаку, Алешка, шагнув в сторону, пропустил принца под рапирой и, развернувшись, вытянул его по худому бархатному заду. Принц взвыл, подскочил, делая движения ногами, словно едет на велосипеде. Потом отшвырнул шпагу и кинулся к Алешке с кулаками,

— Что?! Здесь?! Пвоисходит?! — Это возникла Олимпиада Викторвна.

— А чего он лезет! — плачущим голосом свалил вину на Алешку бессовестный принц. — Размахался тут...

Олимпиада Викторвна с шипеньем вобрала воздух и вытянула палец:

— Вон! Навсегда!

— Ну и пожалуйста, — сказал Алешка.

Маша догнала Алешку во дворе, они медленно пошли рядом.

— Я так растерялась... Даже не смогла ей объяснить, что ты не виноват.

— Да вот еще! Больно надо объяснять! — Главное, что Маша была рядом и сочувствовала. — Проживу без этого кружка...

— Мне там тоже не нравится. Да и времени не хватает. Но что делать? Если я уйду, сорвется премьера...

— Нет, что ты! Тебе нельзя уходить!

— А ты... нисколько не жалеешь, что больше не будешь ходить в кружок?

Алешка набрался смелости:

— Жалею... Потому что теперь буду редко тебя видеть...

После этого он не посмел поднять голову и на ходу разглядывал свои кроссовки. Маша сбоку глянула на него, улыбнулась.

— У меня через три дня день рождения. Придешь? К трем часам.

— Приду, конечно!.. Только... а кто еще придет?

— Ой, да совсем немного народу будет! Две девочки из моего класса, двоюродный братишка, он скрипач... Ну и двое-трое из кружка...

— А этот... принц? Он тоже придет?

— Да ну его!

Был вечер. Алешка сидел у лампы и что-то писал. Когда подходила мама, он старался спиной прикрыть от нее тетрадку.

— Да не смотрю я, не смотрю... Хотя раньше ты не скрывал от меня свои сочинения.

— Ну, это... не совсем такое, как раньше... — пробормотал Алешка.

— А! Наверно, чересчур лирическое...

Алешка сильнее прежнего съезжил плечи. Мама понимающе усмехнулась и вышла. Оглянувшись на дверь, Алешка снова согнулся над тетрадкой. Забормотал, перечитывая текст:

Машка... ты, как ромашка в траве.

Добрая очень и славная...

Как хорошо, что на свете ты есть —

Это самое главное...

Посидел, снова посмотрел через плечо на дверь. Все-таки покусывала совесть за то, что не показал маме. Но как покажешь *такое*?

С тетрадкой он пошел на кухню, где мама возилась с посудой. Присел у стола, подпер подбородок. Мама не оборачивалась.

— А хочешь, я тебе другие стихи покажу. Я их тоже сегодня сочинил, только раньше, днем...

— Конечно, хочу. Прочитай.

Алешка открыл нужную страницу, поспел и начал:

Мне снилось, что ждет меня самолет,

Ночной самолет без огней.

В кабине нервничает пилот,
Погасший окурок сердито жует
И хмурится все сильнее.

И я тороплюсь, я бегу к самолету.
Скорее — в тревогу ночного полета.

Пилот говорит: «Я чертовски спешу.
Садитесь скорей, полетим.
Наденьте, пожалуйста, ваш парашют,
Опасности будут в пути».

Какие?
Узнать я уже не успел,
Проснулся.
За окнами утренний город шумел,
И сон не вернулся...

Вот, всё...

- По-моему, очень хорошие стихи. Ты молодец...
- Это у меня придумалось, когда Стасик Яковлев рассказал, как его катали на спортивном самолете... Он уезжает во Владивосток, насовсем...
- По-моему, тебе тоже хочется в какое-нибудь путешествие, — поняла мама.
- Жалко, что папа не взял меня в экспедицию...
- Что поделаешь, раз детям туда нельзя... Зато я могу предложить тебе другое путешествие.
- Правда?! Куда?!
- Не в тайгу, конечно, но тоже в интересное место. Меня посылают в командировку в Петербург, на неделю. Могу взять с собой...
- Ура!.. Ой, а когда?
- Не представляешь, как скоро! Поезд сегодня в одиннадцать вечера.
- У-у...
- А что такое?
- Понимаешь, мама... Ну, в общем такое дело... есть одна девочка. Она позвала меня на день рождения. Через три дня. И я обещал...
- Понимаю... — вздохнула мама. — Видимо, ты очень твердо пообещал.
- Ну...
- Видимо, это та девочка, для которой очень лирические стихи...

- Mam, ну не смейся...
 - Разве я смеюсь? Я... даже не настаиваю. Ты уже не маленький, можешь решать сам. Придется опять просить тетю Дашу присмотреть за тобой.
 - Чего присматривать-то? Сама говоришь, не маленький...
 - Да, но суп варить до сих пор не научился.
 - Научился. Только лень...
 - Вот именно... И следить за собой толком еще не умеешь.
- Когда пойдешь на день рождения, постарайся выглядеть поприличнее.
- Это как?
 - Сходи в парикмахерскую, подстриги свои космы. Вымой шею. Оденься как полагается.
 - А... как полагается? Школьный пиджак и штаны истрепаны, джинсы сама видишь какие...
 - Надень матросский костюм.
 - М-м...
 - А что?
 - Ну... я в нем выгляжу моложе своих лет.
- Мама засмеялась, растрепала его «космы» и пошла укладывать чемодан...

Алешка проводил маму до подъехавшего такси и вернулся. Тихо было в квартире. Грустновато. Алешка покосился на себя в зеркало, показал язык.

— Вот и живи теперь один. Сам виноват... Да еще старайся «выглядеть приличнее»...

В самом деле, как быть-то?

Он распахнул платяной шкаф, выкинул из него на пол несколько пестрых футболок, мятые тренировочные штаны. Все не то... Вынес к свету висевший на плечиках белый костюмчик с синим воротником. Хмыкнул, прикинул на себя. Вздохнул (как недавно мама) голову, подумал. Скинул джинсы и рубашку, натянул матроску и короткие штаны с голубым пояском. Всё было впору, не так уж он вырос с прошлого года. Алешка крутнулся перед зеркалом.

— Может, и правда сгодится? Ей ведь нравится все морское... — Даже показалось что он бежит навстречу теплому ветру по берегу моря, а Маша стоит, смеется и ждет... — А что я ей подарю?

Наступило время чесать лохматый затылок изо всех сил.

Из-под дивана Алешка вытянул картонный ящик со своим

имуществом. Плеер подарить? Он не работает, сколько ни тряси... Фонарик? Зачем ей такой пустяк? Заводного робота? Да ну, детство такое...

Вставая, Алешка зацепился за плед на диване пришитым к рукаву медным якорьком.

Потрогал его.

— Чуть не оторвал... Какой ты... маленький, а будто настоящий. Как на том кораблике... На кораблике?

Он опять оказался перед зеркалом, сел на стул. Показалось, что у того, отраженного, Алешки в руках появилась модель клипера. А за спиной... возникла Маша. Задумчивая такая...

— Не грусти! Смотри, что я тебе подарю!.. — Алешка в зеркале протянул Маше кораблик. Она недоверчиво взяла. Щекой коснулась легонького паруса. Заулыбалась...

Алешка с ногами забрался на диван. В открытом окне чернели телевизионные антенны, похожие на мачты клиперов. Тень на стене напоминала очертания парусов.

— Зачем он ей, этой бабке... этой Софье Александровне? — вполголоса беседовал с собой Алешка. — Он же не шляпа, он клипер-фрегат... И он даже не ее, его сделал старый мастер...

Алешка дотянулся до гитары. Играл он так себе, но все же подобрал несколько аккордов, а к ним — строчки:

Жил-был старый мастер-корабельщик...
Строил удивительные вещи...

Нет, не так... Вот...

Жил-был старый корабельный мастер...
Молчаливый, трубкою дымящий...
И однажды сделал он кораблик —
Маленький, но будто настоящий...

Аккорды и строчки постепенно набрали уверенность:

Был корабль отделан весь, как чудо, —
От бизани до бушпритной сетки...
Но однажды старый мастер умер,
И корабль остался у соседки.

Алешка положил ладонь на струны, посидел, подумал. Потом сказал в пространство:

— Да, это будет «Баллада о клипере»... — И снова зазвучала гитара.

Среди шляпок, старых и затасканных,
Пыльных перьев и гнилого фетра
Как он жил там — парусная сказка,
Чайный клипер, сын морей и ветра?..

— В самом деле, как он жил там?.. Как живет?
Алешка незаметно заснул в обнимку с гитарой.

...А за окнами в это время собралась гроза. Загремело, засверкало, в окно ударили холодные брызги. Алешка вскочил, подбежал к окну. Да, гроза была нешуточная, пошел вдоль улицы гулкий ливень, брызги пуше прежнего посыпались на Алешку. Но он не стал закрывать створки. Вернулся на диван, натянул на ноги плед, опять взял гитару.

Разгуляйтесь, влажные зюйд-весты.
Загудите грозовые воды...
Пусть сорвут потоки клипер с места,
Унесут кораблик на свободу...

Грозовой гул сделался ровнее, и Алешка под него стал засыпать снова...

Приснилось беспокойное море. Маша на берегу, и он, Алешка. А от берега под всеми парусами уходил фрегат.

— Мы опоздали на него, — горько сказала Маша.
— Подожди... Надо что-то придумать... Вот!

Неподалеку, на прибрежном песке, возился с моторной лодкой Стасик Яковлев. Алешка за руку подтащил к нему Машу.

— Стасик! Мы не успели на клипер! Давай догоним на твоей лодке!

— Я бы рад. Но мотор забарахлил, вынужденная посадка. Это все из-за цилиндра, будь он проклят!.. — Перед Стасиком лежала на песке шляпа — черный цилиндр трубчиста. Стасик с досадой пнул его. Ветер подхватил цилиндр, покатил по песку...

— Цилиндр... — прошептал Алешка, просыпаясь.
За окнами было сверкающее после дождя утро.
В дверь заглянула соседка тетя Даша.

— Алешенька... Ох и спишь ты! И даже не разделся... Ночью гроза была, страх такой, а у тебя окно нараспашку... Вставай, я завтрак приготовила.

— Спасибо, тетя Даша! Я сейчас! Я... только сбегая к одному мальчику! Очень важно!...

В помятом костюме с хлопающим синим воротником Алешка мчался по улице. Перепрыгивал через обрушенные грозою с тополей сучья. Разбрызгивал кроссовками лужи. И наконец остановился под балконом второго этажа.

— Стасик! Яковлев! Ста-сик!

Стасик появился на балконе.

— Привет, чего шумишь?.. Ух какой ты... дитя капитана Гранта...

— Как хорошо, что ты еще не уехал! — обрадовался Алешка. — Я боялся...

— Мы только через неделю...

— Послушай, у меня к тебе дело. Помнишь, ты говорил про шляпу? Про цилиндр... Он тебе очень нужен?

— А что?

— Ну... ладно, я скажу честно. Мне он нужен до зарезу. У одной старушки есть модель парусника. Старушке она не нужна, зато нужны всякие шляпы, для коллекции. Я бы ей цилиндр, а она мне модель... Мне этот кораблик... ну, вот так необходим! — Алешка ладонью провел по горлу. — Давай я твой цилиндр у тебя сманю на что-нибудь?

— На что? — спросил Стасик. Станным каким-то тоном. Алешка не обратил на эту странность внимания.

— Хочешь ножик? Я его специально прихватил! Шесть лезвий, отвертка, ножницы, шило, штопор...

— Штопор — это конечно... Ну-ка, покажи.

Алешка обрадованно кинул снизу складной нож. Стасик поймал. Повертел. Пооткрывал. Кивнул:

— Подожди... — Он скрылся за балконной дверью и вернулся почти сразу. С черной шляпой-цилиндром. — Держи!

Алешка поймал цилиндр в охапку. Но... что это? Его «складешок» лежал на шелковом шляпном донышке.

— Стас... а ножик...

— Да не надо мне его. У меня есть почти такой же...

— А... шляпа?..

— Возьми просто так. Уеду, будешь вспоминать. Ведь одноклассники были...

Что-то сдвинулось в Алешкином сознании. Он глянул на Стасика иначе... с каким-то новым пониманием.

— Спа... сибо... А ты... Знаешь что? Мы ведь еще увидимся до отъезда? Ты оставь мне адрес, я напишу во Владивосток! Я... тебе стихи пришлю. Я их вчера сочинил. Про самолет...

— Ладно... А ты не боисься, что старушка погонит тебя в шею?

— Еще как боюсь... А что делать-то?

Алешка и правда боялся. Эта боязнь тенью пробегала по его лицу, когда он шагал к Лопуховому переулку. Но утро было такое свежее, и сияющее, и бодрое...

Прохожие с недоумением оглядывались на странного мальчишку: черный старинный цилиндр на его голове никак не вязался с матросским костюмчиком. Но Алешке не было дела до чужого любопытства, он думал о кораблике. К тому же хорошие люди смеяться не станут. Например, как эти мальчишки (видимо, первоклассники), обогнавшие Алешку и не оглянувшиеся. У них было свое дело. Они пускали вдоль по улице голубой пластмассовый вертолет и догоняли его. И скрылись за поворотом.

Когда Алешка свернул в тот же переулок, он увидел, что у ребят беда. Авария. Вертолет набрал слишком большую высоту и застрял в ветвях высокого тополя. Не допрыгнешь, даже длинной палкой не дотянешься. И попытки сбить комками земли остаются безуспешными... И не забраться по могучему прямому стволу... Это малышам не забраться. А ему, Алешке?

Если хочешь, чтобы тебе было хорошо, чтобы не изменила удача, надо и другим помогать в трудные моменты. Как, например, недавно помог Стасик.

— Эх вы, чкаловы-байдуковы, — вздохнул Алешка. — Держи... — Он нахлобучил на одного из первоклассников цилиндр. Сбросил надетые на босу ногу кроссовки. Поплевал на ладони...

Ребята с замиранием и уважением смотрели, как неожиданный помощник по-обезьяньи карабкается, цепляясь за выступы бугристой коры...

И вскарабкался. Дотянулся до вертолета, толкнул ладонью. Тот, завертев винтом, плавно приземлился на траву.

Следом приземлился и Алешка.

Нельзя сказать, что после этого приключения костюм стал выглядеть лучше. Увы, наоборот. А еще — ссадины на коленях, это уж как всегда в таких делах. Не слишком ли обшарпанный вид, чтобы являться в гости к пожилой интеллигентной даме? Но что делать-то? Один из малышей почтительно протягивал цилиндр. Алешка нахлобучил его и решительно сдвинул набекрень.

— До свиданья, авиаторы.

— До свиданья! Спасибо! — запоздало заговорили они вслед.

Алешка прошагал еще квартал, вышел к оврагу и оказался у старого домика...

Доминок был пуст! Стекла оказались выбиты, дверь перекошена,

труба на крыше рассыпалась, скособоченный угол опасно нависал над обрывом.

Алешка озадаченно снял цилиндр. Через окошко заглянул внутрь. В опустевшей комнате стояла темная вода, в ней плавал трехногий стул.

Алешка обошел дом с разных сторон. Видно было, что ночной ливень бушевал здесь вовсю. Потоки подмыли землю, сдвинули домик к самому оврагу.

Вдруг Алешка услышал тонкий голосок. У обрыва сидела на перевернутом ведре девочка лет восьми с длинными и очень светлыми волосами. Она баюкала старую куклу и напевала:

Вырастет за городом
Лес-трава.
Ты в лесу не бойся
Ни волка, ни льва.
Только серой мыши
Бойся иногда.
С серой мышью в сказку
Приходит беда...

— Послушай, что тут случилось? Где Софья Александровна?

Девочка не удивилась появлению Алешки. Повторила певучим голоском:

— Что случилось... Дом подмыло, затопило. Беды понаделало — ой-ёй-ёй... А Софью Александровну к себе племянник увез. Рано утром приехал на машине, прогрузил ее со всем добром... Дом-то скоро совсем сползет...

— А имущество? — с нехорошим предчувствием спросил Алешка. — Ничего не пострадало?

— Ну как не пострадало!.. Тумбочку водой унесло, две испанские шляпы. Да еще кораблик маленький, хороший такой. Только ящик стеклянный остался, а самого его нет...

— Так я и знал... — Алешка отбросил в траву ненужный теперь цилиндр.

Девочка продолжала тем же тихим голоском:

— Софья Александровна очень кораблик жалела. Говорит: «Лучше бы я его тому мальчику подарила»...

Алешка удивленно и недоверчиво помигал.

— Какому мальчику?..

— Тому, который к ней вчера за шляпами приходил, вместе с девочкой... Какому же еще? Других она не знает.

Алешка глянул с откоса.

— Вот что, спущусь-ка я в овраг. Может, кораблик в кустах застрял. Не мог он далеко уплыть.

— И не думай. Только в глине перемажешься да обдерешься пуше прежнего.

— Ну и пусть!

— Ничего там нет. Софьи-Александровнин племянник туда в резиновых сапогах лазил, шляпы искал и все остальное. И ничегошеньки. Ручьем унесло.

— А вдруг найду...

— Так просто не найдешь. Сам виноват...

— Почему?!

— А вспомни. «Пусть сорвут потоки клипер с места»... Наворожил...

Он ахнул про себя. Но виду не подал. Спросил строго:

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, Алеша...

— Ты... колдунья?

— Маленько, — сказала она без улыбки.

Не поверил он, конечно, однако... ощутил беспокойство и надежду. Шагнул ближе.

— А тогда... может, ты знаешь, где теперь кораблик искать?

— Не-а, не знаю. А узнать помогу.

— Как?

— Иди на угол Первомайской и Садовой. Там есть справочное бюро...

— Там есть сапожная будка! — возмутился Алешка. — И больше ничего!

— Для одних будка, для других бюро. В нем работает старичок. Он знает все на свете.

— А откуда тебе-то известно про старичка?

— Это же мой дедушка.

— Он, конечно, тоже колдун? — сказал Алешка, не зная, верить или нет.

— Конечно, — строго сказала девочка. — Если у него хорошее настроение, он отвечает на все вопросы. Только ты не напирай, жди терпеливо...

— А если плохое настроение?

— Не бойся, сегодня у него хорошее.

— Интересно... А почему ты решила мне помогать?

Девочка смотрела все так же открыто и серьезно.

— Потому что ты красивый и смелый.

— Я?! — искренне возмутился он.

— Конечно. Не побоялся на такую высоту лезть за вертолетом. Вон, исцарапался весь, а все равно...

— Но почему красивый-то?.. Я с тобой по-хорошему, а ты дразнишься.

— Не-а, не дразнюсь... Шляпу не забудь... — И маленькая колдунья убежала.

Алешка озадаченно поднял с травы цилиндр.

Теперь он не надевал цилиндр, держал у груди. Так и подошел к дощатой будочке с кривой вывеской «Ремонт обуви».

Дверца была открыта, Алешка вошел.

Старичок в беретике, с седой щетиной на лице постукивал молотком по надетой на «лапу» туфле. Он сидел за низким прилавком.

— Здравствуйте...

Старичок не поднял головы. Постукивал.

— Скажите, пожалуйста, можно мне спросить?

Сапожник не ответил снова, но на миг приостановил стуканье, мельком глянул на Алешку. И тот решился. Глядя в потолок, сказал:

— Интересно бы узнать, можно ли найти маленький кораблик, если его унесло потоком и никто не знает, куда?

Старичок перестал стучать, хмыкнул:

— Твой кораблик, что ли?

— Мой... почти...

Старичок смотрел не сердито, даже улыбался.

— Почти?

— Ну... он ведь сейчас все равно ничей, раз его бросили. По морским законам корабль, если его бросают, становится призом того, кто найдет.

— Да ты, я смотрю, морской волк...

Алешка пожал плечами, отвернулся. Мол, не хотите отвечать — не надо, а зачем смеяться-то?

— Ну-ну, не петушись... Помочь можно, только здесь справки даром не дают. Дело не в корысти, а правило такое.

— Но у меня ни копейки. Были пять рублей, но я их в джинсах забыл... — Алешка сокрушенно хлопнул по парусиновым карманам.

— А что у тебя есть? — хитровато спросил старичок.

— Ножик есть! Вот! Хотите?

— Я хочу твою шляпу.

— Да? Но...

— Что?

— Это подарок, — вздохнул Алешка, вспомнив Стасика.

— Но ведь ты хотел обменять этот подарок на кораблик.

— Да... верно... — Видимо, старичок и правда знал все на свете. — Ладно, берите.

Старичок с удовольствием взял цилиндр, повертел.

— Дорогая вещь. С такой цены полагается сдача... Держи. — Он сунул руку в цилиндр и... достал монетку.

Алешка взял. Сказал озадаченно:

— Десять копеек...

— Не потеряй, может пригодиться... А теперь слушай. Кораблик найти можно, только дело это не простое... Все ручьи текут в реки, а реки — в море. На берегу моря стоит город Ветрогорск. В нем есть знаменитый Корабельный музей. Он притягивает модели кораблей, как магнит, все кораблики это чувствуют. Где какой ни потеряется, обязательно доплывет до Ветрогорска. Есть у них чувство пути, как у перелетных птиц... Ищи свой клипер там, если хочешь. Но имей в виду — путь не близкий.

— Прямо сказка получается, — недоверчиво сказал Алешка.

— А как же! Сказка и есть!

— Настоящая?

— Не знаю, Алеша. Это уж как у тебя получится. Смотри сам...

— Но... что смотреть-то? Что должно получиться?

— А этого никто не знает заранее. Помни одно правило: о главной цели не забывай, но и от разных встреч не уклоняйся, от опасностей не убегай, от загадок тоже. Иногда сразу не поймешь, как оно повернется... Слушай свою дорогу, она подскажет...

— Да, но где эта дорога? Где Ветрогорск?

— Ты ступай теперь в Транспортное агентство на улице Полярных Капитанов...

— Даже не слышал про такую.

— Пойдешь по Садовой, она упрется в старый стадион. Пролезешь сквозь щель в заборе, пересечешь поле, вылезешь в другую щель, за ней и будет та улица. А в обход не вздумай, не найдешь...

— Спасибо!

— Ты подожди со спасибо-то, слушай еще. Постарайся ничему не удивляться, в сказке без странностей не обходится. А главное — слушай Дорогу...

Сквозь узкую дыру в досках Алешка выбрался на заброшенный стадион, вышел на заросшее поле. Над высокой травой звенела удивительная тишина. Алешка остановился, запрокинул голову. Высоко в синеве тянулся серебристый след самолета. У этого следа, у травы, у тишины Алешка спросил:

— Где ты, моя дорога?

Тишина не ответила.

Неподалеку паслись лошади. Одна вдруг подняла голову, медленно пошла к Алешке. Он оробел слетка, но не двинулся с места. Лошадь остановилась в трех шагах, переступила тонкими ногами, спросила (или это был звон тишины?):

— Скажите, вы не тот мальчик, который ищет коня, чтобы скакать в Тридевятое царство?

— Ух ты, начинается... — с замиранием шепнул Алешка. А лошади сказал громко и вежливо: — К сожалению, нет. Понимаете ли, у меня другая дорога.

— Извините, — вздохнула лошадь...

Алешка вылез из щели на другом краю стадиона. Открывшаяся перед ним улица была старая, с одноэтажными и двухэтажными домами. На кирпичном здании, похожем на старинный купеческий магазин, Алешка увидел обшарпанную вывеску:

ТРАНСПОРТНОЕ АГЕНТСТВО № 2

В окнах первого этажа пестрели плакаты самолетных компаний, висели на лесках модели авиалайнеров. Ничего особенного.

Алешка надавил плечом тяжелую дверь, звякнул колокольчик.

Внутри тоже было обыкновенно. И пусто. Под потолком лениво вертелся вентилятор. Висели расписания самолетов и поездов, таблички «У нас не курят». Рядом с закрытым окошком кассы какое-то написанное фломастером объявление. Алешка пригляделся.

— Ой-ёй...

**Заявки на экскурсии
на коврах-самолетах
не принимаются
до 15 августа
Администрация.**

Тишина была ну прямо как на стадионе. Звенела. Алешка оглянулся. Других касс не было. Он набрался смелости, постучал в окошко.

Оно распахнулось. Показалась голова кассирши. Гладкая седая прическа, строгие очки.

— Я тебя слушаю.

— Извините... Мне сказали, что здесь можно купить билет до Ветрогорска.

— Вот как? Любопытно, кто это тебе сказал?

— В справочном бюро... То есть это не совсем справочное бюро, а будочка. Там дедушка...

Кассирша подобрела:

— Понимаю. Дедушка. Значит, у тебя важное дело в Ветрогорске?

— Очень важное! Есть одна девочка. У нее через два дня день рождения...

— Ясно, это особый случай. Тебе необходим Зеленый билет на все виды транспорта туда и обратно. Ведь тебе послезавтра нужно вернуться.

— Да!.. Ой...

— Что случилось?

— Деньги-то... Билет, наверно, дорогуший, а у меня...

— Что «у тебя»?

— Я растяпа, не подумал. У меня всего десять копеек.

— Давай сюда.

— Но...

— Давай. У Зеленого билета нет постоянной цены. Он стоит столько, сколько денег в кармане у пассажира. Но — до последней копейки.

— Вот... до последней...

Кассирша громыхнула компостером, и в руках у Алешки оказался кусочек ярко-зеленого картона с буквами, цифрами...

— Билет действителен до шестнадцати часов послезавтрашнего дня...

— Спасибо! До свиданья!

— Мальчик, подожди! Ты собрался на вокзал? По этому билету в Ветрогорск едут другим транспортом.

— Автобусом?

— Слушай внимательно. Отсюда мимо церкви и кинотеатра «Космос» ты выйдешь на улицу Дальнюю...

— Да. А потом?

— Ты пойдешь по Дальней до конца. Когда она кончится, ступай вперед по тропинке. Она приведет тебя к станции с почтовыми каретами...

— Ка... ретами? Но ведь...

— Не спрашивай, Алеша, и не спорь. Тебя просили не удивляться. Ступай... На станции надо быть через два часа.

Алешка спиной отступил к двери.

Дома Алешка спешно собрался в дорогу. Надел старые привычные джинсы, футболку, прихватил курточку. Сунул в карман пару бутербродов. Объяснил заглянувшей в дверь тете Даше:

— Я еду на дачу к мальчику из нашего класса, к Владику Василькову. На два дня...

— А мама разрешила? Она знает?

— Мама мне всегда разрешает... Вернусь послезавтра к четырем.

Как и говорила кассирша, окраинная улица Дальняя перешла в тропинку, которая тянулась среди луговых трав. Пекло солнце, травы звенели кузнечиками. Порой Алешке казалось, что этот звон превращается в струнную мелодию (Алешка еще не знал, что это исподволь, незаметно, рождается мелодия Дороги). Над головками иван-чая летали бабочки... Алешка шел долго и наконец увидел за макушками трав бревенчатые постройки.

Это были изба с высокой крышей и резными столбиками у крыльца и несколько сараев. Перед сараями тянулись коновязи, к ним привязаны были лошади, стояла пара карет — будто из фильма «Гардемарины, вперед!». Торчали полосатые покосившиеся столбы со стрелками-указателями. На двух столбах, образовавших нечто вроде ворот, сверху держалась длинная доска-вывеска:

ПОЧТОВАЯ СТАНЦИЯ

К левому столбу прибит был кусок фанеры с объявлением:

**Свободныхъ лошадей нетъ.
Сегодня спецобслуживание.**

Алешка прочитал, нерешительно протоптался у столба и все же вошел.

Толстый усатый дядька в кафтане с поперечными застежками и войлочной шляпе возник у него на пути.

— Тебе чего? Ходят тут, лошадей пугают...

— Мне в Ветрогорск надо... — робко объяснил Алешка.

— Вон чего! Может, тебе еще в Тридесатую республику надо али прямо на Луну?

— Но мне сказали, что...

— Мало чего сказали! Читать не обучен? Там написано: «Спецоб-слуга»...

— А у меня... вот... — Алешка протянул Зеленый билет.

Толстый дядька поменялся в лице, шляпу сдвинул на лоб.

— У-у... во оно чё... — И крикнул, оглянувшись на крыльцо: — Памфилий! Тута, кажись, по твою душу!

Вышедший из избы Памфилий был симпатичнее толстого: молодой, стройный, в похожей на мушкетерскую шляпе, в широком плаще и сапогах с отворотами. Из-за отворота торчало кнутовище.

— Что за крик-тарарам? Лошадей угнали?

— Тут седок объявился, вон... С зеленой, значит, бумагою. Шибко малой только. Но билет по всей форме...

Памфилий подмигнул Алешке:

— Ты, что ли? Вот и ладно, поедем. А то, что малой, дак лошадям только легче... Запряги, душа Пафнутий, Серого да Огонька вон в тот аглицкий экипаж... А вы, непутевые, ступайте сюда! — Это он окликнул двух мужчин, появившихся на крыльце.

Это были дядьки стандартно-чиновничьего вида. Плотные, с животиками, в очках и твердых фетровых шляпах. С большими портфелями, которые держали у груди. Они подошли. На Памфилия старались смотреть солидно, однако чувствовалась робость.

— Повезло вам, — сказал Памфилий. — Поедете с этим вот седоком, попутно. Так и быть, доберетесь благодаря ему до своей товарной базы...

— Это что делается в наше время, — досадливо сказал один чиновник другому. — Мальчишку отправляют в рейс без очереди, как депутата, а нас, с командировками...

— Не просто мальчишку, а с Зеленым билетом, — поубавил их гонор Памфилий. — А вашим командировкам на здешней дороге цена, как билетам на прошлогоднюю ярмарку... Ступайте-ка в карету, пока места не заняты...

Чиновники, соблюдая достоинство, пошли друг за дружкой.

— А мне? — спросил Алешка. — Туда же?

— По правилам оно так. Седоку с таким билетом отдельная мягкая лавка внутри полагается. Да только чего тебе там с этими?.. Может, хочешь со мной на козлах? Окрестности поглядишь, поболтаем...

— Конечно хочу!

Серый и Огонек резво бежали по травянистой дороге. Кругом расстились дуга, лишь вдаль темнела кромка леса. Кучевые облака в синеве были похожи на плавучие острова. Их прошивала белая нитка самолетного следа. Алешка, сидя рядом с кучером, смотрел то на эти острова и след, то по сторонам.

— Ну, что? Славно здесь, наверну-то?

— Еще бы!

— Тем, кто внутри, такого простору сроду не увидать...

— Да... А они кто?

— А!.. Случайный народ. Напрашиваются по знакомству. Приходится брать, потому как платят полную стоимость, да еще и сверх того. Деньги-то нужны позарез, иначе лошади с голоду подохнут при нынешних рыночных отношениях...

— А они тоже до Ветрогорска?

— Не-е, высажу на перекрестке, где поворот на ихнюю базу... Да ведь и тебя я до Ветрогорска не довезу, нет туда прямого пути посуху. Довезу до промежуточной станции, там сделаешь пересадку...

— У-у...

— Да не робей! С таким билетом нигде не удержишься...

— А до промежуточной станции далеко?

— Завтра, как солнышко траву высушит, доставлю в аккурат...

Кваску хочешь? — Памфилий вытащил нечто вроде стеклянного штофа.

— Ага... Спасибо. А у меня вот, бутерброды есть, с сыром.

— Оно тоже неплохо...

Пожевали, глотнули из штофа.

— На ночевку где остановимся? — спросил Алешка.

— Ночевка мне и лошадам нашим не положена. Служба такая — в дороге днем и ночью, пока путь не закончен. А ты укладывайся, как тебе способнее. Можешь в карете, там лавка мягкая... да только эти... командировочные... небось храпят, как больные верблюды... Если не боишься, ложись на крыше, там перильца, не скатишься. Я плащ дам, завернешься и шляпу под голову...

— Ура! Я на крышу!...

И вот уже звезды гроздьями покачиваются над Алешкой. Мягко стучат в травянистых колеях копыта, что-то мурлычет и нахвистывает неутомимый Памфилий. Звездное пространство такое громадное, какого сроду не увидишь в городе. Звезды спуска-

ются, спускаются, кажется даже, что щекочут щеки. Между звезд появляются перед задремавшим Алешкой видения недавних дней: Маша смеется... Белеют паруса модели... Мальчишки бегут за голубым вертолетом... Стасик бросает с балкона цилиндр... Что-то неслышно говорит Алешке светловолосая внучка старика-сапожника...

И вдруг — свист, пальба, крики, пламя факелов! Зловещие фигуры схватили под уздцы лошадей.

— Лексей, берегись! — крикнул из свалки Памфилий. — Разбойники!

Факелы ярко освещали сцену нападения. Два чиновника послушно стояли в сторонке с поднятыми руками. Зато Памфилий не терял времени зря. Ухватив с земли березовую жердь, он ее концами сбивал с ног одного нападавшего за другим. При этом ухитрялся еще раздавать крепкие пинки, так что разбойники по двое, по трое катились в кусты. По пояс в кустах стоял высокий тощий атаман «испанского» типа — во флибустьерской шляпе, с острыми усами и с бородкой-клинышком. Обнаженной шпагой он делал полководческие жесты, дирижировал боем. И фальцетом отдавал команды:

— Заходите справа!.. Заходите слева!.. Окружайте!.. Смелее, сеньоры!..

Памфилий отбросил жердь, ухватил очередного разбойника за штаны и рубаху, швырнул вверх. Тот спиной брякнулся на крышу кареты, к ногам Алешки, который, вскочив, наблюдал за схваткой.

Алешке не было страшно. Слишком уж это напоминало сказку или сон. Или кино... Ну и, кроме того, он вообще был не трус.

Разбойник раскинул руки — в правой рапира. Алешка наступил на клинок, разбойника пинком сбросил вниз, схватил рукоять и кинулся в бой.

— Памфилий, держись!

Противником Алешки оказался сам атаман. Бой пошел по всем правилам фехтовального искусства. Все-таки у Алешки за плечами были полгода занятий в секции. Атаман же... да, он повадками напоминал принца, только повзрослевшего. И дрался так же! И так же, как тогда, за кулисами, Алешка пропустил противника под рапирой и вытянул его ниже спины.

— А-а-а!!

Но в следующий миг Алешке не повезло — сзади на него накинули сеть. Не повезло и Памфилию...

И вот они вдвоем оказались связаны и посажены рядышком под могучее дерево.

Подошел атаман, сказал, потирая пострадавшее место:

— Вы, сударь, используете запрещенные приемы. Это недостойно настоящего кабальера.

— А вы первые полезли.

— Обыскать! — приказал атаман.

Орава пестрых «рыцарей большой дороги» кинулась к пленникам. Кинжалами вспороли портфели чиновников.

— Не имеете права! — возмутился один. — Я референт Генерального директора треста «Компомбострой»! А это мой заместитель!

— Это вы, господин хороший, у себя в тресте референт, — разъяснил дюжий добродушный разбойник. — А здесь вы, извините, будущий шашлык...

— Срам на вас глядеть, — вступил другой (он тоже потрошил портфель). — Здоровые мужики, а сразу лапы вверх. Вон кучер с мальчонкой как дрались, любо-дорого. Мы их за такое дело даже вешать не станем, а с почетом расстреляем, как героев...

— Этого еще не хватало, — сказал Алешка Памфилию.

— Ты погоди. Может, обойдется...

К ним тоже подступили вплотную. Трясли одежду, выворачивали карманы.

— Ваше высокоатаманство, с них и взять-то нечего!.. Вот у мальчишки только ножик складной.

— Ножик — это личное оружие. Верните его хозяину за смелость... Хотя мог бы, конечно, и не махаться так рапирой... — Атаман опять потер себя сзади.

— А еще вот, ваше высокоатаманство, бумажка твердая. Вроде документ...

— Позвольте... — Атаман взял билет, ему посветили. Атаман озадаченно дернул себя за бородку, глянул на Алешку. — Э... Что же вы, сударь, не предупредили? Ставите меня в неловкое положение. Я не знал... Развязать юного кабальера! И кучера, болваны! У мальчика Зеленый билет! Куда смотрели? Это могло подорвать нашу репутацию во всех сказочных пространствах... Мои извинения, сеньоры... Эй, поправьте упряжь, проверьте колеса!.. Господа, вы свободны... Простите, молодой человек, позвольте два слова... — Атаман за плечо отвел Алешку в сторонку.

— Во-первых, еще раз прошу извинить меня. А во-вторых... деловое предложение. Оставайтесь с нами! Из вас выйдет блестящий рыцарь больших дорог. Дубровский нового поколения! Вы столь искусно владеете холодным оружием...

— Спасибо, только... у меня ведь своя дорога. Для нее и билет. Мне обязательно надо в Ветрогорск...

— Сожалею. Но понимаю. Не смею задерживать... — Атаман проводил Алешку к карете. Памфилий был уже на козлах. Разбойники шпагами и ятаганами сделали «на караул».

— Эй! А как же мы?! — завопил чиновник-референт.

— А что вы? — язвительно осведомился атаман. — Может быть, у вас тоже есть Зеленый билет?

— У нас командировки! Удостоверения!..

— Базилио, скажи сеньорам, что они должны сделать с удостоверениями.

Грузный разбойник Базилио подошел к пленным «сеньорам» и сказал на ухо референту.

— Грубиян! — взвизгнул он.

...Карета выкатила с опушки леса на луг. Занимался рассвет.

— Памфилий, а что будет с теми? С командировочными?

— А ничего не будет. Каждому дадут пинка, проводят до ближнего тракта, посадят на попутную телегу или грузовик... Это не шибко лихие разбойники, они из сказочной области номер четыре...

— А то, что взяли из портфелей, вернут?

— Про то не знаю... Да и честные ли деньги-то у них в портфелях?..

Вставало солнце, а у Алешки от всего пережитого слипались веки. Он приткнулся головой к плечу Памфилия...

Когда Алешка открыл глаза, солнце уже поднялось над деревьями. Карета остановилась на перекрестке дорог.

— Ну вот, Лексей, прибыли, значит, на конечный пункт. Дальше мне и лошадам не положено. Теперь тебе надо на аэродром...

— Что? Лететь придется?!

— Не без того... Ты ступай прямо до первой развилки, там на камне всё написано, разберешься. А мне пора...

Алешка соскочил с козел в ромашки. Памфилий помахал ему сверху и развернул лошадей. Алешка смотрел вслед, пока «аглицкая» карета не скрылась в березняке. Вздохнул, повернулся и пошел по колею.

Скоро дорога привела его к новому перекрестку. Там стояла двухметровая каменная глыба. Он была пестрой от белых и черных стрелок-указателей и подписей:

Тридцать девятое царство
Тридцать первая республика.
Совхоз «Отрадное»
Товарная база № 5
Русалкина заводь.

— Ну и ну... — сказал Алешка. Но не очень удивился (чему тут удивляться после всего, что было!).

Внизу, над ромашками, Алешка увидел белую стрелу, а выше ее надпись: «Ч и с т о е п о л е». Слово «Чистое» было зачеркнуто, над ним белела свежая надпись: «Л ё т н о е».

Алешка глянул мимо камня. Там раскинулось ровное травяное пространство. Вдали стояли несколько домиков, один был раскрашен в крупную красно-белую шахматную клетку. Без сомнения, это и было Л ё т н о е п о л е. Над клетчатым домиком показывался на шесте черно-белый сачок-флюгер.

— Да, но где же самолеты? — пробормотал Алешка. И двинулся к домикам.

Он долго шел через траву, и опять звенела похожая на струнную мелодию тишина. И висели над головой ватные острова-облака. Но и там, в высоте, не было самолетов...

И лишь недалеко от домиков аэродромной службы Алешка увидел самолет. Самолетик. Наверно, учебный или спортивный. Он был похож на увеличенную в несколько раз модель. Сквозь полупрозрачную обшивку просвечивали тонкие рейки конструкции. Самолет наполовину закрывала высокая трава, и Алешка не сразу разглядел вертикальное перо стабилизатора с расположенными треугольником синими буквами

С
О А

Рядом с домиком (не клетчатым, а другим, коричневым) росли две березы. Между ними висели качели, и на них сидел мальчик. Худенький, светловолосый и слегка лохматый мальчишка. Поменьше Алешки. В синих шортиках с клепками на карманах, в голубой рубашке с погончиками, сильно загорелый. На коленях он держал сумку-планшет.

Мальчик Алешку не заметил. Он сидел с опущенной головой и лениво качался, толкаясь о землю носком сандалии. Алешка задержался на миг:

— Слушай, ты не знаешь, где тут касса?

Мальчик глянул на Алешку, пальцем показал через плечо.

И Алешка разглядел на двери домика две таблички: «Касса» и «Диспетчерская». Пошел к крыльцу. Мальчик, обернувшись, смотрел Алешке вслед, но Алешка не видел этого. Он поднялся по ступенькам и потянул на себя дверь.

...В комнате за столом, уставленным аппаратами, сидел Диспетчер. Он был в рубашке. Его синий пиджак с нашивками висел позади, на спинке стула, а фуражка лежала на груди карт и бумаг. Диспетчер жевал яблоко и сердито черкал в тетради красным карандашом. К Алешке была обращена большая лысина.

— Здравствуйте...

Диспетчер перестал жевать, но черкать не перестал. И не поднял лица.

— Что надо?

Алешка уже обрел в дороге кое-какой навык и от нелюбезного тона не оробел.

— В город Ветрогорск мне надо!

— В самом деле? А что еще?

— Ну... и все.

— Тогда при чем здесь я?

— Ну... я хотел отметить билет, а касса закрыта...

— Незачем и отмечать. Самолетов все равно нет... — Диспетчер наконец поднял голову и водрузил на лысину фуражку. — Нет самолетов и не будет до послезавтра. Ясна ситуация?

— Ох уж, нет самолетов! Я сам видел один. Только что. Тут, рядом...

— Какой наблюдательный молодой человек!.. Этот самолет специальный, для особых случаев.

— А у меня как раз особый случай! Вот! — Алешка шагнул к столу и положил перед Диспетчером Зеленый билет.

— Час от часу не легче... — Диспетчер почесал карандашом бровь. Сел прямо. Вобрал воздух и оглушительно крикнул:

— Катя! Ка-тя!!

Из-за аппаратов появилась девушка в голубой пилотке.

— Слушаю вас, товарищ Диспетчер.

— Товарищ дежурная, — сказал Диспетчер официально. — Пожалуйста, выйдите на поле, найдите и пригласите ко мне Летчика для Особых Поручений.

— Да? Но...

Диспетчер возвел брови и пожал плечами, словно хотел сказать: «А что я могу сделать?»

— Слушаюсь, товарищ Диспетчер. — Катя упорхнула. Алешка замигал и с уважением стал смотреть на закрывшуюся дверь. Ему представилось, как входит рослый мужчина с мужественным лицом, в кожаной куртке, в шлеме с очками. Ну, просто как наяву увиделось. Однако почти сразу явление растаяло. Дверь открылась, и вошел мальчик. Тот самый, с качелей. В опущенной руке он нес планшетку, и она цеплялась за половицы.

— Ну вот... — пробормотал под нос Алешка. — Сейчас его поллют искать летчика. А он не найдет, опять сядет качаться...

— Ветрогорск — это где? — сумрачно спросил Диспетчер мальчика. Тот стал смотреть в сторону и вытянул в трубочку губы: у-у, мол, где.

— Ясно, — сказал Диспетчер. — На карте есть?

— На моей есть.

— Я спрашиваю про нормальные карты!

— Не-а...

— Сколько времени надо лететь?

Мальчик толкнул ногой планшетку, она опять закачалась.

— Как получится. Вы же понимаете...

— Ничего я не понимаю в этих ваших штучках. Я лётное училище кончал, а не школу имени Мерлина... И вообще не хотел я тебя пускать. За твои фокусы.

— А что я сделал? — Мальчик невинно вскинул ресницы (и опять толкнул планшетку).

— А кто пикировал на грузовик ветеринарной службы?

— Не ветеринарной, а живодерной! Они на детской площадке у ребят щенка отобрали и повезли!

— Ты загнал машину в кювет! Могла случиться беда!

— А если бы из щенка мыло сварили? Это была бы не беда?! — совсем уже дерзко сказал мальчишка.

Алешка слушал и не понимал: какая машина, что мальчишка натворил? Куда его не хотят пускать?.. И где летчик?

Диспетчер привстал, потребовал с легким рычанием:

— Пер-рестань лягать казенную сумку. И встань как следует, когда разговариваешь с Диспетчером.

— Есть! — Мальчик сдвинул пятки, поддернул шортики, опустил руки.

— Вот так... — буркнул Диспетчер. — А то совсем разболтался. Мальчик опять вскинул ресницы.

— А вы... пожалуйста, обращайтесь на «вы», когда говорите с Летчиком для Особых Поручений.

У Алешки открылся рот.

У Диспетчера нос, щеки и уши стали свекольного цвета. Он во весь рост поднялся из-за стола. Казалось, он зарычит медведем. Диспетчер тяжело посопел и сказал:

— Слушай... те задание.

— Есть.

— Вам... следует доставить в город Ветрогорск пассажира с Зеленым билетом. И вернуться... Когда... вы... сможете вернуться?

— Как получится.

— И вернуться при первой возможности.

— Я могу идти?

— Може... те.

Маленький пилот повернулся к Алешке:

— Идем? Билет не забудь...

Они шли к самолету. Летчик шагал впереди, цеплял планшеткой головки одуванчиков. Потом остановился, обернулся.

— Боишься? — Это он тихонько сказал и без насмешки.

— Чуть-чуть, — признался Алешка. — Дело не в этом. Просто я не ожидал. Не думал, что ты — Летчик.

— Не бойся, у меня хороший самолет. С ним никогда ничего не случается. Вот увидишь, долетим нормально.

— Да я и не боюсь... уже. Просто я удивился.

— А ты давно в дороге?

— Второй день.

Летчик засмеялся:

— И все еще удивляешься?

— Ага... — Алешка тоже засмеялся.

И между ними как бы протянулась ниточка. Оба понравились друг другу. Уж Летчик-то Алешке — точно...

— А что такое «ОСА»?

— Это значит «Особая Служба Авиации», — охотно объяснил Летчик. — Поэтому все называют самолет осой. По-моему, неправильно. Он и не похож вовсе.

— Конечно, не похож. Оса полосатая и кусачая. А твой самолет — красивый.

— Он у меня называется «Стрекозка», — смущенно сказал Летчик. Он откинул легонькую дверцу кабины.

— Садись в заднее кресло. Я запущу мотор.

Алешка забрался на пружинящее пластмассовое сиденье. Он видел сквозь выпуклое стекло, как Летчик подошел к носу самолета, подпрыгнул, ухватился за лопасть винта. Она опустилась к

траве. Летчик резко качнул ее в сторону. Пропеллер сразу почти исчез — превратился в прозрачный круг. Летчик отскочил, воздух от винта встрепал его волосы. Кабина задрожала.

Летчик прыгнул на переднее сиденье, повернулся к домику, поднял руку. И сказал через плечо Алешке:

— Поехали.

Самолет взлетел почти без разбега. Аэродром косо ушел вниз, домики сделались игрушечными.

Некоторое время Алешка привыкал к полету. Смотрел, как наклоняется из стороны в сторону громадная земля, как распаивается горизонт, как блестят серебряными нитками реки и бегут по дорогам крохотные машины...

Потом он стал смотреть на Летчика.

Пилотское кресло располагалось ниже пассажирского и было откинута назад. Алешка видел над пластмассовой спинкой затылок Летчика, плечи, а за ними высоко поднятые колени. Они двигались, когда Летчик то и дело нажимал на педали, и блестели, как твердые коричневые каштаны.

— Летчик, ты, наверно, часто на юг летаешь, да?

— Почему ты так решил?

— Ты загорелый, как индеец, а здесь еще начало лета. Когда успел?

— В сказках круглый год лето... Я здесь, в кабине, загорел. — Он щелкнул по шитку. — Это органическое стекло, оно хорошо пропускает ультрафиолет. А ведь я летаю под самым солнцем.

— Ты часто летаешь?

— Приходится.

— Это ничего, что с тобой разговариваю? Не отвлекаю?

Летчик повернул голову, он улыбался.

— Нет! Только мне плохо слышно, мотор мешает! Если хочешь, лезь сюда.

Алешка протиснулся в промежуток между пилотским креслом и стенкой кабины. Впереди качался горизонт. В лицо били солнечные лучи.

— Далеко до Ветрогорска? — спросил Алешка.

— В сумерках прилетим.

— Ой! А раньше никак нельзя?

— Бесплезно стараться. Ты же в сказку попал, а в сказках много всяких правил. В Ветрогорск всегда прилетают после заката. Надо, чтобы солнце село, иначе пилот не увидит город.

Алешка помолчал, глянул сбоку и наконец решился на важный вопрос:

— Послушай... а ты по правде летчик? Самый настоящий? Ты только не обижайся.

— Я не обижаюсь. Вот если бы ты побоялся лететь, было бы обидно. А ты же не испугался...

— Значит, ты работаешь, как взрослые пилоты?

— Не совсем. Я — Летчик для Особых Поручений.

— Но это ведь, наверно, еще важнее, чем просто летчик? Особые поручения — они же самые трудные?

— Не обязательно. Просто они другие. Часто приходится летать в сказки, а взрослые в них плохо разбираются... То есть бывают, которые разбираются, но они не умеют водить самолеты...

— А таких, кто понимает в самолетах и в сказках, нет?

— Был один. Тот, кто написал «Маленького принца». Но это давно...

Алешка тоже знал сказку про «Маленького принца», поэтому оба с пониманием помолчали.

— Смотри! — вдруг сказал Летчик. — Там внизу Заповедный лес номер одиннадцать. Кого в нем только нет! Одних Красных Шапочек больше десятка. До того вредные девчонки, бедного Волка совсем замучили, он-то один.

— Вот это да... А еще кто там есть?

— Видишь лесную дорогу? Смотри, по ней Колобок скачет. Он там каждый день появляется...

Внизу и правда прыгало по дороге круглое улыбчивое существо. Помахало пролетевшему самолету ручкой.

— И Лиса его каждый день лопает? — посочувствовал Алешка.

— Ну, где там! Сейчас колобки умные... А еще есть пещера с лешими...

Лешие у входа в черную пасть пещеры приветствовали самолет взмахами лохматых лап.

— А что там блестит?

— Где?.. А! Это Серебряный Витязь едет на своем Дормидонте!

Действительно, по дороге трусил на косматом жеребце воин в остром шлеме и серебристой чешуе. С высоты он казался маленьким, словно конный оловянный солдатик.

— Однажды Дормидонт охромел, — живо рассказывал Летчик. — Пришлось мне Витязя везти в Синее королевство на самолете. А на нем столько железа! Хорошо, что моя «Стрекозка» — неразбиваемая, а то бы обязательно загремели.

— А она... правда совсем неразбиваемая?

— Конечно! На ней хоть что можно выделывать! Хочешь, попробуем?

— Н-ну... хочу, — вынужден был сказать Алешка.

Самолет провалился в пустоту, земля и небо завертелись со страшной скоростью. Алешка сжался, зажмурился, открыл рот в немом вопле.

Полет выровнялся. Мелькнул под крылом Серебряный Витязь, махавший кольчужной рукавицей. Самолет опять пошел к облакам.

— Уф... — честно сказал Алешка. — Я думал, крышка...

— Ты молодец! Даже не крикнул. А Витязь два раза орал «мамочка». Из-за тяжести пришлось снижаться быстро, вот он и заголосил... Я говорю: «Со змеем драться не боитесь, а здесь дрожите как девчонка...» А он: «Змей — дело привычное. А сюда меня больше никакими калачами не заманишь»...

— Значит, он со змеем дрался? — спросил отдышавшийся Алешка.

— Они каждую неделю дерутся, такая программа... Змею давно на пенсию пора, но он в зоопарк не хочет, а человеческие деньги чиновники ему не дают... А Баба Яга добилась пенсии. За инвалидность, у нее нога костяная...

— Ты ее тоже видел?

— Я ее в город возил, в пенсионную контору... Вредная такая, все ворчала, что я не так «Стрекозкой» управляю. Я ей сказал: «Бабушка, ну что вы понимаете? Это же самолет, а не ступа с метлой». А она: «Попался бы ты мне, когда зубы целы были...»

— Ничего себе заявочки, — пожегся Алешка. Показалось даже, что столетняя крючконосая бабка пристроилась в заднем кресле и желтые клыки ее торчат очень выразительно. Жуть...

Алешка глянул на Летчика с новой порцией уважения — в самом деле бесстрашный мальчишка, хотя и небольшой совсем... Летчик пожаловался:

— А потом еще жалобу Диспетчеру на меня накатала: невежливо, мол, с ней разговаривал...

— А Диспетчер... он за что на тебя злился? Тоже за какое-то сказочное дело?

— Вообще не за сказочное! Дядьки с сетками на собак охотились, у малышей щенка прихватили — и в фургон. Хорошо, что недалеко от аэродрома. Я в самолет и за ними. Зашел сверху и по задней двери, по замку — из рогатки. Она у меня специальная для таких дел, снежный человек Капитон Рудольфович подарил, хороший дядька... Замок вдребезги, дверь настезь — щенок и все другие собачата — на волю. Шофер в зеркальце увидел такое дело

и зарулил с перепугу в кювет... Диспетчер не хотел к полетам допускать... Все равно допустил, больше-то некого...

— Послушай... а как ты стал Летчиком для Особых Поручений? Или это секрет?

— Да не секрет. Расскажу, если хочешь. Только давай залетим сначала в Антарктиду...

— Ну... давай, — Алешка решил ничему больше не удивляться. — Только там ведь, наверно, жуткий холод?

— Нисколько. Там такое же лето!

Самолет сел на обширном травянистом пустыре. Там и тут стояли густые кусты репейника, розовел иван-чай. По краю пустыря тянулись остатки дощатого забора. За ним виднелись крыши и колокольни. Но это — далеко. А здесь были пустота и безлюдье.

Летчик и Алешка прыгнули в траву. Неподалеку торчали два столба с полуоторванной калиткой. Летчик подошел, прислонился к столбу, шепотом сказал Алешке:

— Слышишь, как тихо?

— Да... Как на другой планете...

— Или как в Антарктиде, когда ее еще не открыли.

— Но... это все-таки ведь не Антарктида, — осторожно сказал Алешка.

— Видишь там, за забором, город?

— Вижу.

— Это Колокольцев. Мы там жили...

— Кто?

— Смотри... — Летчик отодвинулся от столба, и на старом дереве стали видны глубоко вырезанные имена:

АНТОН
АРКАШКА
ТИМА
ДАНИЛКА.

— Антон — это я, — сказал Летчик. — А остальные — это были мои друзья...

— Были? А теперь?

Летчик помолчал, глядя мимо Алешки.

— Мы здесь играли... Мы придумали эту страну. Видишь: «Ант... Арк... Ти... Да...» Первые слоги имен соединишь, и получается название... Конечно, это не настоящая Антарктида. Да в холод и льды нам и не хотелось. Нам было хорошо здесь.

Им было хорошо вчетвером. Играли целыми днями. Придумывали свои сказки...

...Были ранние синеватые сумерки. Антошка и Данилка прятались, как разведчики, в кустах. Сзади к ним шумно прыгнул Аркашка.

— А, вот вы где! А я к пароходу «Синий кит» приделал штурвал! Можно плыть вокруг света...

— Тсс... — приложил палец к губам Антошка.

— Вы от кого прячетесь? От Крокопудры?

— Нет. Данилка нарисовал на заборе страусов, а они удрали с досок. Так же, как Крокопудра. Надо выследить, — объяснил Антошка.

— Зачем?

— А вдруг они яйцо снесут? — объяснил Данилка. — Вылупится настоящий, ненарисованный страусенок...

— А Тимка куда пропал?

— Он сказал, что пойдет репетировать с кузнечиками, — сообщил Антошка. — Какую-то скрипичную сонату.

Аркашка хмыкнул.

— А, вот вы где! — Это над ними нависло многолапое зубастое нарисованное чудовище Крокопудра. — Сейчас я возьму вас в плен и съем.

— Тише, пожалуйста, — попросил Данилка.

— Ну, чего опять «тише»! Как покажешь зубы, сразу «тише»! Я по правде съем! Забыли разве, что я злодей? Зачем тогда меня нарисовали?

— Это, наверно, ты напугал страусов? — догадался Антошка.

— Никого я не пугал! Чуть что, сразу Крокопудра... Я на зайцев хвостов охотился, нахальные такие стали, рожи корчат и поют...

— Что поют? — заинтересовался Аркашка.

— Ерунду всякую... «Наш ужасный Крокопудра, был сначала очень мудрый, а потом с забора бряк — сразу сделался ду...» Тыфу! Противно повторять.

— В самом деле нехорошо, — сказал Данилка. — Надо с ними поговорить.

— Не успеете! — напомнил Крокопудра и прорычал: — Я же сейчас растерзаю вас и съем.

— Давай лучше завтра, — попросил Антошка. — Нам еще надо Тиму найти.

— А чего его искать? Он на ромашковой лужайке зеленым кузнечам свою музыку играет. Я подкрался, говорю: «Сейчас всех сожру», а он: «Не мешай, мы заняты»... Вот и попробуй тут...

— А правда, слышно его скрипку... — сказал Данилка. Все

прислушались. Даже Крокопудра насторожил косматые лопухастые уши. Издалека донеслась плавная мелодия.

— Идемте, — сказал Антошка. Трое друзей двинулись было на звуки музыки. — Крокопудра, пока... — спохватился Антошка.

— Ладно, до завтра. Но имейте в виду... — И Крокопудра, кряхтя и почесываясь, двинулся своим путем. Тут же по сторонам от него повыскакивали из травы странные существа — полузайцы, полугномы. С обезьяньими повадками.

На заборе Крокопудра
Нарисован белой пудрой.
Нам тебя подкрасить надо —
Купим красную помаду!

— Брысь, макаки!..

...Друзья выбрались на усыпанную ромашками поляну. Тоненький, с острыми локтями и растрепанными локонами музыкант Тима водил смычком и время от времени нагибался к листьям и головкам высокой травы. На них сидели крупные кузнечики. Играли на крохотных скрипках.

Данилка жестом остановил друзей: не мешайте, мол... Но Тима услышал шаги, оглянулся, опустил смычок. Заулыбался друзьям.

— Посмотрите, у нас целый оркестр получился. Они такие способные...

Коренастый деловитый Аркашка повел плечами.

— Зря ты с ними возишься. Давай лучше превратим этих кузнецов в конницу! Кому нужна их скрипучая музыка?

Тима захлопал светлыми ресницами.

— Ну, ребята... послушайте... Какая же она скрипучая? Ну ведь нельзя же совсем без музыки.

— Конечно, нельзя, — сказал Антошка.

— А без лошадей можно? — загорячился Аркашка. — А как мы будем охотиться за кенгулапами? Как скакать по Желтой прерии? Как догоним Черного рыцаря? Верхом на Крокопудре? А может, верхом на твоих скрипках?

Данилка в это время стоял чуть в стороне, слушал и растерянно моргал.

— Ребята, да вы что! — звонко сказал он. — Лошади — это же просто! Пошли! — Он быстро зашагал через траву к забору. Антошка, Тима и Аркашка, переглядываясь, двинулись за ним. Когда подошли, Данилка мелом уже дорисовывал четырех вздыбленных длинногривых коней — быстрыми взмахами. Скакуны зашевелились, гривы колыхнулись.

— Ух ты! — сказал Аркашка.

— Вот это кони! — обрадовался Тима. — Они... как музыка.
 — Давайте назовем их Ант, Арк, Тим и Дан, — радуясь, что все так хорошо разрешилось, предложил Данилка. — Согласны?
 — Ура, — сказали Аркашка и Тима.
 — Антошка, а ты?.. — оглянулся Данилка. — Антошка... ты чего? А он стоял в сторонке и запястьем тер глаза.
 — В глаз попало? — подскочил Аркашка.
 — Дай посмотрю... — взял его за локоть Данилка. Антошка отодвинул локоть.
 — Ты... плачешь? — тихо спросил Тима.
 Антошка опустил руку и смотрел в землю.
 — Да ну вас... Я испугался... Я думал, мы все сейчас посоримся...

Трое запереглядывались.

— Ты, Антошка, чепуху какую-то выдумал, — осторожно сказал Данилка. — Как же мы можем посориться? Ведь у нас же Антарктида.

— Я понимаю. Я испугался...

— Чего бояться, если мы вместе? — пожал плечами Аркашка.

— Испугался, что... перестанем вместе...

— Не надо, Антошка... — шепотом сказал Тима и взял его за плечо. И в этот миг Аркашка запританцовывал, завопил:

— Ай! Ой-ёй-ёй! — Он выдернул что-то светящееся из кармана, отбросил. — Карман прожгла!

В траве ярким горючим светом горела большая искра.

— Что это? — удивился Антошка.

— Что-что! Вечерняя звездочка! Я ее вчера с неба достал. Намазал воздушный шарик начинкой от конфеты, пустил вверх на длинной нитке, звездочка прилипла. Я ее — вниз и в карман. А потом забыл... А она вон как... — Аркашка все приплясывал, потирая обожженное бедро. — Кусачая.

— Ты же сам виноват, — заметил Тима. — Звезды не держат в карманах...

— Давайте отправим обратно, — предложил Антошка.

— Думаете, получится? — усомнился Аркашка. Слегка виновато.

— Конечно! — заверил всех Антошка. — Он взял из травы звездочку и перекидывал из ладони в ладонь, как уголек. — Я кину, а вы считайте...

Они встали в кружок.

Ант... Арк... Ти... ДА!
 Улетай наверх, звезда! —

хором сказали друзья, и Антошка махнул рукой. Звездочка золотой ниткой прошила сумерки и затерялась среди других вечерних звезд. Ребята помахали ей из травы.

Над травами бесшумно шли сбежавшие с забора нарисованные кони.

— Ну что, домой? — спросил Аркашка (все еще почесывая ногу под карманом).

— Пора, — согласился Антошка. — Только давайте скажем... те слова...

Стоя кружком, они сцепили правые руки и покачали ими.

Ант... Арк... Ти... ДА!
 Будем вместе навсегда!

Эти слова Летчик Антошка Топольков повторил и сейчас, когда кончил рассказывать свою историю Алешке.

Посидели у столба с именами, помолчали. Наконец Алешка нерешительно спросил:

— А что дальше? Значит, вы... все-таки посорились?

— Что ты! Никогда в жизни! Просто... такое злое совпадение...

— Какое?

— Родители уговорили меня поехать в лагерь. Отцу надо было в командировку, мама сдавала экзамены в институте, всем не до меня... Сказали, что всего на три недели. Я этих трех недель не выдержал, конечно, вернулся через две, но все равно опоздал. Их уже не было.

— Кого?

— Аркашки, Тимы и Данилки. Они разъехались из города. Навсегда.

— Все враз?

— Так получилось. У Аркашки отца перевели на стройку в Голубые Холмы. Тимкиных родителей пригласили в новый театр, в Ясноград. А Данилку мама увезла в деревню, тоже насовсем...

— И ты их больше не видел?

— Нет, почему же! Когда у меня появился самолет... я ведь рассказывал, как он появился... и когда меня зачислили в летчики, я полетел к ним сразу. Первым делом в Голубые Холмы...

Он посадил «Стрекозку» на краю городка, помчался по незнакомым улицам, держа перед собой клочок бумаги с адресом. Нашел дом, взбежал по лестнице, надавил звонок...

У появившегося на пороге Аркашки расплылось лицо.

— Ух ты! Антон!

— Я за тобой! Летим к ребятам! У меня самолет, настоящий, честное антарктическое!

Аркашка не очень удивился.

— В кружке построили, да? А у нас на технической станции роботов делают. Хочешь, покажу?

— Потом... Ну, ты что? Давай скорее полетим к Тиме и Данилке!

Антошка поцарапал кроссовкой линолеум. Оглянулся на висевшие в передней часы.

— Понимаешь... у меня в два часа занятия на станции. Я там не достроил одну штуку.

— Аркашка, — тихо сказал Антон. — А как же Антарктида?

Аркашка еще раз оглянулся на часы.

— А ты... знаешь что?! Ты слетай сначала к Тимке. Договорись с ним, а потом прилетите за мной. Я... может, освобожусь к тому времени.

— Ну, что ж... — сказал Антон. И стал спускаться по лестнице.

Тима играл на скрипке.

Он увидел в зеркале Антошку. Тот остановился в двери и слушал игру.

— Антошка... это по правде ты?

— Хочешь вернуться в Антарктиду? У меня самолет. Честное антарктическое...

Тима посмотрел на скрипку.

— А ее можно взять с собой? С ней ничего не случится на высоте?

— Мы ее завернем. Я полечу очень осторожно...

И тут в комнату вошел знаменитый Тимин папа-артист.

— Антоша. Я могу поговорить с тобой как мужчина с женщиной? С глазу на глаз.

— Конечно, дядя Витя.

Они вышли в другую комнату, дядя Витя взволнованно поправил на круглом животе подтяжки.

— Видишь ли, Антоша... Я тоже понимаю, что такое дружба. Что такое любимые места, любимые игры и так далее. Да... Но Тима так увлечен музыкой. Недавно он играл уже в настоящем концерте, и скоро снова... Занятия скрипкой требуют постоянного труда...

Антошка опустил голову. Перед глазами замелькал вертящийся пропеллер. Впрочем, это не сейчас, а когда он уже вел «Стрекозку» к деревне, где жил теперь Данилка.

Данилка сидел на крыльце и лепил из глины веселого крокодила. Антошка не успел ничего сказать. Данилка встал, обернулся, будто его окликнули. Глаза у него и даже веснушки засияли.

— Ну вот. Я всем говорил, что ты приедешь. Даже мама не верила, а я все равно знал... Ты на чем?

— На самолете... Я не шучу, Данилка, не думай! Есть маленький самолет. Летим в Антарктиду!

Данилкина радость потускнела.

— Если на самолете, мне нельзя. Не разрешат.

— Но это совсем безопасный самолет!

— Врач все равно не разрешит. Оказывается, у меня сердце не в порядке. Поэтому и в деревню переехали, здесь спокойней. Мне даже бегать не дают, а на высоту и совсем... Если будет осложнение, придется делать операцию. Я не боюсь, да мама вся извелась...

Антошка положил ему руки на плечи.

— Данилка... ты не горюй. Я буду прилетать. Часто...

— Я и прилетал, — сказал Антон Алешке. — И к Данилке, и к Аркашке, и к Тиме. И сейчас прилетаю. Иногда... Времени только мало, постоянно в рейсах. Заповедные леса, тридевятые государства...

— Но это же, наверно, интересно, — неуверенно сказал Алешка.

— Бывает интересно. Бывает даже страшно, а иногда весело... Только все равно...

— Что все равно?

— Не нужны сказки, если ты один. Скучно в них одному.

— Но ты же всегда летишь с пассажиром!

— Ну и что? Он долетит и уйдет. У каждого своя сказка, своя дорога. По чужим сказкам летаю уже целый год, а своей у меня нет. Кончилась...

— Думаешь, кончилась?

— Конечно. Антарктиды больше нет, ребят я не собрал... А самая хорошая сказка — это когда находишь друга.

— Знаешь что, Летчик? Тебе нужен второй пилот.

— Пилоту второе кресло нужно, а оно ведь для пассажира. Вот если бы кто-то, как Данилка или как Тима... или еще кто-нибудь. Чтобы рядом посадить можно было, как тебя... Нам бы тесно не было...

— Я понимаю... Жаль, что у меня другая дорога.

Антошка не ответил. Посидели молча. Летчик встал.

— Солнце уже низко. Пора...

— А обратно я тоже с тобой полечу?
 — Обратно на поезде. Так полагается. Говорят, удобнее и проще... Ну, полетели...

Даже с высоты было видно, что солнце уже у самого горизонта. Оно рассыпало по стремительным лопастям винта красные блики.

— Вон за тем лесом Ветрогорск. А дальше — море... — И Антошка плавно двинул вперед ручку управления...

Они приземлились недалеко от окраины, в большом поле. За высокими травами догорал закат, над ним желтел месяц.

Алешка выпрыгнул из кабины. Летчик тоже выпрыгнул и встал рядом.

— Ну вот, теперь уж совсем прилетели...

— Далеко до города?

— Недалеко. Иди прямо на закат. Скоро начнется дорога, пойдешь по ней и почти сразу увидишь дома...

— Спасибо, Летчик... — Алешка чувствовал себя виноватым и стеснялся взглянуть Антошке в лицо. Но все же взглянул. И... взял в руки Антошкину ладонь.

Опять помолчали.

— Прощай, Летчик...

— Прощай... — Антошка опустил голову.

Алешка сделал шаг, но... что-то держало его. Нельзя было уйти вот так, без всяких слов.

— Сейчас полетишь обратно?

— Нет, я здесь посижу. До утра. — Антошка сел у маленького колеса, прислонился спиной к пухлой шине.

— А зачем... до утра?

— Просто так. Вдруг придет кто-нибудь... Какой-нибудь пассажир.

— А мне... значит, никак нельзя лететь с тобой обратно?

— Нет, можешь закрутиться со мной, застрянешь в разных сказках. А у тебя же своя дорога...

— Да. Я пойду. — Алешка выпрямился. Вспомнил про Машу, про кораблик. И про то, что времени в обрез. И все же... — А ничего, что ты здесь один? Ночь же...

— Ну что ты! Ничего со мной не случится, я под охраной Сказки.

— От холода Сказка тебя не спасет. Возьми мою куртку. Она надежная, походная.

— Да не надо! Тебе же дома влетит!

— Ни капельки мне не влетит, даже не думай!

Алешка скинул курточку, набросил на Летчика. И она накрыла его, съезжившегося у колеса, с ногами.

— Спасибо... Ну, ты уж иди. Скоро совсем стемнеет. — Летчик протянул из-под куртки руку. Алешка еще раз пожал его ладошку. Повернулся и пошел среди темной травы.

А Летчик смотрел, как уменьшается на фоне заката Алешкин силуэт.

Ветрогорск начался улицей, заросшей дубами и вязами. За деревьями поднимались странные дома с узорчатыми балконами, башенками и светящимися окнами. Сразу видно — непростой город. И жизнь здесь шла непростая. По горбтому мостику через овраг проскакали всадники в плащах и шлемах с перьями. Отовсюду слышались непонятные звуки: то сигнал трубы, то рычание, то отдаленные выстрелы, то неразборчивая песенка. Раздался обиженный мальчишечий голос:

— Я так не играю, вы мне ковер-самолет подсунули дыривый!

А потом:

— Руки вверх, господин Кривая Акула! Вы окружены!

В ответ:

— Ха! Ха! Ха! — и снова «бах», «бах»! Похоже, что из старинного пистолета.

И вдруг опять звонкий ребячий голосок:

На златом крыльце сидели

Царь, царевич, король, королевич!

Только я там не сидел,

Я в саду малину ел!

Кто попрятался в саду,

Съем малину и найду!

Алешка шел и оглядывался: не знаешь, чего откуда ждать.

Бархатный женский голос (то ли королева, то ли ведьма) спросил из темноты:

— Мальчик, хочешь в нашу сказку? Надо спасти принцессу, она залежалась в хрустальной пещере!

Алешка пуше прежнего завертел головой:

— Извините, но я не могу... Я должен идти своей дорогой...

— Ну, иди, иди... своей дорогой...

Скоро Алешка вышел на маленькую площадь, здесь горели фонарики. Посредине громоздился фонтан с якорями, по причудливым домам пролетали отблески света — наверно, от маяка. Алешку окружила компания мальчишек. Он сперва струхнул, но тут же увидел, что ребята дружелюбные.

Они были в пестрой одежде приморских пацанов, маленьких рыбаков: в тельняшках, зюйдвестках, разноцветных голландках. Некоторые с веслами на плечах. Старший сказал Алешке как знакомому:

— Пошли с нами! Мы идем искать говорящего дельфина Степку! Он знает, где затонул старый пароход «Везувий» с елочными игрушками!

Малыш в мешковатых штанах до пят пообещал шепеляво:

— Штепка покатает наш на шпине. Он жнаешь какой штреми-тельный!

Остальные необидно засмеялись. Девочка в капитанской фуражке объяснила:

— Сегодня такой вечер. Обязательно случится какое-нибудь приключение.

— Ребята, спасибо. Я бы хотел, но я не могу, честное слово. У меня важное дело...

Они не обиделись, но огорчились. Шепелявый малыш сказал:

— Штрашно жалко...

— А вы не знаете, где Корабельный музей?

Они наперебой объяснили, что «он вон там, совсем рядышком, «спражу жа площадью», в начале Якорного спуска...».

— Он сейчас, наверно, уже закрыт, да?

— Да что ты, он всегда открыт! — сказала девочка.

— Двери там шовшем не жапаляютша...

Старинное здание музея нависло над Алешкой темной громадой. Над высокой резной дверью светил фонарь — судя по форме, корабельный.

Алешка потоптался под фонарем, на высоком каменном крыльце. Что делать-то? Решился, потянул дверь за привинченный к ней медный якорь. Дверь запела, отошла...

Вестибюль был освещен узорчатыми (видимо, тоже корабельными) фонарями. Справа лежал у стены черный якорь-великан. Под его лапой спал щенок, он дернул ухом, но не проснулся.

Вверх уходила лестница с могучими якорными канатами вместо перил. Перед лестницей белела скульптура: мраморный мальчик (видно, только что выбравшийся из воды) сидел на сером валуне и держал выловленную в волнах бутылку. Внутри бутылки был различим кораблик. Мальчик — так показалось Алешке — был похож на Летчика. А кораблик... нет, это был не тот, за которым пришел сюда Алешка. Надо искать. И Алешка пошел по широкой лестнице, под нависшими корабельными флагами...

Потом он шагал по просторным залам Корабельного музея — сперва в полной пустоте и тишине. Потом раздалось сзади мелкие шаги, Алешка вздрогнул, но оказалось, что это догнал его щенок. Помахал хвостом. Они пошли вдвоем. Громадный мир связанных с морской жизнью вещей обступал Алешку. На картинах в тяжелых рамах смутно проступали мачты и паруса; из углов смотрели носовые корабельные фигуры — русалки, рыцари, львы, фантастические существа. По стенам развешаны были старинные карты, спасательные круги, штурвалы, корабельные часы. В витринах поблескивало абордажное оружие и навигационные инструменты. Выпукло выступали из полутьмы громадные глобусы и колбы песочных часов...

Да, но нигде не было моделей!

— А где же корабли? — спросил Алешка щенка. Тот опять замолчал хвостом и вдруг припал на передние лапы, залился звонким лаем. Он лаял на чучело свирепого пирата, смотревшее сквозь витринное стекло. Алешка сперва шархнул от пирата, а потом испуганно сказал щенку:

— Тихо, ты! Подумают, что вор забрался...

Послышались шаги. Щенок замер в выжидательной позе.

— Ну вот, — вздохнул Алешка. — Сейчас мне влетит.

Из-за витрин показался высокий человек в морской куртке. Прямой, широкоплечий, со шкиперской бородкой. Сказал без удивления:

— О, да у нас посетитель. Такой поздний гость. Тебе нравится в музее?

— Нравится... Только я не очень рассматривал. Я пришел по делу.

— Вот как! По важному?

— Очень!

— Ну, рассказывай...

— А вы... здесь работаете, да?

— Я — Хранитель музея.

У Хранителя были внимательные глаза, но не было в них ни капельки строгости. Алешка рассмотрел это, когда свет корабельного фонаря упал Хранителю на лицо. Алешка перестал тревожиться.

— Ну, так что за важное дело у тебя? — сказал Хранитель.

— Мне говорили, будто все модели, которые уплывают от хвезя или теряются, находят дорогу сюда... Правда?

— Правда. Но только хорошие модели, те, что сделаны с любовью. Плохие гибнут в пути.

— Но я смотрел, смотрел... тут нет ни одного кораблика...

— А они не здесь. Пойдем.

Хранитель подвел Алешку к двери за витринами. Погрозил щенку. Щенок отстал, а Хранитель и Алешка стали спускаться по винтовой лесенке. Внизу оказалась еще одна дверь — с круглым окошком — иллюминатором.

— Входи...

В подвальном зале со сводчатым потолком раскинулось корабельное царство. Здесь были громадные модели фрегатов, за ними тянулись столы и витрины с моделями поменьше. Среди бригантин и галеонов темнели узкие крейсера и субмарины. Сквозь такелажную паутину шхун и каравелл сверкали белизной лайнеры и сухогрузы. В торосах из голубого стекла подымал могучий форштевень атомный ледокол. Пламенели крылатые паруса малайских катамаранов...

Алешка оглянулся на Хранителя.

— Здесь их, наверно, целая тысяча. Я и не думал, что бывает столько... всяких...

— Да, их очень много... Скучные люди говорят: зачем эти игрушки, какая от них польза...

— Они ничего не понимают!

— Конечно. У маленьких кораблей большая служба... В детях они будят мечты о дальних плаваниях. Морякам с крейсеров и подводных лодок напоминают о давних подвигах, мужеству учат... А старикам дают радость и утешение, возвращают память о морской жизни, о прошлом... А еще есть примета, что модели кораблей приносят удачу...

Они медленно шли вдоль витрин и столов с моделями. Алешка слушал, не перебивал. Все, что говорил Хранитель, было интересно и правильно... Но где же *тот самый* клипер-фрегат?

— Заговорился я, извини. Какое же у тебя дело?

Алешка вспомнил Машу, засмутился.

— Вообще-то... это такая... долгая история...

— Долгая? Ну и отлично! Пойдем в мою каюту.

Они оказались в отгороженном шкафами закутке. Здесь горела обычная, не корабельная, лампа, стояли простые стулья и стол. Алешку Хранитель усадил на узкий (видимо, все же судовой) диванчик. Включил стоявшую на столе плитку, водрузил на нее чайник, сел рядом с Алешкой.

— Ну, рассказывай, пока чай греется...

Алешка поцарапал ногтем клеенчатый подлокотник.

— Понимаете... завтра у одной девочки день рождения. А ей

очень нравятся корабли... Она даже хотела стать капитаном дальнего плавания... Мы недавно увидели у знакомой модель кораблика, и я решил, что подарю его ей... Маше... А потом оказалось, что дом смыло и клипер уплыл...

Пока Алешка рассказывал, ему вспоминались будто наяву: Маша и он перед футляром с моделью... гроза за окнами... опустевший домик... внучка старика-волшебника, что-то сочувственно и беззвучно говорящая ему, Алешке...

Когда он кончил, Хранитель переспросил:

— Значит, ты решил подарить девочке модель?

Алешка кивнул. Хранитель потрогал бородку.

— Да... но ведь дарить можно только то, что принадлежит тебе.

А разве клипер твой?

— Ну... Софья Александровна хотела отдать его мне.

— Хотела, но не успела.

— Но раз он уплыл, он стал ничей. И я пошел искать его... Мне даже дали специальный билет!

— Что за билет?

— Вот... — Алешка вытащил из кармана Зеленый билет (изрядно уже помятый). Хранитель повертел его в пальцах.

— Серьезный документ... Но даже с ним ты кораблик не догнал.

— А разве он не здесь?

— В том-то и дело, что здесь, а не у тебя. Он сам выбрал дорогу сюда...

Алешка понял, что вся *его* дорога может кончиться ничем. Даже в горле заскребло. Он отвернулся.

— У вас тут... целые тысячи моделей... Неужели вам жаль одну, маленькую...

— Алеша, ты пойми. Дело не в том, что жаль. В музее очень строгие правила, морские. Я могу отдать кораблик лишь тогда, когда пойму, что у тебя есть доказательства...

— Какие?..

— Что ты имеешь на него свои права... Есть у тебя доказательства?

— Я не знаю... Я все рассказал...

Хранитель покачал головой. Этого, мол, недостаточно.

— А еще... — Алешка с последней надеждой поднял глаза. — Я про него, про клипер... стихи написал!

— Стихи? Это дело серьезное. Ну, прочти.

— Я... сейчас...

Нелегко это — читать свои стихи перед незнакомым человеком, не артист ведь...

— А можно, я лучше попробую спеть? Это не совсем стихи, а... это, может быть, песня...

— Прекрасно! Давай!

— Только... а тут случайно нет гитары?

— Есть. Даже не случайно... — Хранитель дотянулся, достал из-за этажерки с книгами потертую гитару. — Давняя спутница океанских рейсов...

Алешка с почтением взял «спутницу».

— Только я играю... не очень... Так, аккорды. Но с ней все же легче...

Хранитель кивнул: давай, мол, не стесняйся.

Алешка сел с гитарой. Потрогал струны. Сыграл первый аккорд.

— Сейчас... вот... Жил был старый корабельный мастер... Молчаливый, трубкою дымящий... — Звук струны догнал слова.

...И однажды сделал он кораблик —
Маленький, но будто настоящий.

Был фрегат отделан весь как чудо —
От бизани до бушпритной сетки...
Но однажды старый мастер умер,
И корабль остался у соседки...

Да, гитарист Алешка был так себе. Но голос его постепенно окреп. Ясный такой...

Что ж, она его не обижала,
Пыль сдувала, под стеклом держала,
Только ей ни разу не приснился
Голос шквала или скрип штурвала.

Что ей море, якоря и пушки?
Что ей синий ветер океана?...
Куковала хрипая кукушка,
По стеклу ходили тараканы...

Алешка вспомнил обшарпанные обои, пронафталиненный комод в темном углу, безголосую кукушку в старых часах, и от жалости к кораблику голос у него зазвенел:

Среди шляпок старых и затасканных,
Пыльных перьев и гнилого фетра
Как он жил там — парусная сказка,
Чайный клипер, сын морей и ветра?

Что он видел темными ночами,
Повернув бушприт к окну слепому?

Ветра ждал упрямо и отчаянно?
Или звал кого-нибудь на помощь?

Струны загудели, как штормовой такелаж. И Алешка совсем уже не стеснялся.

И проснулись влажные зюйд-весты,
Закипели грозовые воды!
Сдвинули потоки домик с места,
Унесли кораблик на свободу!..

...Он уплыл по золотым рассветам,
По большим закатам ярко-красным...

...Пусть его хранит капризный ветер
На пути далеком и опасном...

Алешка прижал струны ладонью.

— Вот... Это пока всё. Конца я еще не придумал.

Хранитель посидел, подумал несколько секунд.

— Что ж, Алеша... Конца ты еще и не знаешь. Допишешь его после... Больше спорить не будем, клипер твой.

Алешка молчал смущенно и обрадованно.

Хранитель выключил плитку, достал кружки, пачку сухарей.

— Давай поужинаем. Потом укладывайся. Переночуешь, а завтра на вокзал.

— Но я могу опоздать домой!

— С таким билетом, как у тебя, не опоздаешь. Садись к столу.

— А... клипер? Он где?

— Будет и клипер. А пока угощайся... Сухари — из трюма бригантины «Королевская лань», знаменитой...

Пока Алешка глотал чай и хрустел сухарями, Хранитель принес подушку и черную морскую шинель.

— Это тебе вместо одеяла.

— Спасибо...

— Ложись.

Не раздеваясь, Алешка устроился на диванчике. Хранитель ушел снова и тут же вернулся с моделью клипера. Поставил кораблик на край стола. Алешка благодарно улыбнулся.

— Послушай, Алеша, — вдруг сказал Хранитель, — а ты уверен, что у Маши ему будет лучше, чем в музее? Здесь он среди кораблей. Свой среди своих. А там... Она будет его любить?

— Будет!

— Ну, спи... — Хранитель выключил лампу.

В темноте Алешка спросил:

— А что это гремит иногда? Где-то далеко?

В самом деле иногда раздавался раскатистый металлический гул.

— А! Это якорные цепи. Судно приходит в гавань, отдает якорь, а цепь гремит на брашпиле... Спи.

Утром Алешку разбудил яркий луч. Сквозь небольшое оконце у потолка он пробивался в «каюту», отражался от корабельных часов (на них была половина одиннадцатого — вот это поспал!), падал Алешке на лицо и на батистовые паруса клипера.

Алешка откинул морскую шинель. Сел. Улыбнулся клиперу. Сунул ноги в кроссовки, подошел к столу. Рядом с моделью лежали Зеленый билет и записка с крупными буквами:

*Доброе утро!
Вокзал недалеко —
в двух кварталах от площади с башнями.
Площадь — у моря.
Море — рядом.
Желаю удачи.*

— Спасибо... — шепотом сказал Алешка.

Кроме всего прочего он увидел на столе большую кружку, накрытую краухой. В кружке оказалось молоко. Алешка выпил его залпом, а хлеб дожевывал уже на улице.

Море и правда виднелось в конце причудливой, с лесенками и фонтанами, улицы.

Держа кораблик у груди, Алешка заспешил к этой удивительной, вспыхивающей белыми гребешками синеве. От встречного воздуха растрепались волосы, затрепетали паруса.

Покрытая плитами площадь с легким наклоном уходила в море. Волны набегали, далеко раскатывались по плитам, пена застревала среди стеблей травы, растущей из щелей.

На площади стояли башни-великаны, словно собранные из морских романов и сказок. Они были очень разные — из серых глыб, из кирпичей и даже из мрамора. Одни — глухие и суровые, как крепости, другие — праздничные, как дворцы. Со шпилями, с флюгерами, с зубцами. На некоторых вверху видны были круглые стеклянные будки, а за стеклами блестели маячные линзы.

То обходя длинные языки воды, то ступая прямо в пену, Алешка шел с запрокинутой головой. Его удивляли не только сами башни, но и то, что облака над ними резво бежали в разные стороны. Разве может быть такое? Алешка так загляделся вверх, что

даже на какое-то время забыл про море. Но оно напоминало о себе. Иногда волны забегали так далеко, что у подножий башен закипали водовороты.

Ближе всех к морю стояла гранитная башня-маяк. У нее было высокое крыльцо с поручнями, как на капитанском мостике. На крыльцо вышел мальчик в красных трусиках (ростом и загаром похожий на Летчика). Он весело сощурился на солнце, на бегущие облака и с верхней ступеньки прыгнул на плиты. Вода тут же залила его ноги. Потом она отбежала, а мальчик засмеялся и пошел туда, где стоял Алешка. Сначала он не видел Алешку, но скоро заметил, подошел поближе. Посмотрел на кораблик, потом Алешке в лицо. Медленно сказал:

— Какой красивый...

— Да. Это клипер-фрегат...

— Я знаю. Мне дедушка обещал сделать клипер, да все некогда ему...

— А кто твой дедушка? Моряк?

— Он исследователь полуночного норд-веста.

— Хорошая работа... — с уважением сказал Алешка. — И вы с дедушкой живете в этой башне?

— Дедушка живет. А я прихожу в гости. Мы вместе встречаем ветер... — Мальчик взглянул весело и доверчиво: — Ты знаешь, наш ветер совсем ручной. Где-то далеко он бури закручивает, а к нам прилетает добрый и спокойный...

— А в других башнях тоже исследователи живут?

— Да. У каждого свой ветер. Видишь, облака летят в разные стороны? Потому что у каждого ветра свое направление.

— И они не сталкиваются?

— Бывает, что сталкиваются. И тогда случается заваруха... Конечно, я подержу клипер?

— Подержи.

Мальчик покачал кораблик в ладонях.

— Совсем легонький. Его любой ветерок помчит.

— Да. Только здесь-то нет никакого ветра...

— Они все вверху... Послушай, ты не здешний, да?

Алешка кивнул.

— Тогда знаешь что? — Мальчик протянул обратно клипер. — Если, конечно, тебе интересно... можно сегодня вечером встретить наш норд-вест. Дедушка разрешит, он добрый... Ветер заберется в дырявую водосточную трубу и будет петь песни разных морей. Хочешь послушать?

Алешка почувствовал себя виноватым.

— Я очень хочу. Очень-очень... Но я не могу. Мне надо срочно ехать. Понимаешь, такая у меня дорога...

— Понимаю. Жаль...

— В какой стороне вокзал?

— Вон за той башней переулок, он ведет к станции.

— Ну, тогда... прощай.

— Прощай... — Мальчик кивнул и пошел по мокрым плитам в море. Когда волна докатилась к нему до пояса, он обернулся, помаhal Алешке и поплыл от берега.

— Смелый, — сказал ему вслед Алешка. — Сразу видно: с морем на «ты»...

Вокзал был маленький и уютный, как в небольших российских городках.

Алешка глянул на висевшую со стороны перрона, у входа, таблицу с расписанием. Потом на вокзальные часы.

— Ну, ехать-то всего четыре часа. А поезд через двадцать минут. К трём будем дома, — сказал он клиперу, как присмирившему на руках котенку. — Вот какая сказка: вперед с приключениями, а обратно — раз, два и готово...

На перроне было всего несколько пассажиров. Среди них — пожилой моряк в форме капитана дальнего плавания. Он пригляделся к Алешке, подошел. Сказал, показывая на клипер:

— Сразу видно, хороший мастер сделал...

Алешка кивнул.

— Я о такой модели с детства мечтал, — вздохнул моряк. — Слушай, мальчик. Давай меняться, а? У меня есть штурвал красного дерева, с каперской шхуны «Ведьма» и подзорная труба знаменитого капитана Гушина-Безбородько. Выбери что хочешь... Корабельный музей эти вещи у меня со слезами выпрашивал... А?

— Понимаете, я никак не могу. Модель уже почти не моя. Это подарок... для одного человека...

— Жаль, — опять вздохнул капитан. И вдруг подхватил фуражку, потому что ее чуть не сорвало ветром. Порыв ударил неожиданно, задергались паруса клипера, понесло по перрону чью-то газету, две женщины схватились за косынки. Пригнуло станционные тополя...

— Этого еще не хватало... — Капитан за плечи втянул Алешку под навес и встал рядом. Потом глянул из-под крыши вверх. — Ну и ну!

— Что случилось?

— Два ветра столкнулись над башнями. Сейчас будет карусель. И в городе, и в море...

— Ой... — перепуганно сказал Алешка.

— Не бойся. Здесь-то нам не страшно, стены у вокзала крепкие.

— Не в нас дело! Там в море мальчик уплыл!.. Подержите, пожалуйста! Я скоро! — Алешка сунул клипер в руки капитана и, пригибаясь навстречу ветру, снова бросился на площадь.

В небе начиналась кутерьма, издалека было видно, как вздыбились в море волны. Алешка выскочил к башне-маяку... и с облегчением остановился. Знакомый мальчик и старик с растрепанной седой бородой стояли у крыльца, прячась от ветра за гранитным цоколем башни. Старик прикрывал мальчика тужуркой. Оба что-то весело говорили друг другу.

Они увидели запыхавшегося Алешку.

— Ты пришел к нам? — обрадовался мальчик. — Встречать ветер?

— Нет, — смутился Алешка, поняв ненужность своей тревоги. — На минутку...

— Он прибежал потому, что испугался за тебя, — расставил старик все на места. — Он не знал, что ты успел раньше ветра.

Алешка и мальчик опустили головы с одинаковым смущением.

— А где клипер? — глянув исподлобья, спросил мальчик.

— На вокзале дожидается... Ладно, я побегу...

— Подожди... — Мальчик шагнул к нему. — Возьми. Я ее только что нашел среди камней... — Это была крупная раковина с розовой внутренностью.

— Спасибо, — прошептал Алешка и приложил раковину к уху. — Гудит... Мне пора...

— Ни пуха ни пера тебе, юнга, — серьезно сказал старик.

— Спасибо... то есть... Ой, а можно я спрошу? У вас в башне есть радио? Для переговоров.

— Есть передатчик...

— А можно связаться с самолетом?

— Смотря с каким самолетом, — сказал старик.

— Есть такой Летчик для Особых Поручений...

— Знаю, — сказал старик, глянув на внука. — Но у летчика Тополькова в самолете нет радио. Он и без него сердцем чувствует, если кому-то нужен. И летит...

— До свиданья, — сказал Алешка, опять ощутив непонятную вину. — Мне правда пора...

Шквалистый ветер теперь дул в спину и быстро пригнал Алешку на перрон.

— Ну, приятель, устроил ты мне переживание, — сказал капитан, протягивая модель. — У меня через две минуты электричка. — Куда бы я делся с твоим кораблем?

— Спасибо! Было очень важное дело... — Одной рукой Алешка взял модель, а другой заталкивал в карман шипастую раковину...

Когда Алешка оказался в вагоне, в мягком кресле у окна, ударил ливень. Он смазал все, что виделось за окном, ровно зашумел, поезд двинулся, вылетая свой гул в голос грозы. Звуки слились, стали ровными, убаюкивающими.

— Вот и сказке конец, — сказал Алешка клиперу, который держал на коленях. Привалился к спинке и прикрыл глаза.

— ...Мальчик! Мальчик с Зеленым билетом, — трясла его за плечо проводница. — Через три минуты твоя станция. Не пропусти...

Поезд остановился на знакомом вокзале в Алешкином городе. Совсем не сказочная платформа, не сказочный город... С моделью в руках Алешка вышел на перрон. Вокзальные часы показывали без двадцати три.

— К Маше мы успеем, — сказал Алешка то ли клиперу, то ли себе. — А домой забежать — уже никак...

Он глянул в стеклянную витрину привокзального магазинчика, будто в зеркало.

— Да-а... Мама сказала бы: «Тебя будто крокодил жевал, разве можно так идти в гости?» Ну да ладно, я же из экспедиции. И с подарком...

Алешка спешил по солнечным, блестящим после дождя улицам, и в голове у него прыгали такие же солнечные стихи:

Машка, ты как ромашка в траве,
Добрая, веселая, славная.
Я к тебе в гости сегодня успел —
Это самое главное.
Трам-там-там...

Он взбежал по лестнице. Остановился перед дверью, хотел позвонить, но передумал.

— Нет, — сказал он кораблику. — Я подарю тебя не сразу. Сперва приду просто так, а потом — сюрприз... Подожди здесь.

Он спрятал модель в углу, за батарею. Вернулся к двери и позвонил.

Нарядная именинница открыла сразу. Обрадовалась:

— Ой, Алешка! — И удивилась: — Ой, какой ты... взъерошенный...

— Здравствуй. Я тебя поздравляю... Я привез тебе такой подарок!

— Спасибо!.. Ну, заходи скорей.

— Подожди, я сейчас...

Алешка хотел вернуться за корабликом, качнулся назад и... увидел за Машиным плечом нескольких нарядных гостей: двух девчонок в бантиках, мальчика в модном пиджачке и... улыбающегося, гладко причесанного Принца.

Вмиг все потускнело в Алешкиной душе.

Маша поняла, почему он так стремительно поскуучнел.

— Ну, Алешка, — заговорила она быстрым полусшепотом. — Ты не обижайся, что он там. Я решила его пригласить, потому что мы все-таки в одном коллективе. И вместе играем главные роли. И вообще...

— Конечно... — тоже шепотом сказал Алешка, глядя в пол.

— Ты, по-моему, зря на него злишься. В общем-то он совсем не плохой...

— Я ни капельки на него не злюсь. Я... про него больше и не вспоминал.

— Ну, тогда пойдем!

Алешка поднял глаза, усмехнулся.

— Куда же я такой? Вы вон какие... именинные. А я с дороги, весь в пыли.

— А ты, значит, откуда-то приехал? — Маша оглянулась на гостей. — А знаешь что? Ты ведь можешь сбежать домой, умыться, переодеться. Мы подождем. Ладно?

— Ладно, — скучновато согласился Алешка. — Пойду...

— Постой... А ты что за подарок мне принес? Не думай, что я жадная, просто интересно.

Алешка мельком глянул на батарею. Незаметно мотнул головой: не мог он сейчас так скомканно, наспех отдать заветный кораблик. С натугой вытащил раковину.

— Я... вот. Совсем недавно она лежала среди морских камней. Рядом с ней жили крабы... В ней всегда будет гудеть прибор.

— Ой, какая замечательная!.. У папы есть такая, на письменном столе, он в нее окурки толкает, как в пепельницу...

Алешка насупленно сказал:

— Но ты, я думаю, не будешь толкать в нее окурки?

Она весело засмеялась этой шутке.

— Что ты! Неужели ты думаешь, что я курю? Я даже никогда

не пробовала, хотя нынче считается, что девушкам курить — это модно...

Снова глядя в пол, Алешка тихо (с последней надеждой) сказал:

— Маша... Послушай. Там такой берег. И маяки. И морские ветры со всех сторон. И волны, волны...

— Это где? В Сочи? Мы с мамой и папой в будущем году обязательно туда поедем. Или на Канарские острова. Там самые модные курорты...

— Ладно, я пошел...

— Но ты вернешься?

— Я... постараюсь.

— Нет, дай слово, что вернешься!

— Ладно, даю... Если ничего не случится.

— Приходи скорее!

Когда закрылась дверь, Алешка достал из-за батареи кораблик. Оглянувшись на дверь и побежал вниз по лестнице.

Увидев Алешку, тетя Даша всплеснула руками:

— Силы небесные! На кого ты похож! Чем вы занимались там, на даче?!

— Веселились, — деревянно-бодрым голосом сказал Алешка. — Гоняли футбол, лазали по деревьям, пускали в пруду кораблики...

— И неужели нельзя при этом выглядеть, как приличные дети!

— Сейчас буду выглядеть, — со вздохом пообещал Алешка. — Можно мне взять ваш утюг?

Пробуя утюг помусоленным пальцем, он гладил матросский костюм и уговаривал себя (или кораблик):

— Все равно она хорошая... Она же не виновата. Просто она не видела ни Ветрогорска, ни Корабельного музея, ни Заповедного леса с высоты полета... Я ей все расскажу, и она... тогда скажет отцу, что нельзя толкать в морские раковины окурки...

Алешка выключил утюг, натянул матросский костюм. Равнодушно крутнулся перед зеркалом: ладно, сойдет... Из кармана джинсов стал переключать в карман парусиновых штанов все, что было, — перочинный ножик, скомканный платок. И наконец, взял в руки мятый Зеленый билет.

— Ой... а он ведь еще годен... — Алешка быстро глянул на будильник. — До четырех еще целых одиннадцать минут! А что, если... — Он напряг все мышцы, зажмурился и... представил, как мчит к Маше (рвется на ветру матросский воротник). Он вбе-

гает, хватая Машу за руку, вытаскивает на лестницу, на улицу, заставляет бежать за собой.

«Скорее! У нас еще семь минут! Мы успеем на станцию! А потом на аэродром! И в Ветрогорск!»

Маша наконец вырывает руку.

«Алешка, ты с ума сошел! Ведь неудобно же, у меня гости!»

Они стоят друг против друга, часто дыша.

«Ну и пусть гости! — отчаянно говорит Алешка. — Они и без тебя съедят твои пироги! А ты зато... ты увидишь такую сказку! И все поймешь!»

«Но я же их пригласила. Так не полагается...»

«Маша, потом будет поздно!»

«Я все равно не могу, мне нельзя переутомляться. Завтра урок музыки, потом репетиция...»

Алешка безнадежно опускает голову. Оказывается, никуда он не убежал, а по-прежнему стоит перед зеркалом. Одиноким, уставшим, в криво поглаженных шортах и матроске с подпалиной от утюга...

— Ну что ж... ладно... — Он взял с подоконника кораблик. — Идем... на последнюю стоянку.

Показалось, что клипер протестующе трепыхнул парусами.

Алешка вышел на улицу. Ветер трепал солнечные листья, хлопнул синим воротником. Кораблик опять затрепетал у Алешки в руках.

— Что? Тебе не хочется туда? — понимающе сказал Алешка. — Если честно, то и мне тоже... Но мы ведь дали слово. По крайней мере я дал...

Паруса надулись, ветер потянул кораблик из Алешкиных ладоней.

— Ну... да, — согласился Алешка. — Я сказал: «Если ничего не случится». А разве что-то случилось?

Он остановился, оглядываясь, прислушиваясь... Тень от дерева легла поперек асфальта, словно непонятная граница. Послышались топот и смех. Это бежала вдоль газона ватага знакомых ребятишек с пластмассовым вертолетом — вертолет реял у них над головами, улетал вперед, нельзя было отставать, поэтому ребята лишь помахали Алешке на бегу. Вертолет взмыл в высоту, а там, в синеве, прошивал пространство игольчатый след самолета... И зазвучала тихонько мелодия — то ли о клипере, то ли об Антарктиде... То ли о дороге...

Клипер встрепенулся опять.

— Да, случилось... — твердо сказал кораблику и себе Алешка. Он резко повернулся, зашагал в переулок. На ходу оглянулся, посмотрел в сторону Машиного дома. — Эх ты, Машка-ромашка...

Домик Софьи Александровны покосился еще больше. Окна были забиты досками. От нависшего над оврагом угла убежало вниз высохшее русло потока. По этому руслу, хватаясь за репейники и подняв над головой модель, Алешка спустился к ручью.

Он встал коленями прямо в воду, подтолкнул к середине ручья кораблик.

— Плыви. Тебе пора домой...

Клипер помедлил секунду, словно прощаясь, вздрогнул и заскользил по течению. Почти сразу его подхватил ветер. Кораблик скрылся за нависшими кустами.

Алешка поднялся и сел на лежавшую у воды корягу. На миг ему стало спокойнее.

— Вот... я исправил ошибку...

— Только одну, Алеша, — раздался похожий на шелест ветра голосок. — А с другими-то как быть?

Алешка медленно оглянулся. Неподалеку стояла светловолосая внучка старика-сапожника. Алешка не удивился, он словно чувствовал: что-то *такое* должно случиться.

— С какими другими? — сказал Алешка устало.

— Тебя на дороге звали столько людей, столько сказок. На каждом перекрестке. А ты все мимо да мимо. — Девочка говорила без упрёка, сочувственно. — Ты не послушался Голоса Дороги...

— Кого не послушался?

— *Голоса Дороги*... Разве и сейчас не слышишь?

Кажется, Алешка слышал. Чуть-чуть. Все ту же полужнакомую мелодию, которую выводила тонкая, похожая на звон тишины струна... Но что Алешка мог теперь сделать?

— Я не виноват... — почти простонал он. — Я же не знал, что неправильно выбрал путь.

— Нет, виноват, — вздохнула девочка.

— Почему?

— Будто не знаешь...

— Нет!

— А почему тебя грызет совесть?

— Почему?.. Я ошибся, но я один от этого и пострадал. Я же отпустил кораблик!

— При чем здесь кораблик...

— Тогда что?

— Будто не помнишь...

— Нет!

Девочка, жалея Алешку, наклонила к плечу голову. Спросила совсем тихо, но различимо:

— *А Летчик?*

Алешка опустил голову к коленям. Сразу вспомнил, как летчик Антошка, сгорбившись под курткой, сидел в сумерках у самотетного колеса.

Когда Алешка снова поднял голову, девочка уже уходила. Оглянувшись, сказала через плечо:

— Ты все повторял: «У меня своя дорога, свой путь...» Будто гордился. Только никаким путем нельзя проходить мимо того, кому нужен друг. А ты...

— А я оставил ему рваную куртку. Вот и все... — тихо, но без пощадки к себе выговорил Алешка. И в сердцах грохнул кулаками о корягу. Слизнул кровь с ободранных костяшек. Встал. — Я пойду!

— Куда? — негромко удивилась девочка.

— За корабликом! Догоню его. Он приведет в Ветрогорск. Там я найду Летчика... И всех... Всё...

Девочка что-то говорила вслед, но Алешка не слушал. Шагнул в ручей и решительно зашагал по течению.

Долго идти так не удалось. Ноги стали вязнуть в иле. Потом преградили путь заросли осоки. Алешка выбрался на берег. Но береговая тропинка скоро уперлась в забор, ручей совсем затерялся в зарослях... Алешка продирался сквозь кусты и сорняки, перелезал через плетни, отмахивался от назойливых слепней, наконец, остановился перед изгородью с ржавой колючей проволокой. Дальше пути не было.

— Куда же теперь? — беспомощно спросил Алешка.

— Без Зеленого билета ты никуда не дойдешь, — раздался сочувственный голосок. Это опять рядом оказалась девочка.

— Но билет же просрочен!

— Попробуй достать новый. Беги в Транспортное агентство, может, успеешь еще...

Алешка мигнул, постоял секунду... и рванул на улицу Полярных Капитанов.

Агентство было закрыто. Двое рабочих на стремянке снимали вывеску. На запертых дверях было написано «Ремонт». Но пожилая кассирша была здесь, давала рабочим указания. Запаленно дыша, Алешка затормозил рядом.

— Здравствуйте... Извините... Вы уже совсем не работаете? Никак?

— Здравствуй. Какой ты растрепанный... Да, мы *никак* не работаем. До будущего года. Капитальный ремонт.

— И... нигде больше нельзя достать Зеленый билет?

— Зеленые билеты на этот сезон израсходованы полностью... А что случилось, мальчик?

Алешка уронил голову. Выговорил тихо и сипловато:

— Я... неправильно выбрал путь. Я знаю, что сам виноват... только...

Кассирша взяла его пальцами за подбородок, приподняла лицо. Увидела мокрые глаза.

— О-о, голубчик, дело, я вижу, серьезное... Но билетов в самом деле нет...

— И ничего-ничего нельзя сделать? — уже не опуская лица, с последней надеждой сказал Алешка.

— Не знаю... Постарайся добежать до Почтовой станции, может быть, она еще не закрыта. Может быть, на ней тебе помогут...

И опять Алешка мчался по улицам. Вот и Дальняя, вот ее конец... Тропинка... Деревянный дом, полосатые столбы... У конюязи двое служащих уговаривали строптивного жеребца, он ржал и метал головой.

— Простите... можно я спрошу... станция еще работает?

— Ничего не работает, — неласково отозвался толстый усатый служащий (тот, что и в прошлый раз не жаловал Алешку; кажется, Пафнутий). — Закрылись. Не видишь разве, нет ни лошадей, ни карет.

А другой... это оказался Памфилий!

— Лексей! Снова пожаловал... Я не сразу признал, гляжу — какой-то морячок... А станции тут больше не будет. Будет придорожный ресторан и автостоянка. Сам понимаешь, рыночные отношения...

Алешка проглотил комок.

— И теперь уже никак... не добраться до *того* аэродрома? Мне это надо... больше всего на свете.

— Баловство одно, — проворчал толстый Пафнутий. Но Памфилий пригляделся к Алешке и, видать, что-то понял.

— Если больше всего, то... не знаю, Лексей. Разве что верхом. Вот, осталась последняя лошадь. Сумеешь?

— Я... сумею! — Алешка сжал губы, шагнул к норовистому коню. Тот не стал дожидаться. Вырвал из рук толстого Пафнутия

повод и умчался в поле. Оба служителя развели руками. Пафнутий проворчал:

— Сам видишь, не судьба...

— Нигде не судьба, — с тихим отчаянием сказал Алешка. — По ручью не пройти, агентство закрылось, здесь... тоже. Ничего не осталось...

Памфилий слегка нагнулся над ним.

— Ну, почему же ничего? Дорога-то пока осталась. Вот она...

И правда, вдаль уходили две травянистые колеи.

— И по ней... можно дойти? *Туда?*

— Это кому как повезет. Может, сумеешь... если слышишь *Голос Дороги...*

Алешка поморгал, прислушался. К тишине, к себе... Кажется, снова зазвучала тихая струна.

— Я... да, я пойду!

— Что ж, ступай, матросик. Только путь не близкий...

— Все равно...

Сколько Алешка шел, он сам не знал. Солнце уже совсем склонилось к горизонту, а вокруг было все то же поле с кустами и пригорками. От них тянулись длинные тени.

Алешка измучился. Волосы были всклокочены, на лице полоски — то ли от пота, то ли от слезинок. Отглаженный костюм смялся и местами был порван, на ногах — ссадины и порезы... Алешка уже еле двигал ногами, а поле по-прежнему было пустым. А дорога — бесконечной.

Алешка напился из попавшегося на пути ручейка, ополоснул лицо. Поднялся на пригорок. Все та же пустота, низкое солнце, уходящие вдаль колеи...

— Она никогда не кончится, эта дорога, — с отчаянием сказал Алешка и всхлипнул.

— Но это же хорошо... — возразил чей-то голос. Алешка оглянулся. Среди теней и трав колебалась фигура нарисованного зверя-страшилища. Это был когда-то обитавший в Антарктиде Крокопудра. Впрочем, сейчас он не казался страшным. И удивляться не было сил.

Алешка только горько возразил:

— Что хорошего?

— Пока дорога не кончилась, есть надежда... — философски рассудил Крокопудра.

— Да какая надежда-то? Скажи!

Но Крокопудра не ответил и стал удаляться мягкими прыжка-

ми, растаял. Попробуй пойми: был он на самом деле или привиделся от усталости? Алешка поглядел ему вслед, сделал еще несколько шагов и обессиленно сел на придорожный камень. Всклинул опять. Капли повисли на ресницах. Сквозь них поле, кусты и солнце виделись, как сквозь россыпь искр. Алешка мотнул головой, искр стало меньше. Он вытер глаза, все искры исчезли. Кроме одной. Эта последняя не исчезала. Наоборот, делалась крупнее. Алешка помигал. Искра росла и, кажется, приближалась.

Алешка встал. Сквозь звенящую тишину и стрекот кузнечиков ему послышалось другое стрекотанье, более осязаемое. Алешка прислушивался, не веря себе. Но верь не верь, а это...

— Летчик... Братцы, это же Летчик!

Алешка побежал навстречу звезде, которая на глазах превращалась в самолет. В знакомую «Стрекозку»!

— Летчик, я здесь!

Самолет пронесся над Алешкой и снова ушел вдаль и в высоту. А вслед ему летел крик — со смесью страха и надежды:

— Антошка, Летчик! Это же я, я, Алешка! Вернись!

Самолет вернулся, опять пронесся над Алешкиной головой и вновь ушел вдаль. Стал делать в высоте широкий круг.

— Летчик, это я, Алешка! Просто раньше я был в куртке, а теперь в матроске! Ты не узнал?!

Самолет описывал широкую дугу. То ли Антошка правда не узнавал мальчишку в матроске, то ли не знал, где посадить «Стрекозку». Наконец самолет вновь стал приближаться. Алешка с колотящимся сердцем побежал навстречу.

— Летчик, это я! Смотри!

На ровной лужайке с низкой травой он упал ногами к самолету, раскинул руки буквой Т...

С высоты эта «буква» казалась крошечной. Но виделась четко. Летчик Антошка натренированным движением — плавно, но решительно — двинул от себя ручку управления. Зеленая, в полосках вечерних теней, земля встала наклонной стеной. Белеющая в траве фигурка стала расти в размерах. Сперва почти незаметно. А в ровном стрекоте пробилась мелодия. И слова, которые пел мальчишечий голос, — сперва будто вдалеке, потом громче:

Это сбудется, сбудется, сбудется,
Потому что дорога не кончена.
Кто-то мчится затихшей улицей,
Кто-то бьется в дверь заколоченную...

Кто-то друга найти не сумел
И ушел с пути бесконечного,
Но дорога опять лежит
В теплом сумраке вечера...

Песню, лежа в траве, слышал и Алешка. И ему отрывочно вспоминалось, как он спешит с корабликом к оврагу, как отпускает клипер в ручей, как ломится сквозь заросли...

Разорвется замкнутый круг,
Рассеченный крылом, как мечом.
Мой братишка, мой летчик, мой друг
Свой планшет надел на плечо...
Сказка стала сильнее слез,
И теперь ничего не страшно мне:
Где-то взмыл над водой самолет,
Где-то грохнула цепь на брашпилье...

Прозрачный круг стремительного винта мерцал за лобовым стеклом самолета, сквозь него Летчик видел раскинувшегося в траве Алешку, который делался все больше, различимее... А сам Алешка — он как бы и лежал, и в то же время мчался по улицам: к Транспортному агентству, к Почтовой станции, потом через траву...

Якорь брошен в усталую глубь,
Но дорога еще не кончена:
Самолет межзвездную мглу
Рассекает крылом отточенным.

Летчик Антошка потянул ручку на себя. Самолет пронесся низко-низко над Алешкой, сел, пробежал по траве, замер.

Летчик Антошка выпрыгнул из кабины. Алешка вскочил из травы. Они быстро пошли друг к другу.

...Если бы в ту сторону смотрел издали, из травы Крокопудра, он видел бы, как недалеко от самолета на фоне заката сходятся два тонких мальчишечьих силуэта. Сошлись, взяли друг друга за руки...

Слышишь, Голос Дороги зовет,
Отзываясь в сердце твоём!
Мы отныне в любой полет
Уходить будем только вдвоем...

С грохотом разбился о камни у набережной прибой, взлетела пена.

По набережной Ветрогорска шли Хранитель Морского музея

и загорелый мальчик в красных трусиках. Мальчик держал у груди модель клипера. Оживленно рассказывал:

— Я вышел к берегу за Желтым мысом, там тихо. И смотрю: он приткнулся к камню и вздрагивает — будто на руки просится. Я взял...

Хранитель посмотрел на модель, как на живое существо.

— Молодец, что вернулся домой... Сбежал, да?

— Нет, он не сбежал! — помотал головой мальчик. — Наверно, все было по-другому... Иначе Алешка и Летчик не встретились бы.

— А ты думаешь, они встретились?

— Смотрите! — Мальчик поднял лицо.

Серебристая звездочка вырастала в синеве. Превращалась в самолет.

«Стрекозка» пронеслась над кромкой берега. Летчик и Алешка, перегнувшись через борт кабины, помахали Хранителю и мальчику. Те замахали в ответ... Они делались все меньше и меньше — самолет уходил в высоту. Море под крыльями распахивалось на необъятную ширину, в ней белели паруса...

ОЧЕРКИ

СОЛНЦЕ НАД МОРЕМ

Из путевого блокнота

СЕВАСТОПОЛЬ

Над Инкерманом, над Северной бухтой, где в смутной дымке замерли синие корабли, стремительно встает солнце. Первый луч, скользя по заблудившемуся в громадном небе перистому облаку, окрашивает его в темно-розовый цвет. И облако тает. Луч скользит вниз по золотому шпилю Морского клуба, бросает оранжевые блики на круглое здание Панорамы. И вдруг миллион лучей бесшумной лавиной устремляется на город. Солнце уже не красное, а ослепительно белое, небо синее и море тоже синее. Даже удивительно, что оно может быть таким синим.

Утро сияет над Севастополем, над Малаховым курганом. Ветер, летящий с моря, плещет листьями молодых деревьев в аллее Дружбы. Здесь сажают деревья люди разных стран. Сажают каштаны, тополя, клены и акации вместо сожженных войной. И деревья растут, чтобы был мир...

Чуть колыхнется трава на брустверах бастионов. Колеблется красное пламя вечного огня над башней Малахова кургана. Тускло блещат чугунные стволы морских орудий и пирамиды черных ядер. И на каждом камне лежит суровая и спокойная слава.

О Севастополе написано немало томов: о подвигах его защитников во время двух оборон, о красоте его, о странной привлекательности, которая любого человека заставляет полюбить этот город.

Но нужно самому побывать в Севастополе, чтобы понять все это. Нужно побродить по улицам, где на стенах домов еще видны следы от осколков; белыми переулками, заросшими серой зеленью и лютиками, пройти до руин древнего Херсонеса, побывать на горячих от солнца причалах, где часами сидят с удочками молчаливые старики и мальчишки. Если улов был неплохим, можно завязать разговор, и рыбаки расскажут немало интересного: ребята о сегодняшних делах, старики о прошлом, может быть, о войне...

Севастополь — не только черная бронза памятников, гулкие залы музеев, белая колоннада Графской пристани, знаменитая Панорама и другие достопримечательности, куда, едва успев сойти с поезда, устремляются туристы.

Севастополь — это и вырубленные в скалах тропинки, и крутые лестницы вместо переулков... Плеск моря у подножья Памятника затопленным кораблям, сухой шорох ветра в акациях, неожиданный смех загорелых до черноты ребятишек, которых обдала брызгами озорная волна, сигналы горнистов на военных кораблях — это тоже Севастополь. А еще Севастополь — это матросы, спешащие вечером на последний баркас, рабочие, идущие по утрам в порт, крановщик, машущий кому-то кепкой из-под полуденного неба. Севастополь — это девушки, возвращающиеся с воскресника с лопатами на плече и букетами астр, и маленький первоклассник в большущей бескозырке, восхищенным взором провожающий уходящие в море эсминцы.

ВСТРЕЧИ НА УЛИЦАХ

Мальчишка сидел на тротуаре, обхватив ободранные в кровь колени, и с ненавистью смотрел на кроватную сетку. Сетка была тяжелая, натянутая на широкую железную раму, с острыми колечками порванной проволоки. Еще одна попытка ребят поднять ее по отвесной тропинке на школьный двор потерпела неудачу. Только ссадин прибавилось.

— Кто вам подарил эту штуку? — спросил я у ребят.

— Никто не подарил. Во дворе нашли, — ответил мальчишка и с досадой толкнул сетку ногой. Сетка ответила дребезжаньем, похожим на презрительный смех.

— В ней железа меньше, чем ржавчины, — сказал светловолосый четвероклассник с поцарапанной щекой. — Но она двор захламляла.

Я помог мальчишкам затащить их находку наверх, в кучу металлолома, и в награду потребовал подробное объяснение, как проехать до Херсонеса.

— Разве вы не севастопольский? — спросили они, провожая меня к автобусной остановке.

— А почему вы решили, что севастопольский?

— Да так... Туристы никогда не помогают. Только ходят с аппаратами... А севастопольцы всегда помогают. Потому что наш город борется за культуру и образцовый порядок.

О решении севастопольцев сделать свой город образцовым из-

вестно из газет. И поэтому не удивляешься, видя натянутые поперек улиц лозунги с призывами победить в соревновании симферопольцев и одесситов. Лозунги написаны синей краской на сером полотне. Они не придают улицам парадного вида, они не для красоты. Их задача — всегда напоминать: «Высоко держите честь Севастополя».

Как-то, возвращаясь на катере из Инкермана, я разговорился с пожилым рабочим, бывшим матросом.

— Как же не любить Севастополь, — просто сказала он. — Тем более теперь. Своими руками выстроили заново. Помню, когда наш отряд вошел в город, сердце закипело. Одни руины...

Мы сошли у Графской пристани. Был по-южному черный, расцвеченный фонарями вечер. На площади Нахимова танцевала молодежь. Вальс кружил белые бескозырки, пестрые ковбойки, яркие платья. На тротуаре стояли ребята с красными повязками.

— Скучают, — усмехнулся, кивая на них, мой попутчик. — Одно время завелись у нас стилияги. Как танцы, так и давай выгибаться. Что ж, макали их в море. Помогло. А вообще народ у нас хороший.

Каждый севастополец чувствует себя ответственным за весь город. Недаром мальчишки тащили сетку от кровати, чтобы она не захламляла чей-то чужой двор.

Однажды я видел, как две школьницы, бросив портфели, подвязывали к деревянной решетке беседки стебелек синего вьюнка, оборванный ветром. Ничего особенного? Конечно. Но как они заметили порванный стебелек в густой зелени?

В Севастополе много цветов. И нигде нет фанерок-объявлений, запрещающих под угрозой штрафа рвать цветы. Наверное, потому, что никому в голову не приходит сорвать на улице астру или гладиолус, так же, как не приходит в голову пойти без билета в кинотеатр, где нет контролера, или бросить на тротуар окурков. Цветы гораздо лучше, если они растут. Они и так твои.

А когда здесь кончают строить дом, между будущими жильцами заранее распределяют участки, где те будут сажать цветы. Говорят, что иногда клумбы не увядают до самого Нового года...

РАСПЛАТА

Недавно в «Комсомольской правде» был напечатан снимок: ноги марширующих солдат. Видны были даже гвозди на подошвах. Под командой офицеров с железными крестами идут по Западной Германии солдаты вермахта. Они шагают, спрятав глаза в тень стальных касок...

Глядя на снимок, я вспомнил старую женщину из Севастополя, которая рассказывала мне о войне. Ее зовут Екатерина Дмитриевна. У нее темное от несходящего загара лицо. Когда она чем-нибудь озабочена, лицо пересекают резкие вертикальные морщины. Такие же морщины появляются на лице, когда она говорит про войну.

— Два месяца всего шел немец до Севастополя. А подошел — встал. И восемь месяцев взять не мог... Потом, как оставлять город стали, вывезли нас к Камышовой бухте, а дальше уже не успели. Насмотрелась я на горе человечье. Построили гады нас в колонну и погнали. Жара страшная, и воды ни капли. В воронках была вода, как в колодцах, но к ней не подпускали. Женщина с двумя детишками к солдату подошла, говорит, мальцы хотят пить, руками показывает: «Пусти к воронке». А он — ни да, ни нет. Стоит как истукан с автоматом на брюхе. Ноги расставил, не шевелится. Только она пошла к воде, а он, а он из автомата ей в спину...

Истукан в стальной каске...

Какие мысли шевелились под каской, когда он стрелял в женщину, хотевшую напоить детей? Убивая чужих матерей, помнил ли он про свою? Или мыслей не было вовсе? Сжигая чужую землю, он верил в непобедимость фюрера и не боялся расплаты?

Но время шло, и наши солдаты вернулись.

В музее Черноморского флота есть картина. Она так и называется — «Расплата». Там обожженный солнцем обрыв Херсонесского мыса. Желтые скалы, белые ноздреватые камни. Под обрывом фашисты. Понуро бредет куда-то офицер. Во всей его фигуре — безнадёжность. Другой поднял над головой белую грязную тряпку и старается дотянуться до кромки обрыва. Он запрокинул голову, словно в горло ему вогнали пулю. Может быть и так. Разве поможет наспех выстиранный в море носовой платок, которым еще недавно оттирали с рук кровавые пятна? Разве посмотрят на него матросы, идущие сюда мимо рухнувших домов и памятников, мимо рвов с расстрелянными, мимо виселиц и обугленных деревьев на Малаховом кургане?.. И еще на картине есть немецкий солдат. Бросив автомат, он сел на камень у самой воды и в молчаливом отчаянии смотрит на волны, захлестывающие его ботинки. А море синее-синее, теплое. Древние жители Херсонеса называли его Понт Эвксинский. Это значит — Гостеприимное море...

Тем, кто вновь уверовал в свою непобедимость, стоит сейчас побывать в Херсонесе, постоять на обрыве. Море там вбрасывает порой на берег человеческие кости. Много костей. А потом посмотреть бы им на картину в музее. На ней — люди у моря. Люди, которые убивали. Им очень хочется жить...

СУВЕНИР

На краю обрыва, на двух каменных столбах висит штормовой колокол. Когда начинают дуть ледяные норд-осты и море грозит швырнуть корабли на гребень прибрежных камней, колокол наполняет воздух тревожным гулом.

Сегодня колокол молчит. Только в глубине его бродит еле слышное эхо от легких ударов двухбалльной волны.

Над серыми грудями разрушенных башен, над белыми колоннами, оставшимися от древних храмов, над желтыми скалами Херсонеса висит синий безоблачный полдень. Тишина.

На солнцепеке, недалеко от развалин базилики, расположился художник. На нем серые, вымазанные краской брюки, рядом валяется вельветовая куртка и сиротливо жмутся друг к другу туфли с протертыми насквозь подошвами. На этюде художника — солнце. Оно искрится в море, дрожит в листьях высокой травы. Мраморная колоннада сияет ослепительной белизной.

Я останавливаюсь за спиной художника. Резкими движениями он бросает на холст яркие, сарьяновские мазки. Забегая то с одной, то с другой стороны, подает ему советы юркий старик в соломенной шляпе:

— Ты тень, тень брось, говорю тебе. Резче тень от колонн. Вон она какая на земле!

Художник досадливо морщится, но все-таки делает тени более резкими. Действительно, стало лучше.

— Я кой-чего в этом понимаю, — довольно говорит старик. — Сам немного балуюсь...

Он очень словоохотлив и рассказывает, что живет в Саратове, работает бухгалтером и любит живопись. Приехал отдыхать в Крым и вот встретил в Севастополе земляка, выпускника Саратовского художественного училища.

Художник в свою очередь рассказывает, что за месяц исходил весь Крым.

— Ботинки погубил вконец, — усмехается он, потирая заросший черной щетиной подбородок. — Придется продавать этюдник, а то домой не на что ехать.

Ничуть не огорченный, он смеется, блестя крупными белыми зубами. Я спрашиваю, не лучше ли продать несколько этюдов. Художник отрицательно качает головой: нет, не лучше. Этюды он заберет с собой в Саратов. На этих кусках картона он увезет с собой прозрачное море и яркое горячее солнце.

— Я подарил бы тебе этот этюд, — кивает он на синее море и

белую колоннаду, — но как ты его повезешь? Ему сохнуть надо, да и в чемодан не влезет... Жаль, что ты уезжаешь сегодня.

Мы помолчали. Художник, прицелившись, бросает в колокол гальку:

— Чего молчишь? Завтра будет шторм!

Колокол отвечает низким негодующим гулом.

— Люблю писать солнце, — признается мой новый знакомый. — Потому и в Крым приехал... Яркое солнце.

— Приезжай на Урал, — говорю я, вспомнив солнечные поляны с высокими, по пояс, розовыми цветами иван-чая, тонкий березняк по берегам искрящихся рек и блеск июльского утра, когда таит на поросших мохнатым лесом горах туманная синева...

Мы обмениваемся адресами. Я уношу в кармане ключок бумаги, где написано: «Саратов, Белоглинская, 81, Виктор Мотко». Это лучший сувенир, который я привез из Севастополя. Разве сравнятся с ним шкатулки из раковин и гипсовые статуэтки, продающиеся в киосках на бульваре.

Вечером поезд уходит из Севастополя. За окнами темнота. Лишь слабо мерцает у берега Северной бухты вода и светятся синие и желтые огни на кораблях. Но в памяти — ослепительно белый город на берегу ослепительно синего моря, город — песня о суровой славе и ярком солнце, песня, которую поет море, разбивая волну о берег Херсонеса.

1960

ВЕТЕР

УТРО

Если бы не звон будильника и не голос диктора, то никак не узнать, что уже утро. На улице темно, зимние рассветы слишком поздние.

В общежитиях на Пышминском тракте и в Черниговском переулке, где живут рабочие «Уралмашстроя», зажигаются желтые окна. Ребята сбрасывают одеяла, шуряют от света лампочек. Многие вчера поздно вернулись с занятий в институте или вечерней школе и в этот момент люто завидуют тем, кто работал во вторую смену и теперь может спать хоть до обеда.

Открываются двери. Шумно бьют в умывальниках струи воды. И перекликаются голоса:

— Как погода?

— Хуже вчерашней!

— Ветер?

— Как с цепи сорвался.

— Эх, черт! Если больше семи баллов, краны не будут работать.

— Может, и больше. Снег хлещет.

— И снег, и ветер, и звезд ночной полет...

— Ну, насчет звезд не знаю. Облака.

Потом идут ребята на работу. В свете фонарей бешено пляшут колючие снежинки. В конце улицы темной громадой встает строящийся корпус цеха металлоконструкций. Там уже вспыхивают ослепительные голубые огни электросварки. А в небе тихо растекается синяя вода рассвета.

Ребята идут по улицам поселка. На его западной окраине стоит красная арка. Вверху надпись: «Уралмашстрой. Ударная комсомольская стройка». Высокая арка кажется совсем маленькой на фоне громадных железобетонных пролетов. Здесь возводится цех сварных металлоконструкций. Это — лицо стройки. Когда

цех будет закончен, он займет двенадцать гектаров. Не только в нашей стране, но и во всей Европе не будет равного ему по величине и мощности. Благодаря этому цеху Уралмаш втрое увеличит выпуск металлоконструкций.

Любят ребята свою стройку, гордятся ею. Они расскажут о поточных линиях в будущем цехе, о манипуляторах и специальных стендах, которые проектируют для них инженеры КБ имени Патона, о телевизионных и радиоустановках для руководства всеми работами. Каждый из строителей упомянет о девятиста мощных кранах, которые будут передвигать многотонные узлы и детали машин. Вес некоторых «деталек» достигнет ста семидесяти пяти тонн. Словом, чудесный цех — по сути дела, самостоятельный громадный завод.

А кто будет работать в этом чудесном цехе-заводе? Да сами строители. Многие из них, окончив смену, идут в ремесленное училище при заводе, на различные курсы. Это ведь здорово: трудиться на предприятии, созданном своими руками!

Сейчас еще трудно представить, как будет окончательно выглядеть цех металлоконструкций. Но уже в этом году первая очередь цеха вступит в строй. А комсомольцы сразу взяли новое обязательство: к началу работы XXII съезда КПСС закрыть четыре пролета второй очереди.

Это будет нелегко. Но это — будет! Ведь стройка непростая. Ударная. Комсомольская.

Подвиги не совершаются каждый день. Ребята знают: иногда и в очень маленьком деле нужна большая твердость. Будни — это работа, простая, обыкновенная, и все-таки такая удивительная работа!

А пока... Пока они идут по стройке, ребята с ударной комсомольской, идут мимо серых бетонных колонн центрального корпуса, мимо гудящих автокранов и сломанных барачков. Идут от участка к участку — на полигон, где изготавливают железобетонные опоры, на строительство бытового корпуса, на компрессорную.

Они идут, а северный ветер стелет по земле снежные языки, будто все еще надеется задуть вспыхивающие повсюду огни электросварки.

люди с комсомольской путевкой

Обеденный перерыв. Мы сидим у строящегося здания компрессорной, укрывшись от ветра за штабелем кирпичей. Монтажник Эдик Иваницкий, член комсомольского штаба, прикуривает, сберегая слабый огонек спички в больших ладонях.

— Отовсюду у нас есть люди, — продолжает разговор Иваницкий. — Одни после технических училищ работают, другие из армии вернулись. А многие, как говорится, с «теплых мест» к нам пришли. Может, и лучше было бы им на заводах, у станков или в кабинетах, а взяли, однако, путевки. И, между прочим, знали, что медяки здесь на земле не валяются...

Перерыв кончается. Иваницкий встает.

— Плиты надо перебросить ближе к зданию. Вон и крановщица пришла.

— Говорят, если ветер больше семи баллов, краном нельзя работать?

— Ну... значит, нет семи баллов.

Уходя, он повторяет:

— А ребята у нас хорошие. Это точно.

Многие недоуменно пожимали плечами, когда узнали о решении Игоря Соболева. «Кончил парень техникум. Место хорошее, в конструкторском бюро Уралмаша... А он, подумать только, уходит на стройку простым рабочим».

Кое-кто отговаривал. Другие просто спрашивали: «Почему уходишь?»

Отвечать было трудно. Он и себе не мог четко объяснить. Конечно, в конструкторском интересная и нужная работа. Но стройка... Это было чем-то большим. В самом названии слышалось такое, о чем мечталось в детстве, когда читал о городе юности на Амуре: «Ударная комсомольская». Да и не только в названии...

«Уралмашстрою» нужны были люди. «Как и тогда, комсомол зовет», — думал Игорь. Но он не привык к громким словам. И говорил просто:

— Я же в институте учусь. День сидишь за чертежами, вечером на лекции бежишь. Лучше уж днем на свежем воздухе работать буду.

Пришел Игорь на стройку, когда лишь стаканы для колонн были на том месте, где сейчас растут пролеты цеха. Стал арматурщиком. А через несколько месяцев Игоря Соболева сделали бригадиром.

— Не в обиду конструкторам будь сказано, мне здесь больше нравится, — повторяет иногда Игорь. — Карандаши диаметром покрупнее.

И он показывает на железные прутья арматуры.

Вечером, сменившись с караула, сержант Василий Шабалин вернулся в казарму.

— Вася, тебе письмо. Из Свердловска.

— От Николая, — улыбнулся Василий, узнав почерк брата. Торопливо разорвал конверт. Из сложенного вчетверо листка скользнула газетная вырезка.

Подошел Анатолий Лежнин — интересно, что пишут другу.

— Брат на стройку зовет. Заметку вырезал из газеты, держи.

Лежнин прочел сначала заметку, потом письмо.

— Стоит подумать, а?

— Думать давно стоит. Службе скоро конец, а куда поедем?

— Слушай, а ведь здорово! Комсомольские путевки дадут...

— Значит, мы вроде добровольцев?

На следующий день сержант Шабалин писал на «Уралмашстрой» письмо. Человек десять за его спиной придирчиво перечитывали каждое слово.

— От имени всех пиши... Пусть всем путевки шлют. А может, мы там вовсе и не нужны?

Ответ пришел на имя командира части. Конечно, люди нужны. Пусть приезжают.

— Значит, Свердловск. Эх, братцы, давно же я не плотничал! Руки по топору соскучились, — счастливо смеялся Василий.

...И вот он, первый день работы. Василий сдвинул на затылок шапку. На ней след от звездочки. Да и всей штатской одежды у нового рабочего — ватник да валенки. Не обзавелся еще.

— Старается солдат, — переговаривались плотники, глядя, как ловко Василий обтесывает столб.

Звенит топор. В работе не чувствуешь, как холодный ветер обжигает разгоряченное лицо. Хорошо! И товарищи в бригаде хорошие, и стройка.

Только одна мысль смущает парня.

— Хотел, как все, по комсомольской путевке. А получилось, что просто по письму приехал.

Смеются друзья: чужак солдат. Разве в бумажке дело?

ПРОСТО СЛУЧАЙ

Это произошло в самом конце лета. Наползли тяжелые, как мокрая вата, серые тучи, и хлынул ливень. Он хлестал по земле, и она прямо на глазах раскисала, расплзалась под ногами, коричневые комья глины липли к ботинкам. Те, кто не успел добраться до какого-нибудь помещения, жались друг к другу в случайных укрытиях. Замерли краны, им не для кого было работать — каменщики и монтажники ушли с площадок.

Парень в промокнутой одежде заскочил в конторку. Со слипшихся прядей волос стекали по лицу струйки воды.

— Ну, монтажники, радуйтесь, — сказал он, на ходу выжимая куртку. — Самосвалы вам раствор сгрузили у энергоканала.

Радоваться, конечно, было нечему.

— Чем только люди думают, — забеспокоился Володя Долгополов. — Погибнет раствор!

— Не обратно же было его везти, — рассудительно заметил Семен Иванович Аброскин.

Монтажники должны покрывать бетонными плитами энергоканал, проходящий через территорию будущего цеха. Дождь мешал работе. И вот на тебе — догадались.

— Пропадет раствор, — снова сказал, словно подумал вслух, Володя.

— Может, попробуем? — нерешительно предложил Федя Журавлев. — Обидно.

Они переглянулись. Молча докурили папиросы. Знали — работа не на один час.

Ливень бурлил за окнами. Три человека пошли к выходу.

— Да вы что? Льет как из ведра, никто не работает. «Заактируют» день, и делу конец, — окликали их.

— Раствор там...

В дверях задержались на секунду и нырнули под холодные струи...

Скоро Семен Иванович замедлил шаги. Володя и Федя тоже пошли медленнее: теперь было уже все равно.

...Облегченно взревев моторами, отъезжали самосвалы. Дождь звонко бил в железные пустые кузова.

— А ну-ка, друг, давай к нам! — махнул рукой Долгополов машинисту автокрана. Кран вздрогнул и медленно пополз к штабелю бетонных плит.

Все часы, пока работали монтажники, дождь не ослабевал. Но тяжелые плиты аккуратно ложились на подкладку из раствора.

О том, как работали, много не скажешь. Все были мокрые с головы до пяток. Ноги скользили. А с неба текло...

Впрочем, теперь уже никто не вспоминает об этом. Мало ли бывает случаев...

ЧЛЕН БРИГАДЫ

В один их осенних дней Николай Гмызин впервые пришел на стройку не к началу смены. Пришел не на работу, а так, попрощаться. Было даже немного неловко: все делом заняты, а он стоит.

Но друзья уже обступили Николая.

— Когда уезжаешь, вояка?

— Попробуй только писем не писать!

— Вот, братцы, будет пополнение для танковых войск! Сам Коля Гмызин!

Он смеялся, стискивая в рукопожатиях дружеские ладони. Но как ни смеяся, а с бригадой расставаться жалко. Ох и жалко, черт возьми! Хоть и пробыл он в ней недолго, всего одно лето, а при-
вык.

— Знать бы раньше, — говорил он иногда друзьям, — давно бы стал монтажником. Работа здорово хорошая... Да и вообще...

«Вообще» — это значит, что люди в бригаде замечательные, друзья настоящие. Вот и судите сами, разве не грустно прощаться?

Подошел Михаил Терентьевич Гаврилов, бригадир.

— Куда после армии-то двинешь, Коля?

Николай вскинул удивленные глаза:

— Куда же, как не к вам? Я теперь на всю жизнь монтажник.

Гаврилов скрыл довольную улыбку.

— Ну, добре... Только ты смотри... Мы за коммунистическое звание боремся, так и ты тоже, хоть и в армии... В общем, понимаешь.

— Ясно, Михаил Терентьевич.

Через несколько дней оформляли список бригады Гаврилова, борющейся за звание коллектива коммунистического труда. Список аккуратный, вставлен в рамку. Синей краской — фамилии.

— Михаил Терентьевич, а как же с Николаем быть? — спросил кто-то.

Казалось бы, чего спрашивать? Ушел человек из бригады, в армии служит.

— Вернуться ведь обещал, — раздался голоса.

— Парень хороший...

— Мы же его и учили.

Гаврилов кивнул. Это верно, всей бригадой учили. Монтажник из него сделали, разряд дали.

— Как ни верти, а Колька все равно наш, — решил наконец бригадир. — Нам со своими людьми рвать не годится. Записывай.

Так в красивом бригадном списке с рамочкой появилась фамилия: «Николай Гмызин». И за ней сноска: «Служит в Советской Армии».

...Честное слово, хорошо быть в такой бригаде!

ВАЛЯ УВОЛЬНЯЕТСЯ

Однажды Володя Кошель, секретарь комитета ВЛКСМ «Урал-машстроя», встретил в коридоре девушку с обходным листом в руках.

— Валя, увольняешься? Почему?

Девушка смутилась.

— Нет, что ты. Это так.

А через полчаса увидел ее в отделе кадров.

— Значит, все-таки увольняешься. Но что случилось?

Валя молчала. Тогда Володя сказал:

— Ты по комсомольской путевке на стройку пришла. Значит, без решения комсомольского штаба тебя не уволят. Приходи-ка сегодня на заседание. Поговорим.

Она пришла. Принесла заявление. Прочитав его, начальник штаба Володя Галанов переспросил:

— Просишь уволить в связи с отъездом мужа?

В углу засмеялись.

— Знаешь, ты извини, конечно, но... врать тоже уметь надо.

Валя вспыхнула, встала.

— Ладно, я скажу! — И прорвалась горячая обида. — Скажу! Я сюда шла и думала: настоящее дело ждет. Комсомольская стройка. Романтика. Где она, ваша романтика? Земля да бетон. Попала в бригаду, где и комсомольцев не вижу.

Штаб зашумел:

— А ты не в землю смотри, а вокруг. Увидишь.

— Тише. Товарищи... тише.

— Все равно удержать не можете, — закончила девушка.

— И не будем, Валя. Но ты подумай. Может, перевести тебя из бригады на бетонный завод? Если совсем со стройки уйдешь, спокойно будет на душе?

Она упрямо молчала.

— Как хочешь, — сказал Володя. — Только у нас сегодня еще много вопросов. Посиди, послушай. Потом поговорим. Ладно?

Сейчас трудно вспомнить, о чем говорили в тот вечер в штабе. Видимо, о самых обычных вещах: о соревновании бригад, о задержке бетонных панелей, о новых рабочих, только что демобилизованных из армии... Говорить можно о чем угодно, но говорить по-разному. Ребята спорили, горячились. Каждое слово, каждую новость принимали близко к сердцу. Казалось, все забыли о девушке, сидящей в углу комнаты.

А она сидела и слушала. Стужались сумерки, и окна становились синими. Синими, в белых перекрестях бумажных полосок.

Полоски наклеили, чтобы стекла не вылетели от взрыва — рядом рвали землю под котлован.

В синих сумерках плавали над землей золотые звезды. Это на невидимых уже башенных кранах, на их движущихся стрелах зажглись огни.

Шумел за окнами ветер, шумели моторы проходящих самосвалов. Валя чувствовала, как от этого шума чуть заметно вздрагивают заклеенные крест-накрест стекла. Она чувствовала — жизнь, настоящая жизнь бьется в окна комсомольского штаба.

Валя осталась на стройке...

«ПОСЛЕДНЯЯ» МАШИНА

Когда груз резко опускается на землю, кабина вздрагивает. Кран чуть заметно раскачивается. Зоя Михалева откинула стекло — так лучше слышно, что кричат снизу.

— Зойка! Еще одну машину разгрузишь?

«Ох и народ!» — думает Зойка и отвечает каменщикам:

— Ну, давай! Последнюю.

Времени уже четверть первого. Пятнадцать минут, как обед. Каменщикам можно и попозже вернуться из столовой, а Зойке нельзя. Ровно в час придут монтажники Гаврилова, и надо будет ставить для них колонны. Между каменщиками и монтажниками всегда спор. Спорят из-за крана. А Зойке ведь не разорваться. Ползает ее кран вдоль строящегося корпуса — от одних к другим. Только знай поворачивайся.

Зойка крутит маховики, осторожно опуская на землю плиты бетонных перекрытий. В открытое оконце влетает холодный воздух. Зойка поджимает ноги: мерзнут они в резиновых ботах, хоть и печка рядом. «Когда, черт возьми, валенки выдадут?»

— Зоенька, еще машина пришла! — слышится снизу.

— Смеетесь, да?

— Ну, Зочка! Шофер ругается.

Вообще-то она может уйти. Подождали бы, не умерли.

— Подгоняй! — кричит она. — Шевелитесь ради бога!

В кабину поднимается Роза Шатохина.

— Я тебя уже полчаса жду...

— Сейчас, последнюю разгрузу.

— У тебя ноги, наверно, заоченели? Валенки надень пока, — предлагает Роза.

Зойка орудует штурвалами, а Роза болтает.

— Ты уже все выучила? Дашь конспекты? Ох, я боюсь, просто жуть.

Сегодня после работы девушкам сдавать экзамены на четвертый разряд.

— Ничего я еще не выучила, — ворчит Зойка.

Роза рассеянно листает конспекты и продолжает разговаривать.

— Холод жуткий. Пока лезла к тебе, чуть не ооченела... Зой, а помнишь, как у нас ноги дрожали, когда в первый раз на кран лезли?

— Это у тебя дрожали, — сердито отвечает Зоя. Она видит, что подошла еще одна машина.

Каменщики уже не просят. Они подняли головы, молча смотрят на крановщицу. Зойка стягивает валенки.

— Иди, Роза, обедай, я уж разгрузу.

— Подожду.

Когда до конца обеда остается минут пятнадцать, девушки стремительно спускаются по вздрагивающей лесенке крана.

Шофер «последней» машины машет им.

— Давай подброшу до столовой.

Скоро Зойка возвращается на кран. Снова высоко над землей плывет железная стрела, раскачивается груз. На конце стрелы вытянулся по ветру алый флаг.

Шумит ветер. Чтобы лучше разбирать голоса снизу, Зоя снова открывает оконце. Слышно, как паренек в тужурке ремесленника насвистывает песню:

И снег, и ветер, и звезд ночной полет...

Незаметно для самой себя девушка начинает подпевать. Ей, как и многим, очень нравится эта песня...

«Уралмашстрой», Свердловск.

1960

МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ

О мальчишках в жизни и книгах

1

Не помню сейчас точно, где это случилось. Не то между Вильнюсом и Молодечно, не то между Молодечно и Минском. В августе, четыре года назад.

На маленькой станции в полупустой вагон утреннего поезда вошел мальчик лет десяти-одиннадцати, худенький, спокойный и неулыбчивый. Вошел и сел у окна, усеянного высохшими следами дождевых брызг.

Был довольно холодный ветреный день. Тени облаков летели навстречу поезду по откосам. Пыльный воздух гулял по вагону. Мальчик поехал. Был он слишком легко одет: полинялая голубая футболка да коротенькие штаны из льняной ткани. На ногах стоптанные, видавшие виды сандалии. Но на скамейке под локтем держал мальчишка обшарпанный чемоданчик. Значит, не просто катается от станции до станции.

Под ручку чемоданчика была продета сосновая тонкая тросточка. А точнее — шпага. Шпага с узким деревянным клинком, с нехитро выжженным узором на рукоятке, с пятью торчащими сучками вместо защитной чашки — гарды. На гладком дереве клинка зеленели жидкие разводы травяного сока. И эти следы, и расчесы на ногах хозяина шпаги говорили о том, что он не обходит стороной ядовитые и колючие заросли.

Я как бы случайно взглянул на его лицо. Есть ли в нем отпечаток характера твердого и непреклонного? Мальчик царапал ногтем краску вагонного сиденья и озабоченно шевелил губами, словно тихонько с кем-то спорил. Нет, не было в его лице ничего мужественного. Славный мальчуган, но, пожалуй, слишком робкий. Из тех, кого называют «воспитанными».

Высоко среди облаков маленький самолет рассыпал горстку парашютистов. Ветер уносил белые пузырьки парашютов к темному лесу. Я проследил их путь и взглянул на мальчика: как он отнесся к неожиданному зрелищу?

Он не смотрел в окно, смотрел на меня. Взгляды встретились. Он улыбнулся просто, как знакомому, и сказал:

— Какой смешной человечек.

Я несколько секунд обалдело молчал, пытаюсь сообразить, чем заслужил такую характеристику, выданную без малейшего смущения. Но мальчик слегка опустил глаза, и я понял, что он смотрит на мой значок «Уральского следопыта» — на маленького альпиниста, весело размахивающего ледорубом. Я рассмеялся, обрадованный догадкой, и мальчишка, видимо, понял этот смех как предложение продолжить разговор.

— Вам его за походы дали?

— Нет, это редакционный. Журнала...

Я думал, он разочаруется, но он словно сразу забыл о походах. И что за журнал, тоже не поинтересовался. Быстро спросил:

— А сказки у вас печатают?

— Сказки? Н-нет... Это же не «Мурзилка».

Он шевельнул выгоревшими бровями.

— Я не про такие говорю. Ну, не про те, что для маленьких...

— А! Про фантастику?

— Ну... почти. Только это же не фантастика...

— Что-нибудь вроде «Маленького принца»?.. Слышал о таком?

Он, видимо, не слышал. Замолчал, словно слегка рассердился. И уже будто в отместку спросил:

— А вы слышали сказку про черных лошадей?

Я признался в своем невежестве и приготовился узнать кое-какие подробности о неведомых мне черных лошадях. Но вместо этого услышал вопрос:

— Если человек читает чужие письма без спросу... это как называется?

...Сейчас, перечитывая этот диалог, я чувствую, что читателю он может показаться странным, нарочитым. Этаким литературным приемом. Придуманные сцены писать легче, чем «взятые из жизни» — своя рука владыка. Но здесь я пытаюсь воспроизвести то, что было. Просто мне трудно сейчас передать мелкие детали, подробности разговора в гулком вагоне, где пыльный воздух гулял от тамбура до тамбура... Впрочем, этот случайный маленький попутчик, удивительно ясноглазый и спокойный, задавал действительно странные вопросы.

Итак, он спросил о чтении чужих писем.

Я несколько секунд размышлял, сравнивая термины «свинство» и «подлость». Первый казался мне более эмоциональным, но менее конкретным.

Мальчик смотрел со скрытой напряженностью.

— Что же ты спрашиваешь, — сказал я. — Ты и сам, по-моему, знаешь. Гнусное это дело. Раньше за такие дела на дуэль вызывали.

— Ну вот, — откликнулся он удовлетворенно. А потом добавил: — Только сейчас ведь не вызовешь...

«А ты вызвал бы?» — подумал я. Но вслух не спросил и задал другой вопрос:

— Из лагеря едешь?

— Да.

— Ну и как там?

— Что «как»? — суховато спросил он.

— Как отдохнул? — поинтересовался я, чувствуя, что начинаю пустой «светский» разговор.

— Никак. Я ушел.

«Ого!» — подумал я и глупо спросил:

— Как ушел?

Он мог бы просто пожать плечами или сказать с усмешкой: «Очень просто. Ногами. По дороге». Но, видимо, грызло его беспокойство или, может быть, просто хотелось чьей-то поддержки.

— Из-за письма, — сказал он, глядя в окно. — А какое он имеет право читать?

— Кто?

— Начальник лагеря... Понимаете, я домой написал, что плохо там. Ну, разозлился. Потому что один раз сказку рассказал, а они дразниться начали. Ребята. Я про черных лошадей рассказал. Ну, сам придумал. Будто есть у меня такие лошади и я на них ночью путешествую, куда хочу. А там есть один такой, Вовка Михаевский. Он и начал: «Конюх, копытом стукнутый...» Ну и остальные тоже. Дураки... Я же просто так рассказал, чтобы интересно было, а они кричат: врешь! Я с Вовкой и схватился. Он, конечно, сильнее, но я ему... тоже... А нас за это купаться не пустили. И так почти не купаемся, а тут еще... Я домой начал письмо писать, ну и рассказал все по порядку: что купаться не дают, что воспитательница вредная, не разобралась, что костры не разрешают зажигать... А начальник утром на линейке начал ругаться, что я дерусь да еще ябедничаю домой... Оказывается, они там все наши письма читают перед тем, как отправить...

Я, как понял это, сразу и сказал: «Но ведь это подлость»... Понимаете, это само получилось. Как еще скажешь, если это в самом деле так называется?.. Он как закричит: «Убирайся тогда из лагеря, раз здесь все такие мерзавцы, по-твоему!» Я и пошел. Хорошо, что чемодан как раз под кроватью был, а не на складе...

— Не задерживал тебя начальник?

— Нет. Только потом догнал у самой станции, начал опять

кричать: «Как ты смеешь! Я скажу, чтоб тебя в поезд не пускали!» Смешно даже. Что я, не имею права в поезде ездить?

— Влетит тебе дома? — спросил я с сочувствием.

— За что? Разве это я сделал подлость?

— А сможешь доказать, что ты был прав?

Он спокойно сказал:

— Докажу.

Было у меня еще сомнение:

— А не получается так, что ты испугался и сбежал?

Он удивился:

— Испугался? Чего? Я и не сбежал. Я ушел.

По-моему, он был прав. Уход — не всегда отступление. Я с некоторым злорадством представил начальника лагеря, который мечется теперь, ожидая всяческих неприятностей и проклиная строптивного мальчишку (такого смиренного, такого «воспитанного» на первый взгляд).

А мальчик сошел на какой-то станции, где за большими деревьями блестели на солнце острые шиферные крыши. Он уходил по заросшей тропинке, сбивая кончиком сосновой шпаги седые шарики одуванчиков. Десятилетний рыцарь с деревянной шпагой возвращался домой после первого боя. Возвращался без славы победителя, но и ничуть не побежденный. Спокойный и твердый.

2

Я вспомнил об этом мальчишке, когда в журнале «Детская литература» прочитал статью С. Соловейчика «Открытие мальчишки». Речь там идет о наболевшем — о поисках нового положительного героя для книжек, предназначенных ребятам. Автора статьи я хорошо знаю, очень уважаю его и многим обязан ему в своей работе. Но с выводами статьи согласиться не могу. В ней рассказывается о паренке, наделенном незаурядными способностями, неистребимой тягой к разносторонним знаниям, фанатической любовью к физике. О мальчишке, ставшем в пятнадцать лет сотрудником Института ядерной физики. Дальше речь идет о том, что наше время все больше и больше рождает ребят, похожих на этого Сережку. Приводятся примеры. И далее: «Мне думается вот что: если появится сегодня литературный герой, по привлекательности равный Тимуру, то он будет мальчишкой примерно такого типа, какой намерен выше».

Мне кажется, нет. Не будет.

Повесть о таком мальчишке ребята, конечно, прочитают с ин-

тересом. Порадуются успехам героя, с увлечением будут следить за его исканиями, сочувствовать неудачам, восхищаться его талантами. Но герой не возбудит в них жажды активного действия. По крайней мере, у большинства. Он все-таки слишком необычен, этот герой. Появление таких ребят отраднo, и очень хорошо, что их становится все больше. Но у обычных мальчишек, интересующихся не ранним Мицкевичем, а книжками про пиратов и клады, у мальчишек с тройками по физике и русскому, которым не до санскрита, потому что с уроками английского и то не всегда ладится, — у них много ли точек соприкосновения с теми ребятами, увлеченными Ландау-минимумом и философией? А без таких точек литературный герой едва ли станет близким читателю. Образцом для подражания, по крайней мере, не станет. А мысль о том, что положительный герой детской книги должен быть образцом, кажется мне правильной (ее можно называть старомодной, излишне прямолинейной, но в основе своей она бесспорна).

Дело не в том, что ребят, о которых пишет автор «Открытия мальчишки», мало, и не в том, что способности и характер их исключительны. Дело в том, что эта исключительность особого рода: она невольно ставит этих ребят в стороне от шумного, бурлящего мальчишечьего народа. Они в какой-то степени замкнуты в кругу интересов, которые для них — превыше всего. Я не хочу сказать, что это само по себе плохо и опасно. По-моему — ничуть. Но они не могут быть идейными вожаками мальчишек. А тем нужны вдохновители-командиры. И в жизни, и в книгах.

Поэтому я вспоминаю мальчика со шпагой. Он, видимо, из тех ребят, которые не пользуются громкой славой забияк, не служат темой разговоров на педсоветах (до поры), не блещут выдающимися способностями на школьных сценах и в технических кружках. В восемь-девять лет они часто плачут. От боли, от обиды, от усталости. Плачут в пионерских лагерях, соскучившись по дому. Роняют слезы, если измотаются в походе. Но смеются над ними редко. Потому что они плачут, но делают по-своему. Всклипывают, но идут. И кроме того, большинство ребят — наблюдательный народ, они знают — эти мальчишки никогда не плачут от страха.

К десяти годам они уже умеют сдерживать слезы. Про одиннадцатилетних про них говорят: «Невозможно понять, что случилось! Такой был ребенок, послушный, дисциплинированный...» А ничего не случилось. Мальчик слегка вырос. Стальной упругий стерженек его характера, похожий на клинок рапиры, стал заметнее, закаленнее. Раньше мальчик проявлял характер в играх и маленьких своих делах, сейчас его взгляд стал шире. В частности,

он (подумать только!) научился отстаивать свое мнение и взрослому человеку (о, ужас!) может, например, сказать: «Не имеете права!»

Теперь его водят к директорам и завучам не реже, чем обычных нарушителей и двоечников. Но тем с ним беседовать трудно, потому что не за что «зацепиться». Он не грубит и не заикается от растерянности, он вежлив и спокоен. Он не боится. Тем более что и спорит-то он чаще всего не из-за себя, а из-за тех, кто меньше и слабее. А если даже не спорит, а просто уходит, то и уходом своим он подает другим ребятам пример, который приводит их наставников в недоумение, граничащее со страхом...

3

Из моего окна виден склон горы и лес. Синевато-зеленый сосновый массив подступает к самому городу. Летом солнце висит высоко над деревьями, а зимой движется у самых сосновых вершин.

— Прыгает, как петух с верхушки на верхушку, — сказал мой знакомый, десятилетний Валерка. Он мог бы сказать «как золотой петух», но не стал: Валерка не любит пышных сравнений.

Сейчас лесная идиллия слегка нарушена: рычат на склоне экскаваторы, строится гостиница для лыжников.

Недавно экскаватор вытащил на поверхность заржавленную гарду — щиток от старинной шпаги с остатком рукояти и клинка. Машинист отдал находку мальчишкам, и они притащили ее ко мне.

Мы сбили ржавчину. Заблестело железо и медный ободок. Гарда была вся в круглых дырках — чтобы захватывать и обламывать острия у клинков противника. Мы начали строить догадки и сошлись на том, что шпага принадлежала какому-нибудь прапорщику или капитану в старинном зеленом кафтане с громадными обшлагами и в парике с косичкой. Наверно, это был один из офицеров гарнизона, который в петровские времена должен был охранять Уктусский горный завод от башкирских набегов. Так или иначе, шпага не могла принадлежать иностранцу. Это было русское оружие.

Мы выточили из дерева новую рукоять, поставили трехгранный спортивный клинок вместо ржавого обломка. Клинок подошел точно. Это показалось даже символичным.

Сейчас мальчишки каждую неделю скрещивают рапиры, чтобы завоевать переходящий приз — старинную «настоящую» шпагу. Они бьются с соблюдением мушкетерского кодекса, самозабвенно и отважно. Так же, как в давние времена бойцы сражались

за право получить золотой клинок из рук прекрасной дамы. Их не смущает, что роль дамы приходится играть мне, командиру и руководителю пионерского отряда «Каравелла» — весьма беспокойной организации, обосновавшейся на склонах Уктусских гор, на окраине Свердловска. Мальчишки дерутся весело и честно, ибо в каждом из них живет рыцарь.

В каждом — я в этом уверен. Есть шумные и тихие, отчаянные и робкие. Но даже в самых робких и послушных горит незаметно до поры огонек отваги, в самых задиристых и недисциплинированных — чувство (может быть, не всегда разбуженное) справедливости и чести. И вечное стремление ребят к мушкетерской романтике вызвано совсем не тягой к шумной возне и потасовкам. Просто со шпагой в руке (даже игрушечной) легче представить себя борцом со всяческим злом, отважным витязем справедливости...

Не случается ли порой, что взрослые выбивают у мальчишек эту шпагу?

Недавно я прочитал рукопись одного автора о ребятах в пионерском лагере. Есть в ней такой эпизод: два мальчика заподозрили шофера и завхоза в темных делах, выследили их ночью у склада, подняли тревогу, вызвали милицию. Но оказалось, что водитель и завхоз вовсе не жулики: просто они собирались вывезти на свалку всякую рухлядь и битую посуду. Весь лагерь потом потешался над неудачливыми детективами.

— Я хотел развенчать в глазах читателей стремление к ложной романтике, — с чувством полнейшей правоты сообщил автор.

Но почему — ложной?

Что ложного усмотрел автор в извечном стремлении ребят к приключениям, к поиску, к борьбе со злом? Ведь эти два неудачника искренне верили, что опасность настоящая, они подавили в себе настоящий страх, проявили настоящую выдержку. И в том, что они оказались в таком нелепом положении, не столько юмора, сколько драматизма. По крайней мере, для ребят... Я не уверен, что на самом деле друзья стали бы очень смеяться над ними.

Не стоило бы касаться этой повести, если бы подобные ситуации не встречались и у других авторов, имеющих склонность воспитывать читателя путем «развенчания». Немало было выпущено книг, где ребята охотятся за шпионами, которые в итоге оказываются мирными геологами. А сколько раз ребята узнавали в конце повестей, что таинственные письма, зовущие в походы и плаванья, были написаны вожатыми — для того, чтобы увлечь пионеров «романтикой». Но вот тут-то романтики и не было.

Вываченные из ножен ребячьи шпаги выбивались обманном приемом.

Отрадно, что тенденция эта, видимо, уходит в прошлое. У нас много великолепных книг, серьезных и веселых, где детей не уведут от настоящих конфликтов, не защищают прозрачными колпаками от опасностей и не подменяют романтику педагогическими суррогатами.

Впрочем, я отвлекся. Мне совсем не хотелось касаться книг, а хотелось рассказать о мальчишках — рыцарях в душе.

Сейчас со своими ребятами я снимаю любительский фильм «Еще одна сказка о Золушке» (пишу, а на пальце круглый след от спусковой кнопки аппарата). «Золушка» — вечный сюжет. Но у нас нет написанного сценария, сплошная импровизация, и привычная сюжетная схема трещит по швам. Когда дело дошло до бегства Золушки с бала, принц и шут резонно заявили:

— Ну, куда она от нас убежит? Мы же ее мигом поймем.

— Вы с ума сошли! — воскликнул я, возмущенный таким отношением к сказочной классике. — И потом... ведь ее платье превратится в лохмотья! Что она будет делать?

— Подумаешь! — искренне ответил принц. — Мы ей скажем, что нечего реветь из-за каких-то тряпок.

— А дальше?

— Пойдем танцевать, вот и все.

— Но ведь все придворные с хохоту помрут, когда увидят такую Золушку!

— Пусть попробуют пикнуть, — вполне серьезно сказал принц.

И вот — съемка. Принц и его верный товарищ шут вводят чуть упирающуюся, смущенную Золушку в залатанной юбке. Крупным планом — лица гогочущих придворных. Потом улыбки замирают, как на фотографии, и медленно сползают с лиц. Придерживая за руку Золушку, принц медленно обводит взглядом сановников и генералов. Он смотрит на них так, как смотрел где-нибудь на дворе на обидчиков, посмеявшись тронуть эту девятилетнюю девчонку. Он играет самого себя. Вернее, даже не играет. Он сам и есть — этот одиннадцатилетний рыцарь, вступившийся за Наташку с соседнего двора.

Для него, как для любого нормального мальчишки, вполне естественно защитить слабого, отобрать рюкзак у девчонки, утомившейся на трудном маршруте, быть бескорыстным и самоотверженным. Жаль, что часто эти стремления гасятся прагматическими поучениями или насмешками окружающих.

Страх перед насмешкой — тяжкая вещь. Кстати, порой страдают им и авторы. Они боятся сделать своего героя слишком хоро-

шим. Мол, нетипично. Это, по-моему, не столько от жизни, сколько от боязни критиков, которые иногда не прочь естественный порыв души у героя обозвать позерством, а открытость чувств — сентиментальностью.

Зато как радостно бывает, когда открываешь новую книгу и встречаешь в ней мальчика со шпагой. Не обязательно со шпагой в руке. Главное, чтобы в душе у него был стержень, прочный, как клинок. Не обязательно, чтобы герой совершал подвиги. Главное, чтобы в любом деле проявлялся его характер — по-мальчишески и по-рыцарски прямой и твердый. Ребята читают эти книги неотрывно. Они видят в героях своих надежных товарищей. И когда работаешь над рукописью, очень хочется, чтобы у читателей стало на одного друга больше.

1967—1968 гг.

ОДИННАДЦАТИЛЕТНИЙ ПОЛКОВОДЕЦ

Англичане шли в атаку. Рваные шеренги красномундирных драгун неумолимо приближались к позициям, на которых залегли и отстреливались буры. Резервный батальон синих драгун готовился поддержать атаку.

Вдруг на поле набежала тень, словно большое лохматое облако закрыло солнце. Но это было не облако. Это был рыжий кот Тимошка. Бесшумным движением когтистой лапы он разнес первую шеренгу британских солдат и откусил голову капитану.

Степа и Андрей ухватили Тимофея за шиворот и выставили за дверь. Потом вернулись на поле боя.

Буры могли торжествовать. Англичане понесли такой урон, что нечего было думать о продолжении атаки. Обезглавленный капитан лежал, раскинув пластилиновые ноги.

— Странно, — сказал Степа. — Почему он так не любит англичан? Ведь на другие армии он не нападает.

— Наверно, он их терпеть не может из-за битвы при Ватерлоо. Наверно, он за французов.

— Вообще-то я этих англичан тоже не люблю, — признался Степа. — Неинтересно с ними почему-то. То ли дело, когда русские и французы!

И он отправил драгун ее величества в казарму — в картонную коробку, где уже отдыхали от битвы римские легионеры, мамелюки, австрийцы и датчане...

Как и у многих самых обыкновенных пятиклассников, у Степы Дмитриева свой учебный уголок: письменный стол, расписание уроков на стенке, стопки учебников. Но когда мы с ним познакомились, уголок этот выглядел совсем необычно. По клеенке стола, черной, как вспаханное поле, двигались навстречу друг другу дивизии Кутузова и Бонапарта. Реяли знамена русских полков с косыми андреевскими крестами и трехцветные штандарты французов. Вставали на дыбы лошади командиров, готовились к стрельбе артиллеристы.

Самый рослый из grenадеров был значительно меньше спички.

На миг показалось, что смотришь с вертолета на поле, где идет съемка фильма «Война и мир». В глазах зарябило от пестроты мундиров и знамен.

— Как же ты сумел сделать такую уйму солдат? Ведь на это надо столько времени!.. Ну, сколько минут ты делаешь одного солдата?

— Я не знаю, — сказал Степа. — Если нравится, то не думаешь о времени... Ну, смотрите сами.

И он открыл коробку с пластилином.

Пальцы у Степы удивительно тонкие и точные. Как у музыканта. На это обращаешь внимание, когда следишь за его работой. Вот легли на разноцветный мундир перекрещенные лямки португеи, появилась усатая голова в высокой каске, ноги в ботфортах, шпага. Выросли руки с цветными обшлагами. В правой — длинный пистолет. И вот стоит на ладони офицер наполеоновской гвардии ростом пониже Степиного мизинца. А за сколько минут он появился на свет, я не заметил. Засмотрелся...

«Ну, что особенного, — скажете вы. — Мало ли ребят играют в солдатики? И лепят их, и вырезают из картона. И в магазине покупают пластмассовых. Обычное дело».

Так, но не совсем.

Пришло в редакцию письмо из Томска от пионера Гены Гитлица. Он интересуется военной историей и просил, чтобы ему помогли разобраться в форме старых русских и иностранных войск. Ну и вопросы он задавал! Как различались султаны на киверах разных гусарских полков? Какие мундиры были у пеших артиллеристов и какие у конных? Какую форму носили испанские пехотинцы начала прошлого века?

Может быть, я слегка путаю вопросы, их было больше десятка. Неспециалисту запомнить их было трудно. А отвечать на них — тем более. В редакции только развели руками.

— Тут, товарищи, нужен военный консультант, историк.

Но вот кто-то вспомнил, что живет в Москве, на Большой Грузинской, Степа Дмитриев, который увлекается этими делами.

— Вы думаете, он поможет?

Степа взял письмо. И, читая вопрос за вопросом, начал выставлять на стол фигурки в пестрых мундирах.

— Эти есть... Пожалуйста... Егеря? Вот они... А это офицер русской артиллерии. Вот с испанцами труднее. А, вспомнил. У них форма желтая с красным...

Раньше ему просто нравилось лепить. Он мастерил из пластилина маленьких зверюшек, веселых индейцев, ковбоев. После полюбившегося фильма лепил его героев и разыгрывал с ними

целые сцены. Потом Степе попала в руки книга «Сто рассказов из русской истории». Особенно увлекли Степу эпизоды войны 1812 года. Тогда и появились на свет первые русские grenадеры и французские гвардейцы, которыми командовал десятилетний полководец. А потом, на день рождения, когда мальчишкам дарят ключики, фильмоскопы, конструкторы и другие увлекательные вещи, Степа подарили хрестоматию по русской военной истории.

Это была очень нужная книга! Ведь игра, которой занят Степа Дмитриев, не просто игра в солдатики. Когда приходит из соседней квартиры Андрей Петросянец, его товарищ, и они расставляют в разных концах комнаты армии, здесь, на желтом паркете, повторяется история: битвы под Смоленском и Малоярославцем, Бородином и Ватерлоо. И надо знать точно, где стояла гвардейская артиллерия маршала Сарбье, когда шла в атаку пешая гвардия Лефевра, а когда grenадеры Нея и Даву. Надо знать, с кем вели бои русские гусары и кирасиры, с кем сходились в рукопашной схватке наши егеря и grenадеры.

И Степа знает. Потому что ему это интересно. Сейчас в его пластилиновой армии больше трех десятков различных видов войск многих времен и стран. И обо всех он может рассказать.

Только не подумайте, что Степа Дмитриев — это какой-то маленький профессор, который ни о чем не может думать, кроме давно прошедших битв и старинных мундиров. Он любит приключенческие фильмы, шумные игры, хоккей, и целый угол в комнате завален его пластмассовыми автоматами и пистолетами. Но вот есть у него увлечение, которое приносит большую радость.

Сейчас Степа думает построить панораму. Вроде Бородинской. Ну, конечно, поменьше, чтобы умещалась на столе. Он еще не выбрал, какую битву там изобразит. И не это главным образом его волнует.

— Не могу придумать, как сделать в этой панораме пушечный дым, — говорит он.

Наверное, он придумает.

1970

ИЗ КУБИНСКОГО ДНЕВНИКА

УТРО В ГАВАНЕ

На рассвете в Гаване поют петухи.словно где-нибудь в Подмосковье или на Урале.

Я открыл глаза, увидел летнее рассветное небо в громадном окне... и все вспомнил. Я в Гаване!

Я выскочил на балкон. Над Мексиканским заливом, над небоскребами, куполами и башнями из тумана выскочило солнце. Из красного оно превратилось в ослепительно золотое, и море стало синим, а город белым.

Улицы заполнялись машинами и пешеходами. Я вывинтил из кинокамеры объектив и стал смотреть, как в подзорную трубу.

Среди пешеходов больше всего было ребят. Оказывается, через дорогу от нашей гостиницы «Гаване либре» находится школа. Вот туда-то, в бывшую виллу какого-то миллионера, и сбегались ребята.

...После завтрака я вышел на улицу. Один. Через дорогу на школьном дворе шумела перемена. Футбольный мяч перелетел через каменную изгородь и запрыгал на мостовой. Несколько мальчишек вскочили на парапет. Двор был гораздо выше улицы, прыгать вниз им не хотелось, и они ждали, когда кто-нибудь из прохожих бросит им мяч.

Вместе со мной на мостовую выскочил рослый солдат с могучим пистолетом в открытой кобуре, с якорями на погонах — видимо, морской пехотинец. Угадав во мне гостя, он вежливо уступил мяч. Я собрался кинуть, но солдат, улыбаясь, показал, что полагается пнуть. Мальчишки на стене (вот черти!) выжидательно замерли. Я догадывался, что на Кубе учителя относятся к разбитым стеклам примерно так же, как у нас, и не хотел начинать пребывание в незнакомой стране с неприятностей. Но с другой стороны... не мог я посрамить честь друзей детства, с которыми когда-то гонял футбол на пустыре за водонапорной башней в далеком от Гаваны сибирском городе Тюмени. Пришлось ударить «свечку». Мяч ушел вверх и опустился почти в руки мальчишек.

Они схватили его и довольно дружно прокричали: «Вива, товари-сч!» Я на миг почувствовал себя центральным нападающим нашей сборной.

Ребята попрыгали во двор, а один из них — похожий на барабанщика из моего отряда «Каравелла» Сережку Фоменцова — установился, балансируя на стене. Оглянулся на меня, словно ждал чего-то.

— Комо эста ту номбре? — крикнул я. — Как тебя зовут?

Я знал, что с точки зрения испанской грамматики вопрос звучит абсолютно безграмотно. Однако он понял.

— Энрике, — белозубо улыбнулся он. И прежде чем догнать товарищей, помахал рукой: — Аста ла виста! — «До свиданья», значит.

И все они побежали в школу, потому что начинался урок. На дворе стало тихо, а через минуту из открытых окон донеслась песня. По нескольким знакомым словам я понял, что это песня кубинских пионеров «Будем как Че!». Песня о том, что каждый из ребят хочет быть похожим на Эрнесто Че Гевару, героя Латинской Америки, погибшего в боях за свободу.

ХОЗЯИН «КОМЕТЫ»

Его тоже звали Энрике. Он сидел на корточках у двери своего дома на улице Нептуно, серьезный и недовольный. Перед ним лежала шестигранная «комета» — воздушный змей.

Когда с залива дует свежий ветер, над набережной Гаваны — Малеконем, над бронзовыми конными статуями генералов, которые стоят вдоль берега, над крышами и балконами взмывают сотни бумажных змеев. Их называют «комета» или «папелоте» (бабочка). С утра до вечера змеи стоят в воздухе на уровне небоскребов.

Энрике не повезло. Его «комета» зацепилась за балкон и сломала рейку.

Мы сели на порог и занялись ремонтом. Я помогал и попутно пытался объяснить преимущества четырехугольных «конвертов», которые мастерят наши мальчишки, перед ромбами и шестигранниками. Помощь он охотно принял, а к объяснениям отнесся недоверчиво. Может быть, не разобрал. Но главное Энрике понял: он узнал, что у нас в СССР мальчишки тоже любят запускать воздушных змеев, любят ездить на самокатах и велосипедах, гонять футбольный мяч и прекрасно знают про Гавану и кубинскую революцию.

А я узнал в свою очередь, что кубинские ребята неплохо осве-

домлены о нашей жизни, что многие хотят стать учителями или космонавтами и что большой драгоценностью считается значок с изображением Ленина. Такой, например, как у меня на рубашке. Они говорят ласково и чуть нараспев: «Л-лэ-энин».

Он счастливо блеснул черными глазами и сжал в кулаке рубиновую капелюшку с барельефом Ильича, довольно чисто сказал «спа-сибо» и умчался с починенной «кометой» на Малекон.

ПРОФЕССОР

Парнишка лет двенадцати выловил полуметрового кальмара и, гордясь удачей, выбрался на плиты набережной. Сбежались приятели. Один тоже с добычей, с рыбой, похожей на оранжевого петуха. Я попросил разрешения снять их вместе с трофеями на кинолентку.

Снять? А это что за аппарат? Камера де синема? И это кино увидят советские ребята? Вива! Хорхе, тащи сюда своих рыбин! А что, снимают только тех, кто с добычей, или всех, кто хочет? А можно подержать камеру?

Подошел светловолосый паренек лет пятнадцати. Улыбнулся. Не очень складно, однако довольно понятно объяснил по-русски, что он тоже хочет сняться. Потому что у него самый лучший трофей. Какой? Вот этот. Он из-за брючного ремня выдернул книжку. Это была «Психология детей», перевод с русского.

Я спросил, где он учится. Оказалось, что в девятом классе.

— И вы изучаете в школе такие науки?

Нет, в школе это не проходят. Он сам изучает. Он с таким трудом достал эту книжку в библиотеке. Зачем она ему? Скоро он поступит в педагогический институт и станет учителем. Вы знаете, как нужны Кубе учителя! Да, он будет «профессор»...

ДВЕ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

«Профессор» — по-испански значит учитель. «Профессора» — учительница. Это очень почетное звание.

Я встретил двух учительниц. Одну зовут Рене Поттс. Она уже полвека учит ребят. Всю жизнь она проработала в окраинных школах, где до революции учились дети бедняков, рабочих, эмигрантов. О своей нелегкой работе, о любви к неутомному ребячьему народу написала она поэму, целую книгу в стихах, и сама сделала к ней рисунки. Эта книга была напечатана в типографии

Гаванского университета. На русский язык название можно перевести примерно так: «Сердце учительницы»...

Марта еще не настоящая учительница. Ей одиннадцать лет, и ходит она в пятый класс. Но она во всех делах лучшая помощница Рене Поттс. Устроить собрание, или ребячий концерт, или празднование чьих-то именин, или выставку рисунков — в этом на Марту всегда можно положиться. А в вестибюле своего дома она организовала почти настоящую школу для окрестных малышей. С уроками рисования, пения, с чтением сказок, с классной доской, на которой можно писать мелом.

И кроме того, она ничуть не боится мальчишек. Звонко хлопнула по голому пузу юного «д'Артаньяна», чтобы не махал деревянной шпагой вблизи малышей, отодвинула с пути курчавого мальчишку с гремящим самодельным самокатом, строго предупредила пухлого толстогубого Америкго, чтобы не забыл про рисунки для выставки.

...Если вы приедете в Гавану и окажетесь рядом с прибрежным старым замком, который в 1830 году осаждали англичане, сверните с Малекона в боковую улочку. Там стоит белый восьмизэтажный дом. На лужайке перед ним, среди ребят, вы сможете встретить худенькую сероглазую девочку с русской прической «лошадный хвостик». Это и есть Марта Собрино. А еще лучше, спросите любого малыша, где «профессора» Марта...

1972

СЛЕД КАРАВЕЛЛЫ

МАЛЕНЬКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот давний очерк — о дороге и воспоминаниях детства. Он мог бы служить вступлением почти ко всем моим книгам. Потому что сделаны эти записки осенью 1963 года, когда на моей авторской полке стоял единственный тоненький сборник рассказов и все еще было впереди: мучительная и радостная работа над рукописями, дальние путешествия, какие-то успехи, какие-то неудачи, какие-то открытия... И главное — то, что принесло мне радость на всю жизнь: дружба с замечательными мальчишками из отряда «Каравелла»...

1981

ВОЛГА

На теплоходе стояла сонная тишина. Пассажиров набралось мало, да и те сейчас почти все спали. «Клара Цеткин» шла из Астрахани в Горький. Начинаясь второй день пути.

Я сидел в читальном салоне за шахматным столиком. Мой противник, толстоватый очкастый паренек из соседней каюты, обстоятельно и неторопливо загонял в угол моего короля. Тихо щелкнула ручка, и открылась дверь. Я оторвался от унылого созерцания шахматных фигур и украдкой глянул на вошедшего.

Вошедшему было лет десять. Он прошелся между одетых в парусиновые чехлы тяжелых кресел, словно укротитель среди белых медведей. На трикотажной разноцветной безрукавке позвякивали друг о друга два каких-то значка.

Было похоже, что он только проснулся. Припухшие после сна губы, слегка взъерошенные рыжеватые волосы. И еще родинка на правой щеке. Казалось, арбузное семечко попало ему на подушку и прилипло к щеке во время сна.

На лице у мальчишки было написано: «Ох и скучища, товарищи...» А в серых глазах бегали искорки: «Что придумать, чтобы скучищи не было?»

Он подошел к нашему столику, независимо покачался на одной ноге, сунув руки в карманы узких полотняных брючек (таких мятых, что ноги были похожи на противогазные трубки). Зачем-то потрогал белую горошину на головке моего черного загнанного в засаду ферзя. Зевнул и сказал:

— Королева — хвост налево...

Это ядовитое замечание доконало меня. Я сдался. Смешал фигуры и стал смотреть в окно.

Пасмурное небо висело над пологими, заросшими ивняком берегами Нижней Волги. Ветер гнал серую рябь.

Подниматься на палубу не хотелось. Но делать было нечего, я вышел. Сразу налетел ветер. Пришлось уйти на корму, но там, в укрытии, толклись комары. Обрадовавшись долгожданному завтраку, они взялись за меня с таким энтузиазмом, что я немедленно осознал преимущества ветреной погоды. И поспешил на нос. На носу маячила разноцветная безрукавка мальчишки. Он стоял коленями на скамейке, опираясь грудью на планшир. Выдергивал из общей тетради листы, быстро сворачивал голубей и пускал за борт.

Голубь взмывал вверх и, подхваченный потоком ветра, уносился к корме.

Мальчик обернулся, прищурился и спросил:

— На корме комары, да?

Значит, он успел побывать и там! Желая отомстить за ехидные слова о моей королеве, я заметил:

— Между прочим, за борт мусор бросать запрещается.

Он взглянул быстро и настороженно: шутка это или вмешательство взрослого в его мальчишеские дела?

Я больше ничего не сказал. Он подождал и объяснил:

— Это ведь не мусор. Это же голуби. — Подумал и добавил: — Обрывки-то я в карман сую... Подумаешь...

— Ладно уж, — сказал я. — Пошутить нельзя...

Он сразу успокоился. Но больше голубей не делал. Положил раскрытую тетрадку на планшир, прижал ее угол локтем, перенулся через поручни и стал смотреть в воду.

Я стоял рядом и тоже смотрел в воду. Белый нос теплохода, как плуг, отваливал ее в сторону желтыми пластами.

Ветер был плотный и влажный. Мальчик иногда ежился.

— Замерз ведь... — посочувствовал я. Он сказал:

— Ни капельки... А почему вода желтая?

— От песка, наверно. Или от глины.

— А в море вода зеленая...

Ветер то беспорядочно трепал листы тетради, то начинал быстро-быстро их перелистывать. Мелькали строчки, какие-то чернильные рожицы, квадратики для игры в «морской бой». И вдруг на белом сверкнуло что-то ярко-красное.

Я придержал страницу. На ней было нарисовано нечто похожее на большую рыбу. Но, конечно, это была не рыба. По красному ее боку тянулись чуть косые синие буквы:

ЛЕЙТЕНАНТ ШМИДТ

— Что это? — спросил я.

По-моему, мальчишка немного смутился.

— Так... Вроде чертежа. Еще весной строили.

— Ракета? — догадался я.

— Ну да...

— Полетела?

— Да нет...

— А чего так?

— Да так, — вздохнул мой собеседник. — Тяжелая получилась.

А горючего мало.

Он покосился, словно проверял: правда ли мне интересно? И решил рассказать.

— Мы ее клеили из картона. Один слой картона, да второй, да третий. Чтобы не разорвало. Стенки были толще пальца. — Он показал мне мизинец с царапиной на суставе. — Стабилизаторы из фанеры. Николка Садков говорил: «Она как раз — авиационная». А она тяжелая оказалась. Только мы тогда еще не знали... Юрка два патрона принес от ружья, у него папа охотник. Мы их расковыряли, порох смешали с песком и в ракету. А потом нас всех обедать стали звать. В общем, не было времени...

Он помолчал и вздохнул. Видимо, начиналась печальная часть истории.

— Я еще компот не доел, а Николка под окном как заорет: «Сережка, айда запускать ракету!» Я даже косточку чуть не проглотил. Нет, правда. Только она застряла...

— Это тебя Сережкой зовут?

Он кивнул.

— Только я сразу не пошел. Будто он Сережку Мотовилова зовет. А то ведь ни за что не пустят, если сразу побежишь. Ну, Николка опять давай орать про ракету. Тут все сбежались, даже малыши всякие, у нас большой двор... Мы всю малышню кое-как в укрытие загнали, за гараж...

Он вдруг перестал рассказывать. Обеспокоенно спросил:

— А вам интересно?

— Еще бы!

— Только дальше неинтересно, — вдруг опечалился он. — Не полетела она. Зашипела и набок повалилась... Мы ее подняли, а Николка давай Юрика ругать: «Не мог три или четыре патрона прищипить!» Юрик даже позеленел. Потому что мы-то не видели, а он уже видел, что его отец к нам подошел. Он Юрика за руку схватил и говорит: «Ну-ка, пойдём». Вот... Мы потом за это Николку так и прозвали: «Николка — короткие ноги, длинный язык»...

— А почему «короткие ноги»?

— Да это уже другая история. Про футбол.

— Да-а, — сказал я.

Сережка закрыл тетрадь и снова смотрел в воду.

Я заметил:

— С порохом не шутят.

Он пожал плечами.

— Мы же из укрытия запускали, из-за гаража. С электрозапалом от батареек.

— А патроны расковырявали? Тоже из укрытия?

Сережка сердито засопел.

Расковыренные патроны были когда-то и на моей совести: я добывал из них заряды для самодельного пистолета. Пистолет наконец разнесло в пыль (к счастью, он был зажат не в ладони, а в слесарных тисках). Я хотел рассказать об этом Сережке и показать шрам на левом запястье, но мой собеседник вдруг хмуро проговорил:

— Нам всем тогда знаете как влетело...

Продолжать этот разговор было неловко. Я опять открыл рисунок с красной ракетой. Теперь он уже не был загадкой. Осталось лишь узнать, почему у ракеты такое название «Лейтенант Шмидт».

Но, думая о неожиданном совпадении, я вдруг решил, что такие вопросы не задают в жизни дважды...

ТЮМЕНЬ

Так называлась каравелла...

Она была спущена на воду весной тысяча девятьсот сорок четвертого года. Гремели неудержимые ручьи, и там, где полагалось быть тротуарам, стояли чисто-синие бескрайние лужи. Своим цветом они напоминали океаны большой карты полушарий. Я хорошо помню эту карту.

Мне шел тогда седьмой год. Мы жили в Тюмени — в те време-

на небольшом и незнаменитом городке. Длинный деревянный флигель делила надвое шаткая деревянная перегородка. По одну сторону была наша квартира — обыкновенная, с холодной печкой-плитой, с железной печуркой в углу, с нахальными и голодными мышами, которые меня не боялись. По другую сторону перегородки был мир таинственный и манящий.

Там пахло клеем, опилками, старой медью стреляных гильз и пережженными проводами. На стене, над картой полушарий, висел портрет бородатого человека с прищуренными глазами. Стол всегда был завален мотками проволоки и обрезками фанеры. На подоконнике, словно миномет, целилась в небо труба самодельного телескопа.

Я робко открывал дверь.

— Можно?

С полным сознанием превосходства неполных пятнадцати лет над шестью на меня смотрел сын нашей соседки Володя. Он долго смотрел из-под смоляного чуба, потом, усмехнувшись, говорил:

— Ладно. Швартуйся у левого пирса.

Я растерянно моргал:

— А?

— А — дважды два, пустая голова, — заключал он и вздыхал: — Глуп ты еще...

— Почему? — спрашивал я.

— А по кочану! — весело отвечал он и щелкал твердым пальцем по моему стриженному затылку.

Я терпел и не обижался. Игра стоила свеч. Я знал, что скоро придет Володин товарищ Виктор Каблуков и они опять возьмутся за свой парусный корабль.

Этот корабль они называли каравеллой. Он был крутобокий, с высокой узкой кормой, тремя мачтами, опутанными паутиной снастей и веревочных лесенок. На фанерной палубе воинственно сияли желтой медью четыре пушки. Они отлично получились из револьверных гильз.

От каравеллы веяло чем-то загадочным, как от книжек со стершимся золотым орнаментом на корешках. Эти книжки стояли на самодельной Володиной полке. Я еще не решался взяться за чтение таких толстых томов, но уже чувствовал их притягательную силу. Написал их бородатый человек — Жюль Верн.

Друзья работали над моделью сосредоточенно. Лишь на секунду отрывались иногда, чтобы сказать мне:

— Не трогай блинда-рей.

— Не мни марсель, сейчас шарахну по затылку кильблоком.

Слова их были загадочны, как заклинания. Ими пестрел раз-

говор. Ими, по-моему, была набита и Володина толстая тетрадка в клеенчатом переплете — главное сокровище. Он выменял ее на два куса хлеба с топленным маслом. Конечно, глупо было тратить такую тетрадь для уроков: задачки неплохо решались и в других, сшитых из газет. А эта нужна была для иных дел.

Однажды, когда Володя вышел, я стянул тетрадь с полки.

Там были лучистые маяки, штормовые волны, крейсера и парни в бескозырках и широченных клешах. И в обрамлении скрещенных якорей, спасательных кругов и канатов — стихи, написанные четкими печатными буквами:

Береговые кончены заботы.

Гремит сигнал — и мост последний сломан, —

Уже спешат от борта клиперботы:

Уносят тех, кто остается дома.

Сейчас скользнет тяжелый марсель с рея,

Рванется кливер трепетно и люто,

И над воллой раскатят батареи

Тугой удар прощального салюта.

Я тогда плохо запомнил эти стихи. Только ритм запомнился и несколько строчек. Потом, через несколько лет, я старался восстановить стихотворение в памяти, но вместо этого сочинил его почти заново. Но строчка о салюте в Володиной тетради была, это я запомнил хорошо, потому что знал, что такое салюты. По вечерам старенький репродуктор сотрясался от победных залпов. Это гремели орудия в Москве. Значит, наши взяли еще один город. Я засыпал под накаты пушечного гула. Закрывал глаза и думал, что это гудят океанские волны. И вспоминал каравеллу...

Она была готова к спуску в очень яркий мартовский день. Для меня он оказался праздничным: мама принесла ботинки. Их тогда не просто покупали. Их где-то получали по ордеру. Надо было ждать, когда ботинки появятся на складе, а потом «вырвать зубами» ордер у какого-то Головикова. Пока мама проделывала эти операции, проходили дни, а я сидел на подоконнике. Сидел и смотрел, как ходят по солнечным лужам эскадры с бумажными парусами. Слушал, как рыжий Толька орет:

— Куда гоните мой дежурный линкор! Я скажу Алешке!

И вот — ботинки.

Поскрипывая ими, я шагнул в комнату к Володе, чтобы похвататься. И остановился. Увидел каравеллу во всей красе.

Она оделась парусами. Круглые борта блестели светло-коричневой краской. На борту я разобрал крупные белые буквы:

ЛЕЙТЕНАНТ ШМИДТ

— Он кто? — спросил я. — Герой Советского Союза?

— Эх ты, — вздохнул Володя.

Виктор оказался снисходительней. Он объяснил:

— Революционер. Против царя.

«Против царя» — это я понимал. Но не понимал многого другого и не заметил тогда несоответствия: каравелла времен Колумба с именем Шмидта!

А Володя? Ведь он-то, наверное, знал, что в тысяча девятьсот пятом году каравеллы были такой же древностью, как и сейчас. Знал, конечно. И все же решил по-своему.

— Володя, ты мне сделаешь такой же кораблик? — без особой надежды спросил я.

Он сказал:

— Сэр, я не даю напрасных обещаний.

— Ну, может быть, когда-нибудь... А?

— Ну, когда-нибудь... может быть.

Едва мы вышли во двор, как мальчишечий гвалт стих. Казалось, присмирели даже шумные воробьи. Сосновые кораблики с газетными парусами робко прижались к причалу из кирпичных обломков. По сравнению с каравеллой они выглядели просто щепками.

Каравелла слегка легла на борт, вздулись пузырями паруса, и она пошла, пошла к дальнему берегу, где, словно неведомый лес, чернели прошлогодние кусты репейника.

— Володя обещал, что, может, мне такую же сделает, — сказал я рыжему Тольке.

Тот взглянул на меня с презрением.

— Счас ка-ак стукну...

— Володь, правда, что ты... — начал я.

— Да правда, правда... — отмахнулся он.

Я с молчаливым торжеством посмотрел на Тольку.

— Счас ка-ак стукну... — сказал Толька уныло...

Володя, конечно, не сделал мне корабль. И, пожалуй, поступил правильно. Я научился мастерить их сам. Первый был совсем плох — чуть обтесанный кусок сосновой коры с мачтой-лучинкой. Но дни шли, и наконец я вырезал хоть и неказистую, но свою каравеллу.

Называлась она, разумеется, «Лейтенант Шмидт». Она долго плавала по лужам нашего квартала. Потом рыжий Толька украл ее.

Закадычный мой недруг! Он, конечно, не знал, совершив свой пиратский набег, что главное богатство осталось при мне. Осталось имя. И воспоминание о вечере, когда я принес показать своего «Шмидта» Володе.

Светила над столом неяркая лампа. На стене в полусумраке

выступали очертания карты с размытыми контурами континентов и почти неразличимыми буквами названий. За окном ровно гудел в большом тополе теплый пасмурный ветер, который назывался зюйд-вест. Я поставил кораблик на синюю гладкую клеенку стола. Двинул рукой. Каравелла пошла, слегка царапая клеенку жестяным перышком руля. На синем глянце оставалась еле заметная царапинка — тонкий прямой след корабля. Я тогда еще не знал, что это — начало. Что след Каравеллы пройдет через всю мою жизнь...

СЕВАСТОПОЛЬ

Виталька сидел на каменном крыльце, уткнувшись лицом в колени. Он плакал безудержно и зло. Его спина в белой рубашке и синем перекрестье лямок вздрагивала крупно и быстро. Казалось, бьется на порывистом ветру маленький андреевский флаг.

Я взял его за плечи. Он слегка притих.

Виталькино горе мне было известно: мальчишки пошли купаться в Артбухту, а его не пустила мать. Просто так: была не в духе и не пустила. Придралась, что где-то посадил пятно на чистую рубашку, накричала, да еще дала по затылку.

Затылок — что! Ерунда. А вот Артбухта... На дне там лежат большие камни, покрытые рыжей шерстью водорослей. Они — словно уснувшие чудовища. С горячих от солнца желтых скал видно, как скользит среди этих чудовищ юркая бесстрашная кефаль и лениво бродят лупоглазые бычки. А если надеть маску и нырнуть поглубже, можно отыскать раковины-рапаны, высланные внутри оранжевым лаком. Мальчишки, конечно, нырнут и отыщут.

Виталька был сыном хозяйки, у которой я снимал комнату. Кроме того, он был моим приятелем, и выхлопотать ему амнистию меня обязывал долг.

Через две минуты грозная Василиса Дмитриевна произнесла:

— Иди уж, ирод... Да смотри у меня.

«Ирод» шмыгнул носом, вытер глаза и поспешно кивнул в знак того, что будет «смотреть». Потом сунул в руку мне мокрую от слез ладошку. Что там Артиллерийская бухта! Мы решили катануть в Херсонес, где по берегу, как свечи, торчат белые колонны разрушенных древнегреческих храмов.

Мы уже вскарабкались по каменистой тропинке на Исторический бульвар и потом спустились на площадь Ушакова, когда обнаружили, что купить автобусные билеты не на что. Мои карманы оказались пусты, а у Витальки их вообще не было.

Не возвращаться же! И пошли пешком. По Большой Морской, по улице Восставших, мимо старой автостанции, мимо стадиона «Авангард». У стадиона повстречались нам трое загорелых парней в пестрых рубашках, с незнакомыми значками на беретах.

— Китобои, — с уважительной завистью сказал Виталька. — С «Советской Украины».

— Откуда знаешь? — спросил я.

— А вот знаю.

Я поверил. Виталька многое знал.

Вдруг он потянул меня к открытым решетчатым воротам. Я спорить не стал, понял его.

Здесь стояла звенящая кузнечиками тишина. Полузакрытые кипарисами, неярко блестели якоря и звезды памятников. Широкая аллея кончалась у серого обломка скалы, поставленного на цоколь из красного камня. Цоколь был сложен в форме пятиконечной звезды. На вершине памятника темнел неподвижными складками металлический флаг. Сверху спускалась тяжелая корабельная цепь.

— Очаковцы, — сказал Виталька почти с той же интонацией, с какой недавно говорил: «Китобои. С «Советской Украины». Та же нотка уважения и гордости, что он, Виталька, земляк этих людей.

Здесь были похоронены четверо: Антоненко, Частник, Гладков, Шмидт.

...В детстве не выбирают любимых героев. Они приходят сами с потрепанных страниц книжки, взятой у приятеля «только на вечер»; с киноэкрана, где полосуют клинками воздух чапаевские конники; из рассказов отставного капитана, поселившегося по соседству... Овод, Корчагин, Маресьев, Артур Грей, Роберт Грант, декабристы... Я не считаю, что мне не повезло, хотя сначала знал о своем герое совсем немного — только имя, написанное на борту игрушечной каравеллы. И еще то, что он «против царя». Шмидт казался в то время похожим на Володю, только постарше. Тоже с густыми смоляными волосами, насмешливый, веселый и сильный. Лишь потом стало мне известно, каким был он на самом деле, этот мятежный лейтенант флота, ценой своей жизни спасший от виселицы десятки матросов — участников заранее обреченного восстания.

Впервые прочитать о нем подробно удалось, когда мне было тринадцать лет. Читал я на уроке, разбирая строки через щель в крышке парты. Но разве можно читать такие книги на уроке? Ведь надо хотя бы изредка поглядывать кругом. А я смеялся от гордости, когда на крейсере «Очаков» Шмидт поднял красный флаг и сигнал «Командую флотом». Стискивал зубы от бессильной

ярости, узнав, что офицеры обманом заставили матросов снять с орудий замки. Эсминцы и дредноуты эскадры беспомощно смотрели на береговые укрепления тупыми дульными срезами...

Наш худой, прихрамывающий после давнего фронтowego ранения историк вытащил книгу у меня из-под парты и положил на край стола. Я обмер: книжка была библиотечная, а историк имел привычку отдавать отобранные на уроках вещи только в конце четверти.

Прозвенел звонок. Учитель встал. Мы встретились глазами. Он усмехнулся, захлопнул журнал и пошел, прихрамывая, из класса. Книга осталась на столе...

Прошли годы, и настал день, когда я приехал в Севастополь. Пришел к могиле Шмидта и его товарищей. Камни памятника были теплыми от солнца. Кончался сентябрь, и по гравию сухо шелестели желтые листья акаций...

С тех пор, приезжая или приплывая в Севастополь, я приходил на кладбище Коммунаров.

А сегодня меня привел сюда Виталька. Интересно, он-то что знал о Шмидте?

Мы постояли молча у могилы. Потом Виталька негромко сказал:

— Их ведь сначала не здесь похоронили. Их убили на каком-то острове.

— На острове Березань, — сказал я.

Виталька поднял на меня большие, похожие на спелые сливы глаза. Он смотрел внимательно и напряженно. И вдруг с нажимом произнес:

— Все равно ведь наши победили.

Он опустил голову, постоял так секунду и снова, уже вопросительно, глянул на меня: «Пойдем?» Потому что нельзя же все время стоять так и грустить. Тем более что «наши все равно победили» и солнце сияет в зените, ослепительное и горячее.

Мы были в Херсонесе до вечера. Нырjali с остатков крепостной стены, ловили под камнями крабов, слушали, как стонет у входа в Северную бухту бакен-ревун.

Потом приехали в город, на площадь Нахимова, и пошли к Графской пристани, где под настилом звонко плескались короткие волны. Отсюда Шмидт отправился на мятежный крейсер. Сходили мы и на Приморский бульвар, где на подпорной стенке у пляжа прикреплены адмиралтейские якоря — словно память о погибших здесь участниках восстания. Затем поднялись по Синопской лестнице, и я показал Витальке улицу, где жил Шмидт.

Уже стемнело. Мы сели на каменные ступени у памятника Ле-

нину. Куранты на Матросском клубе отбивали двойными ударами склянки.

— Конечно... Кругом батареи, а у них на крейсере не было даже брони, — вдруг сказал Виталька. Прислонился ко мне. И затих.

— Пойдем? — спросил я.

Он уже спал. Что-то пробормотал, когда я потряс его за плечо.

Я поднял его, тонкорюкого, тонконового, легкого, как сосновая шепка. И стал спускаться, отыскивая глазами зеленый огонек такси. Впереди, над темным морем, дрожали вспышки — кому-то сигнализировал Константиновский рavelин.

ВИЛЬНЮС

Этим летом мне удалось объехать почти полстраны. Почему-то вся земля пахла свежим сеном. Может быть, потому, что начало лета было жарким и стали рано подсыхать травы... Запах скошенной травы стекал по склонам Уктусских холмов, плавал над берегами канала имени Москвы у Дмитрова, смешивался с запахом смолы на дюнах Прибалтики, неподвижно стоял в долине Терека. И даже в Херсонесе, где все звуки и запахи рождало море, соленый ветерок вдруг уступал знакомому дыханию созревшего клевера.

То же было и в Вильнюсе. Запах свежескошенных стеблей и цветов стоял над темно-зеленой горой Гедимина, словно там шел сенокос. Я поднялся на гору. Ясени сонно колыхали широкими листьями. Замковая башня краснела в вечернем небе. С ее верхней площадки был виден весь Вильнюс. Он походил на декорацию к средневековой опере: солнце висело над острыми черепичными крышами, на оранжевых облаках четко рисовались башни, флюгера, шпили.

На горе среди зелени вековых деревьев звенели голоса; пели девушки. Смеялись и снова пели. Наверное, готовились к завтрашнему празднику песни. С развалин стен доносился сухой перестук: там сражались палками лихие мальчишки. Я спустился и спросил у них, как пройти к знаменитому Вильнюсскому университету. Двое «мушкетеров» охотно показали деревянными шпагами в разные стороны. Я засмеялся. Они тоже.

Они были похожи на Витальку — такие же шуплые и темноглазые. Интересно, слышали они про лейтенанта Шмидта?

Конечно, Шмидт здесь ни при чем. На мысль о нем натолкнуло сходство мальчишек с Виталькой. Но, вспомнив о лейтенанте Шмидте, я подумал, что в этом городе еще не встречался с ним.

«Встретиться с ним» — значит что-то услышать о нем, увидеть его портрет, прочитать его имя на уличной табличке... Встреч было много: Набережная лейтенанта Шмидта в Ленинграде — там шваргуются парусные баркентины морского училища и по вечерам спелая луна висит, запутавшись в паутине такелажа; узкая крепостная улица его имени в Баку; камни и якоря Севастополя; яхта «Лейтенант Шмидт» в Финском заливе — шла крутая волна, и я с трудом прочитал на борту название, белые буквы все время захлестывала пена.

А в Вильнюсе? Пока ничего...

На следующее утро знакомый сотрудник Литовской Академии наук предложил мне побывать в отделе редких книг и рукописей, обещал показать уникальные издания. Вместе с заведующей отделом он доставал с полок свитки пожелтевших листов, громадные фолианты и маленькие томики в тяжелой, потрескавшейся коже. Тут была и Библия петровских времен, окованная медью, и первое издание Грамматики Смотрицкого, и какие-то совсем древние рукописные своды законов. Наконец, попала мне в руки «Всемирная география», изданная в Венеции, кажется, в 1576 году, — громадный том весом килограммов в семь, с костяной резьбой на переплете.

Издатели не скупились на иллюстрации. Они щедро снабдили рисунками описания заморских чудовищ, людей с песьими головами и неведомых царств.

На одной из желтых страниц я увидел каравеллу. С высокой фигурной кормой, крутобокую, с парусами, круглыми, словно пузыри. Ну как было не вспомнить наши с Володей кораблики, карту полушарий на стене и синие мартовские лужи?

Солнце падало на страницу ярким пятном, резало глаза. Я оторвал взгляд от рисунка. В соседней витрине, под стеклом, на каком-то листке чернела размашистая строчка:

П. ШМИДТЪ.

Я даже не удивился в первый миг. Увиденное было словно продолжением моих мыслей. Но в следующую секунду я торопливо шагнул к витрине. Шмидт пристально смотрел со старой фотографии. Рядом лежали какие-то документы.

— Откуда это?

— Вы разве не знаете? — удивилась заведующая. Она указала на портрет человека со строгим бородатым лицом. — Тадаас Врублевский — Фаддей Евстахиевич Врублевский — основатель библиотеки при нашей Академии, адвокат. Был защитником Шмидта на суде... А это фотокопии судебных документов, писем.

— А сами бумаги... Где они?

— Если будет время, если интересно, заходите, — пригласила она. — Эти документы сохранились в архиве Врублевского. Теперь они у нас в фонде.

Если будет время! Ждать другого случая? Выхватив авторучку, я потянул со стола бланк заявки.

И вот в руках пухлая папка. Серый картон с черной надписью: **ДЪЛО.**

Типографская копия обвинительного заключения. Телеграммы и открытки сестры Шмидта Анны Избаш: скоро ли Врублевский выедет из Вильно? Газетные вырезки. Речь Врублевского на суде: отнюдь не завуалированные высказывания о самодержавии, холодное презрение к офицерам, которые сейчас с ухмылкой говорят об «экс-лейтенанте», а во время восстания дрожали за свою шкуру; и горячие, мало вяжущиеся с обычным представлением об адвокатских речах, слова в защиту Шмидта. Он и не был просто защитником. Он был другом.

В деле есть открытка, посланная Врублевскому и его товарищам-адвокатам участниками восстания, осужденными на каторгу:

«С Волги-матушки широкой, из высокого терема, то есть из Самарской тюрьмы, шлем Вам привет. Мы ни на минуту не забываем той сердечной поддержки, которую вы дали нам в Очакове. Мы ожидали увидеть в Вас защитников, но нашли больше. И теперь, идя в каторгу, мы думаем: много на Руси есть людей хороших, смелых, честных. И делу, которому мы больше не можем служить, они послужат, может быть, с большим успехом, чем мы.»

1906. 29. Март. Очаковцы».

Врублевский сделал что мог. Шмидт тоже. Защищаться он не стал. Отрицать свою роль в восстании? Значит, взвалить ответственность на матросов? Он жалел теперь лишь о том, что дождался этого суда, что оказался здесь, в городе, по злой иронии судьбы носящем то же имя, что и восставший крейсер.

«Умирать в бою за свободу легко — это необходимость. Умирать на эшафоте тяжело — это жертва... Зачем я не погиб под снарядами на борту «Очакова»? Зачем пощадили меня пули, когда под пулеметами плыли мы в воде?!»

Я не знаю, точно ли передаю слова. Тогда в голову не пришло заняться выпиской цитат. Торопливо листая страницы, переписанные Анной Избаш, я читал последнюю речь лейтенанта Шмидта и словно слышал его голос. И запомнились не столько слова, сколько ощущение яростной интонации гневного и справедливого обличителя...

Снова пронумерованные разнокалиберные листы: приговор, газетные вырезки, письма. Клочок бумаги. Сверху — размашисто: *П. Шмидт, П. Шмидт, П. Шмидт.* Ниже — несколько строк. Это уже после приговора Врублевский пришел к Шмидту и попросил что-нибудь написать на листке. Он сказал:

— Я буду хранить всегда...

Шмидт порывисто набросал то, что говорил несколько месяцев назад на севастопольском кладбище, призывая к свободе. Он требовал поклясться здесь, на могилах расстрелянных войсками демонстрантов, что каждый отдаст свои силы для служения обществу, для революции. Он первым сказал: «Клянусь!»

Это «Клянусь!» как подпись стояло на листе. Тот, кто писал, до конца выполнил клятву...

Я уезжал из Вильнюса в тот же вечер. Думал о неожиданной встрече со Шмидтом. Ощущение яростной интонации не прошло. Образ стал четким и ясным. Живым.

СЕМИНАР

В поездку, о которой написано выше, я отправился после участия в Четвертом Всесоюзном совещании молодых писателей. Оно состоялось в Москве в мае шестьдесят третьего года.

Собралось нас на семинаре одиннадцать человек. Ждали двенадцатого. Сидели в кабинете у Льва Кассиля. Лев Абрамович постукивал карандашом по зеленому сукну стола, молчал и почему-то слегка усмехался.

Волгоградец Юра Мишаткин встал и сказал:

— Иду в поиск.

И пошел. Вернулся минут через пять. Неторопливо сел на диван. Помолчал. Улыбнулся. У него были изящные манеры и такая же внешность. Московские окололитературные девицы, всеми неправдами проникшие на совещание, принимали его за «поэта модных направлений». И разочарованно хлопали ресницами, узнав, что Юра «всего-навсего» автор детских книжек.

Юра улыбнулся и сказал:

— Товарищ, которого мы ждем, не придет. Он в другом семинаре. Его потянуло к «серьезным музам».

— Куда? — мрачно переспросил молчаливый бородач Игорь Ефимов, автор великолепных веселых рассказов о мальчишках.

— В большую литературу, — вежливо объяснил Юра.

— Большая — это когда пишут про больших и для больших? — осведомился украинец Вадим Скоморовский.

— Выходит, так... Ладно, переживем.

— Переживем, — подытожил Лев Абрамович. — Стало нас меньше, но... — он энергично сжал ладони.

— Что же твой земляк-уралец нас покинул? — спросил меня сосед.

Я пожал плечами. Выпускал поэт в Свердловске детские книжки, называл себя детским автором и вдруг...

Дело, конечно, хозяйское. Но, по-моему, грустно, когда автор смотрит на свои произведения для детей, как на пробу пера.

— Есть писатели, — говорил Лев Абрамович Кассиль, — которые как чумы боятся слова «детский». А я это звание всегда принимал как похвалу.

Честное слово, мы тоже принимали бы его как похвалу. Начинаяшему литератору трудно претендовать на это почетное звание. Но так или иначе, а взявшись писать рассказы, повести или стихи для ребят, он берет на себя ответственность. Детская литература — это воспитание. И если уж пробовать здесь силы, то не для того, чтобы потом «прыгнуть в серьезное творчество», а для того, чтобы рано или поздно дать читателям книгу, которая станет у них одной из любимых.

По-моему, такая мечта есть у каждого, кто пишет для детей. Есть она и у меня. Не знаю, сумею ли я написать такую книгу. Но хотелось бы рассказать в ней о товарищах детства — иногда суровых, насмешливых, но великодушных, о моих нынешних друзьях-мальчишках, о романтике отчаянных игр и первых настоящих дел, о революции, которая живет в каждом из нас. О Шмидте.

Почему именно Шмидт? Так получилось. Иногда трудно объяснить то, что легко почувствовать. Может быть, потому, что образ его в детстве соединял для меня извечную романтику бороздящих море парусников и героиню красного флага революции. А если пишешь для ребят, все равно, вольно или невольно, впечатления собственного детства входят в книгу.

Впрочем, возможно, что в этой книге я не напишу о Петре Шмидте. Ни слова. Но он будет стоять рядом у письменного стола, прямой, тонкий, нервный. Раздраженно похрустывая пальцами, с иронической усмешкой станет следить за моим карандашом: «Ну, что? Опять ни черта у вас не получается, молодой человек? Разве так пишут об этом?»

Сюжет еще расплывчат, многое неясно. Известно лишь одно: если и не будет в книге образа Шмидта, то мальчишки все равно

будут. Те самые: спокойно-озорной Сережка с теплохода «Клара Цеткин», влюбленный в море.

Виталька, вильнюсские «мушкетеры» и еще многие-многие из тех, с кем я встретился и подружился — уральские, московские, прибалтийские, черноморские ребята.

Пусть у каждого из них появится в душе свой лейтенант Шмидт, Чапаев или Гагарин, Гаврош или Павлик Морозов¹, Spartak или Гарибальди. Пусть все они мечтают о море, о звездах, о дорогах и подвигах.

Пусть у каждого из них останется в жизни след его Каравеллы.

И для этого совсем не обязательно быть влюбленным в паруса. Время летит стремительно. Появляются новые пути и новые герои. Мальчишки уже не так часто пускают в лужах кораблики. Да и луж теперь бывает меньше. Улица, где плавали наши парусники, залита асфальтом. Но она не стала менее шумной и менее веселой.

Между прочим, когда запускают самодельную ракету класса «Желтый гном», раздается шипящий свист, со старого тополя сыплются листья, а из открытых окон визгливо кричат испуганные соседки.

А на асфальте остается темное лучистое пятно, словно здесь стгорело маленькое солнце.

1963—1981 гг.

¹ Не раз редакторы уговаривали меня убрать упоминание о Павлике Морозове: мол, время сейчас иное, Павлик стал «одиозной личностью», «символом предательства».

Я не убрал и убирать не буду. Во-первых, очерк написан в те годы, когда на многие вещи и на многих людей в истории смотрели иначе. Историю не следует ретушировать. Во-вторых, до сих пор не ясны все детали: что говорил Павлик следователям, «доносил» или не «доносил» на отца (который, кстати, был жуликом и пьяницей, издевавшимся над сыном и женой). В-третьих, его убили не за отца, а за то, что отстаивал власть и принципы жизни, которым верил до конца. Мальчишке очень хотелось светлого будущего, и он боролся за него, как умел. Он был обманут, как миллионы других людей. Но он был честен. Верность идеям надо уважать во все времена.

ПАРУСА

Предисловие 2003 года

У этого очерка довольно бесполовая история. Написал я его и напечатал в «Уральском следопыте» около двадцати лет назад, но потом долго не мог найти ни журнала с этой публикацией, ни даже рукописи. Только отыскал тетрадный листок с карандашным наброском самого начала. Первая главка называлась «Тайные письма». Этот отрывок я вставил в рассказ о старинных картах, включенный в цикл «Ржавчина от старых якорей». «Паустовские» рассказы». А недавно очерк нашелся — вырванные из старого журнала листы, соединенные ржавой скрепкой.

Вообще-то о своем друге Евгении Пинаеве я писал немало, но и эти страницы, мне кажется, не будут лишними. Только приходится помещать здесь очерк без нескольких первых абзацев — они слишком крепко вросли в рассказ «паустовского» цикла.

СТАРАЯ ТЕТРАДКА

...С давних пор мне казалось: каждый человек должен в жизни встретить с во и тайные письма. И не бояться их прочитать. Чтобы достигнуть задуманного...

Пинаев кажется мне именно тем человеком, который прочел свои тайные письма и нашел свое призвание. Хотя это было очень нелегко.

...Как-то он дал мне старую общую тетрадку — свой детский дневник. Я прочитал за один вечер эти полторы сотни страниц, написанные в сорок седьмом году почерком не очень прилежного шестиклассника. Прочел сразу, потому что детство Жени Пинаева в казахстанском городке Щучинске во многом было похоже на мое. Это во-первых. А во-вторых, потому, что написано это удивительно живо. Уже тогда хозяин тетрадки писал заметки и рассказы и посылал их в «Пионерскую правду». Заметки иногда печатали.

«Может быть, когда вырасту, я стану писателем?»

А еще ему очень хотелось стать моряком. На парусниках.

А еще он любил рисовать.

«Кем же я буду?»

...Теперь у Жени Пинаева, бывшего шестиклассника из Щучинска, за спиной тысячи и тысячи морских миль, пройденных и на промысловых, и на парусных судах; и сотни полотен, на которых люди, берега, корабли разных стран (одна из его картин называется «Путь в неведомое»; когда смотришь на идущий в ущелье парусник, снова вспоминаются тайные письма на скалах...). Скоро выйдет его книга, а он уже закончил вторую и работает над третьей.

Много всего? Да. Но чего это стоило... И самое главное, что и впереди, наверное, будет не легче. Но будут удачи, как у всякого человека, который сумел прочитать то, что ему написано на роду, и знает, чего хочет...

Это не биография, и здесь невозможно рассказать, как художник стал моряком, как моряк — автором повестей и рассказов и как все это сделало человека тем, кто он есть. Я просто вспоминаю старые узкоплечные кинокадры, снятые осенью шестидесяти седьмого года. Барк «Крузенштерн» попал в Северном море в ураган (тогда погибло несколько иностранных судов). В ленты изодраны многоярусные паруса — их не успели убрать и пришлось расстрелять из автомата. Пенные горные хребты идут на четырехмачтовый парусник, который развернуло лагом — бортом к волне, — не слушается руль. Сумрачно лицо капитана, вцепившегося в поручни ходового мостика. И надо выдержать, надо делать свое дело. И еще надо успеть снять все это кинокамерой. И запомнить, чтобы написать потом картину «Циклон». И чтобы рассказать читателям... Он все это сделал — как всегда, спокойно, с крепкой моряцкой хваткой.

Теперь, через шестнадцать лет, в безопасной береговой квартире можно без волнения смотреть старую кинохронику.

Так ли уж без волнения? Моря не стали спокойнее. В них по-прежнему ревет ураганы и гибнут корабли...

ВОСПОМИНАНИЕ О СЕВАСТОПОЛЕ

Эти заметки я пишу в вагоне, когда мы с Евгением Пинаевым возвращаемся из Севастополя. У каждого из нас — и порознь, и вместе — с этим городом в жизни связано очень много. Начать с того, что мы, два свердловчанина, познакомились именно в Се-

востополе, на палубе четырехмачтового гиганта «Крузенштерн». Я привел на этот парусник приехавших со мной мальчишек из отряда «Каравелла», а Евгений в те времена ходил на «Крузенштерне» матросом. И, конечно, художником, хотя официально такой должности на учебно-парусных судах нет.

Знакомство состоялось при самой романтической обстановке — среди черных, уходящих в темно-зеленое небо мачт, под круглой луной, разливающей над Северным рейдом яркий, просто какой-то оглушительный свет, среди бородатых и вооруженных флибустьеров (на барке шли съемки фильма «Рыцарь мечты» о юности Александра Грина). Был 1967 год.

Сейчас мы вспоминаем тот вечер на палубе с улыбкой — чуть снисходительной и, может быть, даже немного иронической. Но в глубине души рады по-настоящему, что случилось именно так: словно судьба сделала подарок, подстроив такую встречу людям, «помешанным на море и на парусах».

После этого мы с Женей не раз бывали в Севастополе. Встречи с этим городом всегда приносят ощущение долгого спокойного праздника. Белизна города, синева громадной воды, скопление корабельных рубок, труб и мачт в бухтах, суровое спокойствие памятников и береговых крепостей, желтые слоистые обрывы, заваленные горами ползучего терновника и дрока, смех загорелых мальчишек, бегущих к морю прямо из школьных дверей — все это радость. Но радость молчаливая, с примесью тревоги и печальной памяти. Потому что большой кровью оплачена эта солнечная жизнь. Кровью людей из многих-многих краев нашей страны, в том числе и с Урала...

Город у моря оживает на этюдах и картинах Пинаева. Да простят меня читатели за банальность выражения, но он действительно оживает. Я ощущаю ласковость осеннего солнца и шероховатость камней, когда смотрю на пинаевскую «Корабельную сторону». Слышу смех матросов и стук их ботинок по ступеням, когда вижу «Таврический спуск». Чувствую запах травы, водорослей и сухих пористых глыб при взгляде на его «Херсонес». А сумрачность древних извилистых лестниц в пещерном городе Инкермана! А прохлада солнечного тумана над Северной бухтой, сквозь который проступает громадный рангоут стоящего на якоре «Крузенштерна»!..

Эту последнюю картину — «Северный рейд. «Крузенштерн» — Пинаев только что подарил друзьям в Севастополе. И есть своя логика в том, что она висит сейчас в комнате моряка, парусного капитана, среди фотографий с кораблями, штурвалов, морских раковин и штурманских карт, которые здесь вовсе не романтиче-

ские сувениры, а детали настоящей флотской жизни — радостной и трудной...

Пожалуй, больше всех черноморских полотен Пинаева я люблю «Воспоминание о Севастополе», на котором мало конкретных деталей, но зато особенно сильно возникает ощущение города в целом — Севастополя на протяжении двух веков его жизни.

...Память — штука хитрая. Иногда она путает страницы и услужливо приоткрывает те из них, которые кажутся более подходящими в данный момент. И я не уверен полностью, что именно в тот ноябрьский вечер семьдесят первого года у Пинаева родилась мысль об этой картине. Но теперь кажется, что это было так. По крайней мере, сам Женя не отрицает этого.

Вечер был спокойный и довольно теплый для поздней осени. Мы стояли у Памятника затопленным кораблям — Пинаев, я и несколько свердловских мальчишек, приехавших в Севастополь на осенние каникулы. Мальчишки притихли. Они впервые видели такой закат над морем.

О севастопольских закатах написано много. Они замечательные и очень разные. Этот боролся с облаками, которые старались придавить его к горизонту. Он окрашивал груды облаков то в огненные, то в тускло-багровые тона, и они светились — выпуклые, многоярусные, как паруса нахимовских линейных кораблей. Земляничное солнце скользнуло в щель между багровой тучей и горизонтом, стремительно раскатало по морю оранжевую дорожку и быстро утонуло. У Минной пристани и на рейде зацепили горны сигнальщиков — спуск флагов. И мы вернулись домой — в большую комнату гостиницы «Севастополь», что в конце Приморского бульвара.

Очень скоро закат за окнами погас, к стеклам приклеилась глухая ночь, которую равномерно прокалывал красной иголкой далекий маячок. Море забеспокоилось, стало вздыхать и ухать у парapeтов набережной — пришел осенний ветер. Намотившись за день, мальчишки посапывали в кроватях. По полу тихо стучали клешни — это из тумбочек выползли и разбрелись по комнате крабы. Ребята наловили их в Карантинной бухте, чтобы увезти домой. Наши с Женей доводы, что крабы не приживутся на Урале, не действовали. Мальчишки клялись, что создадут невольным переселенцам райские домашние условия: разболтают в ваннах и аквариумах соль, разведут водоросли...

Под это шелканье клешней, дыханье ребят и шум моря мы с Женей долго разговаривали о городе, о его кораблях и людях, о фильме «Малахов курган», который смотрели еще мальчишками, — о фильме прекрасном и суровом, как история Севастопо-

ля. Было тихо, спокойно, и в то же время где-то рядом стояла тревога. Словно тот красный закат погас не совсем и отблески его собралась в игольчатом свете маяка...

А потом появилась картина. Колонна памятника с орлом и огненное небо — закат, перерастающий в тяжелые паруса линейных кораблей. И сполохи на горизонте, и суровое красное море... Теперь картина эта висит в морском отряде «Каравелла». И ребята помнят, что паруса бывают не только белыми, а море не только синим.

Но все это было потом. А после той ночи мы занялись обычными делами. Мальчишки, огорченные сонным (а точнее, полудохлым) состоянием крабов, вняли голосу рассудка и выпустили пленников в защищенной от волн бухточке. И стали собираться домой, в Свердловск. Пинаев помог нам дотащить до аэропортового автобуса добытый на корабельном кладбище трехпудровой шхуне «Испаньола» — той, что мы видим в фильмах «Остров сокровищ» и «Робинзон Крузо». Тогда «Испаньола» была еще на плаву, а не служила баром для курортников на Ялтинской набережной. (Обычай превращать старые парусники в кабаки — явление бездарнейшее и оскорбительное для флота, но это отдельная тема.) Пинаев жил на шхуне около месяца, а после этого написал картину «Флибустьеры».

БАРАВАНЩИК НА ПРИЧАЛЕ

«Флибустьеры» — иллюстрация к Стивенсону. И вообще к морским романам, легендам и разудалым пиратским песням. Это откровенно озорная, по-мальчишечьи дерзкая картина. Недаром многие «серьезные» ценители живописи и даже коллеги художника воспринимают «Флибустьеров» как какой-то вызов или выходку. Что тут скажешь? Не для них эта картина написана. Друг Пинаева художник Аркадий Охлупин (когда-то они вместе ходили на «Крузенштерне») однажды в сердцах сказал такому «ценителю»:

— Да вы что, сами никогда не были мальчишкой?

Эта картина для мальчишек. Причем для тех, кто не занят погоней за техасскими штанами и японскими магнитофонами, кто не растерял свою веру в «дальние страны».

На недавней выставке Евгения Пинаева ребята составляли чуть ли не половину посетителей. Иногда они приходили не вовремя, но и тогда всякими правдами и неправдами пробирались в

зал мимо суровой вахтерши. И разноцветные паруса отражались в их распахнувшихся от изумления глазах...

Есть понятие «детский писатель», но выражения «детский художник» я не слышал. Впрочем, по отношению к Пинаеву оно и не было бы точным. Он не иллюстрирует детских книжек, картины его далеки по теме от школьной и пионерской жизни, и едва ли он думает о ребятах, когда работает над очередным холстом. Но мальчишки с безошибочностью детской интуиции моментально признают в нем своего — в этом молчаливом человеке с внешностью сурового боцмана, так же похожем на педагога, как якоря Холла на фарфоровое блюдце. Почему? Наверно, потому, что они и он одинаково смотрят на мир. Видят его ярким, загадочным, зовущим в «неведомое», совсем не похожим на плоские черно-белые фотографии, которые напоминает порой взрослое бытие. Логика жизни — на стороне этих ребят и художника. Умение видеть мир удивительным, разноцветным, обещающим открытия — это не только признак детства. Это черта любого талантливого, деятельного и бескорыстного человека.

Бескорыстие — признак настоящего искусства.

Я помню, как Пинаев, чтобы порадовать ребят из отряда «Каравелла», расписывал в длинном полуподвале стену картинами географических открытий. Высота росписи — два с половиной метра, ширина — больше десяти. Потом отряду пришлось уйти из этого дома, и домоуправленческие маляры замазали роспись благопристойной серой краской. В неудобной комнате старого особняка, куда судьба на время забросила «Каравеллу», Пинаев написал на штукатурке мальчишек со шпагами, воюющих с многоголовым драконом. Не сохранилась и эта роспись. Тогда в новом штабе «Каравеллы» Пинаев снова взялся за кисть. Теперь с широкой стены прямо на зрителя срываются стремительные чайки, несутся многомачтовый клипер, плещут через каменный причал зеленые штормовые волны. А на причале лицом к морю — крепкий решительный моряк и тоненький мальчишка-барabanщик, которому еще предстоит познать нелегкие дороги в океане.

ЦЕЛЬ ХУДОЖНИКА

Итак, мы едем из Севастополя... Город только что отметил свое двухсотлетие. Он еще хранит следы праздника. Плакаты на улицах, сувениры в киосках, выставка художников в Севастопольской галерее, посвященная юбилею. Хорошая выставка, толь-

ко жаль, что художники в основном местные. А если бы со всего Союза! Севастополь дорог всей стране...

Я подумал, что черноморским картинам Пинаева было бы самое место там, в прекрасном белом здании у моря. И еще подумал: там никто не говорил бы ему об «отрыве от местной тематики», о «несовременности», об «излишней романтизации», об «отсутствии уральского колорита».

А потом подумал: почему? Почему талант и темы художника должны определяться милицейским штампом прописки? Почему, живя на Урале, обязательно надо писать только сизые увалы под пасмурным небом и торчащие из-за лесных гребешков трубы? Таких пейзажей есть немало, и авторам их не приходит в голову, что Урал в сто раз многокрасочнее их полотен, а трубы давно перестали быть символом индустриальной мощи и только засоряют атмосферу.

У Пинаева достаточно уральских полотен. Но и на них — праздник света: яркость осенней листвы, серебристость воздуха над речными просторами. Дело, однако, не в этом. В конечном счете роль и значимость художника определяются не конкретными темами. Так же как и не числом наградных дипломов и не академическими званиями. Я снова вспоминаю недавнюю выставку Пинаева, радостные улыбки взрослых и восхищенные глаза ребят. наших, уральских. Они научились шире смотреть на мир, стали добрее и честнее. Не это ли — главная цель художника?

Вспоминаю и глухое недоумение людей, которые считают, что романтика — это что-то для оформления интерьеров в приморских барах. Она, мол, слегка украшает жизнь, но изменить в жизни ничего не может. Что эти люди могут предложить в живописи, какой творческий подход? Изошренность техники, в которой ни капли живого чувства? Сомнительную оригинальность абстрактных композиций, которые якобы отражают современное видение мира? Плоский рационализм полотен, напоминающих раскрашенные фото?

Эти «ценители», стоя у пинаевского автопортрета «Когда прощаешься с морем», могут долго рассуждать о размерах написанной чайки или светотени на кожаной куртке, но не умеют взглянуть в глаза человека на этом портрете.

А глаза говорят, что без романтики, без парусов нельзя. И человек, прощаясь с морем, уходя в береговую жизнь, уносит свое море с собой. И будет море с ним, где бы он ни жил, кем бы ни стал.

Именно это ощущение моря, постоянной и полной жизни заставило Евгения Пинаева взяться не только за кисти, но и за перо писателя. Сначала рассказы и статьи, потом повести — о флоте, о

товарищах, с которыми плавал. О мальчишках, влюбленных в корабли. Одна из первых статей оказалась подписанной: «Е. Пинаев, штурман дальнего плавания». Он был очень раздосадован этой ошибкой редактора, будто невольно приписал себе что-то незаслуженное. Нет, он не был штурманом. Был матросом, судовым плотником, работником рыбного цеха на промысловой плавбазе, боцманом. Учил юных курсантов нелегкой азбуке матросского ремесла. И всегда был настоящим Моряком. Моряком с большой буквы, влюбленным во флот тружеником океанских дорог и промыслов.

И пишут ему, матросу, плотнику и боцману, со всего света друзья-моряки. Пишут просоленные штурманы и старые известные капитаны. Недавно пришло письмо от капитана Букина. В шестидесятых годах он командовал баркентиной «Меридиан», на которой они вместе с Пинаевым ходили вокруг Европы.

«Сейчас идем на Кубу, — пишет он, — а через рейс наш газовой «Кемгус» ставят на капремонт и будут на судне монтировать два аэродинамических комплекса по сто квадратных метров каждый».

Аэродинамические комплексы — так называют современные паруса. Паруса-крылья. Не склонность к экзотике, а сама логика жизни возвращает к ним моряков. В этой логике романтика летящих парусов, жестоких ветров и трудных дорог среди волн — не красивое приложение, а неизбежная часть существования в море. Впрочем, только ли в море?...

Я знаю, что среди мальчишек, видевших картины Пинаева, растут люди, которые этих дорог не испугаются. Увидят в них не только риск и тяжелый труд, но и радость. Свое призвание. И благодаря этим картинам таких людей станет больше.

1984

КОМАНДОРСКАЯ КАЮТА

Эти очерки в течение года печатались в журнале «Уральский следопыт». Такая вот серия юбилейных материалов. В силу журнальной специфики мне приходилось в них говорить о себе в третьем лице — как бы от имени редакции. Пусть читатели не сочтут это нескромностью. Просто такова специфика журнала.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЮБИЛЕЕ

...Мы с мамой и бабушкой выписываем ваш журнал, потому что в нем много всего интересного. Мне и бабушке особенно нравятся сказки и повести Владислава Крапивина, только в этом году вы еще ничего не напечатали. И маме тоже они нравятся. А еще нам хочется знать про этого писателя, где он живет и как пишет свои книжки. Мама говорит, что это не так уж обязательно, но нам с бабушкой все равно интересно...

*Серезжа Ефремов, 10 лет,
г. Новосибирск. 1979 г.*

...Сегодня я прочитал начало романа «Острова и капитаны» и теперь с нетерпением жду продолжения. И еще у меня и у моей сестры такая просьба, если вам не трудно, напишите про писателя Крапивина, который сочинил этот роман и другие свои книги. А то его героев мы знаем, про него самого не знаем ничего...

*Игорь Ковальчук, 12 лет, 6-й класс (и сестра Таня, 10 лет),
г. Москва. 1987 г.*

...Большое Вам спасибо за наслаждение, которое испытываешь от чтения Ваших книг, которые возвращают в детство... Мне бы очень хотелось узнать о Вас больше, если это Вас, конечно, не затруднит..

*Люба Сунгурова, 21 год,
Украина, Луганская обл.,
с. Жёлтое.*

Подобных писем в архивах редакции и в архивах писателя Владислава Крапивина очень много. И дело вовсе не в том, что журнал или сам Владислав Петрович делают из писательской биографии секрет. Наоборот. «Следопыт» неоднократно печатал всякую информацию о своем давнем и заслуженном авторе. Сам писатель тоже, случалось, рассказывал о себе в разных статьях, интервью и предисловиях к своим книгам. Но поколения читателей меняются быстро, а у тех, кто подрастает, все тот же интерес: хотим знать об авторе...

Читательские интересы надо удовлетворять. И в редакции возникла идея. И этой идеей редакция поделилась с писателем:

— А давайте-ка, уважаемый Владислав Петрович, пойдём на встречу подписчикам и в будущем году уделим вам в каждом номере по несколько страниц. Организуем этаким специальным разделчик...

Известный детский писатель отозвался со свойственной ему интеллигентностью и лаконизмом:

— С печки упали, да?

— Мы серьезно...

— Да кому это надо-то?

— А вы почитайте анкеты и письма.

— Письма! Вы знаете, какие письма пойдут в ответ на это дело? Скажут, что редакция развела культ личности!

— Может, кто-то и скажет. Зато многие будут довольны. Тем, что смогут прочитать ваши ответы на свои вопросы, узнают о ваших планах, о ваших увлечениях, о всяких случаях из вашей жизни. Познакомятся с вашей точкой зрения на всякие сложные вопросы. Хоть немного проникнут в секреты писательской кухни...

— Да с какой стати?! Зачем? И почему это взбрело вам в голову именно сейчас?

— Как почему? — хором возмутилась редакция. — Да потому, что СТОЛЕТИЕ!

— Вы, что ли, совсем... переработали? Мне должно стукнуть всего шестьдесят!.. Ну, пусть не «всего», а «уже», но это же не целый век все-таки! А журналу и того меньше — сорок лет...

— А если сложить вместе! Сколько будет, а?!

Эта простая арифметическая логика неожиданно сразила заслуженного следопытского автора. Потому что как ни крути, а вся его жизнь «сплюсована» с жизнью «Уральского следопыта».

Первый номер журнала вышел весной 1958 года, а уже в начале лета студент журфака УрГУ Слава Крапивин со своим рассказом в папочке для конспектов бодро пришел в редакцию.

Увы, этот рассказ (который назывался весьма романтично —

«Там, где течет Ориноко») Славе завернули. Но чтобы молодой автор не впал в полное уныние, ему сказали:

— Не падайте духом, заходите к нам... если еще что-нибудь сочините.

Слава стал заходить. Вскоре известный журналист Евгений Григорьевич Ананьев набрал для журнала группу студентов, которые должны были освещать будни и романтику трудовых деяний на стройках и заводах Урала. И Слава освещал. И понемногу начал печататься. А весной шестидесятого осуществил и заветную мечту: опубликовал в «Следопыте» рассказ (конечно, не «Ориноко», а другой). А еще через два года стал сотрудником редакции. Кстати, в той должности, которую когда-то занимала сотрудница, вернувшая ему рассказ. Тем не менее у него хватило ума больше никому это свое произведение о Южной Америке не показывать...

Далее все самое важное, что происходило в жизни начинающего писателя, становилось и редакционным событием. И неизменно отмечалось в редакции: публикация первой повести (август 1962 года); выход первой книги (конец того же года); первый юбилей — двадцатипятилетие (1963 год); вступление в Союз писателей и почти сразу за этим — шумная свадьба, в которой весь состав редакции принял самое горячее участие (лето 1964 года).

В шестьдесят пятом году Владислав Петрович из штатных работников «Следопыта» ушел: трудно стало тянуть сразу три упряжки: книжки писать, командовать набиравшим силу отрядом «Каравелла» и ежедневно ходить на работу в журнал. Но полностью избавиться от «третьей упряжки» не удалось. Куда от нее денешься, если ты и член редколлегии, и постоянный автор...

Сколько же всего напечатал Владислав Петрович в «Уральском следопыте» по нынешний юбилейный год? Мы посчитали, и оказалось, что около двадцати повестей и романов. Надо еще учесть, что два романа — это трилогии, состоящие из отдельных больших книг. А еще были рассказы, очерки, статьи, репортажи и даже одна поэма... Если перевести все это на издательский язык, то можно сказать: «Около ста восьмидесяти авторских листов». А один такой лист — это примерно двадцать пять страниц машинописного текста. Если представить такой объем в книгах, то получится пять томов толщиной с «Трех мушкетеров» каждый.

Много это или мало? Каждый может судить по-своему. Но один факт бесспорен: по числу лет, отданных «Уральскому следопыту» послевоенного времени, и по количеству напечатанного в нем Владислав Петрович абсолютный чемпион среди тех, кто работал для этого журнала.

В связи с этим была даже попытка наградить автора-рекордсмена официальным прозвищем «Чемпион». Но Владислав Петрович эту попытку отменил. Сказал, что у него есть другое — не менее почетное... прозвище, звание, титул (думайте, как хотите): «Командор».

— Вообще-то прозвищ у меня в жизни хватало, — вздохнул он. — С давнего дошкольного детства. Самое первое — «Комнатный балбес». Меня наградили им соседский мальчишка, потому что весной сорок третьего года мне не в чем было выйти на улицу и я, глядя в окошко на пускавших кораблики пацанов, с досады корчил всякие рожи. В ответ на «Балбеса» я сочинил про обидчика частушку, где его имя рифмовалось со словом, которое лучше не печатать. Это был мой первый литературный опыт... Потом я получал всякие другие прозвища, но все они меня тоже не радовали. И только в семидесятых годах меня, уже взрослого, начали именовать Командором. Сперва в шутку, а потом... и не только в шутку. Потому что командорами часто называют капитанов яхтенных клубов. А я в ту пору уже всюю командовал ребячьим морским отрядом. И это сделалось как бы вторым именем... Да вы и сами меня иногда так кличете, не правда ли?

Редакция согласилась. И решила, что новый раздел будет называться «Командорская каюта».

Тот, кто прочитает страницы этого раздела, как бы заглянет в рабочую комнату писателя-командора. В его каюту. Потому что здесь повсюду морские инструменты и модели парусников, старинные книги о путешествиях и живописные пейзажи, где плещется разноцветное море. Побывав в гостях у хозяина каюты, читатель может узнать кое-какие секреты писательского труда, порыться в морских коллекциях, познакомиться с некоторыми фактами командорской биографии и услышать ответы на самые разные свои вопросы.

Толкните скрипучую дверь...

БЕЛАЯ СТАЯ

Пять флотилий Командора

«Белая стая» — так хотел Командор когда-то назвать одну свою книжку. Он думал рассказать в ней о парусных судах, с которыми его так или иначе сталкивала жизнь. О самых разных. От крошечной каравеллы, сделанной из ореховой скорлупы, до сто-метрового гиганта «Крузенштерна».

Книга так и не написана. Во-первых, Командор узнал, что придуманное им название уже не раз использовали другие авторы. Во-вторых... собранные в его памяти корабли то и дело разбегались в стороны. Каждый — своим курсом. По разным повестям, рассказам и романам.

Об одних только сосновых корабликах, которые он мастерил в давнем детстве, Командор писал неоднократно: о бриге «Робинзон» с мачтами-лучинками и о его собратях, которые рассекали синеву и солнечные зигзаги обширных мартовских луж...

Это была Первая флотилия Командора.

Он до сих пор жалеет, что из той флотилии не сохранилось ни одного кораблика. Хорошо было бы поставить его на полку командорской каюты рядом с корабельным фонариком и статуэткой пацана-футболиста, очень похожего на первоклассника Славку....

Те суденышки не сохранились, но осталась привязанность к парусам, осталось желание строить парусники дальше. Этим делом Командор и занялся, когда немного вырос (окончил университет). С мальчишками и девочками из флотилии «Каравелла» он начал строить яхты. «В натуральную величину». И всего их было спущено на воду около двух десятков. Это парусники разных размеров и конструкций (в основном своих, разработанных во флотилии). Больше всего Командор гордится яхтами класса «Штурман». Чертежи этой яхты он изготовил в больнице, когда врачи пытались найти в писательском организме всякие серьезные хвори... «Штурманов» построили целую дюжину.

Кажется, Командор отдавал яхтам не меньше времени, чем книжкам. И теперь, когда он прикрывает глаза и начинает вспоминать, перед мысленным взором его проходит Вторая флотилия — парусные суда отряда «Каравелла». В пене, в радугах среди брызг мчатся они по взлохмаченным штормовыми ветрами уральским озерам... И порой чудится Командору, что вся его взрослая жизнь сплошь была легкой парусной практикой флотилии «Каравелла».

Яхты эти и сейчас бороздят Верх-Исетское водохранилище, которое сухопутные жители Екатеринбурга привыкли обзывать несолидным словом «пруд». Ничего себе пруд, на котором проходят международные парусные регаты!

Но у этих яхт есть существенный недостаток — их не принесть домой и не поставишь на полку. Поэтому на полках командорской каюты стоят другие корабли.

Прежде всего это метровая модель голландского флейта «Арабелла». Он похож на «Арабеллу» капитана Блада, про которого мы читали в романах Сабатини. Густой такелаж, высокая узорча-

тая корма, фигура льва под бушпритом. И — как у Лермонтова: «...молча в открытые люки чугунные пушки глядят». Впрочем, пушки не чугунные, а из латуни, что делает корабль еще красивее...

Это работа замечательного умельца, отставного флотского офицера Георгия Александровича Архипова. К сожалению, этого славного человека уже нет в живых. Не придет, как раньше, в «Каравеллу», не станет объяснять ребятам, как построить модель клипера «Катти Сарк»...

Есть у Командора еще две работы этого мастера. Современный шестивесельный ял и ботик Петра Великого. В яле — полный набор всех предметов: даже крошечный бочонок-анкерок с пробкой и прикрепленным к ней жестяным стаканчиком — черпай из анкерка воду и пей на здоровье. Эта шлюпка дорога Командору тем, что когда-то он получил удостоверение на право командовать именно таким вот небольшим парусником и ходить на нем в дальние походы...

А ботик — просто чудо. Мастер сделал точнейшую копию «Дедушки русского флота». Командор уверен, что сам Петр был бы счастлив, если бы получил в подарок такую модель.

Есть немало и других корабликов — поменьше. Среди них маленький фрегат с пенопластовым корпусом и пестрыми бумажными парусами — подарок одного читателя, третьеклассника Максима. Он стоит на полке с книгами Командора. Он словно их частичка... Есть еще немало мелких корабликов, тоже читательских подарков.

Когда-то моделей было больше. Но шхуну-бриг «Надежда» и баркентину «Вега» Командор отдал ребятам, в «Каравеллу». Должны же будущие капитаны знать оснастку больших парусных судов!.. «Надежду» потом украли. Взломали створки в окне отрядного музея и унесли с подоконника метровую бригантину. Жаль ее до слез...

У Командора были по этому поводу кое-какие подозрения, но чего они стоят без доказательств!

Утешала лишь мысль, что похитителями двигала, возможно, не грубая корысть, а приверженность к парусам и морской жизни. Конечно, это не оправдывает пиратов, но все-таки окрашивает печальное происшествие хоть каким-то налетом романтики...

Впрочем, «Надежда» не исчезла совсем. Она осталась в кадрах отрядного фильма «Кораблик, или Хроника капитана Саньки». В кино возможны всякие трюки, и «Надежда» сыграла там настоящую бригантину. От ее борта отваливает шлюпка. Из шлюпки выскакивает на берег пиратского острова лихой десант: два

десятка мальчишек в белых матросках, с деревянными мечами и рогатками. Пираты, похитившие юную героиню фильма, не выдерживают натиска и сдаются. Известно, что в кино, в отличие от реальной жизни, добро неизменно торжествует. По крайней мере, в фильмах отряда «Каравелла»...

Модели на полках каюты — Третья флотилия Командора. По ночам она живет своей таинственной жизнью. Просыпаются на палубе «Арабеллы» крошечный фаянсовый бегемот Мотя и пластмассовый петух Кригер, которые с давних пор прижились на этом корабле и ни за что не хотят покидать его. На клотике фок-мачты беспокойно вертит головой и всматривается в тревожную даль красный павлин — подарок братьев-читателей Илюшки, Юры и Саши и их замечательной мамы. Несут службу четверо крошечных матросиков, подаренных Командору на Новый год старшим сыном...

По всем моделям разносится шуршание: это матросики и корабельные гномы готовят суда к отплытию.

Коты Макс и Тяпа, которые дрыхнут в ногах у Командора, беспокойно дергают ушами. Совесть их нечиста. Однажды в приступе безответственной кошачьей дури они носились по каюте и сшибли на пол «Арабеллу». После ремонта стенга на грот-мачте оказалась чересчур наклоненной вперед, что слегка нарушает корабельную гармонию, но ничего не поделаешь...

Но коты тревожатся напрасно. У волшебных экипажей Третьей флотилии и без них масса забот: за ночь надо успеть побывать во многих сказках.

Днем модели как бы засыпают, а к вечеру вновь начинается тихое волшебство.

Когда за окном назревает закат, рангоут и такелаж Третьей флотилии Командора чернеет на фоне окна, как на экране приключенческого фильма. И за моделями чудятся иные мачты — настоящих океанских парусников, которые когда-то видел Командор.

Первый раз это случилось в пятьдесят девятом году. Третьекурсник Слава приехал на практику в Ленинград и жадно искал там всяческие приметы морского города. Однажды он за мостом Лейтенанта Шмидта, у набережной со старинным памятником Крузенштерну увидел сразу четыре таких судна. Они стояли у причала, прижимаясь бортами друг к другу. Был очень светлый вечер, сквозь чашу такелажа глядел молодой месяц.

Сразу можно было понять, что суда — парусные, хотя парусов на реях и гафелях, конечно, не было.

В романтической голове студента Славы началась сумятица.

По словарям и картинкам он давно изучил все типы парусников, но сейчас в густом переплетении рангоута, вант, штагов, фордунов, бакштагов и топенантов он совершенно запутался. И робко окликнул бравого военного морячка в белой форменке:

— Вы не скажете, какие это суда?

— Гляди острее! На них же написано.

На белых кормовых свесах и правда можно было разобрать черные буквы: «Вега», «Кропоткин», «Сириус», «Шокальский»...

— Я не про названия. Какой у них тип?

Морячок снисходительно удивился bestолковости «салаги»:

— Сам, что ли, не видишь? Это парусники.

Да, военные моряки далеко не всегда блещут познаниями в парусных делах. (Однажды Командор выпорил бутылку коньяка у капитана третьего ранга, который утверждал, что проходил в училище устройство... т р е х м а ч т о в о г о брига. Впрочем, бутылку капитан так и не отдал.)

Морячок удалился, вызывая воспоминания о песенной строчке: «Когда он шел, его качало, словно лодочку...»

И вдруг негромкий голосок отчетливо сказал рядом со Славой:

— Это бар-кен-тины.

Оказалось — мальчуган лет десяти.

С аккуратной светлой челкой, в круглых интеллигентных очках, в мятых и подвернутых парусиновых брюках и босиком — что в общем-то было не характерно для приличных ленинградских мальчиков. К ногам его прилипли сырые травинки. Он держал желтое пластмассовое ведро и бамбуковую удочку.

Конечно же, баркентины!

— Да, я вижу теперь. Спасибо тебе!

— Пожалуйста, — сказал мальчик. И пошел вдоль парапета — походкой человека, которому принадлежит весь Ленинград.

А будущий Командор ощутил мгновенное сожаление, что не живет здесь всегда. В этом удивительном городе, где прямо в центре швартуются трехмачтовые баркентины; где есть вот такие разбирающиеся в морских премудростях мальчишки; где смотрит сквозь корабельные снасти полусказочный рогатый месяц и где флотский духовой оркестр на недалеком причале играет вальс «Голубой Дунай»...

Лет через десять Командор вспоминал мальчика с удочкой, когда писал сказку «Баркентина с именем звезды». В этой сказке (как и не раз в жизни!) баркентину хотели переделать в ресторан, и она, не желая такой участи, сгорела.

Сказки иногда сбываются. В конце восьмидесятых в Севастополе, на берегу Артиллерийской бухты, сгорел ресторан «Бар-

кентина». Это бывший парусник «Кропоткин», один из тех, которые когда-то Командор увидел в Ленинграде...

С особой любовью Командор вспоминает парусники, которые подарили ему друзья.

В шестьдесят седьмом году, в Севастополе, на громадном четырехмачтовом барке «Крузенштерн» Командор познакомился с земляком-уральцем Евгением Ивановичем Пинаевым — моряком, художником и писателем.

В шестьдесят девятом, в Риге, на трехмачтовой шхуне «Кодор» судьба свела его с молодым штурманом Захаром Липшицем, который потом стал капитаном дальнего плавания.

В семьдесят девятом, в Севастопольском яхт-клубе, на океанской яхте «Таврия» Командор познакомился с яхтенным капитаном Олегом Ветровым, с его женой и двумя отчаянными сыновьями — юнгами парусного флота.

Сейчас Командору уже невозможно представить жизнь без этих людей.

...Итак, встают за мачтами моделей мачты настоящих парусников. И как будто кадры давнего фильма проходят перед Командором отдельные картины воспоминаний: баркентина «Альфа», черным силуэтом скользящая по закатному крымскому горизонту (она только что снялась в фильме «Алые паруса»); немецкая бригантина «Вильгельм Пик», которая пасмурным вечером с попутным штормом, под одним фор-марселем врывается в устье Даугавы; барк «Седов», чьи мачты фантастическим лесом вырастают над постройками Ленинградского порта...

Один за другим возникают в памяти большие парусные суда, когда-то встреченные в жизни и приплывшие в книги Командора. Это его Четвертая флотилия.

...Рангоут и такелаж моделей и настоящих парусников переплетаются на фоне вечернего окна, создавая фантастическую картину. Словно в гавани сказочного приморского города сошлись десятки кораблей. В том числе и те, которых никогда не было на свете... Хотя как же не было? Конечно, были, раз Командор придумал их для своих книг.

Он не написал книгу «Белая стая», но зато вместе с сыновьями создал другую — «Фрегат «Звонящий». Это книга об устройстве парусного корабля и плаваниях под парусами. Работа над книгой была нелегкая. Пришлось не только писать текст, но и рисовать чуть не две сотни картинок и схем. А потом и самим делать на компьютере макет книги. Когда уже все было готово, компьютер вдруг «взбрыкнул» и весь готовый материал в нем куда-то подевался. Пришлось все начинать снова...

И потом судьба книжки была нелегкая. Где-то у неуловимых книготорговцев «растворилась» половина тиража. Вторую половину издательство со скрипом долго «распихивало» по магазинам — это ведь не детектив, не история про вампиров. Далеко не всех читателей в наши дни интересуют паруса... Но все же, судя по отзывам, кое-кого интересуют. И это радует авторскую компанию «Командор и сыновья», хотя гонорара за книгу они так и не дождались.

В конце концов, главное не деньги, а то, что среди нынешних мальчишек и девчонок есть еще такие, кому снится гудящая на мачтах парусина и синие горизонты...

Фрегат «Звонящий» стал флагманом всех придуманных кораблей Командора. Эти корабли — его Пятая флотилия. Но о них рассказывается в другом материале — в разделе «Корабли» словаря «Кратокрафан».

КАПИТАН ЛУХМАНОВ, РОВИНЗОН И ВОВА

Тем, кто интересуется историей российского флота, известно имя капитана Лухманова. Многие знают, что в давние двадцатые годы Дмитрий Афанасьевич командовал парусником «Товарищ». Не нынешним трехмачтовым учебным барком, а старым, четырехмачтовым, который во время войны погиб в Мариуполе.

Известно и то, что знаменитый капитан писал книги о своей полной приключений жизни. Но далеко не все знают, что Д.А. Лухманов сочинял не только воспоминания и стихи о море, но и рассказы на разные темы, и был даже автором драмы «Ломаюсь, но не гнусь», полной жестоких переживаний.

Я тоже этого не знал. Пока не купил в букинистической лавке на Арбате книжку — «Дмитрий Лухмановъ, «Морские рассказы».

Книга похожа на дамский альбом для стихов: необычный длинный формат; название отгиснуто витиеватыми буквами по диагонали на переплете из искусственной кожи (типичный для того времени модерн). Прекрасная бумага, четкий шрифт, хотя издана книжка далеко от Петербурга и Москвы. На титуле указано: «Паровая Типо-Литография А.М.Михайлова в Петровскѣ, Дагест. обл.».

Петровск — это, как известно, нынешняя Махачкала. Лухманов служил тогда в Петровске помощником начальника морского порта. Видимо, жалованье было «не очень» и литературный заработок — тоже, а надо было семью кормить, двое ребятишек ро-

дились в ту пору. И капитан не терял возможности подзаработать на стороне. Принимал заказы «на исполнение проектов, чертежей и спецификаций: яхт, рыбачьих, лоцманских и спасательных судов и всякого рода шлюпок». Строил также «модели всякого рода судов: строевые, учебные (для мореходных училищ) и самые изящные, в мелком масштабе, могущие служить украшением».

Все это сообщение — реклама, напечатанная в конце книжки, — ну, прямо как в наши дни!

И строил он кораблики мастерски. Получил большую серебряную медаль за проект паровой яхты на Всероссийской выставке спорта в 1902 году.

Да, не попадись мне эта редкая книжка, не знал бы я таких деталей из жизни знаменитого моряка-писателя.

Но главная ценность книжки для меня в том, что на ней собственноручная надпись автора:

«Владимиру Андреевичу Шателенъ въ знакъ глубокаго уваженія отъ автора. 23 августа 1903 г.г. Петровскъ Даг. обл.»

Кто он такой, этот Владимир Андреевич? Вообще-то «Шателен» — достаточно известная дворянская фамилия в России. Но у каждого в памяти свои «полочки» — я вспоминаю, что во время войны 1853—1855 годов был поручик Шателен, отважно сражавшийся с английским и французским десантом на Балтике. Он командовал башней Z на острове Прест-Э, рядом с крепостью Бомарзунд. Может быть, Владимир Андреевич — его сын или родственник?

Война на Балтике шла тогда же, когда под командованием адмирала Нахимова героически оборонялся Севастополь. Старых книг про Севастопольскую оборону у меня целая полка. Я не раз обращался к ним, когда писал роман «Острова и капитаны». А за год до знаменитой обороны адмирал Нахимов разгромил в Синопской бухте турецкий флот.

Я беру с полки книжку «Синоп» Е.В. Богдановича. Напечатана она в 78-м году девятнадцатого века. Карты. гравюры... На титульном листе сообщение:

«Въ пользу вдовъ и сиротъ матросовъ, убитыхъ въ русско-турецкую войну 1877 г.»

В наши дни я что-то не видел таких сообщений на книжках про войну, хотя вдов и сирот по-прежнему немало...

На обороте форзаца — надпись:

«Николаю Карловичу Вейсу — въ знакъ уваженія отъ автора».

Как раз в те годы старый адмирал Вейс был градоначальником Керчи. Однажды он посетил мореходные классы, где обучались

мальчишки, решившие выбрать флотскую профессию. Среди них — Митя Лухманов, будущий капитан. Адмирал был так восхищен бойкими ответами Мити по морской практике, что пригласил мальчика к себе на рождественскую елку. «Честь немислимая для пролетария-морехода», — вспоминает Дмитрий Афанасьевич в книге «Путь моряка».

А в год Синопского сражения была очередной раз напечатана замечательная книга «Робинзон младший». Это пересказ романа Дефо, сделанный известным в восемнадцатом веке немецким писателем Иоахимом Генрихом Кампе. Такой «робинзоновский» вариант был очень популярен много лет подряд. У меня, кстати, есть и более раннее издание этой книги, напечатанное в университетской типографии Москвы в 1792 году. Только тогда Робинзон назывался не «младшим», а «новым». «Новой Робинзонъ, служащей къ увеселенію и наставленію дѣтей, сочиненный Гм. Кампе». Кстати, не мешало бы г-ну Кампе упомянуть первоисточник. Ну да ладно, пусть он и Дефо разбираются с авторскими правами сами...

Вообще же всяких «Робинзонов» у меня много — от самого подробного, академического, до ярких детских изданий девятнадцатого и двадцатого веков. Потому что я сам в детстве «увлекался и наставлялся» этой книгой и навсегда полюбил ее. А самое любимое издание у меня то, о котором упомянул в начале — книжка 1853 года. Там чудесные рисунки. А под ними — рукописные пояснения. Одни сделаны полустершимся карандашом, другие — черными чернилами, тонким старинным пером, с хитрыми завитками и детской корявостью. Видно, что у книги было немало читателей. Открываешь переплет, и они, эти читатели, будто дышат у тебя за плечом... А тут еще напоминает о себе «синопская» дата. Ведь вполне может быть, что какой-нибудь мальчишка читал эту книгу — тогда еще совсем новенькую — в осажденном Севастополе. Так мне, по крайней мере, кажется иногда.

И вполне возможно, я вставлю эту деталь в новую повесть, где будут севастопольские эпизоды...

Смотрю на полки и думаю: как же я должен быть благодарен старым книгам! Они — мои вдохновители и помощники.

Никогда не написал бы я романа «Бронзовый мальчик», если бы в букинистической лавке на Невском проспекте не наткнулся на первое издание «Устава морского», напечатанное при Петре Великом. Историю этой находки я почти документально изложил в «Бронзовом мальчике».

Не было бы романа «Острова и капитаны», если бы не купил однажды старинный трехтомник И.Ф. Крузенштерна «Путеше-

ствии вокруг света». Не было бы книги «Журавленок и молнии», не оказался на моей полке «Сочинение об описи морских берегов Г. Мекензия».

Но дело даже не в том, что эти книги — помощники. Они просто друзья. Я люблю листать потемневшие страницы, разглядывать форзацы с витиеватыми автографами, экслибрисами, пометками, росчерками гусиных перьев, штемпелями давно несуществующих библиотек. Люблю уходить в плаванья с капитаном Головинным, адмиралом Ансоном, Григорием Шелеховым, русским морским офицером Г.К. Блоком... Люблю перелистывать «Вечера на хуторе близ Диканьки» в черном томе, изданном еще при жизни Гоголя.

На пожелтевшем форзаце этого тома — полустертая карандашная надпись. Я привожу ее полностью (только убираю «яти», твердые знаки и букву «і», характерные для старинной орфографии):

«Эта книга досталась от деда Николая Николаевича Иванова. К нему попала из библиотеки И.С. Тургенева в с. Спасском-Лутовинове Мценского у.

К.А. Никифоров».

И дальше:

«Я в моем детстве читал и перечитывал бесконечное число раз именно эту книгу и вошел в жизнь освещенный ею светом, обвеянный ее поэзией. С тех пор я не расставался с этой милой книгой. Я люблю душу ее, люблю листы ее как душу и тело дорогого друга. К.А.Н.»

Это настоящее признание в любви. И наверно, за этими строчками, написанными уже явно немолодым человеком, скрыта история долгой и непростой жизни. Жаль, что не знаю, кто такой К.А. Никифоров. Не знаю, но вполне разделяю его чувства по отношению к этому черному томику с тусклой позолотой оттиснутого на коже родового герба Н.В. Гоголя. Сам я тоже был в детские годы под обаянием удивительной сказки «Ночь перед Рождеством»...

А книга продолжает рассказывать свою историю. Я нашел между страниц обрывок листа из тетрадки в клетку — словно страничка из дневника:

«25 Дек 1923

Я весь под обаянием прочитанной вчера, повторенной в 50 раз, должно быть, «Ночи перед Рождеством» Гоголя, — она стала для меня не книжкой, не описанием, не сочиненным рассказом, а — прекрасной действительностью. Истинно живу, когда вступаю в нее».

Торопливый, неровный почерк (совсем не тот, что у К.А.Ни-

кифорова), жидкие, порой совсем бледные чернила. Видно, что перьевая ручка. И понятно, что писал пожилой человек, потому что в 23-м году, через пять лет после реформы письменности, в слове «действительностью» проскочила старинная «ять»... И 25 декабря — Рождество по старому стилю. Видимо, чтением гоголевской волшебной повести автор этих строчек встречал праздник...

И еще находка в этой же книге — аккуратный, размером с визитную карточку прямоугольник плотной бумаги, обведенный по краям оранжевым карандашом. И старательный мальчишеский почерк:

*Дорогая мамочка!
Поздравляю тебя с днём
8-го марта. Желаю тебе
здоровья и счастья.
Прими от меня этот
скромный подарок.
Игорь.*

Где сейчас этот Игорь? В каком году он дарил маме эту замечательную книжку? Я помню, что в середине сороковых годов у меня, первоклассника, был карандаш с таким вот оранжевым (а не красным) грифелем. Военный карандаш! Его подарил мне живший по соседству преподаватель пехотного училища... А бумага, на которой писал синими чернилами мальчик Игорь, — сильно потемневшая от времени...

У кого была эта книга, через сколько рук прошла, прежде чем оказаться в букинистической лавке и оттуда перебраться в мою библиотеку? Наверно, можно было бы написать про это целую повесть.

Впрочем, и про многие другие книги — тоже.

За этими книгами — люди. Студенты и выучившиеся грамоте мастеровые, учителя и приказчики, инженеры и флотские офицеры в просоленных океанскими ветрами плащах. Мальчишки-гимназисты, листавшие перепачканными в чернилах пальцами страницы многих «Приключений» и «Путешествий» и грезившие тайнами тропических и полярных «Островов». Барышни, ронявшие слезу над томиком стихов графини Ростопчиной — это она написала пронзительные строки после гибели Лермонтова:

*Не просто, не в тиши, не мирною кончиной, —
Но преждевременно, противника рукой —
Поэты русские свершают жребий свой,
Не кончив песни лебединой!..*

А еще — мальчик Вова из города Симбирска (не думайте, не тот), — ему любимый дядя Коля подарил роскошно изданную книгу К. Станюковича «Севастопольский мальчик» 27 августа 1914 года. Возможно, перед уходом на фронт Первой мировой войны. Уцелел ли дядя Коля во всех войнах? Что стало с его племянником Вовой? Теперь не узнать. Но все же, мне кажется, какая-то ниточка связывает меня с ними, когда я открываю «Севастопольского мальчика» и вижу четкий, непотускневший дяди-Колин автограф...

А еще мне представляется «Командирь подводной лодки «Окунь», который на той же Первой мировой водил свою крошечную субмарину по Балтике и оставил свой штамп-эскиз на старой «Лощи Балтийского моря»...

Я верю, что все это были хорошие люди...

О всех таких книгах, о всех людях, которые за ними, не расскажешь. Но еще о ряде книжек я должен упомянуть обязательно. Они — друзья моего детства. Не такие старинные, как дореволюционные тома, но все равно дорогие мне.

Это издания в так называемой рамке. В узорчатом орнаменте по краям обложки. Приключенческая серия. Ее начал печатать «Детиздат» в 1936 году. Сначала серия называлась «Библиотека романов и повестей», вскоре ее переименовали в «Библиотеку приключений», а в пятидесятых годах — в «Библиотеку приключений и научной фантастики».

Помню, что в школьные годы я просто млел, когда видел обложку с такой «рамкой». Да и в зрелые годы не был равнодушен. И даже собрал приличное количество таких изданий. Нельзя сказать, что все, но... почти.

А потом половину раздарил друзьям. Стало не хватать места на стеллажах. Но самые интересные, самые близкие книги оставил. Разве можно отдать, например, «Обитаемый остров» братьев Стругацких с дарственной надписью Аркадия Натановича! Или «Пятнадцатилетнего капитана», которого подарил мне Виталий Иванович Бугров...

Четыре метровых полки по-прежнему заняты у меня «рамкой», и одна из них — самая любимая. Это «малая серия», книжки небольшого формата. Они выходили с тридцать шестого года до начала пятидесятых. Некоторые из этих томиков я читал еще дошкольником, в военные годы, у самодельной копилки или у пачурки, растопленной газетами и стружкой.

На самых старых таких книжках, изданных до войны, — марка «Детиздата»: сидит на траве мальчик, подтянул коленки, держит над ними развернутую книжку, склонил голову... Мне казалось, что этот пацаненок похож на меня — такого же «отчаянного кни-

гоглотателя». Это был мой молчаливый дружок. Мы вдвоем уходили в мир Майн-Рида и Стивенсона.

...Когда я заканчивал писать этот очерк о книжках, ко мне в гости пришел мой друг Володя Дмитриев, юный подшкипер из флотилии «Каравелла». Глядя на него, я вспоминаю себя — такого, каким был в одиннадцать лет. Володя — «несовременный ребенок». В том смысле, что очень любит читать и равнодушен к компьютерным играм. Впрочем, таких «несовременных» я встречаю довольно часто. По-моему, взрослые просто придумали, что «компьютер и телевизор отучили всех детей от книги».

У Володи, кстати, тоже немало книг в «рамке».

— Вова, — сказал я, — давай сделаем иллюстрацию к моему материалу! Оживим эмблему «Детиздата»!

На диване и на полу мы расставили, раскидали книжки в «рамочных» обложках. Володя взял наугад одну, уселся в позу детиздатовского мальчика. Я начал шелкать затвором «Зенита». Было тихо, только страницы шелестели, да кот Тяпа шуршал лапами, подбираясь и принохиваясь к новым Володиным кроссовкам. Я сделал десяток (с запасом!) кадров. А Володя не шевелился.

— Все готово. Вставай... Ты что, не слышишь?

А он и правда не сразу услышал. Так зачитался.

— Что там у тебя?

— «Из пушки на Луну».

Вот ведь как! Уже давно мы знаем про Луну в сто раз больше, чем читатели девятнадцатого века. И люди на ней побывали не раз! А старый роман все равно притягивает к себе. Тех, кто любит читать.

Что ж, читатель есть читатель, даже в наш компьютерный век. А Жюль Верн есть Жюль Верн — на все времена.

P.S. Так кончался очерк о старых книгах, напечатанный (кстати, в сокращенном виде) в «Уральском следопыте» в 1998 году. А через год мне пришлось поместить в журнале вот такую заметку — своего рода продолжение этого материала.

ДВА БРАТА

Во втором номере за прошлый год под рубрикой «Командорская каюта» я напечатал маленький очерк «Капитан Лухманов, Робинзон и Вова» — рассказ о некоторых интересных книгах своей библиотеки. Поведал там, в частности, и о старинной книж-

ке Д. А. Лухманова. На титульном листе книжки — капитанский автограф: «Владимиру Андреевичу Шателен в знак глубокого уважения от автора. 23 августа 1903 г. г. Петровск Даг. обл.».

Дальше я написал:

«Кто он такой, этот Владимир Андреевич? Вообще-то «Шателен» — достаточно известная дворянская фамилия в России...»

Разгадка пришла совершенно неожиданным путем. Примерно через год после публикации очерка я получил по электронной почте письмо из Калифорнии:

«Многоуважаемый господин Крапивин!

На Интернетe видел Ваш материал (странички «Командорской каюты». — В.К.), где упоминается Владимир Андреевич Шателен. Вы, кажется, владеете книгой, подаренной ему автором. Там же Вы пишете, что не знаете, кто он такой.

Дело в том, что российские Шателены — мои родственники. Они французского происхождения, но с 18 века жили в России. Владимир Андреевич был морским офицером, состоял в гвардейском экипаже и был управляющим двора великого князя Александра Михайловича. Он во время революции привел в Крым английский корабль и вывез в Англию вдовствующую Императрицу. Там же он и остался в эмиграции. А вот его родной брат Михаил Андреевич Шателен был известным ученым-электротехником (женат он был на внучке драматурга А. Н. Островского). Он строил первую ГЭС в России, участвовал в создании плана ГОЭЛРО. Они были двоюродными братьями моего прадеда. А офицером, воевавшим на Балтике в 1854—1855 годах, был их дядя (брат моей прабабушки). Вот такая история.

Был бы Вам крайне признателен, если бы Вы смогли сделать для меня ксерокопию с титульного листа упомянутой Вами книги и с листа с дарственной надписью автора. Мне бы хотелось иметь этот материал в своем архиве.

Уважающий Вас,

Дмитрий Георгиевич Кораб-Карпинский».

Я отослал Дмитрию Георгиевичу ксерокопии, а он во втором письме спросил, не нужны ли мне материалы о семье Шателен. Я ответил, что они могут пригодиться мне в работе на морскую тему. Но такая работа — дело еще долгое. А пока я решил поделиться с читателями вот этой краткой информацией, которая как бы служит продолжением моего очерка.

Кстати, в Советском энциклопедическом словаре я нашел краткие сведения о Михаиле Андреевиче Шателен, Герое Социа-

листического Труда, члене-корреспонденте Академии наук СССР, умершем в 1957 году (а родился он в 1866-м!).

О Владимире Андреевиче сведений в словаре, конечно, нет.

Такие вот удивительно разные судьбы у братьев.

В советские годы Д. А. Лухманов — писатель-маринист и капитан известного «довоенного» (не путайте с нынешним) учебного барка «Товарищ» — едва ли стал бы афишировать свое былое знакомство с близким ко двору морским офицером-гвардейцем. Чем это могло тогда кончиться, понятно каждому. Но мне кажется, что в глубине души капитан сохранил уважение к этому человеку навсегда. То, что мы знаем о Владимире Андреевиче Шателен, говорит о нем как о смелом человеке с высокими понятиями чести.

ПИАСТРЫ, ПИАСТРЫ, ПИАСТРЫ...

Некоторые писатели любят работать в пустых просторных комнатах, за широкими, ничем не занятыми столами — чтобы лишние предметы не отвлекали их внимание. Так, говорят, работал Александр Дюма. То же самое рассказывают о Корнее Чуковском.

У Командора иначе. Он не терпит пустых стен. Стены его каюты завешаны photographиями, картинами, портретами, картами и морскими приборами. Заставлены стеллажами, которые много лет назад он сконструировал и сколотил сам — из досок, оставшихся от строительства яхт (яхты конструировал и строил тоже он сам, вместе с мальчишками).

На стеллажах — не только книги. Там множество занимательных предметов. Командор считает, что в каждом таком предмете живая душа и о любом из них можно написать книгу. О некоторых из этих вещей стоит рассказать... Например, о монетах.

Монеты хранятся в кляссерах — альбомах с прозрачными кармашками. Альбомы небольшие, но вес у них — ого-го! Не дай Бог уронить на ногу. Монеты — не марки...

Когда Командор был белобрысым четвероклассником Славкой и жил в Тюмени, у него тяжело заболел маленький брат. Его положили в больницу, вместе с мамой. Славке не хотелось оставаться вдвоем с отчимом, и он часто убегал к старшей сестре, которая с мужем и дочкой жила отдельно, в кривобоком домике на берегу Туры. На Туре постоянно гудели трудяги-буксиры, снова-ли катера и двигались длинные плоты.

Славка уходил на берег, садился в шели среди пахнувших соеной корой штабелей и смотрел на пароходы. И порой пускал слезинку — трудно все-таки пацану без мамы.

В один из этих моментов нашел его здесь соседский мальчишка — круглоголовый сероглазый Юрик, спокойный такой человек. Он не стал спрашивать Славку про слезы, а протянул на ладони большущую медную монету.

— Надо тебе такую? Бери насовсем...

Это были тяжеленные десять копеек с надписью «монета сибирская», с вензелем Екатерины Второй, со вставшими на дыбы соболями. И с цифрами 1772. Даже в те давние времена монета была ужасно старинная, это Славка ощутил сразу. И какая же красивая! Все так тонко отгиснуто! Даже волоски на соболях различимы...

Славке и раньше нравились необычные монеты: иностранные и давних времен. Нравилась искусная чеканка незнакомых профилей, гербовых орлов и надписей. В каждой такой монете чудилась тайна. Появлялись мысли о кладах. Славке казалось даже, что пираты охотились за сокровищами не столько ради богатства, сколько ради такой вот чеканной красоты золотых дукатов и пиастров.

У Славки уже было несколько монет: польские злотые, немецкие марки и три царских пятака. Славка хранил их в сатиновом кисете, который сшила мама. Могучий сибирский гривенник стал украшением коллекции, которая с годами росла...

Но годы шли. Славка стал студентом, детское увлечение угасло, и он без сожаления раздарил монеты ребятам: приятелям младшего брата и мальчишкам в Свердловске, что жили по соседству с его студенческой квартирой.

Казалось бы, все детское со временем уходит безвозвратно. Но нет же!

Несколько лет назад друг Командора Евгений Иванович Пианаев подарил ему английский полупенни с отчеканенным кораблем корсара Френсиса Дрейка «Золотая лань». Это был замечательный подарок. Во-первых, Командор тут же написал про эту монету в повести «Тайна пирамид». Во-вторых... он вновь ощутил ребячье замирание: «Пиастры, пиастры...» А тут еще — вот совпадение! — писательница Наталья Соломко преподнесла ему на день рождения книгу В. Ефремова «Флот на меди, никеле, серебре» — о корабельной теме в нумизматике. И пожилой Командор (пряча в себе десятилетнего Славку) начал ходить по вещевым рынкам, комиссионным магазинам и клубам нумизматов,

выискивая денежки с кораблями. И со всем, что имеет отношение к флоту.

Сперва он чувствовал себя новичком в нумизматике. Но постепенно опыт его рос. Росла и коллекция...

Приобрел Командор и сибирскую монету достоинством в десять копеек — такую же, какая была у него в детстве. Правда, ничего «флотского» в монете не было. Но... ведь впервые такой гривенник появился у Славки на берегу реки, где гудели буксиры и пассажирские пароходы, а у воды лежали вросшие в песок старые якоря. А кроме того, это произошло в городе Тюмени, на старинном гербе которого — кораблик...

Теперь случалось, что зимними вечерами Командор, подобно пушкинскому Скупому рыцарю, зажигал свечу и раскладывал перед собой сокровища. На журнальном столике у электрокамины. Отблеск свечи искрился на бронзовых, серебряных и никелевых ободках. И невидимый попутай капитана Флинта в углу над корабельными часами топорщил перья и неслышно кричал: «Пиастры, пиастры...»

Чего здесь только не было! Фрегаты Кука и Нельсона, каравеллы Васко да Гамы и Бартоломео Диаша, яхты океанских гонщиков, шлюпы русских кругосветных мореплавателей, проа и катамараны островитян-туземцев, суда древних финикийцев, китайские джонки, античные корабли греков, знаменитые парусники разных стран, длинные быстрые лодки арабских торговцев и пиратов...

Вот португальские эскудо, кубинские и доминиканские песо с историей открытия Америки: «Санта-Мария», «Пинта», «Нинья», индейцы, портреты капитанов кораблей и их адмирала — Христофора Колумба. Вот знаменитый серебряный полудоллар США, выпущенный сто с лишним лет назад в честь открытия Нового Света. Вот доллары острова Питкерн, на который высадился мятежник после восстания на корабле «Баунти»: на монетах история этого бунта и поселения на Питкерне. Вот маленькие, похожие на медные таблетки фунты острова Джерси с известными шхунами фрегатами, бригантинами и бригами. Вот тяжелые никелевые кроны острова Мэн, посвященные юбилею парового судоходства: на них суда от первых колесных пароходов восемнадцатого века до лайнеров-гигантов «Мавритания» и «Купин Элизабет»... Паруса, адмиралы, гербы разных стран с кораблями, якорями и штурвалами, тонко отчеканенные карты морских экспедиций, конкистадоры, портовые города, маяки... И это не только на монетах. Еще и на посвященных истории рус-

ского флота медалях — похожих на юбилейные рубли, только без обозначения цены...

Поразглядывая сокровища и погрозив пальцем попугая, Командор укладывал монеты в классеры. До следующего раза.

Потом... в отряде «Каравелла» не оказалось призов для победителей парусных гонок, и Командор отдал медали с Петром Первым, Берингом и кораблями. Ладно. В конце концов, это же не монеты...

Но вскоре пришла и очередь монет. В наше время писатели не очень-то процветают, с пиратским ножом к горлу подступило безденежье. И пришлось отнести в клуб нумизматов дорогие юбилейные монеты... Ну и пусть! В конце концов, Командор всегда считал, что это не настоящие монеты, а так, вроде памятных медалей и сувениров. Настоящие — те, что ходили по рукам, побывали в разных городах, ими расплачивались на зарубежных рынках и в портовых тавернах. Пусть они потертые, побитые, зато «правдашные», как говорили в детстве. А юбилейные... красивые конечно, с зеркальной полировкой, в прозрачных футлярах, в коробках с бархатом, но это же специально для коллекций. Дышать на такие страшно, не то что расплачиваться ими. И смешно же: надпись «Три рубля», а продаются за много тысяч! Нет, это не монеты в полном смысле... Так утешал себя Командор...

В Библии сказано: «Время разбрасывать камни и время собирать камни...» Что поделаешь, если пришла пора разбрасывать? Но ведь делать это можно по-разному. Можно так, чтобы другим была радость. И Командор стал дарить монеты своим хорошим друзьям в дни их рождения...

Редкостей и серебра в коллекции не осталось. И едва ли она теперь представляет интерес для солидных нумизматов и любителей ценностей. Кому нужна эта обшарпанная медно-никелевая мелочь?.. Но для тех, кто любит флот и знает корабли, она все равно интересна. Есть монеты и для того, чтобы при свете свечи разглядывать каравеллы и бригантин (и слышать при этом свист ветра в такелаже и картавый голос попугая Флинта), и для того, чтобы при случае сделать подарок хорошему человеку.

И если кто-нибудь из юных читателей пришлет Командору письмо с умными вопросами или с рассказом об интересном случае из своей жизни, Командор обещает в ответ отправить ему какую-нибудь монету с корабликом. Чтобы он не отперся от обещания, редакция даже спрятала все монеты в сейф. Теперь никуда не денешься, придется посылать. Ну, не всем конечно, а, скажем, десятку авторов самых понравившихся писем. В благодарность за такое письмо и в память о давнем приятеле Юрике, который на берегу Туры подарил Славке старинную сибирскую монету.

P.S. Теперь, готовя очерк для книжного издания, вспоминаю, что посылать монеты десятку читателей не пришлось. Отправил только троим. В том числе двенадцатилетней читательнице с Дальнего Востока, с которой несколько лет обменивался (и обмениваюсь) письмами. Ее письма — удивительные. Это серьезные и увлекательные рассказы о ребячьей жизни, и почти в каждом — замечательные стихи. Я послал девочке целую коллекцию — доминиканские песо с историей открытия Америки...

А недавно я написал роман «Семь фунтов брамсельного ветра», в котором главная героиня — тринадцатилетняя Женя Мезенцева — очень напоминает девочку, несколько лет рассказывавшую мне в письмах про свои радости и тревоги, про друзей и родных. В романе есть история про то, как Женька подаренные ей на день рождения монеты с корабликами раздарила своим друзьям.

Прочитав роман, девочка спросила меня в письме: «Владислав Петрович, а как вы узнали, что монеты, которые вы прислали, я раздала ребятам? Я вам про это не рассказывала...»

А я не знал. Догадался. Просто у нее такой характер, что она, привыкшая радовать друзей, не могла поступить иначе...

«СКАЖИТЕ НАМ, ПОЖАЛУЙСТА...»

(Разговоры с читателями)

За сорок лет редакционной и литературной жизни автору этих строк приходилось много-много раз встречаться с читателями. Так много, что не сосчитать. Чаще всего — с ребятами. Это были встречи в библиотеках, в школах, в пионерских лагерях, в детских клубах, в книжных магазинах. А иногда и в таких необычных местах, как, скажем, палуба большого парусника, пальмовый сквер в портовом районе Гаваны или кают-компания учебного судна юных польских яхтсменов в Гданьске...

И ребята были разные, и вопросы их. И все-таки, все-таки... в конце концов среди вопросов оказывались такие, что повторялись очень часто. Потому что во всякие годы многих мальчишек и девочек (да и взрослых тоже) интересовали «вечные темы» писательского бытия. И в конце концов, отправляясь на очередную читательскую конференцию, Командор уже знал, о чем его спросят о б я з а т е л ь н о. Из таких вот неизбежных вопросов он и решил составить протокол заочной встречи с любителями его книжек.

Но не думайте, что это сухая схема, где вопросы задают какие-то абстрактные, ненастоящие девочки и мальчики. Ничего подоб-

ного! Писатель прекрасно помнит ребят, которые спрашивали его о том и о сем. И сейчас он за каждым вопросом видит его живого автора, даже если прошло уже немало лет. Примеры? Пожалуйста...

Обычная школа в Кировском районе Свердловска. Актовый зал, где пахнет краской и сухими половицами сцены. Аккуратная шестиклассница с красной ленточкой на волосах (заглянув на всякий случай в бумажку) спрашивает:

— Владислав Петрович, скажите нам, пожалуйста, где вы родились и как протекало ваше детство?

— Родился в Тюмени, осенью тридцать восьмого года. А детство... протекало, так сказать, оно в основном в военные и послевоенные годы. Сами понимаете, время было непростое. Впрочем, и сейчас тоже... В первый класс я пошел в сорок пятом.

Постоянное ощущение дошкольной поры — очень хотелось есть. Несмотря на то, что и мама, и старшие брат и сестра (они работали на оборонном заводе) делились со мной своими пайками. От голода и частой стужи (не хватало дров) на долгие годы поселился во мне ревматизм... Но были и радости жизни: письма с фронта от папы; горящая печка с раскаленной плитой, на которой можно поджаривать тонкие ломтики картофеля (кажется, сейчас это называется «чипсы»); книжки про Бурагино, Гулливера и детей капитана Гранта, которые я брал у соседей. Читать-то я научился очень рано...

Помню девятое мая сорок пятого года, когда пьяный от радости сосед-военный с крыльца палил в воздух из маленького черного браунинга...

После войны у отца появилась другая семья. А у меня — отчим. Человек с тяжелой судьбой, со сложным характером. Бог с ним, я не помню обид, только вот одного простить ему не могу: однажды он убил мою любимую кошку, которая, по его словам, таскала из кладовки еду...

Послевоенные годы тоже не были сытными. И все же я вспоминаю их с теплой радостью. Кажется, стояло вечное лето. Длинные жаркие дни — с футболом, с воздушными змеями, с короткими бурными грозами и яркими влажными радугами после них. И была у нас, мальчишек, самая большая радость — река Тура. С береговыми косогорами, песчаными отмелями и старинными развалинами на обрывах.

Мне мое детство казалось похожим на детство Тома Сойера — героя любимой книжки. Так же шлепали гребными колесами на реке пароходы, так же мы с друзьями играли в разбойников и пы-

тались отыскать клад. Золота, правда, не нашли, но старинные монеты нам иногда попадались... А каким радостным, просто ошарашивающим открытием был для меня дядюшкин рассказ, что с нашей реки — через Тобол, Иртыш и Обь — можно приплыть прямо к Ледовитому океану! Я пускал в желтую воду Туры сосновые кораблики и надеялся, что их в конце концов увидят белые медведи. Я погружал в нашу реку ладони и соединялся с Океаном!

И все это я помню и сегодня. До мелочей.

Много лет назад, но уже совсем взрослым я сочинил такие стихи:

Заросшая узкоколейка —
Путь из далекой страны.
Листики тополя клейкие,
Запах поздней весны...
Светкин пушистый локон
У твоего лица...
Тайна, что бродит около...
Мамин голос с крыльца...
Дождики босоногие,
Мяч футбольный в пыли...
Это было у многих.
А многие сберегли?

Я сберег... От некоторых взрослых я слышал, что они совсем не помнят своего детства. И они словно бы даже хвастались этим. Чего, мол, вспоминать всякую ерунду? Мне жаль этих людей. По-моему, они обокрали себя. И уж конечно, такие люди не смогли бы стать детскими писателями...

Ну, видите, как я разговорился!.. У кого какие есть еще вопросы?

Смуглый тонколицый мальчик в очках. Кажется, в ленинградской детской библиотеке на улице Марата. Встает, держась за кромку изразцового камин.

— Скажите, пожалуйста, а почему вы пишете именно для детей?

— Ну... не только для детей. Мне приходит много писем от взрослых, которые тоже читают мои книжки... Но вообще-то ты прав. В основном я пишу для ребят. И про ребят. Дело в том, что писать я стал очень рано. А чтобы сочинить повесть или роман, надо знать ту жизнь, о которой рассказываешь в своей рукописи. А что я мог знать в шестнадцать-семнадцать лет, кроме собственного детства и своих школьных и дворовых друзей-приятелей? Про это и начал. И понравилось... Кстати, где-то в семидесяти годах, на одном из писательских съездов я, получив разные деле-

гатские материалы, подсчитал, что детских писателей у нас в стране в двадцать раз меньше, чем «взрослых». И это было в те времена, когда наша детская литература процветала... А сейчас? Нет, я просто не смог бы оставить «поле боя»...

Районная библиотека в Екатеринбурге. Ребята сидят на стульях, расставленных вдоль стен. Строгая веснушчатая девочка и мальчик с царапиной на щеке разом вскидывают руки.

— Сначала вы, сударыня. Мальчик уступит тебе очередь, верно?

— А мы про одно и то же. Скажите, пожалуйста, это очень трудно быть писателем? Или не очень?

— По-моему, очень. Книга, над которой работаешь, выкачивает из тебя энергии не меньше, чем тяжелый физический труд. Порой встаешь из-за стола с таким ощущением, будто целый день дрова колот или мешки с картошкой грузил. Хотя всего-то водил карандашом в тетради...

Мальчик торопливо встает рядом с девочкой.

— А тогда зачем вам такая... специальность?

— Потому что люблю. Потому что интересно...

Лагерь «Артек», костровая поляна, ранние сумерки, неспешный разговор у огонька. Ребята — кто на траве, кто на камнях, раскиданных вокруг костра. Девочка-барabanщица поставила на колени барабан, уперлась в него подбородком, вздохнула и спрашивает как об очень сокровенном:

— Скажите, а у вас есть самый-самый любимый писатель?

— Есть. Это Константин Георгиевич Паустовский. Первая его книга, которую я прочитал, называется «Далекie годы». Я был тогда пятиклассником. В книге Паустовский рассказывает о своем давнем детстве. И вот этот маленький Костик, герой книжки, стал моим настоящим другом. Мне казалось, что мы очень похожи. Оба любили читать, оба мечтали о море... Константин Георгиевич научил меня видеть необыкновенное в самых обычных вещах, чувствовать музыку нашего замечательного русского языка, вглядываться в мир, в людей... Мне, к сожалению, не удалось встретиться, познакомиться с Паустовским, но я считаю его своим учителем. Мне кажется, что без книг этого замечательного мастера слова я просто не смог бы стать литератором... Кстати, Константин Георгиевич очень любил эти крымские места. Особенно Севастополь. И я тоже люблю. Севастополь для меня вторая родина...

Севастополь, очень теплый сентябрь. Густые акации за окнами. Детская библиотека имени Гайдара. Обжаренные крымским солнцем пацанята и девочки расселись кто где. Белобрысый четвероклассник Ромка сидит на подоконнике, обхватив забинтованное колено. Левая рука его по локоть в гипсовом лубке. Этот гипс он поднимает над головой.

— А скажите, пожалуйста, что вы любите больше всего на свете? Кроме своего писательства?

— Да, вопросик... Не знаю даже... Очень многое люблю. Вообще жизнь люблю. Особенно, когда она хорошая...

— А вареники с вишнями любите?

— Еще бы!

— Тогда пойдемте к нам в гости! Мама как раз их сегодня обещала налепить.

— А не заругает нас мама-то?

— Не-ет!

— Ну... пойдём.

Заседание школьного литературного клуба в одной из московских школ. Смуглый, очень серьезный девятиклассник нерешительно гладит длинноволосую прическу, потом говорит:

— Я читал у Паустовского, что автор... когда он кончает какую-то свою книгу, он... ну, весь такой измученный и чувствует опустошение. Будто прощается навсегда со своими героями. И кажется ему, что он больше ничего не напишет... У вас так бывало?

— Да, это знакомое ощущение. Когда заканчиваешь рукопись, здесь и радость, и в то же время печаль. И действительно ощущение какой-то опустошенности... Но, по правде говоря, у меня это не было связано с большими душевными драмами. Потому что с написанной повестью или романом никогда не прощаешься навсегда. Написал, передохнул, и надо перепечатывать рукопись. Надо ее редактировать, иногда переписывать большие куски. Вот и возвращаешься снова в мир своих героев... Потом тебе дают корректуру — типографские оттиски текста, который будет печататься в журнале или книге. Значит, снова надо читать, править, жить в мире знакомых персонажей и событий... Ну, а кроме того, если соскучился по своей законченной рукописи, всегда можешь взять и перечитать... А бывает еще одна встреча со своими героями — это когда художник сделал иллюстрации к твоей книжке. Тут смотришь на них, на героев, как бы со стороны, под неожиданным углом зрения...

Встреча в Центральной детской библиотеке Екатеринбурга. Две девочки четырьмя руками держат одну книжку.

— Владислав Петрович, мы ее только что купили, это «Пистолет капитана Сундуккера». Тут написано «рисунки автора». Вы часто сами делаете картинку для своих книжек?

— Ну, во-первых, здесь не только рисунки автора. Эту яркую красивую обложку с корабельным колоколом нарисовал мой сын, Павел. Он не раз иллюстрировал мои книги... А что касается моих рисунков, то они появляются не часто. Только когда возникает какая-нибудь «экстренная ситуация». Например, несколько лет назад журнал «Урал» решил издать в специальном номере мою повесть «Чоки-чок...», и встал вопрос: печатать без рисунков или приготовить их в течение недели. Никакой уважающий себя художник-график (даже родной сын) не возьмется сделать за это время три десятка иллюстраций. Это было бы легкомысленно, а художники привыкли относиться с уважением к своей работе. Я же — не профессиональный иллюстратор, поэтому бываю подилетантски нахален. Взял и сделал все рисунки в нужный срок... Примерно то же получилось и с книжкой о капитане Сундуккере, и с повестью «Страна Синей Чайки», и со словарем «Крато-крафан». Пользуясь случаем, я хочу попросить прощения у читателей за весьма непрофессиональный уровень этих рисунков. О славе графика я никогда не мечтал и рисовал, потому что время «брало за горло». Настоящим иллюстратором я, конечно, никогда не стану, у меня просто не хватает терпения вырисовывать детали, по несколько дней сидеть над одним рисунком, как это делают мастера...

Встреча в районной библиотеке на Уралмаше. Серьезная семиклассница (пошептавшись с подругой):

— Не могли бы вы объяснить, каким образом рождаются литературные сюжеты?

— Я постараюсь, хотя объяснять это не просто. Дело в том, что каждый раз это случается по-разному...

В шестьдесят третьем году я был в гостях у ребят пионерского лагеря «Искорка». Жил там несколько дней, катался с мальчишками и девочками на лодке, ходил в поход, сидел у вечерних костров. И, конечно, «наблюдал жизнь». Не специально, а по привычке. И видел все эти дни, как за мальчиком-шестиклассником ходит по пятам робкий папаненок лет семи — очень мечтает подружиться с большим мальчишкой. Не знаю уж, чем этот шестиклассник Вовка притягивал к себе малыша... Сначала отношения

у них не клеились, но перед самым своим отъездом я вдруг увидел, как эти двое идут рядышком, старший по-дружески обнимает маленького за плечо, что-то рассказывает ему, а малыш смеется, как совершенно счастливый человек...

Так появилась мысль о повести «Оруженосец Кашка». И очень многое из того, что я видел в «Искорке», вошло в нее. Видимо, неплохой получился сюжет, раз повесть переиздают до сих пор, уже больше тридцати лет, и перевели на несколько иностранных языков...

А вот другой пример. Однажды приснился мне удивительный, космический сон. Будто я один в звездолете. В общем-то само это обстоятельство не казалось мне во сне странным, хотя был я в тысячах парсеков не только от Земли, но и от всех обитаемых и необитаемых миров. Поразило другое: вдруг в рубке появился мальчишка лет десяти — совершенно земной, очень похожий на приятелей моего детства... Этот сон и стал толчком для работы над трилогией «Голубятня на желтой поляне». Первый эпизод притягивал к себе потом разные случаи — и те, которые я наблюдал в жизни, и те, которые придумывал...

Вообще же можно сказать так: сюжет складывается из первоначального эпизода, многих наблюдений и фантазии автора...

В той же библиотеке. Следующий вопрос (от быстроглазого, непоседливого пятиклассника, которого девочки называют почему-то Бубликом):

— А у вас есть книжки про животных?

— Одна из первых моих повестей называется «Белый шенок ищет хозяина». Речь там идет о приключениях щенка-лайки, который отстал от хозяина-охотника и нашел друзей среди ребят городской окраины... Больше я не делал животных главными героями своих книг. Но все же писал о них немало. О козе Липе, которая разогнала компанию вредных мальчишек; о петухе Кригере, умеющем путешествовать в космосе; о собаке Султане, вошедшем на лыжах своего хозяина Толика; о большущем морском крабе, который подарил ребятам волшебную жемчужину; о коте по имени Кыс — он был верным другом мальчишка Петьки Викулова из романа «Кораблики»...

— А у вас дома есть какие-нибудь звери?

— Есть два кота: Макс и Тяпа. Макс — пожилой, добрый, очень любит сидеть у меня на руках. А Тяпа — хулиган и проныра, везде сует свой нос. О них я тоже писал в своих повестях.

Севастополь, встреча с ребятами из местного Клуба любителей фантастики. Строгая, молчавшая в течение всей встречи девушка «под завязку» задает вопрос:

— Вы столько написали про разные далекие миры, про параллельные пространства. А вы верите, что они существуют на самом деле?

— Да, верю. На сто процентов.

Читательская конференция в одной из первоуральских школ. Строгая шестиклассница в очках, которые поблескивают обличительно:

— Владислав Петрович, ваши книги очень интересные, но скажите, пожалуйста, почему вы пишете только про мальчиков, а про девочек не пишете никогда?

— О-о-о... Сколько раз я уже слышал от вас, дорогие девочки, этот вопрос, и сколько приходилось оправдываться!.. Что же, начну опять... В шестьдесят третьем году я был участником Четвертого Всесоюзного совещания молодых писателей. Занимался в так называемой детской секции, то есть среди тех авторов, которые писали для детей. Руководил нашим семинаром Лев Абрамович Кассиль — автор замечательной книжки «Кондуит и Швамбрания» и других известных романов и повестей. Великолепно руководил, общался с нами без всякой важности, как с товарищами. Но я все-таки стеснялся знаменитого писателя и, сидя за общим столом, старался укрываться за громадной лампой, сделанной в виде китайской вазы. Наконец Лев Абрамович поинтересовался:

— А что это нашего свердловского делегата опять не видно?

— Да вот он, за лампой, — тут же безжалостно выдал меня волгоградец Юра Мишаткин.

— Гм... Этак можно подумать, что нашему уральскому коллеге «всё до лампочки», — усмехнулся любимый мною классик. Я тут же, красный и взъерошенный, «высунул наружу». И в таком «высунутом» состоянии прослушал рассказ Льва Абрамовича о том, как нелегко бывает выступать перед юной читательской аудиторией.

— Вам этого тоже придется хлебнуть на своем веку... Имейте в виду, что часто вас будут мучить одними и теми же вопросами... Меня, например, то и дело спрашивают: «Почему вы много пишете о мальчиках и мало о девочках?»

— И что вы отвечаете? — робко подал я голос, показывая тем самым, что мне не «все до лампочки».

— Отвечаю кратко и честно: потому что сам я в детстве был

мальчиком и никогда не был девочкой... Как правило, ответ находит понимание...

И я, дорогие друзья, могу лишь повторить ответ Льва Абрамовича Кассиля. Я тоже был мальчишкой, а девочкой никогда не был. А ведь всякий детский писатель в своих книжках так или иначе использует опыт собственного детства.

Однако должен заметить, что слова, будто я вовсе не пишу о девочках, несправедливы. Да, главные герои у меня мальчишки, но и девочек в моих книжках хватает. Вспомните Данку в «Голубятне на желтой поляне», решительную Вику и своенравную Катю в «Мушкетере и фее», заботливую Соту в «Детях синего фламминго», добрую Иринку в «Журавленке и молнии»... Да почти в каждой книжке хватает девочек, потому что мальчишкам без них жилось бы на свете трудно и скучно...

Тюмень. Группа ребят провожает меня из школы, где была встреча, до гостиницы. Присели на скамейку в сквере у цирка. Бело-брысый (как я в детстве) мальчик, который все время заботливо держит подаренный мне букет:

— А можно задать еще один вопрос, я в школе не успел?

— Конечно!

— Скажите, а вы, когда были маленький, мечтали о какой-нибудь... ну, самой-самой такой... заветной игрушке?

— Мечтал. Правда, не совсем об игрушке. Мне с давнего дошкольного детства хотелось, чтобы у меня был глобус. Большой, голубой и пестрый, блестящий. Чтобы его можно было разглядывать и вертеть на подставке. Мне казалось, что он приблизит меня к дальним морям и странам и даже к космосу. Казалось даже, что я буду полностью счастлив... Но глобусы тогда, во время войны, не продавали. Я пытался смастерить глобус сам: из глины, из мяча, но это было всё не то... Теперь у меня дома есть глобус, даже не один. Но оказалось, что для полного счастья этого почему-то мало....

Мальчик забыл про цветы и рассеянно возит букетом по траве.

— А что надо... для полного?...

— Ну-у, дорогой мой... Тут как в старом студенческом анекдоте: «Вы обещали задать один вопрос, профессор, а это уже второй...»

Не каждый читатель может попасть на встречу с писателем, это уж кому как повезет. А письмо написать может каждый. К тому же в письме можно задать такие вопросы, которые не всегда решишь высказать при многочисленных слушателях. И потому в редакцию приходят письма. Вот одно из последних.

...Я еще не взрослый, мне четырнадцать лет, и сейчас я пишу повесть о своем недавнем детстве. Посоветуйте, пожалуйста, как стать настоящим детским писателем...

Петр К., г. Вентспилс, Латвия.

Чтобы стать писателем — и детским, и взрослым, — нужны литературные способности. Это уж кому как повезет. Думаю, у тебя они есть, раз ты с такой смелостью и желанием взялся за повесть. Надо сказать, они встречаются у многих ребят, потому что почти все дети рождаются талантливыми. Но необходимо еще уметь эти способности превратить в реальный результат — в рассказ, в повесть, в роман. В книгу. Тут-то и начинаются трудности.

Я знал немало молодых людей с литературным талантом, которые не могли закончить ни одной своей рукописи. Потому что талант — это лишь одна часть писательского дарования. Вторая, не менее важная, — усидчивость, способность заставить себя трудиться, не отступать от своего замысла. С трудолюбием приходят опыт и умение. И талант крепнет...

Надеюсь, трудолюбия у тебя хватит. Скрипи зубами и не выходи из-за стола, если даже кажется, что ничего у тебя не получается. Со временем получится...

1998—2003 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Крапивин, Владислав Крапивин

АЛЫЕ ПЕРЬЯ СТРЕЛ. Трилогия

Предисловие младшего соавтора	7
<i>Книга первая.</i> Алые перья стрел	9
<i>Книга вторая.</i> Каникулы Вершинина-младшего	47
<i>Книга третья.</i> Шесть лет спустя	162

Владислав Крапивин

СЦЕНАРИИ И ПЬЕСЫ

Три мушкетёра. <i>Сценарий игрового любительского фильма</i>	311
Белоснежка и семь гномов. <i>Киносценарий</i>	324
Жили-были барабанщики... <i>Фильм-сказка</i>	336
Пробки от графина... <i>Пьеса</i>	348
Манекен Васька. <i>Киноповесть</i>	381
В ночь большого прилива. <i>Пьеса</i>	412
Дети синего фламинго. <i>Пьеса</i>	447
Еще одна сказка о Золушке. <i>Пьеса</i>	505
Летчик для особых поручений. <i>Сценарий</i>	543

ОЧЕРКИ

Солнце над морем	615
Ветер	621
Мальчик со шпагой	630
Одиннадцатилетний полководец	639
Из кубинского дневника	642
След Каравеллы	646
Паруса	662
Командорская каюта	670